

99 $\frac{16}{132}$ / 26

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXVI

ДРЕВНЕРУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
И РУССКАЯ
КУЛЬТУРА
XVIII—XX ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград • 1971

Редакторы

Л. А. ДМИТРИЕВ, Д. С. ЛИХАЧЕВ (ответственный редактор),
М. А. САЛМИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

История культуры движется и развивается не только путем изменений внутри этой культуры, но и путем накопления культурных ценностей. Ценности культуры не столько меняются — сколько создаются, собираются или утрачиваются.

Особенное значение имеет отношение одной культуры к другой, формы и типы усвоения предшествующих или иностранных культур.

Великий и классический пример жизни культуры в других культурах представляет собой античность.

Ценности античности пережили различные трансформации в европейской культуре и постоянно обогащали ее собой. Первый этап усвоения античности — это период «варварской культуры», варварского стиля VI—X вв., приведший к «Каролингскому ренессансу». Второй этап — обращение античности в недрах романского стиля. Новой стороной античности вошла в готическое искусство, которое отнюдь не было ей чуждо. Ренессанс представляет собой по существу «четвертое открытие античности». Пятое открытие античности наступило в конце XVIII в. и было особенно интенсивным в начале XIX в. В этом новом открытии античности, как и во всех предшествующих, играли роль не только ученые, но и философы, писатели, архитекторы, скульпторы, живописцы и т. д. Ученые сочинения Винкельмана, литературные произведения Гете и Шиллера, живопись Давида и Менгса и многих других, а в России — Гнедич, Ф. Толстой, Мартос и многие другие — были теми ступенями, с помощью которых поднималось наше усвоение античности, а вместе с тем и наша собственная, европейская культура.

Однако усвоение античности — не единственный пример обращения к предшествующим культурам: барокко обращается не только к античности, но и к готике, романтизм обращается к готике и барокко и т. д. Для каждого культурного единства характерно свое, своеобразное обращение к прошлому и свой выбор питающих его культур.

Для России XVIII—XX вв. одним из основных вопросов ее культурного своеобразия был вопрос об отношении русской культуры нового времени к культуре древней Руси.

Это отношение новой России к древней также прошло несколько этапов, каждый из которых оставил свой след в развитии поэзии, литературы, живописи, архитектуры и философии, а также в общественной мысли нового времени.

Первым этапом отношения к древней Руси была сама Петровская эпоха. Всем своим существом Петровская эпоха была выражением отношения новой России к древней. Этап этот ждет еще своих исследований.

И современники Петра и последующие поколения ясно ощущали, что политические успехи Петра создали из старой Руси новое европейское

государство. Это уже было высказано канцлером Петра графом Головкиным, И. И. Неплюевым и др. Петр воспринимался как творец современной России, и эта современная Россия казалась полной противоположностью древней.

Однако те представления о древней Руси, которыми в основном живет XIX век и которые до сих пор чрезвычайно распространены, в основном сложились в первой половине XIX в. (вернее, в первой четверти XIX в.).

Это было время начала научной разработки русской истории. Но только начало. Искусство, письменность, быт древней Руси еще не были изучены. Петровские реформы оставались злобой дня еще и в первой половине XIX в., и оценка древней Руси в начале XIX в. была неразрывно связана с оценкой петровских реформ.

Древняя Русь воспринималась через петровские реформы. Больше того, петровские реформы заслоняли собою древнюю Русь.

Люди XIX в. повсюду видели вокруг себя то, что было реформировано Петром, и то, что оставалось нетронутым его преобразованиями. Нетронутыми петровскими реформами оказались по преимуществу низшие слои общества — крестьяне. И вот отсюда у людей XIX в. сложилось впечатление, что быт крестьян и вообще быт низших слоев населения это и есть быт древней Руси; культурный уровень крестьян — это культурный уровень древней Руси.

Далее. Петр был действенным, активным началом в русской жизни; поэтому по контрасту с его деятельностью вся допетровская Русь представлялась неподвижной, косной, замшелой.

Далее. Петр обратил Русь к Западной Европе, поэтому допетровская Русь представлялась отгороженной от Европы китайской стеной.

Далее. Русь конца XVII в., т. е. непосредственно предпетровская, отождествлялась со всей Русью. Как будто бы забывалось, что древняя Русь имеет семивековое развитие. Так возникло частично сохраняющееся еще и сейчас в обывательской среде отождествление быта, нравов, искусства конца XVII в. с культурой всей древней Руси на всем протяжении ее развития.

О чем бы и о какой бы эпохе древней Руси ни писалось (о Киевской Руси, о Москве, о Пскове, о XII, о XIII, о XV вв.) — всюду древняя Русь изображалась предпетровской — XVII века.

В развитии этих представлений о древней Руси существенное значение имела записка Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Она была написана им в 1811 г., но стала широко известной с 30-х годов XIX в., после опубликования ее в заграничной печати. Именно в этой записке Н. М. Карамзина было высказано то ошибочное положение, которое стало затем избитым местом во всех суждениях о древней Руси, — о едином, неизменном и крестьянском характере культуры древней Руси. Крестьянин XIX в. был полностью отождествлен со всеми людьми древней Руси от верху и до низу. «Петр ограничил свое преобразование дворянством, — писал Карамзин. — Дотоле, от хана до престола, россияне сходствовали между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях. Со времен Петровых, высшие степени (т. е. высшие слои населения, — Д. Л.) отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах».

Суждения Карамзина отразились и во взглядах славянофилов и во взглядах их противников. И так называемые западники, и славяно-

филы одинаково выделяли основные признаки культуры древней Руси, но только у одних эти признаки стояли со знаком минус, а у других — со знаком плюс.

Именно такие представления о древней Руси мы встретим и у Белинского,¹ и у славянофилов. Славянофилы видели в Руси «земское», т. е. в их понимании «мужицкое», царство, земледельческое по преимуществу. Ведь не случайно представитель древнего русского рода — Рюрикович по происхождению, ценивший в себе эту древность рода, — К. С. Аксаков ходил в крестьянской поддевке и по-крестьянски стригся в кружок, полагая, что так делали все в древней Руси.

На основании наблюдений современного славянофилам крестьянства они создали знаменитую тсорию общинного землепользования, объявленную «нравственным союзом людей».² Идеализировались верования, быт и нравы крестьянства, подражать которым стремились славянофилы. Крестьянский, замкнутый, неподвижный и «бессознательный» характер культуры древней Руси подчеркивался в их статьях. Ив. Киреевский писал: «... до сих пор национальность наша была национальность необразованная, грубая, китайски-неподвижная».³ Он отрицал существование искусства в древней Руси.⁴ Существование искусства в древней Руси отрицали и Григорович и другие славянофилы. Ив. Киреевский почти не расходится с Белинским, говорившим об «азиатской созерцательности» древней Руси, но только высказывает это другими словами. Он пишет о «естественных, простых и единодушных отношениях», о законах, вылившихся «из бытового предания и из внутренних убеждений».⁵ Он говорит о «простоте жизненных потребностей» в древней Руси,⁶ о «тяжелом закосиснии», об «ощепенении духовной деятельности», которое было следствием татарского ига.⁷ Он отмечает простонародный, крестьянский характер народности: «... у нас искать национального, значит искать необразованного».⁸

То же повторяет Киреевский и в статье «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России». По мнению Киреевского, просвещение России следует искать «в нравах, обычаях и образе мыслей простого народа».⁹ «Русский быт, созданный по понятиям прежней образованности и проникнутый ими, еще уцелел, почти неизменно, в низших классах народа».¹⁰ Ив. Киреевский в статье «Девятнадцатый век» писал: «Какая-то китайская стена стоит между Россией и Европою, и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада; стена, в которой Великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери».¹¹

Знаменательно, что это было написано Киреевским в 1832 г., а в 1833 г. Пушкин создавал «Медного всадника», где писал об окне

¹ См.: В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, М.—Л., стр. 261.

² К. С. Аксаков. Сочинения исторические. М., 1889, стр. 58.

³ И. В. Киреевский. Горе от ума — на Московском театре (1832). — В кн.: И. В. Киреевский, Полн. собр. соч. в двух томах, т. 2, М., 1911, стр. 60—61.

⁴ И. В. Киреевский. Письмо А. И. Кошелеву (1828). — Там же, стр. 215.

⁵ И. В. Киреевский. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (1852). — Там же, т. 1, М., 1911, стр. 207.

⁶ Там же, стр. 218.

⁷ И. В. Киреевский. Девятнадцатый век (1832). — Там же, стр. 102.

⁸ Там же, стр. 105.

⁹ Там же, стр. 174.

¹⁰ Там же, стр. 203.

¹¹ Там же, стр. 95.

в Европу, ссылаясь, впрочем, в примечании не на Киреевского, а на Альгаротти.¹²

Так же как и Белинский, Ив. Киреевский рассматривает Новгород и Псков как историческую случайность. «У нас также были Новгород и Псков; но внутреннее устройство их (занятое по большей части из сношений с иноземцами) тогда только могло бы содействовать к просвещению нашему, когда бы ему не противоречило все состояние остальной России. Но при том порядке вещей, который существовал тогда в нашем отечестве, не только Новгород и Псков должны были быть задавлены сильнейшими соседями, но даже их просвещение, процветавшее столь долгое время, не оставило почти никаких следов в нашей Истории, — так несогласно оно было с целою совокупностью нашего быта».¹³

Мысли Чаадаева о древней Руси и о России в целом обнаруживают черты сходства с мыслями славянофилов: «...мы заимствовали первые семена нравственного и умственного просвещения у растленной, презираемой всеми народами Византии».¹⁴ Он подчеркивает крестьянский, деревенский характер древней Руси: «Мир пересоздавался, а мы прозябали в наших лачугах из бревен и глины».¹⁵ Он отмечает азиатскую созерцательность: «Всегда поражала меня эта немота наших лиц».¹⁶ В письме к А. И. Тургеневу он подчеркивает стихийность, бессознательность русской истории: «Мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать».¹⁷ Он подчеркивает отъединенность русской истории: «Уединившись в своих пустынях, мы не видали ничего, происходившего в Европе. Мы не вмешиваемся в великое дело мира».¹⁸

Чаадаев перенес распространенную в его время характеристику древней Руси на всю Россию, в том числе и на современную ему, и придал ей резко отрицательное значение. В этом было одно из существенных отличий его взглядов на древнюю Русь от взглядов славянофилов.

Мы не обсуждаем сейчас интереснейшей, важной и далеко еще не оцененной по достоинству философской позиции славянофилов и их общественных воззрений, однако в своих воззрениях на древнюю Русь они были мало оригинальны. Более того, они мешали открытию ценностей искусства и литературы древней Руси и их подлинному пониманию.

Неудивительно, что представления о древней Руси как о крестьянском царстве, в котором и верхи, и низы общества жили одной и той же малоподвижной и в общем низкой культурой, были широко распространены и за пределами славянофильства. В частности, они проникли и в немецкие истории всеобщих искусств: Куглера, Э. Ферстера, Шназе. Эти истории искусств переводились затем на русский язык, и здесь эти ограниченные представления возвращались на родную почву — в Россию, но уже с ярко выраженной враждебной к русской культуре окраской. С этими взглядами боролся еще Буслаев, но отрицательное отношение к древнерусскому искусству и непонимание древнерусской культуры продолжало чувствоваться долго.

¹² «Альгаротти где-то сказал: „Petersborug est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe“» (примечание Пушкина к «Медному Всаднику»).

¹³ И. В. Киреевский. Девятнадцатый век. — Полн. собр. соч. в двух томах, т. 1, стр. 99.

¹⁴ Письмо первое. — В кн.: П. Чаадаев. Философические письма. Казань, 1906, стр. 12.

¹⁵ Там же, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 10.

¹⁷ П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. I, М., 1913, стр. 216.

¹⁸ Письмо первое. — В кн.: П. Чаадаев. Философические письма, стр. 13.

Стоит ли говорить о том, что от Загоскина и до Мордовцева русская историческая беллетристика, разрабатывавшая тему древней Руси, в иных случаях сильнее, а в иных — слабее, находилась под влиянием тех же, выработавшихся еще в начале XIX в. представлений об уравнительном, одинаковом для всех сословий характере культуры древней Руси. Ни по языку, нарочито грубому, мужицкому (пуцай, пошто, дюже, не замай, таперича), ни по платью (только более богатому), ни по своим привычкам представители высших сословий не отличались в этой дореволюционной беллетристике от крестьян, ремесленников, купцов. Князь и крестьянин, боярин и крестьянин жили одинаково: разница заключалась в обилии яств, в ценности платья, словом, в важности и количестве издержек, и только.

Следует сказать, однако, что эти ошибочные концепции наших философов и публицистов XIX в. оказали только некоторое влияние на исследователей, исторических романистов, поэтов, художников и музыкантов. Подлинное освоение культуры древней Руси проходило мимо господствовавших концепций. Поэтому огромное значение имеет пристальное исследование того, как памятники культуры древней Руси конкретно отражались в новой русской культуре.

Подлинное отношение новой русской культуры к древней Руси лежит в продолжении тем, сюжетов, мотивов древней Руси, в освоении ее художественных достижений, в художественном проникновении в древнерусскую жизнь, историю и культуру.

Статьи данного тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» посвящены конкретным исследованиям претворения памятников древней русской литературы в культуре новой России.

Показать значение литературы древней Руси в новой русской культуре — такова задача этого тома.

В основном статьи выросли на основе докладов, прочитанных и обсужденных на конференции Сектора древней русской литературы Института русской литературы АН СССР, происходившей в мае 1969 г. в Ленинграде и посвященной той же теме, которая стоит в заглавии данного тома.

Д. С. Лихачев.

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Библейские афоризмы и русские пословицы

Изучение фразеологии русского литературного языка обнаруживает в нем довольно значительное количество устойчивых библейских словосочетаний типа поговорок, «крылатых слов» и собственных имен, ставших нарицательными для выражения определенных свойств человека и его поведения (Адам, Ева, Каин, Мафусаил, Ной, Иуда, Фома и т. д.). Наиболее полно (167 примеров) эта библейская струя в литературном языке выделена в третьем издании книги: «Н. С. Ашукин. М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» (М., 1966). Здесь при каждом стилистическом выражении такого рода указан его библейский источник и даны примеры его применения в литературе XIX—XX вв.¹

Особого внимания заслуживает та часть библейской стилистики, которая, пройдя через литературную речь книжно образованных людей, влилась в общий поток народных пословиц, поговорок и «пословичных изречений» (термин В. И. Даля). Четыре примера такого рода выражений, со ссылкой на сборники пословиц XVII—XIX вв. и на литературные произведения, по преимуществу XIX—XX вв., включены в «Словарь русских пословиц и поговорок. Составил В. П. Жуков» (издание второе, стереотипное, М., 1967). Здесь объясняется происхождение следующих выражений: «Бездна бездну призывает» (стр. 41), «В чужом глазу сучок видим, а в своем (и) бревна не замечаем» (стр. 73), «Не единым хлебом (будет) жив человек» (стр. 281), «Око за око, зуб за зуб» (стр. 322).

Путь, каким в устную речь, а через нее и в фонд народных пословиц проникала библейская стилистика, не всегда проходил только непосредственно через библейские книги. Конечно, Псалтырь, например, много веков бывшая первой книгой для чтения, по которой учились грамоте и текст которой прочно запоминался, оставляла следы в литературной письменной и устной речи в течение всего средневековья. Запоминались и те отрывки из ветхозаветных книг, которые входили в Паремийник, отрывки из евангелий и апостольских посланий, которые также читались во время церковной службы. Однако посредниками в передаче многих мыслей библейской литературы были часто и особые сборники изречений (Пчела, Менандр, «Разумения единострочные», «Священные параллели» и т. д.), куда в большом количестве входили и выборки из афористических ветхозаветных книг (Иисуса сына Сирахова, Соломона и от-

¹ Значительно менее полно, со ссылками в большинстве примеров на второе издание книги Ашукиных (1960 г.), эта библейская стилистическая струя представлена в книге: Фразеологический словарь. Под редакцией А. И. Молоткова, М., 1967.

дельные стихи Псалтыри), и цитаты из евангелий и апостольских посланий. Подбором изречений из этих сборников пользовались и древнерусские писатели, подкрепляя авторитетом Библии собственные мысли и суждения.

Вот почему уже в старших записях пословиц и поговорок, сделанных в XVII и XVIII вв., немало явно книжных изречений и среди них таких, которые более или менее точно воспроизводят библейские афоризмы. Не случайно в сборнике конца XVII в. есть уже и иронический отклик на некоторые из этих изречений: «Исус Сирахов насказал много страхов».²

Однако буквальные цитаты-изречения не характерны для бытования библейских афоризмов рядом с народными по происхождению пословицами. Обычно в той или иной мере самая книжная форма перестраивается: изречение становится лаконичнее, иногда приобретает ритмичность, а порой и рифму. Приведу ряд примеров, показывающих разную степень обработки литературных изречений, первоисточником которых является Библия, хотя распространились они чаще через посредствующие звенья.

Из ветхозаветных авторов чаще всего вспоминаются в пословицах изречения Иисуса сына Сирахова (Сираха). В сборнике Даля³ короткая, но допускающая широкое применение пословица «Горшок котлу не товарищ» (стр. 663) не может не напомнить включенное в «Пчелу» рассуждение — совет Иисуса Сираха: «Крепльшему себе не прикасайся: кое бо причащение горнюцю к котлу — сам же прикоснется, сам же скрушиться».⁴ Аналогичный совет избегать столкновений с сильным, богатым дается от имени Иисуса Сираха и другим изречением: «Не брани ся с человеком сильным, бои ся, абы не упал в руде его; не сварися с мужем богатым, абы не накупил на тебе суд» (Сборник ГПБ Ф. I. № 4, XV в.). Пословица в записи начала XVIII в. кратко выражает эти советы: «С сильным не борись, а з богатым не тяжись».⁵

Афоризм Иисуса Сираха (под его именем включенный в Изборник Святослава 1076 г.,⁶ стр. 362—363) — «Мъзда и дарове ослепляют очи мудрых, да видяштеи не видять» точно передается пословицами: «Мзда и премудру мужу ослепляет очи» (Симони, стр. 120) или «Дары и мудрых ослепляют» (Даль, стр. 174). В том же Изборнике (стр. 322) находим изречение Сираха: «Не буди скор языкъм своимъ и ленив и слаб в делех своих», чему соответствует в сборнике Даля пословица: «Не спеши языком, не ленись делом» (стр. 564). В разделе «о женах добрых» Изборник цитирует афоризм Сираха: «Жены добры блажен есть муж ея» (стр. 383); в записи Даля находим очень близкую его передачу: «Доброю женою и муж честен» (стр. 370). Изборник помещает и такое пессимистическое утверждение Сираха: «Луче есть съмърть паче живота горька» (стр. 352). Ему вторит пословица: «Лучше смерть, нежели зол живот» (Даль, стр. 285). Из афоризма Сираха, включенного в Пчелу (стр. 75), — «Добро творити луче взятъя, и милостыни честь-

² П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899, стр. 110. (Далее: Симони).

³ В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957. (Далее: Даль).

⁴ В. Семенов. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893, стр. 40. (Далее: Пчела).

⁵ Сборник пословиц б. Петровской галереи. — В кн.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.—Л., 1961, стр. 34. (Далее: Петр.).

⁶ Изборник 1076 года. Под ред. С. И. Коткова, М., 1965. (Далее: Изборник).

Притчи Соломона учат сдерживать гнев: «Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость» (гл. 15, ст. 1); «...язык же мягок сокрушает кости» (гл. 25, ст. 15) — ср. там же: «Унылый дух сушит кости» (гл. 17, ст. 22), ср. в сборнике Даля «Кроткое слово гнев побеждает» (стр. 751 и варианты о «ласковом», «покорном» слове — стр. 212, 216, 418).

Изречение Сираха о ценности вовремя оказанной «милостыни» — «Творяя милостыню в время печали яко и облак дождевныи во время бездожья» (Пчела, стр. 74) или вариант, помещенный в Изборнике — «Красьна есть милостыни в время скърби, яко же и облаци дъждевныи в время ведра» (стр. 352—353), отозвались краткой пословицей, передающей лишь первую часть афоризма: «Честна милостыня во время скудости» (Симони, стр. 154; Петр., стр. 38; Гатищев, стр. 52).

Прочно закрепился в пословице следующий текст двух псалмов Псалтыри — 7 и 56: «Ров издры и ископа и въпадеша в яму, юже створи» или вариант второй части: «...да сам же в него впад» (пс. 7, ст. 16); или в псалме 56, ст. 7: «Ископаша пред лицем моимъ яму и въпадешася в ню».¹⁰ Пословица очень близко повторяет этот текст, но строит его в форме прямого обращения-совета: «Не копай под другом ямку, сам ввалишься» (Симони, стр. 124). Этот вариант, относимый к «другу», повторяется в записях до XIX в. включительно, но Даль приводит пословицу, имеющую отношение, как и текст псалмов, к козням против людей вообще: «Не рой под людьми яму — сам ввалишься» (стр. 194).

Отдельные образы и словосочетания евангельских и апостольских текстов широко влились в литературный язык почти как цитаты и встречаются нередко и у современных писателей, как показано в книге Н. С. и М. Г. Ащукиных «Крылатые слова». Рано оторвавшись от содержащего их текста, немало таких новозаветных изречений стало расцениваться как пословицы и поговорки.

Уже в сборник пословиц конца XVII в. включаются без изменения следующие евангельские и апостольские изречения: «Не требуют здравия врача, но болиции» (Симони, стр. 124 — ср. ев. Луки, гл. 5, ст. 31); «Много званых да мало избранных» (Симони, стр. 121 — ср. ев. Матфея гл. 20, ст. 16 и гл. 22, ст. 14); «Просите — дасться, ищите — обрящете» (Симони, стр. 133 — ср. ев. Матфея, гл. 7, ст. 7 и Луки, гл. II, ст. 9); «Вера без дел мертва есть» (Симони, стр. 84 — ср. Соборное Послание Иакова гл. 2, ст. 20); «Во многом глаголении несть спасения» (Симони, стр. 85 — ср. Матфея, гл. 6, ст. 7); «Ему же дано много, много и възыщется от него» (Симони, стр. 98 — ср. ев. Луки, гл. 12, ст. 48); «Слепец слепца ведутся, а оба в яму впадутся» (Симони, стр. 139 — ср. ев. Матфея, гл. 15, ст. 14 и ев. Луки гл. 6, ст. 39); «Достоин делатель мзды своя» (Симони, стр. 94 — ср. ев. Матфея, гл. 10, ст. 10 и ев. Луки, гл. 10, ст. 7) и т. д. В сборнике Даля число таких цитат-изречений еще больше, но иногда в них снимаются явные старославянизмы и допускаются пропуски, меняющие или даже искажающие смысл цитаты, например: «Без добрых дел — вера нема пред богом» (стр. 51), «От избытка уста глаголют» (стр. 122), «Не об одном хлебе сыты бываем» (стр. 304) и т. д.

Но все же подобные книжные сентенции так и остались лишь «пословичными изречениями», как называл их В. И. Даль, и не стали по своей стилистической форме приближаться к народным по происхождению

¹⁰ Арх. Амфилохий. Древлеславянская Псалтырь Симеоновская до 1280 года, т. I, М., 1880, стр. 31, 378.

пословицам. Как и ряд ветхозаветных афоризмов, некоторые евангельские изречения в устном бытовании, сохраняя несомненную связь со своим литературным первоисточником, заметно стремятся к большему лаконизму и ритмичности. Например, евангельское осуждение лицемерного поста — «Не входящее в уста сквернит человека, но исходящее из уст то сквернит человека» (Матфея, гл. 15, ст. 11) — пословица передает кратко: «Не сквернит в уста, а сквернит из уст» (Даль, стр. 265). Формула ев. Матфея — «Воззрите на птицы небесныя, яко ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы» (гл. 6, ст. 26) рано стала применяться в «мирской притче» о глупых: «Безумных бо ни сеют, ни орують, ни в житницы собирають, но сами ся родяты» (старшая редакция «Слова» Даниила Заточника, Зарубин, стр. 24). Так и в сборнике пословиц XVII в. сохраняется это употребление: «Дураков ни сеют, ни жнут — сами родятся» (Симони, стр. 93) и близкий вариант у Даля: «Дураков ни орують, ни сеют, а сами родятыся» (стр. 438).

В евангелиях (Матфея, гл. 7, ст. 3 и Луки, гл. 6, ст. 41) среди советов Христа не осуждать ближних один имеет такую форму: «Что же видиши сучец, иже есть во очеси брата твоего, бревна же, еже есть во очеси твоём, не чуеши». Разными путями этот афоризм был рано усвоен русской литературой, и уже в «Молении» Даниила Заточника мы находим его в упрощенном изложении: «Всяк видит у друга сучец во очию, а у себе ни бревна не видит» (Зарубин, стр. 63—64). В записи пословиц это изречение включается с XVII в. в форме, еще очень близкой к первоисточнику: «У друга сучок в глазе видишь, а у себя и бревна не чуешь» (Петр., стр. 335), а в сборнике Даля оно звучит так: «В чужом глазу порошинка — велик сучок, а в своем бревна не видать» (Даль, стр. 465) или короче: «В чужом глазу порошинку видишь, а в своем пенька не видишь» (там же).

В евангелии Луки (гл. 18, ст. 2) рассказывается о судье, который «бога не бояся и человек не срамляся» — ср. в сборнике Даля: «Ни бога не боится, ни людей не стыдится» (стр. 308). В ев. Матфея (гл. 7, ст. 6) совет: «Не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут его ногами своими» — ср. в сборнике XVII в. упрощенный вариант: «Не сыпь бисеру перед свиньями, да не попрут ево ногами» (Симони, стр. 124). Евангельский завет: «Не судите да не судимы будете» (ев. Матфея, гл. 7, ст. 1—2) повторяется в сборнике Даля двумя изречениями: «Не осуждай и осужден не будешь» и в ритмической форме «Не суди других, не осудишься от них» (стр. 736).

Если в приведенных примерах связь пословиц с определенными библейскими изречениями в большинстве случаев обнаруживается не только в самой заключенной в них мысли, но и в форме ее выражения, то гораздо чаще между книжными афоризмами и пословицами наблюдается лишь общность оценки того или иного явления, свойства человеческого характера и поведения. Возникшие в сходных условиях исторической действительности книжные и устные отклики на нее не могут быть на таком материале генетически связаны, но сопоставление их показывает, что многое в афористической литературе древней Руси, в частности в той, которая опиралась на библейскую традицию, находило отклик у читателей, самостоятельно вырабатывавших аналогичные суждения. Сила обобщения — идейного и художественного — оказалась настолько убедительной, что многие из этих книжных афоризмов сохраняют свою действенность в разных жанрах и современной нам литературы.

М. РААБ

Образ древнерусского человека в поэзии пушкинского времени

1. Древнерусская тема в поэзии

Обращение к историческим темам в русской, как и во всякой другой национальной литературе, не ограничивается какими-либо определенными периодами. Однако в эпоху романтизма такое обращение было наиболее интенсивным и целеустремленным. Это явилось, с одной стороны, результатом общеевропейского развития исторического сознания в результате французской революции; с другой стороны, играли роль и национальные факторы. Отечественная война 1812 года и позднее движение декабристов способствовали развитию исторического мышления в России, одним из проявлений которого явилось обращение к исторической тематике в литературе. В 20-е годы XIX в. ознакомление с отечественной историей помогало передовым писателям воплотить в жизнь эстетическое требование народности. В этой связи уже в романтизме создаются предпосылки для критического реализма. В середине 20-х годов путь к критическому реализму был открыт. Литература охватывает не только современную, но и историческую действительность.

Поэты пушкинской эпохи проявляют особый интерес к древнерусской истории.¹ Чаще всего их внимание привлекают такие темы, как 1) боевые подвиги древнерусских князей и воинов; 2) княжеские междоусобицы; 3) татарское иго; 4) падение Новгородской и Псковской городских республик.

Весьма показательны, что князья, связанные с образованием и укреплением древнерусского государства, сравнительно мало интересовали приверженцев революционного романтизма, оппозиционно настроенных по отношению к правительству. К числу таких князей относятся: Рюрик, который со времени Екатерины II осмыслялся как символ государственного абсолютизма, отчасти Владимир I (хотя народно-эпическая традиция создала известный противовес официозному его истолкованию), Ярослав Мудрый, Владимир Мономах и, наконец, московские великие князья, поскольку симпатии поэтов пушкинского времени были всегда на стороне городских республик Новгорода и Пскова, защищавших свои вольности.

Н. М. Карамзин в своей программной статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств»,² рекомендовал в качестве подходящих сюжетов: призвание варягов, кре-

¹ Ср.: Б. Томашевский. Пушкин, кн. 2. М.—Л., 1961, стр. 168.

² Вестник Европы, 1802, № 24, стр. 289—308.

щение Руси, правление Ярослава Мудрого и основание Москвы. И литераторы официозного направления неоднократно обращались к подобным темам. Напротив, передовые писатели старательно избегали всего того, что могло служить апологией идеи государственности. Поэты пушкинской эпохи — как сами декабристы, так и те, кто лишь косвенно соприкасался с декабристским движением, — искали в древнерусской истории героя-патриота, в образе которого они могли бы дать эстетическое преломление своих идеалов.

В создании образа древнерусского героя поэты могли опереться на литературные и отчасти на фольклорные традиции, которые помогали им и при стилистической обработке произведения. Древнерусская литература непосредственно или в переработанном виде в «Истории государства Российского» Карамзина предоставляла различные возможности изображения эпического развития действия, которое в свою очередь обуславливалось жанровой структурой соответствующих произведений. Устный народный эпос древнего времени не сохранился в полном виде, тем не менее отзвуки старых героических песен и сказаний можно обнаружить в летописях и в некоторых повествовательных произведениях. Говоря о воздействии народно-эпического стиля, мы отнюдь не ограничиваем его только сферой языка и стиля, но видим его в самом создании образа человека-героя. Устный народный эпос в трансформированном виде продолжал существовать и в форме былин, так что поэты пушкинской поры на основании фольклора могли перерабатывать народно-эпические импульсы, проецируя их на прошлое своей страны. В этом смысле характерен жанр поэмы-сказки с его смешением исторических и фольклорных элементов.

От народно-эпического стиля ясно отличается агнографический стиль, рисующий нам совершенно иначе облик человека. Мы находим его прежде всего в литературе житий, но иногда он обнаруживается и в летописании, и мы не вправе оставить без внимания то обстоятельство, что религиозно-повествовательные приемы могли использоваться и в светской литературе и что поэты пушкинской эпохи опирались в этом отношении на традицию, идущую от сентиментализма и сохранившуюся в романтизме при изображении определенных аспектов действительности без какой бы то ни было религиозной тенденции. Образ человека народно-эпического стиля в наиболее чистой форме представляет собою «героя». В агнографическом же стиле человеческие образы поляризуются: «святому» противопоставляется «злодей».³ Такое расщепление на ярко выраженные крайности соответствует (как, между прочим, в другом отношении, и гиперболизм народно-эпического стиля) тяготению романтиков к необычным героям в необычных ситуациях.

2. Героические образы с гражданско-воспитательным содержанием

Героический образ человека в летописях создавался под влиянием народной эпики, что определило особый интерес к нему революционных романтиков. С X в. летописное повествование выдвинуло на передний

³ О понятиях народно-эпического и агнографического стилей и их влиянии на метод повествования древнерусских летописей см.: И. П. Еремин, «Повесть временных лет» как памятник литературы. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси

план две личности, жизнеописания которых, последовательно выдержанные в эпическом стиле, представляют собою ряд воинственных героических дел.⁴

Олег (ум. 912) в летописном предании с легкостью, типичной для эпического героя, преодолевает все препятствия на своем пути: он без боя берет Смоленск, Любеч, хитростью овладевает Киевом. Не встречая никакого сопротивления, побеждает он древлян, северян и радимичей. Затем идет на Царьград и при этом одолевает греков хитростью.⁵

Святослав (ум. 972) у летописца более воин, чем правитель. Суровая жизнь, которую он ведет с дружиной, должна была служить примером истинной воинской добродетели для будущих поколений. Известны слова Святослава, с которыми он, находясь в безнадежном положении, обратился к своим воинам: «Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраим земле Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам. Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою».⁶ Как замечает И. П. Еремин, элементы народного эпоса содержатся и в описании обстоятельств насильственной смерти Святослава.⁷

Карамзин в отношении характера повествования в основном придерживался народно-эпического стиля летописи. Как писатель он был чуток к поэтическим особенностям древнерусских источников. Но, стремясь к исторической объективности, он дополнил повествование «Повести временных лет» византийскими источниками. Так, например, он не изобразил исход битвы при Доростоле односторонне, как победу русских. Кроме того, он отмечал там, где это было необходимо, легендарный характер народно-эпического предания, которое он, между прочим, считал свидетельством раннего исторического сознания.⁸

Опираясь на народно-эпический стиль «Повести временных лет», Карамзин, тем не менее, не стеснял себя в своих попытках изобразить характер исторических лиц. Прямолинейная и в некоторой степени «геральдическая» характеристика средневековых летописей⁹ под пером Карамзина, использовавшего возможности литературы своего времени, благодаря индивидуализации и противопоставлению в первую очередь моральных качеств, превращалась в сложный характер. Карамзин считал главным изобразить «многообразие страстей»; возможно, что занятие Шекспиром вдохновило его на это.¹⁰ Как он дополнял суровую простоту летописного рассказа чувствительно-психологическими чертами характера, показывают следующие примеры:

М.—Л., 1966, стр. 76—97. (Далее: И. П. Еремин). Характеристику народно-эпического стиля (под термином «эпический стиль») см.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, М.—Л., 1958, стр. 70—79.

⁴ См.: И. П. Еремин, стр. 75—77. В дальнейшем мы уделяем основное внимание изображению древнерусских князей Олега и Святослава и оставляем в стороне образы князя Владимира, новгородских борцов за свободу и киевских витязей.

⁵ Повесть временных лет, ч. 1. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1950, стр. 24.

⁶ Там же, стр. 50.

⁷ И. П. Еремин, стр. 77.

⁸ Это относится, например, к эпизоду поставленных на колеса кораблей и к рассказу о смерти Олега. См.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. 3-е изд., СПб., 1830, стр. 154, 166. (Далее: Н. М. Карамзин).

⁹ См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 73.

¹⁰ Ср.: Л. И. Кулакова. Эстетические взгляды Н. М. Карамзина. — В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, стр. 74—75.

«Повесть временных лет»

И живяше Олег мир имаа ко всем странам, княжа в Киеве.¹¹

Князю Святославу възрастшу и възмужавшу, нача вои совокупати многи и храбры, и легько ходя, аки пардус, войны многи творяше.¹³

«История государства Российского» Н. М. Карамзина

Сей Герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. Никто из соседей не дерзал прервать его спокойствия.¹²

Сей князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностью отличить себя делами и возобновить славу оружия российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного героя летел в поле.¹⁴

Бросается в глаза, что созерцательно-конкретное сравнение «аки пардус» элиминировано Карамзиным.

Героические жизнеописания обоих князей с начала XIX в. воздействовали на фантазию русских патриотов.¹⁵ В упоминавшейся уже статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин связывает образы Олега и Святослава с проблемой русского национального характера. При этом он подчеркивал, что Святослав дорог русским уже потому, что «родился от славянки».¹⁶

В стихотворении «Святослав» (1812) С. Саларев выдвигает на первый план не героические черты жизни этого князя, а трагические; вспоминая о его насильственной смерти, он создает меланхолическую картину в оссианистском духе:

Героя тень во тьме блуждает
Окровавлена по холмам.¹⁷

Тень убитого Святослава, блуждающая по берегу Днепра, вдохновляла и Н. И. Гнедича в 1818—1820 гг.¹⁸

Когда К. Ф. Рылеев с декабристских позиций обратился в своих думах к образам Олега и Святослава, он, следовательно, мог опереться уже на известную традицию. Дума «Олег Вещий» передает не только мозаичный ряд событий, но и типичный для народной эпики беззаботный оптимизм летописи. Некоторыми деталями характера Рылеев обязан Карамзину. Так, например, в первой строке выражение «наскучив мирной тишиною»¹⁹ — почти дословное заимствование из «Истории государства Российского».²⁰

Легкость, с которой в летописном рассказе Олег одерживает победы над врагами, подчеркнута у Рылеева метафорическими средствами, причем метафоры и украшающие эпитеты опираются, с одной стороны, на эмоциональную динамику одической поэзии классицизма, а с другой —

¹¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 29.

¹² Н. М. Карамзин, т. I, стр. 164.

¹³ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 46.

¹⁴ Н. М. Карамзин, т. I, стр. 199.

¹⁵ Особое внимание героической личности Олега уделил и А. Писарев в книге «Предметы для художников, избранные из российской истории» (СПб., 1807, стр. 21).

¹⁶ Г. Макогоненко. Литературная позиция Карамзина в 19-м веке. — Русская литература, 1962, № 1, стр. 92.

¹⁷ Труды Общества любителей российской словесности, М., 1812, ч. 1, стр. 56.

¹⁸ См.: П. Тиханов. Николай Иванович Гнедич. Несколько данных для его биографии. СПб., 1884, стр. 73.

¹⁹ К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956, стр. 73. (Далее: К. Ф. Рылеев).

²⁰ Н. М. Карамзин, т. I, стр. 151.

являются в известной мере отголосками народно-песенного стиля (например: «полетел грозою»; «Днепр... напелясь, закипел»; «дружина храбрая героев... с веселием текла»; «седый Олег шумящей птицей»). Метафоризм народного эпоса особенно ярко проявляется в картине преодоления порогов Днепра дружинниками Олега (строфа IV). Интересно наблюдать, как Рылеев подчиняет некоторые элементы народно-эпического стиля своему методу изображения, стоящему на традиционной линии гражданского классицизма. И ниспровергающий все препятствия оптимизм, и возвеличенный описанием многих победоносных дел образ князя, производящий одностороннее впечатление, — все это подходит к художественной концепции Рылеева. Незапятнанному героическому Олегу, которому киевляне в гордом восторге дали прозвание «Вещего» (строфа XVII), противостоит трусливый и самовластно правящий царь Византии (строфа IX).

Образ Святослава встречается в трех думах Рылеева, но в думе «Ольга при могиле Игоря» и в отрывке «На гордой крутизне берегов» он лишь упоминается. Дума «Святослав» (1821) композиционно построена на противопоставлении двух временных планов — русский гусар стоит у берега Дуная на часах напротив вражеского турецкого лагеря и вспоминает в песне о победоносных битвах Святослава, происшедших на том же месте несколько столетий назад. В песне гусара передаются и подробности летописного рассказа о скромном образе жизни Святослава, и его речи дружинникам:

Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод,
Земля под войлоком — одром,
А пищею конина в голод.
«Друзья, нас бегство не спасет! —
Гремел герой на бранном поле, —
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей».²¹

Героизм Святослава, — так формулирует Рылеев идею своей думы, — переживет время и послужит примером русским воинам грядущих поколений. Дума оканчивается в современности — нападением русских на турок. В духе Святослава гусар бросается в битву:

И русский знамя водрузил,
Где греков праотцы громили.²²

Типично для этих дум, что Рылеев связал героический образ древнерусских князей Олега и Святослава с классицистической и сентименталистской традициями в революционном романтизме, сохранив при этом определенные народно-эпические элементы.

Кроме Рылеева, к образу Олега в пушкинскую эпоху обращались поэты Н. М. Языков, Е. П. Гребенка и сам Пушкин.²³

В своей балладе «Песнь о вещем Олеге» (1822) Пушкин полностью использует переданные летописью черты героического образа человека,²⁴ но перерабатывает их совершенно иначе, чем Рылеев. Отсутствует какой-

²¹ К. Ф. Рылеев, стр. 80.

²² Там же, стр. 81.

²³ Поскольку и «Олег» Н. М. Языкова (1826) и «Рогдаев пир» Е. П. Гребенки не отличаются высокой художественностью, мы не останавливаемся на этих произведениях.

²⁴ См.: К. А. Немировская, «Песнь о вещем Олеге» и летописное сказание. — Ученые записки Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 76, Л., 1949, стр. 15 сл.

либо оссианистский оттенок: и начало, и конец (тризна на могильном холме Олега), где легко можно было бы развернуть чувствительное описание природы, лаконичны и просты. Особое значение имеют выразительные определения, посредством которых сообщаются как характеристика Олега, так и местный и временной колорит вообще. Стоит окинуть взглядом эти определения, которые Пушкин, как известно, очень шлифовал, чтобы видеть, что целостность понимания действительности выражается ими частично языково-стилистическими средствами: «вещий Олег», «неразумные хазары», «цареградская броня», «всрпный конь»,²⁵ «темный лес», «вдохновенный кудесник», «покорный Перуну ... одному», «мудрый старец» и т. д.

Последовательное нанизывание отдельных эпизодов, которое Рылеев в соответствии с одической традицией прямо без изменений перенес из летописного предания, сменилось у Пушкина единым завершенным сюжетным действием. Сюжетом своей баллады он избрал отдельный новеллистический эпизод, а именно сказание о смерти Олега от своего коня, и связал с этим сказанием другие заимствованные из летописей и у Карамзина эпизоды, создавая таким образом убедительную картину эпохи. Не количественное накопление, но качественная разработка, тончайшая нюансировка, — вот что характерно для художественного историзма Пушкина.

Уже шесть строк первой строфы сообщают нам основное о суровой воинственности Олега. Упоминается его поход против хазаров, отмечается жестокость ведения войны.²⁶ Лаконичное выражение «в царградской броне» показывает, как в фокусе, сложные отношения между Русью и превосходящей ее в культурном отношении Византийской империей.²⁷ Дальше в предсказание языческого кудесника включаются другие подробности летописного рассказа, например знакомый эпизод со щитом

«Твой щит на вратах Цареграда».²⁸

Во второй части баллады — прошло много лет и Олег поседел — вспоминаются еще раз подвиги былого в народно-эпической ситуации пира:

Бойцы поминают мипувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.²⁹

Итак, мы видим, что баллада от начала до конца передает героическую жизнь Олега, но Пушкин не отвлекается множеством внешних событий и дает глубокое психологическое изображение характера. Самое интересное заключается в том, что предсказанная смерть от любимого коня приходит к герою не так, как ее ожидали. Это дает поэту возможность осветить душевный мир древнерусского героя. Характер Олега рассматривается с разных сторон. Олег не только могучий правитель и безжалостный воин: показаны и его внутренние переживания, соответствующие обстоятельствам X века. Его обуревают сомнения, когда он слушает пророчество языческого кудесника, и он расстается со своим

²⁵ Первоначально Пушкин употребил эпитет «смирный», затем изменил его на «вещный». Ср.: А. С л о н и м с к и й. Мастерство Пушкина. М., 1959, стр. 43.

²⁶ Ср. рассуждения на эту тему в духе абстрактно-просветительского абсолютизма П. М. Карамзина, т. I, стр. 107.

²⁷ См.: Г. А. Г у к о в с к и й. Пушкин и русские романтики. М., 1965, стр. 333 и сл.

²⁸ Соответствующее место у Рылеева — «Прибил свой щит с гербом России / К царьградским воротам» (К. Ф. Рылеев, стр. 75) — вызвало критическое замечание Пушкина (см. его письмо к брату от 1—10 января 1823 г.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 10, М., 1965, стр. 52). (Далее: А. С. Пушкин).

²⁹ Там же, т. 2, М., 1963, стр. 109

любимым конем с чувством понятной человеческой печали. Узнав через много лет о смерти животного, он предается печальным думам, и у него возникает желание увидеть кости коня, служившего ему так долго и так верно. Художественный историзм, реализуемый в балладе, который мы считаем конструктивным вкладом в развитие реализма в русской поэзии, не означает еще, что она не имеет признаков романтического стиля. Так, например, мысль о судьбе, которой подвержен каждый человек, и понятие о пророческом предвидении — это субъективно-романтические черты. Но все же отнюдь не случайно, что романтики, друзья Пушкина, восприняли эту балладу без особенного сочувствия.³⁰ Причиной тому была целостность исторического человеческого образа, к которой стремился Пушкин. Эта целостность не соответствовала их одностороннему взгляду на историю как всего лишь фон для беспрепятственного развития поэтической фантазии. Пушкин был не только против введения деталей, противоречащих временному колориту (примером тому является его спор с Рылеевым из-за щита Олега), но и против всякого самовольного изменения индивидуальных черт характера исторических лиц.³¹

3. Древнерусский князь как идеальный образ связанного с народом правителя

В тесной связи с образом героического человека, показанного с народно-эпической точки зрения в лице древнерусских князей и витязей, находится образ древнерусского князя как идеального правителя. Тем не менее по некоторым соображениям следует отделять этот последний от народно-эпического образа как генетически, так и функционально. Древние князья, раздвигавшие, как известно, внешние бытовые условия со своими дружинниками, могли еще рассматриваться в эпической песенной традиции как выразители народных интересов. Но уже вскоре изменившиеся феодальные правовые и имущественные отношения привели к тому, что значительная часть народа стала жертвой воинской мощи князя и его дружины, которая служила чисто эгоистическим целям количественно незначительной социальной верхушки. Постоянные усобицы князей находились в резком противоречии с народными интересами, и медленно, но верно вели к ослаблению боевой мощи Киевской Руси и приблизили серьезную опасность со стороны внешних врагов. В древнерусской литературе, начиная с «Повести временных лет», вплоть до «Слова о полку Игореве» и более поздних литературных памятников эпохи татарского ига, ставится по вполне понятной причине вопрос об ответственности князя перед обществом, об отношении между князем и народом. Личный героизм все еще играет важную роль, но в результате классовой дифференциации он не может более быть функцией общенародного интереса, как в прежнее время. Слишком часто воинственные предприятия оказывались противоречащими интересам народа, и принципиально признанное требование героического поведения, оставшаяся, как и прежде, обязательным, модифицируется добавочными вопросами: кому служит это героическое поведение на пользу, кому во вред? Наивная рутинность народно-эпической точки зрения уступает место

³⁰ См., например: Сын отечества, 1825, т. 99, № 3, стр. 309.

³¹ См.: С. М. Петров. Проблема историзма в мировоззрении и творчестве Пушкина. — В кн.: А. С. Пушкин, 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств, М.—Л., 1951, стр. 200. За подобные самовольные изменения Пушкин также критиковал исторический роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом». (А. С. Пушкин, т. 10, стр. 555)

сознанию, что в конце концов на карте стоит судьба всего народа, и это предвиденье нашло свое ужасное подтверждение при вторжении татар. Государственный ум, учитывающий интересы простых слоев населения, готовность правителя отказаться от увеличения личной власти ради сохранения внутреннего мира должны быть неотъемлемыми качествами каждого князя. Иначе говоря, образ идеального князя, развитый русской литературой с XI по XIII в., содержит уже, кроме героической мужественности старого типа, целый ряд новых гуманистических черт.

Особенно интересен в этом отношении образ Владимира Мономаха, как он изображается в «Повести временных лет», в автобиографическом «Поучении», а также в письме к князю Олегу Черниговскому. Только значительных воинских походов у Мономаха было 83, на охоте он часто подвергал свою жизнь опасности. Но к этим героическим чертам присовокупляются еще и черты гуманистические, присущие связанному с народом князю. «Тоже и худого смерда и убогие вдовице не дал есм сильным обидети», — писал Мономах в «Поучении». А в 1103 г. на совете князей в Долобьске он говорил: «Дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смерд, и приехав половчин ударить ѿ стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его именье? То лошадь жаль, а самого не жаль ли?»³² Так и «золотое слово» Святослава и многие другие места «Слова о полку Игореве» поднимают этот столь важный с идейной стороны вопрос о моральных качествах идеального образа князя.

Вполне понятно, что поэты-декабристы в рамках их историко-философской концепции при использовании древнерусских материалов уделяли большое внимание проблеме идеального правителя. Интерес к этой проблеме должен был особенно усилиться после крушения восстания, когда обнаружилась неосуществимость близкой революционной перемены и оставалось только надеяться на реформы сверху. Эти надежды могли привести к попыткам непосредственного воздействия на Николая I (такую цель преследовали, например, усиленные занятия Пушкина образом Петра), но они могли носить также характер утопической программы, переносящей в прошлое с явной резиньязией крушение идеального образа, невозможного даже для современности. Образ идеального князя у поэтов пушкинской эпохи носит трагические черты, которые, хотя и исходят из исторических фактов (усобицы князей, вторжение внешних врагов), но являются вместе с тем непосредственным выражением опыта дворян-революционеров в их борьбе против абсолютной государственной власти.

Вполне согласуется с идеологией декабристов то обстоятельство, что поэты уже в период подготовки восстания, т. е. до 1825 г., делали первые попытки создания образа идеального правителя на материале древнерусской истории. Рылеев неоднократно связывал образ героического человека с просветительскими представлениями об идеальном правителе, например в думах «Ольга при могиле Игоря» (1822), «Рогнеда» (1822). Без какой-либо поучительной тенденции П. А. Катенин в своей поэме «Мстислав Мстиславич» (1819) преобразует народно-героические черты своего героя в положительные элементы агиографического стиля, переходя к философски обобщенной постановке вопроса об ответственности правителя пред своим народом. Князь Мстислав в высшей степени трагический герой; после битвы на Калке он упрекает себя:

³² Повесть временных лет, ч. 1, стр. 163 и 183.

«О горе вечное Мстиславу!
На мне вина такого дня».³³

Начало поэмы показывает раненого князя еще полностью в стиле фольклора как индивидуальную личность:

На холме ракивов куст.
Отдыхает одинокий
Витязь там.³⁴

Конец поэмы ознаменован спасением князя Даниилом и верными дружинниками. Самобичеванию Мстислава, который принимает на себя всю вину за национальную катастрофу, противопоставлена глубокая привязанность рядовых воинов к своему князю:

Но Даниил прикрикнул на детей:
«Вы, отроки! сюда бегите спешно.
Вам вечный стыд, мне горе неутешно,
Коль наш отец от тяжких ран умрет;
Моя — ничто: и после заживет».
Мстиславу все бегут помочь толпою.³⁵

Такое патриархальное отношение между князем и дружинниками основано, конечно, отчасти на традиции древних времен, но уже здесь, в общественной ситуации XIII в., оно тесно связано с вопросом об идеальном правителе в высоко развитом феодальном государстве.

Если уже у Катенина образ Мстислава подав трагически, то мы находим этот трагизм еще более усиленным после 1825 года в декабристских поэмах «Василько» А. И. Одоевского и «Андрей, князь переяславский» А. А. Бестужева-Марлинского. Правда, в отличие от Катенина трагизм здесь обусловлен не внешней причиной, как это изображается в поэме «Мстислав Мстиславич», в виде татарского нашествия, а является следствием внутренних междоусобиц князей и их интриг по отношению друг к другу. Благодаря такому выбору сюжета трагизм еще более усиливается, так как он вызван самими князьями. Несомненно, что в этом отразились некоторые ретроспективные размышления, возникшие у поэтов-декабристов после неудачи восстания.

Оба изображенных князя, как Василько у Одоевского, так и Андрей у Бестужева, нередко отклоняются от своих исторических прототипов. Они идеализованы, причем такое этическое повышение исторически обосновано в той мере, в какой на них обоих перенесена служащая народным интересам политическая концепция Владимира Мономаха. Таким образом, мы можем установить, что личность Мономаха, как это уже отмечено выше, не нашедшая себе в пушкинскую эпоху непосредственного литературного изображения, получила косвенное воплощение. Этому способствовало то обстоятельство, что в историческом предании Мономаха, с одной стороны, и Василько или Андрей — с другой, тесно соприкасались. Рассказ Василька следует рассматривать как публицистическое произведение, вдохновленное непосредственно Мономахом,³⁶ а Андрей был кровным сыном Мономаха.

В X строфе первой песни Одоевский вкладывает в уста своего героя Василька слова, напоминающие нам заботливое отношение Мономаха к простым смердам:

³³ П. А. Катенин. Избранные произведения. М.—Л., 1965, стр. 112.

³⁴ Там же, стр. 108.

³⁵ Там же, стр. 111.

³⁶ Ср.: В. А. Рыбаков. Древняя Русь Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 274—279.

«Нельзя нам ждать, — князь старцу отвечал.
 Дни осени настали, а весною
 Не захочу оратая коней
 Отторгнуть от неспаханых полей».³⁷

Значительная часть этой первой песни посвящена описанию веча в Тереховле и, следовательно, отношению князя Василька к своему народу. И для старых, и для молодых он «наш Василько», который возвещает свое «отческое слово» о результатах съезда князей в Любечи (строфы I—III), созванного при участии авторитетного «мудрого Мономаха». В видении, обнаруживающем влияние гомилетики, изображена картина единого русского отечества:

Да будет Русь нам общею отчиной,
 И если кто из нас нарушит мир,
 Восстанем все: пойдут на брата братья,
 И крест и огонь — палачий огонь проклятья!³⁸

Народ готов выступить против внешнего врага под водительством Василька. Волна симпатии встречает князя на вече:

«Все готовы за тобой!» —
 Воскликнули и юноши и мужи.³⁹

Просьба одного из старшин, высказанная на вече, о том, что Василько лучше отказался бы от предполагаемого похода, чтобы вершить дома суд и расправу, подчеркивает дополнительно связь всех слоев населения со своим князем:

«Когда ты здесь — и тяжбы нет в народе:
 Живем в любви на отческой свободе.
 К тебе идем на суд, на княжий двор
 Все с радостью: и смерд и горожанин».⁴⁰

Василько признает полностью авторитет народного веча; по старинному обычаю он кланяется народу (строфа XIII).

И в дальнейшем развитии поэмы народ, и не только народ Тереховля, но и народ стольного града Киева играет важную роль. В четвертой песне мы узнаем, что на вече народ Киева требовал освобождения предательски плененного Василька. Великий князь Святополк жалуется интригану Давиду:

«Как он любим, как он любим, Давид!
 Еще мне вече в слухе раздается».⁴¹

И как раз эта любовь народа к Васильку приводит к трагической развязке. По мнению Давида, Василька следует во что бы то ни стало обезвредить, не смотря на то, виновен ли он или нет, в противном случае вся Русь станет его союзником:

«Придет вся Русь по долгу, из любви
 И утолит себя в твоей крови».⁴²

В памяти испуганного Святополка всплывает организованное Всеславом восстание киевских граждан 1068 г. и Давиду разрешают вывести Ва-

³⁷ А. И. Одоевский, Полн. собр. стихотворений, Л., 1958, стр. 90. (Далее: А. И. Одоевский).

³⁸ Там же, стр. 89.

³⁹ Там же, стр. 90.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 114.

⁴² Там же, стр. 115.

силька туманной ночью, когда киевляне объаты крепким сном, и ослепить его. Идеальный князь, изолированный от народа, стал жертвой внутренних распрей.

Исходя из положительного изображения характера, какое было дано летописью и Карамзиным сыну Мономаха Андрею в его усобицах против Всеволода Ольговича — за снос великодушие он получил прозвище «Добрый», — А. А. Бестужев создает идеальный облик князя в романтических тонах. Любовь народа к князю и здесь является критерием, а для заговорщиков, действующих по поручению Всеволода, она представляет собою серьезное препятствие. Стремянный боярина Любомира об одном из заговорщиков говорит:

Всею сильней его пугает,
Что князь гражданами любим.⁴³

Вторая глава поэмы посвящена подробному описанию отношения между князем и народом:

Судил и рядил по законам старинным,
Допуская народ до пресветлых очей, —

так начинается эта глава. Без оружия, и без роскошных одеяний, и без сопровождающих дружинников, как отец в семье народной, встречает князь Андрей посланца своего недруга.⁴⁴ Он не желает купить блаженства души своей ценою крови своего народа, он против войн и знает, как тяжело страдает народ от усобиц князей. Известная цитата из «Слова о полку Игореве», привлекающая к себе внимание уже Н. М. Муравьева,⁴⁵ «в княжих крамолах веци человеком скратишась» послужила основанием для слов:

Дни поселян миролюбивых
В войнах князей сокращены.⁴⁶

Подобно тому, как народ Терсбовля симпатизирует Васильку, так и народ Перяславля — Андрею:

Спешат довольные граждане,
В толпе прелестных дев и жен.
У князя доброго заране
Почетный выманить поклон.⁴⁷

Бестужев употребляет для характеристики душевных отношений между князем и народом такие же метафоры, как и Одоевский:

Явился он, как месяц в сонме звезд, —⁴⁸

так у Одоевского; а у А. Бестужева:

Так величаво небосклоном
Восходит месяц в хоре звезд.⁴⁹

⁴³ А. Бестужев - Марлинский, Полн. собр. стихотворений, Л., 1961, стр. 99 (Далее: А. Бестужев-Марлинский).

⁴⁴ Там же, стр. 107, сл.

⁴⁵ См.: Записка Никиты Муравьева «Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина». — В кн.: Литературное наследство, т. 59. М., 1954, стр. 585.

⁴⁶ А. Бестужев - Марлинский, стр. 111.

⁴⁷ Там же, стр. 113.

⁴⁸ А. И. Одоевский, стр. 88.

⁴⁹ А. Бестужев - Марлинский, стр. 114.

Любовь народа рассматривается как моральная и правовая предпосылка власти правителя и его чести:

«Хвала народа — мне услада;
И мне ль, Роман, страшиться вол?
Ему опора — мой престол,
А мне любовь его — ограда!
Она всех дел моих печать».⁵⁰

Роман же, собеседник Андрея, предостерегает его от переоценки выражений доброжелательства, советует ему делать различие между толпою придворных льстецов и искренними выражениями чувств народа.⁵¹ При этом необходимо учесть, насколько эти мысли соответствуют некоторым высказываниям в лирике зрелого Пушкина.

Великодушный поступок Андрея, спасающего из когтей медведя незадачливого охотника, производит на Романа, который сначала смотрит с предубеждением на Андрея, глубокое впечатление. Он узнает в Андрее «сына Мономаха», да и вообще этот охотничий эпизод соответствует в известной мере жизнеописанию Владимира Мономаха, где, как известно, рассказывается о нескольких опасных охотничьих приключениях, между прочим о нападении медведя.⁵²

Для философского идеализма А. Бестужева знаменательно, что как раз в связи с этим охотничьим эпизодом его герой подчеркивает переходящее значение героических подвигов:

Что слава? Ломкая скудель,
Румянец тленья листопада!..

Прошли и героические времена древних славян:

Лишь развевает вихрь степной
Их безответные курганы!⁵³

Единственным критерием неугасимой славы, достойной позднейшего летописца, по мнению Бестужева, как он передает мысли своего героя Андрея, является только общественное благополучие. Программа Андрея приобретает формы колоссального утопического видения будущего: Доброе в человеке и красота в природе сливаются в идеалистическую мечту. Все, что укрепляет доброе и красивое в человеке, это достижимая близкая цель.⁵⁴

Философское возвышение, которое должно было быть присуще идеальному образу связанного с народом князя, с его в высшей мере утопическими чертами, характерно для поэзии декабристов. И во всех трех разобранных случаях оно привело к применению определенных агнографических стиливых средств. Явление это само по себе существовало уже в древнерусской литературе. Поэма «Мстислав» Катенина, начинающаяся вполне в народно-эпическом стиле, кончается словами:

Пали наземь лицом, и в слезах благодарных молили
Бога и спаса Христа и пречистую деву Марию.⁵⁵

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Повесть временных лет, ч. 1, стр. 162.

⁵³ А. Бестужев - Марлинский, стр. 127.

⁵⁴ Там же, стр. 128, сл.

⁵⁵ П. А. Катенин. Избранные произведения, стр. 112.

Поэма Одоевского «Василько» называет своего ослепленного героя христианским «страдальцем»:

Пред Спасом не виновен Василько,
И пред людьми старадалец не виновен.⁵⁶

А сохранившийся фрагмент пятой песни поэмы Бестужева показывает нам Андрея «в святой одежде пилигрима».⁵⁷ Необходимо рассмотреть, какую функцию имеют стилистические элементы агиографического происхождения при разработке древнерусских тем в поэзии пушкинского времени.

4. Тип мученика и злодея

Особому характеру древнерусской литературы соответствует то обстоятельство, что на изображение человека в ней сильно влияла агиографическая точка зрения. Так было не только в каноническом жанре житий, но и в широких областях нарративной прозы, между прочим в летописях. Цель агиографической точки зрения была ясна: примерами и запугиванием привить христианскую добродетель. В отличие от народно-эпической точки зрения здесь положительным идеалом считалось христианское смирение и готовность принять страдания; герою противопоставлялся антигерой как воплощение греховности и зла — злодей. Эта антитеза пронизывает все сферы сознания средневекового человека и накладывает печать на политические оценки. Поэтому положительная оценка идеальных образов князей в развитом феодализме зачастую выражается приемами агиографического стиля. Особенно это бросается в глаза в житии Александра Невского и в других княжеских легендах. Деяния князей нередко оцениваются по агиографическим представлениям нормы, при этом официальная канонизация отнюдь не обязательна. Тот, кто оказывается достойным с точки зрения господствующей идеологии, высших государственных отличий, будь то за успешное укрепление государства, или за успешную защиту его от угрозы извне, тот получает в изображениях летописей непосредственно или опосредствованно черты святого или по крайней мере богоугодного князя. Наоборот, бессмысленные княжеские усобицы, угрожающие единству государства, осуждаются как греховные деяния.

Олицетворение злодея как такового встречается в летописных преданиях, но и в «Сказании», и в житии Бориса и Глеба есть братоубийца — Святополк (1019). В биографии этого «нового Каина», начиная с его якобы содомитского происхождения, вплоть до вероломного убийства им своих братьев Бориса, Глеба и Святослава и его ужасающей смерти от угрызений совести в горах Богемии, все способно было дать пищу фантазии поэтов-романтиков. В особенности сцена бегства после поражения в битве на Альте полна захватывающего драматизма и показывает возможности применения агиографической точки зрения при изображении душевных переживаний: «К вечеру одоле Ярослав, а Святополк бежа. И бежащю ему нападе на нь бес, и раслабеша кости его, не можаше седети на кони, и несяхуть ѝ на носилех. Принесоша ѝ к Берестью бегающе с нимь. Он же глаголаше: „Побегнете со мною, женуть по нас“. Отроки же его всылаху противу: „Егда кто женеть по нас?“. И не бе никого же вслед гонящаго, и бежаху с нимь. Он же

⁵⁶ А. И. Одоевский, стр. 123.

⁵⁷ А. Бестужев-Марлинский, стр. 135.

в немощи лежа и въсхопивъся глаголаше: „Осе женуть, о женуть побегнете“. Не можаше терпети на единомъ месте, и пробежа Лядскую землю, гоним божьим гневом, прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свой в том месте». ⁵⁸

Это повествование о смерти Святополка Окаянного содержит, конечно, и не агнографические элементы. Так, например, некоторые исследователи высказали предположение, что бес, папавший на Святополка, всроятнее всего, языческий демон болезни, а не христианский дьявол. ⁵⁹ Но вообще агнографическая стилизация очевидна. Психологически эффектный момент бегства того, кого совсем не преследуют, имеет агнографическое происхождение и встречается уже в книгах Ветхого завета. ⁶⁰

Летопись дополняет повесть о смерти Святополка предостережением русским князьям: «Есть же могила его в пустыни и до сего дне. Исходит же от нея смрадъ золь. Се же богъ показа на наказанье княземъ русьскимъ». ⁶¹ Это агнографически обрамленное место имеет вполне конкретно-политическое содержание и направлено по адресу правителей. Оно послужило Рылеву желанным исходным пунктом при создании его думы «Святополк». Дума состоит главным образом из описания ужасного конца, уготовленного извергнутому человечеством братоубийце в романтической глуши гор Богемии. Упомянутая в летописи мания преследования изображена еще более подробно. Горное эхо вещает Святополку: «Злодей!», а видение убиенных братьев не оставляет его в покое. Дума Рылева кончается тем, что поэт вкладывает легенду о смерти преступного князя как глас народа в уста отца семейства, который, опираясь на предостережение летописи, кончает свои слова гражданско-просветительным поучением:

«Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Гот с каждым днем летит быстрее
От преступленья к преступленью». ⁶²

Обстановка, напоминающая сцену в Волчьем лого из оперы «Фрейшиц», встречается и в думе П. Шкляревского «Святополк», в которой можно обнаружить текстуальные совпадения с одноименной думой Рылева. Так, у Рылева в первой строфе говорится:

Где только в дебрях серый волк
С щетинистым вопрем встречался ⁶³

Дума же Шкляревского начинается строками:

Где в пустынной дебри волк
С кабаном встречался. ⁶⁴

Кошмарные видения, которые мучат Святополка, преследуемого угрызениями совести, изображены более подробно, чем у Рылева, и вклю-

⁵⁸ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 98.

⁵⁹ D. Zelenin. Russische (ostslawische) Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927, S. 256. L. Müller, Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb, II.—Zeitschrift für slavische Philologie, XXX, 1962, S. 37. (Далее: L. Müller).

⁶⁰ Кн. Левит, гл. 26, ст. 17: «И будете преследуемы теми, кто вас ненавидит, и вы бежите, хотя никто вас не преследует» (L. Müller, S. 37 f.).

⁶¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 98.

⁶² К. Ф. Рылев, стр. 83.

⁶³ Там же, стр. 82.

⁶⁴ Благонамеренный. 1823, ч. 25, № 17, стр. 351.

чают в себя части агиографически стилизованного повествования летописи о мученической кончине братьев Бориса и Глеба:

Зрит он, как с слезами
Брат его в шатре своем,
Наклонясь главою
Нежно молился о нем
С песнею святою;
Зрит — в шатре мечи блестят.
Видит — как певинный
Под копьем хладеет брат.⁶⁵

В лирическом монологе, приуроченном к агиографическому стилю, но в то же время продолжающем широкую линию традиции элегической поэзии начала XIX в., Святополк рассуждает о проигранной битве на Альте и о своем безвыходном положении. Метафора «ужасной дикой змей»⁶⁶ вызывает ассоциации с ветхозаветным мотивом змея, как олицетворения зла. Заключительное поучение, имеющееся в думе у Рыльева, у Шкляревского отсутствует.

В. К. Кюхельбекер в «саге» «Святополк» (1823), стихотворном произведении в трех частях, пытается дать широкую картину эпохи, подобно тому как Катенин делал это в своей поэме «Мстислав Мстиславович». Кюхельбекер охватывает все события, которые передаются летописью с 1015 по 1019 г. В то время как Катенин пытается изобразить местный и временной колорит посредством архаизмов, Кюхельбекер применяет агиографические элементы стиля для выражения своей художественной мысли. Образ Владимира в начале «саги» выдержан в светлых народно-эпических тонах:

Был славен на Руси Владимир старый,
Счастливым властелин...⁶⁷

Как солнце, скрывающее свой облик за грозowymi облаками, так исчез на Руси после смерти Владимира сияющий образ князя. Надвигающееся несчастье рассматривается полностью в свете агиографической антитезы. Святополк творит злодеяние за злодеянием. Ярослав же, отказавшийся в свое время повиноваться отцу, уходит в себя, и, став смиренным, вершит суд и расправу. Его предприятия против Святополка начинаются двумя молитвами:

«Мы согрешили, мы виновны сами
О господи! Ты прав!...»

«Святой Борис! ты щиг наш и хранитель,
Ты выкушил наш грех».⁶⁸

В летописном повествовании содержатся две подобные молитвы Ярослава, одна обращена к богу, другая — к Борису и Глебу непосредственно перед битвой при Альте,⁶⁹ и Кюхельбекер перенял эту агиографическую деталь. В последних строфах первой части своей «саги» поэт вкладывает свой лирический пафос в молитву, обращенную к Владимиру:

«Сними, Владимир, родины святитель,
Проклятие с наших глав!...»⁷⁰

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 353.

⁶⁷ В. К. Кюхельбекер. Избранные произведения в двух томах, т. I. М.—Л., 1967, стр. 173. (Далее: В. К. Кюхельбекер).

⁶⁸ Там же, стр. 174, 175.

⁶⁹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 97.

⁷⁰ В. К. Кюхельбекер, стр. 176.

Святополк приравнивается к падшему ангелу, которому предопределен ад.

В описании битвы при Альте во второй части «саги» агиографическая точка зрения ослабевает, что вполне понятно; это имеет место уже в древнерусском оригинале.⁷¹ «Сага» Кюхельбекера, начинающаяся сценой бегства, входит по настроению в сценарий, известный нам по думе Рылеева. Гражданский пафос Кюхельбекера находит свое выражение в формулировках, подобных следующим: «Бежит тиран, муж крови, раб боязни».⁷² Ангел мести преследует Святополка. Душа Святополка — «добыча всех мучений», в бешеном его сердце бушует ад. Подобные элементы агиографического картинного языка употребляет Кюхельбекер для изображения душевного состояния антигероя. Ужасающие видения, преследующие Святополка в горах Богемии, череп убиенного Бориса, окровавленный лик Глеба и тень Святослава, толкают, наконец, преступника на самоубийство. И если Кюхельбекер заставляет водопад, в который кинулся Святополк, гневно извергнуть труп братоубийцы, то это является чисто романтической экзальтацией.

Для изображения с агиографической точки зрения особенно подходила судьба вероломно убиенных в Золотой Орде русских князей. Их мученическая кончина рассматривалась как политическая жертва во время национального порабощения русского народа и была в этом смысле воспринята поэзией декабристов, ориентированной на гражданскую государственность. При выборе материала несомненно сыграло роль то обстоятельство, что князья эти были родом из Твери и убиты главным образом из-за интриг Москвы, так что их трагическая судьба в представлении поэтов-декабристов, до некоторой степени, могла быть уподоблена падению Новгорода и Пскова вследствие происков Москвы. Дворянские революционеры в своей борьбе против абсолютизма были склонны безоговорочно симпатизировать тем средневековым удельным княжествам и городским республикам, которые утратили свою независимость в XIV—XV вв., подчинившись Москве.

Подробно описанная Карамзиным трагическая судьба князя Михаила Тверского, убитого в 1318 г. ханом Узбеком в результате коварных интриг московского князя Юрия,⁷³ легла в основу думы Рылеева и исторической баллады А. Бестужева. Следует особо подчеркнуть ясно выраженные агиографические черты в думе Рылеева. С тоской на сердце и со слезами на глазах герой ожидает своей смерти, и это совмещается с патриотическими раздумьями, что отвечало этике декабристов. Михаил клеймит распри и уوبيцы тех князей, которые ради эгоистических побуждений предают Русь внешним врагам.

О Георгий! ты виною,
Ты один тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита в стране родной!

Слова, вложенные Рылеевым в уста своего средневекового героя, мог бы повторить и дворянский революционер, применяя их ретроспективно к 1812 г.:

«Смерть я встречу без боязни,
Как в боях слетался с ней».⁷⁴

⁷¹ Уже в 1798 г. В. Г. Нарезный опубликовал стихотворение «Брега Альпы» (Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч. 18, стр. 281—287).

⁷² В. К. Кюхельбекер, стр. 179.

⁷³ Н. М. Карамзин, т. IV, гл. VII.

⁷⁴ К. Ф. Рылеев, стр. 101.

Дума Рылеева оканчивается указанием на канонизацию Михаила:

Михаила за мученья
Церковь празднует святым.⁷⁵

В исторической балладе А. Бестужева «Михаил Тверской» агнографический элемент ярче всего выразился в центральной части, в монологе смертника-героя. В слове, которое полностью соответствует традиционным представлениям о причисленном к лику святых мученику Михаилу, князь взывает к своему сыну, убеждая его терпеливо прощать врагам и огкаться от мести. Этой смиренной покорности отца противопоставляется боевая активность сына. Таким образом, в конце баллады агнографическая точка зрения перекрывается революционно-романтическим пафосом.

5. Образ древнерусской женщины

Древнерусские летописи знакомят нас с некоторыми женскими образами, обрисованными в народно-эпическом стиле. Героическая традиция представлена прежде всего княгинями X в. Ольгой и Рогнедой. Об Ольге летопись сообщает под 945 г., что она несколько раз мстила древлянам, убившим ее мужа. Ее месть обнаруживает изощренную хитрость, обусловленную суровыми обычаями языческих времен. Отличительной чертой народно-эпического стиля является, как мы уже видели, то обстоятельство, что герой без усилий преодолевает все трудности на своем пути. Так, Ольга при мщении не наталкивается на какие-нибудь серьезные препятствия. Ее воинственный характер оказывает большое воспитательное влияние на ее сына Святослава. Ее хитрости противопоставляется доверчивость древлян, граничащая с глупостью. В другом месте летописи образ Ольги дается, с агнографической точки зрения, как одной из первых приверженцев христианства на Руси.⁷⁶

Под 980 г. летопись повествует о нападении князя Владимира на Полоцк.⁷⁷ Но следующие детали можно найти только в Лаврентьевском списке летописи под 1128 г. ретроспективно: «Потом отца ея уби, а саму поя же не. И нарекоша ей имя Горислава. И роди Изяслава. Поя же пакы ны жены многы. И нача ей негодовати. Неколи же ему пришедшу к ней, и уснувшю. Хоте и зарезати ножемь. И ключися ему убудитися, и я ю за руку. Она же рече, сжалиласи бях: „Зане отца моего уби и змлю его полони мене дея, — и се ныне не любиши мене и с младенцем сим“. И повеле сю устроитися во всю тварь цесарьскую, якоже в день посага ея, и сести на постели светле в храмине, да пришед потнет ю».⁷⁸

Карамзин в своей «Истории государства Российского» следует, с одной стороны, историческому преданию, но, с другой стороны, он частично оттеняет народно-эпическую точку зрения по отношению к образу Рогнеды прочувствованной сентиментальной окраской, оставляя без внимания боевые элементы летописного рассказа. Этот эпизод Карамзин называет «трогательным» событием. У него Рогнеда проливает слезы, и ее мстительный поступок оправдывается затронутым чувством чести обма-

⁷⁵ Там же, стр. 102.

⁷⁶ Современная наука различает Ольгу, изображенную в народно-эпическом стиле, как «вешую», и Ольгу, как «святую». Ср.: И. П. Еремин, стр. 76.

⁷⁷ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 54.

⁷⁸ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, изд. 2-е, Л., 1927, столб. 300.

нудой супруги.⁷⁹ Рогнеда же жалуется Владимиру не так, как в летописи, на порабощенную землю, а напоминает ему только об ужасной смерти своих родных.

Следует выяснить, с какой точки зрения поэты пушкинского времени в свою очередь воспринимали эти женские образы.

Образу Ольги еще в XVIII в. были посвящены одноименная трагедия Я. Б. Княжнина (ок. 1772 г.) и анонимное стихотворение в стиле Оссиана «Ольга при гробнице Игореной».⁸⁰

Дума Рылеева «Ольга при могиле Игоря» направлена против злоупотреблений княжеской властью. Рылеев изображает Ольгу в роли воспитательницы молодого Святослава, которому она указывает на необузданную страсть его отца Игоря как на ужасающий пример:

«Вот, Святослав, к чему ведет
Несправедливость власти;
И князь несчастлив и народ,
Где на престоле страсти.
Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин».⁸¹

У Рылеева Ольга показана после того, как она утолила свою жажду мести убийцам мужа. Мицение, занимающее большое место в предании, отходит на задний план, и Ольга может предаться ретроспективной оценке деяний Игоря. Идеологической целью Рылеева, которого интересовала только критика современного ему абсолютизма, объясняется то обстоятельство, что он вразрез с историческим преданием рассматривает стяжательство Игоря как мотив рокового решения — вновь востребовать с древлян дань. Благодаря тому что он ограничивает мудрость Ольги главным образом воспитательным ее влиянием на сына, и это до некоторой степени смягчает народно-эпические черты предания, ее образ получает просветительно-гуманистический оттенок. Выбор места действия — могильный курган Игоря — создает типичную для сентименталистской поэзии атмосферу, которая в особенности выражена в начале думы («осенний ветер», «над мрачными холмами», «седой туман» и т. д.).

Дума «Рогнеда» в известной мере согласуется с думой «Ольга при могиле Игоря». И там и здесь мать представляет своему сыну предков. Но если в предшествующей думе Игорь должен был внушить сыну ужас, здесь, наоборот, Рогволод служит примером. Причем весьма знаменательно, что эта воспитательная функция обеих матерей является художественным вымыслом поэта-декабриста. Это особенно характерно для думы «Рогнеда»:

«Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к критесителям презренье».⁸²

В обеих думах князь, который воспринимается преимущественно как герой, но посягающий каким-либо образом на общественные интересы

⁷⁹ Н. М. Карамзин, т. I, гл. IX.

⁸⁰ Ишпокрина, 1800, ч. 6.

⁸¹ К. Ф. Рылеев, стр. 78. Эта строфа запрещалась цензурой. Ср.: Литературное наследство, т. 59, стр. 19 сл.

⁸² К. Ф. Рылеев, стр. 85

подвергается критике. Интересно далее, что природа соответствует душевному состоянию обеих героинь: в «Ольге при могиле Игоря» осенний буйный ветер и ночная мгла подчеркивают меланхолическое настроение Ольги, оплакивающей своего мужа на его могиле. В «Рогнеде» изображение глухого места и бледного месяца на ночном небе создают также сентиментальный эмоциональный фон. Героические элементы образа Рогнеды, содержащиеся уже в предании, усиливаются посредством отдельных картин, напоминающих монументальный пафос классической трагедии. Особенно характерна сцена, показывающая нам Рогнеду с занесенным мечом у одра спящего Владимира, готовую убить его:

Князь спит покойно... Тихо встав,
Рогнеда светоч зажигает
И в страхе, вся затрепетав,
Меч из жинки со стены снимает

Поспешность в движениях Рогнеды отражает противоречивость ее чувств, сомнения и нерешительность, что Рылеев подчеркивает еще и синтаксическими средствами:

Идет... стонг... ступила вновь...⁸³

Здесь выявляются некоторые попытки проникнуть в психологические процессы. Осуждение Владимира Рогнедой далеко оставляет за собой тот же эпизод у Карамзина: «тиран» Владимир не только разрушил ее личное счастье, но и разорил ее родную землю.⁸⁴ Драматическая обостренность события подчеркивается еще более тем фактом, что здесь жена и мать поднимает меч против необузданной жажды власти князя. Художественному методу Рылеева присуще иногда, как мы уже несколько раз констатировали выше, уклонение от исторической верности в деталях. Вероятно, с целью усиления драматического эффекта он показывает Рогнеду, подходящую к ложу Владимира не с ножом, как это передает летопись, а с мечом. В отличие от своих предшественников,⁸⁵ у которых, как и у Карамзина, поступок Рогнеды рассматривается как дело личной мести, Рылеев объясняет поступок своей героини гражданскими мотивами. Рогнеда является связующим звеном между своим отцом Рогволодом и своим сыном Изяславом, в котором будет жить дальше героизм Рогволода — с этим соглашается даже сам Владимир. И поэтому вполне закономерно, что как раз мальчик Изяслав служит причиной гуманистического поворота в поведении до тех пор необузданного, обремененного злыми деяниями Владимира.

Упомянутые здесь женские образы уже в летописи имели преимущественно воинственно-героический характер и составляли дополнение к рассмотренным выше героическим образам князей. У Рылеева они получают просветительно-гуманистическую основную черту: женщина-героиня направляет на путь истины и подымает морально мужчину.

Так же, как образ идеального связанного с народом князя более поздней эпохи отличается в известной мере от образа героического князя раннего времени, так наряду с образами женщин X в. в дальнейшем встречается тип женщины, который можно назвать идеальной супругой князя и который нашел свое воплощение в Ярославле «Слова о полку Игореве»,

⁸³ Там же, стр. 89

⁸⁴ Там же, стр. 90.

⁸⁵ О Рогнеде писали Я. Б. Княжнин, М. М. Херасков, Ф. Ф. Иванов и Н. С. Арцыбашев

а также в женских образах, созданных по примеру Ярославны.⁸⁶ Сила Ярославны состоит в том, что она твердо стоит на стороне супруга в несчастье и, обращаясь к природной стихии — ветру, воде и солнцу, пытается помочь ему.

Плач Ярославны привлекал не раз внимание русских романтиков.⁸⁷ Первое упоминание встречается уже в 1803 г. в «Бахариане» М. М. Хераскова. Отзвуки плача Ярославны можно узнать в стихотворении Ф. Глинки «Сетование русской девы» (между 1812 и 1816 гг.). Перу Глинки принадлежит и перевод в стихах отрывка из «Слова о полку Игореве» (1816 г.). М. П. Загорский написал в 1825 г. свой романс «Ярославна», П. Шкляревский обратился к тому же сюжету в «Плаче Ярославны» (1831 г.). В художественном отношении высоко стоит вольный перевод И. И. Козлова «Плач Ярославны» (1825 г.). Пушкин особо подчеркивал поэтическую силу плача Ярославны.⁸⁸

Без сомнения, и образ Мстиславны, супруги героя, именем которого названа поэма «Василько» А. И. Одоевского, создан под влиянием «Слова о полку Игореве», но он вымышлен: летописи о ней ничего не говорят. Сравнительно верной передачей летописи является образ жалостливой попадьи, стирающей обгавленную кровью рубашку Василька. Здесь в спонтанно реалистической сцене⁸⁹ нам представляется редкий для средневековой литературы случай, когда представитель простого народа, и к тому же женщина, становится носителем идейного смысла.

Василь совлек сорочку с Василька,
«Смой кровь!» — сказав, хозяйке бросил в руки,
И старица и внемлет и глядит,
Но замер дух, и вся как лист дрожит.
И вдруг, спеша, ее на двор выносит,
И держит недвижимо пред собой;
Взрыдала...⁹⁰

К типу идеальных супругов следует причислить и образ Евпраксии, супруги князя Федора, во фрагменте неоконченной поэмы Д. В. Веневитинова («Средь терема, в покое темном...», 1822). Сохранившиеся наброски, правда, не дают возможности определить ясно черты ее характера. Об Евпраксии повествует «Повесть о разорении Рязани Батыем», где говорится, что она покончила с собой, чтобы избежать позора бесчестия.⁹¹

Поступки, совершенные идеальными супругами древнерусских князей, после разгрома движения декабристов, когда княгиня М. Волконская и А. Муравьева последовали за своими мужьями на каторгу в Сибирь, приобретали особое значение как литературный пример.

⁸⁶ См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 78. На стр. 75 и сл. Лихачев указывает на то, что в изображении этих женщин часто нарушается феодальная схема изображения человека.

⁸⁷ Л. Дмитриев. «Слово о Полку Игореве» и русская литература. — В кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1967, стр. 76—79.

⁸⁸ А. С. Пушкин, т. 7, М., 1964, стр. 501.

⁸⁹ Ср.: Н. Рааб. Die altrussische Chronikerzählung von der Blendung Vasil'kos und ihr Widerhall in der Dekabristendichtung. — Zeitschrift für Slawistik, XIII (1968), S. 666.

⁹⁰ А. И. Одоевский, стр. 122.

⁹¹ Военские повести древней Руси. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1949, стр. 12.

А. М. ПАНЧЕНКО, И. П. СМИРНОВ

Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в.

В искусстве, в том числе и в искусстве стихотворного слова, всегда присутствует элемент соревнования: соревнуются не только современники между собой; младшее поколение стремится превзойти старшее. При этом ему, если воспользоваться словами О. Мандельштама, бывает «легче опереться не на вчерашний, а на позавчерашний день».¹

Однако в своем развитии поэзия иногда вступает в такие фазы, когда соревнование, понимаемое как совершенствование определенной системы, кажется невозможным. Как показывает история, это лишь иллюзия. Через определенные (иногда немалые) отрезки исторического времени вновь происходит переоценка художественных ценностей. Но самим поэтам представляется, что все ячейки системы — жанровые, ритмико-метрические, строфико-композиционные, ячейки образно-идеологического уровня заполнены, что система непродуктивна, исчерпала свои возможности. Все идеальные формы претворения тех или иных художественных задач, которые в своей совокупности и составляют систему,² превратились в формы реальные. Здание возведено. Любая достройка или перестройка грозит нарушить конструктивное равновесие. Естественно, что поэты видят перед собой только два пути: либо разрушение, либо уход из искусства. И они действительно уходят из искусства, как это сделал в начале века Александр Добролюбов, а в 20-е годы А. Гастев и В. Нарбут. Такое случается в эпохи очевидной для всех смены культурно-социального статуса.

Русский символизм классического периода в сущности занимался декорированием и отделкой здания новой русской поэзии XVIII—XIX вв. Можно ли было после Брюсова рассчитывать на удачу в поисках новых строфико-композиционных схем малых лирических жанров? Можно ли было найти в силлабо-тонической ритмике заметные пустоты после изощренных опытов Андрея Белого? Он дал очень полный набор ритмических модификаций канонического стиха в практике и осмыслил эти модификации в теории.

Символисты изменили традиционный тип русского литератора-профессионала, превратили его в тип гуманитария с обязательным университетским филологическим образованием. Помимо стихов, они писали и трактаты о стихах — не декларации, а серьезные исследования, оставшиеся в науке. Здание было не только окончательно отделано,

¹ О. Мандельштам. О поэзии. Л., 1928, стр. 70.

² См.: Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. — Новое в лингвистике, вып. 3, М., 1963, стр. 175.

но и изучено. Были выведены инженерные формулы и сделаны рабочие рекомендации. Можно было восхищаться пропорциями и изяществом расчета. Но нашлись люди, которые сочли, что жить в нем нельзя.

Спору нет, символизм на последней стадии уже заключал в себе зачатки тех художественных систем, которые возникли в 10-х годах и пришли на смену так называемому серебряному веку русской поэзии. Но то были именно зачатки, отклонения от нормы, нарушения правил кодификации, не ставшие еще художественными доминантами.

Для нового поколения поэтов, которое нам будет удобнее всего обозначить термином «постсимволисты», иллюзорная невозможность совершенствования классического искусства стала структурообразующим фактором. Постсимволистов это привело к отрицанию (хотя, разумеется, и неполному) ценностей искусства XIX в. Этому способствовал также взрыв историко-филологических знаний, который внезапно осветил крайне далекие объекты культурного наследования. Вот что писал в уже цитированной книге «О поэзии» О. Мандельштам: «Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху. Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днем, тоскуя как пахарь, жаждет целины времени».³ Интересно и сходное свидетельство кубо-футуриста Бенедикта Лившица: «Гилея, древняя Гилея, попираемая нашими ногами, приобретала значение символа, должна была стать знаменем. Вскрывались и более поздние пласты. За Гезиодом — Гомер... Возвращаясь к своим истокам, история творится заново».⁴ Мы не будем перечислять пресловутые линии, продолженные акмеистами, поэтами «Центрифуги», имажинистами, русскими конструктивистами, оберутами и некоторыми отдельными художниками, официально не связанными ни с одним из поэтических товариществ, — такими, как М. Кузмин, М. Цветаева, В. Ходасевич. Нас интересует, как процесс расширения традиций сказался в практике наиболее радикальной ветви постсимволизма — в поэзии «Гилей», а именно в предреволюционном творчестве В. Маяковского и В. Хлебникова.

Маяковский и Хлебников в наибольшей степени, по сравнению с современниками, стремились отойти от канонов русской классики. Ю. Н. Тынянов утверждал, что «перед судом нового строя Хлебникова литературные традиции оказываются распахнутыми настежь. Получается огромное смещение традиций. „Слово о полку Игореве“ вдруг оказывается более современным, чем Брюсов».⁵

В поэзии Маяковского и Хлебникова скрестились оба пути преодоления насквозь кодифицированной, нормативной художественной системы: и разрушение, и уход из искусства. Когда Маяковский восклицал: «Я знаю — гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гетс!»,⁶ когда Хлебников в одной из своих деклараций призывал к тому, «чтобы писалось туго и читалось туго, неудобнее смазных сапог или грузовика в гостинной»,⁷ — это был не только эпатаж, но и утверждение примата жизни над искусством как эстетического принципа. Если бы этот принцип был реализован последовательно и до конца, то система, в основе которой он лежал, должна была бы самоураздниться. Однако «варварство» по отношению к целому культурному циклу, которое так пугало

³ О. Мандельштам. О поэзии, стр. 7.

⁴ Бенедикт Лившиц. Полутораглазый стрелец. Л., 1933, стр. 29.

⁵ Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965, стр. 295.

⁶ В. Маяковский, Полн. собр. соч. в тринадцати томах, т. 1, Гослитиздат, М., 1955, стр. 183. (Далее ссылки даются по этому изданию в тексте статьи).

⁷ А. Крученых, В. Хлебников. Слово как таковое. М., 1913, стр. 3.

современников и которым так щеголяли кубо-футуристы, дало совершенно иной результат.

Развитие словесного искусства нового времени проходило под знаком индивидуализации образного восприятия. Если для средневековья (как для письменности, так и для фольклора) эстетически действительно ожидаемое (этикетность), то начиная с Возрождения, а в России с XVII—XVIII вв., напротив, художественно значимо неожиданное. Длительное наращивание эстетически неожиданного создало значительную дистанцию между метафорическими архетипами, расположенными у мифологических истоков искусства, и словесной практикой нового времени. Для читательского сознания эти архетипы настолько затемнились, что не ощущались. Их обнаружение было уже невозможным или по меньшей мере чрезвычайно затруднительным и для исследователей.

Маяковский и Хлебников, провозглашая примат жизни над искусством, разумеется, не могли создать антиискусство. И поскольку они остались в пределах искусства, они не в силах были упразднить и разрушить уровень метафорических архетипов. Однако отрицание предшествующего историко-культурного цикла позволило им в некоторой степени очистить этот уровень от индивидуальных образных наслоений и вернуть его читательскому сознанию.

Вполне естественно, что это породило весьма большое количество разнообразных совпадений и параллелей с литературой русского средневековья.

* * *

Поэтике Хлебникова присуща заданная ориентация на средневековую литературу и фольклор. Хлебников написал статью «О пользе изучения сказок» и рассказал о своем увлечении народной песней в диалоге «Учитель и ученик». Он провозглашал:

И когда земной шар, выгорев,
Станет строже и спросит: кто же я?
Мы создадим «Слово Полку Игореву»
Или же что-нибудь на него похожее.⁸

(«Война и мышеловка», стр. 149—150)

Маяковский, напротив, в автобиографии «Я сам» декларировал отрицание «всего древнего, всего церковного и всего славянского» (стр. 12). Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что пропасть между Маяковским и Хлебниковым не так уж глубока.

Маяковский, как и Хлебников, самой логикой отрицания предшествующего цикла был вынужден вернуться к поэтическим архетипам и тем самым вступить в соприкосновение со средневековой художественной системой.

Связь Маяковского и Хлебникова с древнерусской словесностью может исследоваться на разных ярусах стихотворной структуры. Как показал Г. О. Винокур, Маяковский, используя нереализованные ресурсы языка, возрождал древнерусские синтаксические структуры: «... язык Маяковского, — писал Г. О. Винокур, — предстает как своеобразное явление преодоления синтаксиса и высвобождения семантики из связи формальных отношений».⁹ Далее исследователь отмечал, что «Маяков-

⁸ Велесмир Хлебников, Избранные стихотворения. М., 1936. (Далее ссылки даются по этому изданию в тексте статьи).

⁹ Г. Винокур, Маяковский — новатор языка. М., 1943, стр. 77.

ский, без всяких филологических и стилизаторских заданий, имитирует древнерусский строй речи»,¹⁰ употребляя, например, беспредложный дательный («лечу окну») по типу, представленному в «Слове о полку Игореве» («избивая гуси и лебеди завтраку и обѣду и ужинѣ»). В еще большей степени возрождение «древнерусского строя речи» характерно для Хлебникова.¹¹

Очевидно, эти соприкосновения можно изучать не только в лингвостилистическом плане, но и в других аспектах. Оставляя в стороне множество возможных тем такого анализа, мы сосредоточиваемся на уровне образных мотивов.

Что же мы понимаем под термином «образный мотив»? Мы исходили из предположения, что в словесном искусстве существует устойчивый набор ядерных образов-архетипов. Ядерный образ — это минимальная, далее не разложимая образная единица, двучлен типа битва—пир, герой—солнце, смерть героя—закат солнца, жизнь—плаванье, наводнение или пожар—регенерация мира, рождение—въезд и т. д. Ядерные образы занимают историческую поэтику уже давно — как их генезис, так и бытование в литературе. Из советских ученых эта область интересовала В. П. Адрианову-Перетц,¹² О. М. Фрейденберг (античный материал),¹³ И. Г. Франк-Каменецкого,¹⁴ М. М. Бахтина¹⁵ и др. Проблемы происхождения ядерных образов (в большей степени относящиеся к антропологии, нежели к искусствоведению) нас в данном случае не интересуют, тем более что в дошедших до нас письменных памятниках архетипы уже представлены в трансформированном виде. Трансформационный вариант простейшего ядерного образа мы и будем называть образным мотивом, учитывая, что трансформация, как правило, реализуется либо в развертывании и обогащении деталями элементов ядерного двучлена, либо в усечении одного из элементов, либо в скрещивании двух (а иногда и более) ядерных образов. Иначе говоря, наша задача сводится к тому, чтобы из трех объектов сопоставления — поэзии Маяковского, во-первых, поэзии Хлебникова, во-вторых, средневековой словесности, в-третьих, — извлечь некие образные мотивы, описать их структуру и трансформационную историю и тем самым реконструировать простейшие образные ядра, обнаруживающие глубоко, но не всегда очевидное, внутреннее сходство.

При удовлетворительных результатах сравнительного анализа мы будем считать наш тезис о возрождении в поэзии «Гилеи» образных архетипов доказанным. Ибо если в случае с Хлебниковым можно говорить об отдельных прямых заимствованиях из древнерусского материала и предполагать наличие еще не обнаруженных заимствований, то Маяковский с его отрицанием средневековья такую возможность снимает. Разумеется, даже в поэзии Маяковского нельзя полностью исключить потенциальных случаев прямых заимствований. Однако это не меняет дела,

¹⁰ Там же, стр. 95.

¹¹ В. Гофман. Язык литературы. Л., 1936, стр. 209.

¹² В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947.

¹³ О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1936.

¹⁴ См. например: И. Г. Франк-Каменецкий. 1) Вода и огонь в библейской поэзии. — Яфетический сборник, III, Л., 1924; 2) Отголоски представлений о матери-земле в библейской поэзии. — Язык и литература, VIII, Л., 1932; 3) К вопросу о развитии поэтической метафоры. — Советское языковедение, I, Л., 1935.

¹⁵ М. М. Бахтин. 1) Проблемы поэтики Досгоевского. Изд. 2-е. М., 1963; 2) Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

поскольку при сознательной авторской установке на вытравление таких заимствований их наличие лишь подтверждает продуктивность ядерных образов. Как видно, анализ в диахронической плоскости будет проверяться синхронией. Материал, не относящийся к уровню образных мотивов, будет привлекаться нами только для дополнительной аргументации.

* * *

Перейдем к конкретному анализу. Сначала остановимся на группе метафор, которые семантически связаны с темой изменения в широком смысле: изменения человека, природы, состояния мира и т. п. Эти метафоры могут быть названы регенерационными.

Момент перерождения, регенерации — смерти старого и обновления — одна из центральных значимостей в художественном мире ранних поэмов и трагедии Маяковского. Преображение символизируется у него особыми знаками, среди которых выделяется травестийный мотив — мотив смены одежд.

Связь между преобразованием и сменой одежд устойчива. В трагедии «Владимир Маяковский» мятеж, разрушающий мир, сопровождается многочисленными указаниями на переодевание: «И вдруг все вещи кинулись, раздирая голос, скидывать лохмотья изношенных имен» (стр. 153). Здесь на разбираемую ядерную конструкцию наслаивается дополнительная метафора: имя — одежда. Но в этом же произведении травестийный образный мотив свертывается до ядерной конструкции, превращаясь в ремарку, которая предвещает второе действие: «Площадь в новом (разрядка наша, — А. П., И. С.) городе. В. Маяковский переоделся в тогу» (стр. 165).

Проанализируем еще некоторые примеры:

А тут и я еще.
Прохожу осторожно,
Огромен,
неуклюж.
О, как великолепен я
в самой сияющей
из моих бесчисленных душ!

(«Владимир Маяковский», стр. 239).

И не только люди
радость личью
расцвели,
звери франтовато завили руно,
вчера бушевавшие
моря,
мурлыча,
легли у ног.

(«Война и мир», стр. 240).

Природу и происхождение этого образа можно истолковать только в том случае, если иметь в виду, что он появляется в «Войне и мир» во внутритекстовых связях с изображением «золотого века», наступающего после войны. Первый элемент двучлена «регенерация — смена одежд» вырастает в сюжет, положенный в основу поэмы (то же и в трагедии). Поэтому второй элемент приобретает автономность, их сочетаемость затемняется и нуждается в реконструкции. Как трансформируется второй элемент? Опять-таки путем вторичной метафоризации: одежда —

душа. Кроме того, представление о сияющей душе — это результат скрещения трагического образного мотива и столь же архаичной идеологической оппозиции свет—тьма.¹⁶

Особенность другого примера из «Войны и мира» — в характерном для Маяковского распространении мотива смены одежд на вселенную, на живую и пещивую природу (ср. универсализацию мотива в поэтохронике «Революция»: «Сегодня до последней пуговицы в одежде жизнь переделаем снова»; стр. 136). В «Войне и мире» образ имеет сложное ступенчатое построение, развивающееся от конкретного к абстрактному. Смена одежд толкуется как изменение внешнего облика вообще: отсюда образ «зверей, франтовато завивших руно». Признак «франтоватости» сохраняет связь с понятием переодевания. Следующая ступень: облик может менять не только человек, не только зверь, но и — в данном случае — море. Картина «морей, лежащих у ног» возникает по контрасту с легко восстанавливаемым образом бурного моря. Чтобы сохранить последовательность метафорической цепи, и здесь вводится слово-переключатель «мурлыча», отсылающее нас к предыдущему уподоблению. Так формируется иерархия образных трансформов. Опираясь лишь на последнюю ступень, реставрировать ядро уже невозможно.

Хлебников, в отличие от Маяковского, трансформировал начальную конструкцию трагического образа типичным для него способом, заменяя целое деталью:

И люди спешно моют души в прачечной,
И спешно перекрашивают совестей морды...
И многие, надев воротнички,
Не знали, что делать дальше с ними:
Встав на дыпочки, повесить на сучки,
Или написать обещанное имя.

(«Война в мышеловке», стр. 155)

Не абстрактная или условная одежда, как постоянно и обязательно у Маяковского, а ее часть — воротничок, или иная принадлежность вещного ряда, в который входит одежда, — прачечная. Однако в наборе трансформационных приемов Хлебников и Маяковский часто совпадают. Та же вторичная метафоризация (одежда — душа), та же ступенчатость (смена одежд — изменение внешнего облика). И все же Хлебников, по сравнению с Маяковским, более анархичен: цельность образного мотива кажется разрушенной при объединении деталей, далеко отстоящих друг от друга в понятийном плане. Восприятие затрудняется, потому что здесь нет того, что мы назвали словами-переключателями. У Хлебникова мотив формируется скачками; строчки Хлебникова «понятнее» строф, а строфы «понятнее» стихотворений. (В самом деле: что означает завершающее цитату четверостишие? Из контекста «Войны в мышеловке» легко заключить, что «обещанное имя» — имя Нового Мессии, пришествие которого ожидается после войны. О том, что значит стих «Встав на дыпочки, повесить на сучки», можно только догадываться. Речь, видимо, идет о пикнике, веселье после страдания, противопоставляемом приходу Мессии).

У Хлебникова сочетание регенерации и смены одежд так же регулярно, как и у Маяковского. Иногда оно является в неусеченном виде, с обоими конструктивными центрами образного ядра:

¹⁶ См. об этом: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 35 и сл.; см. также: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) М., 1965.

И человек, иной чем прежде
 В своей изменчивой одежде
 Одетый облаком и наг,
 Цветами отмечая шаг,
 Летишь в заоблачную тишь
 С весной быстрою сам-друг
 Прославив солнца летний круг.

(«Поэт», стр. 190).

И пусть моровые чернила
 Покроют листы бытия,
 Дыханье судьбы изменило
 Одежды свободной края.

(«Ладомир», стр. 226).

В средневековой христианской письменности связь между одеждой и сущностью человека, между сменой одежд и регенерацией настолько распространена, что мы ограничимся немногими наиболее ясными образцами.

Кирилл Туровский в «Сказании о черноризьчьстѣмъ чину» приводит ветхозаветный эпизод исхода иудеев из египетского плена: «Прошедъше море, манюю вси без труда питахуся, и ризы же на них растяху, дондеже под Синайскую гору придоша». Толкуя его, Кирилл пишет: «Ризы же не славны и мякькы любви, но растуша, сирѣчь многими пошивая заплатами, дондеже к горѣ боголюбных добродѣтелей доидеши».¹⁷ Нравственное восхождение и совершенствование человека реализуются в трагическом образе. Как индивидуальный акт употребления такого образа, это высказывание подчинено целям христианской идеологии (заметим, кстати, что у католиков эта словесная метафора овеществилась в быту нищенствующих орденов), однако в структурной основе мотива лежит то же крайне архаичное, дохристианское ядро, что у Маяковского и Хлебникова.

Для средневековых авторов эта метафора была освящена авторитетом Ветхого завета. Псалом 103 дает и усеченный и полный трансформационные варианты ее. Первый зафиксирован в стихе «одѣяися свѣтом яко и ризою» (удивительное совпадение с Маяковским, наводящее на мысль, не пользовался ли он Псалтырью). Это — аналогичное строчкам «Войны и мира» скрещение двух мотивов. Второй вариант («В исповѣданье и в лѣпоту облѣчешя») истолкован Афанасием Александрийским следующим образом: «Егда бо исповѣданье приноситься богу, тогда в вельлѣпоту облачиться».¹⁸ Толкование — пример того, что в средние века расшифровка компонентов ядерного образа всегда была безусловной и однозначной. Заканчивая обзор мотива регенерации — смена одежд, заметим, что не только в католическом, но и в православном обряде он учитывался. Подтверждений немало. Символический смысл монашеской одежды, например, подробно раскрыт в цитированном Слове Кирилла Туровского. В «Вопрошании Кириковом», когда речь идет об обращении латинян в православную веру, говорится: «И тако осмый день измѣеться и придетъ к тебе, и створи ему молитвы по обычаю, и облечеши ѱ в порты чисты. . . и тако помажеши ѱ святымъ мюромъ».¹⁹

¹⁷ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 355—356.

¹⁸ Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 29.

¹⁹ Там же, стлб. 385.

* * *

Идея регенерации организует многие ядра изначального метафорического набора.²⁰ Можно даже сказать, что она находится в центре целого клубка метафор. Так, например, существует двучлен насыщение, или принятие пищи, — преобразование. Трансформы этого двучлена встречаем у обоих поэтов XX в.

Разбейте днища у бочек злости,
ведь я горящий булыжник дум ем.
Сегодня в вашем кричащем тосте
я овенчаюсь моим бсзумием.

(«Владимир Маяковский», стр. 155).

Строка «ведь я горящий булыжник дум ем» из трагедии «Владимир Маяковский» может показаться бессмысленной или безнадежно-вычурной. Но как только мы объединим ее с центральным, сюжетообразующим представлением о регенерирующем мире, она сразу вернет нас к ядру «преобразование—насыщение». Здесь, между прочим, присутствуют и трансформы других ядерных конструкций: битва—пир (тост), битва—свадьба (венчание), регенерация—вселенский пожар (горящий булыжник). Их взаимопроникновение не вызывает впечатления образной анархии, потому что они сцеплены по принципу сходства одного из компонентов. Битва—пир и регенерация—насыщение скрещиваются по сходству вторых элементов (понятие еды при живописной детализации может давать картину пира), регенерация—насыщение и регенерация—вселенский пожар — по совпадению первых элементов.

Аналогично следует комментировать и такие стихи трагедии:

На тарелках зализанных зал
будем жрать тебя, мясо, век.

(Стр. 159).

Интересно, что в восприятии «обыкновенного молодого человека» — мещанского антипода главного героя трагедии — эта метафора компрометируется, низводится до каннибальства:

У меня братец есть,
маленький, —
вы придете и будете жевать его кости.
Вы все хотите съесть!

(Стр. 161).

На фоне этой компрометации, примитивно-реалистического трансформы более значительными становятся слова из «Пролога»:

Вам ли понять,
почему я,
спокойный,
насмшек грозою
душу на блюде несу
к обеду идущих лет.

(Стр. 161).

Если искать исходную точку этой последней трансформации, то Маяковский опирается не на архаическое ядро, а на средневековый литургический трансформ — обряд причастия, делая обычную для себя под-

²⁰ См.: О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра, стр. 123.

становку: поэт — мессия, богочеловек. Искупительная жертва должна преобразить человечество; тем сильнее снижение этой темы в реплике «обыкновенного молодого человека».

За недостатком места других примеров из Маяковского мы приводить не будем.

Хлебников также не исходит непосредственно из ядерного образа. Регенерация в результате причастия телом и кровью Христа и его от-правной пункт. Мессианская подстановка у него отсутствует (в других случаях Хлебникову не чужд мессианизм), он здесь «антилиричен» и как бы самоустраивается из стиховой структуры, стремясь создать новый эпос.

Тайной вечера глаз
Знает много Нева:
Здесь спасителей кровь
Причастилась вчера
С телом севера в черном булыжнике.
На ней пеплом любовь
И рабочих и умного книжника.

(С. р. 427).

У Хлебникова нет самого акта насыщения, но есть указание на него в символе тайной вечера — общем месте христианского искусства. Вообще смерть — новое рождение как насыщение у Хлебникова встречается гораздо реже, чем у Маяковского (например, в «Уструге Разина»). Любопытно, что в одном из литературных произведений известного художника Павла Филонова, друга Хлебникова и Маяковского, немало сделавшего для возрождения принципов древнерусской живописи, мы встречаем метафору точно такого же плана: «Мертвые живлены женскою грудью дойною».²¹

Древнерусская литература знала два побудительных импульса для использования образного мотива насыщения — грехопадение Адама и причастие. Соответственно насыщение могло вести как к «погибели», так и к «спасению».

Изложив евангельскую притчу о слепце и хромце, в том числе рассказав о вкушении плодов сада, который они стерегли, Кирилл Туровский продолжает: «Смотри же оного слѣпца с хромцемъ, како ... приближися к древу, вкуси плода. . . и тако окрадоша, их же повелено има стрещи. Привод: того древа вкуси Каин. . . , того древа вкусиша сынове Корѣви. . . и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрецъ, иже въдыи своя сына безаконьствующа во иерѣиствѣ. . . Того древа вкусиша еретици, иже злохитрьемъ аки въдуше душевный путь заблудиша и, не приемше покаяния, погибоша».²² В данном случае, как и во многих других, христианская традиция изменила первооснову образного мотива «насыщение как знак смерти и нового рождения», оставив только однозначную смерть — духовную, а иногда и физическую.

Поскольку аскетизм и пост принадлежали к числу главных христианских добродетелей, не насыщение, а, наоборот, голод приобрел значение регенерирующего начала, возрождающего человека и убивающего зло: «Егда хоцеть князь прияти град противных, то прежде отъемлють у них вод и брашна и си изнемогше от голода и жажди и предаются в руже его. Также хотя изгнати злые мысли от сердца своего, да предасть в пост, то злыя мысли ему престануть, а врага удобь посрамить, постящемуся звезда светла наясне, питающемуся мракомъ покрывається»

²¹ [П.] Филонов. Проповень о проросли мировой. Пгр., (б. г.), стр. 4.

²² И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского, стр. 344.

(Слово Иоанна Златоуста о посте).²³ Христианский аскетизм поставил архаическую фольклорную метафору с ног на голову: этот отрывок отсылает нас не к битве — пиру, а к битве — посту!

Итак, древнерусская литература, как это ни покажется парадоксальным, отстоит от метафорического архетипа дальше, чем Маяковский. Но традиционный путь трансформации архетипа все же сохраняется и в средневековой словесности, будучи подкреплен обрядом причастия. Вместе с тем ядро регенерация — насыщение оказалось, по-видимому, настолько продуктивным, что оно постоянно вторично метафоризируется. Вот примеры: «Мы же братие яжьмы и пиимы в славу божию уреченую меру, а не отригати парюю пияньственою на оltарь божию, но да ся кормим многими трапезами святыми книг...» («Слово святого отца Василия о посте»).²⁴ «Пища же не брашно едино речеться, но слово божие, имь же питается тварь. Глаголетъ бо Моисѣй: Не о хлѣбѣ единомъ жив будеть человек, но о всякомъ глаголѣ, исходящимъ из уст божию». ²⁵

* * *

Теперь остановимся бегло на регенерационной конструкции, которая объединяет шествие и космическое действо, иными словами на образе, где шествие сочетается с переходом от мрака к свету. Эта моторная метафора постоянно используется Маяковским и Хлебниковым. Сама собой напрашивается мысль о том, что она вызвана к жизни условиями социального быта эпохи, политическими шествиями. Это справедливо. Однако нужно помнить, что политическое шествие только актуализировало эту метафору, издавна и глубоко укоренившуюся в сознании человечества. Это доказывается, в частности, тем, что у Маяковского образный мотив шествия — солнечного хода появляется и вне видимых сцеплений с темой революционной демонстрации. Например:

Звонящей болью любовь замоля,
душой
иное шествие чающий,
слышу
твое, земля:
«Нынче отпускаеши!».
В ковчеге ночи,
новый Ной,
я жду —
в разливе риз
сейчас придут
придут за мной
и узел рассекут земной
секирами зари...
Солнце снова
Зовет огневых восвод.
Барабанит заря,
и туда,
за земную грязь вы!
Солнце!
Что ж,
своего
глашатая
так и забудешь разве?

(«Человек», стр. 245-246)

²³ См.: Ф. И. Буслаяев. Историческая христоматия, стлб. 489--490.

²⁴ Там же, стлб. 498.

²⁵ Там же, стлб. 525.

У Хлебникова же регенерационно-моторная метафора стала особенно употребительной в его послереволюционном эпосе:

Снимая с зарева засов,
Хватай за ус созвездье Водолея,
Бей по плечу созвездье Псова!
И пусть пространство Лобачевского
Летит с знамен ночного Невского.
Это шествуют творяне,
Заменивши Д на Г,
Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.

(«Ладомир», стр. 217).

Древняя Русь, разумеется, знала и использовала мотив шествия в письменности. В обряде он выступает в виде крестного хода. Между прочим, перемещение от мрака к свету — сюжетобразующий момент в «Слове о полку Игореве». В нем также рисуется движение человеческих множеств во главе с князем, причем это движение соединится вначале с затмением, а в конце — с сияющим солнцем. Эта метафора особенно важна для художественной структуры памятника, поскольку она является обрамляющей и отмечает собой начало и конец собственно повествования.

Заключая обзорение регенерационного ряда, остановимся на таких распространенных метафорах, как наводнение (или пожар) — преобразование мира и человека.

Русскому средневековью была известна главным образом христианская модификация этого ядра: «... источник воды (река, дождевая туча или облако) — Христос, учение Христа, и дальше вообще „книжное учение“». ²⁶ Многочисленные образцы метафор такого типа приводит в своей книге В. П. Адрианова-Перетц. ²⁷ И здесь, как и в предыдущем случае, метафора овеществлялась в обряде крещения.

Маяковский и Хлебников опираются как на исходный ядерный образ, так и (значительно реже) на его христианский вариант. Показательна в этом отношении «Поэтохроника» Маяковского. Вот аналогичный фрагмент поэмы Хлебникова «Гибель Атлантиды», в котором нам хотелось бы подчеркнуть, во-первых, тему гибели старого города и, во-вторых, обращенный характер трансформации, при которой новое не приходит на смену старому, как в метафорическом архетипе (ср. всемирный потоп):

О, город, гибель созердающий,
Как на бойнях вол, спокойно.
Валы гремят, как меч бряцающий...
И тонет, гибнет старый град!..
Кто вы? Что вы? вы здоровы!
Стары прежние основы.

(Стр. 123).

Христианскую модификацию образного ядра находим в стихотворении Маяковского «Я и Наполеон»:

Уличные толпы к небесной влаге
Припали горящими устами,
А город, вытрепав ручонки-флаги,
Молится и молится красными крестами.

(Стр. 72).

²⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 50.

²⁷ Там же, стр. 50—53.

Последняя строчка этого отрывка убеждает нас, что здесь, видимо, не бессознательное возрождение образных архетипов, но осознанное заимствование из Евангелия от Иоанна (IV, 14—15), где источник влаги утверждается как субститут Христа и его учения: «Иже пьет от воды, юже аз дам ему, не вжаждется во веки; но вода, юже аз дам ему, будет в нем источник воды, текущий в живот вечный».²⁸

Интересно полемическое переосмысление этой евангельской метафоры в стихотворении «Ко всему», где, используя реминисценцию апокалиптических «иссыхающих рек», Маяковский трактует уничтожение источников влаги как гибель одного учения и замену его другим.

Солнце! Лучей не кинь!
Сохните, реки, жажду утолить не дав ему, —
Чтоб тысячами рождались мои ученики
Трубить с площадей анафему.

(Стр. 106).

* * *

В объектах нашего исследования широко представлены и метафоры иных смысловых типов. Остановимся на образном мотиве, сводимом к ядру битва—пир. Трансформационный вариант этого исходного ядра в древнерусской литературе наиболее известен по «Слову о полку Игореве»: «Бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы; ту кровавого вина не доста, ту пирѣ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». В данном отрывке направленность трансформации следует определить как чисто изобразительную.²⁹ Отсюда — количественное обогащение живописными деталями обеих плоскостей исходного ядра, «картинность», известная автономность мотива внутри текста. Здесь не наблюдается ни эллиптичности, ни скрепления с иными мотивами.

Обратимся к Хлебникову. То же самое исходное ядро выявляет свои трансформационные возможности в таких его поэмах, как «Журавль», «Война в мышеловке», «Невольничий берег» и пр.

А ведь сколько мучений,
Сколько людей изувчено!
И слугою войны — порохом —
Подано столько печенья
Из человечины
Пушкам чугунным.
Это же пушек пирожного сливки!
Сливки пирожного,
Если на сучьях мяса обрывки,
Руки порожние
Дали...
Сельская голь стерегла свои норы,
Пушки-обжоры
Саженною глоткой,
Бездонной бочкой
Глодали,
Чавкая,
Зубы выломать.

²⁸ Многочисленные примеры этой метафоры в других памятниках древней Руси см.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 109—116.

²⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 61.

Глухо выла мать:
— Нету сыну-то, —
Есть обрубок.

(«Невольничий берег», стр. 168).

Хлебников исходит из того, что ядерная конструкция может порождать множество картин, отсылающих к одному или другому элементу исходного ядра. Затем картины расщепляются на фрагменты, каждый из которых, взятый в отдельности, зрительно представим. Однако их сочетаемость в единой, последовательной цепочке (как в «Слове») крайне ослаблена. Она осуществима только потому, что все фрагменты имеют общую трансформационную историю. Дробление словесного изображения и произвольная, немотивированная перестановка его частей — вот направление специфической «инверсионной» трансформации у Хлебникова.

Маяковский: поэма «Война и мир», трагедия и многие другие произведения поэта дают нам обильный материал для продолжения сопоставлений. В качестве образца изберем в поэзии Маяковского сравнительно «далекую» трансформацию указанной ядерной метафоры:

В ресторане было от электричества рыжо.
Кресла облиты в дамскую мягкость.
Когда обиженный выбежал дирижер,
Приказал музыкантам плакать.

И сразу тому, который в бороду
толстую семгу вкусно нес,
труба — изловчившись — в сытую морду
ударила горстью медных слез.

Еще не успел он, между икотами,
выпихнуть крик в золотую челюсть,
его избитые трамбонами и фаготами
смяли и скакали через.

Когда последний не дополз до двери,
умер щекою в соусе,
приказав музыкантам выть по-зверьи,
дирижер обезумел вовсе!

В самые зубы туше опоенной
втиснул трубу, как медный калач,
дул и слушал — раздутым удвоенной,
мечется в брюхе плач.

Когда наутро, от злобы не евший,
хозяин принес расчет,
дирижер на люстре, уже посиневший,
висел и синел еще.

(«Кое-что по повелу дирижера», стр. 90)

Цельность восприятия и последовательность сцепления фрагментов здесь сохранены. Однако развертывание ядерного образа осложнено введением мотивировки (в данном случае — социальной). Образный мотив обогащается дополнительным значением. «Битва—пир» есть одновременно и столкновение искусства (дирижер) со сборищем сытых, пирующих. Это созначение интенсифицируется снятием карнавального оттенка «битвы — потасовки» в последней строфе (конечная смерть). Особенность данной трансформации заключается в скрещении двух мотивов. Отметим также, что обе части ядра у Маяковского в известной степени

самостоятельны, они поставлены в композиционную зависимость друг от друга; смысловая же связь ослаблена.

Наряду с ядерным образом битва — пир в древнерусской литературе и еще чаще в фольклоре встречается метафора битва — жатва (пашня). Ее реализацию находим в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине». Вообще говоря, битва — жатва в письменности древней Руси — раритет, потому что этот архаический образ был вытеснен, как отмечает В. П. Адрианова-Перетц, евангельским мотивом «сеяния — жатвы, как приобщения к истинной вере».³⁰

В поэзии гилейцев, напротив того, отдается явное предпочтение более древнему типу. Связь между понятийными полями жатвы и битвы совершенно очевидна в восклицании Маяковского: «Семя мести в тысячу крат жни!» (стр. 105). Из разнообразно выраженных в творчестве Хлебникова трансформаций этого ядра приведем отрывок «Войны в мышеловке», где мотив жатвы обрастает реалиями современного земледельческого труда.

Соломорезка войны
Железной решеткою
Втягивает
Все свские
И свежие колосья
С зёрнами слез Великороссии.
«Сыны!
Где вы удобрили
Пажитей прах?
Нож это, ребра ли висят на кустах?»
Старая мать трясет головой.
Соломорезка войны
Сельскую Русь
Втягивает в жабры.

(Стр. 166).

* * *

Попробуем с помощью нашего метода истолковать некоторые стихи Хлебникова:

Весны пословицы и скороговорки
По книгам зимним проползли,
Глазами синими увидел зоркий
Записки стыдесной земли.

(Стр. 400)

Пришел и сел. Рукой задвинул
Лица пылающую книгу.

(Стр. 222).

Темный договор ночи
Подписан скрипом жука.

(Стр. 437).

Я видел, что черные Веды
Коран и Евангелие
И в шелковых досках
Книги монологов,
Сами из праха степей...
Сложили костер

³⁰ Ср. анализ метафоры битва — жатва, предпринятый Д. И. Чижевским на материале стихотворения С. Есенина «Песнь о хлебе»: Dmitrij Čiževskij, *Aus zwei Welten*. Mouton, S.-Gravenage, 1956, SS. 319—336.

И сами легли на него.
 Белые вдовы в облаке дыма скрывались,
 Чтобы ускорить приход
 Книги единой,
 Чьи страницы большие моря,
 Что трепещут крылами бабочки сней,
 А шелковинка — закладка,
 Где остановился взором читатель...
 Род человечества — книги читатель.
 И на обложке — надпись творца,
 Имя мое, цисьмена голубис.
 Да, ты небрежно читаешь,
 Больше внимания,
 Слишком рассеян и смотришь лептлем.
 Точно уроки закона божия,
 Эти черные цепи и большие моря.
 Эту единую книгу
 Скоро ты, скоро прочтешь.
 В этих страницах прыгает кит
 И оред, огибая страницу угла,
 Садится на волны морские, груди морей,
 Чтоб отдохнуть на постели орлана.

(«Единая книга», стр. 416—417).

Все эти стихотворные фрагменты содержат в себе варианты общего образного мотива «мир как книга», восходящего к образному субстрату «слово как жизнь». Представление о мире — книге, которое в средние века было общим достоянием христианской Европы независимо от религиозных различий, основывается на отождествлении идеи «Слова божия» и «Слова» как первоэлемента знания. По Писанию, слово, как атрибут бога, обладает реальной мощью. «Слово господне, которое исходит из уст его, не возвращается к нему пустым, не исполнив того, что ему угодно».³¹ Кроме того, слову божию присуще конкретное содержание, и поэтому оно выполняет посредническую функцию между богом и людьми. Воплощение слова — Иисус, дева Мария; носители его — пророки и апостолы. Слово судит мир, и носители слова призваны быть судиями: им дано вязать и разрешать.

В средние века и затем в эпоху барокко не раз совершалось отождествление «Слова божия» и «Слова» как такового. Поскольку «вначале было слово, и слово было мир, и мир был слово», все компоненты мира — слова, а сам мир — совокупность слов, т. е. книга. В стихотворении Симеона Полоцкого «Мир—книга», знаменательном уже по сходству названий, развита та же идея, что и в стихотворении Хлебникова «Единая книга».

Мир сей преукрашенный — книга есть велика,
 еже словом написа всяческих владыка.
 Пять листов препространных в ней ся обретают,
 яже чюдна писмена в себе заключают.
 Первый же лист есть небо, на нем же светила
 яко писмена, божия крепость положила.
 Второй лист огнь стихийный под небом высоко,
 в нем яко писания силу да зрит око.
 Третий лист преширокий аер мощно звати,
 на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.
 Четвертый лист — сонм водный в ней ся обретает,
 в том животных множество удоб ся читает.
 Последний лист есть земля с дресвы, с травами,
 с крушцы и животными, яко с письменами...

(«Вертоград многоцветный»).

³¹ С. Н. Трубской. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование. М., 1906, стр. 255.

В этой иллюстрации к догмату об абсолютном всемогуществе слова божия («сказал — и стало») предлагается дальнейшая детализация метафоры: вместо слов являются компоненты их — письмена. Это очень важно, поскольку дает основание свести бесконечное разнообразие мира к обозримому числу элементов — алфавиту, приравнять «письмено», букву — явлениям чувственного и духовного мира. Древняя идея об алфавитном феномене как модели универсума, которую разделял Платон, а в средние века и в новое время — Раймунд Люллий, Николай Кузанский, Джордано Бруно и Лейбниц, — идея, сыгравшая роль при формировании комбинаторных методов математики, возрождается у Хлебникова, тоже математика и последователя Лейбница. Свидетель занятий Хлебникова в Харькове пишет: «Продолжал исторические сочетания с числами. Метод — доставался энциклопедический словарь, даты великих людей, тут же всевозможные сочетания на обрывках. Но больше всего мечтал о формуле зависимости из области астрономии, формула эта должна была связать астрономические явления со словом, алфавитом».³²

Материализация, овеществление слова, его составляющих и его сочетаний, давшая трансформы ядерного образа «мир — книга», приравнивание слова и вещного мира, с одной стороны; представление о том, что владение словом есть и власть над миром, с другой стороны — приводили Симеона Полоцкого к идее об его апостольском предназначении; Хлебникова — к вере в то, что он «председатель земного шара», Маяковского — к образу тринадцатого апостола. Вообще жанр ранних стихотворений Маяковского можно определить как инвокацию, выкрик, утверждающий власть человека над миром и смертью.

* * *

Мы не будем останавливаться на подробном разборе, лишь перечислим некоторые ядерные образы, которые являются равно значимыми у Маяковского, Хлебникова и в русской средневековой литературе. Мы не смогли остановиться на такой моторной метафоре, как движение по вертикали вверх — возрождение, преобразование. В средневековье она трансформирована и реализована в образах преисподней и царства небесного, в мотиве вознесения Христа. Интересны географические метафоры: запад и зима как смерть или отрицательное пространство и время вообще; восток, лето как жизнь, родина. Из метафор земледельческого цикла следует выделить такие, как пахота — любовь, которая по понятным причинам в чистом виде христианскую литературу не интересовала, но зато чрезвычайно широко распространена в фольклоре.

Кроме этих метафор, есть и многие другие. Перечислим только наиболее представительные, разобранные на древнерусском материале в известной книге В. П. Адриановой-Перетц: герой — солнце, смерть — закат солнца, судьба человека — корабль, смерть — чаша, многочисленные модификации звериных метафор.

В результате сопоставления поэзии Маяковского и Хлебникова с древнерусской письменностью мы можем утверждать, что основной набор изначальных метафорических ядер сохранился у поэтов XX в.

Как явствует из нашего анализа, у Маяковского и Хлебникова больше аналогий с фольклорным набором ядерных образов. Из книжно-христианских метафор у них представлены те, которые составляют общее

³² Велесмир Хлебников. Избранные стихотворения. М., 1936, стр. 54 (цит. по вступительной статье Н. А. Степанова).

достояние языческого фольклора и христианства. Очень любопытно, что в этом последнем случае они выступают в творчестве Маяковского и Хлебникова в православном варианте, причем явно прослеживается связь их поэзии с обрядом (причастие, крестный ход, крещение). Это, кстати, заметил и Б. Пастернак: приведя цитату из пролога к трагедии «Владимир Маяковский» («Вам ли понять, почему я покойный...» и т. д.), он утверждал: «Нельзя отделаться от литургических параллелей. „Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом, ничтоже земное в себе да помышляет. Царь бо царствующих и господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным“. В отличие от классиков, которым был важен смысл гимнов и молитв... Блоку, Маяковскому и Есенину куски церковных распевов и чтений дороги в их буквальности, как отрывки живого быта, наряду с улицей, домом и любыми словами разговорной речи. Эти залежи древнего творчества подсказывали Маяковскому пародическое построение его поэм. У него множество аналогий с каноническими представлениями, скрытых и подчеркнутых. Они призывали к огромности, требовали сильных рук и воспитывали смелость поэта».³³ Здесь все правильно, за исключением следующего: Маяковский далеко не всегда пародиен, далеко не всегда заимствования из литургии он компрометирует пародией. И второе: к списку поэтов, приведенных Пастернаком, мы смело можем добавить Хлебникова.

³³ Борис Пастернак. Люди и положения. Новый мир, 1967, № 1, стр. 229.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Исторический эпизод XVI столетия в устном предании нового времени (беломорский рассказ о сватовстве Ивана Грозного)

Во время археографической работы в Беломорье зимой 1950 г. мне привелось услышать в двух местах любопытный рассказ об осаде Соловков англичанами во время Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. Сначала эту небольшую историю я услышал от жительницы города Кеми 95-летней Анны Андреевны Елисеевой, а затем от 70-летнего жителя деревни Шуерездкая Кемского района Федора Андреевича Федосеева.¹ Вот этот рассказ.

«В старые годы было на Белом море лихое время — воевали мы с англичанами. А война эта произошла вот почему. Жила тогда королева англичанка Виктория. И хоть была она королевой, но уродилась кривая. Просваталась она за нашего царя, а он ее просмеял и в жены взять не захотел. Королева Виктория рассердилась и начала шиповать против русского царя. Три года ходила она на Белое море, хотела, значит, покорить его себе, да ничего у нее не вышло. Хотела Соловки захватить. Подъехали к острову три корабля и начали обстреливать монастырь. Три дня подряд стреляли из пушек, весь остров снарядами засыпали. Но Соловки — место святое, и не только что людей на острове не убили, но даже и ни одной чайки не погубили, а их там великое множество — гнезда прямо на земле, на монастырском дворе. Так и не смогла Виктория Соловков порушить».

Сам по себе рассказ этот особого интереса не представляет, но заслуживают внимания его компоненты, его возможные исторические источники и их осмысление в народном сознании.

Рассказ о действиях английского флота в водах Белого моря во время войны 1853—1856 гг. имеет под собой вполне реальную историческую основу. Столь же достоверно и сообщение об осаде Соловков и о бомбардировке Соловецкого монастыря. Действительно, с 6 на 7 (18—19) июля 1854 г. к Соловецкому острову подходили два английских корабля. Командующий английской эскадрой в Белом море Омманей потребовал капитуляции. Получив отказ от настоятеля монастыря архимандрита Александра, Омманей отдал приказ о бомбардировке монастыря. В течение 9 часов 7 июня остров обстреливался английскими кораблями. Монастырские строения были сильно разрушены, но человеческих жертв не было. После обстрела корабли ушли.²

¹ Ф. А. Федосеев знал несколько былин, но к тому времени, когда я был у него, почти все забыл. Пропел мне только отрывки из былины «Сватовство Идолица».

² См.: П. Ф. Федоров. Соловки. Кронштадт, 1889; Н. Соколов. Рассказы о Соловецком монастыре. М., 1874; Архим. Мелетий. Историческое описание Соловецкого монастыря. М., 1881.

Осада Соловецкого монастыря вызвала к жизни целый ряд легендарных рассказов об этом событии, поддерживавшихся соловецкими монахами.³ Большинство этих рассказов со временем было забыто, но предание о том, что во время бомбардировки остались целыми все чайки, сохранялось очень долго.

Таким образом, вся вторая половина приведенного рассказа основана на реальных исторических фактах и известных местных преданиях. Братьями Соколовыми в свое время было записано стихотворение об осаде Соловков. В этом стихотворении встречается пассаж о чайках:

Сколько били, не палили,
Убить чайку не могли.⁴

Но вот откуда появилась первая половина — объяснение причин, из-за которых возникла война? Что это — чисто эпический мотив или же и здесь в основе лежат какие-то исторические реалии? Есть основания и эту часть рассматриваемого предания возводить к совершенно определенному эпизоду в истории русско-английских связей. В 80-х годах XVI столетия Иван Грозный сватался к Мэри Гастингс, дочери Генри Гастингса, графа Гантингтонского, родственнице английской королевы Елизаветы. Подробное описание всех перипетий этого сватовства русского царя к англичанке дошло до нас в «Памяти послу дворянину и наместнику Шацкому Федору Ондреевичу Писемскому»,⁵ в статейном списке посольства Ф. А. Писемского в Англию в 1582 г.⁶ и в статейном списке английского посла Джерома (Еремея) Бауса в Москву в 1583—1584 гг.⁷ В «Записках о Московии XVI века» англичанина Джерома Горсея⁸ также рассказывается об этом факте русско-английских отношений в XVI в. Но Горсей сообщает и о том, что еще ранее, во время фаворитства Бомелия (т. е. до 1569 г.), Иван Грозный намеревался посвататься к королеве Англии Елизавете. В окончании по Архивному второму списку Псковской 3-й летописи, в записи под 1570-м годом, рассказывается о том, что Бомелий «отвел царя от веры: на русских людей царю возложил сверепство, а к немцам на любовь преложи... Последи же и самого привеле на конец еже бежати в Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставши побити».⁹ Связь сватовства Грозного к английской королеве в рассказе Горсея с именем Бомелия и наличие этого же мотива в процитированной записи из Псковской 3-й летописи свидетельствуют о том, что в обоих случаях был единый источник — какое-то устное предание: Горсей прибыл в Московию через четыре года после сожжения Бомелия (Бомелий был сожжен в 1569 г., а Горсей впервые появился в Москве в 1573 г.). Наиболее компетентный исследователь русско-английских отношений в средние века Ю. В. Толстой приводит ряд веских соображений, опровергающих достоверность сообщения

³ Соловецкий монастырь неоднократно издавал брошюру «Подвиги Соловецкой обители», написанную монахами Соловецкого монастыря.

⁴ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. Пгр., 1915, стр. 317 (стихотворение «Соловецкий монастырь»).

⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — Сборник Русского исторического общества, т. 38, СПб., 1883, стр. 4—8. (Далее: Сб. РИО, т. 38).

⁶ Там же, стр. 15—70; см. также: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М—Л., 1954, стр. 100—155.

⁷ Сб. РИО, т. 38, стр. 71—145.

⁸ Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. Перевод с англ. Н. А. Белозерской, СПб., 1909.

⁹ Псковские летописи, вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова, М., 1955, стр. 262.

Горсея о намерении Грозного свататься к самой английской королеве.¹⁰ Видимо, на Руси слухи о действительном сватовстве Ивана Грозного превратили Мэри Гастингс в королеву, и все это событие было связано с именем Бомелия.

Кроме сватовства Ивана Грозного к Мэри Гастингс, ни русская, ни английская история не знают иных попыток с той или другой стороны заключить брачный династический союз. Не является ли мотив сватовства английской королевы и русского царя в интересующем нас рассказе своеобразным преломлением в народном сознании этого исторического факта? Вероятность такого предположения подтверждается весьма примечательной деталью из обстоятельств действительной истории сватовства Ивана Грозного к Мэри Гастингс. Из статейного списка посольства Ф. А. Писемского видно, что, не желая этого брачного союза, Елизавета всячески старалась под благовидным предлогом внушить русскому послу, что сватасмая им невеста Ивану Васильевичу не подходит. Основной довод при этом был тот, что Мэри Гастингс после перенесенной оспы очень безобразна. Елизавета говорила Ф. А. Писемскому: «Любя брата своего, вашего государя, рада с ним быти в свойстве; а слышала есми, что государь ваш любит красные девицы, а моя племянница не красна, и чаю, что государь ваш ее не полюбит... а лица ее написати и к государю вашему послати соромлюся, что она не красна, а неможет добре, и лежала воспицею, и лице ее красно и ямовато».¹¹ На болезнь и неприглядность Мэри Гастингс неоднократно указывал и Джером Баус, явно стремясь уклониться от разговоров на эту тему во время своего посольства в Москве.¹² Все сказанное дает основание думать, что слова в нашем рассказе о том, что английская королева уродилась кривая и поэтому русский царь не захотел взять ее в жены, представляют собой своеобразную трансформацию в народном сознании слухов о сватовстве Ивана Грозного к Мэри Гастингс.

Разумеется, переговоры о сватовстве Ивана Грозного к племяннице английской королевы носили дипломатический характер, при этом в посольстве Ф. А. Писемского переговоры по этому вопросу были тайными: «А се таков список посольства тайново подал государю Федор Писемской», но запись в Псковской 3-й летописи о намерении Грозного бежать в Англию и там жениться красноречиво свидетельствует о том, что толки об этих переговорах имели широкое распространение (о них знали даже в Пскове). Беломорье же являлось для этого наиболее благоприятным местом, так как здесь общение русского населения, и именно средних слоев населения, с англичанами носило самый широкий характер. В одной из своих работ М. П. Алексеев отметил, что целый ряд сведений об Англии, об исторических событиях в Англии, о разного рода государственных явлениях должны были иметь в устной традиции большее распространение, чем в письменных источниках. В частности, он писал: «Между англичанами и холмогорцами, архангелогородцами, вологжанами, не говоря уже о москвичах, должна была устанавливаться постоянная житейская связь, разнородные бытовые отношения; в северных городах, через которые лежал путь в Москву приезжающим в Белое море англичанам, эта связь должна была быть даже сильнее и крепче, чем

¹⁰ Ю. Толстой. Англия и ее виды на Россию в XVI веке. — Вестник Европы, 1875, № 8, стр. 507—508.

¹¹ Сб. РИО, т. 38, стр. 65.

¹² Там же, стр. 105, 113, 117, 120, 124—125, 130—131.

в столице».¹³ И поэтому нет ничего удивительного в том, что на Севере, в Беломорье, местное население могло знать от англичан не только о самом факте сватовства русского царя к англичанке, но и о подробностях этого сватовства. Здесь, вдали от Москвы, подобного рода слухи и рассказы могли распространяться более свободно и безбоязненно. А в Англии всякого рода толки и разговоры о сватовстве царя далекой и таинственной Московии к их соотечественнице, безусловно, были распространены весьма широко. Об этом говорит целый ряд явно вымышленных подробностей о том, как вел себя Ф. А. Писемский во время представления ему Мэри Гастингс, сообщаемых Джеромом Горсеем в своих «Записках». Об этом же свидетельствует и отражение этого эпизода из русско-английских отношений XVI в. в комедии Шекспира «Напрасный труд любви».¹⁴

Вероятно, предание о сватовстве Ивана Грозного к английской королеве долго бытовало на русском Севере, где, как это хорошо известно, среди местного населения прочно и долго хранились эпические и исторические рассказы о далеком прошлом. Сначала, по всей видимости, это предание было близко к действительным фактам, но постепенно оно переосмыслялось, перерабатывалось в духе, отвечавшем русскому патриотизму. После событий 1853—1856 гг. это предание было приурочено к конкретным обстоятельствам русско-английских отношений этих лет и связано непосредственно с Беломорьем. Так своеобразно отразился в устном предании один из интересных эпизодов русско-английских связей XVI столетия, дойдя в устной традиции русского Севера до наших дней.¹⁵

¹³ М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. — Ученые записки ЛГУ, № 95, Серия исторических наук, вып. 15, Л., 1947 (на обложке — 1948), стр. 53.

¹⁴ См.: Шекспир и русская культура. Под ред. М. П. Алексеева, М.—Л., 1965, стр. 787—792.

¹⁵ Своего рода типологическим соответствием, подтверждающим возможность существования на русском Севере легендарных преданий, связанных с историей русско-английских связей XVI в., является фольклорный рассказ «поморенина Афанасия» о «немчине Белогороде». Заметим, что это предание было зафиксировано гораздо позже того времени, с которым оно исторически связано. См.: Землеведение, кн. II, М., 1894, стр. 95—98; В. А. Кордт. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год. — Сб. РИО, т. 116, СПб., 1902, стр. LXXXVIII; Я. С. Лурье. Английская политика на Руси в конце XVI века. — Ученые записки Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 61, Л., 1947, стр. 132—133.

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

«Титулярник» как переходная форма от исторического сочинения XVII в. к историографии XVIII в.

XVIII век — время превращения исторических знаний в науку. Уже в первой половине XVIII в. появляются исторические труды нового типа — «Ядро российской истории» А. И. Манкиева и «История российская» В. Н. Татищева, известные русским читателям первоначально по рукописным спискам.

Расцвет русской историографии приходится на вторую половину века, когда возникают многочисленные авторские работы по истории Русского государства — И. Н. Болтина, В. В. Крекшина, П. И. Рычкова, Н. И. Новикова, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера. Издаются исторические труды М. В. Ломоносова. Увлекается писанием истории Екатерина II, материалы по истории России посылаются Вольтеру. Печатаются сочинения Манкиева и Татищева, «Журнал, или Поденная записка Петра Великого», «Российская история» Ф. А. Эмина, первые тома «Истории российской» М. М. Щербатова.

Развитие это было несомненно подготовлено движением исторической мысли XVII в., тем новым периодом в отечественной историографии, который принято называть переходным от летописного к научному.¹

На всем протяжении XVII века идет поиск новой формы исторического произведения — отказ от системы летописных погодных записей, создание «истории», отвечающей деловым и идеологическим потребностям укрепляющегося абсолютистского государства.² Большую роль в этом процессе сыграли исторические повести «Смутного времени»; будучи еще не столько историей, сколько политической публицистикой, они уже являются «новыми» для XVII в. произведениями, посвященными одной теме, проводящими единую политическую тенденцию. Они же послужили источниками для последующих писателей: так, Федор Грибоедов использует в своей «Истории» Сказание Авраамия Палицына.

Потребность написания исторических работ во второй половине XVII в. носилась в воздухе. Над русской историей трудится Ю. Крижанич, новую «Степенную книгу» составляет дьяк Федор Грибоедов, распространяется в Москве печатный Синописис.

Необходимость историографической работы сознавалась правительством Алексея Михайловича, для чего в 1657 г. был организован Записной приказ во главе с дьяком Тимофеем Кудрявцевым, которого затем сменил Григорий Кунаков. Задачей их было продолжение «Степенной

¹ См.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 1, Л., 1961, стр. 44.

² См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 375—376.

книги» со времен царя Федора Ивановича до 1657 г. Начать же историю предполагалось с рассуждений «о сарматском, словенском и русском народах» по хронике Матвея Стрыйковского, с призвания варягов и далее от Рюрика написать о русских князьях «перечнем».³ Дьяки обращались за рукописными книгами и документами в Посольский, Разрядный и Патриарший приказы, к частным лицам, к очевидцам событий. Отсутствие документов и источников предопределило неуспех всего дела, ибо тот же Посольский приказ не передал дьякам никаких материалов, продолжая сосредоточивать в своих руках историографическую работу. Л. В. Черепнин считает, что именно запрос из Записного приказа побудил создать в Патриаршем приказе «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича» — труд историко-философский, связывающий церковную историю Руси с историей происхождения христианства и церкви вообще.⁴

Если историки XVIII в. рассматривали степенные книги, хронографы, летописи, дипломатические документы прошлого как источники для своих трудов, подвергали их отбору, критиковали так называемые легенды XVI в. — о происхождении рода русских князей от Августа кесаря, о призвании варягов, о Мономаховых регалиях, то для историографии XVII в. это еще настоящее, и первым двум представителям династии Романовых приходилось доказывать свое исключительное право на русский престол и подтверждать свое «братство» в сложном родстве европейских государей именно с помощью этих легенд.

Если в XVIII в. история понимается уже как история государства, то для складывающегося абсолютизма XVII в. она отождествлялась с историей государей и, может быть, поэтому форма «Степенной книги» являлась наиболее удобной и влияние ее на последующие исторические труды особенно велико. Однако требование новой формы было во второй половине XVII в. теоретически обосновано в практическом руководстве по составлению истории — «Историческом учении», наставлявшем писать «по чину историческому» и «по обычаю историков».⁵ Произведение это, источниковедчески совершенно не изученное, возможно переводное и компилятивное, несомненно связано с общеевропейской исторической ученостью и с идеями гуманистов; так, важнейшим аргументом автора служит афоризм Платона: «Подданные благоденствуют тогда, когда или философ царствует, или царь философствует».

70-е годы отмечены большой «издательской» деятельностью Посольского приказа.⁶ Руководителем, а возможно и инициатором этого предприятия был глава приказа Артамон Сергеевич Матвеев, о чем он, ссыль-

³ См.: С. А. Белокуров. Из духовной жизни Московского общества XVII в. М., 1903, стр. 53—84; Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. — ИЗ. № 14, М., 1945, стр. 109. (Далее: Л. В. Черепнин. «Смута»); Д. С. Лихачев. Наука и просвещение в России до XVIII в. — В кн.: История Академии наук СССР, т. 1, М.—Л., 1958, стр. 17—18); С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 53—56.

⁴ См.: Л. В. Черепнин. «Смута», стр. 114.

⁵ Текст «Исторического учения» — ГПБ, Ф. IV. 159; Е. Замысловский. Царствование Федора Алексеевича, ч. 1. СПб., 1871, Приложения, стр. XXXV—XLII; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 45—52, 57.

⁶ См.: И. М. Кудрявцев. Издательская деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.). — Книга. Исследования и материалы, сб. VIII, М., 1963. Тут же приведена наиболее полная библиография по Титулярнику. Основное внимание исследователей привлекали иллюстрации Титулярника, текст его не был предметом изучения.

ный, подробно писал царю Федору Алексеевичу из Пустозерска, прося о помиловании.⁷

Первая из роскошно иллюстрированных рукописных книг — «Корень великих государей царей и великих князей российских», или «Государственная книга», т. е. «Титулярник», «строилась» в Посольском приказе в январе—мае 1672 г. Текст книги составлялся двумя посольскими служащими — переводчиком Николаем Спафарием и подьячим Петром Долговым. В иллюстрировании «Титулярника» был занят целый штат иконописцев, золотописцев, художников. Тираж этого «издания» — три экземпляра — целиком дошел до нас. Первый большой «Титулярник», в десять, был сделан для Посольского приказа, два других, малых, в полдесятка, взяты «в Верх», в царскую библиотеку.⁸

В «Титулярнике» помещены портреты русских князей и царей, всех русских патриархов от Иева до Питирима, включая Игнатия и Никона, портреты современных вселенских патриархов, всех западных и восточных правителей, с которыми русские цари имели «ссылки». Одновременно книга служила гербовником: в ней имеются гербы российской и всех русских княжеств, а также всех западных и восточных государей. В малых титулярниках прибавлены портреты польских королей, начиная со Стефана Батория, и портреты сыновей царя Алексея, последним изображен маленький Петр.⁹

Хотя первоначально «Титулярник» был предназначен в основном для нужд Посольского приказа, для более удобного знакомства с правилами титулования и справок по дипломатической истории, но в какой-то мере он выполнил задачи, стоявшие перед дяками Записного приказа и имел разностороннее назначение.

В «Титулярнике» изложены три темы: родословие государей российских как родословие династии Рюриковичей—Романовых, история учреждения патриаршества на Руси и поставление в патриархи Филарета — Федора Романова, история дипломатии — история дипломатических сношений с иностранными державами царей из династии Рюриковичей—Романовых. Эта триединая история идеологически утверждала на престоле новую династию.

Родословие «Титулярника» и история поставления на патриаршество Филарета построены на двух официальных памятниках — «Проекте Утвержденной грамоты» 1613 г.¹⁰ и «Сказании о поставлении на патриаршество Филарета».¹¹ Однако, где кончается использование одного источника и начинается обработка другого, сказать трудно, так как, во-первых, «Проект» обрывается на известии об отправлении митрополита Филарета и князя Голицына с посольством в Польшу и мы не знаем, существовал ли полный его текст, и, во-вторых, «Сказание»

⁷ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. Изд. Новикова, СПб., 1776, стр. 34—35.

⁸ ЦГАДА, ф. Дрвлекранилища хартий и рукописей, 5 отд., рубр. III, № 7; ГПБ, собр. Эрмитажной библиотеки, № 440; Библиотека Государственного Эрмитажа, № 78172. (Далее текст Титулярника цитируется по рукописи: ГИБ, Эрмит. 440).

⁹ Новорожденный Петр нарисован трехлетним ребенком, что послужило поводом для ошибок в датировании малых титулярников. Загадками последних является отсутствие портрета царевича Федора, старшего сына и наследника царя Алексея.

¹⁰ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С предисловием С. А. Белокурова, М., 1906. Текст «Проекта» дан Белокуровым в разнотчтениях к тексту «Грамоты» и в «Приложении» по списку Гос. дрвлекранилища Архива Мин. иностр. дел (Отд. III, рубр. 1, дело № 6. Хранится в ЦГАДА).

¹¹ ДАИ, т. II, СПб., 1846, № 76, стр. 193.

само включает в себя текст «Проекта». Начиная с традиционной характеристики царя Федора Ивановича — «Сей же царь и великий князь Федор Иоаннович всеа России поистинне еже есть дар божий, ни о чем же о мирском царствии упражняшеся...», — текст всех трех памятников, «Проекта», «Сказания» и «Титулярника», очень близок.

После известия о поставлении на патриаршество Филарета следует характеристика царя Михаила, выдержанная в стиле деловых документов Посольского приказа, основное внимание ее направлено на дружбу первого Романова с окрестными государями. Описание болезни и смерти Михаила также выдержано в тоне документальных сообщений, а предсмертная речь его, возможно, написана специально для «Титулярника». Эта речь — завещание, в котором он передает власть своему сыну Алексею, утверждая тем самым на русском престоле династию Романовых.

Следуя за текстом «Проекта» (который в первой своей части мало отличается от самой «Утвержденной грамоты»), «Родословие» «Титулярника» дает краткие политические характеристики русских князей, близкие к литературной манере «Степенной книги»: «По Игоре же содержаше Российское государство в Киеве сын его князь великий Святослав в лето 6454-е. Сый исполнь храбрского подвига, и по Дунаю восьмьдесят градов облаадаше. Такжеде и на Цареграде тяжчайшую дань взя и убиен бысть князем печенежским в лето 6480-е».¹²

Текст «Утвержденной грамоты» 1613 г. в свою очередь не оригинален, а восходит к «Утвержденной грамоте» Бориса Годунова 1598 г.

Резкие расхождения «Грамоты» и «Проекта», написанного, по мнению Л. В. Черепнина, Авраамием Палицыным,¹³ начинаются с описания правления Бориса Годунова, с его характеристики. Если в «Утвержденной грамоте» 1613 г. сказано о Борисе «и правяше скифетр великого Российского царствия семь лет во всем благочестиво и бодроопасно», то в «Проекте», а за ним и в «Титулярнике» он назван убийцей царевича Дмитрия и гонителем Романовых: «И покусися и самое то царствие прияти, и род царский затерти и подавити, яко пшеницу в тернии».¹⁴

Романовы, вступая на престол, не шли на обострение политических вопросов, использовали официальные документы Бориса Годунова, так как избрание его было первым царским избранием, законность этого акта надо было подтвердить и опереться на него, тем более, что в мотивах избрания было много сходного — на престол сядица родственник царя по женской линии. Тем самым Борис Годунов имел не меньше прав на престол, чем Михаил Романов.

Укрепившись на престоле, Романовы круто изменили свое отношение к правлению Годунова, утверждая в официальном памятнике свои исключительные права на престол. В выборе между текстом «Грамоты» и текстом «Проекта» перед нами преднамеренный, сознательный и тенденциозный подбор документов, то, что можно назвать критикой источников.

В родословии «Титулярника» четко сформулирована теория богоизбранности династии Романовых, как единственно законных продолжателей династии Рюриковичей. Враги ненавидели молодого Михаила, так как «от многих слыша», что он будет самодержцем Российского царства,

¹² ГПБ, Эрмит. 440, л. 3. Ср. с текстом Степенной: «В та же времена сын ея великий князь Святослав воева на Болгары и по Дунаю взя осмьдесят градов и самодержествуя живый в Болгарех в Переяславцы и на Цареграде дани и выходы влимаше» (ПСРЛ, т. XXI, ч. I, СПб., 1908, стр. 12).

¹³ См.: Л. В. Черепнин, «Смута», стр. 116.

¹⁴ Утвержденная грамота, стр. 28, стр. 94.

«многизды помысливше яти его и х кралю отослати. Но безделен бысть лукавый совет тех, и блюдомага божиима всемогущима дланма никакo же оскорбити возмогoша».¹⁵

Концепция эта, фигурирующая еще в «Новом летописце»,¹⁶ повторяется и историками XVIII в.

Вторая тема «Титулярника» — о патриаршестве. Положение, когда на царском престоле сидел сын, а на патриаршем — отец, представлялось правительству Алексея Михайловича идеальным равновесием светской и духовной власти. В годы, когда судебное дело Никона, пытавшегося поставить патриаршую власть выше царской, было еще свежо в памяти, тема эта имела особый политический смысл.

Третья часть «Титулярника» — собственно история дипломатии, содержащая сведения, когда с какими государями начинались «ссылки» и каковы они теперь. В подтверждение приводятся начала дипломатических грамот с изложением титулов как русских, так и иностранных государей. В истории дипломатии проводится та же проромановская тенденция — после дипломатических грамот царя Федора Ивановича сразу идут дипломатические документы царя Михаила, полностью игнорируется внешняя политика Годунова, Шуйского, не говоря уже о самозванце.

Вероятно, при составлении в 1672 г. «Титулярника» в Посольском приказе были разобраны документы. Это дало повод сделать в 1673 г. повую перепись дел Посольского приказа, и выявилось большее количество дел, чем было известно при составлении «Титулярника», так как уже в первый экземпляр «Титулярника» вносились поправки в виде приписок на полях, делавшиеся служащими Посольского приказа для своих практических справок. Интересен в этом отношении список ГБЛ, которому предпослано оглавление типа подробной аннотации с цитированием начала статей и указанием страниц.¹⁷

В самом тексте «Титулярника» есть указания на то, что проводился розыск материалов: «И у великих государей царей и великих князей российских с курфирстры с мейнским, с коленским, с триерским, с ренским, з баварским зсылки были-ль, в государственных посолских книгах не сыскано».¹⁸

Иногда сопоставляются разные источники, дана их критика: «Описание королей свейских, которые быша до рожества Христова, кто же в которое лето королевствовати нача, и того за несогласием многих летописцов не обретоша».¹⁹

Большое внимание в «Титулярнике» уделено делам польским. С них собственно и начинается история дипломатии, ибо после присоединения Украины в царском титуле появились новые элементы — царь стал титуловаться «великия и малыя и белыя России самодержцем», «титла пишутся с новоприбылыми княжествами».

История конфликтов с польским королем и переговоры с Богданом Хмельницким изложены в «Титулярнике» по текстам постановлений Земских соборов 1651 и 1653 гг.

¹⁵ ГПБ, Эрмит. 440, л. 7.

¹⁶ См.: Л. В. Черепнин. «Смута», стр. 83—86.

¹⁷ ГБЛ, собр. Ундольского № 819 (М 8639). Около титула шведского короля: «королю и отчинному князю» примечание на полях: «и отчинным князем свейский король писатись в грамотах своих не учел, как он коронован в прошлом во 182 году. У великого государя в грамотах с того времени отчинным князем не пишут же» (л. 87 об.).

¹⁸ ГПБ, Эрмит. 440, л. 170.

¹⁹ Там же, л. 149.

Королю Яну Казимиру ставилось в вину неисправное титулование русских царей: Михаилу Федоровичу, патриарху Филарету, Алексею Михайловичу и «всему Росийскому царствию учинены злые безчестья и укоризны, и хулы, чего не токмо великим государем христианским, помазанником божим, и простому человеку слышать не годитца». ²⁰ В актах Земских соборов сказано: «...слышати и терпети невозможно и помыслити страшно». ²¹

Мотивировка обращения Богдана Хмельницкого к русскому царю также взята из материалов Земских соборов:

«А к т ы»

Да в прошлых годех присылал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси запорожский гетман Богдан Хмельницкой и все войско запорожское посланников своих многижда, что паны Рада и вся Речь Посполитая на православную христианскую веру греческого закона и на святых божия восточных церкви возстали, и гонение учинили большое и их, запорожских черкас от истинной православной христианской веры, в которой они издавна живут, учили отлучать и неволигь к своей римской вере, и церкви божии запечатали, а в иных учинили унию. ²²

«Т и т у л я р н и к»

И в прошлом во 161-м году били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу войска запорожского гетман Богдан Хмельницкой со всем войском Запорожским обоих сторон Днепра от полского Яна Казимера короля в подданство, что им от короля и от Речи Посполитой учало быгь гоненис, и благочестивые церкви греческого закона превращати в костелы и в унсю. ²³

К польским делам возвращается «Титулярник», разбирая вопросы родословия польских королей. Это один из немногих случаев, когда под 7086 г. приводится полностью текст грамоты, написанной от имени бояр к Стефану Баторию с изложением родословия русских князей от Августа Кесаря и их «братства» с другими европейскими государями: «А Седмиградского государства нигде есмя не слышали» и «государю вашему Стефану с нами в родном братства быти непригоже». ²⁴

В тексте «Титулярника» находим мы и полный перевод грамоты константинопольского патриарха Иоасафа Ивану IV с утверждением его в царском титуле, с упоминанием, что у подлинной грамоты «у переводу по склейкам рука Константина Христофорова». Есть основания думать, что эта грамота была вторично переведена с греческого в 1670 г. специально для «Титулярника». ²⁵

Вероятно, из статейных списков попали в «Титулярник» имена многих послов, посланников, гонцов.

«Титулярник» — не только справочник для дипломатов, но и книга для чтения. В нем чувствуются отголоски литературных произведений, проникших в текст «Титулярника» в основном под влиянием «Степенной книги».

В характеристике Александра Невского: «...храбрый князь, великий Александр Ярославич зовомый Невский, иже над германы преславную победу показа на реке на Неве, и на христианскую веру безбожнаго Бер-

²⁰ Там же, л. 11.

²¹ Акты, относящиеся к истории Земских соборов. Под ред. Ю. В. Готье, М., 1909, стр. 67. (Далее: Акты).

²² Акты, стр. 72.

²³ ГПБ, Эрмит. 440, л. 11.

²⁴ Там же, л. 137 об. Вероятно, имеется в виду грамота, посланная с польским послом Станиславом Крыйским. Ср.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, Послание польскому королю Стефану Баторию, стр. 217, 656, 658, 660.

²⁵ Соборная грамота 1561 г. Изд. М. А. Оболенского, М., 1850, стр. 48.

кая царя льяворостный гнев в орде укроти, и по смерти даром чудесы от бога прославлен. Преставился же в лето 6771-е, во мнишеском образе имя бе ему Алексей»²⁶ видна обработка редакции «Жития Александра Невского», помещенного в «Степенную книгу».

Почти дословно по тексту «Степенной» приводится история спасения Москвы от «нахождения Темир-Аксака» заступничеством «чюдотворного образа пречистыя богоматери, его же богогласный Лука написа»,²⁷ а также легенда о воцарении Тамерлана — «той Темир-Аксак не царь бе родом», история происхождения имени Темир-Аксак — Железная нога, рассказ о его жестоких завоеваниях.

Из «Степенной книги» попал в «Титулярник» отрывок из «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера о знамени, предвещающем гибель Царьграда: «А месяца мая в 21 день против пятка в Царствующем граде бысть знамение страшно... яко осветившуся граду... и видяху вси из окон церковных велику пламени изшедшу».²⁸

В манере «Степенной книги» составлен панегирик Ивану Грозному:

«Титулярник»

... благочестию рачитель и по христианской вере крепкий поборник, и в своих государственных чинех и поведениях зело премудр. И высочайшую честь, и вышехваленую славу царствия — венец на главу свою восприят, его же взыска от древних лет, от прародителя своего великого государя и великого князя Владимира Манамаха. От премудраго же его разума и от храброго подвига все окрестные государства имяни его трепетали, зане знаменит бе и храбр и в победах страшен. И мусульманские государства, царство Казанское, царство Астараханское и царство Сибирское и ливонских немец землю под свою высокую руку покори, и в плену держимых христиан тмочисленных свободы. Наипаче же от потрясения меча его германстии родове страпишася.²⁹

«Степенная книга»

Сие богоподражательный победоносец боговещанный царь, благодатное имя Иван, богу поспешествующу ему великий подвиг показа за порученную ему от бога пасиву словесных овец достохвальную победу над враги сотвори и христианский плен от поганых татар посвоиси возврати и богом дарованное ему царство Казанское благоразумно усрои, яко же лепо быти ему... Бысть же радость велия и неизреченна о таком преславной победе не токмо во едином Русьском царствии, но и во всех дальних странах, иде же истинное православие, во иноверных же странах бысть тогда печаль и уныние и страх, и мнози страны мира требовашу.³⁰

Из «Степенной книги» дополнилось «Родословие» «Титулярника» именами князей Святополка Изяславича, Мстислава и Ярополка Владимировичей, Всеволода и Игоря Ольговичей. В рассказ о великом князе Василии Дмитриевиче добавлено, что он «женат был у великого князя Литовского у Витофта на дочери Софии. А дочь его, великого князя Василия, княжна Анна была замужем за греческим царем за Мануилом Ивановичем Палеологом».³¹ Сведений этих нет в тексте «Утвержденной грамоты» и «Проекта».

«Степенная книга» не была единственным источником для первой части «Титулярника». Подробная история о присылке царских регалий Владимиру Мономаху взята составителями из «Сказания о князьях Владимирских». Соотносится текст «Титулярника» и с повестями «Смутного

²⁶ ГПБ, Эрмит. 440, л. 4; см.: Манси́кка. Житие Александра Невского. (Разбор редакций и текста). — ПДП, CLXXX, 1913, стр. 158; ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 8.

²⁷ ГПБ, Эрмит., 440, лл. 4 об., 198; ср.: ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, СПб, 1913, стр. 408—409.

²⁸ ГПБ, Эрмит., 440, л. 191 об., ср.: ПСРЛ, XXI, ч. 2, стр. 499, 501.

²⁹ ГПБ, Эрмит. 440, л. 5—5 об.

³⁰ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 648—649.

³¹ ГПБ, Эрмит. 440, лл. 4 об.—5; ср.: ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 413—414.

времени». Мы находим упоминание о том, что Гришка Отрепьев был сожжен в «соделанном от него адском ларе» — в «Проекте» сказано «киотице». Противоречивые сведения об этом сооружении — медном змее, изрыгавшем пламя (у автора «Иного сказания»), маленькой крепости, украшенной изображениями чертовых голов (у Исаака Массы), деревянном аде (в «Сказании о самозванце» и в «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов»), — дали основания ученым видеть в нем то театр и театральную декорацию, то гуляй-город.³²

Рассказ об «Аде» расстриги есть и в Хронографе,³³ откуда, возможно, он попал в маленький Лицевой летописец конца XVII в., компилятивное произведение о «Смуте», иллюстрированное, как и «Титулярник», портретами русских царей и сценой убийства царевича Дмитрия.³⁴

Однако «Титулярник» не только книга для чтения, но и книга учебная. Возможно, он был в числе тех исторических книг с иллюстрациями, которые использовал Никита Зотов, обучая истории маленького Петра. Возбуждая интерес Петра к «кунштам», учитель показывал ему картинки и рассказывал о русской старине, о делах его отца и деда, о царе Иване Грозном, о Дмитрии Донском, Александре Невском, князе Владимире.³⁵ Из библиотеки царевичей копии «Титулярника» попадали в библиотеки других высокопоставленных лиц. Так, у кн. В. В. Голицына была «книга о послах»,³⁶ возможно «Титулярник». Известен «Титулярник» и в библиотеке гр. Г. Орлова. В Публичной библиотеке есть список «Титулярника» с медальонами для портретов.³⁷

Занимаясь вопросами русской истории, интересовался «Титулярником» М. В. Ломоносов.

«Титулярник» можно рассматривать и как произведение искусства. Иллюстрированный портретами, гербами, орнаментированный яркими рамками с фантастическим растительным узором, близким книжному печатному орнаменту, с тщательно выписанными пышными одеждами царей, он принадлежит к произведениям барокко.

Портреты большого «Титулярника» резко отличаются от портретов двух малых. Если в большом все князья до Ивана IV выполнены в традиционной иконописной манере, то в малых титулярниках все портреты носят светский характер, что более соответствовало его «учительному» назначению. Возможно, в этом различии отразились споры об иконописи и живописи второй половины XVII в. Фантастический портрет князя Святослава вполне согласуется с его характеристикой в «Родословии» как князя воина. Он показан в движении, может быть в бою, прикрывается щитом, меч занесен как бы для удара, не помещается в рамках медальона, фигура дана в повороте, пряди бороды отнесены назад, что дополняет впечатление движения.

³² ПДП, изд. ОЛДП, СХ, 1895, стр. 4. Сказание о Самозванце по списку Московского публичного музея № 3141. Сообщение С. Ф. Платонова. Последний ссылается на П. О. Морозова (статья «К истории русского театра») и Ф. А. Витберга (Русская старина, 1892, декабрь, стр. 596—616).

³³ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 237—240.

³⁴ ПДП, СIV, Лицевой летописец XVII в. Изд. С. Ф. Платонова и Н. В. Покровского, СПб., 1893.

³⁵ Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крекшина. — Записки русских людей. События времен Петра Великого. Изд. Сахарова, СПб., 1841, стр. 21.

³⁶ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 2. Киев, 1892, стр. 1075.

³⁷ ГПБ, собр. Толстого, т. IV, 173 (I.215), список конца XVII—нач. XVIII в.

«Портретная сюита» титулярников, выполненная одним из учеников Симона Ушакова, Иваном Максимовым, «сыграла значительную роль в подготовке светского станкового портрета в русском искусстве XVII в.»³⁸ По образцу парадных портретов «Титулярника» писались портреты царей Алексея, Федора, Петра, Софьи. В 1703 г. портретами царей Михаила и Алексея были украшены триумфальные ворота, построенные для встречи Петра, возвращавшегося в Москву из шведского похода после завоевания Шлотбурга, Ямбурга, Копорья.³⁹

Образцами для помещенных в «Титулярнике» портретов европейских королей, римского папы, венецианского дожа послужили известные на Руси западные гравюры. Портретность европейских государей несомненна. Так, Карл XI, про которого в «Титулярнике» сказано, что он остался после смерти своего отца Карла Густава пяти лет, изображен ребенком с длинными волосами.

Предполагается, что портрет грузинского царевича Николая Давидовича сделан с натуры.

Словесный портрет авторов XVII в. воплотился в «Титулярнике» в портрет живописный. Эту традицию продолжил Татищев, сочинивший для своей истории словесные портреты и пытавшийся иллюстрировать ее портретами великих князей, правда неудачно, так как выполненные Касселем, они не удовлетворили историка.⁴⁰

Гербовники вызывали у русского читателя интерес и становились неотъемлемой частью исторических трудов XVIII в. Так, «Ядро российской истории» Манкиева заканчивается описанием всех гербов «державы Российской и уездов, в ней содержимых».

Возможно, знакомство с гербами «Титулярника» определило интерес к символическим изображениям и впоследствии способствовало успеху книги «Символы и эмблематы».

Не только иллюстрации, но и текст «Титулярника» оказал влияние в целом ряде деталей на последующие исторические работы. В них включаются царские родословия, повторяющие схему официального родословия «Титулярника» (у Манкиева, Крекшина, Татищева).

К XVIII в. складывается традиция включать в историческое изложение большое количество документов. Ломоносов, критикуя I том «Истории Сибири» Миллера, замечает, что большая часть ее «не что иное есть, как только копия с дел канцелярских», и добивается постановления Академии наук, предписывающего ограничиваться ссылками на архивные документы.⁴¹

Однако в дипломатической практике вслед за «Титулярником» продолжали составляться сборники документов и справок, как бы продолжающая начатую в 70-х годах работу.

Так, при подготовке Великого посольства Посольский приказ делает копии статейных списков за XVII век в страны «папина, цесарская, венецкая, флоренская, галанская, дацкая, аглииская, бранденбургская», решает вопросы титулования.⁴²

До нас дошел ряд исторических сочинений конца XVII — начала XVIII в., целиком идущих в русле тем и традиций «Титулярника»:

³⁸ Е. С. Овчинникова. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955, стр. 76.

³⁹ См.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. М.—Л., 1958, стр. 91.

⁴⁰ См.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 233.

⁴¹ См.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 6, М.—Л., 1952, стр. 562.

⁴² См.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 71.

«Краткое описание жития, владения и смерти государствующих королей шведских от рождества Христова даже до сего времени (1697) из лучших шведских писателей сыскано», «Описание Рима и двора папского», «Пресветлейший свет, или Краткое приятное генеалогическое и политическое описание почитай всех нынешних живых пресветлых высоких персон».⁴³

Задача собирания дипломатических документов стояла и во времена Екатерины. Необходимость иметь «дипломатический корпус», издание дипломатических документов Миллер незадолго до назначения своего начальником архива иностранных дел мотивировал тем, что оно было бы пригодно для тех, «которые предназначаются в „министры“, а „издание записок посольства с древних времен“, как он называл несомненно статейные списки, было бы „сокровищем для истории и еще более для образования молодых политиков“. Екатерина открыла Щербатову доступ к архивным актам и вслед за тем предписала Миллеру готовить дипломатический корпус».⁴⁴

Сам «Титулярник» вызывал интерес. С него в XVIII в. была сделана рукописная копия со всеми иллюстрациями в красках.⁴⁵

В 90-х годах XVIII в. текст «Титулярника» дважды издавался. Первое издание — в XVI томе «Древней российской вивлиофики», но не с подлинника, а с какого-то более позднего списка, имеющего прибавления: историю происхождения славян от потопа до собора 7000 г. В перечислении князей в печатном тексте путаница, в истории дипломатии пропуски, характерные для одного из списков ГПБ.⁴⁶

Вторым явилось сокращенное издание историка Тимофея Мальгина под названием «Чинovníк российских государей», сделанное с одного из подлинников, — «для любителей отечественной истории».⁴⁷ Мальгин издал только «Историю дипломатии», а «Родословие» намеревался впоследствии заменить им самим сочиненным и три раза изданным «Зерцалом российских государей». Объясняет он свое предприятие желанием сохранить для потомков замечательный памятник, если рукописные экземпляры не сохранятся. Однако подлинники «Титулярника» известны едва ли не лучше, чем издания XVIII в.

«Титулярник» — типичный памятник переходной эпохи XVII в. Его отличие от летописного изложения истории и приближение к историческим трудам XVIII в. несомненно. Четкая концепция, монографичность отличает его от летописи, стремившейся прежде всего к наиболее полному охвату событий. Упадок летописания в XVI в. вызвал соединение летописи с архивом, но летописец использовал в основном текущую дипломатическую документацию. Обращение авторов «Титулярника» к архиву Посольского приказа XVI в. — грамотам и статейным спискам — и к официальным документам 1613 г. возводило их в ранг исторических источников, что характерно уже для историографии XVIII в.

⁴³ ГПБ, Q. IV. 87, нач. XVIII в.; Q. IV. 125, кон. XVII в.; Q. IV. 117, нач. XVIII в.; см.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 71.

⁴⁴ С. Н. Валк. Исторический источник в русской историографии XVIII в. — Проблемы истории докапиталистических обществ, М.—Л., 1934, стр. 53.

⁴⁵ ГПБ, F IV. 764.

⁴⁶ ГПБ, F IV. 220.

⁴⁷ Чинovníк российских государей... Изд. Т. Мальгина, СПб., 1792.

О. В. ТВОРОГОВ

**Древнерусский перевод «Троянской истории»
Гвидо де Колумна и издание 1709 г.**

Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна привлек внимание исследователей уже более ста лет назад. А. Н. Пыпин в 1856 г. полагал, что «русский перевод, конечно, не древнее XVII века»,¹ и ошибочно утверждал, что «Повесть заменяет иногда в хронографах... историю „О создании и поплении Тройском“».² П. Пекарский писал об издании «Троянской истории» в Петровское время: «Неизвестно, существовал ли у нас до времен Петра Великого рукописный перевод этой хроники, или же он был сделан нарочно для печатного издания в 1709 г.»³ О том же издании А. Н. Пыпин высказал аналогичное предположение: «При Петре Великом... Троянская история была переведена снова и издана в 1709 году».⁴

Но В. Н. Щепкин обнаружил текст «Троянской истории» в Лицевом своде середины XVI в. и установил, что это древнерусский перевод с латинского, «который за самыми незначительными пропусками буквально совпадает с изданием 1489 г.»⁵ (имеется в виду издание: *Historia destructionis Troiae*. Strassburg, 1489). В 1934 г. Н. В. Геппенер сообщил о другом списке Троянской истории, также середины или второй половины XVI в., — рукописи ЦГАДА, собр. Мазурина № 368 — и на основании сравнения обоих списков дал им такое определение: список ГИМ «можно считать копией, исполненной опытным... писцом с не вполне исправного (или же, по мнению Щепкина, писанного нечеткой скорописью) оригинала», а Мазуринский список — «в деталях иногда более близкий к латинскому, но чаще искажающий смысл, — вероятно, не слишком тщательная копия с хорошего оригинала».⁶ В этой же статье давалась характеристика и особой, краткой, редакции и высказывалось предположение, что оригинал перевода отстоит по времени от древнейших списков и, быть может, относится к концу XV в.⁷ В по-

¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 59.

² Там же, стр. 60. В действительности в хронографах редакции 1617 и 1620 г. вместо статьи «О создании и поплении Тройском», находящейся в Хронографе редакции 1512 г., содержится статья «О златом руне волшебного овна», извлеченная из Хроники Мартина Бельского.

³ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II, Описание славяно-русских типографий 1698—1725 годов. СПб., 1862, стр. 215.

⁴ А. Н. Пыпин. Очерк, стр. 61.

⁵ В. Н. Щепкин. Лицевой сборник имп. Российского исторического музея. — ИОРЯС, т. IV, 1899, стр. 1367.

⁶ Н. В. Геппенер. К истории перевода повести о Трое Гвидо де Колумна. — Сборник статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 355.

⁷ Там же, стр. 355—356, 359.

следующих работах обобщающего характера — монографии акад. А. С. Орлова о переводной литературе Киевской и Московской Руси и в десяти-томной истории русской литературы в основном повторяются мнения В. Н. Щепкина и Н. В. Геппенера.⁸

Неясным оставался вопрос об издании 1709 г. В описании изданий гражданской печати Т. А. Быкова и М. М. Гуревич пишут: «В литературе не установлено окончательно, был ли для печати использован старый, несколько переработанный перевод или сделан новый».⁹ В уже упомянутой статье Н. В. Геппенер писал, что в основу издания 1709 г. положен текст, близкий к списку Уварова № 1310 (525), «но еще более сокращенный и несколько измененный со стороны языка».¹⁰

В настоящее время можно несколько дополнить сведения о судьбе перевода «Троянской истории» на русской почве. Автор ее, мессинский судья Гвидо де Колумна, завершил работу над романом в 1287 г. Сюжет его восходил, как полагают, не непосредственно к эллинистическим версиям «Троянской истории» Диктиса и Дарета, а через французскую их переработку — «Роман о Трое» Бенуа де Сен-Мора (середины XI в.). Латинский оригинал «Троянской истории» сохранился в рукописях, древнейшие из которых относятся к 30-м годам XIV в.,¹¹ и в изданиях XV в.¹² Примечательно, что первые издания Троянской истории появляются буквально через два десятилетия после начала западноевропейского книгопечатания, что свидетельствует о большой популярности этого сюжета в средневековой Европе.

Древнерусский перевод, как справедливо отметили уже В. Н. Щепкин и Х. Лопарев,¹³ отличался точностью, даже буквализмом, в конечном счете превратившими текст местами в труднопонимаемый подстрочник. Видимо, это и послужило одной из причин, почему «Троянская история» вскоре подверглась редакционным переработкам. В настоящее время известно четыре списка древнейшей редакции русского перевода: Музейский (ГИМ, Музейск. собр. № 358, сер. XVI в.), Мазуринский (ЦГАДА, собр. Мазурина, № 368, втор. пол. XVI в.), Академический (БАН, Тек. пост. № 15, XVII в.) и Уваровский (ГИМ, собр. Увар., № 525 (1310) коп. XVII в.). Предварительные текстологические наблюдения позволяют утверждать, что ни один из названных списков не восходит к другому, что первые три довольно хорошо передают текст протографа — оригинала перевода (возможно, восходя непосредственно к нему или через промежуточные списки). Однако списки Академический, Ма-

⁸ См., например: А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934, стр. 43—45; История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 294—298; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 7-е, М., 1966, стр. 162. Отметим, что в монографии А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков» (СПб., 1903) перевод «Троянской истории» не упоминают.

⁹ Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725. М.—Л., 1955, стр. 89.

¹⁰ Н. В. Геппенер. К истории перевода, стр. 360.

¹¹ Это, например, рукописи 1334 и 1338 гг. Британского музея и Национальной библиотеки США. См.: Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae. Edited by Nathaniel Edward Griffin, Cambridge Mass., 1936 (The Mediaeval Academy of America. Publication № 26), стр. XII.

¹² Известны издания 1473(?), 1477, 1480, 1481, 1483, 1486, 1489 и 1494 гг. См.: там же, стр. XIV—XV.

¹³ Х. Лопарев писал о списке начала XVII в. из собрания ОЛДП Q CXXXII (в настоящее время список утрачен), что он представляет собой «буквальный перевод Гвидоновою истории Троянской войны». См.: Хрисанф Лопарев. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности, ч. 2. СПб., 1893, стр. 209.

зурицкий и Музейский имеют механические лакуны, а Музейский, сверх того, и лакуны редакционного характера. Уваровский список полный, но самый несправильный: в нем много текстуальных искажений. Эти списки полного древнерусского перевода мы называем Древнейшей редакцией (далее — *Д*). Нам известно еще пять переработок «Троянской истории»: Краткая редакция, с ее вариантами и редакции, представленные отдельными списками — ГБЛ, собр. Овчинникова № 506¹⁴ и ГПБ, собр. Погодина № 1772 и собр. Титова № 2953. Кроме того, существовала редакция, положенная в основу издания 1709 г. и поэтому называемая далее Печатной редакцией (редакцией *П*). Рукописных списков этой редакции, представляющих издание, пока не обнаружено.

Что же представляла собой редакция, положенная в основу издания 1709 г.,¹⁵ к какому источнику она восходит? Можно с бесспорностью установить наибольшую близость *П* редакции к Овчинниковской (далее — *О*), являющейся, в свою очередь, сокращением и переделкой редакции *Д*. Близость редакций *О* и *П* может быть подтверждена многочисленными примерами общих изменений, присущих этим редакциям. Приведем один из наиболее характерных примеров. В рассказе о Трое, воссозданной царем Приамом, говорится: «Ibi ludi subito irascibiles aleatum, his repentina dampna et lucra momentanea taxillorum».¹⁶ Древнейшая редакция передает этот фрагмент почти с буквальной точностью, за одним исключением: «aleatum» — «азартные игры в кости» отождествлены здесь с игрой в шашки — «игры... тавленные».¹⁷ Итак, в Музейском списке редакции *Д* читается: «Ту игры вскоре разгневаемые тавленные, ту скорые шкоты пребыти внезапные зернию».¹⁸ В Овчинниковском списке фраза повторена с той же особенностью перевода, что исключает предположение о самостоятельном переводе, легшем в основу редакции *О*: «Ту игры вьскоре разгневаемые тавленные и скорыя шкоты и прибытки напрасныя зерню».¹⁹ Редакция *П* имеет больше всего сходства именно с *О*: «Ту и игры вскоре разгневаемые тавленные, и скорыя шкоты и прибытки напрасныя, зерню».²⁰ Приведем несколько примеров общих чтений *О* и *П*, отсутствующих в *Д*. Только в *О* и *П* дары, которые Медея вручила Язону, перечислены в таком порядке: «образ», тыква и перстень (в *Д* «образ», «масть» лечебная, перстень, тыква). В *О* сказано, что Язона, отправляющегося на битву со «стражами» золотого руна, сопровождает на берег моря Геркулес и «прочии воины», в *П* это добавление еще более развито: «Язон... вседе на избранный конь свой, такожде и Геркулес, и прочии гречестии и благороднии князи и вельможи царя Оетеса, провождающе Язона».²¹ В *О* статья «О основании великия Трои царя Приама преновленной» оканчивается словами: «Сего ради да внем-

¹⁴ Список указан мне Л. В. Тигановой, за что приношу ей сердечную благодарность.

¹⁵ История в ней же пишет о разорении града Трои Фригийского царства. Непечатана же славенски, повелением царского величества в типографии Московской лета господня 1709-го в месяце июнии. (Далее: История). См.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание, стр. 88.

¹⁶ Cuido de Columnis. Historia, стр. 49.

¹⁷ Выражаю глубокую признательность А. И. Зайцеву за консультацию.

¹⁸ ГИМ, Музейск. № 358. В списке БАН текущ. пост. № 15 — «прибытки незашные».

¹⁹ ГБЛ, собр. Овчинникова, № 506, л. 30. В данной работе нет возможностей остановиться подробнее на подтверждении того факта, что *О* восходит именно к *Д*, а не к иному переводу «Троянской истории».

²⁰ История, стр. 73.

²¹ ГБЛ, собр. Овчинникова, № 506, л. 15 об.; История, стр. 37.

люют настоящие истории четвы, кол худою и лехкою виною толь сильных произиде пагуба»; в *П*: «И сего ради да внемлют настоящей истории четвы, коль худою и малою виною толь великих и толь сильных произиде пагуба».²² В перечне внебрачных сыновей Приама в *П* и *О* имются общие ошибки: Какикабул (вместо Коссибуланс), Емаргарон (вместо Эмазгорас), Амфимак (вместо Алмадиян?) и т. д.²³ Количество примеров можно без труда увеличить. Мнение Н. В. Геппенера о близости *П* к списку ГИМ, собр. Уварова № 525,²⁴ моими наблюдениями не подтверждается.

В то же время очевидно, что *П* восходит не непосредственно к списку Овчинниковского собрания № 506, а к его протографу. В *П* сохранились фрагменты, опущенные в списке *О*; отсутствуют некоторые индивидуальные ошибки списка *О*, имеющиеся в последнем перестановки в тексте и т. д.²⁵

Редакция *П* является существенной переработкой Троянской истории. Если Краткая редакция, редакция *О*, редакция, представленная списком собр. Погодина № 1772, по существу лишь разные виды сокращенных редакций, в которых составители опускали всякого рода «отступления» Гвидо (например, его рассуждения на моральные, исторические, мифологические или научные темы) и сокращали пространнейшие монологи персонажей, сохраняя, однако, основной сюжет и «дух» произведения, то Печатная редакция не только сокращает, но и дополняет текст, при этом подвергая его самой решительной идеологической переработке. Под пером редактора роман авантюрно-героический и приключенческий превратился в роман «высокой» исторической патетики.

Редактор — возможно, под впечатлениями тяжелых событий «Смутного времени» — охотно предается (чаще всего от лица персонажей) рассуждениям о чести государства и власти, о причинах войн и возможности избежать конфликтов. Так, если в редакции *Д* (в соответствии с латинским оригиналом; в дальнейшем это соответствие не оговаривается) упоминается лишь, что Эсон (Ясон) передал власть своему брату — Пелию, и что сын Язона (также Язон) с почтением относился к царствующему дяде, то в *П* вводится следующий пассаж: «Имяше бо царь он (т. е. Эсон, — *О. Т.*) сына у себе, именем Язона, зело во отроческих летех, и наказа о нем прилежно Пелеа, брата своего, пред всем сигклитом, и пред гражданы своими, да попечение прискренне покажет о воспитании юнаго. И егда, рече, приспее отроча в возраст юношества своего, да предаст ему царство Тесалийское, яко истинному наследнику. Царь же Пелей обещася сотворити тако, и клятвами яко же узами себе связа, еже соблюсти царство Тесалийское, и предати оное сыну его».²⁶ Мысль о необходимости согласия и взаимной любви между представителями царствующего дома вложена редактором и в уста царя Приама. Он говорит: «О любезнии мои сынове! Весте, яко аз вас родих, вы же от мене родистесь, и кождо нас союзом сим вкупе вси связани есмь и соединени. И сего ради должи есмь во всех получениях радосных и печальных друг другу соединитися и соприобщатися».²⁷ В редакции *Д* Гелен

²² ГБЛ, собр. Овчинникова № 506, л. 27; История, стр. 62.

²³ ГБЛ, собр. Овчинникова № 506, л. 28—28 об.; История, стр. 66.

²⁴ См.: Н. В. Геппенер. К истории перевода, стр. 360.

²⁵ Например, в *О* опущено начало главы «О третьей брани троянской и греческой», в *П* ему соответствует глава «О послании послов греческих ко царю Приаму» (История, стр. 230). В *О* в рассказе о сне Париса ошибочно переставлены имена богинь — Паллады и Юноны (л. 41), в *П* они, как и в *Д*, названы верно, и т. д.

²⁶ История, стр. 4.

²⁷ Там же, стр. 90.

(Елен), четвертый сын Приама, лишь напоминает о даре пророчества, которым он обладает, и советует не посылать Париса в Грецию, так как в этом случае Приаму и его близким грозит смерть. В редакции *П* Гелен обращается к отцу с пространнейшими моралистическими рассуждениями: «Понеже убо ты, великий царю, истинный и правый царь именуешься, якоже и есть, почто же к толице неправде благородие свое уклоняеши, и почто злому сему начинанию не возбраниши, но уже и в дело беззаконие се произвести покушаеши? Кая бо есть правда, или коего благородия дело, еже восхищати жены чужия, и отводити их во своя отечества, и тем осрамошати свою царьскую державу?»²⁸

Редактор охотно сочиняет отсутствующие в *Д* и *О* описания пышных придворных церемоний, любит перечисление богатого убранства и роскошных нарядов, заставляет персонажи произносить «этикетные» речи. Например, лишь в *П* встречается пространное описание торжественной встречи Язона и Геркулеса царем Эетом (Оетесом), когда «воинство и народ» встречают греков «с тимпаны и органы, с трубами же и гусльми, и со прочими орудии играний мусикийских», а Язон и Геркулес «в царском наряде», «в чудном украшении» восседают на конях, окруженные толпами горожан, которые «стицахуся с женами и с детьми видети бывшее», и т. д.²⁹ Лишь в *П* мы встречаем описание греческого войска, отправляющегося против царя Лаомедонта: «Доспехи бо их бяху и щиты позлащенные и шлемы златоконьяны; оружия такожде позлащенные, и яко вода изчищены блещахуся; паволоцы же верху доспехов их различные цветы имущия зело многоценныя» и т. д.³⁰ Плененная Парисом Елена плачет, «помяная славу царствия своего и дщерь свою Ермонию, юже остави, к тому же еще зря и иных благородных своих жен и девиц» плачет, «помышляя, яко мене ради единыя сии вси отечества своего отпадоша, девицы родителей, жены же мужей и детей своих лишися, и быша пленницы в земли чуждей, такожде и сама аз бывши иногда царица, а ныне таже пленница бых».³¹ В *Д* лишь говорится, что Елена плачет, вспоминая «царя мужа и царей братию, и дщерь, отечества и знакомых рыдает»,³² а в *О* даже косвенная речь Елены в этом месте отсутствует (что, возможно, является особенностью лишь данного списка).

Помимо общих с *О* сокращений, редакция *П* имеет и свои сокращения также с четко выраженной идеологической направленностью; из романа почти совершенно устраняется любовная линия. Полностью опущено описание переживаний влюбленной Медеи, ее свиданий с Язоном, а их речам придан изысканно-церемонный характер.³³ Отсутствует описание красоты Елены, описание встречи Елены и Париса в храме Афродиты. Вместо подробного (даже в *О*, хотя и там есть некоторые сокращения сравнительно с *Д*) рассказа в *П* осталась одна фраза: «Юже Парис

²⁸ Там же, стр. 101—102.

²⁹ Там же, стр. 21—22.

³⁰ Там же, стр. 47—48.

³¹ Там же, стр. 122.

³² ГИМ, Музейск., № 356, л. 660.

³³ Любопытно проявление редакторского пуризма даже в деталях. В редакции *О*, как и в *Д*, говорится, что отец на первом пиру повелел Медее «близ Язона сести», а во время второй встречи Медея уже сама «подле Язона избра сести» (ГБЛ, собр. Овчинникова, № 506, лл. 8 и 9). В *П* в первом случае «отец ея подле себя сести повеле», а во втором — она «подле отца своего седе, яко же и прежде». В *О* говорится, что Медея начала беседовать с Язоном, видя, что отец увлечен разговором с пирующими, в *П* же подчеркивается, что Медея обращается к отцу: «О пресветлый и благородный отче мой, великий царю, аще повелит ми держава твоя, да възглаголю целомудренне чином девическим» (История, стр. 28).

виде зело удивися» (видимо, красоте Елены).³⁴ Описание встречи Ахиллеса и Поликсены и вспыхнувшей любви героя к троянской царевне также сведено в *П* до одной фразы: «Ахиллес же егда виде Поликсену, красотою цветущую, восхоте имети ея себе в жену». ³⁵ Наконец, опущен рассказ о любви Троила и Брисекды и об измене последней Троилу. Оставшиеся в *П* рассуждения о женском непостоянстве после этого сокращения воспринимаются как упреки в ее измене троянцам.³⁶

Помимо рассмотренных идеологических редакционных изменений, в *П* многочисленны перестановки, лексические поновления, словом, изменения, естественные при создании редакции, так свободно обращающейся со своим оригиналом.

Попытаемся выяснить историю создания редакции *П*. В 1889 г. И. Шляпкин сообщил, что в принадлежащем ему списке «Троянской истории», являющемся рукописной копией с издания 1717 г. (как и остальные издания XVIII в., издание 1717 г. с незначительными лексическими поновлениями и изменениями в заглавии повторяет издание 1709 г.), имеется стихотворное предисловие с акростихом: «Феодор Злобин сию Историю написал памятию». «Кажется, можно предположить, — пишет И. Шляпкин, — что неизвестный переводчик или вернее составитель „Троянской истории“ по польскому оригиналу и был Феодор Злобин». ³⁷ Как уже говорилось, не приходится думать о существовании какого-либо нового перевода в конце XVII в.: редакция *П* через посредство *О* восходит к той же редакции *Д*, буквальному переводу латинского издания XV в. Следовательно, Федор Злобин мог быть в лучшем случае составителем новой редакции «Истории». Помещение стихотворного предисловия при копии с издания 1717 г. оказалось случайным: второй его список находится в сборнике, правда, также содержащем текст «Троянской истории», но не в Печатной, а в Краткой редакции.³⁸ При этом стих отделен от текста «Истории» другими произведениями.

И все же есть основание связывать имя Федора Злобина именно с редакцией *П*. В описании рукописных собраний, составленном А. Е. Викторовым, имеется указание на Федора Злобина — составителя сборника «Стезя животная». ³⁹ Сборник этот находится ныне в БАН.⁴⁰ Он открывается записью: «Сия книга Стезя животная преосвященного Афанасия архиепископа холмогорскаго и важескаго келейная, описана в поход великого государя у града Архангелска в 200 (т. е. 1692) году». ⁴¹ На 205, последнем записанном листе сборника другая запись: «Таковы тетради писал, збирая от святых писаний памятью и устроевая на ползу человеком своим от бога данным разумом желая прочим спасения, Феодор Иванов, сын Злобин, бывшего астраханского архиепископа Пахомия брат двоюродной, будучи в скорби своей, марта в 2 день прошлого 180 (т. е. 1672 г.)». ⁴²

³⁴ История, стр. 115.

³⁵ Там же, стр. 294.

³⁶ Там же, стр. 265.

³⁷ И. Шляпкин. О переводчике «Троянской истории». — Библиограф, № 8—9, 1887, стр. 95.

³⁸ Рукоп. ГБЛ. Муз. собр., № 707, XVII в., л. 374—374 об. См.: Музейное собрание рукописей. Описание, т. 1. М., 1961, стр. 24—28.

³⁹ См.: А. Е. Викторова. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 27. Ср. также: И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы. М., 1962, стр. 107.

⁴⁰ Рукоп. БАН, Арханг. собр. С, № 160.

⁴¹ Там же, л. 4.

⁴² О личности Федора Ивановича Злобина пока ничего не известно. Федор Злобин, упомянутый в «Азбучном указателе имен русских деятелей для русского биографи-

Принадлежность Федору Злобину всего сборника (т. е. сборника, послужившего оригиналом для переписчиков Афанасия Холмогорского) — вопрос, требующий специального рассмотрения, но, по всей вероятности, Федор Злобин, составитель второй части сборника, может быть отождествлен с Федором Злобиным, автором стихотворного предисловия.

Во-первых, Федор Злобин, составитель сборника, также писал вирши. Статья, озаглавленная «Писание се предаю на восприятие честных рук твоих, православный читателю, написанное многогрешною рукою мужа юродива», входящая в сборник, начинается стихами:

Болезнь нудит мя вешати,
Недостойство же мое повелевает ми молчати.
Скорбь сердца моего поревает мя рещи,
Грехи же мои возбраняют ми о том не брещи.
И что сотворити не вем,
От обоюду бо содержим есмь.⁴³

Во-вторых, обращает на себя внимание сходство акростиха «Феодор Злобин сию историю написал п а м я т и ю» с припиской в сборнике: «Тарковы тетради писал, збирая от святых писаний п а м я т и ю».

В-третьих, в статье сборника «Паки же и сие написание пред лицо честности твоя предлагаю, в нем же содержится описана суета скверных дел моих...» имеется описание бури, дословно совпадающее с двумя фрагментами из «Троянской истории», причем именно Печатной редакции, отличаясь от соответствующих чтений редакций Д и О.

Редакция Д

... скоро светлый аер... слепыми покрывается облаки, ночь неистинную наводя. Сего ради ревет аер грозный и частыми непрестанными прещений. И частыя блистания ночь неистинную устремительными своими молниями обращают в день... надмесь море в горнюю себе воздвижет бурю. Сего ради плавающих в велий страх и трепет объят, егда видяху себе в смертной беде быи.⁴⁴

Редакция П

... и облацы темни велми покрывша лице небу и ночь неистинну наведоша. И громи страшни и дивни быша, молния же от вышняго небесе в тресугубом пламени нападаше. Тем же ревет аер страшными скрежегании, волны же яко горы воздвижахуся и с великим устремлением карабли греческия силне борюще; и сего ради всех плавающих ужасен страх и тре-

Редакция О

... небо мрачными облаки покрывся, многою наведе темноту и велми страшную, ревет аер страшными блистаниями и крепце морская пучина надмесь, горнюю воздвиже борю (!). И карабли греческия силне борюще. Тем же всех плавающих в них велий страх объят.⁴⁵

Сборник БАН

... пооблачется же и небо облаки зело темными и мрачными, ночь неистинну наводящими. Внезапу же припадает на них и буря велми страшная и крепкая, и громи страшни и дивни умножаются, молнии же от вышняго небеси в тресугубом пламени нападают. Ревет же в то время аер страшными скрежетаниями, и волны яко горы воздвигаются, с великим устремле-

ческого словаря» (ч. 1, А—Л. — Сборник Русского исторического общества, т. 60, СПб., 1887, стр. 277) — это дьяк Судного и Владимирского судного приказов Федор Артемьевич Злобин (см.: С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, стр. 169, 176 и 255). Пахомий (ум. 1655 г.), двоюродный брат Федора Злобина, архиепископ астраханский и терский, известен как церковный писатель и составитель особой редакции Хронографа (см.: А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, М., 1869, стр. 236—242).

⁴³ БАН, Арханг. С, № 160, л. 165.

⁴⁴ ГИМ, Музейск., № 358, л. 687.

⁴⁵ ГБЛ, Овчинник., № 506, л. 63.

петно сетование отовсюду объят, смерть явныя своея поибели кождо их зряху.⁴⁶

пием корабль их силне борюще, крепкими и ужасными треволненияи. И в таковое оно ужасно время всех плавающих ужасен страх и трепетно сетование отовсюду объемлет.⁴⁷

Сопоставление четырех приведенных фрагментов подтверждает уже высказанную мысль, что редакция *П* восходила именно к редакции *О*, но к списку, точнее передававшему текст редакции *Д*, чем список *О*. Действительно, ряд общих чтений *Д* и *П* в приведенном фрагменте списка *О* отсутствует. Но чтение «корабли греческие сильно борюще» появляется лишь в редакции *О* и отсюда переходит в редакцию *П*. Сходство *П* и текста в сборнике БАН очевидно (общие чтения выделены разрядкой). Не свидетельствуют ли чтения «облаки... мрачными» и «велми страшную», сходные с чтениями «мрачными облаки» и «велми страшную» списка *О*, о том, что сборник БАН отразил текст редакции *П* в лучшем, чем легший в основу издания, виде?

Второй фрагмент, использованный сборником БАН,⁴⁸ менее показателен: в нем меньше чтений, различающихся в *Д* и *П* (однако в *П* и сборнике БАН совпадают чтения «устроения» вместо «вооружения» в *Д*, «плаванием» вместо «путем», «ово...ово» вместо «инне...инне»);⁴⁹ к тому же соответствующий текст отсутствует в *О*, так как в списке утрачен лист, содержащий рассказ о гибели Кастора и Поллукса.

Итак, Федор Злобин, составитель сборника «Стезя животная» знал «Троянскую историю» в редакции *П*, и это было по крайней мере в 1672 г. Следовательно, в это время Печатная редакция уже существовала. Был ли Федор Злобин составителем редакции *П* или лишь ее читателем и переписчиком? Данных для окончательного ответа на этот вопрос пока недостаточно. Но тот факт, что Федор Злобин обладал литературными навыками, о чем свидетельствует сборник «Стезя животная» и стихотворное предисловие к «Троянской истории», делает предположение о нем как составителе редакции весьма вероятным.

В XVIII—XIX вв. «Троянская история» выдержала несколько изданий: 1709, 1712, 1717, 1745, 1760, 1765 и 1775 (оба обозначены как пятое издание), 1785, 1791 и 1817 гг.⁵⁰ В 1791 г. появился перевод «на чистый российский язык», выполненный Иваном Михайловым,⁵¹ также имевший переиздания в 1799, 1807 и 1824 гг. Если прибавить к этому десятки дошедших до нас рукописных копий с изданий первой половины XVIII в., то популярность «Троянской истории» на Руси вплоть до начала прошлого столетия будет совершенно очевидной.

⁴⁶ История, стр. 157—158.

⁴⁷ БАН, Арханг. С № 160, лл. 167 об.—168.

⁴⁸ Ср. фрагмент «и не замедлив сокрушаются древес... погружается в волнах» в *П* (История, стр. 136—137) и Сборнике БАН (лл. 167 об.—168 об.). В Музейском списке соответствующий текст см. на лл. 669 об.—670.

⁴⁹ Есть, однако, одно исключение: это словосочетание «морскими зеванияи», которое читается как в Сборнике БАН, так и в *Д*, тогда как в *П* — «зиянии». Но, быть может, это результат исправления, сделанного при издании «Троянской истории»?

⁵⁰ См.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание...; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в., 1725—1800, т. 1, А—И. М., 1962, стр. 203; Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1828, стр. 233; В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. III. СПб., 1904, стр. 102—103; ч. V. СПб., 1906, стр. 105.

⁵¹ История о разорении Трои, столичного города Фригийского царства. Переведенная с греческого на словенский язык, а ныне с онаго вновь переложенная для удобнейшего попятия на чистый российский студентом философии Иваном Михайловым, ч. 1. М., 1791; 2-е изд., чч. 1—2, М., 1799.

Ю. К. БЕГУНОВ

Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском

Возникновение Жития Александра Невского связано с Владимирским Рождественским монастырем, где князь был похоронен. Первоначально, со слов митрополита Кирилла и эконома этого монастыря Севастьяна, возникла легенда о чуде с духовной грамотой, якобы совершившемся при погребении тела князя Александра 23 ноября 1263 г., а в начале 80-х годов XIII в. один из монахов Рождественского монастыря написал Житие Александра Невского.

В последующие столетия, в связи с возрастающей популярностью культа Александра Невского — открытием его мощей после Куликовской битвы в 1381 г., общерусской канонизацией в феврале 1547 г. и распространением его почитания повсеместно — текст первой редакции Жития Александра Невского неоднократно переделывался, дополнялся, изменялся; иногда менялся стиль всего произведения, иногда — композиция, и почти всегда — идеи произведения. Так, «вторая редакция» Жития (новгородско-московская), 30—50-х годов XV в., приспособляла текст Жития для общерусской летописи, третья — новгородская, второй половины XV в. — для кратких чтений проложного типа, четвертая — московская, конца 30—начала 40-х годов XVI в. — для Никоновской летописи; пятая — владимирская, середины XVI в. для Великих четьих миней митрополита Макария; шестая — псковская, Василия-Варлаама, середины XVI в.; седьмая — московская, 1563 г. — для «Степенной книги», восьмая — новгородская, третьей четверти XVI в., девятая — Проложная, конца XVI в., десятая — владимирская, 1591 г., Ионы Думина.

Заметную роль в литературной переработке старых и создании новых редакций Жития играли в XVI—XVII вв. монахи Владимирского Рождественского монастыря. Внимание к культу Александра Невского со стороны правительственных кругов в XVI в. проявлялось и в попытках идеологически укрепить этот культ как культ государственный, тем более, что князь Александр Ярославич был родоначальником правящей династии московских великих князей: первый московский князь Даниил был его младшим сыном.

В XVII в. первые цари новой династии Романовых заботились об увековечивании памяти Александра Невского: патриарх Филарет Никитич построил в его честь первый собор в Кремле над Тайницкими воротами (ок. 1630 г.), цари Михаил и Алексей и их приближенные участвовали в крестных ходах и ежегодных церковных празднованиях дня памяти Александра Невского — 23 ноября; литературная работа над текстом Жития Александра Невского продолжалась, хотя и не так ин-

тенсивно, как в предшествующем столетии: возникают 11, 12, 13, 14, 15-я редакции Жития Александра Невского — Тита, вторая переделка редакции Василия, светская переработка Жития из Никоновской летописи, Викентия, вторая переделка редакции Ионы Думина. Редакции XVII в., кроме светской переработки из Никоновской летописи, полностью отвечают поддерживаемой московскими церковными кругами тенденции изображать князя Александра в облике монаха-схимника, подчеркивая его христианские добродетели: смирение, нищелюбие, кротость, терпение, послушание; много внимания уделялось и так называемым «посмертным чудесам», из десятилетия в десятилетие неуклонно рос перечень исцелений, якобы совершившихся у его раки, самовозгорания свеч и других действий; последние иногда носили ярко выраженный патриотический характер. Таковы восстания Александра Невского из гроба для помощи Дмитрию Донскому против Мамаю (1380 г.) и Ивану Грозному против Девлет-Гирея (1572 г.). Перечень чудес у раки непрестанно увеличивался вплоть до первого десятилетия XVIII в. Так, в списке середины XVIII в. Жития Александра Невского в редакции Викентия, присланном в 1772 г. из Владимира в Петербург, добавлены рассказы о четырех чудесах, совершившихся у гробницы князя Александра: 1) «О жене разслабленной» — жене посадского человека г. Владимира Василия Григорьева, 2) «О слепом человеке» — Давиде Иосифове, 3) «О недужном отроке» — Иоанне, сыне владимирского дворянина Максима Сергеевича Никитина, 4) «О безумном человеке» — крестьянине из деревни Угримовы Афанасии Никитине; последнее из них датируется 10 марта 1706 г.¹

Все 15 редакций Жития Александра Невского XIII—XVII вв., а также службы в его честь, краткие «памяти», похвальные «слова», летописные рассказы достались XVIII веку в наследство от предшествующих столетий. Все они не только читались в XVIII в., но и часто переписывались; более того, в XVIII в. создавались новые редакции Жития Александра Невского.

Первая из них (16-я по порядку)² редакция Жития связана с поворотным пунктом в истории культа Александра Невского: из владимирского святого он превращается в покровителя Петербурга.

«Подражатель вторы Невски и мореваряжски Александр»,³ Петр Великий продолжил и завершил дело князя Александра Ярославича — вернул России ее исконные земли. Основанный в устье Невы в 1703 г., Санкт-Петербург нуждался в духовном покровителе и защитнике. Летом в 1710 г. на месте бывшей шведской крепости Ландскрона в урочище «Виктори», у впадения Черной речки в Неву, был основан монастырь в честь Троицы и Александра Невского. Однако мысль о строительстве монастыря и возможном перенесении мощей Александра Невского из Вла-

¹ Ркп. ГПБ, собр. СПб. Духовной академии, № 273, лл. 39 об., 41 об.—42 об.

² В известных монографиях В. Мансикки и Н. И. Серебрянского эта редакция не рассматривалась, см.: В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. — ПДП, т. CLXXX. СПб., 1913; Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

³ Так назвал Петра I дворянин А. С. Полозов, участник Северной войны (ркп. БАН, собрание текущих поступлений, № 328, л. 28). С Александром Невским сравнивал Петра Великого и Феофан Прокопович: «Се идеже Александр Святый поселя малое семя, тебе превеликая угобзися нива, где он трудился, дабы не безвестна была граница Российская, ты Престол Российский тамо воздвигл еси» (см.: «Слово в день святого благовернаго князя Александра Невского, проповеданное Феофаном, епископом псковским, в монастыре Александро-Невском при Санкт-Питербурхе 1718 году. Печатано при Санкт-Питербурхе в Троицком Александро-Невском монастыре 1720 году, марта в 15 день», лл. 8 об.—9).

димира на берега Невы родилась у царя гораздо раньше: согласно известию Александро-Невской летописи, еще весной 1704 г. царь Петр выбрал место для монастыря и в том же году вызвал в качестве строителя монастыря и главы церковной власти в отвоеванных у шведов землях Ингрии и Корелии архимандрита новгородского Хутынского монастыря Феодосия Яновского.⁴ По словам Александро-Невской летописи, «сей монастырь во имя святого благоверного великаго князя Александра Невскаго государь хотел воздвигнуть для того, что сей великий князь здешних пределов Российских от нападения шведов был всегдашний охранитель».⁵

Первым протектором Александро-Невского монастыря был Александр Данилович Меншиков. Победы Меншикова на Ижорской земле дали повод Феофану Прокоповичу сравнить его с Александром Невским: «Чудное воистину смотрение! Аки бы отродился нам Невский оный Александер: тоежде имя, таяжде храбрость, тоежде благочестие, единой и тоейжде земли обладатель, единаго и того же народа супостатского победитель».⁶

Царь Петр и его ближайший помощник А. Д. Меншиков непосредственно руководили всем строительством монастыря, призванного быть центром епархиального управления и средоточием культа Александра Невскаго, нового духовного покровителя Санкт-Петербурга. Уже в ноябре 1710 г. последовал указ церковного главы России митрополита Стефана Яворского о включении в отпусты при богослужении имени Александра Невскаго как молитвенного предстателя за Невскую страну.⁷ Монастырь богател, разрастался, украшался новыми церквями и строениями, однако благоприятный момент для перенесения мощей Александра Невскаго не наступал. Наконец, длительная война со шведами была закончена Ништадтским миром (30 августа 1721 г.) и правительство вплотную занялось вопросом об украшении северного «парадиза» священными реликвиями одного из наиболее любимых в народе святых.

29 мая 1723 г. последовал указ императора Петра о перенесении мощей Александра Невскаго из Владимира в Петербург.⁸ После торжественного перенесения мощей Александра Невскаго император приказал «к сочиненным святому благоверному великому князю Александру Невскому стихирам и синаксарю сочинить седальны и канон... и по новой службе вместо преждебывшей этому святому ноября 23 числа службе

⁴ См.: П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях 1703—1782. СПб., 1885, стр. 38, 75—80; примечания, № 158; М. Д. Приселков. Александро-Невская лавра при Петре Великом (к предстоящему двухсотлетию Петербурга). — Странник, Пгр., 1903, № 4, стр. 569—597, № 5, стр. 681—703, № 6, стр. 841—861, № 7, стр. 16—30; С. Г. Рункевич. Александро-Невская лавра. 1713—1913. СПб., 1913, стр. 4—10; Очерки по истории Ленинграда, т. I, Период феодализма (1703—1861 гг.). М.—Л., 1955, стр. 46—47.

⁵ См.: А. Павлов. Описание Свято-Троицкой Александро-Невской лавры с хронологическими списками особ, погребенных в церквях и на кладбищах лаврских. СПб., 1842, стр. 12.

⁶ Феофан Прокопович. Слово похвальное в честь славных дел... Александра Меншикова. Киев, 1709, л. 8. Покровителем А. Д. Меншикова назван Александр Невский и в «Слове» Иоанна Кременецкого (см.: Иоанн Кременецкий. Лавра, или Венец безсмертных славы торжеством побед, похвалы... Александру Меншикову. СПб., 1714).

⁷ См.: П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга с основания города, стр. 32, прим. 157.

⁸ Полное собрание законов Российской империи, т. VII, СПб., 1830, стр. 74—75; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи, т. III, СПб., 1875, № 1065. (Далее ПСПР).

отныне праздновать 30 августа».⁹ 2 сентября 1724 г. Синод заслушал высочайшее повеление, сообщенное архимандритом Феодосием, и поручил составление всей службы обер-иеромонаху флота, советнику Синода, школ и типографий протектору, архимандриту Гавриилу Бужинскому.¹⁰ Один из наиболее талантливых проповедников среди сподвижников Петра, Гавриил Бужинский, по словам одного стихотворца XVIII в., «величие гласил Петровых дел»; сам царь находил, что Гавриил пишет «внятно и хорошим штилем».¹¹

Любопытно, что тема Александра Невского была к 1724 г. уже не новой для Гавриила Бужинского. В «Слове в похвалу Санкт-Петербурга» город восхваляется за расположение у моря, на месте побед Александра Невского.¹² Обращаясь к Петербургу, проповедник призывает: «Не имаши бояться востающих на тя врагов... когда имаши великаго твоего защитителя святаго благовернаго великаго князя Александра Невского».¹³

В «Слове похвальном на день рождения Петра Великого» 30 мая 1723 г. Александр Невский упоминается в числе главных предшественников Петра, его победы сравниваются с победами Сципиона Африканского.¹⁴

Вероятно, в 1723—1724 гг. Гавриил Бужинский написал «Слово похвальное в день празднования святаго Александра Невского» и вместе с тем в день освящения в его монастыре церкви во имя Благовещения пресвятой девы Марии.¹⁵ Это «Слово», однако, не было произнесено. Может быть, из-за того, что отделочные работы в нижней церкви Благовещения еще не были закончены к 25 марта 1724 г., а 25 марта 1725 г., когда, наконец, состоялось освящение храма,¹⁶ материал проповеди уже следовало бы считать несколько устаревшим, так как в «Слове похвальном» не были отражены события перенесения мощей Александра Невского в верхнюю церковь Благовещения 30 августа 1724 г.

Содержание «Слова похального» составляет раскрытие истинного значения жизни Александра Невского — внутреннее и внешнее. Это раскрытие достигается через сравнение трех ипостасей Троицы с тремя

⁹ ПСПР, т. IV, СПб., 1876, № 1347.

¹⁰ Там же, №№ 1385, 1347.

¹¹ Евгений, митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви, т. 1. Изд. 2-е, СПб., 1827, стр. 79; Русский биографический словарь. Гааг-Гербель, М., 1914, стр. 31. В 1719—1724 гг. Гавриил Бужинский с блеском произнес немало похвальных «слов» на победы русского оружия под Полтавой, Лесной, Гангутом, на взятии Ноттенбурга, в похвалу Санкт-Петербурга и его основателя Петра Великого, в дни рождения и именин Петра I, Екатерины Алексеевны, царевича Петра Петровича, на погребение фельдмаршала Б. П. Шереметева, памяти апостолов Петра и Павла, Андрея и др. Нам известны 4 издания сборников проповедей Гавриила Бужинского (М., 1722; СПб., 1768; СПб., 1784; Юрьев, 1901), самым полным из них является последнее издание, подготовленное Е. В. Петуховым по автографу Гавриила Бужинского и насчитывающее 45 проповедей (из них 39 издано впервые).

¹² Гавриил Бужинский. Слово в похвалу Санкт-Петербурга и его основателя государя императора Петра Великого. — В кн.: Старина и новизна, ч. I. СПб., 1772, стр. 58.

¹³ Там же, стр. 73.

¹⁴ См.: Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1722). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Издал Е. В. Петухов, Юрьев, 1901, стр. 505.

¹⁵ См.: там же, стр. 512—527. Г. Бужинский дал этому произведению латинское заглавие, а Е. В. Петухов перевел его на русский язык. Определение жанра этого произведения как «слова похального» наше: перед нами типичная торжественная проповедь со всеми компонентами, формирующими этот жанр: прославлением мученика «высоким стилем», единством темы, конструктивностью, законченностью.

¹⁶ См.: С. Г. Рункевич. Александр-Невская лавра, стр. 126—127, 132, 135.

ипостасями святости Александра: 1) «промысел о твари», т. е. воинские подвиги князя, 2) «смирение», т. е. смирение перед Ордой ради «целости и безвредия всему народу», 3) «исхождение света и сияние лучей как от св. духа».

Последнее сравнение весьма метафизично и грешит большими натяжками. Первые же два находятся в соответствии с теми толкованиями жизни и деятельности князя Александра, которые мы встречаем у агиографов XVI—XVII вв. и даже у некоторых исследователей XX в., например у Г. В. Вернадского и Н. А. Клепинина.¹⁷ По распоряжению Синода от 16 октября 1724 г. Бужинский должен был «оный Синаксарь сочинить из обретающегося в Прологе жития ево, приложив к тому из бывшей с шведами и окончившейся миром войны краткую историю и перенесение его святых мощей по приличию».¹⁸ Гавриил Бужинский работал в течение почти трех месяцев, и 13 января 1725 г. Синод рассмотрел вопрос о напечатании его книги. 24 апреля 1725 г., уже после смерти Петра Великого, на 27 листах, в 4-ку, вышла в свет первым тиснением книга Гавриила Бужинского.¹⁹ Служба и житие Александра Невского перепечатывались в типографии Александро-Невского монастыря неоднократно: в июле, августе, сентябре, ноябре и декабре 1725 г. и в течение следующего 1726 г. Всего было напечатано около 12 тысяч экземпляров и разослано по всем епархиям.²⁰ В дальнейшем, однако, одно обстоятельство приостановило распространение 16-й редакции Жития Александра Невского: это дело известного врага Феофана Прокоповича — архимандрита Псково-Печерского монастыря Маркелла Радышевского, который усмотрел в новосоставленной службе «великое поношение высокой чести блаженной памяти царевича Алексея Петровича».²¹ В указе Екатерины I от 18 сентября 1727 г. было велено «святаго благовернаго великаго князя Александра службы, которые разосланы по всей Российской империи к церкви, от тех церквей все собрать по-прежнему... и хранить те службы до указа в целости, впредь же празднество великаго князя Александра Невского отправлять по-прежнему по месячной минее».²²

В указе императрицы Анны Иоанновны от 31 августа 1730 г. говорится: «Празднество св. Александру Невскому 30-го августа для чего

¹⁷ См.: Г. В. Вернадский. Два подвига св. Александра Невского. — Евразийский временник, кн. IV, Берлин, 1925, стр. 318—337; Н. А. Клепинин. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. Париж, 1926.

¹⁸ ПСПР, т. IV, № 1453.

¹⁹ «Месяца августа 30 дня. Служба благодарственная богу в Троице святей славимому на воспоминание заключенного мира между Империсю Российскою и короною Свейскою. В той же день празднуется и перенесение мощей святого благоверного великаго князя Александра Невского. Напечатана при Санкт-Петербурхе, в Троицком Александроневском монастыре 1725 лета, месяца априлиа, в 24 день» (Унд. № 1719; Каратаев, № 1518; ГПБ, Отдел редких книг — VII.7.18).

²⁰ См.: С. Г. Рупкевич. Александро-Невская лавра, стр. 549.

²¹ См.: А. С. Родосский. Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке СПб. духовной академии, вып. 2, 1701—1897 гг. СПб., 1898, стр. 62. (Далее — Родосский).

²² ПСПР, т. VI, СПб., 1889, № 2041; Описание документов и дел св. Синода, т. VII. СПб., 1885, столб. 290. Может быть, именно вследствие помянутого выше факта это издание считается малоизвестным и у П. П. Пекарского не упоминается (см.: Родосский, стр. 62; ср.: П. П. Пекарский. Описание славяно-русских книг и типографий 1698—1725 гг. СПб., 1862, стр. 319—320). В XVIII в. служба и синаксарий стали уделом письменной традиции: например, в начале 50-х годов их переписал с печатной книги и снабдил рисунками дворянин А. С. Полозов, бывший вместе с государем участником похода на Гельсингфорс в 1713 г. (Ркп. БАН, собрание текущих поступлений, № 328 (из бывш. собрания академика А. А. Ухтомского), лл. 2—28).

оставлено? А впредь бы отправлять его означенного числа и месяца по церквам неотложно».²³ Впрочем в разных церквах России богослужение Александру Невскому велось по разным книгам, где по месячной минее, где по общей минее, где по «Книге житий святых», куда служба и Житие Александра Невского в редакции Гавриила Бужинского были внесены в середине XVIII в.²⁴ Сопоставление текста Жития²⁵ с текстом его источника — сочиненного еще в конце XVI в. Проложного жития,²⁶ позволяет судить о характере литературного труда Г. Бужинского.

Во-первых, текст нового Жития в конечном итоге отражает псковскую литературную традицию в истории текста Жития Александра Невского, так как старший список Проложной редакции псковский и эта редакция являются результатом переработки и сокращения псковской редакции инока Василия-Варлаама, которая, в свою очередь, дополняет и перерабатывает текст первой редакции Жития Александра по списку Псковской 2-й летописи.²⁷

Во-вторых, текст нового Жития создает и иную традицию, которую следует назвать петербургской; Житию предпослано введение, в котором рассказывается о Северной войне и о перенесении мощей Александра Невского из Владимира в Петербург, а старый текст Проложного жития обработан так, чтобы отвечать новой исторической обстановке. В Житии часто употребляются актуальные для первой четверти XVIII в. географические понятия: «пределы Российския», «Балтийское море», «страна Ижерская», «река Нева...», идже она впадает в Балтийское море». Вместо «римлян», «немцев» и «литовцев» первоначального Жития в новом Житии врагами Русской земли названы «свеи»: «Собрашася со многим воинством круг Балтийского моря жительствующие народы варяги тинжде, что ныне свеи именуеми»;²⁸ автор подчеркивает, что Александр Невский «не единойды Великий Новъград от оных же свейских сопротивников свобождаше. По преславной бо победе оной, паки онии же (т. е. «свеи» вместо «немцев»! — Ю. Б.) собравшеся нападаша на град Псков... нетерпя же сего, блаженный Александр... избиста сопротивных свеев».²⁹ Вместо «моавитян» первоначального Жития «в свейском народе имя Александрово страшно и ужасно бяше».³⁰ Вместо «свеи» Гавриил Бужинский иногда употребляет словосочетания «сопротивное воинство», «сопротивные», «сопротивные иноплеменники»; в конце концов автор нового Жития все же вынужден признать, что Александр Невский «не токмо же от единых свеев, но и от других порубежных языков избавляше Российскую землю».³¹ В духе древнерусской литературы Александр Невский изображается могущественным государем, при жизни

²³ ПСПР, т. VII, № 2372.

²⁴ См.: С. Г. Рункевич. Александр-Невская лавра, стр. 565—566.

²⁵ Здесь и далее 16-ю редакцию Жития Александра Невского мы будем называть «новым Житием» в отличие от «Проложного жития».

²⁶ Ркп. ГБЛ, собр. Н. П. Румянцева, № 397, лл. 348 об—353.

²⁷ См.: В. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 126—142; Н. И. Себринский. Древнерусские княжеские жития, стр. 217.

²⁸ Житие Александра Невского, лл. 21 об.—22. В Проложной редакции здесь читается: «Посем же приидоша от западных стран человецы пещыи, иже нарицаются слуги божия, видети возраст блаженнаго Александра. Видевше же святаго возраст и красоту лица его, и велми почюдившеся и шедше поведаша кралю своему части Римския Нестеру Вельгеру о красоте его и о возрасте» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, Славяно-русский пролог, ч. 1. Под ред. А. И. Пономарева, СПб., 1896, стр. 55).

²⁹ Там же, л. 24—24 об.

³⁰ Там же, л. 24 об.

³¹ Там же.

которого «никто же не токмо смеяше, но ниже мысляше, ведая толь мужественнаго князя, нападати на пределы Российския».³²

В текст Жития Гавриил Бужинский вносит небольшие пояснения. В начале Жития об Александре Невском: «...обладающу же отцу его Ярославу в граде Владимире, а сему святому живушу и правительствующу в Великом Новеграде»;³³ король свейский «умысли изыти на пределы Российския, хотя страну Ижерскую... пленити», князь Александр «получил победу и землю Ижерскую и Великий Новград свободы от сопротивных, и от сея победы преславныя над Невою наименован Невский», князь Александр «возрати (Псков) к своей державе», князь Александр принял схиму «с велиkiem усердием», владимирский монастырь Рождества Богородицы назван «велицей обителью» и др.

Подвергся распространению и рассказ Проложного жития о Невской битве. Подробнее рассказывается о сборах князя Александра в поход: «Не имущу же святому Александру в готовности собранного воинства, ниже могущу скорого ради неприятелскаго нападения возвестити во Владимир ко отцу своему Ярославу, дабы пришел в помощь. Сам точио един на единого в троице славимаго бога возложив упование»³⁴ и т. д.; близ Невы русская дружина «ополчнися не далече сопротивнаго воинства». Некоторые изменения внесены в рассказ о видении Пелгусия: «Тогда при святом... муж благоговейный... и повелено, да идет и соглядает тайно силу сопротивных»; увидев вражескую рать, Пелгусий «в недоумении и страсе быв»; Борис и Глеб, «некия мужи благолепныя», стояли посреди «корабля», а не «насада»; в ответ на предложение Бориса поспешить на помощь сроднику своему «отвеща другий: „Добре, брате Борисе“», «слышав же сия реченый страж ужасом одержим»; «свеи» побежали «безчестно»; подчеркивается помощь богоматери, Бориса и Глеба и Троицы и ни слова не говорится о св. Софии, которая была патрональной святыней Новгорода Великого.

По сравнению с Проложным текстом, в новом Житии опущено кое-что из характеристики князя Александра как образцового христианина: 1) «Из млада же благочестивый князь Александр Христа возлюбив и пречистую богородицу и вся святые по велику же убо чтыше и иерейский чин, яко слуги божия, и иноков зело любляше, тако же и нищих миловаше, и от всякия неправды отгребаяся, сиротам и вдовицам заступник, и беспомощным помощник, не изыде бо из дому его никто же тощ, и тщама нѣдрама».³⁵ 2) «Святый же князь Александр со архиепископом вниде в соборную церковь святыя Софии и со слезами помолвися господу богу и пречистой богородице и святым страсотерпцем Борису и Глебу, падши на землю, и по молитве востав».³⁶

Сравнение рассказа Жития о Невском сражении с аналогичным рассказом «Слова похвального в день празднования святаго Александра Невского» обнаруживает, с одной стороны, сходство с основной канвой событий одной из прежних редакций Жития, может быть Проложного жития, на которое проповедник ссылается как на «Историю», и, с другой

³² Там же.

³³ Там же, л. 21 об. В Проложной редакции здесь читается следующее: «И тако ему живушу в Великом Новеграде и от бога порученную ему власть добре правящу» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, стр. 55).

³⁴ Там же, л. 23—23 об. В Проложной редакции здесь сообщается, что «тако же и отцу его Ярославу не бе ведомо таково нахождение безбожных, к тому же Александр не успе послати и во Владимир ко отцу точию в помощь призвав» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, стр. 55).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

стороны, обнаруживает различие в манере изложения. Рассказ «Слова похвального» строится в духе эпидейктического красноречия витийственным, многословным, с обилием уподоблений Александра Невского то с кормчим, правящим кораблем в бурю, то с библейскими Иовом, Авраамом, Гедеоном, то с императором Константином Великим; используется даже известное выражение Гая Юлия Цезаря: «veni, vidi, vici» («изыде, виде и победи»); враги Русской земли персонифицируются в образе коварного «льва свейского», «восстающего в лютости своей».³⁷

Различие между «Словом похвальным» и новым Житием объясняется избранным Бужинским жанром: в первом случае это торжественная проповедь, во втором — произведение агиографии. Последнее строится в полном соответствии с основными канонами жанра, но с «поправками на современность». Так, о походе сына Александра Невского князя Дмитрия в 1262 г. на Юрьев в новом Житии Александра Невского рассказывается с «поправкой на современность»: «При море Балтийском и в других западных странах начашася смятия, и тогда против оных сопротивных иноплемеников посла святыи сына своего Дмитрия со многими полками».³⁸

Заключительная часть нового Жития — «и многа исцеления подавахуся от гроба его с верою приходящим, иде же пребыша мощи его 462 лета донележе пренесены быша в царствующий Санкт-Петербурх и положсны в храме его в преименитой обители пречистыя и живоначальныя Троицы, именуемой Александро-Невской...»³⁹ — перекликается с начальной его частью, полностью сочиненной Гавриилом Бужинским. Здесь вначале излагаются причины войны «с порубежным народом свейским»: из-за «неправедно завладенных ими» Ижерской страны с древними русскими городами Орешек и Ивангород, из-за «обид и поругания самому его царскому величеству и посланником его в Риге граде учиненную», из-за «творимого у христоненавистной Порты оттоманской к разорению мира с Россиею и восприятию брани возмущения».⁴⁰ Затем рассказывается о «новозаложенном граде от имене святого первоверховнаго апостола Петра Санкт-Петербурхом именованном», построенном «ради обучения народа своего в мореплавании».⁴¹

Далее в новом Житии рассказывается об устройстве «преславной обители над Невою» и о желании царя Петра перенести мощи Александра Невского из Владимира в Петербург «на вящее граду украшение» и «в прославление трудов и подвигов над Невою рекою» сродника своего князя Александра. Однако осуществлению этого намерения мешали длительная война со шведами и «смятия... от злоковарных мятежников», — вероятно, намек на сопротивление оппозиционной группы царевича Алексея.

Наконец после заключения Ништадтского мира Петр Великий «от гожде не отступи доброжелательного намерения, но по совету со святейшим Правительствующим синодом повеле ради пренесения мощей устроити благолепнейшую раку».⁴²

Затем рассказывается, как 30 августа 1724 г. «сам благочестивейший император со всем государским своим домом, сугклитом и всем освященным собором в сретение изыде и взявше честно при брезе раку со оными

³⁷ Проповеди Гавриила Бужинского, стр. 519—520.

³⁸ Житие Александра Невского, л. 26 об.

³⁹ Там же, л. 22.

⁴⁰ Там же, л. 21.

⁴¹ Там же, л. 21 об.

⁴² Там же, л. 22—22 об.

святыми мощами принесоша и положиша в прежде помянутой преславной обители со всяким благолепием и узакониша соборне память святого благовернаго великаго князя Александра, иже празднуема бе ноемвриа 23 дне, в вечныя роды праздновать августа 30 в онъ же и пренесения мощей его и свейская браць желаемым окончася миром». ⁴³

Вводная часть нового Жития имеет лишь чисто внешнее сходство с древнерусскими сказаниями о перенесении мощей. Здесь нет типичной для средневековых сказаний мысли о божественной воле, которая через посредство видения или знамения вселяется в сердце праведнику, велит ему найти и перенести мощи святого из одного места в другое. Здесь нет обычных для подобных сказаний перечислений христианских добродетелей святого и чудес, свершенных им. Не рассказывается и о плаче жителей того города, откуда уносятся мощи. Митрополит или епископ, обычный герой подобных сказаний, встречающий мощи при большом стечении народа, со всем чином церковным, со свечами и с кадила и с темьяном, здесь даже не упоминается. При перенесении мощей не случается никаких знамений, никаких чудес, ⁴⁴ здесь воля и желание царского величества определяют все; всем событиям дается реально-историческое, а не сверхъестественное объяснение, начальная часть более, чем другие части нового Жития, принадлежит XVIII веку, представляя собой краткую объяснительную записку по истории Северной войны и перенесения мощей Александра Невского. Тем самым Гавриил Бужинский совершенно ясно проявляет стремление к обновлению стиля старых житийных произведений за счет стиля исторического повествования типа реляций.

Возвращаясь к тексту новой редакции Жития, отметим интерес Гавриила Бужинского к рассказу о поездке князя Александра к хану Батыю в Орду.

Интерес Гавриила Бужинского к этому тексту станет понятнее, если вспомнить, что весь эпизод о хождении князя Александра к Батыю именно в этой редакции впервые появляется из-под пера писовича Василия-Варлаама. Последний попытался объяснить более чем странный факт, почему два русских князя, два святых, бывших в Орде примерно в одно и то же время, имели такие разные судьбы: князь Михаил Черниговский был замучен за отказ поклониться солнцу и огню, а князь Александр Невский был отпущен с великою честью. Псковский писатель создает целую легенду о том, что якобы князь Александр также отказался поклониться солнцу и идолам, но был пощажён «чести славы ради его», «красоты лица, величества тела и храбрости». ⁴⁵ Автор Проложной редакции, сокращая этот рассказ, вводит еще мудрый ответ князя Александра Батыю, похожий на ответы князя Михаила Черниговского Батыевым волхвам и Елабуге: «Царю, тебе поклонюся; бог бо почти тебе царством, твари же не поклонюся, яко вся создана суть человека ради. Богу же единому, ему же служу и его же чту, тому поклонюся». ⁴⁶

⁴³ Там же, л. 22 об.

⁴⁴ Ср.: И. А. Шляпкин. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам (с факсимиле рукописи XIII—XIV века). — ПДП, т. X, СПб., 1881.

⁴⁵ В. Мансикка. Житие Александра Невского. Приложение, тексты, стр. 44—45.

⁴⁶ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, стр. 57; ср., например: Житие Михаила Черниговского. — В кн.: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, приложение, стр. 56, 57 («Тако есть вера христьянская, не поклоняются твари, но поклоняются отцу и сыну и святому духу... тебе, царю, кланяюся, понеже бог поручил ти есть царство света сего»).

Гавриил Бужинский сохраняет все добавления составителя Проложной редакции и вносит еще и свои. Так, вначале сообщается: «В та же времена воста безбожный царь татарский Батый, иже многия Российския земли пленив, прииде со мноюю силою на землю Российскую и грады многи взят и инныя же до оспования разорил»; рассказывая о поклонении идолам, автор добавляет: «В неже вероваху злочестивии оныя варвары»;⁴⁷ повествуя о том, как Батый отправил послов в Суздаль, Гавриил Бужинский добавляет: «Услышав же оный вселюный Батый о сем святом Александре, яко по отце своем восприял великое княжение Владимирское и всея России, не неведый же и о мужестве его».⁴⁸ Распространен рассказ о том, что подумал великий князь, когда услышал о грозном приказании хана Батыя: «...разсуждая лютость и свирепство варварское, имея во уме прочих князей во Орду ходивших и инных постоянно исповедавших имя Христова, любя умученных; других же немогущих претерпети жестоких мучений, Христа отвергшихся»;⁴⁹ распространен и рассказ о том, как наставлял тамошний епископ князя Александра: «...и не убоится от убивающих тело, и яко погубивый душу свою за Христа и евангелие приобретае ю в животе вечном. „Не сотвори, рече, яко же инии мнозе сотвориша, но аще непременно ти приключится, постражди, яко добрый воин Иисус Христов“, и ина многая в пользу изрек святому Александру, вся сия обещававшемуся сотворити»;⁵⁰ в характеристики хана Батыя, волхвов и князя Александра добавлены небольшие подробности: хан Батый «неукоснев» повелел привести святого, волхвы названы «жрецами идолстими», которые «нудяше» Александра поклоняться солнцу и огню, князь «мужественно» им ответил, и волхвы «со гневом» от него отошли.

Сравнение рассказа нового Жития о поездке Александра Невского в Орду с аналогичным рассказом «Слова похвального в день празднования святого Александра Невского» обнаруживает, с одной стороны, сходство в оценочных характеристиках татар как «злочестивых варваров» и подвига святого как образца смирения и самоотвержения, с другой стороны, обнаруживает различие в манере изложения: «Слово» построено как ораторское произведение, Житие — как памятник агиографии домакаръевского времени.

В авторе переработки рассказа нового Жития о поездке Александра Невского в Орду мы видим умного пастыря, желавшего подчеркнуть не только смирение святого и его самоотверженность, но и роль епископа в наставлении светских властителей. В подобном наставлении проповедник видел свое назначение как учителя, который и в период петровских реформ и в послепетровский период продолжает оставаться пастырем российской церкви.

Петербургско-псковское по своей тенденции, новое Житие призвано было заменить другие жития Александра Невского — новгородских и особенно владимирских редакций. Те обстоятельства, что Александр Невский изображался в новом Житии как новгородский князь по преимуществу и что о чудесах от раки его во Владимире было как бы забыто, символизировало разрыв со старой владимирской традицией.⁵¹

⁴⁷ Житие Александра Невского, лл. 24 об.—25.

⁴⁸ Там же, л. 25.

⁴⁹ Там же, л. 25 об.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Неудовольствие прежними сочинениями об Александре Невском выражал и Феофан Прокопович: «Жаль вельми, яко времена оная малоискусная в деле книжном

Внесение нового в идейно-художественную структуру Проложного жития («поправки на современность», распространение рассказа о Невской битве, сокращение церковной характеристики князя Александра во всех случаях, кроме одного — рассказа о хождении в Орду, присоединение к новому Житию введения — Синаксаря и т. д.) привело к тому, что Бужинскому удалось создать особую редакцию Жития Александра Невского, отвечающую эпохе.

Приемы изображения Александра Невского в новом Житии находились, в основном, в соответствии с современными ему приемами иконографии, регламентируемыми постановлением Синода от 15 июня 1724 г.: «Святого благоверного великого князя Александра Невского... отныне... в монашеской персоне никому отнюдь не писать... а писать тот святого образ во одеждах великокняжеских».⁵² Краткая проложная редакция как раз предоставляла простор именно для светского, воинского истолкования образа Александра Невского. И в ней и в ее переработке XVIII в. Александр Невский предстает перед нами более как храбрый, доблестный, мужественный полководец, нежели как подвижник-монах.

Кроме Жития, в первой четверти XVIII в. были составлены три службы Александру Невскому. Первая — около 1713 г. Косьмой Любимовым, крепостным князя Алексея Долгорукова, оставшаяся в рукописи.⁵³

Вторая — также около 1713 г. Феофилактом Лопатинским, ректором Московской духовной академии. Она была напечатана Синодальной типографией в Петербурге в 1714 г. в количестве 30 экземпляров.⁵⁴ В 1724 г. эту службу дополнил Гавриил Бужинский.⁵⁵

Пока мы не располагаем текстами Первой и Второй служб и поэтому ограничимся рассмотрением только Третьей службы, не отделяя в ней текст, принадлежащий Феофилактору Лопатинскому, от текста, принадлежащего Гавриилу Бужинскому.

Служба Александру Невскому в полном соответствии с традицией древних служб греко-православной церкви содержит стихеры служб «на малой вечерни», «на велицей вечерни», «на литии», седаьни, подоби, величания, каноны, кондаки, чтения на литургии из Евангелия и Апостола. Содержание этой службы выходит за рамки церковного прославления святого, так как содержит большой материал, относящийся к событиям первой четверти XVIII в. Прежде всего славится победа над Швецией и победитель шведов Петр Великий, даровавший России

и неприлежная ко историям, не оставиша нам пространней о нем повести, а имели бы мы, надеюся, много полезная учения» («Слово в день святого благоверного князя Александра Невского», л. 6 об.).

⁵² ПСПР, т. IV, № 1318.

⁵³ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего Правительствующего синода, т. I (1542—1721). СПб., 1868, № 159.

⁵⁴ Служба св. благоверному великому князю Александру Невскому. СПб., 1714 (Сопиков, № 1235; Ундольский, № 1529; Сахаров, № 1186). Напечатана в 30 экземплярах, очень редкая, в ГПБ, БАН, ГБЛ, ГИМ, ЦГАДА отсутствует (ср.: П. П. Пекарский. Описание славяно-русских книг и типографий 1698—1725 гг., стр. 319—320; Родосский, стр. 62; А. В. Гаврилов. Очерк истории СПб Синодальной типографии, вып. 1, 1711—1839. СПб., 1911, стр. 14).

⁵⁵ «Месяца августа 30 день, Служба благодарственная богу в Троице святей славимому на воспоминание заключенного мира между империею Российскою и короною Свейскою. В той же день празднуется и перенесение мощей святого благоверного великого князя Александра Невского. Напечатана при Санкт-Петербурхе, в Троицком Александроневском монастыре 1725 лета, месяца априля в 24 день», лл. 1—19. (Далее указания на листы в тексте).

долгожданный мир. Россия сравнивается с Агарью, женой Авраама, которая, изнемогая от зноя, «возопи» к господу, и ей ангел показал источник текущей воды. Так и Россия, изнемогающая от войн, возопила к господу, чтобы тот дал ей источник мира. Теперь, после «неизреченных и жестоких браней, пределы наши миром ограждены», и окрестные народы, «аки предвидяще и завидяще будущему России благополучию», препятствовавшие развитию у русских «искусства воинского, мореплавания, познания учений и художеств», — ныне посрамлены. И все это случилось потому, говорится в службе, что «всему положи Петр основание на твердом камени надежды в бозе» (л. 3 об.). К России авторы службы обращаются со следующими словами: «Возведи окрест очи твои, Россие, и виждь се бо распространишася пределы твоя, приусугубишася от запада, севера и юга чада твоя и промыслу вышняго по бранех в мире воспой песни твоя» (л. 11—11 об.), и далее: «Веселися Ижерская земля и вся Российская страна, Варяжское море восплеци руками, Неве реко распространи своя струи: се бо князь твой и владыка от ига свейскаго ты свободивый, торжествует во граде божи, его же веселят речная устремления» (л. 4).

Вновь обращаясь к России, авторы службы говорят: «Созидай грады твоя новыя, Россие, утверждай миром пределы твоя, господь с тобою, господь помощник: даждь убо славу имени его, преславно ныне прославившаго тя. Не тужи ныне, Россие, дни прежня и лета прешедшая скорбная поминаючи: егда бедствиями, аки потрясая от востока, юга и севера смущаемая, внутрь же мятежными несогласии раздираемая» (л. 14—14 об.).

Авторы службы призывают «российские народы воспеть новую песнь хвалы и славы богу, и ныне Петром избавивый от бед Россию» (л. 5 об.). «Воинство российское во бранех премудростию исполнившаго и российскими кораблями Балтийское море украсившаго: град сей воздвигшаго и прославившаго и потоком сладости твоя нас насыщающаго» (л. 19).

Проникновенным чувством насыщена заключительная молитва к князю Александру: «Велий щит и крепость в Российской земли, Александре, обрел еси, православным же императорам нашим похваление, и ныне молимся ти, сохраняй отечество твое от языка чуждаго» (л. 17 об.).

Итак, победы русского оружия в Северной войне авторы служб ставят в прямую зависимость от деяний Петра Великого, подражавшего Александру Невскому, и от заступничества князя Александра за Россию. Служба Гавриила Бужинского — это апология или панегирик возрождению России. В этом заключается глубокий патриотический смысл рассматриваемого произведения, в котором новое содержание облечено в старую форму церковной службы.

Насколько актуальным было каждое слово новосоставленной службы, свидетельствует дело Маркелла Радышевского, который усмотрел в службе «великое поношение высокой чести блаженной памяти царевича Алексея Петровича».⁵⁶

В самом деле, Гавриил Бужинский совершенно недвусмысленно заявил о своей полной поддержке внутренней политики Петра, политики реформ, вызывавшей злобное противодействие у окружения царевича Алексея. Однако его попытка церковного осуждения замученного в Петропавловской крепости царевича Алексея (1717 г.) оказалась несостоя-

⁵⁶ Родосский, стр. 63.

тельной: после смерти Петра I вновь подняли голову те, кто препятствовал или втайне недоброжелательствовал великому преобразованию; в результате жалоба Маркелла Радышевского имела успех и привела к временному изъятию службы из употребления.

На этом мы ограничиваем наш разбор произведений первой четверти XVIII в. об Александре Невском. Рассмотрение древнерусских традиций в изображении Александра Невского в первой четверти XVIII в. вполне подтверждает тезис Д. С. Лихачева о том, что в XVIII в. «можно говорить о древнерусской литературе после древнерусской литературы».⁵⁷

⁵⁷ Д. С. Лихачев. В чем суть различий между древней и новой русской литературой. — ВЛ, 1965, № 5, стр. 170—186.

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова

I

Не менее двух третей сумароковских притч (до 270 басен из 375 написанных Сумароковым) — переводы или, чаще, свособразные переработки сюжетов Эзопа, Федра, Филельфа, Бидпая, Локмана, Поджо, Абстемия, Ламотта, Гольберга, Геллерта, Лафонтена. Сумароков так или иначе опирается на восточных и западных, античных и новых баснописцев и прежде всего на вобравшее в себя огромный повествовательный материал творчество Лафонтена. Греческие и латинские, индусские и арабские басни, средневековые фавль и шванки воспринимаются Сумароковым главным образом через посредство французского баснописца и его творческую интерпретацию.

Однако поиски источников притч Сумарокова нужны не ради отождествления их с известными сюжетными схемами и тем более не ради истории самих этих сюжетов. Тут важно не констатирование исходной принадлежности фавлы, а выяснение и определение тех непосредственных или, по возможности, ближайших текстов, с которыми мог и даже неизбежно должен был быть знаком Сумароков и в той или иной мере опирался на них, исходил из них или преодолевал их. Это совершенно обязательно уже для выявления собственной творческой инициативы баснописца, чтобы не причислять к индивидуально сумароковскому то, что принадлежало его предшественникам. Но еще существеннее, что сюжетно-текстуальное сопоставление притч Сумарокова с их прямыми или наиболее вероятными источниками и ближайшими параллелями доставляет благодатнейший материал для вскрытия жанровых особенностей сумароковской басни. Направленность и методы поэтической обработки традиционных фавл, то оригинальное или новое, что привнес в готовые жанровые формы и схемы сам Сумароков, как равно и уяснение, от чего он отталкивался, — представляются необходимым условием для выявления той специфики, которая определяет творческую манеру и жанровую стилистику крупнейшего из русских предшественников Крылова.

Естественно, что установление сюжетных источников сумароковских притч предполагает возможно более широкое обследование всего круга материалов, которыми реально мог располагать баснописец, хотя и такое обследование далеко не всегда может привести к однозначно определенному ответу. Так, например, когда Сумароков ограничивался лишь самым кратким, в десяток, а то и меньше стихотворных строк переложением сюжетной схемы, что равно могла быть извлечена из любого параллельного варианта, — исследователю поневоле приходится довольство-

ваться соотношением притчи только с такой общою схемой, а не с каким-либо определенным текстом.

Иногда же на тексте Сумарокова отразились разом несколько различных вариантов одной и той же фабулы, как например в третьей из притч о змее и крестьянине. Первая из них — «Прохожий и змея» (1756, кн. VI, № 16)¹ следует басне Эзопа и Бабрия, известной у нас в прозаических переводах П. Кашинского (1675 г.), С. Волчкова (1747 г.) и стихотворном — В. Третьяковского (1751 г.). Вторая — «Змея согретая» (кн. IV, № 8) — передает вариант Федра, басни которого в 1764 г. переведены И. Барковым. И, наконец, третья — «Змея и мужик» (1769, кн. VI, № 60), более чем за сто лет до того пересказанная А. Виниусом (1674), представляет гротескную переработку как бы суммарного опыта Эзопа, Федра и Лафонтена, с наибольшей текстуальной близостью к рассказу французского баснописца. Причем о знакомстве со всеми этими вариантами говорит и сам Сумароков:

Змея ползла,
И как она ни зла
И жестока укуской,
Но злей ее мороз, —
Гораздо от него бывает больше гроз.
Замерз червяк: мороз был его русской,
Не греческой и не французской,
Не римской; в истину мороз был его русской;
Пусть Федр о том писал, де Лафонтен, Есон:
Застыл у червяка и хвост и лоп;
Так русской был мороз, могли замерзнуть губы
И барабанить зубы...

Подчас же сюжетно-текстуальное сближение сумароковских притч с их источниками оказывается затруднительным также от весьма своеобразного обращения Сумарокова с заимствованными фабулами. Однако в большинстве своем «переводные» басни Сумарокова вполне могут быть соотнесены с достаточно определенными источниками и даже конкретными текстами.

Обследование сюжетных источников притч Сумарокова, хотя и далеко не исчерпывающе, выполнено К. Заусцинским, пришедшим к выводу, что «большая часть басен Сумарокова — переводные. Переводил он Федра, Эзопа и Лафонтена, но все басни в его переводе теряют свой характер и получают у него русский национальный колорит».² Заусцинским же был составлен указатель этих заимствований, в котором, кстати, оговариваются и самые броские «изменения, которые он (Сумароков) счел нужными сделать при переводе или переделке иностранных басен».³

Однако не все сопоставления Заусцинского достаточно основательны или справедливы и отсылают подчас совсем не к ближайшим вариантам заимствованных Сумароковым фабул. Точно так же не всегда оправданно в обширную категорию творческих переделок Сумарокова зачислялось все, что не укладывалось в наиболее ходовые варианты традиционных схем, а принадлежало просто не обнаруженному Заусцинским источнику. Поэтому указания Заусцинского совсем не обязательно отсылают к сюжетно-текстуальным источникам притч Сумарокова, нередко будучи

¹ Здесь и далее тексты притчей цитируются по изд.: А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, чч. VII и IX. М., 1787. (В скобках, в тексте, год написания притчи и ее номер).

² К. Заусцинский. Басни Сумарокова. — Варшавск. универс. известия, 1884, № 3 и № 5, стр. 96.

³ Там же, стр. 97.

лишь справку о подобных же, даже генетически исходных сюжетных схемах, но не о прямых источниках или ближайших параллелях сумароковских басен.

Здесь не место перечислять неточности и промахи Заусцинского. Назову лишь самую досадную сторону его указателя: Заусцинский большей частью проходит мимо творческого опыта соотечественников Сумарокова, когда они ранее его обращались к тем же сюжетам. Тем более не учтена Заусцинским и полуторавековая предшествующая история прозаической басни в России. Впрочем, и иностранные (западноевропейские) источники сумароковских басен также довольно неполно учтены Заусцинским, — и к 196 фабулам Сумарокова, отмеченным Заусцинским как заимствованные, следует прибавить по меньшей мере еще 75—80 притч, восходящих к вполне определенным литературным источникам — на западноевропейских языках или, в более ранних переводах, на русском.

II

Переводная прозаическая басня бытовала на Руси уже за полтора века до первых притч Сумарокова. В 1607 г. толмач Посольского приказа Ф. Гозвинский великолепно перевел с древнегреческого 144 басни и пландовское жизнеописание Эзопа, а также извлеченную из риторических прогимнасм ритора Афтония (III—IV вв. н. э.) краткую теоретическую характеристику самого жанра басни.⁴ В 1674 г. А. Виниус переводит с немецкого сборник из 134 басен, большей частью эзоповских, — «Зрелище жития человеческого». Каждую басню тут сопровождали исторические или хотя бы легендарно-исторические параллели, в основном социально-политического порядка. Следом же, в 1675 г., «синбирский рохмистр» П. Кашинский перевел с польского огромный сборник из 260 басен Эзопа, Абстемия, Бабрия. Во второй половине XVII в. с немецкого переведены и 36 басен Локмана.

Все это известно по крайней мере со времен А. Пыпина, и напоминать о старших русских переводах Эзопа приходится лишь потому, что они как-то ушли из поля зрения историков русской басни. Так, Н. Л. Степанов в не менее чем трижды издававшейся работе о Крылове-баснописце неизменно повторяет, что первые переводы Эзопа на русский язык появляются в начале XVIII в., — и называет тощенькое школьное издание Тессинга и Копиевского, включавшее всего 40 басен.⁵

А между тем русскому читателю и в XVII в. было знакомо не менее 350 разных басенных фабул, охватывающих едва ли не весь круг известных впоследствии в России басен Эзопа. Более того, XVII веку принадлежат и первые попытки самостоятельного изобретения басенных сюжетов, и опыты стихотворного переложения басенных фабул, не говоря уже об использовании эзоповских сюжетов в иных жанрах. Укажу лишь, что древнерусские переводные сборники басен дошли до нас почти в сроте списков, а пересказы отдельных басен, вопреки прямым запретам церковной гомилетики, включали в состав своих проповедей и Симеон Полоцкий, и Евфимий Чудовский, и Стефан Яворский, и Феофан Прокопович. Еще свободнее пользуются басней украинские проповедники, например

⁴ Переведены в начале XIX в., см.: Приуготовление к красноречию. Сочинение древнего софиста Автония. Перевод с латинского. М., 1805.

⁵ См.: Н. Л. Степанов: 1) Мастерство Крылова-баснописца. М., 1956, стр. 7; 2) И. А. Крылов. Жизнь и творчество. М., 1958, стр. 277; 3) Басни Крылова. М., 1968, стр. 12.

Антоний Радивиловский. Поэтому естественно предполагать, что древнерусские переводы басен не могли миновать и внимания Сумарокова.

Из приблизительно 150 сюжетов Эзопа, что встречаются в притчах Сумарокова, не менее 130 известны на Руси и в допетровское время. И если не весь круг этих фабул, то во всяком случае те из них, которые вошли в печатное «Зрелище»,⁶ были знакомы Сумарокову и в русском переводе.

К сожалению, несравненно меньше возможностей судить, в каких случаях этими предшествующими переводами Сумароков действительно пользовался. Чрезвычайная схематичность и обобщенность прозаического басенного рассказа и обыкновенно пословный параллелизм старших прозаических переводов оригиналам редко доставляют материал для повествовательной дифференциации их текстов, — и заключения об использовании в каждом случае иноязычного ли оригинала или русского перевода не часто оказываются возможны.

Например, из 134 басенных фабул «Зрелища» в сумароковской обработке известны 65 — около половины. Но только в нескольких случаях можно уверенно назвать фабулы, извлеченные Сумароковым именно из этого сборника. Так, только в составе «Зрелища» удалось обнаружить сюжеты сумароковских притч «Змея и слон» (кн. IV, № 2) и «Возница пьяный» (кн. IV, № 20). Точно так же только здесь отмечен возможный прообраз той развязки, которой Сумароков завершает басню о вороне, пытавшемся вслед за орлом унести ягненка, но запутавшемся в его шерсти и попавшем в руки пастуха (кн. VI, № 55). В традиционном варианте ворону окорнали крылья и отдали на забаву детям. У Сумарокова расправа много энергичнее:

Пришел пастух
И взял обух
И начал он тазать героя прицепленна;
И снял с овцы героя утомленна,
И дал герою он удар,
И выбил вон геройский жар.

Вариант, который мог натолкнуть Сумарокова на подобное завершение рассказа, обнаружен в «Зрелище»: «Пастырь же сие узрев, прибежа и врана ят и смерти предаде» (ср. в немецком тексте: «Aber vom Hirdt gefangen und erschlagen wirdt»).⁷

Разумеется, ни одна из этих идентификаций еще не исключает использования Сумароковым немецкого текста сборника, а потому не выясняет, от немецкого ли оригинала или его виниусовского перевода отправлялся Сумароков. Тут необходимы какие-то иные разграничивающие аргументы, — и они существуют.

Так, с известной доказательностью можно бы привести некоторые общие соображения: перевод Виниуса за самое короткое время распространился в огромном количестве списков, а затем, в 1712 г., был издан Московской типографией значительным по тому времени тиражом в 500 экземпляров, — и потому не мог быть неизвестен Сумарокову. Напротив, немецкий оригинал «Зрелища», вышедший в 1608 г. в Праге «Theatrum Morum», — издание чрезвычайно редкое, и никаких его следов ни в одном описании русских книжных собраний, — в том числе и в описи книг

⁶ В 1712 г. «Зрелище жития человеческого» было издано Московской типографией (500 экз.).

⁷ Theatrum Morum, Artliche gesprach der thier mit wahren historien den menschen zur lehr. Prag, 1608, стр. 186.

самого Виниуса, поступивших по его смерти в Библиотеку Академии наук, — обнаружить не удалось.

Однако существуют и более прямые доказательства, что Сумароков пользовался не немецким оригиналом, а его виниусовским переводом. Это совершенно определенно решается текстуальным сопоставлением притчи Сумарокова о зайце и черепахе, состязавшихся в беге (кн. III, № 24), как с переводом Виниуса, так и с текстом немецкого оригинала, а равно и с другими известными обработками этой фабулы. От всех них басня Сумарокова разнится совершенно неожиданным выбором места состязания:

Бежати взапуски со зайцем черепаха
К Москве-реке с Невы —
Из Петербурга до Москвы —
Хотела, — и кладут большой они заклад.

Ни один из вариантов этой фабулы: ни у Эзопа и Бабрия, ни их пересказы, ни обработка Лафонтена, — не содержат и намека на столь несообразный выбор ристалища. Нет ничего такого и в *Theatrum Morum*, немецком оригинале «Зрелища». Но в тексте самого «Зрелища» подобный повод существует: «Некогда черепаха с зайцем велий залог сотвори, кий от них первый во град утро достигнет» (№ 103), — начальная фраза переводчика, у которой вообще нет соответствия с «Театром нравов» и натолкнуть на которую Виниуса могла разве лишь иллюстрация к этой басне, где заяц и черепаха изображены на фоне довольно большого прибрежного города.⁸ Правда, этот пример — единственный, но и его достаточно, чтобы ответить, какой из текстов, немецкий или русский, был под рукой у Сумарокова.

Основная же масса фабул «Зрелища», общих с притчами Сумарокова, ничем не отличается от традиционных вариантов, и в каких еще случаях Сумароков пользовался текстом виниусовского перевода, а в каких — иными источниками — судить не представляется возможным.

III

Повествовательное преобразование заимствованных сюжетов в сумароковских притчах иногда оказывалось столь значительным, что, не будь тут связующих русских пересказов XVII в., их сюжетная идентификация, пожалуй, и не была бы возможной. Конечно, это еще не основание утверждать, что именно из древнерусских переводов Сумароков и заимствовал конкретные формы преобразования традиционных сюжетов, но самый повод и даже сюжетную направленность для таких преобразений древнерусские переводы или пересказы давали. Наиболее яркий пример тому притча Сумарокова «Одноколка» (кн. II, № 7). Приведу ее полностью:

Отцы, сей притчи вы не забываете,
Рабятам воли не давайте.

Какой-то был в деревне дворянин,
У дворянина сын.
Мальчишка был изнежен,
Резвиться был прилежен;
Не знает он аза
В глаза,
И что гроза,
И что лоза,

⁸ *Theatrum Morum*, стр. 198.

И что слова, которы детям колки.
Родитель резвости дитятины сносил.

Дитя просил
Поездить некогда у тяти одноколки.
А править сам хотел, —
И выпросив ее, кататься полетел,

Едва конем мальчишка правит,
Свиней, собак и кошек давит, —
Мяученье, лай, визг во всей деревне той,
Во всей деревне шум. Кричат ему: «Постой,
Направо, влево, прямо!».

Однако конь упрямо,
Как хочет, так бежит
И, как изволит, скачет.

Мальчишка плачет,
Мальчишка мой дрожит,
Дитя мое визжит,
В дитяти сердце ноет, —
Мальчишка воеет
И возжи, не учив он кучерских наук,
Пустил из рук.

А конь оттоле
Бежит на чисто поле.
Мальчишка мой, стень,
Не держит уж коня, —
Конь быстр, имеет он копыты не лепивы,
С колесами пахать по хлебу жолты нивы.
Конь был нахаал,
И нивы он своим узором распахал,
Дав нивам рыцарскую сечу.

Попалася потом гора коню навстречу, —
Глубокой под горой был дол и темный лес.
Летит мое дитя с небес, —
Раздулась у коня со гривой хвост и холка:
Прости лошадушка, дитя и одноколка.

Догадка, что в сумароковской притче транспонирован миф о Фаэтоне, отнюдь не принадлежит к напрашивающимся само собою. Уж слишком по-обыденному — от персонажа и до предметной обстановки — знакома вся ситуация притчи, чтобы еще возникала мысль о преломлении тут каких-то литературных сюжетов, тем более мифологических, когда в образах поместного недоросля и его одноколки оказались бы сын и колесница самого Гелиоса—Солнца. Ретроспективный ряд: «одноколка» — «фаэтон» — «миф о Фаэтоне» способен разве лишь сойти за пародию на функционально-семасиологические штудии, тогда как параллелизм сюжетных деталей и динамики их развертывания куда обыкновеннее выводить из некоторого сходства самих описываемых предметов. Во всяком случае, показательно, что ни К. Заусцинский, специально занимавшийся разысканиями сюжетных источников сумароковских притч, ни составители и комментаторы первого издания «Стихотворений» А. П. Сумарокова в большой серии «Библиотеки поэта», где последний раз была помещена «Одноколка», — Г. А. Гуковский, П. Н. Берков и А. И. Малеин, — никаких сюжетных параллелей для этой притчи не предлагали.⁹

⁹ См.: Сумароков. Стихотворения, 1935, стр. 446.

И действительно, уверенно опознать за «Одноколкою» миф о Фаэтоне было бы едва ли возможным, не окажись тут среднего члена сравнения — пересказа и истолкования этого мифа в одной из проповедей Симеона Полоцкого:¹⁰ «Пиитове утвориша баснь о Солнце, нарекоша его отца сыну Фаэтону и глаголют, яко Фаэтон видя отца си любве к себе безмерную горячесть, дерзнул есть просити его, да даст ему на своей огненной колеснице и на быстротекущих конех чрез един день токмо яждением утешитися. Отец безмернем любве обдержимый, не отрече сыну просимаго. Но внегда всед Фаэтон на колесницу, не веде коней правительствовати, тогда вмале небесе и земли не сожже огнем отчим, за что Дий, небесе владетель, уби его молнииноу стрелою и труп с небесе низвергль есть».

Пересказ Полоцкого не просто ограничен изложением лишь основного фабульного звена. Он вырывает это звено из внутренних сюжетно-композиционных связей и мифологических мотивировок, в частности хотя бы той, что Гелиос прежде в доказательство своего отцовства связал себя клятвою исполнить любую просьбу сына, в безумном дерзании которого Полоцкий, естественно, не увидел и не мог бы увидеть ничего, кроме пагубного самовольства. Тем понятнее и заключительное назидание христианского проповедника: «Баснь се есть пиитическая, но родителем в наставлении полезна: да не всякому чад прощению соизволение творят, и да не попускают им на конех самовольства, на колеснице богатств си без управителя яждения деяти, — да не искусни суще правления свирепых коней воли своя, огнем похотей и ярости на смертную казнь себе заслужаст».

За Полоцким подобному повороту фабулы следует и Сумароков. Но если Полоцкий главным образом скрадывал и приглушал элементы языческого фона, то Сумароков устраняет всякие признаки иноземного мифа, и все события, как это часто свойственно Сумарокову, переносятся на русскую бытовую почву.

В то же время динамическое описание беспорядочной скачки: метание коней из стороны в сторону — страх и неумение дитяти править — брошенные вожжи, а затем и заключительное «летит мое дитя с небес» — весь этот несравненно более полный, нежели у Полоцкого, параллелизм рассказу Овидия свидетельствует, что Сумароков был также знаком и с более развернутым изложением античного мифа. Но его житейски дидактическое истолкование, а потому и самый толчок к бытовой проекции мифа — в басне Сумарокова идут от Полоцкого.

IV

Итак, материальные, в смысле сюжетных источников, связи сумароковских притч с русскими переводами или пересказами античных фабул мне представляются доказанными. Но обнаружение сюжетных связей притч Сумарокова с допетровскими переводами неизбежно ведет и к вопросу об отношении поэтики сумароковской басни к опыту русской литературы XVII в. Это тем правомочнее, что вся экспрессивно-стилистическая система сумароковской басни самим баснописцем понималась и выдвигалась не как индивидуальная, а как национальная система жанра:

На русску статью я Федре преврачу,
И русским образцом я басню сплесть хочу.

(1762, кн. I, № 24).

¹⁰ Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681, л. 542—542 об.

Практически это претворялось в социально-исторической конкретизации тематики и самого содержания притч, в отказе от аллегорического дидактизма и в обращении к прямой и нередко совершенно открытой социальной сатире, сопровождаемой сознательным и резким преобразованием всего традиционного облика басни, трансформацией устоявшихся аксессуаров жанровой поэтики и их экспрессивных функций. Естественно, что подобная басня не могла бы конструироваться на началах, которые не представлялись бы в России исконными. Острое чувство социальных и национальных задач своей притчи — безусловная творческая заслуга Сумарокова. Однако что мог бы принять Сумароков для своей притчи у русских авторов XVII в.?

Вот в отношениях сумароковской басни к западноевропейской, прежде всего лафонтеновской, казалось бы, все понятно, хотя и довольно противоречиво. Басни Сумарокова опираются на богатейшую западноевропейскую фабулистику. Они наследуют и «натурализуют» ее традиционных персонажей в их жанровом амплуа, заимствуют и такую центральную композиционно-художественную категорию, как личный голос рассказчика во всей гамме его речевых проявлений — во всевозможных авторских рассуждениях и отступлениях, в пояснениях и оценке происходящего на жанровой сцене, в обращениях к читателю как воображаемому непосредственному собеседнику и к самим участникам фабульного действия или стоящим за их спиной социальным адресатам. Наследуются схемы построения повествования, его мотивации и экспрессивного разрешения, и другие, более частные элементы.

И в то же время сумароковская притча отличается яркими локально-колористическими элементами, а главное сама манера рассказа Сумарокова, «сказ» его притчи организуется на иных принципах — в иной экспрессивной манере, от иного национально-исторического, социально-психологического и эстетического субъекта, нежели в басне Лафонтена или Геллерта, не говоря уже о Федре.

А что, например, мог бы найти Сумароков для своей притчи в опыте русских авторов XVII в.?

Оказывается, не так уж мало. В XVII в. на Руси в басне были опробованы: и экспрессивная мобилизация народно-речевых элементов (на фоне строго сознаваемой книжно-литературной нормы) и элементов рашеника; и памфлетно-сатирическое преломление традиционных басенных сюжетов, столь знакомое нам затем по выпадам Сумарокова против его литературных оппонентов; и концентрированный гротеск, так характерный для притч Сумарокова; и даже личный голос то иронического, то негодующего рассказчика.

Разумеется, масштабы их проявления не идут ни в какое сравнение с сумароковскими, но тем не менее басне XVII в. в России они знакомы. Однако это — предмет уже другой статьи: о повествовательных формах басни в России XVII в.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Отрывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г. Ф. Миллером

В «портфелях» Г. Ф. Миллера сохранилась копия первых листов пергаменной Троицкой летописи, снятая его рукою. На обложке Г. Ф. Миллер написал: «Genaur Abschrift die ersten Blätter der Codicus membranacei Nestoris in Troizischen Kloster».¹ Ниже рукою Н. Н. Бантыш-Каменского помечено: «Исправной списокъ первыхъ листовъ Несгорова лѣтописца на 3 листахъ». По-видимому, ранее эта копия была частью более обширного «дела», так как в правом верхнем углу сохранилась старая, сделанная красным карандашом пагинация. По этой первоначальной пагинации копия первых листов Троицкой летописи занимает листы 93—96. Выделение из общего «дела» принадлежит, можно думать, Н. Н. Бантышу-Каменскому, который обозначил его номер («№ 6») и сделал перевод на русский язык приписки Г. Ф. Миллера.

Исследователями достаточно полно выяснена история открытия Троицкой пергаменной летописи, но на некоторые факты целесообразно обратить внимание еще раз.

Известно, что в 1762 г. во время коронационных торжеств Екатерина II, посетив Троицкую лавру, проявила интерес к хранившимся там рукописям. Тогда же были сняты копии с некоторых заинтересовавших императрицу рукописей. Так, до настоящего времени в Эрмитажном собрании ГПБ хранится сборник исторический (№ 420),² включающий ряд литературных произведений (сочинение Авраамия Палицына, житие архимандрита Дионисия), и некоторые документальные материалы Троице-Сергиева монастыря.

В 1768 г. генерал-прокурор Сената кн. Вяземский от имени Екатерины II писал московскому митрополиту Платону о том, что по имеющимся сведениям в архиве Троице-Сергиевой лавры имеются древние «книги», список которых с кратким содержанием рукописей необходимо представить Платону для пересылки в Петербург. В том же году была составлена опись шести рукописей, в числе которых названа и Троицкая пергаменная летопись: «Летописецъ российской, в малой лист, писан на пергамене самым древним уставным письмом. Начинается от Рурика и продолжается до княжения великого князя Василия Дмитриевича, на 371 листе».³

¹ ЦГАДА, ф. 199, д. 150, ч. 1, № 6, л. 1.

² Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание Д. Н. Альшица, М., 1968, стр. 99, 119—120. (Далее: Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей).

³ См.: С. И. Кочетов. Троицкий пергаменный список летописи 1408 года. Археографический ежегодник за 1961 год, М., 1962, стр. 23.

В 70-х годах XVIII в., когда Екатерина II задумала печатание летописей, по ее приказу в 1779 г. семь рукописей из семинарской библиотеки Троице-Сергиевой лавры были переданы митрополитом Платоном директору московской Синодальной типографии.

С. И. Кочетов полагает, что в числе этих семи «древних книг» была Троицкая пергаменная рукопись, которая тогда и привлекла внимание ученых, и в частности Г. Ф. Миллера.⁴

По мнению исследователя, Троицкая летопись с 1779 г. находилась в Синодальной типографии, поэтому ее нет в описях 1781 и 1791 гг., составленных по распоряжению Синода от имени Екатерины II. А в конце XVIII в. Троицкая пергаменная рукопись была возвращена из Синода в библиотеку Лаврской семинарии, где в 1804 г. с нею ознакомился Н. М. Карамзин.⁵

Но С. И. Кочетов не располагает никакими точными данными, свидетельствующими о том, что в 1779 г. в числе семи рукописей Троице-Сергиевой лавры, полученных митрополитом Платоном, Троицкая пергаменная летопись была отправлена в Синодальную типографию. В данном случае (при всех своих ошибках)⁶ более прав архимандрит Леонид, полагавший, что пергаменная рукопись была «вытребована из Семинарской библиотеки» для отправки в Петербург.⁷

Сведения архимандрита Леонида подтверждаются Н. М. Карамзиным, который в 1804 г. посетил Троице-Сергиеву лавру и ознакомился с ее библиотекой, в которой «нашел» «харатейный Троицкий летописец XV века».⁸

Н. М. Карамзин оставил описание посещения им лаврской библиотеки и сообщил известия о судьбе ее рукописей: «В Лавре две библиотеки: одна принадлежит Семинарии, а другая монастырю, первая состоит из 6000 книг иностранных и русских, исторических, нравоучительных, богословских и прочих; а во второй одне церковные книги и рукописи... Все исторические рукописи были из Троицкой библиотеки посланы к Екатерине Великой, которая столь ревностно занималась нашею Историею; но мне сказывали, что в них нет никаких важных отмен против напечатанных летописей».⁹

В библиотеке Екатерины II было собрано большое количество копий с древнерусских рукописей, хранившихся в монастырских библиотеках и в частных собраниях. Подлинных древних рукописей было значительно меньше, так как «державный историк» не могла их свободно читать, и для нее делали списки, переписанные крупным и четким почерком.

По описи Эрмитажного собрания конца XVIII в., найденного Д. Н. Альшицем, в распоряжении Екатерины II было несколько рукописей, связанных своим происхождением с Троице-Сергиевой лаврой. In folio: «13. Из Троицкой лавры большого летописца. Часть 1-я, 2-я и 3-я»; «14. Сокращенной летописец. Из летописца Троицы Сергиева монастыря.

⁴ См.: там же, стр. 23.

⁵ См.: там же, стр. 23—24.

⁶ Архимандрит Леонид, оперируя описью троицких рукописей 1781 г., как правильно отметил С. И. Кочетов, перепутал пергаменную и бумажную Троицкие летописи (см.: С. И. Кочетов. Троицкий пергаменный список летописи 1408 года, стр. 21—22).

⁷ Леонид. Новые сведения о Троицком списке Несторовой летописи, погибшей в московском пожаре 1812 года. — ЧОИДР, 1880, апрель—июнь, кн. 2-я, М., 1880, отд. II, стр. 49.

⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 1. СПб., 1815, стр. XXXII—XXXIII.

⁹ Н. М. Карамзин. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице. — Сочинения Карамзина, т. 1, СПб., 1848, стр. 481. (Разрядка наша, — Г. М.).

О делах и подвигах великих князей Российских»; ¹⁰ «117. История о Казанском царстве. Из Троицкой лавры»; ¹¹ «136. Сказание, что делалось в дому Святыя живоначальныя Троицы, како заступлением пресвятыя Богородицы и за молитвы великих чудотворцев Сергия и Никона избавлена бысть обитель сия от польских и литовских и русских людей творения тогда ж Кесаря инока. Список новой». ¹² In quarto: «63. История о Сибирском царстве из Троицкой Лавры. Список». ¹³

В настоящее время в составе Эрмитажного собрания хранится несколько рукописей, перечисленных в описи конца XVIII в.: два списка «Казанской истории» начала XVIII в. (ГПБ, Эрмит. № 375; ГПБ, Эрмит. № 374), ¹⁴ «Сокращенный летописец из летописца Троицы-Сергиевского монастыря» (список конца XVIII в. ГПБ, Эрмит. № 424), ¹⁵ Исторический сборник, переписанный в 1762 г. (ГПБ, Эрмит. № 370), ¹⁶ и копия Никоновской летописи из Троицкого монастыря, выполненная для Екатерины II также в конце XVIII в. (ГПБ, Эрмит. № 425). ¹⁷

Но в Эрмитажном собрании не имеется двух рукописей, отмеченных в описи конца XVIII в.: «Истории о Сибирском царстве из Троицкой лавры» и интересующего нас «Из Троицкой лавры большого летописца».

Из описания кабинета Екатерины II, составленного Н. Марзукевичем на основании дневниковых записей секретарей императрицы (в первую очередь А. В. Храповицкого), в период с 1793 по 1795 г. в библиотеке Екатерины II под № 11 был «Троицкий летописец» (in folio). ¹⁸

Можно полагать, что это была копия, снятая с пергаменной Троицкой летописи, отосланной в Петербург в 1779 г.

По-видимому, с отправкой Троицкой летописи и следует связывать внимание к ней Г. Ф. Миллера. Возможно, что Г. Ф. Миллер — издатель Степенной книги, Двинской летописи и «Истории российской» В. Н. Татищева, лучше, чем кто-либо из его современников, понимавший значение древнерусских источников, решил снять для себя копию пергаменной Троицкой летописи: в «портфелях» Г. Ф. Миллера хранится громадное количество копий, переписанных рукою трудолюбивого историка.

Если бы Троицкая пергаменная летопись была предназначена к изданию, то Г. Ф. Миллер не стал бы трудиться над снятием копии, тем более что печатание производилось в московской Синодальной типографии и он мог при необходимости обратиться к подлинной рукописи.

Нам представляется, что именно отправка рукописи в Петербург и побудила Г. Ф. Миллера сделать попытку скопировать ее для своей работы. Но труд оказался очень большим. По описи 1768 г. Троицкая летопись, переписанная «древним уставным письмом», занимала 371 лист, и Миллер оставил переписку, буквально прервав ее, даже не закончив фразы: «Поляном же живущомъ со собѣ и володѣющемъ роды своїми

¹⁰ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, стр. 145.

¹¹ Там же, стр. 148.

¹² Там же, стр. 149.

¹³ Там же, стр. 156.

¹⁴ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, стр. 95. Оба эти списка использованы при издании «Казанской истории». См.: Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Монсеевой, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1954, стр. 34.

¹⁵ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, стр. 47.

¹⁶ Там же, стр. 119—120.

¹⁷ Там же, стр. 40.

¹⁸ См.: Н. Марзукевич. Кабинет Зимнего дворца императрицы Екатерины II (с 5-го сентября 1793 по 13 августа 1795 года). — ЖМНП, ч. CLXII, СПб., 1872, стр. 329—330.

яже и до селѣ братьѣ бяху поляне и живяху кождо с родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ и быша трі братьѣ». ¹⁹

Мы знаем, что Г. Ф. Миллер сверял текст пергаменной Троицкой летописи с изданием Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, осуществленным в 1-й части «Библиотеки российской исторической» в 1767 г. Но сверка эта также не была проведена до конца и оборвалась на 21-й странице печатного издания на словах: «словеномъ же живущимъ крещенымъ, княземъ ихъ Ростиславль и Святославъ и Коцель».

Возможно, Г. Ф. Миллер был ограничен временем. Это и побудило его оставить незаконченной и переписку и сверку Троицкой летописи.

М. Д. Приселков, занимаясь реконструкцией Троицкой летописи XV в., использовал поправки Г. Ф. Миллера, сопоставив их с выписками Н. М. Карамзина из этой летописи, приведенными в «Примечаниях» к «Истории государства Российского» и с вариантами к первым 10 листам Лаврентьевской летописи, которую готовили к печати в 1804—1811 гг. Чеботарев и Черепанов. ²⁰ Но М. Д. Приселков, как об этом написано во «Введении», ²¹ пользовался не миллеровским экземпляром «Библиотеки российской исторической», а печатным воспроизведением поправок Г. Ф. Миллера, осуществленным М. Оболенским. ²²

Теперь, когда в нашем распоряжении имеется отрывок текста Троицкой летописи, переписанный рукою Г. Ф. Миллера, мы можем убедиться в том, что поправки в печатном тексте Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи не полностью отражают восприятие текста Троицкой летописи Миллером.

В качестве примера приведем заглавие летописи, по-разному читающееся в копии Г. Ф. Миллера и в издании М. Оболенского:

Летопись Несторѣва	Сборник кн. М. Оболенского	Копия Г. Ф. Миллера
Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Феодосіева монастыря Печерскаго, откуда естъ пошла Руская земля, и кто въ ней началъ первое княжити.	Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Феодосіева монастыря Печерскаго, откуда пошла Руская земля и кто в ней поча первой княжити, и отъ куду Руская земля стала естъ. О семъ начнемъ повѣсть сію. ²⁴	Повѣсти временныхъ лѣтъ откуда пошла Руская земля, и кто въ ней поча первой княжити и откуда Руская земля стала естъ, о семъ начнемъ повѣсть сію. ²⁵
Се начнемъ повѣсть сію. ²³		

Из сравнения видно, что М. Оболенский отметил лишь часть поправки Миллера, не обратив внимания, например, на то, что Миллером посредством скобок изъяты слова «черноризца Феодосіева монастыря Печерскаго». Реконструируя заглавие Троицкой летописи, М. Д. Приселков опирается на варианты чтений Лаврентьевской летописи, подготовленной Черепановым—Чеботаревым. ²⁶ Поэтому в восстановленном тексте

¹⁹ ЦГАДА, ф. 199, д. 150, ч. 1, № 6, л. 3.

²⁰ Эти варианты вошли во все позднейшие издания Лаврентьевской летописи. Мы пользуемся изданием: Лаврентьевская летопись, вып. 1, Повесть временных лет. — ПСРА, т. 1. Изд. 2-е, 1926. Фототипическое воспроизведение под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова: М., 1962.

²¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 8 (Введение).

²² Сборник князя Оболенского № 1. М., 1838, стр. 1—14.

²³ Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. Библиотека российская историческая, СПб., 1767, стр. 3.

²⁴ Сборник князя Оболенского, стр. 2.

²⁵ ЦГАДА, ф. 199, д. 150, ч. 1, № 6, л. 1.

²⁶ См.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 51, прим. 1—2.

1
98

Поиски древнихъ лѣтъ отъишла
руская земля, и что въ ней была первая истреб-
та и отъишла Русская земля стала есть, о
своихъ начальныхъ половецъ, сию. По отъишю
трѣе свѣтлохъ Новаго раздѣлиша земля
Сило, Саво, и Арфанъ. Ихъ вѣстовъ Силохъ.
Перседа, вѣствъ, даре и до Итѣвѣ, в долому
и вѣству и до Нидеурѣа вѣствъ рѣци отъишю
на и до полудеви; и Сило и Мидѣа и вѣствъ
рѣвѣа и вѣствѣа, Кордѣвѣа. Асуреѣа, вѣствъ
потѣвѣа, Арданѣа старѣвѣа, Зумѣвѣа и
Итѣвѣа, Арданѣа вѣствѣа. Кисѣа, Колѣвѣа, и вѣствъ
Итѣвѣа вѣствъ. Калѣвѣа вѣствъ вѣствъ вѣствъ
Сило, вѣствѣа и вѣствѣа вѣствѣа вѣствѣа
но вѣствѣа, вѣствѣа вѣствѣа вѣствѣа вѣствѣа
исходѣа рѣвѣа вѣствѣа вѣствѣа на вѣствѣа
вѣствѣа, Мидѣа вѣствѣа вѣствѣа вѣствѣа вѣствѣа
вѣствѣа, Мармарѣа, Сирѣвѣа вѣствѣа и вѣствѣа
вѣствѣа, Масурѣа, Мидѣа вѣствѣа вѣствѣа
вѣствѣа вѣствѣа. вѣствѣа вѣствѣа вѣствѣа вѣствѣа
и вѣствѣа, вѣствѣа, вѣствѣа, вѣствѣа, вѣствѣа,
Луѣвѣа, вѣствѣа, вѣствѣа, вѣствѣа, вѣствѣа,

Первый лист переписанного Г. Ф. Миллером отрывка из Троицкой летописи.

ЦГАДА, ф. 199, № 50, ч. 1, № 6.

отсутствует ссылка на «черноризца Феодосіева монастыря» и чтение максимально приближенно к Троицкой летописи.

Переписывая текст Троицкой летописи, Г. Ф. Миллер подчеркивает слова, чтение которых отличается от Кенигсбергской летописи: ²⁷ Лудею (К—Лидію), Солиду (К—Соліуду), Мокриа (К—Локрія), Пелиния яже и Пелеонисъ наречеса (К—Пеленія, яже и Пелопонисъ наречеса), Ипифанія (К—Ипиронія), Люрикъ (К—Иллирикъ), Луритна (К—Лухотія), Андреонна (К—Андріакія); острова: Абию (К—Евбею), Сефирана (К—Куфиру), Вакуфа (К—Закунфъ), Ефанину (К—Ифаку).

Отмечены также слова, которые отсутствуют в Кенигсбергской летописи: «Днѣпръ рѣка и Кавкасіійскія горы яже угорьскія» (в К—«Днѣпръ и Кавкасіійскія горы, рекше Угорскія»).

«Въ Афетовѣ же части сидятъ Русь, Чюдъ и вси языци Меря, Мурома, Вель, Мордна Завочьская Чюдъ, Югра, Печера, Пермь, Угра, Литва, Земѣгола, Корсь, Тевѣра, Любъ... и прочіи ти же присѣдятъ от Запада к полунощью и съсѣдятся съ племенемъ Хамовымъ» (К—«к полуденю и сосѣдять»).

На л. 2 об. Г. Ф. Миллером подчеркнут текст, который соединяет пропуск большого отрывка на первых листах Троицкой летописи: сказание о прародине славян и их расселении, описание пути из Варяг в Греки и начало путешествия апостола Андрея из Синопа на Русь. В издании Кенигсбергской летописи Миллером внесены поправки, отсутствующий текст заключен в квадратные скобки и на полях написано: «Deficit».²⁸

Следует сказать, что реконструируемый М. Д. Приселковым текст этого отрывка Троицкой летописи почти полностью совпадает с копией, переписанной Миллером:

Копия отрывка Троицкой
летописи, переписанная
Г. Ф. Миллером

Реконструкция
Троицкой летописи
М. Д. Приселковым

По семь же по колицьхъ временехъ по мнозихъ лѣтехъ бысть по воплощеніи Христовѣ і по распятіи и воскресеніи і на небеса по внесенъ по приключаю приде святыи апостолъ Андрей и ста подь горами на березѣ.²⁹

По семь же по колицьхъ временехъ по мнозихъ лѣтехъ бысть по воплощеніи Христовѣ и по распятіи и воскресеніи на небеса по вознесеніи и по приключаю приде святыи апостолъ Андрей и ста подь горами на березѣ.³⁰

Сопоставление копии отрывка Троицкой летописи с вариантами из Троицкой летописи к изданию Лаврентьевской летописи 1804—1811 гг. показывает, что Г. Ф. Миллер нередко прибегал к некоторой модернизации орфографии, к осмыслению неясных чтений рукописи и приближению их к современным понятиям.

Издатели Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи Ломоносов и Барков оставили явно испорченное чтение: «...рѣка Ефіопская Черманъ, текущая на востокъ, Фивуліи прилежащи».³¹ Сохранение непроясненного чтения оговорено ими в «Предисловии»: «Напечатанъ он такъ, какъ есть, безъ всякой переправки въ слогъ и рѣченияхъ... а еще нѣкоторые

²⁷ Кенигсбергская (Радзивиловская) летопись обозначена К.

²⁸ Библиотека российской исторической. СПб., 1767. Экземпляр библиотеки Г. Ф. Миллера. ЦГАДА, Собрание печатных книг, № 108⁴¹, стр. 5—7.

²⁹ ЦГАДА, ф. 199, д. 150, ч. 1, № 6, л. 2 об.

³⁰ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 53.

³¹ Библиотека российской исторической, стр. 3—4.

писцовы ошибки, как, например, на стр. 4 строке 1: Фивулія вмѣсто Фива и Ливія . . . парочно оставлены».³²

Г. Ф. Миллер в копию вносит исправление: «. . . рѣка Чермна текущи на вѣстокъ Фивія, Ливія принадлежащи».³³ В вариантах Чеботарева—Черепанова отмечено, что в Троицкой летописи слово стерлось, осталась часть его—«Фиф», а вместо «прилежащи» написано «прилежащи». «Кавкасийския горы» в вариантах обозначены «чекаѣския». Исправлено Миллером и слово «Еюпетъ» на «Египетъ».

Копия отрывка Троицкой летописи, переписанная Г. Ф. Миллером, представляет большой интерес как образец его работы над текстом древнерусских рукописей. Те изменения, которые вносил Г. Ф. Миллер в текст, раскрывают не только его индивидуальную методику, а свидетельствуют о том, что он следовал традициям русской историографии XVIII в. Даже рядовые писцы XVIII в., копируя древнерусские тексты, модернизировали орфографию памятников (что особенно ясно видно в копиях древних рукописей, снятых для Екатерины II и историка М. М. Щербатова). Поэтому в суровый приговор М. Д. Приселкова о «явной недооценке Миллером Троицкой летописи и о недостаточном знании им русского языка»³⁴ (что привело к искажению ряда древних чтений)³⁵ могут быть внесены некоторые поправки.

В 70-х годах XVIII в. Г. Ф. Миллер был одним из крупнейших историков-знатоков древнерусских рукописей, и не случайно, что задолго до Карамзина он сумел оценить значение Троицкой пергаменной летописи и первый начал работу по сличению ее с Кенигсбергской (Радзивилловской) летописью. Видимо, обстоятельства, преодолеть которые он не имел возможности, побудили Миллера прервать работу над Троицкой летописью.

Наблюдения над историей Троицкой летописи в XVIII в. позволяют высказать догадку о наличии полной копии этой летописи в библиотеке Екатерины II. В настоящее время основная часть этой библиотеки находится в Эрмитажном собрании ГПБ, но известно, что некоторые материалы Екатерины II хранятся в архиве и библиотеке Эрмитажа, другая часть— в составе архива Зимнего дворца хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции.

Троицкая пергаменная летопись XV в. безвозвратно утрачена вследствие гибели в московском пожаре 1812 г. Поиски копии Троицкой летописи конца XVIII в. могут дать интересные результаты.

³² Там же, стр. 32 (Предисловие).

³³ ЦГАДА, ф. 199, д. 150, ч. 1, № 6, л. 1.

³⁴ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 9.

³⁵ См.: там же, стр. 36—37.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Пергаменный Синодик Государственного Исторического музея в издании Н. И. Новикова

Н. И. Новиков опубликовал пергаменный Синодик, хранившийся в Синодальной библиотеке в Москве, в VIII томе 1-го издания «Древней российской вивлиофики». В легенде, помещенной в конце издания, были сообщены краткие сведения о рукописи: «Синодик, или Поминанье, подлинное писано на паргамине старинным почерком и хранится в книгохранильнице Патриаршей под № 465 рукописных российских книг».¹

Шифр пергаменного Синодика с конца XVIII в. изменился дважды: в начале XIX в. он числился под № 667, в начале XX в. — под № 558.

В описании славянских рукописей Синодальной библиотеки отметили, что пергаменный Синодик в основной части написан в начале XV в., имеет добавления XVI в. и что «поздней рукою вписаны новые имена Михаила Федоровича и митрополита Дионисия. Заключается многолетием князю Владимиру Андреевичу».²

Пергаменный Синодик хранился в Успенском соборе и имел значение официального документа, по которому провозглашалась «вечная память» предкам царствующим московским государей и предавались анафеме еретики и государственные преступники.

Синодик несколько раз «подновлялся»: изменению подвергались имена здравствующих и почивших государей.

Особенно выразительны первые листы рукописи, где причудливо соединились имена царей и XVI, и XVII вв. Так, на листе 2-м провозглашено «многолетие» «государю Иоанну Василиевичу Владимерскому и Московскому и Новогородскому и Казанскому и всеа Руси самодержцу». Слова «Иоанну Василие» смыты и сверху и частично сбоку, выходя за линию строки, написано новое имя — «Михаилу Федоро». Слова написаны другими чернилами и совершенно другим почерком.

Изменению подверглись и имена здравствующих цариц, но здесь же рядом находятся и «рудименты» более раннего текста — многолетие царевичу Иоанну Ивановичу — старшему сыну Ивана IV, и князю Владимиру Андреевичу — его двоюродному брату, отравленному по приказу Ивана Грозного в 1571 г.

¹ Древняя российская вивлиофика, или Собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся, издаваемая Вольного Российского собрания членом Николаем Новиковым, ч. VIII. СПб., 1775, стр. 125. (Далее: Древняя российская вивлиофика).

² А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, Отдел III, Книги богослужебные, ч. 2, М., 1917, стр. 460.

Имена царевича Ивана Ивановича и князя Владимира Андреевича Старицкого дают возможность датировать составление первых трех листов Синодика, вшитых перед Синодиком XV в.

Многолетие Ивану IV, царевичу Ивану Ивановичу и князю Владимиру Андреевичу Старицкому могло быть написано между началом 50-х и началом 70-х годов XVI в.

Выводы эти полностью подтверждаются наблюдениями над исправлениями дальнейших частей Синодика.

На лл. 49 об.—51, где возглашается память великим князьям и царям московским, проведена следующая правка: после «вечной памяти» «благочестивому и христоролюбивому великому князю Василию Василиевичу Володимирскому и Новгородскому и всея Руси» помещена «память» «благочестивому и христоролюбивому великому князю Иоанну Васи[ли]евичу Володимерскому и Новгородскому и всея Русии» и далее «благочестивому и христоролюбивому великому князю Ивану Василиевичу Володимерскому и Новгородскому и всея Русии самодержавцу». Третья «память» в рукописи зачеркнута.

Даже при поверхностном взгляде на лист 50 можно заметить, что в «памяти» Иоанну Василиевичу проведена замена: в отчестве «Васиевичу» пять первых букв «Васие» написаны другими (более черными) чернилами по смытому тексту, который при внимательном рассмотрении можно прочесть — «Ишани». Очевидно, что первоначальный текст «вечной памяти» читался так: «Благочестивому и христоролюбивому великому князю Иоанну Иоанновичу». Речь идет, следовательно, о сыне Ивана III — Иване Ивановиче Молодом, 32-летнем наследнике московского великого князя, умершем в 1490 г. Хорошо известны перипетии политической и династической борьбы последних лет XV и начала XVI в. В 1497 г. Иван III после смерти сына торжественно венчал на царство внука Дмитрия Ивановича, отстранив тем самым от престола Василия — сына от второй жены Софьи Палеолог. Но уже в 1499 г. Иван III назначил Василия Ивановича великим князем Новгородом и Пскова, а в первые годы XVI в. произошел полный переворот в отношениях между великим князем и его наследником: в 1502 г. Иван III передал титул московско-владимирского князя Василию и подверг опале Дмитрия — внука и его мать Елену. После смерти Ивана III в 1505 г. Василий Иванович стал полновластным «государем всея Руси», а племянник его — Дмитрий Иванович в 1509 г. умер «в нятстве».

Великий князь Василий Иванович, умирая, передал престол старшему сыну Ивану Васильевичу — Ивану IV. Родовая линия дома московских великих князей закрепилась, таким образом, за потомством Ивана III от его второй жены Софьи Палеолог. Иван IV был заинтересован в том, чтобы из Синодика была изъята «память» старшему сыну Ивана III — великому князю Ивану Ивановичу и Дмитрию, внуку, венчанному на царство. Поэтому в Синодике были произведены изменения: смыто и зачеркнуто отчество Ивана Ивановича и по стертому написано — Васильевича. Этим способом достигалось «выравнивание» линии престолонаследия.

Но в Синодике после «вечной памяти» великому князю Ивану Ивановичу помещалась «память» великому князю Ивану III. А после исправления «память» Ивану III повторялась дважды. Но это не смутило исполнителей воли Ивана IV. Действительная «память» Ивану III была зачеркнута, что ясно можно видеть в рукописи и в приведенной ниже фотографии л. 50—50 об.

После «памяти» Ивану III помещалась «память» Василию III и сыну Ивана IV младенцу Дмитрию Ивановичу, умершему в 1553 г.

627а
 БЛГОВРНОМУ ХРИСТОЮ
 БНКОМУ БЕЛНКОМУ
 КНАЗІ ДІАМТРИОНВА
 СЮБНЮ. ВОЛАДНМЕРСКО
 МОУ ННОВОГОРОДСКОМУ
 НБСАРУСН. БЪТНАНА
 БЛГОВРНОМУ ХРИСТОЮ
 БНКОМУ БЕЛНКОМУ КНА
 ЗЮ. БАСНЛІО ДМТРИ БН
 ВОЛАДНМЕРСКОМУ ННОВО
 ГОРСКОМУ НБСАРУ. БЪ.
 БЛГОВРНОМУ ХРИСТОЮ

59
 БНКОМУ: БЕЛНКОМУ КН
 ЗЮ БАСНЛІО БАСНБНЮ.
 ВОЛАДНМЕРСКОМУ ННОВО
 ВОГОРОДСКОМУ НБСА
 РУСН БЪТНАНА ПАМЛ.
 БЛГОВРНОМУ ХРИСТОЮ. БН.
 БЕЛНКОМУ КНАЗІ ДІАМН
 ВАШЕВНІО ВОЛАДНМЕРСКО
 ННОВОГОРСКОМУ. НБСАРУ
 СІН. БЪТНАНА ПАМЛТЬ
 БЛГОВРНОМУ ХРИСТОМУ
 КОМУ БЕЛНКОМУ КНЗЮ

Рис. 1. Лист Пергаменного Синодика со стертymi и замененным текстом.
 ГИМ, собр. Синод. № 667 (558), лл. 49 об.—50.

ИВАНУ БАСИ СЕВИЧУ
 ДИМЕРСКОМУ И НОВОГО
 РЕСКОМУ И ВСЕАРОУСИИ
 САМОДЪЖЦА БЫ

БГОВЕРНОМУ И ТУЛЮКИ
 БЫВОМЪ БЕЛКОМЪ И КИ
 БАСИ ЛЮИВАНОВИЧЮ БЫ
 МЕРСКОМУ И НОВОГОРО
 ЦКОМУ И ВСЕАРОУСИИ СЯ
 АРЪЖЦА ШТАВНЪШЕМ
 ЗЕМНОЦТВО И ПРИИМШЕ

АДЪ ПИИ АГЛАСИИ ИНОСЕ СШИВРА
 И НА РЕННУ ДОКНОЦЕ ДАРЛАМУ ДИ АРГА
 БЛТО ВРНОМУ И ХОБДИ ДОМУ ЧУВАНТОМУ
 СЯ И ПАНУ ПАВЪ САНТО СЛАДЪ СКОМУ И ДУШО

41
 42
 6

80

БГОВЕРНОМУ И СЮГАШТИНОВАСИ СЕВИЧЮ
 МОСКОВСКОМУ ВЪЗНАПАМАТЬ

ШЕМОУСТА И АГГЛАСКИ
 ИНОСКИ И ШЕРАЗЪ И

МАРЧЕНОМЪ БЪ И НОЦКЪ
 ТОНЪ БЫВАЛА ПАМ

БЛОВРНОМУ И ТОЛБЕНЬВОМУ
 БЕЛКОМЪ И НАМИТРИЮ

ИВАНОВИ БЕЛЕСКОМУ
 И НОВОГОРОЦКО И МОСКОВ

И ВСЕАРОУСИИ КЪ
 БГОВЕРНОМУ И КИ СЪ ИВАН

АРЕНЪ ИВАНОВИ И СНОУЕ
 КИ СЮБЛА МЕРУ АНРЕБЪ

БГОВЕРНОМУ И СЮГАШТИНОВАСИ СЕВИЧЮ
 МОСКОВСКОМУ ВЪЗНАПАМАТЬ
 ШЕМОУСТА И АГГЛАСКИ
 ИНОСКИ И ШЕРАЗЪ И
 МАРЧЕНОМЪ БЪ И НОЦКЪ
 ТОНЪ БЫВАЛА ПАМ
 БЛОВРНОМУ И ТОЛБЕНЬВОМУ
 БЕЛКОМЪ И НАМИТРИЮ
 ИВАНОВИ БЕЛЕСКОМУ
 И НОВОГОРОЦКО И МОСКОВ
 И ВСЕАРОУСИИ КЪ
 БГОВЕРНОМУ И КИ СЪ ИВАН
 АРЕНЪ ИВАНОВИ И СНОУЕ
 КИ СЮБЛА МЕРУ АНРЕБЪ

Ставляемъ въ акносе ртпо и прики

БГОВЕРНОМУ И СЮГАШТИНОВАСИ СЕВИЧЮ
 МОСКОВСКОМУ ВЪЗНАПАМАТЬ

Рис. 2. Лист Пергаменного Синодика с вставкой позднего текста о смерти Ивана IV. ГИМ, собр. Синод. № 667 (558), лл. 50 об.—51.

Смерть Ивана IV в 1584 г. заставила еще раз приняться за переделку Синодика: было необходимо поместить «память» царю следом за «памятью» его отцу — великому князю Василию Ивановичу. Так как свободного листа не было, то снова прибегнули к смыванию и затирке текста. После «памяти» Василию Ивановичу скорописью дописали внизу текст, первоначально расположенный на следующем 51-м листе. Далее написали текст, относящийся к Ивану IV, и по стертому тексту иноческого имени Василия—Варлаам написали иноческое имя Ивана IV—Иона. Все эти исправления хорошо видны на фотокопии. На верхнем, нижнем и боковых полях были приписаны «памяти» сыновьям Ивана IV — «царевичу Ивану Ивановичу», «царю и великому князю Феодору Ивановичу» и брату Иван IV — «князю Георгию Васильевичу».

Следы доработки пергаменного Синодика в середине XVI в. с очевидностью проступают в поминаниях воевод и воинов, погибших в многочисленных сражениях с татарами: на Куликовом поле, в походах на Казанское и Крымское ханство. В Синодик включены как бы краткие исторические справки, в которых сообщена дата похода и его географическая прикрепленность. Далее идет перечень воевод и воинов, убитых в походах или умерших в плену «нужной смертью». Военные походы XVI в. имеют отдельные оглавления, написанные киневарью: «Стоявшим на брезѣ Оки рѣки противу нечестиваго царя крымскаго Магметъ Кирея бравшимся и избѣннымъ»; «Посланникомъ великаго князи въ градѣ Казани избѣннымъ»; «Подъ градомъ Казани православынымъ убиеннымъ»; «На Костромѣ избѣннымъ», «О зимнемъ хождении на Казань благочестиваго царя Иоанна и его христоролюбиваго воинства», «О лѣтнемъ хождении на Казань и о взятии Казанскомъ благочестиваго царя великаго князя Ивана и всего его христоролюбиваго воинства».

Перечни воевод и воинов, героически погибших в сражениях с неприятелями, включенные в пергаменный Синодик Успенского собора, являются ценным историческим источником, привлекавшим исследователями.³

Синодик включил и анафематствование (отлучение от церкви). В первую неделю великого поста с церковного амвона провозглашалась анафема еретикам и государственным преступникам.⁴ Древнерусские Синодики являются поэтому важным источником для истории еретических движений.⁵

Пергаменный Синодик Успенского собора содержит анафематствования иконоборцам, богомилам, арианам, «обидащам церкви», русским еретикам конца XV—начала XVI в. — «архимандриту Юрьева монастыря Кассиану, Ивашке Максимову, Некрасу Рукавову, Волку Курицыну, Мите Коноплеву».

Синодик был церковным документом, имевшим государственное значение: во всех спархиях России по этому памятнику осуществлялся чин православия. Поэтому архиереям возбранялось «чинить перемены и прибавки» в Синодике.

³ См.: М. А. Салмина. Летописная повесть о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, стр. 370—371; Ю. К. Бегунов. Об исторической основе «Сказания». — Там же, стр. 494, 497.

⁴ См.: К. Никольский. Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю великого поста. Историческое исследование о чине православия. СПб., 1879.

⁵ См.: Ю. К. Бегунов. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 214—224.

В 60-х годах XVIII в. Екатерина II выразила пожелание выработать новый Синодик сокращенной редакции для церковного употребления.⁶ В 1766 г. Святейший Синод обратился ко всем спархиям с повелением прислать в Синод оригиналы Синодиков для исправления чина православия.

Пергаменный Синодик Успенского собора попал в Синод, где с него были сняты две копии, одна из которых передана, по распоряжению императрицы, М. М. Щербатову, собиравшему материалы для работы над «Российской историей». Копия с пергаменного Синодика Успенского собора сохранилась в собрании рукописей М. М. Щербатова, купленных после его смерти для Эрмитажной библиотеки Екатерины II.⁷ Подлинный пергаменный Синодик был отослан в Москву, но не в Успенский собор, где он хранился ранее, а в Патриаршую (Синодальную) библиотеку.

Как теперь уже очевидно, через М. М. Щербатова имел возможность ознакомиться с Синодиком и Н. И. Новиков, подбиравший в конце 60—начале 70-х годов материалы для «Древней российской вивлиофики». Издание такого древнего памятника, каким был пергаменный Синодик, представляло большой научный интерес. По-видимому, первоначальная подготовка издания началась по копии. Текстологическое исследование рукописи, копии, сохранившейся в Эрмитажном собрании, и издания, осуществленного в 1775 г. «Древней российской вивлиофики», показывает, что Н. И. Новиков обращался к подлинной пергаменной рукописи.

Копиист конца 60-х годов XVIII в.,⁸ переписывавший текст с пергаменной рукописи XV—XVII вв., стремился сохранить в неприкосновенности орфографию подлинника, но, по-видимому, независимо от себя, внес ряд изменений, которые отражали орфографические устремления второй половины XVIII в.: благодарение — благодареніе, восприяхомъ — восприяхомь, объявленіемъ — объявленіемь и др.

Подготавливая издание древнего памятника, Новиков сознательно передал его орфографической системой второй половины XVIII в. Редуцированный гласный всегда заменен полногласной русской дублетной формой: събора — собора, събрахомъся — собрахомся, проречьское — пророческое, възвысившихъ — возвысившихъ. В Эрмитажной копии это слово имеет как бы переходную форму: редуцированный гласный изъят, а русский дублет не использован: възвысившихъ.

Смягченные переднегубные в конце слова (сохранившиеся в Эрмитажной копии), согласно фонетическим нормам XVIII в., приобрели в издании твердое окончание: восприяхомъ — восприяхомь, объявленіемъ — объявленіемь. Сочетание ни, ия, ие — переданы ии, ия, ие (в Эрмитажной копии встречаются случаи замены, но чаще писец сохраняет древнее написание).

В качестве примера приведем несколько отрывков из древнейшей части пергаменного Синодика, по единодушному мнению исследователей

⁶ См.: К. Никольский. Анафематствование, стр. 44—53.

⁷ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание Д. Н. Альшица. М., 1968, стр. 15, 64, 152.

⁸ Копия Синодика Эрмитажного собрания переписана на бумаге, выпускавшейся Ярославской фабрикой Саввы Яковлева в 1769—1776 гг. Водяной знак: медведь в гербовом щите (левая сторона), буквы ЯМСЯ (правая сторона). См.: М. В. Кукушкина. Флигранны на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX вв. — Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958, № 100, стр. 303.

относящейся к XV в.,⁹ воспроизведенных в Эрмитажной копии и в издании «Древней российской вивлиофики».

Пергаменный
Синодик
Успенского собора

Заповѣдь святого и великаго всея Вселенныя Никейскаго седмаго събора. Благослови владыко. Синодикъ.

Должное къ богу лѣтное благодарение вонъ же день воспріяхомъ божью церковь со объявленіемъ благочестивыхъ велѣній и в развращеніе злобныхъ нечестій.¹⁰

Пророчскимъ послѣдующе глаголамъ апостольскимъ же поученіемъ повинующеся и евангельскимъ списаніемъ приложышея, обновленія день празднуимъ.¹³

Копія
Эрмитажнаго
собрания

Заповѣдь святого и великаго всея вселенныя Никейскаго седмаго събора. Благослови Владыка.

Должное къ богу лѣтное благодареніе вонъ же день воспріяхомъ божью церковь со объявленіемъ благочестивыхъ велѣній и в развращеніе злобныхъ нечестій.¹¹

Пророчскимъ послѣдующе глаголамъ апостольскимъ же поученіемъ повинующеся и евангельскимъ списаніемъ приложышея, обновленія день празднуимъ.¹⁴

Древняя
россійская
вивлиофика

Заповѣдь святого и великаго всея вселенныя Никейскаго седмаго собора. Благослови владыко пррчести.

Должное къ богу лѣтное благодареніе, вонъ же воспріяхомъ божью церковь со объявленіемъ благочестивыхъ велѣній и въ развращеніе злобныхъ нечестій.¹²

Пророчскимъ послѣдующе глаголамъ, апостольскимъ же поученіемъ повинующеся, и евангельскимъ списаніемъ приложышея, обновленія день празднуимъ.¹⁵

Подготавливая к изданию рукопись Синодика, Новиков должен был решить и некоторые текстологические проблемы.

Выше нам уже приходилось говорить о правках текста, предпринятых в середине XVI в. в отношении тех сведений, которые относились к старшему сыну Ивана III — Ивану Ивановичу Молодому. В рукописи отчетство Ивана было смыто и сверху написано новое отчетство Васильевич. Переделка сделана довольно грубо и сразу же бросается в глаза.

Копиист Эрмитажного списка передал текст л. 50 (где по смытому тексту написано новое имя) в той редакции, которая является результатом переработки: «Благоверному и христоролюбивому великому князю Иоанну Василіевичу Володимирскому и Московскому и Новгородскому и всеа Русіи вечная память». Действительный Иван Васильевич III, вычеркнутый в рукописи, в копии пропущен.

В «Древней российской вивлиофике» Новиков попытался воссоздать историческую последовательность великокняжеской власти. Вместо вычеркнутого имени Ивана Васильевича он напечатал «Дмитрия Ивановича». Можно полагать, что такую реконструкцию Новиков сделал на основании знакомства с «чинами венчания на царство», первое из которых относится к Дмитрию Ивановичу, торжественно венчанному в 1497 г. на царство Иваном Васильевичем III.

⁹ См.: Савва. Указатель для обозрѣнія московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, стр. 248; Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895, стр. 7—9; А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянскихъ рукописей Московской Синодальной библиотеки, Отдел III, Книги богослужебныя, ч. 2. М., 1917, стр. 460.

¹⁰ ГИМ, Син. 667, л. 4—4 об.

¹¹ ГПБ, Эрмит. 23, л. 1 об.

¹² Древняя російская вивлиофика, стр. 1.

¹³ ГИМ, Син. 667, л. 4 об.

¹⁴ ГПБ, Эрмит. 23, л. 1 об.

¹⁵ Древняя російская вивлиофика, стр. 1.

Это не единственный пример своеобразной реконструкции Новикова. На л. 51 пергаменной рукописи содержится «вечная память» Ивану IV и его сыновьям. Писец Эрмитажной копии не сумел разобраться в многочисленных значках, которыми отмечается последовательность имен, написанных в рукописи на боковых и нижнем полях. В Эрмитажной копии после «вечной памяти» Ивану IV следует «память» Георгию Васильевичу (брату Ивана IV), далее сыновьям: Федору Ивановичу, Дмитрию Ивановичу, Ивану Ивановичу, Андрею Ивановичу (Старицкому — дяде) и Владимиру Андреевичу (Старицкому — двоюродному брату). В рукописи порядок совсем иной: после «вечной памяти» царю Ивану Васильевичу помещена «память» Георгию Васильевичу (брату), царевичу Ивану Ивановичу, Дмитрию Ивановичу, Андрею Ивановичу (Старицкому), Владимиру Андреевичу (Старицкому) и царю Федору Ивановичу.

В издании Синодика сохранена последовательность перечисления «памяти» пергаменного сборника.¹⁶

В Эрмитажной копии Синодика подверглась сокращению запись «вечной памяти» царю Ивану IV. Объяснить это можно тем, что «память» Ивану IV была приписана скорописью на нижнем поле л. 50 об., а конец ее помещался на листе 51, где было использовано окончание «вечной памяти» Василию III («во иноцех Варлааму»). Писец не обратил на это внимания и оборвал запись, относящуюся к царю Ивану IV на обороте 50-го листа.

В издании Синодика текст «вечной памяти» царю Ивану IV полностью совпадает с рукописью Синодика:

Пергаменный
Синодик
Успенского собора

Эрмитажная
копия Синодика

Древняя
российская
вивлиофика

Благовѣрному и христоролюбивому царю великому князю Ивану Васильевичу владимерскому и московскому (в рукописи строки срезаны), оставившему земное царство и принявшему святыи ангельскый иноческый образъ и нареченному въ иноцѣхъ Ionѣ, вѣчная память.¹⁷

Благовѣрному и христоролюбивому царю великому князю Ивану Васильевичу Володимирскому и Московскому.¹⁸

Благовѣрному и христоролюбивому царю великому князю Ивану Васильевичу Владимирскому и Московскому и всея Руссии самодержцу, оставившему земное царство, и принявшему святыи ангельскый иноческый образъ, и нареченному во иноцѣхъ Ionѣ, вѣчная память.¹⁹

Два последних наблюдения над передачей текста с очевидностью свидетельствуют о том, что, издавая пергаменный Синодик, Н. И. Новиков не ограничился копией, имевшейся в распоряжении М. М. Щербатова, а обращался непосредственно к подлинной рукописи, хранившейся в Патриаршем собрании в Москве.

Именно обращению Н. И. Новикова к подлинной рукописи мы обязаны сохранением полного текста Синодика.

Выше уже говорилось о том, что в 1766 г. Синодики находились в Петербурге в Синоде для выработки новой более краткой редакции. Исследователь синодиков К. Никольский высказывал справедливую мысль

¹⁶ См.: Древняя российская вивлиофика, стр. 32.

¹⁷ ГИМ, Син. 667, л. 50 об.

¹⁸ ГПБ, Эрмит. 23, л. 10.

¹⁹ Древняя российская вивлиофика, стр. 32.

о том, что сокращению подвергались в Синодике анафемы еретикам и прежде всего изымались тексты, где отлучались «обидящие церкви», т. е. посягающие на церковные земли.²⁰ Екатерина II учредила в 60-х годах XVIII в. особую комиссию из светских и духовных лиц, занимавшуюся вопросами о церковных имениях, и готовила манифест об отмене церковного и монастырского землевладения. Поэтому пергаменный Синодик был скопирован в Синоде не весь. Значительная часть его была изъята. Как раз здесь и помещались развернутые анафематствования, начиная с «древних еретиков» и московско-новгородских еретиков конца XV в. и кончая «новыми еретиками», в числе которых названы «Гришка Отрепьев Растрига», «изменник и вор Тимошка Акиндинов», «бывший протопоп Аввакум и поп Лазарь, Феодор роздиакон, и Соловецкого монастыря бывший чернец Епифанец и сообщницы их», «донской козак Стенька Разин со своими советники», «Никита Суздалец», «Сергей Нижегородец, холоп боярский Савватий Костромитин, Дорофей и Гавриил», устроившие «словопрение со возмущением» в Кремле в 1682 г., и не названные по имени чудовские монахи, которые в 1684 г. дерзнули заливать, деготь съ смолою смѣшав», троперстное сложение на иконе апостола Андрея Первозванного.

В Эрмитажной копии текст Синодика обрывается на «вечной памяти» князю «Ивану Амашуку Черкасскому, убитому от безбожныхъ турокъ за православную веру». В издании «Древней российской вивлиофики» это соответствует стр. 1—89, и далее текст Синодика продолжен еще на 36 страниц до 125 стр.

В настоящее время в пергаменной рукописи, хранящейся в Синодальном собрании Государственного Исторического музея, текст Синодика обрывается на л. 126, как раз там, где кончается текст Эрмитажной копии. Заведующая рукописным отделом ГИМ М. В. Щепкина объясняет это тем, что в начале XIX в. по указанию митрополита Филарета из всех древних рукописей были изъяты анафемы государственным преступникам и запечатаны в отдельный пакет, так же как и более позднее «Деяние» еретика Мартына.

По-видимому, в то время, когда пергаменный Синодик находился в Петербурге в Синоде, в нем были отмечены листы, подлежащие изъятию. Митрополит Филарет по существу реализовал идею Екатерины II.

Издание Синодика, предпринятое Н. И. Новиковым по подлинной рукописи, дает возможность увидеть приемы издания и уровень текстологической техники 70-х годов XVIII в. и позволяет представить полный текст Синодика — памятника XV—XVII вв.

²⁰ См.: К. Никольский. Анафематствование, стр. 169—173.

М. Г. АЛЬТШУЛЛЕР

«Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова»

Представление о «Беседе любителей русского слова» как о сборище бездарных реакционеров давно уже отвергнуто нашим литературоведением. Еще Ю. Н. Тынянов показал роль старшего поколения архаистов (т. е. членов «Беседы» Шишкова, Шихматова и др.) в становлении декабристской эстетики.¹

В своих литературных исканиях «Беседа» обращалась к старославянскому языку и, естественно, проявляла интерес к памятникам древнерусской письменности. Поэтому в кругу «Беседы» должны были с особым вниманием отнестись к находке такого шедевра древней русской литературы, каким было «Слово о полку Игореве».

Хотя официальное открытие «Беседы любителей русского слова» произошло 14 марта 1811 г., и, таким образом, более десяти лет отделяет это событие от публикации «Слова», фактически литературная группа, составившая «Беседу», сложилась, как известно, значительно раньше. Так, А. С. Шишков, в будущем глава «Беседы», рассказывает о событиях 1800-х годов: «Мы четверо, а именно: Державин, Муравьев, Хвостов и я, уставили для чтения вечера, и, в назначенные дни, съезжались по очереди друг к другу. Некоторые другие любители русского языка присоединились к нашему обществу, и мы проводили время с пользою и приятностью».²

Основные теоретические положения «Беседы» были изложены уже в 1803 г. в книге Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка». Не различая старославянского и древнерусского языков, Шишков считал «славенский язык истинным основанием» русского языка, без которого последний «не может быть ни силен, ни важен».³ «Из книг славенских» следует, по Шишкову, «почерпать красоту слога».⁴

Прославление героев прошлого и побуждение современников к доблести и мужеству Шишков считал важнейшей задачей словесности: «Стихотворство сделало их (Агемемнонов, Ахиллов, Аяксов, — М. А.) бессмертными и, может быть, оно же преисполнило их великостию духа: ибо, хотя и кажется, что сама природа влагает в нас огонь смелости и муже-

¹ См.: Ю. Н. Тынянов, Архаисты и Пушкин. — В кн.: Ю. Н. Тынянов, Пушкин и его современники, М., 1968, стр. 23 и сл.

² А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870, стр. 93.

³ А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. СПб., 1803, стр. 72.

⁴ Там же, стр. 73.

ства, однако же в какой славолубивой душе не восплачет, не умножится сей огонь при чтении в Гомере подвигов Ахилла и Гектора?»⁵

Напечатанное в 1800 г. «Слово о полку Игореве» было написано тем древним языком, на который, по Шишкову, должна была ориентироваться современная литература. Это произведение было исполнено ораторского пафоса, прославляло и поучало, т. е. отвечало как раз тем требованиям, которые предъявлял Шишков к литературе. Естественно, что он сразу же использовал «Слово» для защиты и укрепления своей литературной позиции.

«Рассуждение о старом и новом слоге», вероятно, было написано, по крайней мере в основной своей части, до появления печатного издания памятника. Этим, видимо, объясняется отсутствие в «Рассуждении» упоминаний о «Слове», хотя «Рассуждение» и вышло в свет в 1803 г. Но с 1804 г. Шишков постоянно обращается к «Слову». Он находит здесь великолепные примеры красот славенского языка: «В Слове о полку Игореве сказано: Яр туре Всеволоде! Стоиши на бороне, прыщещи на вои стрелами, гремиши о шеломи мечи харалужными. Здесь глагол прыскать есть подлинно не обыкновенное, редко попадающееся уму человеческому, щастливое выражение».⁶ И далее: «...я, читая в песни Игоревой: а мои ти куряне сведоми к мети, под трубами повиты, под шеломи возледеяны, концем копия вскормлиени, нахожу, что в словах сих заключается мысль, какой сильнее не читал я ни в Виргилии, ни в Тассе, ни в Волтере».⁷ «Слово» подсказывает Шишкову мысль о расцвете древней литературы, которая не дошла до нас, но, очевидно, существовала: «Где сочинения Боянов? Кто мне докажет, что и многих разного рода Боянов не поглотила река забвения».⁸ Само «Слово», с точки зрения Шишкова, могло возникнуть только как результат длительного предшествующего литературного развития: «Кажется нет возможности написать такую повесть («Слово», — М. А.), не имея предшественниками Боянов: откуда в человеке ничего не читавшем родится вдруг богатство ума и красноречия?».⁹ Наконец, Шишков постоянно подчеркивает связь «Слова» с устным народным творчеством. Приводя примеры из «Слова»: Игорь «поскочи горностаем», Влур «волком потече» и т. д. — Шишков говорит: «Сие отношение различных действий человеческих к свойствам животных примечаем мы и в простонародных наших сочинениях» (III, 103). И далее: «В Игоревой песне Ярославна говорит ветру: чему, господине, мое веселие по ковылю развея? В простонародной песне подобное же сему поется» (III, 105).

Уже в 1805 г. Шишков выпустил монументальную работу, посвященную «Слову о полку Игореве», которая заняла значительную часть первого тома «Сочинений и переводов, издаваемых Российской Академиею». Перепечатав полностью издание 1800 г., Шишков на 120 страницах дает пространный комментарий к каждой фразе древнего памятника, а за комментарием следует прозаический перевод «Слова». С точки зре-

⁵ А. С. Шишков. Речь при открытии Беседы. — Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 1, 1811, стр. 9.

⁶ А. С. Шишков. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. СПб., 1804, стр. 81.

⁷ Там же, стр. 105.

⁸ Там же, стр. 93—94.

⁹ А. С. Шишков. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки (1811). Цит. по кн.: А. С. Шишков, Собрание сочинений и переводов, ч. 3, СПб., 1824, стр. 82 (далее все ссылки на это издание в тексте; римская цифра обозначает том, арабская — страницу).

ния рационалистического мышления Шишкова, «Слову» не хватало последовательности изложения, темные места мешали однозначному пониманию памятника (а перифрастичность и многозначность слога были для него недостатками). Поэтому в переводе Шишков опускает темные места и значительно расширяет и дополняет текст своими вставками: «... рассудилось мне предложить, или паче переделать оную (песнь, — М. А.) таким образом, чтобы, оставляя все красоты подлинника без всякой, поколику можно, перемены слов, невразумительные места сократить или пропустить; прочие же, требующие распространения, дополнить своими приличными и на вероятных догадках основанными умствованиями. Сим средством песнь сия от начала до конца сделается ясною, и я надеюсь, что сколь бы ни были собственные мои распространения и присовокупления слабы, но сплассенные с сильными выражениями и красотами подлинника, нечто приятное составят они для чтения» (VII, 125).

Первый в истории изучения «Слова» объяснительный перевод стал в то же время и самостоятельным литературным произведением, как бы вариацией на мотивы древнего памятника русской литературы, и это произведение вполне удовлетворяло принципам той литературной группы, которая несколько лет спустя организовалась в «Беседу любителей русского слова».

О значении, которое сам Шишков придавал своей работе, свидетельствует письмо его к патриарху русской литературы, который первым откликнулся на находку «Слова»,¹⁰ М. М. Хераскову: «Вы найдете в сей части («Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею», ч. 1, СПб., 1805, — М. А.) толкование мое на слово или песнь о полку Игоревом. Сочинение сие как по древности, так и по красоте своей показалось мне достойным того, чтоб вникнуть и разобрать оное подробнее. Не знаю, предупел ли я рассеять тот мрак, в каком оно являлось быть скрыто, и не обманулся ли где в показывании стихотворческих красот. Если бы я смел вас беспокоить, то пожелал бы знать ваше о том мнение, которое чем чистосердечнее, тем приятнее бы для меня было».¹¹

В предуведомлении к переводу Шишков подробно развивает свои излюбленные мысли о древности русской литературы: начало словесности в России «покрыто мраком». «Однако заключить можно, что язык наш процветал издревле» (VII, 35—36). Доказательства этой мысли, по Шишкову, суть следующие: во-первых, красота и сила переводов священных книг, откуда следует, что Россия еще до принятия христианства обладала выработанным литературным языком. Во-вторых, фольклор, в котором «часто видны бывают следы умопарения и стихотворческого духа». И, наконец, последнее, но занимающее важнейшее место в рассуждениях Шишкова — свидетельство «Слова»: «... высокое мнение и почтительное изречение о Бояне показывает, что славенский певец сей может быть гремел некогда таковою же славою, как и греческий Гомер. Где в стране поет один соловей, там, без сомнения, есть и другие: когда в Славенском народе был Боян, то, конечно, были и другие, подобные ему, но сочинения их до нас не достигли, и потому память их погибла» (VII, 36—37).

Мысль Шишкова была подхвачена митрополитом Евгением, другом и литературным советником Державина, позднее почетным членом «Бе-

¹⁰ См.: С. Ф. Елеонский. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII—начала XIX вв. — Слово о полку Игореве. Сб. статей, Государственный литературный музей, М., 1947, стр. 96 и сл.

¹¹ Рукописный отдел ГПБ, ф. 862 А. С. Шишкова, ед. хр. 3, стр. 14. Письмо датировано 20 октября 1805 г.

седы». В ранней редакции «Опыта исторического словаря о русских писателях» Евгений говорит: «Г. вице-адмирал Александр Семенович Шишков, известный сочинитель книги *О старом и новом слоге российского языка*, в представленных Российской Академии *Примечаниях* своих на *Песнь о походе Игоря на Половцов* доказывает из сей самой песни, что, кроме сочинителя оной и упоминаемого в ней певца Бояна, существовали в древние времена русские писатели, стихотворческим духом и высокостию мыслей исполненные».¹² Евгений ссылается не на печатный текст, а, очевидно, на рукопись представленных в Академию примечаний, так как, судя по письму Шишкова к Хераскову (см. выше), первая часть «Сочинений и переводов» вышла, вероятно, не ранее октября — Шишков не послал бы маститому старцу свою работу долго спустя после выхода. Евгений же послал в Москву статью о Бояне в мае 1805 г.,¹³ т. е. еще до выхода в свет работы Шишкова. Таким образом, мысли Шишкова были для Евгения настолько важны, что он поторопился включить их в публикацию словаря, не дожидаясь появления печатного текста.

Позднее Евгений охладел к представлениям Шишкова, что древняя литература была богата авторами: ссылки на Шишкова в отдельном издании «Словаря», вышедшем уже после смерти Евгения, нет. В 1815 г. он пишет Державину только о Бояне: «Песнопевец полку Игорева сохранил нам память о некотором Бояне, которого называет он соловьем старого времени и внуком Велесовым... вот первый известный нам славянорусский лирик, которого однакож ни сочинений, ни жизни, ни века мы не знаем».¹⁴

Шишков рассматривает «Слово» как героическую песнь («песню» он, кстати сказать, вслед за первым изданием называет памятник в своем переводе), и поэтому основой русского текста в связи с жанровой системой, определенной еще Ломоносовым, становится «высокий штиль», в котором основную стилиобразующую роль играют славянизмы. Это особенно хорошо заметно в тех многочисленных местах перевода, которые не имеют соответствий в оригинале: «Но кто сей, исполнну подобный, шествует бодро и грозно? Отчего толика радость в войске Игоревом, и на кого взоры всех обращаются?» (VII, 128); «Россияне... в молчании грядут...» (VII, 130): «Се корысть, рекут воины, достойная великого вождя нашего и драгоценнейшая в очах его, чем золото и паволоки» (VII, 131) и т. д. Шишков использует не только лексические, но и синтаксические славянизмы. Таков, например, дательный самостоятельный: «Тако разбиту, рассеяну врагу, далеко залетевшее храброе гнездо Ольгово дремлет в поле» (VII, 131).

Сравнительно малое влияние на перевод Шишкова оказало «оссиановское» восприятие памятника (т. е. прежде всего изображение мрачных картин природы, кровавых битв, призраков и прочего и соотнесение всего этого с настроением героев),¹⁵ широко распространенное в литературе, на-

¹² Евгений. Опыт исторического словаря о русских писателях. — Друг просвещения, М., 1805, ч. 3, № 8, август, стр. 156—157.

¹³ См.: Переписка Евгения с графом Д. И. Хвостовым. — Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук, т. 5, вып. 1, СПб., 1868, стр. 122.

¹⁴ Г. Р. Державин, Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, 2-е академич. изд., т. 7, СПб., 1878, стр. 623.

¹⁵ Об «оссианизме» «Слова» см.: Ю. М. Лотман. «Слово» и литературная традиция XVIII—начала XIX в. — Сб. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 364 и сл.

чина с Карамзина.¹⁶ Шишков даже фантастическому Диву, отнюдь не в духе Оссиана, пытается дать рациональное объяснение: «Слово сие происходящее или от *диво* (чудо), или от *дивий* (дикий), представляет здесь верховное половецкое правительство, которое, аки некое сидящее на высоте престола страшилище, печется через приумножение сил своих нанести неприятелю всякое зло и вред» (VII, 129). По поводу этих штудий Шишкова В. Олин, укрывшийся под вседонимом «3—15» (он был близок к «Беседе», в 1813 г. стал ее членом-сотрудником, вряд ли хотел раздражать могущественного покровителя и позднее), с издевкой писал: «Не понимаю, почему *див* должен означать *правительство* или *верховную власть*? Весьма удивляюсь, как могло *правительство* сидеть на вершине дерева и кричать с оного?».¹⁷

Обилие славянизмов придает торжественную величавость даже тем немногочисленным местам переложения Шишкова, которые написаны под явным влиянием Оссиана: «Тако рек Святослав. Великая душа его, в теле ветхом и сокрушенном, колеблется и мятется, подобно трепещущим высокого дуба листьям, когда бурный ветер играет ими. Очи его сверкают еще искрами любви к отечеству, но седая голова его невольно клонится уже к персям. Мрачен, углублен в размышление сидит посреде вельможей своих, печально окрест его стоящих. Безмолвное уныние царствует повсюду, в домах, на стогнах и в чертогах княжеских» (VII, 144—145).

Рассуждая о красотах древнего памятника, Шишков, увлекаясь, попадает иногда под влияние оссиановской фразеологии: «Впрочем, не взирая на темноту некоторых слов, какой огонь красноречия блистает здесь: Игорь идет с войсками, буря над головами их ревет, ночь и мрак препинают им путь, враны готовятся трупы их терзать, волки на пожранье их разевают пасть свою, орлы, соглашаясь с зверями, кости их расхитить хотят, и лисицы, дыша злобою, лают на червленые их щиты! Меньше ли здесь славенский Оссиан шотландского?» (VII, 55). Однако, когда то же место включается в текст перевода, оно сокращается, приближаясь к оригиналу (выпадают типично оссиановские мотивы: буря над головою их ревет; ночь и мрак препинают им путь; дыша злобою), резко увеличивается число архаизмов (корысть — в значении добыча; гладный — голодный; разверзают — вместо разевают). Это умеряет романтическую тональность первоначального варианта и придает «оссиановскому» абзацу торжественность, отвечающую общему колориту переложения: «Игорь твердый посреде всех сих страхов ведет полки свои к Дону. Уже враны, провидя в них корысть свою, готовятся их трупы терзать; уже гладные волки разверзают на них пасть свою; орлы клетком на кости зверей зовут; лисицы брешут на червленые щиты» (VII, 130).

В то же время перевод Шишкова подчеркнул связь памятника с народной поэзией. Подробная и тщательная классификация поэтики русского фольклора дана была Шишковым в 1811 г. в работе «Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки». Однако уже в переводе «Слова» видно обращение Шишкова к хорошо ему известным приемам народного творчества. Так, он вводит в текст перевода отрицательное сравнение, ибо «уподобления, которые можно назвать отрицательными, часто в старинном стихотворении нашем находим» (III, 100): «...не так дружно гонимые ветром волны морские несутся, как влекомые славою

¹⁶ См.: Н. М. Карамзин, Несколько слов о русской литературе. — Избранные сочинения, т. 2, М.—Л., 1964, стр. 147.

¹⁷ Рассуждение о переводе Г. Пожарского «Слова о полку Игореве» и примечаниях, сделанных им на оное. — Журнал древней и новой словесности, 1819, № 11, июнь, стр. 127.

полки российские текут, поспешая достигнуть пределов страны неприятельской» (VII, 129).

Особое внимание уделяет Шишков фольклорным постоянным эпитетам: «Хотя и новое стихотворство не убегает прилагательных имен, однакож в старом были оные несравненно употребительнее, и почти каждое существительное имело свое прилагательное: *красное солнышко, светлый месяц, частые звезды, синее море, черный соболь, белая лебедь* и пр. и пр.» (III, 95). Поэтому Шишков не только сохраняет в переводе все постоянные эпитеты оригинала: серым волком по земле, сизым орлом под облаки (VII, 126), всядем... на борзых коней, да позрим синего Дону (VII, 127), черный вран,¹⁸ нечестивый половчанин (VII, 132) и т. д. и т. п., но и добавляет их там, где в оригинале они отсутствуют: «Оно (воинство, — М. А.) дотоле, как лес густой, неподвижно стоявшее...» (VII, 129); «Слава... повела в ратное поле... спать на сырой земле» (VII, 133); «князь Всеслав рыскал, как серый волк» (VII, 144). Один постоянный эпитет оригинала («восплескала лебедиными крылы на синем море у Дону») превращается у Шишкова в два: «Злоба врагов наших, как белая на синем море лебедь (разрядка моя, — М. А.), играет, радуется, плещет крыльями на Дону» (VII, 135).

Об инверсии в связи с русским фольклором Шишков писал: «Особливо же помещение сих имен (прилагательных, — М. А.) позади существительных составляло не малую красоту» (III, 95—96). В переводе он часто прибегает к этому приему, совершенно независимо от паличия или отсутствия его в оригинале: «...ополчается он на брань кровавую, собирает войско мужественное, выступает в поле пространное» (VII, 126); «Стекается... воинство российское» (VII, 128); Ярославна всходит «на стены градские» (VII, 145); Игорь скачет горностаем к «тростнику речному» (VII, 147). Иногда Шишков увеличивает количество прилагательных, стоящих вслед за определяемым существительным: «Печаль тучная, жирная, упитавшаяся слезами народа, ходит посреде России» (VII, 136). (Ср.: «...псчаль жирна тече средь земли Руских»).

«Слово о полку Игореве» постоянно у Шишкова сопоставляется с поэмами Гомера — и то и другое представляет собою образец древнего героического эпоса. Шишков не исключает и непосредственного влияния Гомера на автора «Слова»: «...разговор Донца реки с Игорем есть вымысл весьма употребительный у древних стихотворцев: тако Ахиллес разговаривает у Гомера с копиями своими. Весьма вероятно, что сочинителю сей песни Гомерова Илиада была не безызвестна» (VII, 116).

Таким образом, для Шишкова «Илиада» и «Слово» были стилистически однородны, и принципы переложения русского памятника он сразу же использовал для прозаического перевода с английского XVI песни «Илиады». Славянизмы и здесь стали основным стилеобразующим элементом. По Шишкову, «сила и звучность нашего славено-российского языка» такова, что «может быть, красота Гомеровы не потеряли бы на нем достоинства своего, если бы искусное и трудолюбивое перо начертить их потщилось».¹⁹ Таким образом, с точки зрения Шишкова, славянизмы не являются признаком национального русского искусства: они суть знаки, с одной стороны, высокого, героического стиля, с другой — древности, которая у Шишкова всегда ассоциируется с высотой и героикой. По-

¹⁸ Для литературной позиции Шишкова показательно, что «ворон» оригинала превратился у него во «врана».

¹⁹ А. С. Шишков. Гомеровой Илиады Песнь XVI. — Сочинения и переводы, издаваемые Российской академиею, ч. 2, СПб., 1806, стр. 186. (Далее: А. С. Шишков. Сочинения и переводы, 1806).

этому, строя свой перевод Гомера на славянизмах, Шишков избегает того, что носило бы специфически русский характер — здесь отсутствуют и постоянные эпитеты, и инверсия, придававшие древнему тексту «Слова» национальный русский колорит.

Стилеобразующие славянизмы русского Гомера не имеют никаких архаических соответствий в английском оригинале: «Патрокл! рцы, как скорбь грудь твою снедающая, толь сильно изливается в сих твоих слезах немужественных». ²⁰ Ср.:

Patroclus, say, what grief thy bosom bears,
That flows so fast in these unmanly tears.²¹

Сугубо архаическому «рцы» в английском тексте соответствует нейтральная форма «say» — «скажи».

Иногда Шишков усложняет текст, вводя в него архаические выражения, отсутствующие в оригинале: «Ксант и Балий (кони Ахилла, — М. А.)... от ветра рождены они и быстры яко ветер. Единого из них летучия Гарпия, другого скоротечная Подарга, от Зефира на берегах бурного моря очреватешие, во ложеснах своих носили». ²² Ср.:

Xanthus and Balius, of immortal breed,
Sprung from the wind, and like the wind in speed;
Whom the wing'd Hairy, swift Podarge, bore,
By Zephyr pregnant on the breezy shore...²³

«Во ложеснах своих носили» — в оригинале отсутствует.

Очень осторожно, один раз в «Слове» и один раз в переводе Гомера, употребляет Шишков слово «перси» в значении мужская грудь. К началу XIX в. за этим словом уже укрепилось его сентиментально-эротическое значение: женская красивая грудь. У Шишкова Святослав склонил свою голову на перси, ²⁴ Патрокл облекает свои перси в доспехи. ²⁵ Слова «breast» и «bosom» Шишков во всех других случаях переводит равно — грудь. ²⁶ Итак, можно проследить связь перевода «Слова» с прозаическим переводом «Илиады», а затем с переводом Гнедича, у которого славянизмы, употребляемые в умеренном количестве, стали средством искусной архаизации древнего памятника при переводе его на чужой язык. ²⁷

В глазах карамзинистов, противников Шишкова, перевод и толкование «Слова» было заметным явлением его литературной деятельности.

Я [...] томов не пишу на древнего Бояна, —

противопоставлял себя Шишкову В. Л. Пушкин в известном послании «К Д. В. Дашкову» (1811). ²⁸

В то же время высокая оценка «Слова» как произведения русской культуры оказывала сильное влияние на сторонников Шишкова.

²⁰ Там же, стр. 186—187.

²¹ *Iliad of Homer*. Translated by A. Pope, London, 1822, p. 359.

²² А. С. Шишков, Сочинения и переводы, 1806; стр. 198.

²³ *Iliad of Homer*, p. 363.

²⁴ См. выше, стр. 113.

²⁵ А. С. Шишков, Сочинения и переводы, 1806, стр. 196.

²⁶ Н. И. Гнедич, возвращаясь к первым переводчикам Гомера, свободно и смело употребляет слово «перси» в значении мужская и даже конская грудь. См.: А. Н. Егуннов, Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.—Л., 1964, стр. 208—210. Об откликах современников на перевод Шишкова см.: там же, стр. 144—145.

²⁷ См.: там же, стр. 266 и сл.

²⁸ Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. «Библиотека поэта» (Большая серия), Л., 1959, стр. 271.

С. Н. Глинка в статье о поэме «Петр Великий», автором которой был последователь и любимый ученик Шишкова С. А. Ширинский-Шихматов, писал о «Слове» вполне в духе комментария Шишкова, восхищаясь красотами древнего памятника. Живо отзывался Глинка и на идеи Шишкова о значении «Слова» в общей истории русской литературы. Не стремясь, разумеется, связать генетически древний памятник с последующей литературной жизнью, он сопоставляет «Слово» с одами Ломоносова, исходя из общей для обоих эстетической оценки: «Песнопевец *подвига князя Игоря Святославича* писал в исходе двенадцатого столетия; но он так же располагал слова и мысли, как и Ломоносов, живший в осьмомнадесять столетии. Ум, одаренный природной способностью, изощренный знанием отечественного слова и руководимый опытом, во все времена и во всех странах действует одинаково».²⁹ И Ломоносов, и автор «Слова» рассматриваются Глинкой как поэты, создающие свои произведения на основе богатого предшествующего опыта. Подобный взгляд на автора «Слова», как мы видели, и провозглашал Шишков.

Статья Глинки, напечатанная в майском номере «Русского вестника» за 1810-й год, уже в конце этого года, в двенадцатом номере «Цветника» вызвала резкую отповедь В. Л. Пушкина, одного из главных полемистов карамзинского лагеря. Пушкин, обругав поэму Шихматова:

Поэма громкая, в которой плана нет,
Не песнопение, но сущий только бред. —

задел и ее защитника Глинку:

Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Баян в свой век героев воспевал.³⁰

Ближайшим откликом на работу Шишкова о «Слове» явился перевод памятника, выполненный одним из самых ревностных последователей Шишкова А. А. Палицыным. Самое значительное произведение этого малоизвестного поэта и переводчика — «Послание к Привете», обширный стихотворный обзор всей новой русской литературы от Кантемира до Карамзинского. В «Послании» Палицын нападает на Карамзина, правда не называя его имени, а лишь цитируя или упоминая его произведения,³¹ и заявляет себя решительным сторонником Шишкова:

Приводишь книгу ты (Привета, — М. А.) о слоге тут Шишкова,
Всю помня наизусть ее почти до слова.
Противу новостей смешных она твой щит. . .
. . . им чужих речей и слов удержан ток,
Готовой потопить наш пресжний чистой слог.³²

В том же 1807 году, когда было напечатано «Послание к Привете», Палицын опубликовал и перевод «Слова». В качестве предисловия к своей работе Палицын использовал, несколько сократив, введение к изданию 1800 г., закончив его похвалой Шишкову: «Читатель, желающий узнать красоты мыслей и слога в сей поэме, могущих навсегда служить образ-

²⁹ Русский вестник, 1810, № 5, стр. 116—117.

³⁰ В. Л. Пушкин. К В. А. Жуковскому. — Поэты-сатирики, стр. 268. Строки эти оставлены в книге без комментария.

³¹ См. комментарий к «Посланию к Привете» в кн.: Поэты 1790—1810-х гг. «Библиотека поэта» (Большая серия). (Выходит из печати).

³² А. Палицын. Послание к Привете, или Воспоминания о некоторых русских писателях моего времени. Харьков, 1807, стр. 32—33.

цом витийства, удовольствует похвальное любопытство свое, прочитав на нее примечания в 1-й части Сочинений и переводов Российской Академии 1805 года». ³³ Толкования Шишкова легли в основу перевода Палицына: «Переложение сей песни в прозе и остроумные примечания г. Шишкова подали мне и мысль и смелость переложить оную, как песнь, стихами, а лестное одобрение, коим он удостоил их начало, побудило меня окончить сие слабое стихотворение». ³⁴

Свой перевод вслед за Шишковым Палицын называет «героическая песнь», тем самым подчеркивая близость его к произведениям высокого жанра, прежде всего к эпической поэме. Этим обусловлен и размер перевода (единственный в истории поэтических переложений памятника) — шестистопный ямб, прочно прикрепленный в русской традиции, следом за Францией, к высокой трагедии и героической эпопее.

Основным стилеобразующим элементом у Палицына, как и у Шишкова, естественно становятся славянизмы. Герои его «песни» торжественно «текут» в битву, как это делали их предшественники в «Россиядах» и «Петриадах», полководцы торжественно выступают и т. п.:

Уже российская рать течет от всех сторон. . . ³⁵

Или:

Уже россияне вспять клопятся от бою,
Но паки в бой текут, узрев князей с собою. ³⁶

Рационалистическое мышление классицизма избегает необычного словоупотребления, поэтому, когда, следуя за прозаическим текстом, Палицын встретил там выражение *жемчужная душа*, то эпитет этот показался ему слишком смелым. И в примечании Палицын предлагает своим читателям: «Если выражение *жемчужная душа*, как ныне неупотребительное, хотя впрочем в древнем слоге красноречиво, кому не понравится, тот может сей стих прочесть так:

Дражайшая
Геройская душа твоя из храбра тела. ³⁷

Палицын со скрупулезной точностью перекладывает в стихи перевод Шишкова. Рабская зависимость его от оригинала особенно отчетливо проявляется при переложении вставок Шишкова, не имеющих соответствия в древнем тексте. У Шишкова: «Из древних преданий известно нам, каким образом славные во бранях князья и полководцы решали состязание свое о преимуществе: десять мужей выезжали на чистое поле, каждый с соколом на руке; они пускали их на стадо лебединое: чей сокол скорее долетал, тот и первенство одерживал, тому и песнь воспевалася» (VII, 126). У Палицына:

Из древних повестей о том известно нам,
Что к почести князей, которых прославляли,
Им десять соколов на лебедей пускали:
Чей прежде долетал к предмету своему,
То воспевалася и прежде песнь тому. ³⁸

³³ Игорь, героическая песнь. С древней славенской песни, писанной в XII веке, преложил стихами Александр Палицын, Харьков, 1807, стр. VI.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 3.

³⁶ Там же, стр. 8.

³⁷ Там же, стр. 37.

³⁸ Там же, стр. 1.

Шишков: «Тако нося в груди своей дух брани и мужества, презирают они великолепные, женам приличные украшения. Не золото нужно им: железо, орудия, копья, мечи!» (VII, 131). Палицын:

Так бранный дух в груди и славу водворя,
Женам приличные отмежут украшения,
Не золото нужно им: железо на сраженья!³⁹

Шишков был лично знаком с Палицыным. Он получил от последнего и опубликовал повесть И. Ф. Богдановича «Добромысл».⁴⁰ Покровительствовал Шишков любимому ученику Палицына Е. И. Станевичу, который был членом-сотрудником второго разряда «Беседы». Через Станевича он просит Палицына прислать что-нибудь для «Беседы».⁴¹ Когда вышел перевод «Слова», Палицын поспешил послать Шишкову экземпляр, ибо, по всей вероятности, именно Шишкова называет Палицын покровителем в письме Д. И. Хвостову от 3 октября 1807 г.: «Много у меня и прежних работ, но они лежат и лежат и, может быть, навсегда останутся в пыли, потому что стар и болен... Игоря моего, насилу выползшего, препроводил к его покровителю. Стыдно только, что нарядили таким черным, как унылой его псвец».⁴² Шишков, оценивший старания своего последователя, перепечатал перевод Палицына, выбросив предуведомление, стихотворные обращения и комментарии, в периодическом издании Российской Академии.⁴³

Палицын усвоил лишь один аспект шишковского восприятия «Слова» — героическое начало и, интерпретировав его в привычных для себя представлениях, дал вариант героической поэмы классицизма на мотивы древнерусского памятника. Эту главную неудачу Палицына заметил Евгений, в письме которого к Хвостову перевод охарактеризован как «почтенный с бородою седою русский старец в нынешнем французском кафтане; читая Палицына, я только вспоминал о древности, тут вижу, с позволения сказать, передразнивание, а не переложение Игоревой песни».⁴⁴

Письмо Евгения предвещает известную полемику о гекзаметрическом переводе Гомера, разгоревшуюся несколько лет спустя на страницах «Чтений в Беседе любителей русского слова». Там Уваров настаивал на том, чтобы грека Гомера не одевали по-русски («Омер в русском зипуне столько же мне противен, как во французском кафтане»),⁴⁵ здесь Евгений справедливо протестует против превращения древнерусского воина во французского рыцаря. Письмо Евгения Хвостов читал у себя дома в собрании литераторов 10 апреля 1808 г. Оно, таким образом, было довольно широко известно и, может быть, оказало некоторое влияние на позицию Уварова в споре о Гомере.

³⁹ Там же, стр. 6.

⁴⁰ «Она («Добромысл. Старинная повесть», — М. А.) отыскала по смерти его (Богдановича, — М. А.) и прислана ко мне от известного трудами своими в словесности господина Палицына. Он сообщил мне также и другие некоторые сего приятного стихотворца сочинения, найденные в оставшихся после него бумагах». (А. Шишков, Сочинения и переводы, 1806, стр. 73).

⁴¹ Н. Лашенков. Е. И. Станевич. — Сб. Харьковского историко-филологического общества, т. 9, Харьков, 1897, стр. 63.

⁴² Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 322, Д. И. Хвостова, № 60, л. 273.

⁴³ Сочинения и переводы, издаваемые Российской академиею, ч. 3, СПб., 1808, стр. 81—111.

⁴⁴ Из архива Д. И. Хвостова. Публикация А. В. Западова. — Литературный архив, вып. I, М.—Л., 1938, стр. 404.

⁴⁵ С. С. Уваров. Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре. — Чтение 17 в «Беседе любителей русского слова», СПб., 1815, стр. 61—62.

После Палицына перевод Шишкова использовал для поэтического переложения памятника Н. Язвицкий, член-сотрудник второго разряда «Беседы», председателем которого был Г. Р. Державин. Язвицкий сохраняет в переводе вставки Шишкова, правда, не так раболепно следуя за прозаическим текстом, как Палицын. Так, по Шишкову, боярам давно было известно поражение Игоря, но они скрывали печальную новость от престарелого князя, сообщив ее только после «мутного сна» Святослава. В переводе Шишкова читаем: «Тогда бояре, прервав молчание, рекли князю: „Долго мы таили, долго, храня драгоценное для нас маститой старости твоей спокойствие, скрывали от тебя общис напасти. Но бедствие наше превосходит меру, и не можем далее оставлять тебя в неведении“» (VII, 138).

Язвицкий, сохраняя мысль Шишкова, сильно сокращает его перевод:

Тут рекли бояра князю их:
Грусть давно тягчит умы у нас;
Князь! познай кручину общую:
Два слетели ясны сокола

и т. д.⁴⁶

Шишков не согласился с первыми издателями «Слова», которые «сороки не трескоташа, полозию ползоша только» перевели: «Сороки, не стрекотали, но двигались только по сучьям»,⁴⁷ — справедливо заметив, что «сорокам не свойственно ползать или двигаться по сучьям» (VII, 121). Он отнес глагол «ползать» к следующему предложению и перевел: «...галки молчат, сороки не стрекочут; одни только дятлы, по сучьям ползая, стуком носов своих путь к реке кажут» (VII, 148).⁴⁸ У Язвицкого сохранена мысль Шишкова:

По древам лишь дятлы ползая,
По реке путь кажут долбленьем.⁴⁹

В то время как Палицын, идя за Шишковым, подчеркнул в своем переводе героический характер памятника и транспонировал его на поэтическую систему классицизма, Язвицкому тот же самый перевод дал возможность подойти к тексту с романтических позиций и подчеркнуть его фольклорную основу.

В 1811 г. вышла из печати книга Язвицкого «Введение в науку стихотворства». Здесь дана пространная характеристика «Слова» и приведены отрывки из стихотворного перевода. Язвицкий традиционно сравнивает «Слово» с песнями Оссиана. В последних он в соответствии с учением Гердера⁵⁰ отмечает «пылкое стремление к свободе... В таких песнях видна душа, исполненная природою, некоторое дикое величие, подобное тем лесам и горам, в коих обитали сии народы; в них приметна какая-то мрачность попеременно печальная и приятная... Сии люди... любили все мрачное, необразованное, дикое, не знали удовольствия жизни и были мало коной привязаны; презирали ужасы смерти».⁵¹

⁴⁶ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, СПб., 1812, стр. 44.

⁴⁷ Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. 43. (Фототипическое воспроизведение в кн.: Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950).

⁴⁸ См. перевод и комментарий Д. С. Лихачева к этому месту памятника в кн.: Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 464.

⁴⁹ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, стр. 52.

⁵⁰ См., например: И. Г. Гердер. Извлечения из переписки об Оссиане и о песнях древних народов. — В кн.: И. Г. Гердер. Избранные сочинения. М.—Л., 1959, стр. 27 и сл.

⁵¹ Н. Язвицкий. Введение в науку стихотворства. СПб., 1811, стр. 109—110

Сходство между «Словом» и песнями Оссиана Язвицкий обнаруживает не столько в тематической близости, сколько в полной внутренней свободе создания обоих произведений: «Здесь (в «Слове», — М. А.)... заметим во многих местах удивительную быстроту, великие дарования и высокий ум, подкрепленный не наукою, не чтением Омиров и Виргилиев, но самою природою».⁵² Таким образом, Язвицкий отказывается от излюбленной мысли Шишкова о связи «Слова» с предшествующей литературной традицией. Он ни разу не упоминает о Бояне, так как с точки зрения романтической концепции искусства, поэтические достоинства древнего памятника обусловлены именно отсутствием книжной литературной традиции. И если Шишков предполагал знакомство автора «Слова» с Гомером, то Язвицкий, отрицая влияние Гомеров и Виргилиев, демонстративно отвергает нормы поэтики классицизма, «правила», для анализа памятника древней русской литературы: «Сей песни не будем разбирать мы по правилам поэмы, не станем требовать единства действия, чудесности и других качеств, предписанных в различных умозрениях».⁵³

Спустя год Язвицкий опубликовал свой перевод в печатном органе «Беседы». Здесь он убрал из предуведомления все, что могло быть воспринято как полемика с Шишковым, сослался на Державина, который сопоставлял «Слово» с Оссианом в «Рассуждении о лирической поэзии», упомянул Шишкова и Палицына и подчеркнул в своей позиции то, что сближало ее со взглядами Шишкова: «...одна токмо любовь к всему славено-русскому, собственное мое удовольствие, пламенные чувства, заключающиеся в песни сей, воодушевили меня и принудили как бы забыть недостатки сил моих».⁵⁴ В заключение Язвицкий обрушился на противников Шишкова, отрицающих эстетическую ценность древней русской культуры: «...остается еще... довольное число вкусов и умов, кои не чувствуют образцовых красот *Игоревой песни*. Есть люди, кои не доверяют славе и величию воспетых в ней князей, кои ничего не значущею новизною, или, лучше сказать, сами собою сияются оспорить достоинство почтенных наших предков — славян, совершенно презирают величественную простоту, первобытной наш вкус, истинные естественные красоты и нестаряющееся витийство нашей древней словесности».⁵⁵

Эти общие нападки на карамзинистов, возможно, имеют в виду и конкретного адресата — В. А. Пушкина, который в послании «К В. А. Жуковскому» противопоставил европейское просвещение русским древностям:

В чем уверяют нас Паскаль и Боссюэт,
В Синописе того, в Степенной книге нет.
Отечество люблю, язык я русский знаю;
Но Тредьяковского с Расином не равняю —
И Пиндар паших стран тем слогом не писал,
Каким Баяп в свой век героев воспевал.⁵⁶

Отрицание книжной культуры у автора «Слова» естественно привело Язвицкого к сближению этого произведения с устным народным творчеством, в чем он сходил с Шишковым. Последний, хотя и говорил о литературных традициях в «Слове», в то же время, как мы видели, провозглашал связь памятника с фольклором и показал это в своем переводе.

⁵² Там же, стр. 97.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, стр. 33.

⁵⁵ Там же, стр. 34.

⁵⁶ Поэты-сатирики, стр. 268.

У Язвицкого связь с фольклором подчеркнута прежде всего выбранным для перевода дактило-хореическим размером: «Сохраняя, сколько возможно было, слова, выражения и красоты подлинника, я переложил песнь сию русскими дактило-хореическими древними нашими стихами, потому,

Что пристойно слогом древности
Повесть рассказать печальную
О полку походе Игоря».⁵⁷

Этот размер был охарактеризован Карамзиным в 1794 г. как совершенно русский, каким сочинены все наши старинные песни.⁵⁸ После «Ильи Муромца» Карамзина он вошел в общее употребление и до Язвицкого был использован И. Серяковым в первом стихотворном переводе «Слова».⁵⁹

А. Востоков в разгромной рецензии на «Введение в науку стихотворства» упрекнул Язвицкого за выбор размера: «Вместе с текстом приводит автор собственное предложение одного стихами, так называемыми русскими ... Предложение сие показалось нам вообще как-то вялым, в чем виним не столько слабость таланта автора, сколько неудобность размера, употребленного им. Если перелажать в стихи *Слово о полку Игореве*, то мы бы предпочли для сего размер стопосложный, например ямбический 6-тистопный, каким г. Палицын предложил оное (сие предложение помещено в 3 части *Сочинений и переводов* Российской Академии; но и оно так плохо, что невозможно дочитать его до конца). Причина же сему кажется нам та, что тон и слог сей древней русской поэмы более имеет сходства с греческим (и следовательно, также с тоном новейшей поэзии), нежели с простонародным русским, к которому приложено стихосложение русское».⁶⁰ Предпочтение, хотя и очень условное, Палицына Язвицкому свидетельствует о том, что Востоков отрицал фольклорную природу «Слова». Как показало дальнейшее изучение памятника, в этом споре прав был Язвицкий.

Помимо размера, воспринимавшегося современниками как народный, ощущение фольклорности придает переводу Язвицкого (и тут переводчик следует за Шишковым) обильное употребление постоянных эпитетов. Сохраняя постоянные эпитеты «Слова», Язвицкий, как и Шишков, добавляет свои: «волки серые»,⁶¹ «поле чистое»,⁶² «подхвативши половецких дев / Красных полных как светел месяц»,⁶³ «Веют стрелы с моря синего»⁶⁴ и т. д.

Карамзинисты, по-видимому, в течение первых десятилетий XIX в. сравнительно мало интересовались «Словом». Только Карамзин, углубившийся в изучение русской истории, создает литературный портрет Бояна⁶⁵ и пересказывает содержание «Слова» в «Истории государства Российского».⁶⁶

⁵⁷ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, стр. 33—34.

⁵⁸ Н. М. Карамзин. Избранные сочинения, т. 2, М.—Л., 1964, стр. 45.

⁵⁹ И. Серяков. Поход Игоря противу половцев. СПб., 1803.

⁶⁰ В [востоков]. Рецензия на кн.: Введение в науку стихотворства — СПб., 1811. — СПб. вестник, 1812, ч. 2, № 6, стр. 298—300.

⁶¹ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, стр. 37.

⁶² Там же, стр. 37.

⁶³ Там же, стр. 38.

⁶⁴ Там же, стр. 39.

⁶⁵ Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. 2, стр. 156—157.

⁶⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 3. СПб., 1816, стр. 213—218.

Предпринятый Жуковским в 1818—1819 гг. перевод «Слова», который, кстати сказать, до сих пор считается лучшим,⁶⁷ так и оставался неопубликованным вплоть до 1882 г.⁶⁸ Эта работа не нашла отражения ни в переписке, ни в литературной деятельности друзей Жуковского — очевидно, она и не занимала их. Неудивительно поэтому, что первый издатель перевода Жуковского, обнаружив его в бумагах Пушкина, Пушкину приписал и самый перевод.

По-настоящему вторая жизнь «Слова» началась в «Беседе». Древний памятник сыграл существенную роль в формировании литературной позиции этой группы, став, таким образом, важным явлением литературной жизни уже XIX в. «Беседа» усиленно пропагандировала «Слово», она обратила внимание на его героический характер, подчеркивала его связь с народной поэзией и тем самым сыграла благотворную роль в последующем его изучении.

⁶⁷ См. например: И. П. Еремин. Лекции по древней русской литературе. 1968, стр. 127.

⁶⁸ ЧОИДР, 1882, кн. 2, отд. II, стр. 1—16.

Ф. Я. ПРИЙМА

«Слово о полку Игореве» в творчестве С. Н. Глинки

Среди литературных деятелей начала XIX в., с восхищенным вниманием следивших за тем, как изданное в 1800 г. «Слово о полку Игореве» вновь возвращалось в русло литературного движения, никогда еще не называлось исследователями имя Сергея Николаевича Глинки (1775—1847). А между тем он принадлежал к числу самых неусыпных ревнителей и пропагандистов древней поэмы об Игоревом походе.

Будучи видным для своего времени драматургом, автором драм «Наталья, боярская дочь» (1806) и «Антонио Гамба, спутник Суворова» (1807) и трагедии «Михаил, князь Черниговский» (1808) (впоследствии им была написана также драма «Минин» в 1809 г. и трагедия «Сумбека или Падение Казанского царства» в 1817 г.), С. Н. Глинка предпринял первую у нас попытку сценического воплощения образа Бояна, «русского песнопевца древних времен». Постановкой написанного С. Н. Глинкой театрального представления «Боян» начал свою деятельность в апреле 1808 г. в Москве вновь открытый Петровский театр. Помимо Бояна, роль которого исполнялась П. А. Плавильщиковым, в представлении принимали участие также следующие действующие лица: Гений России (Баранчеева), Мельпомена (Короневичева), Талия (Воробьева), Евтерпа (Сандунова), Зефир, Венера, Аполлон, древнегреческие «баснословные божества» и представляющий народное мншние Хор. Музыкальная часть представления была оформлена композитором Д. Н. Кашиным.¹

При звуках торжественной музыки Гений России поднимал жезл, раздвигался занавес и перед взорами зрителей открывалась картина леса и возвышающегося над ним Олимпа, на котором вместе с древнегреческими «божествами» восседал Боян.

Гремел Боян златою лирой,
Гремел сей древних дней певец:
Славян, одеянных порфирой,
Пел блеск и щастие сердец.
Пусть днесь так Россов воспевае
Дней древних соловей Боян:
Пусть в песнях он соединяет
Величье Россов и Славян.

(Стр 5).

В то время как хор исполнял это вступление, Боян сходил с Олимпа с златой лирой в руках и обращался к Родине, олицетворяемой Гением России, со словами сыновней преданности:

¹ См.: Боян, русский песнопевец древних времен: пролог с хорами и балетами, сочиненный Сергеем Глинкою. 1808. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

Полночи певна мати! Російська країна,
 Котрою іскони отлична власть дана
 Душ крестостью и мущою одолевать все в мире,
 В якій блистательной я зрю тебе порфире!

Восстаные из гробов, Олеги, Святославы,
 Державе Греческой дававшие уставы,
 Владимиры, Донской, и вы, друзья Граждан,
 Пожарский, Минины! честь, слава Россиян,
 Боян вызывает к вам . . . по вы уж оживленны,
 Сердца и души к вам в сем храме устремленны. . .

(Стр. 6).

Сергей Глинка не задавался целью сообщить образу Бояна реальные исторические черты и поэтому без всякого смущения заставлял его интерпретировать политические события начала XIX в. Обращаясь к древнегреческим богам и героям, Боян призывал их подружиться с Россией, чтобы сбросить «постыдное бремя» турецкого гнета с «Эладских стран» и «стереть рога Луны».

Отвечая полным сочувствием на этот призыв, древнегреческие музы сходили с Олимпа и окружали древнерусского певца. «Переносясь во дни прошедшие», Мельпомена выражала свой восторг перед храбрыми российскими героями и их незабвенными женами, в особенности — перед Дмитрием Донским и супругой его Ксенией (так!); тут же Мельпомена призвала российских певцов воспеть отечественных героев и «блеск родной страны». Дидактизмом, адресованным русским писателям, была проникнута также речь музы комедии Талии. Ее credo сводилось к утверждению общественно-служебной роли искусства. Наряду с неправосудием, ложью и клеветой комедия призвана искоренять также преклонение перед «иноплеменными модами»:

Чтоб модницы, Москву считаючи Парижем,
 А комнаты, где спят, альковом, или нишем,
 Родную сторону любили без затей;
 Чтоб о неправдах мы не слышали судей;
 Чтоб русская любовь отставила Амура,
 Чтоб здравствуй нравилось нам более бонжура,
 Чтобы заморский бал хлеб-соль превозмогла,
 Чтоб к модам не везли доходов из села. . .

(Стр. 10).

Вслед за сим Боян обращался к музе Евтерпе, приглашая ее возвысить голос «в честь бога Световида» и «великого Новгорода»:

Воспой! и древность ты священиу пробуди,
 С Бояновой душой в протекши дни преиди.

(Стр. 11).

Евтерпа и хор, чередуясь друг с другом, «вещали славу Славян», пели «древнюю песнь Солнцу», славили древний Новгород и священный Волхов. В своем пространном заключительном монологе Боян восхищался деяниями Ермака, Минина и Пожарского, Петра I, Суворова, находил в послепетровской России достойную преемницу славы древних славян и вручал свою лиру вновь пришедшему поколению «российских певцов».

При всем преклонении перед знаменитой поэмой об Игорево походе С. Н. Глинке не удалось, как об этом свидетельствуют даже немногие приведенные выше цитаты, преодолеть инерцию литературного стиля начала XIX в. и передать слушателям и зрителям художественное и стилистиче-

ское своеобразие древнего памятника. Впрочем, названным недостатком характеризовалась также поэма «Владимир возрожденный» (1797) М. М. Хераскова, «Пантеон российских авторов» (1801) Н. М. Карамзина, роман «Всеволод и Велеслава» (1807) Н. Н. Муравьева, «Певец в стане русских воинов» (1812) В. А. Жуковского и все другие произведения конца XVIII и начала XIX столетия, ставившие перед собой задачу целостного или частичного воссоздания национальной старины в духе «Слова о полку Игоре». Прежде чем русская общественность приближалась к историческому пониманию языка, образности, поэтики и художественного своеобразия древней поэмы, потребовались в этом направлении длительные усилия коллективной научной мысли. Вместе с тем несомненным достижением Сергея Глинки являлось уже то, что он уловил ораторский пафос «Слова о полку Игоре», его патриотическую направленность, его лирическую напряженность. Прославляя в своем сценическом представлении великий Новгород, С. Глинка безусловно сближался с тираноборческими традициями русской литературы своего времени, и наличие в глинковском «Бояне» двух-трех официальных реверансов в сторону «вождя россов» Александра I вряд ли следует придавать серьезное значение. Появление «Бояна» на сцене совпало с моментом, когда С. Н. Глинка начинал издание журнала «Русский вестник» (1808—1820 и 1824 гг.). К этому времени русской общественности были уже достаточно ясны наполеоновские планы порабощения России, и поэтому в государственной системе Александра I, вслед за многими другими писателями, С. Н. Глинка видел едва ли не единственный залог политического могущества России. Заметим кстати, что царистские иллюзии были свойственны в это же время и Ф. Н. Глинке, общественные взгляды которого неуклонно эволюционировали в сторону идеологии преддекабризма.

Характеристика политического облика С. Н. Глинки как реакционера и монархиста, принятая в нашей учебной и справочной литературе, по-видимому, нуждается в существенных поправках. Не следует забывать, что в молодые годы писатель находился под сильным воздействием идей А. Н. Радищева. Во второй половине 1830-х годов, вспоминая события сорокалетней давности, Сергей Глинка писал: «Все тогдашнее мое сокровище состояло в „Вадиме“ Княжнина, в „Путешествии из Петербурга в Москву“, наделавшем тогда много шума, а теперь уснувшим сном непробудным, и в „Чувствительном путешествии“ Стерна, в котором сердце и мысль всегда что-нибудь отыщут».²

Своеобразный демократизм и политическая независимость были характерны для С. Н. Глинки отчасти и в период, последовавший за разгромом восстания декабристов. Назначенный в 1827 г. московским цензором, он был отстранен от этой должности через три года за систематическое неповиновение властям предрежущим, распустившим слух о нем, как об «агенте каких-то тайных обществ».³ У нас, наконец, нет никаких оснований считать случайным следующее мнение редакции некрасовского «Современника»: «Первый ратник московского ополчения 1812 года, Глинка был настоящий, искренний патриот, но вместе с тем и самостоятельный характер. Правда была для него главным указателем его действий, и он смело высказывал ее высоко поставленным людям, несколько не стесняясь; это бывало очень часто крайне простодушно, но это простодушие не уменьшает достоинства его ревности: защита правды обходилась ему не дешево, подвергала его чувствительным для него гонениям и житей-

² Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, стр. 132.

³ Там же, стр. 358.

ским неудобствам, и готовность выдержать эти неудобства ради своего убеждения придает его личности действительную нравственную привлекательность».⁴

Об интересе С. Н. Глинки к «Слову о полку Игореве» свидетельствует не только театральное представление «Боян», но и другие его сочинения. Так, в примечании к стихотворению «Одиночество» Мих. Яблосникова Глинка высказывал пожелание автору, «чтобы он чаще посещал „Волка“ (Русский Парнас) и, внимая там песнопевцу Бояну, передавал бы нам звуки его лиры».⁵ В статье «Древние русские книги и предания» С. Н. Глинка попытался прокомментировать «припевку Бояна» («Ни хитру, ни горазду, ни птицу горазду суда божия не минути»)⁶ В статье «Несколько слов о народных комедиях» С. Н. Глинка цитирует поэму об Игоре-вом походе («свивая ... оба полы сего времени»)⁷ Упоминалось и цитировалось «Слово о полку Игореве» также и в «Русском чтении» С. Н. Глинки.⁸

В первой четверти XIX в. большая роль в художественном, а отчасти и в научном освоении древней поэмы об Игоре-вом походе принадлежала руководимому Сергеем Глинкой «Русскому вестнику». Полный перечень опубликованных в этом журнале материалов, в той или иной мере перекликающихся со «Словом о полку Игореве», был бы обременителен для читателя, и поэтому мы ограничимся здесь указанием на соответствующие материалы лишь одного, 1808 года, первого года существования «Русского вестника». В 1808 г. здесь была опубликована насыщенная образами и мотивами «Слова» «Повесть о Мстиславе Первом Володимировиче, славном князе русском» П. Львова (ч. IV, № 11), два стихотворения («Гавриилу Романовичу Державину» и «В похвалу гражданских добродетелей») некоего К. З. (ч. II, № 4 и № 5) и отрывок из поэмы «Дмитрий Донской» А. А. Палицына (ч. III, № 8), в которых присутствует образ Бояна. Близки по своим мотивам к поэме об Игоре-вом походе были, кроме того, и анонимное стихотворение «Песнь славяно-россиянок сынам отечества» (ч. I, № 1) и стихотворение Ф. Иванова «Рогнеда на могиле Ярополковой» (ч. III, № 9).

Такое же обилие «переключек» со «Словом о полку Игореве» найдем мы и в комплектах «Русского вестника» за последующие годы. Из этого обилия заслуживают быть выделенными по значительности своего содержания две статьи Ф. Н. Глинки: 1) «Известие о книге „Петр Великий“ кн. С. Шихматова» и 2) «Замечания о языке славянском и о русском или светском наречии».⁹ В «Известии о книге „Петр Великий“» была дана попытка установить черты типологической общности между «Словом о полку Игореве» и поэтическим творчеством М. В. Ломоносова. Незаурядные достоинства второй статьи бесспорны: задолго до соответствующих работ А. Х. Востокова Ф. Н. Глинка, опираясь, правда, более на собственную интуицию, чем на научные познания, попытался обосновать в ней наличие в древней Руси двух языков: церковнославянского и старо-русского.

⁴ Современник, 1865, т. 110, № 9, стр. 217.

⁵ Русский вестник, 1809, ч. V, № 1, стр. 167.

⁶ Там же, стр. 177.

⁷ Пантеон русского и всех европейских театров, 1841, ч. III, № 8, стр. 98.

⁸ Русское чтение, 1845, ч. II, стр. 277.

⁹ Русский вестник, 1810, ч. X, № 5, стр. 85—141; 1811, ч. XV, № 7, стр. 52—92.

Автор второй из этих статей, принадлежность которой перу Ф. Н. Глинки является общепризнанной, неоднократно ссылается на «Известие о книге „Петр Великий“», как на статью, также им написанную. Подобные ссылки автопризнания («я написал», «я прибавил», «я никак не предполагал», стр. 53—54) освобождают нас в данном случае от необходимости излагать развернутую аргументацию авторства.

Образцы первого Ф. Н. Глинка находил в книгах религиозного культа, образцы второго — преимущественно в «Слове о полку Игореве». В названных статьях Ф. Н. Глинка обнаружил редкостное для того времени умение проникнуть в стилистическую природу самого древнего памятника русского художественного слова.

Вопрос об отношении Ф. Н. Глинка к «Слову о полку Игореве» уже ставился в нашей научной литературе, однако к рассмотрению привлекались только два сочинения писателя: «Дневные записки русского офицера» (1815) и повесть «Зиновий Богдан Хмельницкий» (1819).¹⁰ Для обстоятельного исследования этого вопроса потребовалось бы учесть не только названные выше две статьи Ф. Н. Глинка, но также его «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции»,¹¹ статью «О природной способности русских к приятным искусствам»,¹² его поэтические произведения (стихотворение «Сетования русской девы» и др.).

Несмотря на то, что восприятие «Игоревой песни» Ф. Н. Глинкой отзывалось порой свойственной началу XIX в. наивной чувствительностью и дилетантизмом, тенденция к трезвой объективно-исторической оценке памятника обозначалась у него, может быть, ярче, чем у других современных ему писателей. Тема «Ф. Н. Глинка и „Слово о полку Игореве“» заслуживает специального серьезного рассмотрения, которое не входит в задачу настоящей статьи. Мы коснулись этой темы лишь с тем, чтобы показать, как широко и разносторонне отражалась она в журнале «Русский вестник». В первой четверти XIX в. обращение писателей и критиков к древней поэме об Игорево походе предопределялось отчасти литературными настроениями и вкусами эпохи. Однако ни «Вестник Европы», ни «С.-Петербургский вестник», ни «Дух журналов», ни другие периодические издания того времени не проявляли такого неослабевающего интереса к «Слову», как «Русский вестник». И важнейшим возбудителем этого интереса являлся, надо полагать, сам редактор журнала.

В литературном творчестве С. Н. Глинка поэма об Игорево походе была постоянной вдохновляющей силой, высшим образцом патриотического пафоса и художественного совершенства. Поэтические достоинства «Слова» Сергей Глинка пытался сообщить и собственным произведениям, хотя скромные размеры его дарования и не позволили ему добиться в этом отношении крупных успехов. Неизмеримо более значительными были достижения редактора «Русского вестника» в популяризации «Слова о полку Игореве». Как писатель, журналист и критик, ратовавший за самобытное искусство, Сергей Глинка умел внушать своим многочисленным читателям уважение к «Слову», к лучшим традициям древнерусской письменности в целом, и это составляет одну из важных заслуг писателя перед историей русской литературы.

¹⁰ См.: С. Ф. Елеонский. Поэтические образы «Слова о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой, М., 1947, стр. 115—116.

¹¹ Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера. М., 1815, ч. III, глава «Несколько слов о садах».

¹² Русский вестник, 1815, ч. XXX, кн. 3, стр. 53—54.

Ю. Д. ЛЕВИН

Поэма В. К. Кюхельбекера на сюжет «Повести о Тверском Отроче монастыре» («Юрий и Ксения»)

Заключенный в Свеаборгскую крепость декабрист В. К. Кюхельбекер записал 10 августа 1832 г. в своем дневнике: «Наконец я нашел в 25 книжке „Вестника“ нечто, что может мне пригодиться для сочинения. Вот краткое извлечение...», и далее следовало изложение повести об Отроче монастыре, составленное на основании пересказа в «Вестнике Европы». В заключение записи Кюхельбекер замечал: «Мне кажется, что все это выдуманно: но, надеюсь, согласятся, что выдумка недурна и что из нее можно бы кое-что сделать. Дай-то бог! давно уж мне не приходило ни одной творческой мысли».¹

Сюжеты, обращенные в прошлое, исторические рассказы постоянно вызвали интерес у поэта-декабриста. Различные эпизоды древней и новой истории — падение Иерусалима, императорский Рим, борьба германского императора Генриха IV с папой Григорием VII, Реформация, Французская революция — получили отражение в «отрывках» поэмы «Агасвер». История древней Руси дала сюжеты для «саги» «Святополк» (1823) и баллады «Рогдаевы псы» (1824). Событиям «смутного времени» были посвящены трагедии «Падение дома Шуйских» (конец 1820-х годов; не сохранилась) и «Прокофий Ляпунов» (1834).

Размышления над историческими сюжетами, которые, однако, не удалось реализовать впоследствии, неоднократно встречаются в дневниках Кюхельбекера. Так, в мае 1832 г., читая историю Швеции, он заметил, что «в ужасном царствовании Ингвальда Ильроде ... и не менее ужасной смерти его можно бы найти стихии для сочинения трагедии вроде Шекспирова Макбета».² В ноябре того же года он записал рассказ об отце д'Ортега — миссионере XVI в. в Южной Америке, рассчитывая когда-нибудь применить его «к сочинению стихотворной повести».³

Еще больше привлекали Кюхельбекера, конечно, сюжеты из русской истории. Тогда же, в ноябре 1832 г., после прочтения статьи в «Вестнике Европы»⁴ он подумывает о написании романа или повести о червепечатнике Иване Федорове.⁵

¹ Цит. по кн.: В. К. Кюхельбекер, Избранные произведения в двух томах, т. II, Подготовка текста и примечания Н. В. Королевой, «Библиотека поэта» (Большая серия), 2-е изд., М.—Л., 1967, стр. 733. (Далее: Избранные произведения).

² ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 336, л. 3 (запись от 2 мая 1832 г.).

³ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 10, л. 94 об. (запись от 5 ноября 1832 г.).

⁴ Иоани Федоров, первый московский типографщик. — Вестник Европы, 1813. ч. LXXI, № 18, стр. 93—123.

⁵ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 10, л. 93—93 об. (запись от 1 ноября 1832 г.).

Особенно часто подобные мысли возникали у него при чтении «Истории государства Российского» Карамзина в 1833 г. Так, 11 февраля он размышлял, насколько пригодна для трагедии «ужасная» смерть Андрея Боголюбского.⁶ Интересна запись от 10 октября: «Прочел я сегодня с вниманием княжение Дмитрия Донского. Но вряд ли можно влить в драматическую форму *главный* подвиг его: он более способен принять образ романтической поэмы вроде Скоттовых. Однако же *вся* жизнь Донского, не исключая его ранней, а посему и поэтической смерти, могла бы, кажется, быть представлена в исторической картине вроде Шекспировых „Histories“. Жаль, что Дмитрию не был товарищем при Куликове Тверской; если бы это было, можно было бы написать ряд „Histories“, начиная с убийства Михаила I Тверского до соперника Дмитриева Михаила II».⁷

К замечаниям о шекспировской хронике «Генрих VIII» Кюхельбекер добавлял: «... не дурно было бы нашего Петра изобразить в подобной картине, но с большею живостию»,⁸ и т. д.

Как и у других писателей-декабристов, у Кюхельбекера обращение к истории обычно было связано с решением современных насущных социально-политических проблем. Не случайно, обдумывая тот или иной исторический сюжет, он чаще всего примеряет его к хронике шекспировского типа. Шекспир был для Кюхельбекера прежде всего политическим писателем, в котором его главным образом интересовали исторические хроники и близкие к ним трагедии вроде «Макбета».⁹ К хроникам Шекспира тяготел и дошедшая до нас историческая трагедия Кюхельбекера «Прокoфий Ляпунов».¹⁰

Однако, видимо, не этого рода интересы привлекли его к легендарной истории монастыря. «Повесть о Тверском Отроче монастыре» занимает особое место в русской литературе XVII в. Она свободна от историко-политической проблематики, и в основу ее впервые был положен чисто человеческий любовный конфликт, пришедший на смену средневековым сюжетам, которые изображали мировую борьбу добра и зла.¹¹ «Повесть» была как бы предвестницей новой литературы. Не случайно она неоднократно подвергалась переработке и служила основой для новых литературных произведений и до Кюхельбекера, и после него, вплоть до XX в.¹²

⁶ В. К. Кюхельбекер. Дневник. Ред. В. П. Орлова и С. И. Хмельницкого. Л., 1929, стр. 93 (Далее: Дневник).

⁷ Там же, стр. 142.

⁸ Русская старина. 1883, т. XXXIX, № 7, стр. 109.

⁹ См. нашу статью «Рассуждение В. К. Кюхельбекера об исторических драмах Шекспира» в кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, стр. 286—320.

¹⁰ См.: Шекспир и русская культура. Под ред. акад. М. П. Алексеева. М. Л., 1965, стр. 159—162.

¹¹ См.: Д. С. Лихачев. XVII век в русской литературе.— В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, стр. 316—318.

¹² Помимо поэмы Кюхельбекера, нам известны восемь таких переработок: 1) «Пересказ без заглавия» — В кн.: «И. Глушков» Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими вероссийскими столицами, дающий о городах по оному лежащих известия исторические, географические и политические... СПб., 1801, стр. 102—107; то же. — В кн.: Словарь географический Российского государства... собранный А. Щекаговым, ч. II, Г—К., М., 1804, столб. 342—344 (в статье «Единопоново»). 2) В. Н. Карелин. Георгии и Елена. — Цветник, 1810, ч. V, № 2, стр. 123—147. 3) С. П. Глинка. Григорий. Историческая русская повесть. Русский вестник на 1808 год, издаваемый Сергеем Глинкою, ч. II, № 5, май, стр. 133—161. 4) Ф. Н. Глинка. Село Единопоново и Отрочь монастырь. — В кн.: Ф. Глинка. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии, ч. III,

Кюхельбекер сам подчеркивал в предисловии к своей поэме (включенном в письмо к Пушкину от 3 августа 1836 г., с которым посылалась поэма «Юрий и Ксения»): «Моя Ксения всего менее поэма историческая. Желать князя Ярослава Ярославича Тверского только материал. Мой Ярослав совсем другое лице, лице дотатарское, потому и небывалое и, — полагаю, что это хорошо. Упомяни я только слово о татарах, так воспоминания о их чудовищном величии чисто бы задушили ничтожную басню о любви Ксении и Ермила, Юрия и Ольги».¹³

Можно предположить, что Кюхельбекер обратился к легенде об Отроче монастыре в поисках сюжета для новой главы задуманного им «Русского Декамерона», или «Десятиглава», три первых главы которого должны были составить произведения, созданные в 1831 г.: поэма «Зоровавель»,¹⁴ комедия «Нашла коса на камень» (переделка «Укрощения строптивой» Шекспира)¹⁵ и поэма «Семь спящих отроков».¹⁶ Однако если первоначальное намерение поэта и было таким, то впоследствии он от него отказался (возможно, признав вообще неосуществимым свой обширный план): ни в дневнике, ни в письмах нет указаний на связь «Юрия и Ксении» с «Русским Декамероном».

Легенда об Отроче монастыре, как «нечто, что может ... пригодиться для сочинения», привлекла к себе, как мы видели, внимание Кюхельбекера 10 августа 1832 г. Однако приняться за обработку этого сюжета он смог не раньше, чем завершил перевод исторической хроники Шекспира «Ричард III», начатый в мае, и написал «Рассуждение о восьми исторических драмах Шекспира, и в особенности о Ричарде III». 3 ноября он отметил в дневнике по этому поводу, что «совершенно кончил полугодовой почти труд свой»,¹⁷ а 8 ноября уже писал: «В субботу 5-го числа я начал свою поэму „Основание Отроча монастыря“; пишу об этом только сегодня, потому что до сих пор еще не смел надеяться, что точно начал».¹⁸

Написание новой поэмы заняло следующие полгода тюремной жизни Кюхельбекера. Сохранившиеся дневниковые записи позволяют установить

М., 1815, стр. 29—49. 5) Л. А. Шаховский. Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне. Русская быль в четырех действиях, с песнями, хорами, воинскими потехами, танцами, играми, борьбой и большим спектаклем, музыка соч. г. Кавоса. СПб., 1823, 129 стр. 6) В. Глинка. Отрочь монастырь, быль XIII-го столетия. СПб., 1837. 7) П. Н. Полевой. Ненароком (из тверских преданий). — В кн.: П. Н. Полевой. Исторические рассказы и повести. СПб., 1892, стр. 5—22. 8) Т. Северцев (Полилов). Княжий отрок. (Историческая повесть из преданий XIII века). — Детское чтение, 1904, №№ 1—11, стр. 46—54, 175—192, 310—328, 422—440, 565—578, 720—734, 827—838, 1009—1024, 1127—1141, 1242—1256, 1386—1398. См. о №№ 1, 2, 5, 7, 8: В. Ф. Ржига. Из истории повести. — Известия Тверск. пед. инст., вып. IV, Тверь, 1928, стр. 111—116; о № 6: В. Ф. Ржига. Из истории одного литературного сюжета. («Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В. Глинки). — ГОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 538—544; о №№ 3, 4: В. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.—Л., 1961, стр. 304—305.

¹³ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XVI, М.—Л., 1949, стр. 147. Курсив мой, — Ю. Л.

¹⁴ Поэма вместе с прозаическим «декамероновским» обрамлением была издана отдельной книгой, по-видимому, при участии Пушкина: Русский Декамерон 1831-го года, изд. И. Ивановым. СПб., 1836. Об этом издании см.: П. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 427—430.

¹⁵ Комедия была издана анонимно: Нашла коса на камень, Фарс в пяти действиях. В типографии Августа Семена, М., 1839. См. о ней: Шекспир и русская культура, стр. 158—159.

¹⁶ См.: М. П. Алексеев. Поэма В. К. Кюхельбекера «Семь спящих отроков» и ее источники. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969, стр. 99—111.

¹⁷ Цит. по кн.: Международные связи русской литературы, стр. 288.

¹⁸ Избранные произведения, т. II, стр. 733.

хронологию его работы. 19 ноября 1832 г. была закончена первая песня, 10 декабря — вторая, 24 января 1833 г. — третья, 1 марта — четвертая, 20 марта — пятая, в середине апреля — шестая, 17—18 апреля был написан эпилог и 27 апреля — введение к поэме.¹⁹

Работа над поэмой велась систематически и упорно. По несколько раз возвращался Кюхельбекер к уже написанным песням, придирчиво пересматривал их, переделывал, выправлял, добивался лучшего звучания стиха. Вот несколько характерных записей.

3 января 1833 г.: «Переправляя конец первой книги, я заметил, что в ней много прозаических стихов: я их еще не заменил другими, но это непременно должно сделать. Версификация второй книги кажется мне с начала несколько лучше; остановился я на втором романсе,²⁰ над переправкою которого я уж два раза бился, сегодня в третий, а он все-таки еще не хорош».²¹

11 февраля: «Сделал несколько удачных поправок в 3-й песни, особенно в введении; но как она, так и вторая требуют еще строгого пересмотра».²²

20 апреля: «И эпилог внесен уж в тетрадь, — а все еще не смею сказать, что поэма моя совсем кончена: должно еще пересмотреть все шесть песней».²³

В то же время создание поэмы было ознаменовано для Кюхельбекера творческим подъемом. В дневнике встречаются записи о том, что он занимался «своим Отрочим монастырем» «с наслаждением», «сop amore» (с любовью).²⁴ С началом работы связано стихотворение «Возврат вдохновения» (11 ноября 1832 г.), в котором поэт писал:

Нет! не потух в моей груди
Огонь небесный вдохновенья:
Опять, опять по светлому пути
Ко мне слетает ангел песнопенья.²⁵

Характерна запись от 23 апреля 1833 г.: «Полгода, в которые я занимался кончецою или почти кончецою работою, прошло для меня так, что я и не приметил. Несмотря на некоторые, — впрочем, пустые неприятности, — несмотря на многое другое, что важнее этих неприятностей, я должен это время причислить к счастливым отделениям своей жизни».²⁶

На этом этапе Кюхельбекер завершил свою работу 4 мая. Он писал: «Наконец могу прекратить свои переправки: все 6 песней пересмотрены и на первый случай по возможности выправлены. Если считать с 5-го ноября, так я ровно полгода занимался этою поэмою. Пусть теперь полежит она по крайней мере год».²⁷

Через два года Кюхельбекер снова переправил поэму. В мае 1835 г. он писал племяннику Б. Г. Глинке: «О поэме своей „Основание Отроча монастыря“ скажу, что она у меня à peu près кончена».²⁸

¹⁹ См.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, лл. 12 об., 21 об., 42 об., 54 об.; Дневник, стр. 98, 100—103.

²⁰ Вероятно, имеется в виду песня ведьмы: «Раздался звон».

²¹ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, л. 34 об.

²² Там же, лл. 48 об.—49.

²³ Дневник, стр. 102.

²⁴ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, лл. 8 об., 21 (записи от 10 ноября и 8 декабря 1832 г.).

²⁵ Избранные произведения, т. I, стр. 247.

²⁶ Дневник, стр. 103.

²⁷ Там же, стр. 104—105.

²⁸ Литературное наследство, т. 59, М., 1954, стр. 458.

Вскоре Кюхельбекер изменил заглавие поэмы и стал подумывать об ее издании. Когда в апреле 1836 г., уже после освобождения из крепости, он обратился из Баргузина к Н. И. Гречу с просьбой помочь ему печататься, в числе готовых поэтических произведений значилась под новым заглавием «поэма в 6 Спото „Юрий и Ксения“». ²⁹ Не дождавись ответа от Греча, который, как выяснилось теперь, письма не получил (оно было задержано в III отделении), Кюхельбекер послал свою «поэмку» Пушкину при упоминавшемся уже письме от 3 августа 1836 г. ³⁰ Н. Г. Глинке он сообщил 5 августа: «С трепетом, друг мой, отправляю сегодня одно из любимых чад моих к Пушкину в Петербург, а именно Ксению. Дойдет ли? — Я ее очень сократил: из второй песни выкинул около 100 стихов; из других вместе по кр[айней] мере столько же. Впрочем, черновая у меня, если Ксения доживет до второго издания, кое-что опять восстановится». ³¹ Опасение «дойдет ли?» было не напрасным: письмо к Пушкину было тоже задержано, и, видимо, ни оно, ни «Юрий и Ксения» не попали по назначению. ³²

Но ссыльный поэт не оставлял надежды на опубликование своего любимого детища. 4 мая 1840 г. он отметил в дневнике: «Переписываю „Юрия и Ксению“. Дай-то бог, чтоб эта поэма пошла в ход». ³³ Мы не знаем, что предпринял тогда Кюхельбекер, но поэма издана не была.

«Юрий и Ксения» упоминались в обоих литературных завещаниях Кюхельбекера: в списке произведений для собрания его сочинений (в разделе «Рассказы в стихах»), отправленном в 1845 г. В. А. Жуковскому, ³⁴ и в заметках, продиктованных в год смерти 3 марта 1846 г. И. И. Пушкину, где указывалось, что «Юрия и Ксению» следует издавать «без поправок». ³⁵ Однако, как известно, реализовать эти завещания после смерти поэта его родственникам и друзьям не удалось.

Посвящение матери, начало 3-й песни и эпилог к поэме были впервые напечатаны в так называемом «Полном собрании стихотворений» Кюхельбекера, изданном в серии «Библиотека декабристов» в 1908 г. ³⁶ Сама же поэма «Юрий и Ксения» была опубликована только в 1939 г. Ю. Н. Тыняновым в издании «Библиотека поэта»: три отрывка из 1, 2 и 5 песен — в «Малой серии» ³⁷ и полностью — в «Большой серии». ³⁸

Интересен путь, по которому сюжет дошел до Кюхельбекера. Как мы видели выше, сам поэт в дневнике сослался на книжку «Вестника Европы». Заключенный в крепость, он в своем чтении был ограничен тем подбором литературы, который могли прислать ему его родные. Старые комплекты журналов занимали в их посылках большое место.

Изложение повести об Отроче монастыре действительно содержится в XXV части «Вестника Европы» и помещено там под несколько неопи-

²⁹ Письмо от 13 апреля 1836 г. — Там же, стр. 460.

³⁰ См.: А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 147.

³¹ Декабристы и их время. Материалы и сообщения. Под ред. М. П. Алексева и Б. С. Мейлаха, М.—Л., 1951, стр. 68.

³² См.: А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 330.

³³ Дневник, стр. 253.

³⁴ Там же, стр. 313.

³⁵ В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I, Л., 1939, стр. LXXVIII.

³⁶ В. К. Кюхельбекер. Полное собрание стихотворений. — Библиотека декабристов, вып. 11, М., 1908, стр. 184—188, 199—200.

³⁷ В. Кюхельбекер. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания Ю. Тынянова. «Библиотека поэта» (Малая серия, № 15), Л., 1939, стр. 255—263.

³⁸ В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I. Вступительная статья, редакция и примечания Ю. Тынянова. «Библиотека поэта», Л., 1939, стр. 295—357.

данным заглавием — «Письмо путешествующего немца из Твери» со ссылкой на журнал Августа Коцебу «Freymüthige» («Прямодушный»).³⁹ Просмотр журнала позволил установить оригинал русского перевода. Это — 9-е письмо из «Беглых заметок по пути из Петербурга в Германию», напечатанное в первом номере журнала за 1806 г.⁴⁰ В начале публикации своих «заметок» автор, скрывшийся под литерой R, признавался, что использовал в качестве «чичероне» немецкую «Карманную книжку для путешествия из Петербурга в Москву», изданную в 1805 г.;⁴¹ там он, в частности, нашел и легенду об Отроче монастыре,⁴² которую пересказал. Немецкий же путеводитель являлся переводом «Русского дорожника» И. Глушкова (2-е изд., 1802), где содержался самый ранний из известных нам пересказов повести об Отроче монастыре. Таким образом повесть достигла Кюхельбекера, пройдя двукратный пересказ и двукратный перевод.

Сюжет был записан Кюхельбекером в дневнике в следующем виде: «Отроч монастырь, стоящий при устье Тверцы, основан по следующему случаю. Григорий, княжий отрок при дворе Ярослава, первого князя тверского, влюбился в дочь церковнослужителя в селе Едимонове, которое князь пожаловал отроку. Григорий получил позволение от своего государя жениться на своей любезной. Они в храме. Внезапно разделяется на две половины толпа предстоящего народа и является князь. Сокол заманил его в село и сел на крест колокольни. Ярослав, видя празднество, отгадал причину его и захотел удостоить своим присутствием обряд бракосочетания. Ксения, взглянув на князя, смутилась, он также. Вскомым силой красоты, Ярослав подходит к ней, берет за руку и спрашивает: не хочет ли выдти за него? Она соглашается. — Бедный Григорий скрылся в толпе. Однако же князь наконец вспомнил о нем. Его отыскивают долго, тщетно, наконец, находят в отчаянии в рублище. Приводят к князю. Ярослав предлагает ему награды и почести, отрок не принимает их; просит позволения построить келью при устье Тверцы и жить там вместе с некоторым отшельником. Позволено. Он умирает, и Ярослав строит Отроч монастырь над его могилою».⁴³

Кюхельбекер изложил лишь фабульный скелет рассказа, помещенного в «Вестнике Европы», освободив его от патетики и сентиментально-риторических украшений.⁴⁴ Создавая свою поэму, он значительно усложнил заимствованный сюжет, ввел новых действующих лиц и, соответственно, — новые сюжетные коллизии. Юрий, как поэт назвал княжеского отрока, когда-то спас Ярослава на поле брани и в награду князь нарек его женихом своей сестры Ольги, влюбленной в Юрия. Ксении поэт дал

³⁹ Вестник Европы, 1806, ч. XXV, № 3, стр. 215—217.

⁴⁰ R. Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg nach Deutschland. 9. Brief. — Der Freymüthige, oder Ernst und Scherz (Berlin), 1806, 2. Januar, 1, SS 2—3. Первоначальное полное заглавие «заметок»: Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg über Moskwa, Warschau und Breslau nach Deutschland.

⁴¹ См.: Der Freymüthige, 1805, 22. Oktober, № 211, S. 326.

⁴² См.: Taschenbuch auf der Reise von St. Petersburg bis Moskwa, nebst einem Anhänge über die landesüblichen Reiscarten und ihren Kostenbelauf. Aus dem Russischen. Leipzig und St. Petersburg, 1805, SS. 147—153.

⁴³ Избранные произведения, т. II, стр. 733.

⁴⁴ Ср., например, изложение Кюхельбекера от слов «Ксения, взглянув на князя. » до «Она соглашается» со следующим местом в «Вестнике Европы»: «Ксения краснеет и потупляет взоры. Рука ее выпадает из руки смущенного Григория. Князь изумляется; вскомым силою красоты, подходит ко Ксении, берет дрожащую руку ее, и спрашивает: не желает ли она покаяться в вечной любви к нему и верности, не желает ли быть княгиней? Слепленная блеском пышности и величия Ксения отдает руку Ярославу» (стр. 216).

жениха — молодого крестьянина Ермила, которого она отвергла, соблазненная лестной для нее любовью боярина; впоследствии Ермил стал товарищем Юрия в монашестве. В поэме действует и отец Ксении (в немецком пересказе он только упоминался) — церковник Елисей, которого возмущает измена дочери сперва Ермилу, а затем Юрию. Введен также и ростовский князь Борис, который женится на Ольге. Все это создало возможности сложных психологических коллизий, реализованных автором в драматически напряженном и эмоционально насыщенном стихотворном повествовании, куда он ввел ряд впечатляющих сцен, не предусмотренных исходной сюжетной схемой. Таковы, например, битва Ярослава с повгородцами,⁴⁵ или отказ Елисея благословить обвенчанную с князем Ксению, или посещение овдовевшей Ольгой и томимой раскаянием Ксенией могилы Юрия и т. п.

Пересказ И. Глушкова был освобожден в духе рационализма XVIII в. от элементов сверхъестественного, содержащихся в древнерусской повести (пророческий сон Ярослава, таинственные слова вещей девы Ксении), и, следовательно, Кюхельбекер не мог о них знать. Однако его знание древнерусской литературы и фольклора, поэтическая интуиция подсказали ему, что сюжет такого рода не может развиваться без пророчеств, ведовства. В поэму введена языческая ведьма, которая предсказывает Юрию его судьбу (с посещения ее Юрием начинается песнь I). Ведьме противостоит христианский отшельник — образ, обличающий знакомство поэта с житийной литературой. Христианин в итоге торжествует над язычницей и обращает Юрия, которого «бабушка лесная» толкала на самоубийство, на праведный путь. Ксения в поэме Кюхельбекера уже не вещая дева, однако в восторженных мечтаньях провидит грядущее, когда

Не спит она, а видит сны:
В золотых чертогах Ярослава
Гуляют мысли...⁴⁶

Вещания ведьмы, включенные в разные песни поэмы, облечены в форму народных песен. Тем самым поэт подчеркивал связь сверхъестественного элемента в его произведении с народными верованиями. Показательно, что именно по поводу песен ведьмы он сокрушался: «Всего для меня труднее то, где должно соблюсти не только дух, но и размер нашей простонародной поэзии».⁴⁷ Не имея возможности самостоятельно собирать произведения народного творчества, Кюхельбекер внимательно читал присланные ему в крепость по его просьбе памятники русского фольклора, изучал их.⁴⁸

Однако не эти опыты освоения фольклорной поэтики определяют характер поэмы в целом. «Юрий и Ксения» принадлежит к жанру рус-

⁴⁵ Любопытная деталь: войны вольного Новгорода, обычно прославляемого в декабристской поэзии, здесь представляются как «злодеи», «вольница лихая», «свободы дерзостные чада» (Избранные произведения, г. II, стр. 12—13) — дополнительные штрихи к мировоззренческой эволюции Кюхельбекера после разгрома декабрьского восстания.

⁴⁶ Там же, стр. 38.

⁴⁷ Там же, стр. 734 (запись в дневнике от 3 декабря 1832 г.; сделана в связи с работой над песнями-пророчествами ведьмы: «Рассердился медведь да на пахаря» и «Раздался звон»).

⁴⁸ См.: Дневник, стр. 29—30, 33, 39, 51, 53 (записи от 30 декабря 1831 г., 7 января, 4 февраля, 9 и 21 мая 1832 г.). Об отношении Кюхельбекера к фольклору, в частности о песнях в «Юрии и Ксении» см.: В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия, стр. 306—309.

ской романтической поэмы, каким он сложился в 20—30-х годах XIX в.⁴⁹ В ней легко обнаруживаются основные отличительные черты этого жанра: новеллистический сюжет, основанный на любовном конфликте, характерное композиционное строение (начало, вводящее в середину действия с последующим сообщением *Vorgeschichte*, «вершинное», отрывочное изложение сюжета, песенные вставки и т. п.), лирическая манера изложения, включающая вопросы и восклицания автора, обращенные к читателю, отступления, в которых поэт говорит от себя, и т. п. и, наконец, четырехстопный ямб — размер наиболее распространенный в этом жанре. В русской романтической поэме не редкость встретить и сюжет, заимствованный из отечественной истории, причем лишенный, как в данном случае у Кюхельбекера, политических мотивов. Заключительное построение в монахи героя, потерпевшего фиаско в любовной драме, также являлось распространенным финалом романтической поэмы. Даже картина ночной бури, которой начинается «Юрий и Ксения», было традиционным вступлением в поэмах такого рода.⁵⁰

Но помимо этих обозначенных канонов установившегося жанра Кюхельбекер воспринимает в процессе работы над «Юрием и Ксенией» также и влияние со стороны конкретных поэтов с их индивидуальной творческой манерой.

20 июля 1832 г. поэт-узник записал в дневнике: «Мне тотчас принесли с почты *Стихотворения Скотта и Краббе*»,⁵¹ и в последующих записях он фиксировал свои впечатления от чтения этих поэтов; Скотта он читал с июля по октябрь 1832 г., Крабба — с октября 1832 г. по январь 1833 г. и в конце января вновь обратился к Скотту.⁵²

Чтение поэм Скотта вызывает у Кюхельбекера «брожение воображения»; 2 августа он раздумывает о том, чтобы придать «форму романтической повести» начатой в январе 1832 г. и вскоре брошенной драматической сказке «Иван, купецкий сын»,⁵³ но затем он отказывается от этой мысли, увлеченный легендой об Отроче монастыре. И в этом сюжете, связанном с историческим прошлым, проявилась определенная, так сказать, «скоттовская» настроенность фантазии Кюхельбекера. В ходе обдумывания поэмы ему пришла в голову мысль вложить рассказ в уста слепого бандуриста, который исполнял бы его перед семейством самого Кюхельбекера. При этом должны были упоминаться «1812-й год и другие исторические воспоминания».⁵⁴ Форма такого обрамления (не осуществленного в дальнейшем) была, вероятно, подсказана Кюхельбекеру построением «Песни последнего мепестреля» Скотта.

Письмо к сестре Ю. К. Кюхельбекер от 14 ноября 1832 г. показывает, что свое новое произведение поэт соотносил с поэмами Скотта, и различие, которое он при этом отмечал, было обусловлено внешними причинами, а не сущностью замысла. «Моя поэмочка, — писал Кюхельбе-

⁴⁹ Подробный анализ этого жанра см. в кн.: В. Жирмунский. Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Л., 1924. См. также: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955 (ч. III, Романтическая поэма).

⁵⁰ См.: В. Жирмунский. Байрон и Пушкин, стр. 263—265, 275—276.

⁵¹ ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 336, л. 27 об.

⁵² Записи о Скотте см.: В. К. Кюхельбекер о поэзии Вальтера Скотта. (Публикация Ю. Левина). — Русская литература, 1964, № 2, стр. 95—101; записи о Краббе — частично в кн.: В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия, стр. 311—312; полностью (в английском переводе) в статье. Yu. D. Levin. Kyukhel'bekeg and Crabbe. — Oxford Slavonic papers, vol. XII, 1965, pp. 99—102.

⁵³ В. К. Кюхельбекер о поэзии Вальтера Скотта, стр. 97.

⁵⁴ Дневник, стр. 72 (запись от 17 августа 1832 г.).

кер, — конечно, не будет таким верным зеркалом времени Ярослава Тверского, каким бывают поэмы Скотта различных времен стариной Шотландии; надеюсь, однако же, что в ней найдется кое-что истинно русское. В моем положении трудно, чтоб не сказать невозможно, быть живописцем минувших нравов и обычаев: все я должен почерпать из одной памяти; у меня ровно нет никаких источников».⁵⁵

Однако, если раздумья над будущей поэмой протекали параллельно с изучением поэзии Скотта, то к работе над ней поэт приступил уже тогда, когда углубился в чтение Крабба, и, отмечая 19 ноября 1832 г. окончание первой песни, он как бы с удивлением писал в дневнике: «Я ныне заметил, что Краббе, а не Скотт, вероятно, окажет самое большое влияние на слог и вообще способ изложения моей поэмы: по крайней мере это так в первой части».⁵⁶

Такое заявление поэта может показаться неожиданным, поскольку «Юрий и Ксения» с псевдоисторическим сюжетом, князьями и боярами, языческой ведьмой и православным пустынником весьма далеко отстоит от реалистической бытописательной поэзии Крабба. Но мы не вправе игнорировать авторское признание. Попробуем в нем разобраться.

Как показал В. М. Жирмунский, особенности жанра романтической поэмы в России восходят к восточным поэмам Байрона, который, однако, влиял не прямо, а опосредствованно, через Пушкина и отчасти И. Козлова («Чернец»), освоивших применительно к русской поэзии новшества и достижения английского поэта.⁵⁷ Лирическая поэма Байрона вобрала в себя завоевания его предшественников — поэтов-романтиков Кольриджа и Скотта.⁵⁸ Поэтому Кюхельбекеру, пережившему в юности увлечение байронизмом, поэзия Скотта при всей ее оригинальности не могла казаться чем-то совершенно новым.

Показательно, что, читая поэмы Скотта впервые, он все же не может отделаться от впечатления, что уже читал когда-то нечто подобное. Он наслаждается поэзией Скотта, отыскивает в ней «прекрасные места», но принципиально нового для себя не находит. Более того, он даже обнаруживает, что, еще не зная «Песни последнего менестреля», в своей поэме «Зоровавель» «встретился с Скоттом» «в расположении частей и в характере повествователя».⁵⁹ Так могло произойти потому, что поэтика Скотта стала уже составной частью более широкого литературного течения, воспринятого Кюхельбекером.

Иное дело Джордж Крабб (Crabbe, 1754—1832), творчество которого было для Кюхельбекера совершенной новостью. Воспитанный в духе просветительского реализма и рационализма XVIII в., этот поэт оставался верен старым традициям в период господства романтизма и развивал их применительно к новым условиям. Борясь против всякого приукрашивания действительности, против фантастических вымыслов, он посвящал свои поэмы изображению повседневной жизни английских сельских приходов и провинциальных местечек. Его героями были простые заурядные люди. Отличительной чертой его стихотворных повестей был реалистиче-
ский психологизм.

⁵⁵ Литературное наследство, т. 59, стр. 412.

⁵⁶ Избранные произведения, т. II, стр. 734.

⁵⁷ Пушкинское влияние в поэме об Отроче монастыре отметил сам Кюхельбекер, когда с неудовольствием записал в дневнике: «Перечитывая сегодня поутру начало третьей песни своей поэмы, — я заметил в механизме стихов что-то пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина, но, признаюсь, мне не хотелось быть в числе его подражателей» (Дневник, стр. 88; запись от 17 января 1833 г.).

⁵⁸ См.: В. Ж и р м у н с к и й. Байрон и Пушкин, стр. 21—23.

⁵⁹ В. К. Кюхельбекер о Вальтере Скотте, стр. 96 (запись от 24 июля 1832 г.)

Скромная слава Крабба почти не выходила при жизни поэта за пределы его страны. В России его знали очень немногие. Пушкин 26 марта 1831 г. просил Плетнева прислать ему произведения Крабба,⁶⁰ которые затем назвал «прекрасными» и набросках «Путешествия из Москвы в Петербург», а самого поэта — «человеком нравственным, независимым и благородным».⁶¹ Возможно, что именно Пушкин посоветовал родным Кюхельбекера послать ему Крабба.

Кое-какие сведения об английском «поэте бедных» проникли и в русские журналы, главным образом в переводных статьях.⁶² Таким образом, знакомство Кюхельбекера с творчеством Крабба совпало по времени с некоторым распространением его известности в России.

Дневниковые записи показывают, как возрастал интерес Кюхельбекера к Краббу. Чуждый ему вначале, английский поэт постепенно «завосвывал» его внимание и в конце чтения стал для Кюхельбекера «фаворитом», «любезным» автором, «отличным писателем».⁶³ «Для человека в моем положении, — писал Кюхельбекер 21 декабря 1832 г., — Краббе бесценнейший писатель: он меня, отделенного от людей и жизни, связывает с людьми и жизнью своими картинами, исполненными истины. — Краббе остер, опытен, знает сердце человеческое, много видал, многому научился, совершенно познакомился с прозаическою стороною нашего подлунного мира и между тем умеет одевать ее в поэтическую одежду, сверх того он мастер рассказывать, — словом, он замняет мне умного, доброго, веселого приятеля и собеседника!». И 24 декабря: «Великое достоинство в картинах, какие рисует Краббе, необыкновенная живость: все у него так истинно, так естественно, что, кажется, не читаешь, а видишь то, о чем он говорит».⁶⁴

Несомненно, что Кюхельбекеру импонировало подчеркнуто неприкрашенное изображение действительности у Крабба; вспомним, что в свое время он вместе с Катениным и Грибословым выступал против манерности, эстетизма и перифрастического стиля в поэзии. Но основной причиной увлечения английским поэтом было развитие в творчестве Кюхельбекера некоторых элементов реализма.⁶⁵ Отделенный тюремной стеной от литературной жизни, читая журналы многолетней давности, он, тем не менее, развивался духовно в том же направлении, что и передовая русская литература, от активного участия в которой он был оторван.

Конечно, «Юрий и Ксения» весьма мало похожи на поэмы Крабба, но если учесть изменения, которые Кюхельбекер внес в найденный им сюжет, сделать понятным, что он подразумевал под влиянием Крабба в своем поэме. Усложнение сюжета введением новых психологических конфликтов требовало от русского поэта тщательной разработки характеров действующих лиц. В этом отношении Скотт мало мог помочь; Кюхельбекер не без основания утверждал, что характеры — «главный недоста-

⁶⁰ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XIV, 1941, стр. 158.

⁶¹ Там же, т. XI, 1949, стр. 228, 255.

⁶² См.: Московский телеграф, 1825, ч. IV, № 13, стр. 58; 1828, ч. XIX, № 2, стр. 256; 1829, ч. XXV, № 1, стр. 107; 1833, ч. XLIX, № 1, стр. 126; 1834, ч. LV, № 1, стр. 188; Телескоп, 1834, ч. XXI, стр. 82—83, 193, 198; Сын отечества, 1834, т. XI.1, стр. 488.

⁶³ ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, лл. 26 об., 34, 34 об. (записи от 19 декабря 1832 г. 1 и 3 января 1833 г.).

⁶⁴ Цит. по кн.: В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия, стр. 311—312.

⁶⁵ См.: Б. Мейлах. В. К. Кюхельбекер. — В кн.: В. Кюхельбекер. Стихотворения. «Библиотека поэта» (Малая серия), 2-е изд., Л., 1952, стр. 43—47.

ток» Скотта, что «все они... недорисованы».⁶⁶ Напротив, Крабб, как он считал, «знает сердце человеческое». В произведениях Крабба он мог найти изображение самых различных душевных конфликтов, вызванных борьбой любви и тщеславия, любовной изменой, оскорбленным самолюбием, социальным неравенством и т. п., которые были изложены обстоятельно, точно и психологически достоверно. Очевидно, Кюхельбекер присматривался к психологической характеристике героев у Крабба, передаче душевных конфликтов в поэтической форме и именно это имел в виду, когда писал, что Крабб окажет влияние «на слог и вообще способ изложения» его поэмы.

К тому же у Крабба имеется стихотворная повесть «Вильям Бейли» («William Bailey», 1819), в которой рассказывается о дочери крестьянина, соблазненной молодым лордом; она бежала, бросив своего жениха-фермера, и навлекла на себя проклятие своего отца. Можно предположить, что эта повесть подсказала Кюхельбекеру мысль ввести в поэму Ермила и Елисея.

Наконец, у Крабба поэт-узник мог учиться технике стихотворного повествования. У Скотта же, считал он, «рассказ — почти постороннее дело, а главное — описание и поэзия элегическая».⁶⁷

Однако влияние Крабба на Кюхельбекера в поэме «Юрий и Ксения» ни в коей мере не следует преувеличивать.⁶⁸ Оно являлось лишь одним из элементов в сложном комплексе эстетических и литературных воздействий, воспринятых Кюхельбекером в процессе создания поэмы на сюжет повести о Тверском Отроче монастыре.

⁶⁶ В. К. Кюхельбекер о Вальтере Скотте, стр. 98 (запись от 7 августа 1832 г.).

⁶⁷ Литературное наследство, т. 59, стр. 411 (письмо к Н. Г. Глинке, июль—август 1832 г.).

⁶⁸ Несравненно большее значение имел Крабб для следующей поэмы Кюхельбекера — «Сирота» (1834); см. в упомянутой выше статье «Kuykhel'beker and Crabbe» (pp. 109—113).

В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ

Символика чисел в «Братьях Карамазовых»

Символ — один из видов иносказания. Он возникает тогда, когда отдельное слово или слова выражают смысл, обычно им не свойственный. В символе имеются два плана, два ряда представлений, так или иначе соотносенных друг с другом. Принято видеть символическое иносказание там, где второй план (план подразумеваемого) выражает сферу отвлеченных понятий, идей, имеющих глубокое и важное значение.

С древнейших времен (и особенно со времен пифагорейцев) существует представление об особом значении чисел, существует и огромная литература об этом. Но такая символика нас в данном случае не интересует. В художественном произведении иносказание создается контекстом. Контекст и указывает на второй, идийный план слова или слов и устанавливает с большей или меньшей четкостью содержательное значение этого второго плана. Символическое значение чисел ничем не отличается от символического значения других компонентов художественного произведения: отдельных слов, сцен, этапов действия и т. д. Из этого сообщения мы и исходим.

Зыбкость содержательного значения символа в индивидуальных (не народных) художественных произведениях, в частности — тех символов, о которых здесь пойдет речь, не позволяет говорить о втором плане иносказания с абсолютной твердостью и допускает ряд гипотетических суждений. В качестве данного мы берем, с одной стороны, некоторые числа, появляющиеся в романе «Братья Карамазовы», а с другой — идейно-тематическую и отчасти формальную основу этого произведения в целом.

Прежде всего следует сказать, что символика в «Братьях Карамазовых» выражается не только в особом значении некоторых чисел. Символика чисел только часть в однородном ряду явлений, может быть, наименее существенном для поэтической системы этого романа, но в то же время достаточно для нее характерном.

Среди разных чисел, упоминаемых в «Братьях Карамазовых», обращает на себя внимание постоянно повторяющееся число три. Первая фраза первой главы звучит так: «Алексей Федорович Карамазов был *грегым* сыном помещика нашего уезда Федора Павловича Карамазова» (9, 11).¹ Дальше: «Он был женат два раза, и у него было *три* сына — старший, Дмитрий Федорович, от первой супруги, а остальные два, Иван и Алексей, от второй» (9, 12). «Пока он докучал всем своими

¹ Все ссылки на роман «Братья Карамазовы» даются по изданию: Ф. М. Достоевский, Собр. соч. в десяти томах, тт. 9, 10, ГИХЛ, М., 1958. Первая цифра — том, вторая — страница. Курсив везде наш.

слезами и жалобами, а дом свой обратил в развратный вертеп, *трехлетнего* мальчика Митю взял на свое попечение верный слуга этого дома Григорий» (9, 15). «Во-первых, этот Дмитрий Федорович был один только из *трех* сыновей Федора Павловича, который рос в убеждении...» (9, 17). «Родила она... Федору Павловичу двух сыновей, Ивана и Алексея, первого в первый год брака, а второго *три* года спустя» (9, 20). «Ровно *три* месяца по смерти Софьи Ивановны генеральша вдруг явилась в наш город лично» (9, 20). «Воротился он снова в наш городок окончательно всего только года за *три* до приезда Алеси» (9, 31). Обычно читаем: «*три* дня тому назад» (9, 61); «*третьего* дня» (9, 107); «*три* дня спустя» (9, 148); «*три* месяца лишь спустя» (9, 147); «недели *три*» (9, 148); «недели *три* тому назад» (9, 184); «недели *чрез три*» (9, 207); «*три* дороги» (9, 195) и т. д.

Число «три» возникает в самых разных ситуациях, звучит в устах самых разных героев. «Когда и кем насадились оно (старчество, — В. В.) и в нашем подгородном монастыре, не могу сказать, но в нем уже считалось *третье* преемничество старцев, и старец Зосима был из них последним» (9, 37—38). «Дмитрий Федорович! — завопил вдруг каким-то не своим голосом Федор Павлович, — если бы только вы не мой сын, то я... вызвал бы вас на дуэль... на пистолетах, на расстоянии *трех* шагов» (9, 95) Или: «Ну вот эти *три* сладострастника друг за другом теперь и следят... Состукинулись *тоос* лбами, а ты, пожалуй, *четвертый*» (9, 103). Иногда встречается «два—три», очень часто «три—четыре», «два или три раза» (9, 177); «две или три» (9, 183); «года три—четыре» (9, 31); «*третий* аль *четвертый*» (9, 154); «*трос* или *четверо*» (9, 223). Подобные примеры можно было бы в значительной степени умножить. те, которые приведены здесь, взяты из начальных глав романа.

Число «три» повторяется слишком часто, чтобы это повторение могло быть случайным. Есть страницы, где такое повторение становится навязчивым, и потому поневоле привлекает к себе внимание. Например, старец говорит с одной из «верующих баб»: «О чем плачешь-то? — Сыночка жаль, батюшка, *трехлеточек* был. без *трех* только месяцев и *три* бы годика... Четверо было у нас... *Трех* первых схоронила... Вот уж *третий* месяц из дому» (9, 63—64). С другой бабой: «Вдового я, *третий* год, — начала она полупшепотом, сама как бы вздрагивая... Она кончила скоро. — *Третий* год? — спросил старец. — *Третий* год. Сперва не думала, а теперь хворать начала» (9, 67). «Он перекрестил ее *три* раза» (9, 68).

Не менее важны, чем эти приведенные и разнообразные повторы числа «три», такие повторы, которые либо необходимо возвращаются по ходу действия, будучи так или иначе с ним связаны, либо выделены и подчеркнуты композиционно: три тысячи берет Митя у Катерины Ивановны; три тысячи, по крайней мере, он хотел бы получить от отца; три тысячи Федор Павлович припрятывает для Грушеньки. Впоследствии три тысячи Алеша, Катерина Ивановна и Иван платят адвокату. В одной из первых глав романа число «три» вынесено в заглавие: «*Третий* сын Алеша». Характерны и другие, бросающиеся в глаза утробения: три главы об исповеди Мити («Исповедь горячего сердца. В стихах»: «Исповедь горячего сердца. В анекдотах»; «Исповедь горячего сердца. „Вверх пятами“»); три главы о надрывах («Надрыв в гостиной»; «Надрыв в избе»; «И на чистом воздухе»); три главы о встречах и попытках Мити достать деньги, чтобы вернуть свой долг Катерине Ивановне («Кузьма Самсонов», «Лягавый», «Золотые приски»); три главы о мытарствах («Хождение души по мытарствам. Мытарство первое»; «Мытарство второе»; «Третье мытарство»); три главы о встречах Ивана со Смердяко-

вым («Первое свидание со Смердяковым»; «Второй визит к Смердякову»; «Третье, и последнее, свидание со Смердяковым»). Заметим также, что каждая часть романа состоит из трех книг, а эпилог к роману — из трех глав. Действие же, которое организует произведение в единое целое, развивается на протяжении трех дней до «катастрофы» и затем трех дней, с небольшими временными промежутками, — после нее. Намеренное, а не случайное использование числа «три» очевидно. Что же это авторское намерение означает?

Число «три», вообще троичность, напоминает читателю о фольклоре. В фольклорных произведениях это число тоже не является единственным, но оно чрезвычайно для них характерно.

В черновиках к «Подростку» читаем: «Лиза, как сказочная царевна, задает ему (подростку, — В. В.) задачи. Он их исполняет».²

Черновики «Братьев Карамазовых» гораздо менее, чем «Подростка», отражают начальную и самую интересную стадию работы над романом. Замечания о сказке, подобные приведенному, были бы для нас безусловно ценны, но мы таких не знаем. Может быть, правда, некоторой аналогией к этому замечанию в окончательном тексте «Братьев Карамазовых» служат слова Мити о себе и Алеше: «О боги! Благодарю вас, что направили его по задачам и он попался ко мне, как золотая рыбка старому дурню рыбаку в сказке» (9, 135).

Как бы то ни было, известно, что последние произведения Достоевского тесно связаны друг с другом. То, что не вмещалось в один роман, находило свое выражение в следующем (так, некоторые соображения, записанные Достоевским в связи с «Подростком», воплотились только в «Братьях Карамазовых»). Многие идеи, темы, удачные обороты речи просто повторялись. Но даже не это важно, а важен самый факт, что мысль о сказочной основе или сказочных элементах очень сложного и вполне актуального повествования вообще не была чужда Достоевскому.

Не только три задачи, но и три дороги, три встречи, три сына (брата) обычны в сказке. «Он был женат два раза, и у него было три сына». «У него (у нее, у них) было три сына» — распространенное начало сказочного рассказа. Обратим внимание на это обстоятельство. В «Братьях Карамазовых» речь идет о трех сыновьях и братьях: Митя, Иван, Алеша занимают основное место в повествовании. Каковы же отношения между ними?

Митя по возрасту старший, но в идейном плане он размещается между Иваном и Алешей, так как Иван и Алеша — полюсы. «... один брат — атеист. Отчаяние, — записывает Достоевский. — Другой — весь фанатик. Третий — будущее поколение, живая сила, новые люди».³ Характеристика будущих героев последнего романа здесь дается с точки зрения их идейной позиции. Один (впоследствии — Иван) — атеист, другой (Алеша) — верующий. Третий (Митя), в отличие от своих братьев, лишен идейной установки, и не случайно. Ничего третьего между верой и неверием нет, и Мите («живой силе, новым людям») предоставляется лишь право выбора одного пути из двух возможных. В этом смысле высказывается в «Братьях Карамазовых» и прокурор: «В противоположность „европеизму“ и „народным началам“ братьев своих, он (Митя, — В. В.) как бы изображает собою Россию непосредственную» (10, 241).

² Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. — Литературное наследство, т. 77. М., 1965, стр. 83.

³ Там же, стр. 69.

Если пользоваться теми синонимическими соответствиями, которые диктует роман, то «европеизм» Ивана есть прежде всего атеизм и «идеал содомский» (наиболее ярко выражен в «Великом инквизиторе»); «народные начала» Алеши — всра и «идеал мадонны», а Мите («непосредственной» России) остается выбрать между ними.⁴ В идейном отношении Митя, самый «живой» и «непосредственный» из трех братьев, занимает центральное положение. Таково его положение и в композиции известной нам части романа. Митя, в сущности, есть брат средний.

Очевидное желание свести полюсы к максимальной близости заставило Достоевского сделать Ивана и Алешу единоутробными братьями. Стремление наделить выбор Мити авторитетом объективности побудило автора подчеркнуть отделить этого героя от двух других сыновей Федора Павловича. Но вторая цель (поставить Митю между ними), казалось бы, не совместимая с первой, здесь тоже достигается.

Это происходит благодаря «странным», но очень характерным оговоркам, которые делают герои этого романа, говоря о братьях Карамазовых. Так, слово «старший» в последней книге связывается не с Митей, а с Иваном. Григорий в своих показаниях свидетельствует, что «малый (Смердяков, — В. В.) был со способностью, да глуп и болезнью угнетен, а нуще безбожник и что его безбожеству Федор Павлович и старший сын учили» (10, 198). Речь идет об Иване, а не о Мите. Затем говорит прокурор: «Но старший брат подсудимого (об Иване, — В. В.) объявил свое подозрение только сегодня, в болезни, в припадке бесспорного умоисступления и горячки» (10, 252). «Он, — говорит рассказчик, передавая слова прокурора, — представил его (Смердякова, — В. В.) человеком слабоумным, с зачатком некоторого смутного образования, сбитого с толку... и испугавшегося иных современных учений..., широко преподанных ему практически — бесшабашною жизнью покойного его барина, а может быть, и отца, Федора Павловича, а теоретически — разными странными философскими разговорами с старшим сыном барина. Иваном Федоровичем» (10, 252—253). «Когда старший сын Федора Павловича, Иван Федорович, перед самою катастрофой уезжал в Москву» и т. д. (10, 254).

Итак, Иван — «старший сын» и «старший брат» из трех братьев Карамазовых. Само по себе это обстоятельство еще ничего не означает. Но оно становится важным, если учесть, что Иван не только «старший», но и «умный» брат. О необыкновенном уме Ивана, образованности и учености его читатель узнает с первых слов об этом герое. В дальнейшем повествовании ум Ивана обнаруживается настолько, что у читателя не может возникнуть никаких сомнений на этот счет.

Об Алеше же (младшем) говорят разное, но среди прочего (и тоже с первых же слов) — «человек странный, даже чудак» (9, 9); из людей «вроде как бы юродивых» (9, 29); затем просто — «юродивый» (9, 241). Повествователь допускает, что найдутся люди, которые скажут про Алешу, что он «туп, неразвит, не кончил курса» (т. е. что он и неумен и необразован), скажут, что «туп или глуп» (9, 36). И действительно, впоследствии так говорят: например, Ракитин (9, 440). Варвара Николаевна Снсгирева прямо и в присутствии Алеши говорит о нем «дурак»: «...какой-нибудь дурак придет, а вы срамите!» (9, 252).

⁴ Здесь (и в некоторых других случаях) мы берем за данное то, что само по себе требует доказательств. Но мы их опускаем, так как они заняли бы иногда большие места, чем то, что нас прямо интересует.

Алешу все поучают (отец, Митя, Иван, даже Lise, даже Коля Красоткин); Алешу все посылают по своим делам и надобностям, уверенные, что он не откажет (отец, Митя, Катерина Ивановна, Грушенька...), и он не отказывает. Он исполняет чужие поручения и просьбы и нередко первый от этого страдает. Над Алешей смеются. «Монах в гарнитуровых штанах!» (9, 225). Его презирают (Смердяков, отчасти Ракинин). Его даже бьют мальчишки (Илюша).

В этой ситуации ясно, что три брата, выдвинутые в повествовании на первый план, соответствуют обычной сказочной троице братьев: «Старший умный был детина, средний был и так и сяк, младший вовсе был дурак». Это соответствие важно. Оно неизбежно предполагает и обычное для сказки переосмысление, по которому «странный» и «глупый» младший брат (иногда — сестра), думающий и делающий вопреки привычному, оказывается в результате и самым удачливым (счастливым), и самым умным, но в особом высоком смысле, не понятном для поверхностного восприятия. «Дурак» оказывается мудрецом, видимая же мудрость посрамляется. Ум и глупость меняются в этом случае своими местами. «Ты у меня все, — объясняет Алеше Митя. — Я хоть и говорю, что Иван над нами высший, но ты у меня херувим. Только твое решение решит. Может, ты-то и есть высший человек, а не Иван» (10, 109—110). Некоторая неуверенность Мити («может...») значения здесь не имеет: не Иван, а Алеша для Мити «высший», так как только решение Алеша все «решит». Разумеется, безумие Ивана в последних главах романа имеет ко всему сказанному прямое отношение.

Таким образом, «европеизм» и изоциренность отрицательно направленного ума (соединение, обязательное в славянофильских теориях и идущее именно оттуда), несмотря на видимую их высоту, должны уступить место «народным началам» и их «глупости», которая является такой, по мнению автора, лишь при подходе поверхностном и высокомерном.

Повторяющееся число «три» (в любых своих вариантах) здесь возникает вполне естественно. Оно указывает читателю на родственность художественной системы этого романа сказке и, может быть, подчеркивает некоторую сказочную условность событий и отношений (при всей их конкретности), за которыми следует искать самый общий, самый глубокий смысл. В этой связи повторяющееся число «три» соответствует многократному возвращению к словам, сказанным повествователем в начале романа: «Вот это-то обстоятельство (распря о наследстве между Федором Павловичем и Митей, — В. В.) и привело к катастрофе, изложение которой и составит предмет моего первого вступительного романа или, лучше сказать, его внешнюю сторону» (9, 18).

Но не только в сказочном рассказе повторяется число «три», утраиваются некоторые моменты действия и ситуации. И не только сказочный рассказ дает повороты, в результате которых идеализируется презираемый, гонимый, подлежащий насмешке. Ведь в «Братьях Карамазовых» речь идет не только о посрамлении ума во имя кажущейся глупости, но (и это более важно) о посрамлении связанного с этим умом неверия во имя «глупой» веры.

Заметим, что и фольклорные числа, и многие элементы фольклорной поэтики были в свое время усвоены христианской литературой и приспособлены к ее требованиям и целям. Так, в житиях будущей святой нередко кажется своим близким человеком странным, юродивым, глупым (или святой сам надевает на себя эту личину, например Михаил Клопский). Такое отношение к святому выражает среднюю, «нормальную»

точку зрения на ценность тех или иных вещей, их иерархию в обычном мире. Старший брат или братья святого бывают его умнее (см., например, житие Сергия Радонежского). Но такое понимание ума и глупости в житии опровергается ради утверждения особой мудрости, общающейся с божеством, а потому и недоступной суетному, мирскому пониманию вещей. В сущности, этот же смысл несут и жития, где святой является третьим сыном, хотя на уме первых двух не настаивается (житие Иоанна Кушника). «В пору феодального эпоса и легенды, — писал А. Н. Веселовский в „Трех главах из исторической поэтики“, — держались в памяти и подражании постоянные образы идеального подвига и подвижничества, и *chansons de geste* и жития складывались в бессознательном повторении старых идеалов».⁵

Христианство усвоило и фольклорную троичность, и другие формулы народной поэтики, заставив их «служить выражению нового содержания мысли».⁶ Среди этих старых формул петух, вестник утра, стал, например, символом Христа, зовущего из мрака к свету. Обычная метафора христианской литературы, уподобляющая «мрак» суете и злобе мира, а «свет» — проповедуемой Христом истине любви, заслуживает в данном случае внимания, потому что она последовательно проведена в романе. Как бы подчиняясь христианской традиции, Иван в своей поэме не забывает окружить светом Христа и мраком, напоминающим мрак преисподней, его могучего и умного противника, Великого инквизитора. О «мраке» и «свете» в том смысле, который имелся в виду христианской литературой, дважды упоминает повествователь, говоря об Алеше: «Просто повторю... вступил он на эту дорогу (речь идет о монастыре, — В. В.) потому только, что в то время она одна поразила его и представила ему разом весь идеал исхода рвавшейся из мрака к свету души его» (9, 36). И раньше: «... она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его» (9, 26). Впоследствии уже самому Алеше Христос тоже является в необычном, неземном свете («Кана Галилейская»).

Число же «три» приобрело в христианстве важнейшее значение еще и потому, что служило выражению главного — выражению божества, представляемого как трисединство бога-отца, бога-сына и бога-духа святого. В свидетельских показаниях доктора Герценштубе эта трехчленная формула варьируется не напрасно: «... и я принес ему (Мите, — В. В.) один фунт орехов... и я поднял мой палец и сказал ему: „Мальчик! Gott der Vater“, — он засмеялся и говорит: „Gott der Vater. — Gott der Sohn“. Он еще засмеялся и лепетал: „Gott der Sohn“. — „Gott der heilige Geist“. Тогда он еще засмеялся и проговорил сколько мог: „Gott der heilige Geist“. А я ушел. На третий день иду мимо, а он кричит мне сам: „Дядя, Gott der Vater, Gott der Sohn“, и только забыл Gott der heilige Geist, но я ему вспомнил, и мне опять стало очень жаль его. Но его увезли, и я болес не видал его. И вот прошло двадцать три года... и вдруг входит цветущий молодой человек, которого я никак не могу узнать, но он поднял палец и смеясь говорит: „Gott der Vater, Gott der Sohn und Gott der heilige Geist! Я сейчас приехал и пришел вас благодарить“» (10, 211).

В романе, где теологические вопросы поставлены в центр внимания, где посрамляется неверие, а каждый член приведенной выше формулы имеет самостоятельное значение, — все это не случайно. По-видимому,

⁵ А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 268.

⁶ Там же, стр. 362.

число «три» (заметим, что оно возникает и там, где читателю напомним о триединстве божества) должно, по замыслу автора, не только указать на близость романа фольклорным жанрам, но и на связь этого произведения с христианской литературой. Соединяя фольклорное начало с началом христианским, Достоевский идет, как видим, не путем насильственного сближения различных элементов в пределах одного художественного целого, но отталкивается от уже существующего и как бы законченного факта, ибо христианская литература действительно питалась тем, что было создано народной фантазией. Повторяющееся в романе число «три», благодаря тому значению, которое оно приобретает в данном контексте, вместе с другими фольклорными элементами сообщает всему повествованию высоту и глубину, при серьезности неизбежно идущую от архаичных форм, а христианскому циклу идей этого произведения — авторитетное одобрение народа.

Число «четыре», встречающееся в романе тоже очень часто (обычно «три — четыре», «три или четыре»), по-видимому, тоже имеет особый смысл. Выяснить значение такого повтора, однако, более трудно. Известно, что в православии это число особенно почиталось и стояло в ряду избранных чисел. Такое предпочтение опирается прежде всего на число канонических евангелий, лежащих в основе христианского вероучения. Если это обстоятельство учесть, то, может быть, не покажется странной мысль, что четыре части романа «Братья Карамазовы», возникшие из задуманных трех, не противоречили замыслу автора, с самого начала стремившегося подчеркнуть ближайшую связь этого своего произведения с духом и смыслом четырех евангельских книг, как этот дух и смысл автором понимался.

Роману предпослан эпитафия из Евангелия: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Евангелие от Иоанна, гл. XII, 24). Судьбы главных героев соотнесены с эпитафией настолько, что повествование о них в важнейших своих пунктах становится толкованием лаконичного евангельского текста. Это в первую очередь относится к Ивану и Мите. Об Алеше это тоже можно сказать, но с известными оговорками. Его смятение, вызванное неблагообразием кончины старца, и последовавшее затем возрождение и возвращение на стезю веры являются, по-видимому, лишь предупреждением более серьезных испытаний: ведь путь Алеши в первом из задуманных романов только начат. Но из известного, однако, ясно, что и Алешу не минуло бы значение евангельской притчи, вынесенной в эпитафию.

В романе упоминаются и цитируются в разных ситуациях все четыре Евангелия. Из этих упоминаний и цитат наиболее важны, конечно, те, которые, как в эпитафии, могут служить объяснением судеб героев, или отношений между ними, или некоторых обстоятельств их жизни. Возьмем, например, одну из таких цитат.

Действие в романе начинается в результате распри из-за наследства между Федором Павловичем и Митей. О том, что эта распря и привела героев к «катастрофе», читатель узнает сразу же. Соединение «всех членов... нестройного семейства» в монастыре, в келье старца, с целью разрешения этой распри служит первым событием в ходе действия. Казалось при этом, что для прекращения раздора «сан и лицо старца могли бы иметь нечто внушающее и примирительное» (9, 43). «Кончилось тем, — повествуется далее, — что старец дал согласие, и день был назначен. „Кто меня поставил делить между ними?“ — заявил он только с улыбкой Алеше» (9, 44).

Слова старца, приведенные здесь, представляют собой едва измененное повторение слов Христа. Напомним эти слова и тот контекст, который их окружает. «Некто... сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас? При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени. И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать, некуда мне собрать плодов моих? И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но бог сказал ему: безумный! в сию же ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в бога богатеет» (Евангелие от Луки, глава XII, 13—21).

Итак, слова Зосимы, согласившегося выслушать враждебные стороны, вводят евангельскую параллель, благодаря которой освещается новым светом и дележ наследства между отцом и сыном, и смысл трагедии, происшедшей с Федором Павловичем. Ведь оба враждующих героя думают прежде всего о земном: Митя — о получении материнских денег, на которые, как ему кажется, он имеет все права; Федор Павлович — о приумножении собственного «капитальца». По-видимому, обычным для этого героя шутовством вызвано обращение к старцу Зосиме, причем «наследство» поставлено в иную, но характерную связь: «Учитель! — повергся он (Федор Павлович, — В. В.) вдруг на колени, — что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?.. Старец поднял на него глаза и с улыбкой произнес: „Сами давно знаете, что надо делать, ума в вас довольно: не предавайтесь пьянству и словесному невозддержанию, не предавайтесь сладострастию, а особенно обожанию денег“» (9, 58).

Забвение о наследстве «жизни вечной» и беспокойство о наследстве земном, наследстве суетном и преходящем (в свете евангельской притчи), определяет поведение Федора Павловича. «Я, милейший Алексей Федорович, — объясняет он младшему сыну, — как можно дольше на свете намерен прожить, было бы нам это известно, а потому мне каждая копейка нужна, и чем дольше буду жить, тем она будет нужнее... Теперь я пока все-таки мужчина, пятьдесят пять всего, но я хочу и еще лет двадцать на линии мужичины состоять... Так вот я теперь и подканливаю все побольше да побольше для одного себя-с, милый сын мой Алексей Федорович, было бы вам известно, потому что я в скверне моей до конца хочу прожить... А в рай твой, Алексей Федорович, я не хочу, это было бы тебе известно, да порядочному человеку оно даже в рай-то твой и неприлично, если даже там и есть он. По-моему, заснул и не проснулся, и нет ничего, поминайте меня, коли хотите, а не хотите, так и черт вас дерит. Вот моя философия» (9, 217).

На следующий день после объяснения с Алешей, накануне роковой ночи, словно заботясь о ближайшем соответствии с приведенной выше евангельской притчей и выполняя свою программу, Федор Павлович усиленно продолжает хлопотать о приумножении богатства для своих низменных целей. Упрашивая Ивана захватить по делам в Чермашно, он между прочим говорит: «Подумай: восемь и одиннадцать — три тысячи разницы. Эти я три тысячи ровно как нашел..., а деньги до зарезу нужны» (9, 349).

Но в эту же ночь Федора Павловича убивают. Тщета и «безумие» всех его усилий, направленных на достижение и упечение земного, ма-

терпального благополучия, становится здесь очевидной, а трагическая кончина героя приобретает, как видим, характер справедливого воздаяния этой душе за то, что она хотела «есть, пить и веселиться», собирая «сокровища для себя» и вовсе забыв о боге. Таким образом, важнейший момент повествования (распря по наследству, убийство Федора Павловича Карамазова), поставленный в связь с евангельской притчей, толкуется автором в полном согласии с нею.

Заметим здесь же, что Митя, который стремится отобрать у Федора Павловича наследство, не менее безумен, чем отец, который это наследство удерживает. До тех пор, пока Митя думает об этом, он с роковой неизбежностью движется к «катастрофе». Не разрешение распри и примирение, а усиление ненависти и «трагедию» готовит его дошедшее до мании упорство в желании получить от отца хотя бы три тысячи. Безумие этого желания подчеркивается в романе многократно. Московский доктор, говоря о «ненормальности» Мити, «особенно усматривал... манию в том, что подсудимый даже не может и говорить о тех трех тысячах рублей, в которых считает себя обманутым, без какого-то необычайного раздражения, тогда как обо всех других неудачах и обидах своих говорит и вспоминает довольно легко. Наконец, по справкам, он точно так же и прежде, всякий раз, когда касалось этих трех тысяч, приходил в какое-то почти иступление, а между тем свидетельствуют о нем, что он бескорыстен и нестяжателен» (10, 208—209). Призванный в качестве свидетеля, Алеша тоже «осознался, что эти три тысячи обратились в уме Мити в какую-то почти манию, что он считал их за недоданное ему, обманом отца, наследство, и что, будучи вовсе некорыстолобивым, даже не мог заговорить об этих трех тысячах без иступления и бешенства» (10, 212—213). Впоследствии к этому неоднократно возвращается прокурор: «Нет, именно так должен был поступить убийца иступленный, уже плохо рассуждающий, убийца не вор..., а как свою же вещь у вора укравшего унесший — ибо таковы именно были идеи Дмитрия Карамазова об этих трех тысячах, дошедшие в нем до мании» (10, 262). Вместе с тем вопрос о том, действительно ли Федор Павлович был должен сыну, так и остается открытым: «Все утверждали факт, и никто не мог представить хоть сколько-нибудь ясного доказательства» (10, 197).

Если учесть тот ряд идей романа, который составляет суть «катастрофы», начавшейся с распри из-за дележа наследства, то становится ясным, что эту распрю и этот дележ следует понимать в самом широком значении. Речь идет здесь о материальных, земных благах, о «хлебе», в том смысле, который это слово имеет в устах Великого инквизитора, героя Ивановой поэмы. Безумный отец, за которым стоят многие «из современных отцов» (10, 238), стремится этот «хлеб» удержать и в свою пользу приумножить. Безумный сын, за которым стоит молодая, «непосредственная» Россия, стремится его отобрать. Движимые эгоистическими побуждениями, забывшие о нравственном долге по отношению друг к другу, они неуклонно приближаются к «трагедии», тогда как отцу следует помириться и поделиться с сыном; сыну — лишь просить, но не требовать и не угрожать расправой.

Число «три» (ибо именно три тысячи, не больше, не меньше, «маниакально» утверждаются в уме Мити и доводят его до иступления и бешенства) здесь, по-видимому, есть только указание на символическое значение этих тысяч. Оно приблизительно заменяет слово «вообще» — вообще какое-то наследство. Оно является эквивалентом любого числа, и само по себе ничего не означает: настолько откровенна его условность. Важно наследство само по себе, т. е. материальная сторона дела, служа-

щая первым и главным поводом для вражды и раздора. Только это существенное добавление делает автор «Братьев Карамазовых» по сравнению с текстом приведенной евангельской притчи, а все остальное разрешает, как говорилось, в ее духе.

Числа «три» и «четыре» важны для понимания романа в целом. Число двадцать пять, о котором тоже следует сказать, имеет более узкий смысл. Двадцать пять рублей получает Ракитин за то, что приводит Алешу к Грушеньке. За этим числом стоят тридцать сребреников. В данном случае одно число заменяет другое, чтобы параллель Алеша — Христос, Ракитин — Иуда не была слишком обнаженной и не произвела бы тем самым впечатление нехудожественное. Но параллель эта существует. Она создается косвенными путями, и двадцать пять, поставленное вместо тридцати, имеет здесь то же значение, что и Ракитин, поставленное вместо Осинина. «Он (Алеша, — В. В.) пошел поскорее лесом, отделившим скит от монастыря, и, не в силах даже выносить свои мысли, до того они давили его, стал смотреть на вековые сосны по обеим сторонам лесной дорожки. Переход был не длинен, шагов в пятьсот, не более; в этот час никто бы не мог и повстречаться; но вдруг на первом изгибе дорожки он заметил Ракитина. Тот поджидал кого-то.

«— Не меня ли ждешь? — спросил, поравнявшись с ним, Алеша.

«— Именно тебя, — усмехнулся Ракитин» (9, 101).

Встреча Алешы с Ракитиным происходит вслед за тем, как старец отправляет Алешу в «мир». Происходит на изгибе безлюдной дороги, по которой «в этот час» спешит подавленный и грустный Алеша. В тот же день, возвращаясь в монастырь, на безлюдной же дороге, на перекрестке, Алеша встречает своего брата Митю. «От города до монастыря было не более версты с небольшим. Алеша спешно пошел по пустынной в этот час дороге. Почти уже стала ночь, в тридцати шагах трудно уже было различать предметы. На половине дороги приходился перекресток. На перекрестке, под уединенною ракитой, завиделась какая-то фигура. Только что Алеша вступил на перекресток, как фигура сорвалась с места, бросилась на него и неистовым голосом прокричала:

«— Кошелек или жизнь!» (9, 195).

Из ненавязчивых деталей, соединяющих выход Алешы в «мир» и возвращение его из «мира» в первый день, заметим связь между Ракитиным и той «уединенной ракитой», под которой ожидает брата Митя. Эта ракита здесь же упоминается еще дважды, сопрягаясь с мотивом повешения. Митя говорит Алеше: «Стой. Посмотри на ночь: видишь, какая мрачная ночь, облака-то, ветер какой поднялся! Спрятался я здесь под ракитой, тебя жду, и вдруг подумал (вот тебе бог!): да чего же больше маяться, чего ждать? Вот ракита, платок есть, рубашка есть, веревку сейчас можно свить, помочи в придачу и — не бременить уж более землю, не бесчестить низким своим присутствием!» (9, 195).

Соединение «ракиты» с мотивом повешения, а того и другого вместе — с именем Ракитина («Ракитка», как его называет Грушенька) подсказывает читателю ассоциации, законность которых вполне утверждается в дальнейшем повествовании. Эти ассоциации были бы более прямыми и следовательно, более явными, если бы Ракитин был назван Осининым, ибо по народному поверью именно на осине повесился Иуда, отчего ее листья с тех пор и трепещут. Мотив повешения в связи с осиною мог бы в этой ситуации быть опущен: не названный, он разумелся бы здесь сам собой. Но автор идет более сложными путями, хотя результат его усилий один — сопоставить «семинариста-карьериста» Ракитина с Иудой, Алешу с Христом.

«Слушай, Алеша, — говорит Грушенька, — я тебя столь желала к себе залучить и столь приставала к Ракитке, что ему двадцать пять рублей пообещала, если тебя ко мне приведет. Стой, Ракитка, жди! — Она быстрыми шагами подошла к столу, отворила ящик, вынула портмоне, а из него двадцатипятирублевую кредитку. . .

«— Принимай, Ракитка, долг, небось не откажешься, сам просил. — И швырнула ему кредитку.

«— Еще отказаться, — пробасил Ракитин, видимо сконфузившись, но молодцевато прикрывая стыд, — это нам всльми на руку будет, дураки и существуют в профит умному человеку» (9, 440). Уже уходя от Грушеньки, Ракитин «злобно» смеется над Алешей: «Что ж, обратил грешницу? . . . Блудницу на путь истины обратил? Семь бесов изгнал, а? . . .

«— Перестань, Ракитин, — со страданием в душе отозвался Алеша.

«— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давешних „презираешь“? Продад, дескать, истинного друга. Да ведь ты не Христос, а я не Иуда» (9, 447). Поскольку Ракитин действительно, как видит читатель, «продал» Алешу, отрицание в высказывании «ты не Христос, а я не Иуда» значения не имеет, и это высказывание только закрепляет сопоставление, которое исподволь уже готовилось в предыдущем. Ведь за двадцать пять рублей или за тридцать «продает» Ракитин «истинного друга», в конце концов не важно, а важен самый факт «продажи».

Однако впоследствии, уже на суде, тридцать рублей все же возникают. Характерно, что они появляются в связи с двадцатью пятью рублями, в свое время отданными Грушенькой. Адвокат «спросил про Ракитина и про двадцать пять рублей „за то, что привел к вам Алексея Федоровича Карамазова“.

«— А что ж удивительного, что он деньги взял, — с презрительной злобой усмехнулась Грушенька, — он и все ко мне приходил деньги капочить, рублей по тридцати, бывало, в месяц выберет. . .» (10, 222). Тридцать рублей, получаемых Ракитиным от той же Грушеньки, являются последним звеном в обличающем героя сопоставлении с Иудой. Эти обычные для Ракитина тридцать должны, по-видимому, заменить те случайные двадцать пять, которые были получены им однажды. Важно, что когда Грушенька об этих тридцати рублях сообщает, предательская сущность «семинариста-карьериста» уже указана читателю вполне определенно.

Что же касается числа двенадцать (тоже излюбленного в фольклоре), то значение его прозрачно. В третьей и последней главе эпилога «Похороны Илюшечки. Речь у камня» читаем: «Алеша еще у ворот дома был встречен криками мальчиков, товарищей Илюшиных. Они все с нетерпением ждали его и обрадовались, что он, наконец, пришел. Всех их собралось человек двенадцать» (10, 327). «Человек двенадцать» мальчиков, слушающих поучения Алеши в эпилоге, явно связаны ассоциациями с двенадцатью апостолами, учениками Христа. Особым значением наполняется в данном случае и слово «голубчики», употребляемое Алешей по отношению к собравшимся мальчикам: «Голубчики мои, — дайте я вас так назову — голубчиками, потому что вы все очень похожи на них, на этих хорошеньких сизых птичек, теперь, в эту минуту, как я смотрю на ваши добрые, милые лица» (10, 335). Известно, что голубь в христианской традиции — символ духа святого («Gott der heilige Geist»), а в то же время он символически заменял апостола. Слово «голубчики», звучащее в связи с двенадцатью мальчиками, должно быть, учитывает и то символическое толкование, и другое.

Но число «двенадцать» имеет, по-видимому, и другой смысл. Заметим два обстоятельства: 1) роман разделен на двенадцать книг (само деление на книги тоже, разумеется, показательное); 2) характерные мотивы, которые этот роман заключают. Алеша кончает речь у камня следующими словами: «... вечная ему (Илюше, — В. В.)... память в наших сердцах, отныне и во веки веков!

«— Так, так, вечная, вечная, — прокричали все мальчики своими звонкими голосами, с умиленными лицами...

«— ... вечная память мертвому мальчику! — с чувством прибавил опять Алеша.

«— Вечная память! — подхватили снова мальчики.

«— Карамазов! — крикнул Коля, — неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

«— Непременно встанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, — полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша.

«— Ах, как это будет хорошо! — вырвалось у Коли<...>

«— Ну пойдемте же! Вот мы теперь и идем рука в руку.

«— И вечно так, всю жизнь рука в руку! Ура Карамазову! — еще раз восторженно прокричал Коля, и еще раз все мальчики подхватили его восклицание» (10, 337—338). Этим кончается весь роман.

Мотивы «вечности», «вечной» жизни, многократно здесь повторяющиеся, вместе с «непременно встанем, непременно увидим» и т. д., мотивы, заключающие весь роман, совпадают с последними (из двенадцати) догматами христианского символа веры: «Чаю воскресения мертвых. И жизни будущего века». Нет надобности говорить, какое значение имеет в этом романе Достоевского мысль о бессмертии и вечной жизни, утверждаемая в конце произведения. Достаточно напомнить, что с противоположной мысли, мысли, что нет бессмертия души, начинается свою бунтующую проповедь Иван. Вряд ли случайно, что Достоевский разделил свой роман на двенадцать книг и кончил его двенадцатым и последним догматом Символа веры.

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

**Пометы Н. А. Некрасова
на книге «Игорь, князь Северский»**

Среди книг, составлявших библиотеку Н. А. Некрасова, находилась и книга: *Игорь, князь Северский*, поэма, перевод Н. В. Гербеля, СПб., 1854 г. В настоящее время эта книга хранится в книжных фондах Литературного музея в Москве. О принадлежности книги поэту свидетельствует автограф Некрасова на форзаце: «Из библиотеки Н. Некрасова».

На страницах 38—40 имеются карандашные пометы рукой Н. А. Некрасова, которые представляют некоторый интерес, так как говорят об отношении поэта к древнейшему памятнику русской литературы и о том внимании, с которым он относился к стихотворному переводу «Слова о полку Игореве».¹

Поэтическое переложение «Слова» Н. В. Гербеля было шестнадцатым переводом памятника на современный язык и девятым поэтическим после первого издания «Слова» 1800 г. Рассматриваемая книга — роскошное иллюстрированное издание, в котором текст памятника был подразделен на двенадцать песен, как и в одном из предшествующих изданий И. И. Сахарова.

В предисловии к изданию Н. В. Гербель писал, что каждой из песен он подобрал соответствующий се «духу» стихотворный размер, чтобы «удобнее подделаться» под тон неизвестного певца Игоря и его «сладкозвучащей» речи.²

Перевод Н. В. Гербеля выдержал пять изданий, был хорошо принят критикой, даже академической, однако ничего нового в интерпретацию «Слова» он не внес.

По мнению И. П. Еремина, перевод от начала до конца страдает эклектизмом. Здесь можно встретить все стихотворные размеры от хорея до торжественного гекзаметра и даже «народный сказочный размер», использованный в переводе «Слова» Л. Меем.³

В книге находится не только стихотворный перевод «Слова», но и текст памятника по первому изданию 1800 г., который Гербель тоже разбивает на стихи, как он сам писал: «... подобные старинным малороссийским».⁴ Древнерусский текст напечатан кириллицей.

Слева, на четных страницах, располагается древний русский текст, а справа — перевод Гербеля.

¹ Вопрос о принадлежности помет Некрасову решен некрасоведами. Благодарю хранителя музея Некрасова О. В. Ломан, которая обратила мое внимание на эту книгу.

² *Игорь, князь Северский*, стр. 30.

³ И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии. — Ученые записки ЛГУ, серия филолог. наук, вып. 13, Л., 1948, стр. 44—45.

⁴ *Игорь, князь Северский*, стр. 30.

Пометы Некрасова на принадлежавшем ему экземпляре книги Гербеля имеются и в части древнерусского текста, и в части перевода. Находятся они только в «Песне II-ой» — «Вещее затмение». Пометы такого рода:

1. На странице 38 в древнерусском тексте:

Братие и дружино!
Луце жь бы поятю быти,
Неже полонену быти,⁵

Некрасов подчеркивает выражение «поятю быти» и справа, на полях, пишет: «сражати, рубить». В следующем отрывке:

Спала князю умь похоти
И жалость ему знамение заступи
Искусилу Дону великаго,

поэт подчеркивает слова «похоти» и «жалость». На полях помета: «Не род ли пад. ж. р., значит: запала князю похотливая мысль, ум не значит здесь ум, а мысль, ум — дум, отсюда: думец». В аналогичной части перевода Гербеля:

Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
Чем данься живому в полон!
Итак на коней и за новою славой!
Туда, где синеется Дон!
.....
В мочучее сердце запало желанье —
Напитаться из Дона-реки
И доблестный Игорь забыл предвещанья
Под гнетом душевной тоски,

подчеркнуты слово «погибнуть», строка «Под гнетом душевной тоски», и написано: «Вздор». На полях запись: «Жалость значит рвение, сильное желание. Ев. Иоан. II, 17. Жалость дому твоего снестъ мя».

2. На страницах 38 и 40, в отрывке, относящемся к Бояну:

О Бояне,
Соловию стараго времени!
Абы ты сия плькы ущекоталь,
Скача славню по мыслену древу,

подчеркнуто выражение «по мыслену древу».

3. На странице 40, в древнерусском тексте:

Пѣти было пѣсь Игореви
Того Олга внуку.
Не буря соколы
Занесе чрезъ поля широкая:
Галици стады
Пѣжать къ Дону великому
Чили въспѣти было
Вѣщеи Бояне
Вслесовь внуче,

подчеркнуты слова «Олга внуку», справа на полях помета: «Олга вставлено издателями», отчеркнута строка (вертикальной чертой) «занесе чрезъ поля широкая» и написано: «Насмешка над Игорем, пришедшим к Дону».

4. Возле следующего отрывка древнерусского текста:

Комони ржуть за Сулою,
Звонить слава въ Киевѣ
Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,
Стоять стязи въ Путивлѣ,

написано: «прославление Игоря, еще находящегося в своих пределах».

⁵ Древнерусский текст цитируется по воспроизведению его в книге Н. В. Гербеля.

Этим ограничиваются все пометы Н. А. Некрасова в книге Гербеля. Но даже эти незначительные замечания поэта дают представление о том, как внимательно относился Некрасов и к древнерусскому тексту «Слова», и к переложению Н. В. Гербеля. Поэт сравнил древнерусский текст с поэтическим переводом, обращая особое внимание на смысл интересующего его слова. Например, значение слова «жалость» выясняется Некрасовым из текста Евангелия от Иоанна, гл. II, ст. 17: «Помянуша же ученицы его, яко писано есть: жалость дому твоего съестъ мя». Как видим, поэт старается более точно объяснить одно из значений древнерусского слова «жалость». Нельзя не сказать о принципиально правильном подходе Некрасова к объяснению лексики «Слова» из славянского текста Библии. Впоследствии В. Н. Перетц в 1930 г. писал о том, что смысл отдельных слов, употребленных в «Слове», может быть правильно истолкован на основании изучения семантики библейского языка, например «жалость» в значении «рвение, ревность» и т. п.⁶ Стремление вникнуть в смысл древнерусского текста «Слова» отчетливо видно и в других пометах. Такой характер носит замечание к фразе, которая до настоящего времени не нашла достаточного точного истолкования:

Спала князю умь покоти
И жалость ему знамение заступи
Искусити Дону великаго.

В помете, относящейся к походу Игоря, Некрасов открывается перед нами внимательным читателем, который для себя пытается осмыслить отрывок:

Комони ржуть за Сулою
Звенить слава въ Киевѣ.

И здесь поэт по-своему понимает текст. Среди перечисленных помет еще одна кажется нам значительной. Это замечание в части древнерусского текста «Пѣти было пѣсь Игореви, того Олга внуку». Некрасов отметил, что слово «Олга» вставлено издателями. Действительно, в 1-м издании «Слова» 1800 г. «Олга» стоит в скобках.⁷ Для нас не ясно, было ли в рукописи это слово, или это вставка первых издателей, может быть «Олга» вставлено для большей ясности речи. Вероятно, Некрасов имел возможность сверить древнерусский текст «Слова» по Гербелю (где «Олга» написано без скобок) с 1-м изданием памятника. Или поэт был просто хорошо знаком с кругом спорных вопросов «Слова». В любом случае эта помета Некрасова свидетельствует о его интересе к «Слову о полку Игореве».⁸

Следует отметить, что Некрасов мог быть хорошо осведомлен о переложении «Слова» на современный язык. Напомним, что в 1-м номере «Современника» за 1847 г. в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», В. Г. Белинский сурово осудил замысел и исполнение перевода «Слова» Д. Минаева. Краткая, но выразительная помета Некрасова «вздор!» около строки перевода «Под гнетом душевной тоски» свидетельствует о точном и тонком восприятии поэтом «Слова о полку Игореве»:

⁶ См.: ИпоРЯС, т. III, 1930, стр. 308.

⁷ См., например, примечания О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева к изданию «Слова» в серии «Библиотека поэта» (Л., 1967, стр. 478).

⁸ Об интересе поэта к древнерусской литературе говорит и тот факт, что в библиотеке Некрасова находилась книга «Памятники старинной русской литературы», издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко под редакцией Н. Костомарова (СПб., 1860). См. об этом: Н. Ашук и н. Библиотека Некрасова. — Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, стр. 402.

несвойственная «Слову» слащавость и манерность, привнесенная Гербелем в свой перевод, вполне заслуживала такой резкой характеристики. Этот пример любопытен и как проявление определенных принципиальных требований Некрасова к переводу вообще.

В одной из своих рецензий 1866 г. на «Таинственную каплю» и другие сочинения поэт говорит о трудности стихотворного перевода произведения; «особенно эта трудность должна увеличиваться, — по словам Некрасова, — при переводе с родственных языков, где возможно ближе, нагляднее чувствуется недостижение подлинника».⁹

До настоящего времени вопрос — «Некрасов и „Слово о полку Игореве“» не ставился в литературе о «Слове». Пометы же Некрасова на книге Н. В. Гербеля свидетельствуют о его интересе и к древнерусскому тексту «Слова», и к переводу памятника на современный русский язык.

⁹ Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч., т. IX, М., 1950, стр. 442—443.

Р. П. ДМИТРИЕВА

«Повесть о Петре и Февронии» в пересказе А. М. Ремизова

В литературе нового времени есть три случая обращения к древнерусской «Повести о Петре и Февронии». На основании текста этой повести создано переложение А. М. Ремизова «О Петре и Февронии муромских»; некоторые сюжетные данные повести использованы в либретто к опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», написанном В. И. Бельским; упоминает «Повесть о Петре и Февронии» И. А. Бунин в рассказе «Чистый понедельник».

Все эти произведения написаны писателями далеких друг от друга литературных направлений, и методы использования древнерусского произведения во всех трех случаях различные. В центре нашего внимания будет пересказ А. М. Ремизова, так как он целиком посвящен только этой повести. Обращения к повести В. И. Бельского и И. А. Бунина носят иной характер. Содержание древнерусской повести не является в них доминирующим, а служит только одним из элементов художественного построения нового произведения.

«Повесть о Петре и Февронии» Алексеем Михайловичем Ремизовым была написана в последние годы его жизни, в течение 1951 г. и осталась неопубликованной.¹ У А. М. Ремизова было свое глубоко обоснованное восприятие древнерусской повествовательной литературы. Древнерусская тематика в его творчестве занимает одно из ведущих мест: писатель хорошо знал древнерусские памятники, при этом не только литературно-повествовательного характера, но и произведения деловой письменности. Он высоко ценил творчество Аввакума.

Обращение А. М. Ремизова к древнерусским сюжетам, особенно в конце жизни, объясняется не только его давно установившейся любовью к прошлому России, к ее истории и литературе, к ее старинным религиозным обрядам. Жизнь писателя в Париже, особенно в последние годы, была одинокой, почти лишеной общения с внешней средой. Поэтому так остро его внимание было обращено к русскому прошлому. Он сам это ясно сознавал. В одном из своих писем от 5 сентября 1956 г. писатель жалуется: «Продолжаю мое ремесло, но искусства не чувствую: мое искусство растет из жизни. А моя жизнь в области предания. Заживо погребенный».² Ста-

¹ Авторский текст повести «О Петре и Февронии муромских» находится в парижском архиве А. М. Ремизова. Настоящая публикация подготовлена по машиннописному варианту этого текста с авторской правкой, полученному в дар от Н. В. Резниковой В. Н. Сергеевым (Москва). В. Н. Сергеев любезно предоставил этот текст для публикации в ТОДРА. По сведениям В. П. Сергеева, полученным от поэтессы С. Ю. Прегель, повесть готовилась к печати для сборника «Павым пером», издание которого не состоялось.

² Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов. Париж, 1959, стр. 229.

рые сюжеты давали Ремизову почву для размышлений и литературной деятельности. «Я живу чужой жизнью, но как будто сам живу: Tristan et Yseult»,³ — сказано им по поводу его работы над повестью о Тристане и Изольде.

Пересказы А. М. Ремизова древнерусских и вообще средневековых произведений построены на единых принципах. Через литературные сюжеты древнерусских повестей А. М. Ремизов старается передать свою какую-либо определенную мысль, которая, видимо, и побудила выбрать для творчества то или иное произведение. Так, в связи с работой над «Повестью о Стефаните и Ихнилате» он заметил: «Старинная русская повесть для меня не только пересказ, а выражение моих чувств, содержание повести для меня материал».⁴ Передавая тот или иной сюжет в своей обработке, он стремился привлечь внимание читателя на главную поэтическую мысль, которая казалась ему до сих пор не замеченной. Так «Повесть о Савве Грудцыне» он старался передать как повесть о любви, которая не может существовать без жертв во имя этой любви.⁵ Повесть о Бове королевиче и легенды о Соломоне («Круг счастья») писатель воспринимает как героические повести.⁶

В тексты этих же повестей он иногда включает и свои воспоминания (так, воспоминания о Москве встречаются в «Тристане и Изольде»), и свои настоящие настроения и чувства, и обстоятельства жизни. Особенно характерна в этом отношении «Повесть о Стефаните и Ихнилате».⁷ В «Савве Грудцыне» и «Мелюзине», по словам самого А. М. Ремизова, он передает свою «нестерпимую боль разлуки».⁸

Эти интерполяции в тексте произведения в то же время являются и одним из приемов стиля писателя. Неожиданные ассоциации с современными условиями жизни в пересказах старинных повестей и сказаний он считал необходимым для передачи читателю лучшего понимания смысла произведения («перевод чужого понятия на современный язык»)⁹. Так, в рассказе о Соломоне и Китоврасе упоминается «распространенная иерусалимская газета», репортеры которой в своей информации «понесли вздор» о пребывании Китовраса во дворце Соломона.¹⁰ Или там же упомянут современный термин «нюдист»; о возвращении в Иерусалим экспедиции, которая ездила добывать чудесный камень, режущий стекло, сказано: «И на радостях не помнят, как нюдистами в город въехали».¹¹

Есть ассоциации с современностью и в «Повести о Петре и Февронии». В рассказе о посещении змеем княгини Ольги он пишет: «Она заметила, слуги, когда он сидит с ней, потупясь отходят или глядят, не глядя: мужу все позволено, но когда на людях, это как в метро в сос соседа».

Темы своих пересказов А. М. Ремизов выбирал, читая старые документы и современные исследования по истории и литературе. Прежде чем написать свой вариант рассказа, А. М. Ремизов обычно сравнивал разные

³ Там же, стр. 231.

⁴ Там же, стр. 113.

⁵ Там же, стр. 217.

⁶ Там же, стр. 115.

⁷ Подробнее об этом см. Я. С. Лурье. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат». — Русская литература, 1966, № 4, Л., стр. 176—179.

⁸ Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, стр. 254—255.

⁹ Там же, стр. 131—132.

¹⁰ «Забегали эпитомоторы из распространенной иерусалимской газеты получить информацию, но со страху — такой понесли вздор — куроплет больше не велел пускать» (Алексей Р е м и з о в. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. 1877—1957. Изд. «Оп-лешник», Париж, 1957, стр. 48).

¹¹ Алексей Р е м и з о в. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне, стр. 53.

редакции произведения, читал научные исследования, посвященные данному памятнику. Создавая свой вариант рассказа, он включал иногда отдельные детали из разных редакций, иногда вносил добавления от себя. При работе над текстом он учитывал и выводы научных исследований, с которыми не всегда соглашался. «Среди материалов я искал народную мудрость: доука русского народа, его обдумывание и ответы на вопросы жизни. И балагурье. . . Видеть смешное, как и горькое, два моих зрения».¹² Так говорил он сам об интересующих его проблемах. Действительно темы пересказов, выбранные А. М. Ремизовым, часто стоят близко к народным легендам и сказаниям. На основании апокрифических сказаний о царе Соломоне им написан «Круг счастья». Близок этому произведению и цикл повестей о Николе.¹³ Связь со сказкой привлекает его внимание в повестях о Соломонии, Мелюзине и Бове королевиче.¹⁴

Обращение А. М. Ремизова к «Повести о Петре и Февронии» также определено близостью этого произведения сказочной основе. Как будет видно далее из сопоставления оригинала «Повести о Петре и Февронии» с пересказом ее у А. М. Ремизова, он стремился в своем варианте передать содержание «Повести» наиболее близко к ее источникам — народным рассказам. В записях А. М. Ремизова о его работе над сказочными сюжетами говорится, что «пересказ никогда не оттиск, а воспроизведение протооригинала очевидца».¹⁵

В письме от 9 сентября 1951 г. А. М. Ремизов сообщает о своей работе над «Повестью о Петре и Февронии»: «Кончил IV редакцию о Петре и Февронии Муромских (1228). Тема: неразлучная любовь».¹⁶ Однако эта идея древнерусской повести в пересказе А. М. Ремизова не оказалась главенствующей. Основное внимание А. М. Ремизова оказалось отвлеченным другими мотивами сюжета. Его больше всего заинтересовала сказочная основа повести. А. М. Ремизов очись любит сказку. Эта любовь его к сказке, начиная с детства, прошла через всю жизнь, отразилась на всех этапах его творчества. Древнерусский писатель ставил главной задачей своей повести рассказать о трудной и необычной судьбе крестьянской девушки, которая не только умела завоевать любовь князя, но и сохранить ее на всю жизнь. Все эпизоды повести подчинены передаче этой мысли, все действия и диалоги приведены для ее доказательства. А. М. Ремизов в своем переложении повести сосредоточивает внимание на ином — его интересует больше всего развитие сказочного сюжета и характеры героев сказки, которыми определяются их поступки.

М. О. Скрипиль в своем исследовании «Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке», сопоставляя сюжетные данные «Повести» со сказкой, пришел к выводу, что автор «Повести о Петре и Февронии» использовал два сказочных мотива, которые в фольклоре имеют распространение как два самостоятельных сюжета.¹⁷

Первый сюжет посвящен сказочной теме об огненном летающем змее. Автор древнерусской повести использует его только как вступление

¹² Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов, стр. 116

¹³ Алексей Ремизов. Звенигород Окликаный. Николины притчи. Изд. «Алатас», Нью-Йорк—Париж—Рига—Харбин, 1924.

¹⁴ Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Изд. «Оплешник», Париж, 1951; Милюзина и Брунцвик. Изд. «Оплешник», Париж, 1952; Тристан и Исольда. Бова Королевич. Изд. «Оплешник», Париж, 1957.

¹⁵ Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов, стр. 132.

¹⁶ Там же, стр. 237.

¹⁷ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 138.

к основной части рассказа, связанного с другим сказочным сюжетом. Тема об огненном летающем змее в повести передана кратко и лаконично. Автор не акцентирует внимания на любовных переживаниях княгини. Наиболее подробно с диалогами описана только сцена узнавания князем Петром змея, который предстает перед ним в облике родного брата Павла. Автор подчеркивает драматизм положения Петра, вступившего в единоборство со змеем, имеющим облик его брата. Собственно только эта сцена и важна автору повести для дальнейшого изложения.

В своем переложении А. М. Ремизов эту первую часть повести значительно расширил. Он не только внес мелкие подробности и детали, но и, значительно разработав, включил в повесть как центральную тему этой части произведения — тему любовных отношений жены князя Павла Ольги и змея (в древнерусском тексте «Повести» жена князя Павла по имени не называется). Эта часть древнерусской повести послужила для А. М. Ремизова как бы конспектом, на основании которого им написан пространный рассказ о трагедии жены князя Павла.

При описании любовной драмы княгини Ольги А. М. Ремизов использует некоторые данные, взятые из народных сказочных произведений с сюжетом об огненном летающем змее. Прежде всего о самом огненном летающем змее. А. М. Ремизов разделяет концепцию М. О. Скрипиля о различии между драконом церковной литературы и змеем народных легенд, о котором идет речь в «Повести о Петре и Февронии».¹⁸ В одном из своих писем А. М. Ремизов пишет: «В „Февронии“ спутали (имеются в виду исследователи, — Р. Д.) змия (огненный с белыми крыльями) со змеем — драконом (зеленые крылья, не огненный, а упругий)».¹⁹ В пересказе «Повести» А. М. Ремизовым неоднократно упоминается о внешнем облике змея. Два раза в самом тексте повести А. М. Ремизов подчеркивает разницу между драконом и огненным змеем: 1) «Огненный Змей летит на тоску. Белые крылья, зеленые у Дракона и сам как листья зеленый, Егорий Храбрый его на иконах в брюхо копьем проткнул»; 2) «огненный Змей не Дракон, копьем в брюхо не пырнешь». В описании внешнего облика змея А. М. Ремизов не добавляет подробностей от себя, он основывается только на данных народных легенд, отразившихся и в летописных записях о знаменьях.²⁰ Характеристика внешнего облика змея у А. М. Ремизова такая же лаконичная, как и в сказках, но она неоднократно повторяется — «белые крылья», «летающий», «огненный», «кольчатый».

Дополнительные детали для развития конфликта романтической темы также взяты А. М. Ремизовым из сказочного сюжета о посещении змеем женщины, тоскующей в разлуке со своим мужем. Приведем начало одной сказки: «Слыхали вы о Змее Змеевиче? Ежели слышали, так вы знаете, каков он и видом и делом; а если нет, так я расскажу о нем сказку, как он, скинувшись молодым молодцом, удалым удалцом, хаживал к княгине-красавице... А супруг ее князь-княжевич Иван Королевич, по обычаю царскому, дворянскому, занимался охотой».²¹ В пересказе А. М. Ремизова о князе Павле говорится как о зверолове, который большую часть

¹⁸ Там же, стр. 140; М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии и эпические песни южных славян об огненном змее. — Научный бюллетень Ленингр. гос. ордена Ленина универс., 1946, № 11—12, стр. 36.

¹⁹ Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, стр. 232.

²⁰ Упоминания об огненном летающем змее в легендах и летописях приведены в статье М. О. Скрипиля «Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке», стр. 140—143.

²¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 2. М., 1957, № 205. (Далее: Афанасьев).

времени проводит на охоте. К жене своей он равнодушен, подчас даже груб. Сюжетная связь сказки и пересказа А. М. Ремизова очевидна.

К этому следует добавить, что в данном случае А. М. Ремизов не оригинален. Дело в том, что в записи устной легенды о Петре и Февронии, сделанной в третьей четверти XIX в. В. Соколовским, тоже говорится о брате Петра — Павле, что он «был охотником с самых молодых лет, и все свое время проводил в поле и в лесу, гоняясь за зверями и птицами». Он редко видел свою жену, которая «запершись в своем тереме, и плакала и роптала на скучную свою, забытую всеми молодость».²²

В конце концов не столь важно, под влиянием какого источника А. М. Ремизов развивает свое повествование о запретной любви княгини Ольги. Существенным является то, что А. М. Ремизов, выполняя свою задачу «воспроизведения протооригинала очевидца», не сочиняет, а обращается к русской народной сказке. Развитие сюжета первой части пересказа А. М. Ремизова задано и определено традиционными элементами сказки о посещении змеем обольщенной им женщины.

Дальнейшее изложение хода событий, связанных с судьбой жены князя Павла, у А. М. Ремизова значительно отличается от древнерусской повести. В «Повести о Петре и Февронии» развитие сюжета идет согласно тому типу сказки, в которой рассказывается о посещении змеем женщины против ее воли. Княгиня в древнерусской повести сама сообщает князю о посещении ее змеем. Этот же вариант изложен в упомянутой выше легенде, записанной В. Соколовским. Здесь только княгиня открывается не самому князю, а его брату Петру. Для княгини все кончается благополучно: змей гибнет от меча князя Петра, княгиня сохраняет расположение мужа.

А. М. Ремизов этой части повествования придал сложную драматическую ситуацию. Княгиня Ольга испытывает чувство любви к змею, при этом сознает преступность своего влечения к нему. Она боится своего мужа и признается ему в посещении ее змеем вопреки своему желанию («На отлете птиц он вспомнил о своей голосистой и нежданный показался в горнице Ольги. Ужас обуял ее при виде мужа. И, как на духу, она во всем призналась. Слово ее потрескивая горело: ветка любви и горькая ветвь измены»). Она не хочет гибели змея и выведывает у него, как его можно погубить, только под напором грубой требовательности князя Павла («Я спрошу, говорит она безразлично, и черные кольца катятся из ее глаз»). Борьба со змеем кончается для княгини трагично — она погибает вместе с ним. Такая развязка является закономерной. А. М. Ремизов остается верен сюжетной схеме сказки. В сказке, в которой повествуется о связи женщины со змеем по взаимной любви, обычно женщина погибает, как погибает и змей.²³

В сказке гибель героини в такой ситуации не вызывает сожаления ни у рассказчика, ни у читателя. А. М. Ремизов так же трактует это событие, он пишет: «Муромский летописец запишет, теперь всем известно: жена князя Павла Ольга, к которой прилетал огненный летучий Змей, захлебнулась змеиной кровью, а князь Петр, змеесборец, от брызнувшей на него крови весь оволдырил, как от ожога. Говорили, что волдыри пошли по телу от испугу и от испугу саданул Петр Ольгу. Так думал

²² В. Соколовский. Народные предания о жизни преподобных муромских Петра и Февронии. — «Странник», 1865, сентябрь, стр. 88. М. О. Скрипиль считает, что в основе этой легенды лежит «Повесть о Петре и Февронии», которая обращалась в устной передаче среди местного муромского духовенства и мещан (М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке, стр. 155).

²³ Афанасьев, №№ 204, 205, 209.

и Павел, но брату не выговаривал „чего, де бабу укокошил“, как между бояр говорилось с подмигом. Павел был доволен, что Петру она под руку попалась: какая она ему жена — змеиная!».

Эта первая часть повести, посвященная сюжету о змее, в связи с изложенными выше некоторыми изменениями по сравнению с оригиналом, в пересказе А. М. Ремизова приобрела новые диалоги и подробности. Все они посвящены взаимоотношениям князя Павла и княгини Ольги.

Та часть «Повести», в которой рассказывается история женитьбы князя Петра на Февронии, в значительно меньшей степени подверглась изменениям как в передаче сюжета в целом, так и в переложении текста оригинала. Но все же трактовка содержания и этой части произведения в передаче А. М. Ремизова несколько отличается от трактовки темы древнерусским автором.

В обе части произведения А. М. Ремизовым включены моменты, усиливающие психологическое объяснение поступков героев. Это достигается при помощи разработки характеров действующих лиц. Относительно оригинала повести можно говорить по существу только о Февронии как о героине с определенно развернутым характером. В какой-то степени намечен характер князя Петра. Об остальных персонажах ничего определенного сказать нельзя.

А. М. Ремизова привлекают характеры героев. Во многих случаях характер героя оказывается одним из элементов, определяющих развитие сюжета. В горькой судьбе княгини Ольги значительную роль сыграл характер мужа. Князь Павел в «Повести» А. М. Ремизова властный и грубый человек с ограниченным кругом интересов, все внимание его поглощено охотой. Такой тип героя не свойствен древнерусской литературе. Его биографические данные определены сказкой, в целом же он скорее стоит ближе к типу феодала в исторических романах нового времени, посвященных средневековью.

Более определен А. М. Ремизовым характер князя Петра. Судя по оригиналу повести, можно говорить о некоторой слабохарактерности Петра, но это в оригинале отнюдь не подчеркивается, князь Петр просто несколько инертен в своих поступках. А. М. Ремизов наделяет его чертами безвольного, кроткого и мягкого человека: «А был Петр не в Павла, не скажешь охотник, да ему и птицу вспугнуть духу не хватит, пугливый и кроткий. У бояр на смётке: помрет Павел, уж как под Петром будет вольготно — каждый сам себе князь!». Единственный раз, когда он проявляет решимость, это в борьбе против змея, чтобы защитить брата.

Такая трактовка характера князя Петра обусловлена в какой-то степени целью оттенить характер и поведение главной героини повести. Как в развитии сюжета первой части повести, так и в рассказе о Февронии А. М. Ремизов преследует ту же задачу — вернуть повесть к ее первооригиналу — народной сказке. Отношение А. М. Ремизова к главной героине и восприятие ее поступков не совпадает с теми чертами, которыми наделяет Февронию автор древнерусской повести. Тихая Феврония древнерусской повести А. М. Ремизову не по душе, он ее отвергает. О том, какой ее хотел видеть А. М. Ремизов в своем пересказе, можно судить по его письмам. В письме от 10 марта 1952 г. он вскользь замечает: «Феврония означает Трясавица — лихорадка».²⁴ Во время работы над повестью А. М. Ремизов

²⁴ Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, стр. 248—249. В словарях даются следующие объяснения слова «трясавица—лихорадка»: 1) лихорадка от «лихоманча „плутовка, обманщица“» (М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 505); 2) «Одна из двенадцати сестер Иродовых, коим народ дал

жаловался на трудности по созданию облика Февронии, который ему хотелось донести до читателя: «Мне не нравится моя Феврония, в ней я не слышу визга боли, она „мудрая“, а значит спокойная, а ведь мне надо, чтобы человек от тоски загрыз землю, это мое. У Февронии есть гнев и магия, но какая же во мне магия, и поэтому выходит формально (словесно)». ²⁵ А. М. Ремизову хотелось показать Февронию колдуньей. Он наделяет ее чертами, свойственными сказочной героине. В пересказе А. М. Ремизова Феврония сильная, властная, решительная и гневливая.

А. М. Ремизов в самом повествовании неоднократно упоминает о том, что Феврония «ведьма». Конфликт между боярами и Февронией возникает не столько из-за ее крестьянского происхождения, сколько из-за власти ее характера. Главная причина недовольства бояр и их жен Февронией в пересказе А. М. Ремизова заключается в том, что она «ведьма». В начале повествования о княжении Петра имются такие слова: «Когда Петр стал муромским князем, поднялся ропот: „женится на ведьме!“ Всякому било в глаза, по кличке Петр муромский князь, а княжит над Муромом „ведьма“». Чтобы усилить впечатление читателя о связи Февронии со сказочным образом колдуньи, А. М. Ремизов вводит повторение темы с хлебными крошками. По рассказу А. М. Ремизова на обеде во время спора с боярами Феврония решила показать свою силу колдуньи. Она собрала со стола и подбросила в воздух крошки, которые рассыпались золотом, серебром, драгоценными камнями. Сцена кончается энергичным описанием гнева Февронии: «Вашим женам, пускай себе великанются. А вам — глаза ее вдруг вспыхнули, загорелись и горели, не переглядеть и рысь зажмурится, не солнечный огонь, а преисподний огонь: будьте вы прокляты! Не болить вам, не менить». Безусловно этот эпизод написан по сказочным мотивам о мудрой вещице женщине. ²⁶ Последняя фраза «Не болить вам, не менить» заимствована А. М. Ремизовым из записи устной легенды о Февронии, сделанной в деревне Ласкове в 1921 г. ²⁷

Черты, свойственные ведьме, сохраняют за Февронией А. М. Ремизов и при описании соединения Петра и Февронии после смерти. Автор древнерусской повести об этом спокойно сообщает: «И паки же на утрии обретошесе святии в едином гробе». А. М. Ремизов и в данном случае стремится вернуть произведение сказке. Феврония и после смерти остается сильной, активной и гневной. Из монастыря Воздвиженья, где Февронию похоронили, она возвращается в Муром в собор Рождества Богородицы так, как полагается сказочной колдунье — «Дорога до города из Воздвиженья вшибь и выворачивало — неуспокоенная, выбила Феврония крышку гроба, поднялась грозой и летела в Собор к Петру». Так же как и в сказке, это событие происходит в полночь («И к полночи загремело»). В народной сказке эпизод с колдуньей или ведьмой, встающей из гроба, традиционен. ²⁸ А. М. Ремизов придерживается этой традиции.

названия: лихорадка, лихоманка, трясуха ... трясавица» (В. Даль. Толковый словарь. т. II. М., 1955, стр. 258).

²⁵ Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов, стр. 234.

²⁶ См.: П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 146. П. В. Владимиров считает, что эпизод повести с хлебными крошками основан на этом сказочном сюжете.

²⁷ М. О. Скрипиля. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке, стр. 156.

²⁸ Ср., например, в сказке № 367 по Афанасьеву («Наступила полночь — дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала»). Близки к этому и другие сказки: Афанасьев, № 366; И. А. Худяков. Великорусские сказки, вып. 1. М., 1860, №№ 11 и 12; вып. 3, СПб., 1862, №№ 91 и 104; Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. — Записки Русск. геогр. общ., по отдел. этногр., т. XII, СПб., 1884, № 104; Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1909, № 152;

Таким образом, в трактовке характера главной героини А. М. Ремизов, отступая от оригинала повести, старается приблизить ее к народно-сказочным персонажам. Однако следует заметить, что первая часть рассказа, посвященная Февронии, и в древнерусском оригинале следует сказочному сюжету о мудрой девушке, вышедшей замуж за царевича или князя. Во второй части (о жизни Февронии в замужестве) автор древнерусского текста продолжает свою мысль о мудрости Февронии, уже независимо от сказки. Благодаря уму и такту Феврония на протяжении всей жизни сохраняет любовь Петра.

А. М. Ремизов в первую часть повествования о Февронии (т. е. и в оригинале, построенном на сказочной основе) по существу ничего нового не вносит. Эта часть менее всего подверглась изменениям. Властность характера Февронии и силу ее в борьбе с боярами А. М. Ремизов показывает в той части повести, где говорится о Февронии уже как о княгине. Именно в этой части повести А. М. Ремизов наделяет ее чертами, свойственными колдунье народных сказок.

Трактуя образ Февронии как властной женщины, владеющей чарами колдуньи, А. М. Ремизов тем самым снял с нее те немногие черты, по которым ее следовало бы причислить к лику почитаемых церковью святых. Это в пересказе А. М. Ремизова до какой-то степени выполняет введенный им новый персонаж — мальчик по прозвищу Ласка. У А. М. Ремизова было свое глубоко обоснованное творческое восприятие древнерусской повествовательной литературы, ни в коей мере не связанное с влиянием картин М. В. Нестерова с древнерусской тематикой. Тем не менее, для того чтобы читатель получил ясное представление о новом персонаже повести, А. М. Ремизов в самом тексте рассказа заметил: «Таким представится Нестерову Радонежский отрок в березовом лесу под свежей веткой, руки крепко сжаты, в глазах лазурь, подыметя с земли и улетит». Имеется в виду картина Нестерова «Видение отроку Варфоломею». И действительно, этот описанный А. М. Ремизовым беспризорный мальчик Ласка очень близок к трактовке Нестеровым «лучшего человека древних лет Руси, чуткого к природе и ее красоте, по-своему любившего родину и по-своему стремившегося к правде».²⁹ Это значит, что художественное осмысление Нестеровым древнерусской тематики импонировало А. М. Ремизову. По-видимому, в некоторых случаях произведения Нестерова могли бы служить иллюстрацией образов, передаваемых А. М. Ремизовым.

Среди дополнений, внесенных А. М. Ремизовым в ткань повести, следует отметить описание поисков Агрикова меча и домыслы о его происхождении. Перечисленные в повести варианты о происхождении названия Агрикова меча даны как припоминания старожил. В этих припоминаниях перечислены былинный герой Илья Муромец, два брата Агрикана, Добрыня. Любопытно то, что эти дополнения А. М. Ремизовым были внесены на основании его знакомства со статьей М. О. Скрипиля «„Повесть о Петре и Февронии муромских“ в ее отношении к русской сказке».³⁰ Научные наблюдения М. О. Скрипиля А. М. Ремизов использует в своей повести и в некоторых других случаях. Из изложенного видно, что А. М. Реми-

Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. — Записки Русск. геогр. общ. по отдел. этногр., т. XLI, Пгр., 1914, № 29; А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. 1. — Записки Русск. геогр. общ. по отдел. этногр., т. XLIV, Пгр., 1917, №№ 39 и 51.

²⁹ Цитирую слова Нестерова по кн.: С. Дурыйлин. Нестеров в жизни и творчестве. М., 1965, стр. 192—193.

³⁰ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке, стр. 161

зов изменяет текст и делает вставки очень обдуманно и осторожно, вплоть до самых мелочей. Так, в его пересказе говорится о Воеводской горе. Действительно, собор Рождества Богородицы расположен на самой высокой горе в Муроме, которая носит это название.

Подведем некоторые итоги. О Петре и Февронии А. М. Ремизов написал рассказ, который не является идентичным его древнерусскому варианту. В результате внесенных изменений А. М. Ремизов несколько отклонился от передачи основной мысли автора древнерусской повести. Заключительные поэтические слова пересказа А. М. Ремизова о «неразлучной любви» («И всякий раз на Москве, в день их смерти, Петра и Февронии, на литии лебедь-колокол разносил весть из Кремля по русской земле о неразлучной любви, человеческой волей нерасторжимой») не звучат как заключительный аккорд повествования, объединенного единой мыслью. Гармонию нарушают некоторые отступления. Она нарушена введением некоторых подробностей в первую часть, в связи с внесенной переменной характера Февронии изменилось и звучание рассказа в конце повести. В передаче некоторых эпизодов Феврония несколько огрублена. Она показывает недовольство отказом князя Петра жениться на ней, в княжестве и в доме забрала власть в свои руки. Уезжая из Мурома, она посылает проклятья боярам, открыто командует князем. В результате остается чувство, что Феврония не столько стремится сохранить любовь князя Петра, сколько воюет за власть.

Я проследила изменения сюжета этой повести у А. М. Ремизова по сравнению с ее древнерусским оригиналом. Пересказ А. М. Ремизова древнерусской повести не является просто переводом на современный язык. Используя сюжет древнерусской повести, он создал свое произведение с отклонениями от оригинала и в содержании и в стиле. А. М. Ремизов не почувствовал художественного колорита повествовательной литературы XV в. В его произведении большое место заняла внешняя декоративность. Привнесение в произведение стилизации с использованием фольклорных приемов повествования закрыло для читателя доступ к художественной манере автора XV в.

А. М. Ремизов ухватился за имевшиеся в древнерусской повести фольклорные мотивы и развил их. Такое отношение к фольклору для передачи произведения XVII в. было бы созвучно с художественными приемами того времени. Для более раннего времени связь литературных произведений с фольклором носит иной характер. Об этом в статье Д. С. Лихачева «К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе» сказано следующее: «Между фольклорностью отдельных пассажей в старшей летописи, отдельных пассажей в Повести о разорении Рязани, фольклорностью основы Повести о Петре и Февронии, с одной стороны, и фольклорностью Повести о Горе-Злочастии, отдельных произведений демократической сатиры XVII в. или песен Квашнина-Самарина — с другой, есть принципиальное различие. Последние произведения стремятся последовательно (в меру своих возможностей) выдержать фольклорный стиль, отчетливо ощущают жанр фольклорных произведений. Летопись же, Повесть о разорении Рязани и другие произведения старой поры сознательно используют лишь факты из фольклорных произведений, стиль же фольклорных произведений проникает в книжность вместе с фактами либо стихийно, либо постольку, поскольку он не вступал в резкое противоречие с книжными жанрами».³¹

³¹ Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. Русская литература, Л., 1958, № 2, стр. 11.

Для древнерусской «Повести о Петре и Февронии» как раз характерен не приход к фольклору, а уход от него. Древнерусский автор использует отдельные элементы фольклорных сюжетов, но они подчинены строгому художественному построению, развивающему главную мысль произведения о превосходстве ума и благородства героини — человека, лишенного и политической и сословной силы.³² А. М. Ремизов не ощутил этой особенности древнерусской повести, или, во всяком случае, не старался ее сохранить. Вернее, он ставил перед собой художественную задачу, противоположную задаче автора древнерусской повести. А. М. Ремизов сознательно стремился воссоздать в полнокровном виде тот фольклорный сюжет, от которого, по его мнению, отталкивался древнерусский писатель. Поэтому он и вернул Февронию народной хитрости. В «Письме в редакцию», опубликованном в 1909 г. в журнале «Золотое руно», А. М. Ремизов изложил задачи и приемы своего творчества при обращении к фольклорным мотивам. В этом письме говорится о двух задачах: 1) воссоздание народного мифа, 2) написание своего художественного пересказа на основании конкретного сохранившегося текста. Работа над «Повестью о Петре и Февронии» относится к решению второй задачи: «Во втором случае, — при художественном пересказе, когда по сличению всех имеющихся налицо вариантов какой-нибудь народной сказки материалом является облюбованный, строго ограниченный текст, все сводится к самой широкой амплификации, т. е. к развитию в избранном тексте подробностей или к дополнению к этому тексту, чтобы в конце концов дать сказку в ее возможно идеальном виде. Что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить облюбованный текст, в этом вся хитрость и мастерство художника».³³ Именно этих принципов творчества и придерживался А. М. Ремизов, создавая свой вариант «Повести о Петре и Февронии».

Стремясь приблизить повесть к ее сказочной основе, А. М. Ремизов создал свое произведение, по стилю изложения приближающееся к сказу. Едва ли к А. М. Ремизову стоит предъявлять претензии, что это произведение написано им в стиле и манере других его сказов, основанных на древнерусской тематике и народных преданиях. Большинство из них связано с литературой XVII в., тенденцию и стиль которых А. М. Ремизов хорошо чувствовал и понимал. Эту ремизовскую манеру надо изучать в сопоставлении всех его произведений этого цикла. В них есть и мудрость, и грусть, и ирония, и даже некоторое озорство.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ *

Муром город в русской земле, на Окс. Левый высокий берег. И как плыть из Болгар с Волги, издалека в глаза белыми цветами земляники, из сини леса, церкви. На Воеводской горе каменный белый собор Рождества

³² Мысли о наличии декоративности в ремизовских пересказах и об идее древнерусской повести о том, что слабое существо оказывается самым сильным, подсказаны мне Д. С. Лихачевым во время обсуждения данной статьи на заседании Сектора древнерусской литературы.

³³ А. Ремизов. Письмо в редакцию. 29-го августа 1909 г. — Золотое руно, 1909, № 7—9, стр. 147.

* Орфография и пунктуация А. М. Ремизова в ряде случаев не соответствует общепринятым грамматическим правилам. Однако писатель в публикуемых прижизненно произведениях всегда обращал внимание на точность передачи в изданиях особенностей своих написаний и своего синтаксиса. Поэтому, располагая машинописным текстом публикуемой повести с авторской правкой, редакция ТОДРА сочла необходимым воспроиз-

Богородицы, за городом женский монастырь Воздвижение. Городом управлял муромский князь Павел. К его жене Ольге прилетает огненный летучий Змей.

I

Как это случилось, Ольге не в разум. Помнит, что задремала, блеск прорезал ее мутный сон, она очнулась и в глазах кольцом жарко вьется и крылом к ней — горячо обнял, и она видит белые крылья и что с лица он Павел.

Всем нечувством она чувствует и говорит себе: «не Павел», но ей не страшно. И это не во сне — не мечта: на ней его след и губы влажны. А когда он ее покинет, она не приберется — так и заснет, не помня себя. День — ожидание ночи. Но откуда такая тоска? Или любить и боль неразрывны? Или это проклятие всякого смель?

А вот и среди дня: она узнала его по шуршу крыльев и как обрадовалась. И весь день он ее томил. И с этих пор всякий день он с ней.

Видит ли его кто, как она его видела или для них он другой — Павел?

Она заметила, слуги, когда он сидит с ней, потупясь отходят или глядят, не глядя: мужу все позволено, но когда на людях, это как в метро в сос соседа.

И у всех на глазах с каждым днем она тает.

Постельничий докладывает князю:

— С княгиней неладно: день ото дня, как вешний снег. . .

Павел ответил:

— Кормите вдоволь.

Павел зверолов: поле милее дому. Простые люди живут тесно, а князья — из горницы в горницу дверей не найдешь: муж у себя, жена на своей половине, муж входит к жене, когда ему любо, а жена ни на шаг.

На отлете птиц он вспомнил о своей голосистой и неожиданной показался в горнице Ольги. Ужас обуял ее при виде мужа. И, как на духу, она во всем призналась. Слово ее потрескивая горело: ветка любви и горькая ветвь измены.

Павел смутился: огненный змей, известно, прилетает ко вдовам, но к мужней жене не слышать было.

— И давно это?

— На Красную Горку.

И он вспоминает: в последний раз он был у нее на Святой, стало быть, после.

— И вы это делаете?

Она вскинула глаза — чиста! и виновато потупилась.

— Да ведь это большой грех.

И на слово «грех» она вздрогнула от клокота ответных слов — и голос пропал.

— Надо принять меры, сказал он не своим голосом глухо и без слов грозно, так — что рука поднялась, но не ударила.

Досадуя, вышел.

Не звери и птицы, которые звери рыскали и птицы порхали в его охотничьих мыслях, огненный Змей кольчатый шуршал белыми крыльями.

известии этот текст, не изменяя его в соответствии с правилами современной грамматики и не вводя орфографического и синтаксического единообразия внутри самого текста. Такая публикация еще не издававшегося произведения даст возможность исследователям творчества А. М. Ремизова располагать текстом этого произведения со всеми присущими ему оригинальными чертами, важными для изучения своеобразного языка этого писателя и ритмики его прозы. — *Ред.*

«С чего бы?» — и ему жалко: плохо кончит. Зверю от рогатины не уйти, и на птиц есть силки, но чем возьмешь Змея? И он видит ее и Змея, и все в нем кричит зверем: как ты могла допустить себя до такого? — но себя он ни в чем не винит: он зверолов, свалит медведя.

* * *

В Муроме ходил беспризорный, звали его Ласка — Алексеем. Таким представится Нестерову Радонежский отрок в березовом лесу под свежей веткой, руки крепко сжаты, в глазах лазурь, подыметя с земли и улетит. Ласка глядит сквозь лазурь из души, ровно б у него глубже еще глаза, а скажет, большому не в сказ — такое растет среди лесов на русской земле. Мимо не пройдешь не окликнув: Ласка! А какие он сказывал сказки, и откуда слова берутся! про зверей, о птицах лесовое, скрытое от глаз, и о чудесах и знамениях о звездах. Летом — лес; зима — Воздвиженские монашки присматривают. Бывал и в кремле на княжеском дворе: Ольга любила слушать, как он рассказывает, от него она знает о Змее — огненный летучий. Змей, бумажные крылья — чудесная сказка!

Павел встретил Ласку в лесу.

«Божий человек, подумал Павел, спрошу о жене».

— Надо ей на волю, сказал Ласка, она у тебя в темнице. Ты ее возьми с собой.

— Не в обычай, сказал Павел, да ей и дома не на что жаловаться: сад у ней и пруд, бобры и лебеди.

— Воли нет.

— А что ты знаешь о огненном Змее.

— Огненный Змей летит на тоску. Белые крылья, зеленые у Дракона и сам как листья зеленый, Егорий Храбрый его на иконах в брюхо копьем проткнул.

— А на огненного — где его смерть?

— Откуда мне знать! Пускай сам скажет.

Прямо с охоты, не заходя к себе, Павел незаметно в горницу к Ольге. Она сидела расставив ноги и улыбалась, а глаза наполнялись слезами. И вдруг увидев Павла, поднялась, дрожа.

Павел посмотрел на нее гадливо.

— Перестань, слушай. С этим надо покопчить. Дойдет до людей, ославят: жена путается со Змеем. Один человек мне сказал, огненный Змей не Дракон, копьем в брюхо не пырнешь, а сам он тебе скажет, откуда ждать ему свою смерть. Слышишь. Ты подластишься к нему и выпытай: от чего тебе смерть приключится?

Она слушала, озираясь: она искала глазами другого Павла, которого не боится.

— Большой грех. И я за тебя отвечаю перед Богом.

— Я спрошу, говорит она безразлично и черные кольца катятся из ее глаз.

* * *

На другой день канун Рождества Богородицы — муромский престольный праздник. Ко всенощной он ей не велел, а пошел один в Собор. Он думал о ней с омерзением и нетерпеливо ждал ответ. Он видел ее, как она ластится, выпытывая — и закрывал глаза, передыхая и потом тупо молился, прося защиты: он ни в чем не виновен. И на утро, отстояв обедню, не мог утерпеть и сейчас же к Ольге. После огненной ночи — и это под такой

праздник! — она крепко спала. Грубо растолкал. Она таращила глаза перекатывая белками: верить и обозналась — который Павел?

— Что он сказал?

Она поняла и, по-птичьи раздирая рот — слова бились на языке, но не складывались, мучая.

— Что он сказал? — повторил Павел.

И она закусив губы ответила нутром, раздельно приглушенным, не своим, посторонним голосом, рифмуя:

— Смерть — моя —

от Петрова плеча
Агрикова меча.

Павел вошел гордо: он знает тайну смерти — но что значит «Агрик» — Агриков меч? он не знает. И имя Агрик вкогтилось в его змеиную мысль, притушив кольчатый огонь летучего Змея.

* * *

О Агрике жила память в Муроме.

Старожильцы памятуя сказали: «Знаем, помним, за сто лет от отцов слышно: проходил из Новгорода в Мурому Агрик и брат его Рюрик». А о мече — который карлик Котопа сковал меч, точно не сказали, уверяя на Крапиву. А Крапива ничего не помнит.

Другие вспоминали Илью, свой — муромский, богатырскую заставу — на заставе, помнится, среди русских богатырей, стояли два брата — Агриканы — оба кривые: один глядит по сю, другой по ту.

Когда всех богатырей перебили и остался один Агрикан, собрал мечи и сложил в пещере, а свой Агриков, в свой час, вручил Добрыне.

Третьи знахари сказали:

«Точно, к Добрыне в руки попал Агриков меч. Этим мечом он вышиб душу Тугарина Змеевича. И в свой час замуровал меч: явится в русской земле богатырь, откроется ему меч. А где замурован, кто ж его знает». И эти своротили на Крапиву, а Крапива впервой: Агриков меч! Не дай Бог прослыть знающим: затормошат и потом на тебя же в тебе.

Агриков меч есть, но где этот богатырь кому владеть?

* * *

Был у Павла брат Петр. На Петра и Павла именины в последний птичий пев, когда в песнях колыбеля припевают: «ой ладо».

А был Петр не в Павла, не скажешь охотник, да ему и птицу вспугнуть духу не хватит, пугливый и кроткий. У бояр на смётке: помрет Павел, уж как под Петром будет вольготно — каждый сам себе князь!

Петр всякий день приходил к Павлу. Жили они в честь прославленным в русской земле братьям Борису и Глебу. От Павла к Ольге проведать. На тихость Петра глаза Ольги яснили, как при встрече с Лаской.

Перемену Петр заметил, но не смел спросить. А Ольга и Павел перед братом таились.

Когда узнал Павел тайну Змеиной смерти: «от Петрова плеча, Агрикова меча» — его поразило имя брата, и он открылся Петру.

— Я убью его! вскрикнул Петр: не узнать было его голоса: решимость и отвага не по плечу: он поднял руку клятвой и гнев заострил ее мечом.

Но где ему найти меч.

* * *

На выносе Креста, Петр стоял у праздника в Воздвиженском монастыре. Агриков меч неотступно подымался в его глазах, как подымали крест — в широту и долготу креста. Его воля защитить брата подымала его вместе с крестом над землей высоко.

Всенощная кончилась. Пустая церковь. А Петр стянутый крестным обручем, один стоял у креста: «Агриков меч» вышептывали его смякшие губы — «дай мне этот меч! пошли мне этот меч!» — и рука подымалась мечом: «Агриков меч!».

И погасили свечи и последние монашки черными змеями расползлись из церкви. Сумрак окутал церковь глубже ночи и цветы от креста с аналоя дохнули резче и воздух огустил цветами.

Взрыв света ударил в глаза — Петр очнулся: с амвона Ласка со свечей и манит его. И он пошел на свет.

— Я покажу тебе Агриков меч, сказал Ласка, иди за мной! — и повел Петра в алтарь.

И когда они вошли в алтарь Ласка поднял высоко над головой свечу: — Гляди сюда, он показал на стену, ничего не видишь?

В алтарной стене между кереметей из щели торчало железо. Петр протянул руку и в руке его оказался меч; на рукоятке висела ржавь и липло к пальцам — кривой кладенец.

Это и был Агриков меч.

* * *

Не расставаясь с мечом, Петр провел ночь у монастырских стен: домой боялся, было подем итти — отымут. Осенняя ночь серебром рассыпанных осколков свежестью светила земле, а ему было жарко: Змей жег его — как и где подкараулить Змея? И на воле не находя себе места, он прятался за башни, глядя из скрыти на кольчатую ночь — не ночь, а Змея. Только синия зоря развеяла призрак и благовест окликнул его: мерным поря «к нам!».

* * *

Не помнит как выстоял утреню, часы и обедню. Никаких песнопений — в ушах шипело, и глаза — черные гвозди, еще бы, всем в диво, князь Петр, в руке меч, — искал Ласку, одни черные гвозди. Зубами прижался к золотому холодному кресту и обожженный вышел.

* * *

Павел только что вернулся из Собора, когда вошел к нему Петр с находкой.

— Агриков, сказал Петр, кладя меч перед братом.

Павел недоверчиво посмотрел на ржавое оружие.

— Где ты его достал?

— Агриков, повторил Петр.

И оставив меч у брата, вышел — по обычаю поздороваться с Ольгой.

Не задерживаясь со встречными и не заглядывая в боковушу, Петр вошел к Ольге. И что его поразило: Ольга была не одна: с ней сидел Павел.

Петр поклонился ей, но она ему не ответила, в ее глазах стояли слезы, но она не плакала, а улыбалась, пристукивая каблуком: то-то заговорит пе-

сенным ладом, то ли закружится в плясе. Такой ее Петр не видал. И как случилось, что с ней Павел, которого он только что оставил? Или Павел обогнал его?

Таясь Петр вышел.

Навстречу один из слуг Павла. Петр остановил его.

— Брат у себя?

— Князь никуда не выходил.

— Тише! погрозил Петр, не спугнуть бы! и сам поднялся на цыпочки: он вдруг все понял.

Павел сидел у себя и рассматривал диковинный меч.

— Ты никуда не выходил?

— Никуда! — не отрываясь от меча, ответил Павел.

— Но как могло случиться, а я тебя только что видел с Ольгой.

— Ты меня видел?

— Он сидит с ней. Он знает свою смерть — Петр показал на меч — он нарочно обернулся тобой: я не трону. Дай мне меч, а ты останься.

— Осторожно! — Павел подавая меч, — расколется может.

С обнаженным мечом Петр вышел от Павла.

Крадучись — не спугнуть бы! — подошел к дверям Ольги. Не предупредя, переступил порог.

В его глазах Ольга и с ней Павел. Задохнувшись, подошел ближе. И оглянул. Нет, это не чудится: это Павел! И странно: сквозь Павла видит он окно, в окне золотая береза. И догадался: огонь! — огненный Змей.

Они сидели тесно: губы его вздрагивали, а она улыбалась.

Петр подошел еще ближе и ноги его коснулись ее ног. Вскрикнув поднялась она — и вслед за ней поднялся Павел.

В глазах Петра резко золотилось и он сам поднялся в золотом вихре и ударил мечом по голове Змея.

Кровью брызнул огонь — сквозь огненный туман он видел как Павел, содрогнувшись, склонился к земле, орошая кровью Ольгу и Ольга, как и Павел, склонясь, клевала землю.

Петру мерещилось кольчато-коровое ползет на него, душит грозя и он махал мечом, пока не разлетелся меч на куски и куском железа его очнуло.

Со Змеем покончено — в мече нет нужды: Агриков меч отошел в богатырскую память.

* * *

Муромский летописец запишет, теперь всем известно: жена князя Павла Ольга, к которой прилетал огненный летучий Змей, захлебнулась змеиной кровью, а князь Петр, змеборец, от брызнувшей на него крови весь оволдырил, как от ожога.

Говорили, что волдыри пошли по телу от испугу, и от испугу саданул Петр Ольгу. Так думал и Павел, но брату не выговаривал «чего, де бабу укокошил», как между бояр говорилось с подмигом. Павел был доволен, что Петру она под руку попала: какая она ему жена — змеиная!

За Петром осталось: змеборец. Так он и сам о себе думал, терпеливо перенося свою телесную скорбь — безобразия: исцарапанный, скривя шею и корча ноги, скрехча зубами, лежал он, на его груди горел струпный крест, жигучий пояс стягивал его, и глаза и рот разъедала ползучая сыпь — кости хрястают, суставы трескочут.

Муромские ворожеи, кого только ни спрашивали, ни шопотом, ни духом, ни мазью, ни зельем не помогли, хуже: спина и ноги острупели и зуд соскреб сон. От слабости стало и на ноги не подняться.

Тут и говорят, что в рязанской земле водятся колдуны старше муромских: везите в Рязань.

А говорил это Ласка — кому еще знать.

И решили везти Петра в Рязань: почему не попробовать — рязанские колдуны, на них и посмотреть страшно найдут жильное слово заоблачно и поддонное — шаманы!

II

Петр на коне не сидит, его везли. Путь не веселый: и больному тяжело и людям обуздно. Недалеко от Муром в Переяславле решили остановиться и попытаться счастье.

Приближенные Петра разбрелись по городу, выведывая есть ли где колдуны лечить князя. Гридя, княжеский отрок, в городе не задержался, вышел за заставу и попал в подгороднее Ласково.

От дома к дому. Видит, калитка у ворот стоит раскрытая, он во двор. Никто его не окликает. Он в дом. Приоткрыл дверь и вошел в горницу. И видит за столом сидит девка — ткет полотно, а перед ней скачет заяц. Он на зайца взарился: диковинно такой заяц — усами ворочит, не боится, скачет. А девка бросила ткать и прихорашивается: экий вперся какой серебряный.

То-то хорошо, сказала она с досадой, коли двор без ушей, а дом без очей.

Гридя оглупело глазел то на нее, то на зайца.

— Старше есть кто? робко спросил он.

— Отец и мать пошли плакать в заём, говорила она, с любонитством оглядывая дорогое платье заброжего гостя, а брат ушел через ноги глядеть к навам.

— К навам, повторил растерянно Гридя, загадки загадываешь.

— А ты чего не спросясь влез, строго сказала она, а будь во дворе пёс, слышит шаги, залаял бы, а будь в доме прислуга, увидит, что кто-то вошел и предупредит: — вот тебе про уши и про глаза дому. А отец и мать пошли на кладбище, будут плакать о умершем, эти слезы их — заёмные: в свой черед и о них поплачут. А брат в лес ушел, мы бортики, древолазы: полезешь на дерево за медом, гляди себе под ноги, скувырнешься — не полнаться и угодишь к навам.

— К навам, повторил Гридя, к мертвым. И подумал: «не простая!». А как тебя звать?

— Февронья.

«И имя замысловатое, подумал Гридя, Февронья!». Я муромский, служу у князя, и он показал на гривну — серебряное ожерелье — приехал с князем: князь болен: весь в сыпи.

— Это который: змеборец?

— Петр Агриковым отсек голову огненному летучему Змею и острупел от его змеиной крови. Наши муромские помочь не могут, говорят у вас большие ведуны. А звать как не знаем и где найти?

— А если бы кто потребовал к себе твоего князя, мог бы вылечить его.

— Что ты говоришь: «если кто потребует князя моего себе...». Тот, кто вылечит, получит от князя большую награду. Скажи имя этого ведуна и где его найти.

— Да ты приведи князя твоего сюда. Если будет кроток и со смирением в ответах, будет здоров. Передай это князю.

И как говорила она в ее словах была такая кротость, как у Ласки, и улыбнулась. Гриде стало весело: князя Петра его приближенные любили за кротость.

С каким запыхавшимся восторгом, как дети, рассказывал Гридя Петру о Февронии какая она, среди боярынь ни одна с ней не ровня, и о загадках и о зайце — заяц на прощанье пригладил себе уши, ровно б шапку снял, — будешь здоров, сказал Гридя, повторяя слова Февронии о кротости и смирении.

Петр велел везти себя в Ласково.

В Ласкове послал Петр Гридю и других отроков к Февронии: пусть скажет к какому волхву обратиться — вылечит, получит большую награду.

Феврония твердо сказала:

— Я и есть этот волхв, награды мне не надо, ни золота, ни имени. Вот мое слово: вылечу, пусть женится на мне.

Гридя не понял скрытое за словами испытание воли; ничего неожиданного не показалось ему в этом слове.

С тем же восторгом он передал слово князю.

«Как это возможно князю, взять себе в жены дочь бортника!» мелькнула поперечная мысль, но он был так слаб и страдал.

— Поди и передай Февронии, я на все согласен, пусть скажет что делать.

И когда Гридя передал Февронии: «князь на все согласен», Феврония зачерпнула из квашни в туйс «шептала» и подув, дала туйс Гриде.

— Приготовьте князю баню и пускай помажет себе тело где струпья, весь вымажется — и подумав, нет, один струп пусть оставит, не мажет.

У Гриди и мысли не было спрашивать почему, он смотрел на Февронию беспрекословно, а заяц ему погрозил ухом.

— Да не уроню, сказал Гридя, в обеих руках держа туйс и осторожно вышел.

Пока готовилась баня, все отроки и слуги собрались у князя. Всех занимал рассказ Гриди о Февронии, ее колдовстве, о зайце, о птицах — птицы перепархивали в воображении Гриди — а больше всего ее загадки. Уверенность что князь поправится улыбнула и заботливую сурь и сам Петр повеселел.

«Да чего бы такое придумать, сказал Гридя, она все может. Давайте испытываем».

Я придумал, сказал Петр и велел подать ему прядку льну. И, передавая Гриде, сказал:

— Отнеси ей и пусть она, пока буду в бане, соткет мне из этой прядки сорочку, порты и полотенце.

Феврония удивилась увидя Гридю.

А он весь сиял: то-то будет. И положив перед ней на стол прядку льну, повторил слова князя.

— Хорошо, сказала Феврония, ты подымись-ка на печь, сними с гряд полено и сюда мне.

Гридя снял полено и положил перед ней на лавку. Она оглянув, отмерила кусок.

— Отруби.

Гридя взял топор и отрубил меру.

— Возьми этот обрубок, сказала Феврония и скажи князю: за тот срок, как очешу прядку, пусть сделает мне станок, было б мне соткать ему сорочку, порты и полотенце.

Зайцем выскочил Гридя. А там ждут. Положил перед Петром обрубок, как перед Февронией прядку: изволь станок смастерить, пока она очешет лён.

— Что за вздор, сказал Петр, повертев обрубок, да нешто можно за такой час сделать станок.

Но кому ж не понять, что не меньший вздор и Петрова задача: соткать ему из прядки за банный час сорочку, порты и полотенце. И Петр дивился не столько мудрости Февронии, сколько уразумев свою глупость.

Балагурия, с одним именем Февронья — в ее мудрость^а у всех на глазах — приближенные Петра пошли в баню, а Петра несли на носилках.

Все было, как полагается: Петра вымыли, выпарили и на полок подымали и с парным венником выпрыскали, потом положили в предбаннике и прохладя квасом и мочеными яблоками, все тело и лицо и руки вымазали наговорным.

Но где какую болячку оставить без маза? Решили ту, где будет незаметно. А чего незаметней задничного места. Спросить было у Февронии, да понадеялись на очевидность и оставили заразу на этом месте.

Ночь Петр провел спокойно — ему только пить давали: морила жажда. Или это гасло змеиное пламя. На утро он поднялся легко. Тело не зудит — очистилось, и лицо чистое и руки чисты — не узнать.

Пронесло беду. Казалось бы, надо исполнить слово Февроньи. Но как всегда бывает, когда наступает расплата, человек возьмет на себя что полегче и пожертвует тебе, что непужно или то, добытое без труда.

Покидая Ласково, Петр послал Февроньи подарок — благодарность: золото и жемчуг. Она не приняла. Молча рукой отстранила она от себя драгоценности, а на губах ее была печаль: «несчастный!».

На коне вернулся Петр в Муром.

На Петра диву давались: вот что может колдовство: пропадал человек, а гляди, не найдешь ни пятнышка. Чист, как перо голубя.

Шла слава на Руси: есть ведьмы киевские и ведьмы муромские, а бортничиха Феврония больше всех. Имя Феврония вошло с Петром в Муром, и отозвалось, как имя Ласка, недаром и село ее зовется Ласково.

Петра поздравляли. В Соборе отслужили молебен. В Кремнике у Павла был пир в честь брата-змееборца.

Началось с пустяков: кольнуло. Не обратил внимания. Потом чешется, это хуже. А на утро смотрит: а от непомазанного вереда ровно б цепочка. Думали от седла. А про какое седло, на лице выскочил волдырь. Начинать с начала.

Петр с педелью терпел, поминал имя Феврония, вишился — да ведь раскаяние что изменит? — «Согрешилъ, покаешься и спасешься!» — ^бкакой это хитрец, лъстя злодеям, ляпнул?^в Грех не искупаем. И только воля пострадавшего властна.

Петра повели в Ласково.

Неласково встретила Феврония. Сдерживая гнев, она повторила свое слово. Петр поклялся. И опять его повели в баню и на этот раз всего вымазали. И на утро поднялся чист.

Ласковский по обвенчал Петра и Февронию. И Петр вернулся в Муром счастливый.

^а Так в машинописном тексте.

^{б-в} В машинописном тексте эта фраза надписана над строкой рукой А. М. Ремизова вместо зачеркнутого воистину, более живого и бессовестного не придумаешь.

* * *

Пока жив был Павел, все шло ничего, женитьбу Петра на бортничихе спускали. Но после смерти Павла, когда Петр стал муромским князем, поднялся ропот: «женился на ведьме!».

Всякому било в глаза, по кличке Петр муромский князь, а княжит над Муромом «ведьма». И не будь Февронии, все было б по «нашему»: Змееборда живо б к рукам прибрали: по душе ему с Лаской сказки сказывать, а не городом править. Разлучить Петра с Февронией другого нет выхода.

В городе Феврония княгиня, в доме хозяйка. Что плохо лежит само в руки лезет — на княжем дворе всякая вещь на своем месте, хапуну осечка: известно, бортничиха, не господский как — попал. Порядок спор, но и тещи.

Слуги поворачивали. И чтобы душу себе встряхнуть стали Петру наговаривать.

Стольничий, старый слуга, с подбострастным сокрушением, порицал Февронию: не знает чину — из-за стола поминутно вскакивает, без порядку хлеб ест, а тарелка стынет.

— И что за повадка: по обеде поклон положить забудет, а крошки со скатерти до чиста все соберет, и чего для? Ровно нехватка в чем, или в обрыз?

За наговариванием — подозрительное любопытство.

Обедали врозь, каждый у себя. Петр велел подать два прибора и сесть Февронии с ним. И замечает. Да ничего особенного, Ласка до сих пор не научилась, ест без вилки пальцами, а Феврония ровню б с детства за княжеским столом обедала. Но когда оставалось только лоб перекрестить, она поднялась и стала собирать со скатерти крошки. И Петр поднялся и за руку ее, развел ей пальцы.

— Что ж мы нищие? сказал он с упреком и взглянув отдернул руку: на ее ладони не крошки, дымился ладап.

И вся столовая наполнилась благоуханием, ровно б поп окадил. Или это улыбка ее расцвела цветами и из глаз, таких напоенных, зрелых, источался аромат.

— Нет, наша доля мы слишком богатые, сказала она.

Петр не знал куда девать глаз от стыда: и как он мог что-то подумать. И с этих пор что бы ему ни наговаривали на Февронию его не смущало: вера в человека гасит всякое подозрение легко и открыто и самое загадочное и непонятное.

* * *

Бояре свое думали — каждым годом власть Февронии сказывалась до мелочей, до «хлебных крошек» княжества, негде рук погреть, не люди, рабы. И как устранить Февронию. И бабы бунтуют: первое место бортничиха и им, природным, кланяться и подчиняться — не желаем. И пилили мужей: глаза де пьют на Февронию и мирволят.

Осточертснелые бояре ворвались к Петру в Кремник.

— Слушай Петр! Ты наш змееборец! Рады служить тебе за совьсть. Убери княгиню: Февронию не желаем. И мудровать над нашими женами не позволим. Пускай берет себе, что ей любо, казны не пожалеем, и идет куда хочет: в Муроме ей не место.

Петр не крикнул, «вон»! Он вдруг почувствовал себя таким ничтожным перед навалившейся на него силой и беззащитным и, тише чем обычно, ответил:

— Я не знаю, спросите ее. И как она хочет.

И у бояр кулаки разжались: изволь, хвастай умом, хорош! — сами ж говорили: Петр брат его не Павел, из змеборца хоть веревки вей, и покажи как на Павла: решай. Будь Петр один, другое дело, но за такой стеной, не устоит и кремник.

Со стыдом разошлись бояре.

«Поговорите с ней!». А ты попробуй, она тебе ответит. Головоломная задача.

А бабы ноют — а это пожечше: по-морде-в-зубы — у каждой одна песня Февронья. Сами-то сказать ей в лицо не смеют, боятся, ведьма, а ты за них отдувайся — извели. И надумали бояре порешить хитро и разом.

* * *

В Городовой избе просторной, как княжеский двор, всем городом устроен был пир. Пригласили князя Петра и Февронию — честь за главным столом первое место.

Ели и пили чинно. А как хмель распустился в свой цвет, спряталась робь, голос окреп, залаяли псами. Друг друга подталкивают. Хороводились.

И прорвало:

— От имени города Мурома, поднялся бахвал к Февронии и все поднялись и пошли, как боровы — исполни, что мы тебя попросим.

И Феврония поднялась, она все поняла, но спокойна.

— Слушаю, отвечает Феврония, я рада все исполнить.

— Хотим князя Петра, отчеканил ободренный согласием Февронии. смельчак. Петр победил Змея, пусть Змеборец правит нами, а тебя наши жены не хотят. Не желают под твоей волей ходить. Возьми себе добра и золота, сколько хочешь и иди куда хочешь.

— Хорошо, я исполню ваше желание и жен ваших, я уйду. Но и вы исполните чего я попрошу у вас.

— Даем тебе слово без перекура, все исполним! загалдели враз.

— Ничего мне не надо, никакой вашей казны. Об одном прошу, дайте мне князя Петра.

Переглянулись.

И в один зык подвздохом:

— Бери.

У каждого прошло: «поставят нового князя и таким князем буду я»

Петр поднялся.

— В законе сказано: кто отпустит жену, не уличив в прелюбодействе, а сам возьмет другую, прелюбодействует. Мне с Февронией с чего расставаться!

— Согласны! рывком ответили бояре, ступай с ней.

Феврония вышла из-за стола, собрала со стола крошки. Зажав в горсти, вышла на середку. И подбросила высоко над головой — хряснув посыпалась дождем драгоценности — золото, серебро, камни, украшения.

— Вашим женам, пускай себе великанются. А вам — глаза ее вдруг вспыхнули, загорелись и горели, не переглядеть и рысь зажмурится, не солнечный огонь, а преисподний огонь: будьте вы прокляты! Не болить вам, не мнить.

Она взяла Петра за руку. И они покинули пир.

* * *

Нагруженные муромским добром плыли суда по Оке — путь на Волгу в Болгары. Петр и Феврония покинули Муром, плывут искать новые места

Долго будет, белыми церквями провожая, глядеть вслед им родной город. И за синей землей дремучих лесов скрылся.

В нежарком луче перетолкались толкачики. Зашло солнце. С реки потянуло сыростью.

Ночь решили провести на берегу.

И раздумался Петр: хорошо ли он сделал — покинул родной город? И из-за чего? И с упреком посмотрел на Февронию.

— Не ропщи, сказала Феврония, она без слов поняла, будем жить лучше прежнего, ты увидишь.

Петр не мог не поверить — в голосе Февронии была ясность. Но точащее сожале. не оставяло: «Если бы вернуться!».

На рогатках из крепких ветвей укрепленных в землю, подвешен был котелок на ужин.

— Смотри, эти сухие ветви, сказала Феврония, а на утро, ты увидишь, вырастут из них деревья, зазеленеют листья! — и она, осеня дымящиеся от пара черные рогатки, что-то шептала и дула.

Ночь пришла, не глядя, темная как лес, колыбеля сном без сновидения. Или такое бывает, когда всю душу встряхнет — все двери захлопнуты: без памяти — мрак.

Утро пробудило надеждой и первое что заметил Петр, и это как во сне, на том месте где укреплены были рогатки и висел котелок, перебежали люди и что-то показывали, кивая головой. Петр подошел поближе. И это было как сон и всем как будто снится, так чудесно и не бывало: за ночь сухие ветви ожили покрылись листьями и поднимаются зелеными деревьями над котелком.

«Так будет и с нами?» подумал Петр и посмотрел на Февронию.

И она ему ответила улыбкой, с какой встречают напуганных детей.

И когда стали погружаться на суда плыть дальше, видят на реке показалась лодка, белые весла, поблескивая на солнце, руками машет — или стая за бедой не могут или не успеет бояться.

— Да это никак с Муромом? — Так и есть: причалила лодка, вышел боярин, шапку долой, низко поклонился.

— Я от города Муром, с трудом передохнув, проговорил он оборотясь к Петру, и всех бояр кто еще на ногах и голова уцелела. Стало вам скрыться с глаз, как в городе поднялся мятеж: всяк назвался муромским князем и знать ничего не хочет: сколько дурных голов, столько и шалых поволу. В драке не мало погубили народу, да и сами погибли. В городе лавки в щепы, дома глядят сорванными с петель дверьми, в Кремнике нет не окровавленного камня. Ласку укокошили, зверь не трогал, а человеку под руку попался и готов. Вернись, утиши бурю! Будем служить тебе! И, обратясь к Февронии, еще ниже поклонился — прости нас и баб наших, вернись!

Вот оно где чудо, какой чудесный день — у Петра все мешалось и не было слов на ответ. Феврония приказала судам повернуть домой — в Муром.

III

Повесть кончена. Остается загадка жизни: неразлучная любовь — Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Петр и Феврония.

Петр управлял Муромом нераздельно с Февронией. Про это запишут, как о счастливом годе, время Муромского княжества, канун Батыя.

Сроки жизни наступали.

Петр постригся в монахи, приняв имя Давид, и оканчивал дни в городском Богоявленском монастыре. Феврония под именем Ефросиния

за городом у Воздвиженья, где в алтарной стене замурован был Агриков меч.

Расставаясь, Феврония сказала: Смерть придет за тобой и за мной в один час.

Петр в своей келье ничего не делал, он не мог, и своей тоской заторопил срок. Ему показалось, в окно заглянула Ольга и манит его: он освободил ее, теперь ее черед. Так он это понял и послал Февронии сказать:

— Чувствую конец, приди и вместе оставим землю.

Феврония вышивала воздух: деревья, травы, цветы, птицы, звери и среди них любимый Заяц — они по шелковинке каждый брал себе ее тоску.

— Подожди немного, ответила она, дай кончу.

Но час не остановишь, срок не меняется. И чувствуя холод — самое лето, а мороз! — он и во второй раз послал.

— Последние минуты. Жду тебя.

Но ей еще остались пустяки — вынитить усы зайцу.

— Подожди.

И в третий раз посылает:

— Не жду, там — —

Она воткнула иголку в воздух — пусть окончат.

— Иду.

И душа ее в цветах и травах, вышла за ограду встречу другой неразлучной, вышедшей в тот же час за ограду.

25 июня 1228 года
на русской земле.

Еще при жизни у Рожества в Соборе Петр соорудил саркофаг, высечен из камня с перегородкой для двоих:

«Тут нас и положите обоих», завещал он.

Люди ршили по своему: князю с бортничихой лежать не вместе, да и в иноческом чине мужу с женой не полагается.

Саркофаг в Соборе оставили пустым, Петра похоронили в Соборе, а Февронию особо у Воздвиженья.

С вечера в день похорон поднялась над Муромом гроза. И к полночи загремело. Дорога до города из Воздвиженья вшибь и выворачивало — неуспокоенная, выбила Феврония крышку гроба, поднялась грозой и летела в Собор к Петру. Пыхавшая молния освещала ей путь, белый огонь выбивался из-под туго сжатых век и губы ее дрожали от немевших слов проклятия.

На утро в Соборе гроб Петра нашли с развороченной крышкой пустой и у Воздвиженья тела Февронии не было.

Петр и Феврония лежали в Соборе в саркофаге рядом без перегородки.

И всякий раз на Москве, в день их смерти, Петра и Февронии, на литии лебедь-колокол разносил весть из Кремля по русской земле о неразлучной любви, человеческой воле и нерасторжимой.

СООБЩЕНИЯ

Э. Г. ЗЫКОВ

Судьба «Азбучной молитвы» в древнерусской письменности

Среди литературных деятелей начальной поры славянской письменности в Болгарии Константин, именуемый (по месту его епископского служения) Преславским, бесспорно, одна из наиболее примечательных фигур. Ученик Кирилла и Мефодия, высокообразованный и одаренный писатель и организатор, он был в числе ближайших сподвижников сначала князя Бориса (852—889), а потом царя Симеона (893—927) в их борьбе за утверждение болгарской национальной церкви и культуры. Перу Константина принадлежит несколько переводов и оригинальных сочинений. Главным и самым значительным его вкладом в древнеболгарскую литературу было его «Учительное евангелие», сборник воскресных поучений, содержащих изъяснения евангельских текстов, читаемых в церкви в воскресные дни года. «Беседы» Константина рассчитаны на малоподготовленного, не искушенного в христианском учении слушателя и читателя, что было обусловлено особенностями исторической обстановки в Болгарии его времени, сравнительно недавно принявшей крещение.¹ Внешне они просты, безыскусны, лишены «риторических красот», шедших порой в ущерб содержанию, затемнявших смысл сказанного, чем «грешили» многие его современники. Но, стремясь к общедоступности изложения, проповедник одновременно обнаруживает высокую словесную культуру, понимает роль образного слова («хитрости», «художества»), силу его эмоционального воздействия на аудиторию, поэтому он нередко прибегает к различным поэтическим тропам и фигурам, демонстрируя высокое ораторское искусство, знание законов «украшенной речи». Именно это и делает его труд фактом не только общекультурного, но и литературного значения.²

Однако литературное дарование Константина более всего проявилось в стихотворном прологе к «Учительному евангелию», именуемом в науч-

¹ См.: Антоний [Вадковский]. Из истории христианской проповеди. СПб, 1895, стр. 269—270.

² Другое яркое произведение еп. Константина, все еще недостаточно оцененное в связи с его творчеством, — «Служба Мефодию». Факт, что она сочинена им, осповательно доказал Д. Костич (Dragutin Kostić. Бугарски епископ Константин — писац службе св. Методију. — Byzantinoslavica, VII, Praha, 1937—1938, стр. 189—211) независимо от Костича по существу к тем же результатам пришел еще Павич (J. Pavić. Staroslovenski pjesnički kanon u čast sv. Metodija i njegov autor. — Bogoslovska smotra, god. XXIV, Zagreb, 1936, стр. 59—86). С. Сакач выдвинул предположение, что Константин, помимо того, автор «Похвалы Кириллу и Мефодию» и общей службы славянским просветителям (Stefan Sakač. Die kürzere slavische Fassung des Briefes «Gloria in excelsis Deo». — Cyrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven, 863—1963. Bchlau-Verlag. Köln—Graz, 1964, SS. 411—431). Выводы ученого небезосновательны, но нуждаются, на наш взгляд, в дополнительной проверке.

ной практике «Азбучной молитвой».³ Этот пролог принадлежит к тем оригинальным творениям древнеболгарской книжности, которые порождены живой действительностью и отвечают самым актуальным, самым насущным потребностям времени. В нем нашли отражение огромные перемены в славянском мире, вызванные принятием христианства и появлением славянской письменности, патриотическое сознание его автора. Замечательная как по своей форме, так и по содержанию, проникнутая повышенным лирическим настроением, «Азбучная молитва» давно известна далеко за пределами узкого круга специалистов и является одним из лучших доказательств высокой художественности и содержательности старой болгарской литературы. Выдающийся украинский писатель Ив. Франко, немало потрудившийся и над изучением славянских древностей, говорил о ней как о «стихотворении безусловно чистой и искусной формы, высокой поэтической ценности, мощного религиозного чувства».⁴

«Пролог о Христе», по-видимому, очень рано выделился из «Учительного евангелия» и переписывался как в его составе, так и в качестве самостоятельного произведения, причем древнеславянские книжники отождествив еп. Константина — вследствие совпадения имен, и, не исключено, прозвищ («Философ») — с его учителем Константином-Кириллом,⁵ усвоили акростих первоучителю славян.

«Азбучная молитва» получила на Руси широкое распространение. Неспоримые ее достоинства вызвали повышенный интерес к молитве не только у старинного читателя, но и у специалистов.⁶ И тем не менее, несмотря на обилие работ, посвященных этому сочинению еп. Константина, многие касающиеся его вопросы и поныне не получили окончательного решения. Идут споры о времени его написания, предназначении, о первоначальном виде и даже опровергается принадлежность стихотворения преславскому книжнику.

Позволю себе заметить, что причина разногласий в большой мере кроется в том, что многие суждения об акростихе строятся на основе поверхностных, а следовательно, случайных впечатлений и наблюдений, без учета всего дошедшего до нас материала, без всестороннего анализа

³ Авторское название «Азбучной молитвы» — «Пролог о Христе умерен», на чем настаивал еще Ю. Трифонов (см.: Ю. Трифоно в. Бележки върху Учителното евангелие на епископа Константина. — Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925, стр. 475—476). Но со времен А. Горского и К. Невоструева, которым принадлежит первое обстоятельное исследование Константинова сборника (см.: Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, II, 2. М., 1859, стр. 409—434), принято относить это заглавие не к стихотворному вступлению, а к следующему за ним так называемому прозаическому предисловию. И А. Горского с К. Невоструевым и последующих ученых смущал и смущает, очевидно, тот факт, что в «Азбучной молитве» предметом восхваления является св. Троица, а не Иисус Христос. Однако характер «предисловия» дает еще менее оснований видеть в нем «Пролог о Христе», ибо речь в нем идет о самом составителе «Учительного евангелия», об обстоятельствах, сопутствовавших его труду, и т. п. Отнесению рассматриваемого заголовка к «предисловию» препятствует и наличие в нем слова «умерен», являющегося калькой греческого *ἔμμετρος*. Подобно этому последнему оно должно пониматься как «размеренный», «стихотворный». Что же касается «прозаического предисловия», то, служа вступлением ко всему сборнику по существу, формально оно предваряет 1-ю беседу.

⁴ Iv. Franko. Kleine Beiträge zur Geschichte der kirchenslavischen Literatur. I. Konstantin's «Alphabetisches Gebet». — Archiv für slavische Philologie, XXXV (1914), S. 151.

⁵ Еп. Константин был забыт, скорее всего, уже в эпоху византийского юга в Болгарии (XI—XII вв.). Во всяком случае, Синодик царя Борила (составлен около 1211 г.) не знает его, как, впрочем, и других деятелей Преславского церковно-литературного кружка. См.: М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила. София, 1928.

⁶ Основные этапы ее изучения изложены в статье: Э. Г. Зыков. К вопросу об авторе «Азбучной молитвы». — Известия на Института за българска литература, кн. IX, София, 1960, стр. 174—187.

молитвы. До сих пор не прослежена (хотя бы в общих чертах) судьба ее в древнеславянской книжности; исследователи ограничиваются публикацией новонайденных копий и общими замечаниями об их сходстве и различиях с уже введенными в научный оборот. Предлагаемая работа ставит своей задачей дать более или менее полное представление о всех известных автору списках «Пролога о Христе» и содержит попытку изучения истории его текста.⁷

Честь первой публикации «Азбучной молитвы» принадлежит М. П. Погодину. Выпуская в 1825 г. в свет русский перевод исследования И. Добровского «Cyrill und Method der slaven Apostel» (Prag, 1823), Погодин в качестве приложения к нему присовокупил текст молитвы по списку Хронографа 1494 г.⁸ и Волоколамскому списку (И₁), XVI в., не датированному публикатором.⁹ К Волоколамскому даны разночтения по третьему списку (И₃), однако о нем ничего не сообщается.¹⁰

С открытием В. М. Ундольским «Учительного евангелия» Константина¹¹ в научный обиход был введен наиболее ранний и во многих отношениях наиболее сохранный список «Азбучной молитвы». Он замечателен к тому же четким обозначением границ стихов, отсутствующим во всех других списках: каждый стих в нем начинается с новой строки и буквой, выполненной киноварью; конец же стиха отмечается четырьмя точками, расположенными крестообразно, и особым значком в виде повернутой вверх запятой.¹²

⁷ Относительно судьбы «Азбучной молитвы» в югославянской письменности остается строить лишь предположения, так как до нового времени дошел единственный ее сербский список в составе пергаменной миней XIV в., принадлежавшей Народной библиотеке в Белграде и сгоревшей в период второй мировой войны. Молитва находилась на л. 62 и была озаглавлена как произведение «Константина Философа» (см.: Св. Матић. Опис рукописа Народне библиотеке. Београд, 1962, стр. 239; Б. Ст. Ангелов. Неизвестен препис на Азбучната молитва. — Литературна мисъл, год. XII, № 4, София, 1968, стр. 165).

⁸ И. Добровский. Кирилл и Мефодий, словенские первоучители. Историко-критическое исследование. Перевод с немецкого. М., 1825, стр. 109. Хронограф этот (ныне в ГБЛ, ф. 256, № 453) писан в указанном году в Пскове неким Самуилом, «дняком с Дубкова», о чем имеется запись на л. 454. Молитва занимает л. 444, приписывается Кириллу Философу и входит в статью «О грамоте». См.: А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея. СПб., 1842, стр. 725—734, № CCCCLIII. Впредь этот список обозначается буквой X; условные обозначения остальных указаны в скобках вслед за первым их упоминанием.

⁹ И. Добровский. Кирилл и Мефодий, стр. 151. Ныне хранится в ГБЛ, ф. 113, № 573, лл. 292—293. См. также: Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, стр. 221—228, № 186 (573).

¹⁰ Как удалось установить, это сборник конца XVI—нач. XVII в. (ГБЛ, ф. 113, № 575, лл. 9 об.—10 об.). См.: П. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожева и Пафиутиева-Боровского. Сообщил архим. Леонид. СПб., 1891, стр. 142—143, № 321; Иосиф. Опись рукописей, стр. 228, № 187 (575). Впрочем, М. П. Погодин пользовался не Волоколамскими списками, а копиями их, снятыми под наблюдением П. М. Строева для Н. П. Румянцева и в настоящее время хранящимися в ГБЛ, ф. 256, № 34, лл. 42—43 об. (см.: А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей, стр. 39, № XXXIV). Всеми своими сведениями об «Азбучной молитве» первый ее издатель был обязан А. Х. Востокову (см.: И. Добровский. Кирилл и Мефодий, стр. VI, 151). У Востокова эти рукописи даны под монастырскими номерами, которые были впоследствии изменены, поэтому сами сборники оставались по существу неизвестными исследователям «Азбучной молитвы».

¹¹ См.: В. М. Ундольский. Замечания для истории церковного пения в России. — ЧОИДР, М., 1846, № 3, отд. 1, стр. 46.

¹² См. снимок: Н. Каринский. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам, ч. 1. СПб., 1904, стр. 104—105.

Синодальный список (Сн) особенно заинтересовал ученых, поэтому многократно издавался.¹³ Находкой этого списка собственно и начинается история изучения «Азбучной молитвы».

В 1875 г. архим. Амфилохий в числе других «толковых азбук» обнаружил акростих еп. Константина по сборнику XV—XVI в.¹⁴ Текст молитвы, занимающий лл. 137 об.—138, заметно испорчен: переписчик был явно не силен в грамоте.

В конце прошлого же столетия И. Франко и Антонием Вадковским были найдены еще три списка «Азбучной молитвы». Текст, найденный И. Франко (Кр), помещен в толковой палее XVI в., принадлежавшей Креховскому монастырю в Восточной Галиции.¹⁵ Он близок к тексту в Хронографе 1494 г. и читается, как и этот последний, в статье «О грамоте». Два других списка, обнаруженных Антонием, составляли некогда собственность монастырской библиотеки на Соловках и приписаны к «Толковому евангелию» Филофея.¹⁶

В 1960 г. я обратил внимание исследователей на четыре списка стихотворения, которые до тех пор по существу оставались вне поля зрения ученых, занимавшихся изучением «Азбучной молитвы».¹⁷ Это, во-первых, список из рукописи 1517 г., изготовленной попом Константином в Пскове (К);¹⁸ во-вторых, список в сборнике XVI в., содержащем разные молитвы, каноны, пасхальные таблицы и прочее, из собрания В. М. Ундольского (Ун);¹⁹ в-третьих, Троицкий XVI в. (Т). Почти идентичен двум Соловецким и составляет приложение к Филофееву евангелию;²⁰

¹³ Подробные указания на публикации «Азбучной молитвы» как по Сн, так и по другим спискам даны в статье: К. Куев. Към въпроса за авторството на Азбучната молитва. — Славистични студии. Сборник по случай V Международен славистичен конгрес в София. София, 1963, стр. 332—334.

¹⁴ Амфилохий, архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки с приложением снимков со всех пергаменных рукописей и некоторых писанных на бумаге. М., 1875, стр. 140. Ныне сборник в ГИМе, Воскр., № 103.

¹⁵ Нынешнее местонахождение ее неизвестно. «Азбучная молитва» по Кр напечатана Ив. Франко дважды: в его книге «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури» (т. 1, Львів, 1896, стр. LV—LV1) и в статье «Kleine Beiträge zur Geschichte der kirchenslavischen Literatur» (Archiv für slawische Philologie, Bd. 35, 1913, SS. 159—160).

¹⁶ ГПБ, Сол., № 157 (лл. 11 об.—12) и № 158 (лл. 219 об.—220 об.). Оба XVI в. По Сол., № 157 (С₁) Антоний публиковал молитву неоднократно в своем труде о еп. Константине, в частности в кн.: Антоний. Из истории христианской проповеди. СПб., 1892, стр. 173; 2-е изд., 1895, стр. 161; Сол., № 158 (С₂) пока не издан. О рукописях см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. 1. Казань, 1881, стр. 698—703.

¹⁷ Э. Г. Зыков. К вопросу об авторе «Азбучной молитвы», стр. 176—177.

¹⁸ О ней писал в свое время О. Бодянский (О времени происхождения славянских письмен. М., 1855, стр. 93): «Палая эта (рукопись озаглавлена: «Сиа книга нарицаемая Палая толковая», — Э. З.) составляет просто-напросто противень с так названного Хронографа, писанного дяком с Дубкова». Ныне в ГБЛ, собр. Ундольского (ф. 310), № 719. Молитва — на лл. 811 об.—812. Не издан.

¹⁹ Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, М., 1870, стр. 98—99, № 66. Ныне в ГБЛ, ф. 310, № 66, лл. 98 об.—100. Опубликован (с ошибками, с пропуском одного стиха) К. Куевым в статье «Към въпроса за авторството на Азбучната молитва» (стр. 334—336).

²⁰ ГБЛ, ф. 304, № 103, л. 533—534. О рукописи см.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 1. М., 1878, стр. 81—82. Не опубликован. Впрочем, на этот список ссылалась несколько раньше и В. И. Лукьяненко. См.: В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря. (Роль и значение азбучного акростиха в процессе обучения русской грамоте в XIV, XV и первой половине XVI в.). — Труды Ленингр. библиот. инст. им. Н. К. Крупской, т. IV, Л., 1958, стр. 245, прим. 2 и стр. 246. Ей же принадлежит и первое указание на список из собр. ОИДР, № 192 (см. далее), однако шифр рукописи назван неверный (там же, стр. 245, прим. 2 и стр. 246, прим. 3).

наконец, список из Хронографа XVII в. в собрании Н. П. Румянцева (Р).²¹

В настоящее время этот перечень может быть значительно пополнен. Ряд новых списков «Азбучной молитвы» указан недавно проф. Б. Ст. Ангеловым.²² Среди них: 1) список в сборнике XVI в., № 1294 из собрания Новгородской Софийской библиотеки (Сф);²³ 2) список в сборнике XVII в. из собр. ОЛДП, 0.244 (Д);²⁴ 3) список по неуточненной рукописи, «Криница», из которой сделаны 11 фотокопий, находящихся в собрании Вяземского, № F.131 (В₁);²⁵ 4) список XV в. в евангелии Филофея, № 55 из собрания А. С. Уварова (У₂);²⁶ 5) список в толковой псалтыри XVI в., БАН, Архангельское собр., Д. 24 (А).²⁷ Так как все эти сведения почерпнуты ученым, по-видимому, из печатных описаний (исключая список БАН), без непосредственного ознакомления с рукописями, они не совсем полны и содержат неточности. Так, например, в качестве списков «Азбучной молитвы» отмечены две ее русские переделки (ГИМ, собр. Уварова, №№ 778²⁸ и 859) и проч.

Другой болгарский исследователь К. Куев, помимо У₂, опубликовал текст «Азбучной молитвы» по спискам из собрания ОИДР (О),²⁹ Уваровскому, № 16 (У₁)³⁰ и двум — из собр. П. Д. Богданова.³¹

²¹ ГБЛ, ф. 256, № 456, л. 320, в статье «О грамоте». О рукописи см.: А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей, стр. 754—761, № CCCCLVI; ср.: Б. Ст. Ангелов. Неизвестен препис на Азбучната молитва, стр. 165. Не издан.

²² Там же, стр. 165—167.

²³ В ГПБ. Молитва приписана в конце рукописи 1525 г., содержащей «Паренесис» Ефрема Сирина, на л. 516—516 об. По свидетельству Б. Ст. Ангелова (там же, стр. 166), «хотя и неточно, этот список „Азбучной молитвы“ напечатан в г. „Максодонец“ (Русе, II, 1885, бр. 13, стр. 1)».

²⁴ В ГПБ. См.: Отчеты о заседаниях Общества любителей древней письменности в 1907—1910 году, № CLXXV, 1911, стр. 41. «Азбучная молитва» помещена на лл. 446 об.—447 об. рукописи («Торжественник») вместе с «предисловием», текст близок к У₂, Т, С₁ и С₂.

²⁵ Указанные 11 снимков (на кальке!) с рукописи XVI в. хранятся в ГПБ. См.: Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. СПб., 1902, стр. 133. Стихотворение помещено в статье «О грамоте».

²⁶ Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. 1. М., 1893, № 297 (55), стр. 273—277. «Азбучная молитва» — на л. 272—272 об.; за ней следует прозаическое «предисловие». Опубликована (без «предисловия») К. Куевым в статье «Неизвестны преписи от Азбучната молитва» (Език и литература, год XXIV, София, 1969, № 1, стр. 78—80).

²⁷ Напечатан Б. Ст. Ангеловым в статье «Неизвестен препис на Азбучната молитва» (стр. 167—168). Текст молитвы — в статье «О грамоте»; на лл. 234—243 — «Прение Кирилла философа з жыды», представляющее извлечение из пространного жития Кирилла-Константина. Рассказывается о крещении Руси при Владимире, о Корсунском походе и т. д.

²⁸ Как о списке «Азбучной молитвы» говорит о ней и В. И. Лукьяненко (К истории русского букваря, стр. 245, прим. 3), хотя и отмечает (там же, стр. 247), что этот список «представляет собой очень сложную и позднюю переработку древней редакции». Полагаем, однако, что здесь мы имеем дело по существу с новым произведением, хотя и возникшим на основе «Пролога о Христе».

²⁹ К. Куев. Неизвестны преписи от Азбучната молитва, стр. 74—76. Сохраняется в ГБЛ, ф. 205, № 192: сборник, состоящий из нескольких рукописей XVI в. в четверть, полууставом разных почерков. Молитва помещена на л. 61, в начале новой рукописи. Заголовок отсутствует. О самом сборнике см.: Библиотека Общества истории и древностей российских, 1. М., 1845, стр. 70—72.

³⁰ Там же, стр. 76—78. Находится в ГИМе. Рукопись представляет собой хронограф начала XVII в. (см.: Леонид. Систематическое описание, III. М., 1894, стр. 48—52, № 1363; о самой молитве упоминания нет). Молитва помещена на л. 681—681 об. в статье «О грамоте», ей предшествует «Прение Кирилла Философа з жыды», за ней следует рассказ о крещении Руси и т. д. Сходен с А.

³¹ Там же, стр. 83—86. Ныне в ГПБ, О. XVII, 40. Оба списка находятся в составе сборной рукописи XVII в., писанной скорописью и полууставом разных почерков,

Небезуспешными оказались и наши поиски, увеличившие общее количество обнаруженных списков «Азбучной молитвы» на пять единиц. Списки эти находятся в следующих рукописях:

1) Палея с прибавлениями, XVI в., из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря, № 551 (ГБЛ, ф. 113).³² Молитва (*И*₂) занимает л. 303—303 об., заголовок отсутствует. Помещена среди добавочных статей, среди которых «О письменех» Храбра, «Аз есмь всему миру свет». «Аз есмь начало и конец». «Аз есмь въскрес Христос» и др. Текст сходен с *И*₁.

2) Сборник смешанного содержания, по преимуществу патриотического, XVI в., из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, № 86/1163 (*Кб*). «Азбука Кирила философа» — на лл. 146 об.—147. Сохраняется в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.³³

3) Сборная рукопись XVI в. (конец) — XVII в. (первая четверть) в 16-ю долю листа, на 59 лл. (ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1301). Состоит из двух тетрадей (лл. 1—39 и 40—59). «Азбучная молитва» (*П*) занимает л. 1—1 об. Конец ее утрачен (по-видимому, из рукописи следующий лист вырван). За ней читаются: заключительные строки акростиха «Аз есмь всему миру свет» (1-я редакция по делению Н. С. Демковой и Н. Ф. Дробленковой),³⁴ «Аз есмь начало и конец», «Аз есмь всему миру свет» (1 ред.), «Аз есмь воскрес Христос» и другие тексты.

4) Сборник XVII в. в коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области, № 470 (623). Стихотворение (*Я*) на лл. 159 об.—161. В этой же рукописи читается так называемый Ярославский азбуковник («Аз к тебе припадаю, милостиве...».)³⁵ Список очень схож с волоколамскими, отмеченными выше, но в *И*₁ и *И*₂ два стиха случайно попали не на свое место.

5) Сборная рукопись XVIII в., в лист, скорописью разных почерков, 273 лл. (ГПБ, собр. П. П. Вяземского, Ф, 111).³⁶ На лл. 68—273 об. — космография. Молитва (*В*₂) помещена на л. 9—9 об. Список сходен (в том числе и по окружению «Азбучной молитвы») с *А*, *Б*₁ и *У*₁. Для буквенного ряда оставлено место (отмечено кружками), но буквы не проставлены.

Перечисленный выше материал — это лишь часть, причем, по-видимому, не самая большая, сохранившейся массы русских списков «Азбучной молитвы».³⁷ Однако и то, что уже добыто усилиями многих ис-

в восьмую часть листа, на лл. 72—73 об. (далее: *Б*₁) и 216 об.—218 (далее: *Б*₂). *Б*₁ сходен со списками *А* и *У*₁, а *Б*₂ — с *В*₁. О рукописи см.: И. А. Бычков. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова, вып. 1. СПб., 1891, стр. 184—186, № 119.

³² Иосиф. Опись рукописей, стр. 195—196, № 173 (551).

³³ См. машинописную «Опись библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря», стр. 395 (в рукописном отделе ГПБ).

³⁴ Н. С. Демкова и Н. Ф. Дробленкова. К изучению славянских азбучных стихов. — ТОДРА, XXIII. Л., 1968, стр. 27—61.

³⁵ В. В. Лукьянов. Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков. Ярославль, 1957, стр. 91—92.

³⁶ Описание рукописей кн. П. П. Вяземского, стр. 116—117.

³⁷ Отыскание новых ее копий во многом осложняется тем обстоятельством, что существующие научные описания древлехранилищ и отдельных их собраний (не говоря о том, что некоторые из них таковых не имеют) далеко не всегда в достаточной мере раскрывают состав тех или иных рукописей, содержат весьма неопределенные данные. Применительно к нашему случаю следует отметить, что составители описаний нередко ограничиваются, например, такого рода ссылками: «молитвы разные», «толковые азбуки», «азбука с толкованием», «Молитва (азбука) Кирилла Философа» и т. д. и т. п. За ничего не значащей заметкой «молитвы разные» порой скрывается акростих сп. Константина, а за многообещающей и волнующей формулой «Молитва Кирилла Философа» —

следователей, со всей определенностью подтверждает заявленную давно мысль о чрезвычайно широкой популярности рассматриваемого произведения в древней нашей письменности. Важно подчеркнуть также, что молитва читалась и переписывалась не в каком-либо отдельном районе, а распространилась по существу по всей русской территории.

Все известные списки «Азбучной молитвы» можно разделить на четыре группы, из коих одна представлена лишь Сн. Список Сн, как сказано, являясь древнейшим, одновременно содержит текст, наиболее близкий к первоначальному виду акростиха еп. Константина.³⁸ Однако и в нем по сравнению с авторским текстом наблюдаются существенные утраты: в ряде случаев из-за пропуска редуцированных, замены нестяженных форм прилагательных стяженными, перестановки слов нарушен стихотворный размер; помимо того, извращен смысл одного пассажа, которому придается особое значение при атрибуции произведения.³⁹

Вторую группу составляют списки У₂, Т, С₁, С₂, Д, И₁, И₂, И₃, Я, Сф, П. Главная их особенность заключается в следующем: 1) в отличие от всех остальных списков в них отсутствует стих на букву «з» («земля») и стих «И просить дары твои! прииди», а также переработан стих 30-й (по счету Сн, который здесь и впредь берем за исходный); 2) иначе, чем в Сн и в списках следующей — третьей — группы, звучит стих 8-й; 3) в перечисленных списках, как, впрочем, и в некоторых других, стихи отграничены (но не всегда) буквами в порядке их следования в кирилловском алфавите.

В третью группу входят списки Х, К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁. Их объединяет между собой в первую очередь то обстоятельство, что все они, исключая Кб, служат естественным продолжением статьи «О грамоте», представляющей краткое и не совсем удачное извлечение из «Ска-

какое-нибудь малоинтересное сочинение. Определить характер всех этих «азбук» и «молитв» без знания начальных их слов, естественно, невозможно. Просмотреть же огромное количество рукописей, в которых можно предполагать наличие стихотворения Константина Преславского, одному исследователю не под силу.

³⁸ Об авторском тексте «Азбучной молитвы» мы судим хотя на основе косвенных, но вполне надежных данных. Во-первых, составитель акростиха ориентировался на глаголический алфавит, что подтверждается рядом его особенностей. Среди них решающее значение имеют: 1) наличие двух стихов на нынешнее «з», отвечающих глаголическим «зело» (Ѹ) и «земля» (Ѹп); в старшей же кириллице употребляется только один значок — Ѹ; 2) помещение между стихами 11-м и 13-м стиха «Лѣтит бо нынѣ и словѣньско племѣ» (или скроее — «И лѣтъ ти...»), который мог попасть в молитву лишь как некая параллель глаголическому М; 3) то обстоятельство, что во всех сохранившихся списках «Азбучной молитвы» есть стих на м («мѣ сѣтворю евангельско слово»), но нет на ѣ. Это могло произойти при условии, что ее автор пользовался лишь одним значком для іа, «а» после смягченных и «ѣ», т. е. глаголическим А, и писал слово мѣк как АѸА. Во-вторых, распространенное мнение, что Константин нарушил порядок букв во второй части акростиха, по меньшей мере преждевременно, так как расположение букв в славянских азбуках, будь то в глаголице или кириллице, равно и их состав, на начальной стадии существования письменности у славян в точности нам неизвестен. Напротив, всестороннее изучение «Азбучной молитвы» и с этой стороны остается одной из первоочередных задач славистики, и ее решение может весьма уточнить и расширить существующие представления как о составе ранней глаголицы, так и о порядке букв в ней (см.: Н. Дурново. 1) Мысли и предположения о происхождении славянского языка и славянских алфавитов. — Byzantinoslavica, 1, Praha, 1929, стр. 48—85; 2) Мюнхенский алфавитарий. — Известия АН СССР, 1930, № 3, стр. 211—221).

³⁹ Стоян Стоянов. Бележки върху стиха «Летит нынѣ и словѣньско племѣ». — В кн.: Хляда и сто години славянска писменост, 863—1963. Сборник в чест на Кирил и Методий. София, 1963, стр. 165—170. Ср.: С. Н. Палаузов. Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852, стр. 111—112.

зания о письменех» черноризца Храбра.⁴⁰ Кроме того, эти списки утратили часть 12-го стиха,⁴¹ а *Кб*, *В₁*, *Б₂*, *А*, *Б₁*, *У₁* получили разграниченные стихов с помощью букв. В остальном они повторяют схему *Сн*, отличаясь от него (как и друг от друга) только отсутствием или, напротив, добавлением, заменой или перестановкой нескольких слов. Следует также заметить, что буквенные обозначения стихов в упомянутых списках не повторяют ни состава, ни порядка букв, проставленных в списках второй группы.⁴² Поэтому взаимозависимость между ними вовсе не обязательна. В списке *Кб* и родственных ему буквенные ряды могли явиться под рукой позднейших переписчиков «Азбучной молитвы» под влиянием многочисленных в русской письменности «азбук—границ», использовавшихся в учебных целях.

Оставшиеся списки — *Вс*, *О*, *Ун* — содержат текст, весьма испорченный переписчиками и порой затруднительный для понимания. Со списками второй группы их в какой-то мере роднит чтение стиха 8-го. В *Т* и родственных ему этот стих звучит так: «Зкло бо соуть оуспѣшнѣи к[ъ] жизни (вар. «оуспѣшникъ жизни»)». В *Вс*: «Зкло бо еси оуспѣшникъ жизни»; в *О*: «Слоба (из «Зкло бо», — Э. З.) есть успѣшникъ жизни». Это совпадение тем более трудно объяснимо, что во всем остальном эти списки сближаются с третьей группой. Так, в них есть стихи 9 и 11-й; отсутствует, но уже не частично, а полностью 12-й стих; в 30-м стихе улавливается первичное чтение⁴⁴ и т. д.

Наличный материал не дает возможности восстановить историю текста «Азбучной молитвы» в русской письменности во всех ее звеньях, но тем не менее позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, сопоставление списков показывает, что в отношении *Сн* и списков третьей группы в конечном итоге можно говорить о единой редакции, наиболее близкой с точки зрения состава и содержания стихотворения к первоначальному тексту. К ней тяготеют и списки *Вс*, *Ун*, *О*. Во-вторых, списки второй группы, весьма существенно отступив в трех случаях от первоначального текста, образуют самостоятельную редакцию.

⁴⁰ Кирилло-Белозерский список, как уже говорилось, находится в сборнике смешанного состава. «Азбучной молитве» предшествуют «Притчи о игицах и зверех», следуют же за ней грамматические статьи: «Лаодикийского послания азбука» и «Азбука из грамотикий».

⁴¹ В *Сн*:

.
И пресъть дары твои прияти.
Летникъ бо нѣнѣкъ и словѣнское племѣ.

В списках третьей группы: «И просит дары твоя прияти словенское (вар. «словенско») племѣ» (орфография унифицирована). В *Б₁* нет всего 12-го стиха.

⁴² В них нет ъ (перед 31-м стихом на «Имени...»); к стоит перед 32-м стихом на икк, тогда как в списках второй группы (кроме *Сф*, *П*) здесь имеем ѣ и т. д.

⁴³ В списке Ундольского этот стих абсолютно невразумителен: «Зкло бо существѣ не к жизни», но первичная основа его как будто та же, что в вышеназванных. Поэтому мы не можем согласиться с К. Кузовым, утверждающим, что «текст из собрания Ундольского — нечто среднее между первичным текстом Азбучной молитвы и подражаниями» (Към въпроса за авторството на Азбучната молитва, стр. 334). В данном списке лицо не целенаправленная сколько-нибудь переработка стихотворения, а непреднамеренное его искажение вследствие небрежности и невежества писца (или писцов). В нем 39 стихов из 40, но порядок их в одном месте спутан; стихи эги, за исключением одного (9), не содержат ничего необычного, кроме ошибок и порч.

⁴⁴ В *Вс*: «Шествую нынѣ и послѣдую учителю моему»; в *Ун*: «Шествую и не послѣдую учити имени твоему и дѣлом твоим послѣдую» (стихи 30—31). В *О* этот стих безнадежно испорчен, а 31-й вовсе выпал: «Щаствую учителю моему».

Эта редакция возникла, по нашему твердому убеждению, в результате транслитерации глаголического оригинала «Азбучной молитвы» в кириллицу и из стремления приспособить ее к иному алфавиту, нежели тот, на который ориентировался еп. Константин. В-третьих, эта вполне сознательная, но не во всем удачная переделка акростиха была произведена в ту пору, когда в кирилловской азбуке наличествовала лишь одна буква З.

Итак, при передаче оригинала или же одного из пошедших от него глаголических списков протограф первой редакции «Азбучной молитвы» вполне точно воспроизвел акростих еп. Константина, по крайней мере, что касается его содержания, порядка и количества стихов. Писец же протографа списков второй редакции проявил уже заметную самостоятельность. Он не довольствовался простым копированием текста стихотворения, но внес в него характерные изменения, которые, по нашему убеждению, полностью выдают тенденцию приспособить азбучный ряд молитвы к кирилловскому алфавиту, но в его ранней форме. Так как в старшей кириллице имелась лишь одна буква З (З, как известно, употреблялась первоначально только в цифровом значении и, подобно греческой коппе ζ, в алфавит не входила), то редактор без существенного ущерба для содержания произведения исключил стих «Закон твои и свѣт стъзам» (по Сн). Это повлекло за собой перестройку предыдущего стиха, так как выраженная в нем мысль становилась незаконченной.

Аналогичная причина вызвала и утрату 11-го стиха («И просить дары твои! прийти»). В автографе «Азбучной молитвы» было, по-видимому, три стиха на «И» — 10, 11 и 12-й, причем последний соответствовал глаголическому М. Однако в кирилловском алфавите этому М параллель отсутствовала, поэтому в одном из указанных стихов отпала необходимость. Естественно, что выбор правщика пал на такой стих, изъятие которого не требовало дополнительных переделок и оказывалось наименее ощутимым для произведения, т. е. на 11-й. В итоге весь пассаж приобрел предположительно следующий вид:

Зело во сѣтъ оуспѣшны къ жизни,
Иже иреть (ирѣтъ?) евангельска слога,
И лѣтъ ти во нѣмѣк, словѣнскѣ плема.

В отношении других стихов правщик «Азбучной молитвы» ограничился лишь тем, что проставил против них соответствующие буквы в порядке их следования в кириллице. Больше представлялось ему или лишним, или же было не по силам, так как вызвало бы коренную ломку стихотворения. Второе предположение, на наш взгляд, более вероятно, нежели первое. Редактор вынужден был, например, сохранить стих 26-й, хотя он и нарушал в новых условиях азбучный акростих. Этот стих, «лишив» его буквы, пришлось присоединить к предшествующему стиху, тем самым удлинив последний вдвое. Вызывает недоумение только одно обстоятельство — отсутствие в буквенном ряду знака Ъ. Однако оно может быть объяснено или тем, что книжник-редактор принадлежал «одноеровой» школе,⁴⁵ или же что в процессе переписки буквенный ряд претерпел перемены. Вполне допустимо, что в протографе второй редакции Ъ занимал место ꙗ (ЗЗ-е), а ꙗ — в свою очередь место Ъ

⁴⁵ Одноеровое кирилловское письмо зафиксировано в Болгарии уже в X в. См. подробно об употреблении только Ъ или Ь у Н. Вап-Вейка в «Истории старославянского языка» (М., 1957, стр. 135 и сл.). Только Ъ встречается в Эниском апостоле XI в. (К. Мирчев, Хр. Кодов. Ениски апостол. София, 1965, стр. 181—182).

(ср. Кб, Б₁, Б₂, У₁, А, где Ъ действительно на 32-м месте). Отсутствие же Ъ могло бы быть вызвано тем, что она воспринималась как комбинация двух букв: Ъ (Б) + И (І). Во всех списках второй редакции нет значка для «юса малого» (его место занимает «ld»), но это также позднейшее изменение, явившееся следствием совпадения в русском произношении старинного А и Іа.

Данные, которыми мы ныне располагаем, не дают возможности безоговорочно судить о том, когда и где — в Болгарии или на Руси — выполнена эта переделка «Азбучной молитвы». В какой-то мере точкой опоры в этом случае мог бы служить состав буквенного ряда, но, как говорилось выше, нет и не может быть уверенности, что в процессе переписки стихотворения он оставался неизменным. Тем не менее, очевидно, мимо его показаний проходить не следует. Наличие в этом ряду Ж во всех списках, кроме И₃,⁴⁶ при отсутствии стиха на S свидетельствует как будто в пользу того, что правка молитвы была предпринята не позже начала XII в. Ж, вытесненный из русского варианта кириллицы во второй половине указанного столетия, снова обрел права гражданства лишь в результате второго южнославянского влияния. Одновременно русские писцы начинают использовать «зъло» не только в цифровом, но и в буквенном значении. В письменности же болгар Ж употреблялся всегда, а S встречается в среднеболгарских памятниках начиная с середины XII в.

Был ли редактор акrostиха болгарским или же русским книжником? На этот вопрос пока, по-видимому, нельзя дать сколько-нибудь убедительного ответа. Обращает на себя внимание, однако, то обстоятельство, что в единственном уцелевшем до нового времени сербском списке молитва фигурировала как сочинение Константина Философа. Что касается русских ее копий, то упоминание в заголовке имени «Константин», но не «Кирилл» неизменно указывает на то, что исследователь имеет дело со 2-й редакцией произведения. Быть может, и сербский список, о котором, к сожалению, сохранилось так мало сведений, содержал текст «Азбучной молитвы» именно в этом виде. Если наше предположение не лишено оснований, то не следует ли думать, что рассматриваемая ее переделка произведена на болгарской почве?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже воспроизводится текст стихотворного вступления к «Учительному евангелию» отдельно по каждой из двух редакций. В качестве основного для первой редакции выбран Сн; для второй — Т, который сравнительно с остальными списками этой редакции отличается некоторыми преимуществами, прежде всего меньшим числом явных ошибок и искажений. У₂ древнее Т и несомненно восходит к единому для обоих протографу. Но Уваровская рукопись сохранилась не вполне удовлетворительно: местами прохудилась бумага, поэтому отдельные слова не читаются.

Орфография основных списков передана без каких-либо отступлений, сохранено и большинство графических особенностей. Титла раскрыты, при этом сокращенные написания раскрываются с учетом орфографии списков. Сделанные мною добавления заключены в круглые скобки, выносные буквы внесены в строку и выделены курсивом. Разночтения по другим спискам приводятся только смысловые или же языковые, фиксируются ошибки и опiski писцов, так как они порою свидетельствуют о взаимоотношениях списков. Замена нестяженных форм прилагательных Ся стяженными в других списках не оговаривается, ибо первые — признак только Сн. При совпадении чтений нескольких списков разночтения даются в орфографии того из них, который в сносках указан первым.

⁴⁶ Кстати, исключение Ж из буквенного ряда названного списка привело к весьма произвольной перестановке нескольких букв. Не подтверждает ли этот факт неперемного присутствия Ж в протографе 2-й редакции?

«ПРОЛОГ О ХРИСТЕ УМЕРЕН» ЕПИСКОПА КОНСТАНТИНА

(Первая редакция)

Основной текст:	ГИМ, Синодальное собрание, № 262	Сн
Разночтения:	ГБЛ, собр. Н. П. Румянцева (ф. 256), № 453	Х
	ГБЛ, собр. В. М. Ундольского (ф. 310), № 719	К
	ГБЛ, собр. Н. П. Румянцева (ф. 256), № 456	Р
	Креховская папая*	Кр
	ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 86/1163	Кб
	ГПБ, собр. П. П. Вяземского, ф. 131	В ₁
	ГПБ, собр. П. Д. Богданова, О. XVII, № 40 (ал. 216 об.—218)	В ₂
	БАН, Архангельское собр., д. 24	А
	ГПБ, собр. П. Д. Богданова, О. XVII, № 40 (ал. 72—73 об.)	Б ₁
	ГПБ, собр. П. П. Вяземского, ф. 111	В ₂
ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 16	У ₁	
ГИМ, собр. Воскресенского монастыря, № 103	Вс	
ГБЛ, собр. В. М. Ундольского (ф. 310), № 66	Ун	
ГБЛ, ОИДР (ф. 205), № 1. 192	О	

л. 2 I. 1 ПРОЛОГЪ О ХРИСТѢ ОУМѢРЕНЪ СЪКАЗАНИИ С (В)УТ(А)ГО ЕВАНГЕЛИИ,
СЪТВОРЕНЪ КОСТАНТИНѢМЪ ИМЪ ЖЕ И ПРѢКЛОЖЕНИЕЖЕ БЫСТЬ ТОГОЖДЕ СЪКА-
ЗАНИИ ЕВАНГЕЛЬСКАГО *

А^а Азъ³ словомъ симъ⁴ 5молю са⁶ б(ог)оу⁷:
 Б Б(о)же⁸ 9всѣмъ⁶ твари и¹⁰ зиждителяю¹¹
 В Видимымъ¹² 13и невидимымъ¹⁴,
 Г¹⁵ Г(оспод)а¹⁶ д(о)уха посла¹⁷ живоущаго¹⁸,
 Д Да вдыхнетъ¹⁹ 20 въ сръдце ми²¹ слово,
 22 Е Юже²³ боудеть²⁴ 25 на оуспѣхъ²⁶ всѣмъ²⁷
 Ж Живоущимъ²⁸ въ заповѣдхъ ти²⁹.
 З Сло³⁰ бо³¹ естъ³² свѣтильникъ³³ жизни
 34 Законъ твой³⁵ и³⁶ свѣтъ стъзамъ³⁷,
 И³⁸ Иже³⁹ ищеть ев(а)нгельска⁴⁰ слова⁴¹

* Местонахождение рукописи неизвестно. В качестве списка рассматривается издание текста у Ив. Франко (Archiv für slavische Philologie, XXXV, SS. 159—160).

^а Буквенный ряд по Кб, разночтения по В₁, В₂, А, Б₁, У₁, Вс, Ун, О.
^б В Ун приписано над строкой. ^в В К ева(н)г(е)льска надписано над строкой;
 в строке по подтертому соу евангельска, не зачеркнуто.

I. 1-2 Сиц(е) реч(е) с(ва)тый Кирилъ X, Кр, А, Б₁, В₂, У₁; Сице же реч(е) с(ва)-
 тый Кирилъ К, Р; (С)иц(е) реч(е) с(ва)тый Кирилъ В₁; И рече с(вя)тый Кирилъ Фило-
 софъ сице Б₂; Азбѣка Кірила Філософа Кб, Ун; нетъ Вс, О. ³⁻⁴ Сим словомъ X,
 К, Р, Кр, В₂; есмь словомъ своимъ О. ⁵⁻⁶ моля с(я) Б₂, Вс. ⁷ Доб. м(о)л(и)тва
 К (на поле тем же почерком), Р. ⁸ Б(о)жеа Ун; доб. ты В₁, Б₂. ⁹⁻¹¹ зиждителяю
 всеи твари Вс; зиждителяю, всеа твари съдѣтелю О. ¹⁰ Нетъ X, К, Р, Кр, Кб, В₁,
 Б₂, А, Б₁, В₂, У₁, Ун. ¹¹ зиждителяю X, Кр, Кб, В₁, А; съдѣтель Р; зиждитель Б₁, Ун.
¹² вид(и)маа X, О; видимымъ К, Р, Кр, Вс; видимымъ У₁. ¹³⁻¹⁴ Нетъ О.
¹⁴ невид(и)маа X; невидимымъ К, Р, Кр, Вс. ¹⁵⁻¹⁷ Самъ посла д(о)уха Р.
¹⁶ Г(оспод)на Кб, Ун. ¹⁷ послещи Вс, О. ¹⁸ живащаго Кр; животворяща(о) В₁;
 животворящаго Б₂; живущаго Б₁; нетъ О. ¹⁹ вдыхнетъ Р; воздохнетъ Б₁, Вс;
 едохнетъ Б₂. ²⁰⁻²¹ ми в сръдце X, К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, У₁, Ун; ми въ ср(ъ)-
 дци А, О; ми во ср(ъ)дци Б₁, В₂; ми ср(ъ)дце Вс. ²²⁻²³ И. Иже У₁. ²³ Естъ
 же Вс. ²⁴ бѣди А, Б₁, В₂, У₁. ²⁵⁻²⁶ во змѣ Б₂. ²⁶ спѣхъ А, Б₁, В₂, У₁. ²⁷ всех
 X, К, Вс. ²⁸ Живоущихъ X, К; живущимъ Кб; живуще В₁, Б₂; живущи Вс; живи-
 ща(о) О. ²⁹ твоихъ Кб, Б₂, О; моихъ Вс. ³⁰ ѿ. X, К, Р, Кр. ³⁰⁻³¹ Слоба О.
³² еси Вс; нетъ Ун. ³³ оуспѣшникъ Вс, О; сшествъ не к Ун. ³⁴⁻³⁵ Зиждитель
 мой Ун. ³⁶ Нетъ X, К, Р, Кр, Кб, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁, Вс, О. ³⁷ Доб. твщимъ Р;
 доб. моимъ Кр, Вс, Ун, О. ³⁸ I У₁. ³⁹ Нетъ О. ⁴⁰ ева(н)г(е)льскаго Р, Кб,
 А, У₁, Вс, Ун; ева(н)г(е)льско(о) Б₁, В₂, О. ⁴¹ словеса Кр; словеси А, Б₁,
 В₂, У₁, Вс; словесе О.

- I⁴² И⁴³ просить⁴⁴ дары⁴⁵ твои⁴⁶ прияти⁴⁷.
⁴⁸ Летить бо нынѣ и⁴⁹ словѣньско⁵⁰ племя.⁵¹
 л. 2 об. К Къ⁵² крещению⁵³ ⁵⁴ обра || тиша са⁵⁵ вьси⁵⁶
 Л Людие⁵⁷ твои⁵⁸ нареши са⁵⁹ хоташе.⁶⁰
 М Милости твои⁶¹, ⁶² б(о)же, просатъ зѣло.⁶³
 Н Нѣ⁶⁴ мнѣ нынѣ⁶⁵ прстрано⁶⁶ ⁶⁷ слово даждь,⁶⁸
 О О(т)ъче⁶⁹, с(т)ине и⁷⁰ прѣс(в)атнѣи⁷¹ д(о)уше.⁷²
 П Просащоуоумоу⁷³ помощи ѡт(ъ)⁷⁴ тебе.
 Р⁷⁵ Роуцѣ⁷⁶ бо⁷⁷ свои⁷⁸ горѣ⁷⁹ въздѣю⁸⁰ присно⁸¹
 С⁸² Силоу⁸³ прияти и⁸⁴ моудрость⁸⁵ оу⁸⁶ тебе.⁸⁷
⁸⁸ Т Тѣ бо даеши достоинь⁸⁹ силоу,⁹⁰
 Ѹ Упостась⁹¹ же⁹² всакоу⁹³ цѣлиши.⁹⁴
 Ф⁹⁵ Фараоша⁹⁶ ма⁹⁷ зѣлобы⁹⁸ избави,⁹⁹
 Х² Херовьскоу¹⁰⁰ п. 1 ми мысль² и оумъ⁴ даждь.³
 Ѡ О чьстнаѣ⁶ прѣс(в)атаѣ⁷ Троице,⁸
⁹ Печаль мою¹⁰ на радость прѣложи,¹¹
 Ц Цѣломоудрьно¹² да¹³ начьноу¹⁴ писати¹⁵
 Ч Чюдеса твои прѣдивнаѣ¹⁶ зѣло.¹⁷

• В У₁ X буквенного ряда и начальная буква первого слова стиха слиты Херувимьску.

- ⁴² И А, У₁, Вс; нет О. ⁴³ Нет Б₁, Вс. ⁴⁴ спросит Ун, О. ⁴⁵ дари К, ⁴⁶ своа Ун; доб; и А, В₂, У₁. ⁴⁷ Доб. икож(е) Б₂. ⁴⁸⁻⁴⁹ Нет Х, К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, В₂, У₁. ⁴⁸⁻⁵¹ Нет Б₁, Вс, Ун, О. ⁵⁰ словенское Х, К, В₂. ⁵² Нет В₂, У₁, Ун, О. ⁵³ истинѣ Б₂ доб. бо Х, К, Р, Кр, Кб, А, Б₁, В₂, У₁. ⁵⁴⁻⁵⁵ обратисте са Вс. ⁵⁴⁻⁵⁶ обраца всѣх Ун; обратитес всѣа О. ⁵⁷ Люди А, Б₁, В₂, У₁; людье Вс. ⁵⁸ твоа А, Б₁, В₂, У₁. ⁵⁹ Нет О. ⁶⁰ хоташа К, Р; хотѣ А, Б₁, В₂; хоте У₁. ⁶¹ твоа Кб, Ун; твоени А, Б₁, В₂, У₁; нет О. ⁶²⁻⁶³ хот(а)ше, б(о)же Х, К, Кр; хотѣши, б(о)же Р; просат, б(о)же Кб; просаше, б(о)же В₁, Б₂, В₂, Вс; просаши, б(о)же А, Б₁; б(о)же, присише У₁; хоташе прѣти зѣло Ун; просаше б(о)жѣа, даж О. ⁶⁴ На Х, О; доб; и Б₂, Вс. ⁶⁵ Нет А, Б₁, В₂, У₁. ⁶⁶ прстраннаго В₁, Б₂. ⁶⁷⁻⁶⁸ подаи же слави Р; подажь слово Кр; даж слово Кб, А, Б₁; даи же слова В₁; даждь слова Б₂; даждь слово В₂, У₁; даи же слово Вс; дах словѣ Ун. ⁶⁸ подаи ж(е) Х, К; нет О. ⁶⁹ О(т)ъцѣ⁷⁰; доб; и во всех списках. ⁷⁰ Нет Ун. ⁷¹ с(в)атем Х; с(в)атнѣи К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁, Вс, О. ⁷² д(о)ушѣ Х, К. ⁷³ Просаши Х; Просашемъ К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, Ун, О; Просаша А, Б₁, В₂, У₁; Просаши Вс. ⁷⁴ с О. ⁷⁵⁻⁸⁷ Нет Кр. ⁷⁶ Руци Х, О. ⁷⁷ Нет во всех списках, кроме Сн. ⁷⁸ мои Б₁, В₂, У₁; нет Вс. ⁷⁹ выпрь Х, К, Р, Кб, В₁, Б₂, А, В₂, У₁; к высотѣ Б₁; нет Вс, О; выпрьст Ун. ⁸⁰ въздѣв В₁; въздѣюши А, Б₁, В₂, У₁; предвоздѣи и Вс; здѣвающе Ун; исправи, д(ѣ)во О. ⁸¹ Нет У₁; всегда Ун. ⁸² Нет Б₁. ⁸³ Силь У₁. ⁸³⁻⁸⁵ И силу, мудрость прияти Вс; Силъ пр(ѣ)м(с)др(о)сти прѣт О. ⁸⁴ Нет В₁, Б₂, Ун. ⁸⁵ имать В₁, Б₂. ⁸⁶ ѡт все списки, кроме Сн. ⁸⁸⁻⁹⁰ Нет У₁. ⁸⁹ дос(го)инимъ Х, К, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, Вс, Ун, О. ⁹¹ Упостась Р; Упостас Б₂. ⁹¹⁻⁹² Оупосташе живу Вс; Пастас ж О. ⁹³ всакъ Кб, В₁, Б₂, Вс; нет А, Б₁, В₂, У₁; всѣ Ун; всѣк О. ⁹⁴ цѣлиши Х, К; исцелиши Р; цѣлиши Ун; цѣлешищѣ О. ⁹⁵ О О. ⁹⁶ Фараона Х, К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁, Вс; Фараона Ун, О. ⁹⁷ же Р. ⁹⁸ Нет О. ⁹⁸⁻⁹⁹ избави ялобы В₂. ⁹⁹ Доб. мя Р. ¹⁰⁰ Херувимьскѣю Х, Р, В₂, Ун; Херовимьскѣю К, Вс; Херувимску Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁; Херѣвим О.

П, 1-4 Нет О. 1-5 мысленъ ми подасъ Ун. 2 пѣснь Р. 2-4 мыслену ил Вс. 3-4 Нет А, Б₁, В₂, У₁. 5 даи ж(е) Х, Р, В₁, Б₂, Вс; даже К; даж Кб, О; дажде А; дарси У₁. 6 ч(ъ)ст(ъ)ннѣи Х; чьстнаѣ А, Б₁, В₂, У₁; доб. и Х, К (приписано над строкой), Р, Кр, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁. 6-7 преч(и)стѣи и прѣпѣтам и животворящѣмъ Вс. 6-8 вс(есв)ѣтнѣи (?) Троица О. 7 прес(в)ата Р; прес(в)ѣтнѣи А; пр(е)ч(и)стѣи Б₁; пр(ѣсв)ѣтнѣи В₂, У₁; нет Ун. 8 Троица А, Б₁, В₂, У₁. 9-10 Мою печал О. 9-11 Нет Ун. 11 предложѣи Х, К, О; преложѣи А. 12 Цѣломоудрено Вс. 13 Нет Кр, Б₂, Вс, Ун, О. 14 начнѣт О. 15 писат(и) Х, Кр; писати К, Р, Кб, В₁, Б₁, В₂, У₁, Вс, Ун; писати ти Б₂; пѣти О. 16 прѣдѣна А, Б₁, В₂, У₁, Ун, О. 17 ѣ. О.

¹⁸Ш ¹⁹Ш ²⁰Ш ²¹Ш ²²Ш ²³Ш ²⁴Ш ²⁵Ш ²⁶Ш
²⁷Ш ²⁸Ш ²⁹Ш ³⁰Ш ³¹Ш ³²Ш ³³Ш ³⁴Ш ³⁵Ш ³⁶Ш ³⁷Ш ³⁸Ш ³⁹Ш ⁴⁰Ш
⁴¹Ш ⁴²Ш ⁴³Ш ⁴⁴Ш ⁴⁵Ш ⁴⁶Ш ⁴⁷Ш ⁴⁸Ш ⁴⁹Ш ⁵⁰Ш ⁵¹Ш ⁵²Ш ⁵³Ш ⁵⁴Ш ⁵⁵Ш ⁵⁶Ш ⁵⁷Ш
⁵⁸Ш ⁵⁹Ш ⁶⁰Ш ⁶¹Ш ⁶²Ш ⁶³Ш ⁶⁴Ш ⁶⁵Ш
⁶⁶Ш ⁶⁷Ш ⁶⁸Ш ⁶⁹Ш ⁷⁰Ш ⁷¹Ш ⁷²Ш ⁷³Ш

„ПРОЛОГ О ХРИСТЕ УМЕРЕН“

(Вторая редакция)

Основной текст:	ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), № 103	T
Разпочтения:	ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 55	У ₂
	ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 157	С ₁
	ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 158	С ₂
	ГПБ, собр. ОЛДП, 0.244	Д
	ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113), № 573	И ₁
	ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113), № 551	И ₂

а В К над строкой — сѣа(и)г(е)лское; в строке сѣаваньское, не зачеркнуто.
 * Буквы, заключенные в квадратные скобки, добавлены: Ю в Ун, Е и ѿ в Б₂.
 * На этом Вс кончается.

¹⁸⁻²⁰ Нет А, Б₁, В₂, У₁. ¹⁹ Шестокрылатых Х, Р, Кр; Шестокрылатых К, Кб, В₁, В₂; Шестокрылат Ун; Шестокрылатых О; Шестокрылатых же Б₂. ²⁰ прѣим Х, К, Кр; приемъ Р, О; восприемъ В₁, Б₂; восприати В₂. ²¹ Ш А, Б₁, У₁; нет О; доб. И В₁. ²² Шествѣю Х, К, Р, Кр; Шествѣа Кб, А, Б₁, В₂, У₁. ²²⁻²⁶ Шед-рого б(о)га в'слѣд иду и шестъ вѣю сч(и)л(е)ля моего Б₂; Шасвѣю сч(и)л(е)лю моею О. ²²⁻³⁰ Шествѣа і не послѣдѣа оучити имени твою и дѣлом твоим Ун. ²³ Нет Х, К, Кр, Кб, В₁, А, Б₁, В₂, У₁. ²³⁻²⁵ Нет Р. ²¹⁻²⁶ послѣдѣю оуч(и)л(е)ля моего А, Б₁, В₂; и послѣдѣю оуч(и)л(е)лю моему В₂. ²⁶ оуч(и)л(е)ля моего Х, К, Р, Кр, Кб, В₁, У₁. ²⁷⁻²⁸ Нет В₁. ²⁷⁻³¹ Нет Б₂. ²⁷⁻⁴⁵ Нет О. ²⁸ ег(о) Х, К, Р, Кр, Кб, А, Б₁, В₂; нет У₁, В₂. ²⁹ Нет А, Б₁, В₂. ³¹ послѣдѣя Р; послѣдѣю его В₁; послѣдѣю Б₁. ³² ѿ В₁; нет В₂. ³²⁻³⁵ Нет Ун. ³³ створѣ К; твѣрю Р. ³⁴ ед(и)л(е)лское Х, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁, В₂. ³⁶ Нет В₂. ³⁷ воладо А, Б₁, У₁, Ун; ѿ. Воздам В₂; доб. пр(е)с(ва)тѣи Х, К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, В₂; доб. преч(и)стеи Б₁. ³⁷⁻³⁸ пресв(ѣ)тѣи б(огоро)д(и)цы и Троицы У₁. ³⁸ Тр(о)ице Р, Б₂, Ун; Тр(о)ицы Б₁, В₂. ³⁹ Доб. едином Х, К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁. ⁴⁰ б(о)ж(е)ственѣ Ун. ⁴¹ Нет В₁, Ун; Ю Б₂, А, Б₁, У₁, В₂. ⁴² Б(о)же В₂; Иже Ун. ⁴³ поют Б₂. ⁴³⁻⁴⁵ поютъ агг(е)ли и всакъ возрастъ А, Б₁, У₁; поютъ ангѣли и всякъ возрастъ В₂. ⁴⁴ всакъ Х, Кр; всакъ К (ъ переделано из а), Р, Кб, В₁, Б₂, В₂, В₂, Ун. ⁴⁵ възрастъ Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, В₂, В₂, Ун. ⁴⁶ Нет В₁; ѿ, Б₂, В₂, Ун. ⁴⁶⁻⁵¹ Нет А, Б₁, В₂, У₁. ⁴⁷ Оушии В₂. ⁴⁸ Нет Ун. ⁴⁹ старын В₂. ⁵⁰ с твоим Х, К, Кр; нет Р. ⁵⁰⁻⁵¹ Нет О. ⁵¹ Вставлено Ю. Шѣвѣ сѣтворю и ега(и)л(е)лское слово. Печалъ мою на радость преложи Ун. ⁵² Ш Б₂, Б₂; нет Ун. ⁵³ Изъучно Ун. ⁵⁴ Нет Б₂, Ун. ⁵⁴⁻⁵⁶ тебѣ въздаю О. ⁵⁵ в хвалу Р; хвалѣ У₁. ⁵⁷ Нет Х, К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁, О. ⁵⁸ ѿтца и Ун; доб. и Х, К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁, В₂. ⁵⁸⁻⁶⁴ Нет О. ⁵⁹ с(ва)л(о)моу Х, К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁, В₂; всес(ва)л(о)мѣ Ун. ⁶⁰⁻⁶¹ Нет В₂, Б₁, У₁. ⁶¹ Нет Х, Кр. ⁶²⁻⁶³ Нет Х, К, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁. ⁶²⁻⁶⁵ Нет Р. ⁶⁵ славѣ Б₁. ⁶⁶⁻⁷³ І и(и)лѣ и пр(и)сно і в вѣкы вѣком О. ⁶⁷ твары К. ⁶⁸ Нет Кб, Ун. ⁶⁹ дыхая Р; дыханье В₂, Ун. ⁷⁰ непребредимы Х; непребредомыа К, Кр; непрвхдимыа Р, Кб, В₁; нѣпрѣбредомыа А, Б₁, В₂; непродобродомыа Б₂; непробрдимыа У₁. ⁷¹⁻⁷² Нет Х, К, Р, Кр, Кб, В₁, Б₂, А, Б₁, В₂, У₁, Ун. ⁷³ Доб. а по-греческии аришь Ун.

ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113), № 575	И ₃
Собр. рукописей Государственного архива Ярославской об- ласти, № 470 (623)	Я
ГПБ, собр. Новгородской Софийской библиотеки, № 1294	Сф
ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1301	П

- л. 533 I, 1 ПРЕЛОГЪ ² ѡ ХРИСТѢ ОУМЪРЕНЬ; СКАЗАНІЕ С(В)АТ(А)ГО ЕВА(Н)ГЕЛЪА,³
СЪТВОРЕНО ⁴ КОНСТАНТИНОМЪ,⁵ ИЖЕ ⁶ И ПРЕЛОЖИ ⁷ СКАЗАНІЕ СЕ .Н. (50)
ЕВА(Н)Г(Е)ЛИИ НЕД(Е)ЛНЫХ. ⁸ МОЛ(И)ТВА КОН'СТАНИНА ⁹ ФІЛОСОФА,¹⁰ ¹¹ СЪТВО-
РЕНА АЗБОУКОЮ ¹²

- А Азъ словомъ симъ ¹³ молю сѧ б(о)гоу:
Б Б(о)же, всеи ¹⁴ твари зижителю ¹⁵
В Видимыѧ и невидимыѧ,^{а, 16}
Г Господна д(оу)ха послѧ живоущаго.
л. 533 об. Д Да вдохнетъ въ ¹⁷ ср(ь)д(ь)це ¹⁸ || мое ¹⁹ слово, ²⁰
Е Еже боудетъ на оустпѣхъ ²¹ в'сѣмъ ²²
Ж Живоущимъ ²³ въ заповѣдехъ твоихъ.
З Зѡло ²⁴ бо соуть ²⁵ оустпѣшни к ²⁶ жизни,
И Иже ищеть ²⁷ ег(ан)г(е)л'ска ²⁸ слова, ²⁹
І И ³⁰ лѣтъ ти ³¹ бо н(ы)на ³², словѣньско ³³ плема.
К Къ ³⁴ кр(ь)щенію^{б, 35} ѡбратиша с(ѧ) вси
Л Людіе твои нареци сѧ хоташе, ³⁶
М М(и)л(о)сти твоеѧ, ³⁷ б(о)же, ³⁸ просать зѣло, ³⁹
Н Но мнѣ нына ⁴⁰ простран'но слово ⁴¹ даи же, ⁴²
О ⁴³ Ѡ(т)ъче и ^{43а} с(ы)не и ⁴⁴ всес(в)атыи ⁴⁵ д(оу)ше,
П Просашемоу пищоу ⁴⁶ оу ⁴⁷ тебѣ.
Р Роуцѣ ⁴⁸ свои выспрь въздѣю ⁴⁹ пр(и)сно
С Силоу прѣати и м(оу)др(о)сть ѡт тебе.
⁵⁰ Т Ты бо даеши достоинимъ ⁵¹ силоу,
У Оупостасъ ⁵² же в'сю ⁵³ цѣлиши.^в
Ф ⁵⁴ Фараона ⁵⁵ м.л злобы ⁵⁶ из'бави, ⁵⁷
Х Хероувим'скоу ⁵⁸ ми мысль ⁵⁹ и оумъ ⁶⁰ подажь. ⁶¹
Ѡ Ѡ ч(е)стнаѧ и всес(в)атаѧ ⁶² Тро(и)це, ⁶³

^а Испр., в ркп, Т невидимыѧ. ^б В У₂ на этом месте ркп. прохудилась, сохранилось только еію. ^в В У₂ на месте второй буквы этого слова ркп. прохудилась.

1, 1-8 Нет И₃, Я, Сф, П. 1-12 Нет И₁, И₂. 2 Прилогъ С₁, С₂. 3 ева(н)г(е)-
лѧ У₂, С₁, С₂, Д. 4 сътворенъ У₂, Д. 5 Константиномъ Д. 6-7 приложи С₂, Д.
9 Костынтина И₃, П. 10 Философа И₃. 11-12 Нет П. 13 си И₃, Я; нет П.
14 всеѧ С₁, С₂, И₁, И₂. 15 содѣло С₂; зижителю Сф; содѣтелю П. 16 невидѣ-
мыѧ П. 17 Нет С₂. 18 ср(ь)дци И₁, И₃. 19 моемъ И₁, И₂. 20 слово И₃.
21 оустѣхъ С₂, И₂. 22 всѣхъ И₂. 23 Живѣщихъ Я; живѣщи Сф. 24 зѡло И₂.
25-26 испѣшникъ И₂, Сф. 27 хошетъ Сф. 28 ег(ан)г(е)л'скаѧ С₂, И₁, Сф, П;
ег(ан)г(е)л'скаѧ И₂; еганг(е)л'скаѧ И₃. 29 словеса С₂, И₁, И₂, Сф, П. 30-31 лѣтитъ
И₃, Я. 31 Нет Сф. 32 н(ы)нѣ С₁, С₂, Д, И₁, И₂, Сж, П; с(ы)не И₃, Я.
33 славенско И₃, Я; словенское Д. 34 Како П. 35 вознесенію И₁, И₂, П.
36 хоташе И₃, Я; хоташа П. 37 твоя С₂, Я. 38 Нет И₃, Я, Сф. 39 зѡло И₂.
40 н(ы)нѣ С₁, С₂, Д, И₁, И₂, И₃, Я, Сф, П. 41-42 даждъ С₁, Я; даждъ Д. 43 Нет
Сф. 43а Нет И₃ 44 Нет И₃, Я. 45 с(в)а)тыи С₂. 46 пища У₂, Д, И₃, Я, Сф.
47 ѡт Сф. 48 Руцы П. 49 воздежъ Я. 50-57 Перестановка ОУ. Оупостасъ же всю
цѣлиши. Ф. Фараона м.л злобы избави. Т. Ты бо подаеши достоинимъ силѧ И₁, И₂.
51 достоинимъ И₃. 52 Оупостасъ С₂. 53 все И₃, Я. 54 Нет Д. 55 Фараона Д;
Фараона Я. 56 злоб Сф. 57 Доб. мя П. 58 Херѡвимскыи Сф; Херѡвимски П.
59-60 Нет С₂. 61 подажь С₁, И₃, Я, Сф; подаи же С₂, Д, И₁, И₂, П. 62 с(в)а)-
таѧ С₂. 63 Тро(и)ца И₃.

Печаль мою на⁶⁴ радость преложи,
 Ц Цѣломудрено начноу писати
 65 Ч Чюдеса твоя⁶⁶ предивнаа.⁶⁷
 Ш Шестокриль⁶⁸ силоу въс'приимь,⁶⁹
 Щ⁷⁰ Шествие⁷¹ твора,⁷² послужь⁷³ оучителю.⁷⁴
 Ъ⁷⁵ Имені⁷⁶ его и⁷⁷ дѣлоу⁷⁸ последѣа,
 Ы⁷⁹ 80 Ивъ сътворю⁸¹ ева(н)л'ское слово.
 Ъ⁸² И⁸³ хвалоу въздаю Тро(и)ци⁸⁴ въ⁸⁵ б(о)ж(е)ствѣ.⁸⁶
 Ю⁸⁷ Юже поет въсакъ възрасть,¹
 Я⁸⁸ Юнь и⁸⁹ старь своимъ разоумомъ.
 И⁹⁰ Изыкъ новъ хвалоу въздаа⁹¹ пр(и)сно²
 (ѡ)тъщѣ и с(ы)нѣ и в'сес(ва)т(о)моу⁹² д(о)ухоу.
 л. 534 Емѣ || же честь и дрѣжава и^{92а} слава
 (ѡ)т всеа твари и дыханіа
 Въ в'са вѣкы⁹³ 94 и на вѣкы.⁹⁵ Аминь.^{е, 96 *}

1 На этом список П обрывается. 2 В И₁ буквенный ряд продолжен за счет повторения ш. е В У₂ бумага на месте двух последних букв пропущена.

64 в И₁, И₂. 65-67 Нет И₂. 66 твора С₂. 68 Шестокриль И₁, Я; Шестикрил П.
 69 въсприем С₁, И₁, И₂, П; въсприимѣ Д. 70 Нет Сф. 71 Шествіе И₁; Шествіе
 се И₂; Шествіа И₃, Я; Щедро П. 72 твора Я. 73 послѣжи И₃, Я, П; послѣжѣ Сф.
 74 оуч(и)т(е)ль И₁, И₂. 75 Щ Сф. 76 Имѣнню С₂; Имѣнне И₁, И₂. 77 Нет И₃, Я.
 78 дѣлоу И₃; дѣ. Сф. 79 И Сф, П. 80-81 Иви сътвори Сф. 82 Ъ И₃. 82-86 Нет И₂.
 83 Нет И₁, П. 84 Тро(и)цы С₂, Я, П. 85 Нет И₃, Я. 87 Ъ И₃. 88 Ю И₃.
 89 Нет И₃, Я. 90 Нет Сф. 91 въздаю Д. 92 с(ва)т(о)мѣ И₁, Я, Сф. 92а Нет
 И₃, Я. 93 вѣкы С₂, Я. 94-96 Нет Сф. 95 вѣкы С₂.

* После того как предлагаемая работа была сдана в печать, появилась статья К. Ивановой-Константиновой «Нови данни за разпространението на Азбучната молитва в средновековна руска книжнина» (Език и литература, год XXV, София, 1970, № 6, стр. 63—79), в которой названы (а частью и опубликованы) еще семь списков акростиха. Однако эти списки не содержат в себе ничего такого, что поколебало бы наши выводы относительно истории текста молитвы. См. также: К. Куев, Разпространение и сегашно местонахождение на Азбучната молитва. — В кн.: Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му. София, 1969, стр. 281—308.

Р. МАТЬЕСЕН

Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха*

Современные исследователи считают Владимира Мономаха автором следующих произведений: «Поучения», «Автобиографии», «Письма князю Олегу Святославичу» и «Молитвы». Текст этих произведений сохранился только в одной рукописи: в Лаврентьевском списке 1377 г. Лаврентьевской летописи. Перечисленные произведения идут в этой рукописи одно за другим в указанной выше последовательности. «Поучение» начинается несколько выше одной трети левого столбца л. 78, а «Молитва» кончается немного ниже середины левого столбца л. 85. Весь текст был небрежно вставлен как единое целое в летописную статью 1096 г., где он разделяет на две части рассказ о происхождении половцев. Та же статья о половцах (без вставки, разумеется) находится в нескольких других списках летописей.¹

Начало и конец текста поэтому очевидны, и Лаврентий правильно выделил их красной строкой. Граница между «Молитвой» и другими произведениями, хотя и не отмечена Лаврентием, также достаточно ясна.² Деления остальной части текста, приписываемого Владимиру Мономаху, довольно проблематичны, но в связи с рассматриваемым нами вопросом они нас сейчас не интересуют.

«Поучение», «Автобиография» и «Письмо» принадлежат Владимиру Мономаху. «Молитва» приписывается ему только потому, что она была вставлена в летописную статью вместе с другими произведениями, которые ему несомненно принадлежат.

* Перевод с английского Т. Н. Михельсон. Одновременно статья печатается в «Ricerche slavistiche» (Roma), t. 16.

¹ Я пользуюсь дипломатическим изданием этой рукописи: ПСРА, т. I, вып. 1—2, Л., 1926—1927; фототипическое переиздание: М., 1962. (Текст подготовлен Е. Ф. Карским). Произведения Владимира Мономаха находятся на столбцах 240—256 этого издания («Молитва» на столбцах 255—256). Рассказ о происхождении половцев с указанием того, куда переставлены в издании произведения Мономаха, находится на столбцах 234—236. Немногие поправки, которые я сделал в тексте Карского, отмечены знаками: <> — конъектурные дополнения, [] — конъектурные сокращения. Заглавные буквы и пунктуация даны соответственно с современными нормами правописания, выносные буквы вставлены в строку, титла раскрыты, и устранено различие между одинаково звучащими буквами.

² С красной строки у Лаврентия начинается то предложение, которое обычно считается последним предложением «Письма»: «На страшнѣи при бе-суперник обличаюся и прочее». Насколько я знаю, только Н. В. Шляков пытался защитить деление Лаврентия. См.: Н. Шляков. О поучении Владимира Мономаха. — ЖМНП, 1900, ч. СССXXIX, № 5, стр. 96—138, № 6, стр. 209—258; ч. СССXXX, № 7, стр. 1—21 (ср. стр. 230 и сл.).

Давно известно, что по крайней мере две трети «Молитвы» представляют собой не что иное, как следующие друг за другом выдержки из иных произведений. Легко опознать девять отрывков из тех или иных молитв великопостных или подготовительных к великому посту служб православной церкви.

По крайней мере две первые выдержки, по-видимому, приведены из текстов, которые по традиции выучивались православными детьми наизусть. Последняя часть молитвы состоит из ряда хорошо известных формул, употребляемых в конце молитв и служб.³

Вот текст «Молитвы» (разделенный для удобства на четырнадцать частей) и источники девяти частей:

Молитва

Источники

1. Премудрости наставниче,
и смыслу давче,
несмысленным казателю
и нищим заступниче,
утверди в разумѣ
мое сердце владыко:
ты даждь ми
слово отче,
се бо устама моима

не възбрани
впити ти:
милостиве,
помилуй падшаго.

2. Упованье мое богъ,
прибѣжище мое Христось,
покровъ мой святый духъ.

3. Надеже и покрове мой,
не презри мене благая,
тебе бо имуще помощницю
в печали и в болѣзни
и от злыхъ всѣхъ,
и тебе славлю прещѣтая.

4. И разумѣйте, и видите,
яко азъ есмь Богъ,
испытая сердца,
и свѣдѣны мысли,
обличая дѣла,
опаляя грѣхы,

Премудрости наставниче,
смысла подателю,
немудрыхъ наказателю,
и нищихъ защитителю,
утверди, вразуми
сердце мое владыко:
ты даждь ми
слово, отче слово,
се бо устнѣ мои

не възбрано,
во еже звати тебѣ:
милостиве,
помилуй мя падшаго.⁴

Упование мое отецъ,
прибѣжище мое сынъ,
покровъ мой духъ святый:
Троице святая, слава тебѣ.⁵

Разумѣйте, и видите,
яко азъ есмь богъ,
испытая сердца,
и умучая мысли,
обличая дѣлния,
и опаляя грѣхы,

³ Все, кроме одной из этих выдержек, были правильно указаны Н. Шляковым (стр. 230—234 статьи, приведенной в предыдущей сноске). Я привожу источники из «Великого сборника в трех частях, часть третья из Триоди постной» (2-е изд. Монастырь св. Троицы, Джорданвилл, Нью-Йорк, 1956). Это издание будет далее обозначаться *ТР*. Тексты эти относятся к послениконовскому времени. К сожалению, я не располагаю более ранними вариантами. Цитаты из *ТР* приводятся согласно нормам современной орфографии, как и цитаты из издания Карского Лаврентьевской летописи. Греческие оригиналы этих церковнославянских текстов по большей части находятся в *Μεγας και ιερος συνελκτικος ορθοδοξου χριστιανου* (Афины, 1961); это издание будет обозначаться в дальнейшем *S*.

⁴ *ТР*, стр. 73, ср. *S*, стр. 833; кондак утрени сыропустной недели, который также встречается в некоторых славяно-русских букварях (ср.: Roman Jakobson and William A. Jackson, Iwan Fedorov's Primer of 1574. — Harvard Library Bulletin, 1955, IX, pp. 5—45, esp. 25).

⁵ *ТР*, стр. 126; ср. *S*, стр. 30; Молитва Иоанникия, которая читается в конце великого повечерия в понедельник после сыропустного воскресенья и также включается в одну из известных ежедневных молитв «на сон грядущим».

- судая сиротѣ,
и убогу, и нищю.
5. Всклонися душе моя!
и дѣла свои
помысли,
яже здѣя
предъ очи свои принеси,
и капля испусти
слезъ своихъ:
и повѣжь явѣ
дѣянья и вся мысли
Христу, и очистися.
6. Андрѣа честный,
отче треблаженный,
пастуше критскый,
не престаи моляся
за ны чтущая тя:
да избудемъ вси
гнѣва и печали,
и тля,
грѣха и бѣдъ же,
чтуще память твою вѣрно.
7. Градъ свои схрани,
Дѣвице мати
чистая,
иже о тебѣ вѣрно
царствуетъ,
да тобою крѣпимся,
и тобѣ ся надѣемъ,
побѣждаемъ вся брани,
испромѣтаетъ противныя,
и творить послушенье.⁹
8. О препѣтая мати,
рождшая всѣхъ святыхъ
пресвятаго слова,
приимши нынѣшнее
послушанье,
от всякия напасти
заступи,
и грядущия муки,
к тебѣ вопыющихъ.
9. Молимъ ти ся раби твои,
и прекланяемъ си
колѣни сердца нашего:
приклони ухо твое чистая,
и спаси ны в скорбехъ
погружающася присно,
и соблюди от всяког(о)
плѣненья вражья
твой градъ Богородице.
- и судаяи сиру,
и смирену, и нищю.⁶
Воспряни о душе моя!
дѣянїя твоя,
яже содѣлала еси
помышляй, и сия
предъ лице твое принеси,
и капли испусти
слезъ твоихъ:
рцы со дерзновениемъ
дѣянїя и помышления
Христу, и оправдайся.⁷
Андрее честный,
и отче треблаженѣйшїй,
пастырю критскїй,
не престаи моляся
о воспѣвающихъ тя:
да избавимся вси
гнѣва и скорби,
и тлѣнїя,
и прегрѣшений безмѣрныхъ,
чтущїи твою память вѣрно.⁸
Градъ твой сохраний,
Богородительнице
пречистая:
въ тебѣ бо сей вѣрно
царствуй,
въ тебѣ и утверждается:
и тобою побѣждай,
побѣждаетъ всякое искушение,
и плѣняетъ ратники,
и проходить послушанье.¹⁰
О всепѣтая мати,
рождшая всѣхъ святыхъ
святѣйшее слово,
нынѣшнее приимши
приношение,
от всякия избави
напасти всѣхъ,
и будущїя изми муки,
тебѣ вопыющихъ.¹¹
Молимъ раби твои,
и приклоняемъ
колѣно сердца нашего:
приклони ухо твое чистая,
и спаси скорбѣми
погружаемая присно,
и соблюди от всякаго
вражня плѣнїя
твой градъ Богородице.¹²

⁶ ТР, стр. 296; ср. S, стр. 879: тропарь 10 второй песни канона св. Марии Египетской, который поется на утрени в четверг пятой недели великого поста.

⁷ ТР, стр. 301; ср. S, стр. 883: тропарь 3, следующий за ирмосом 3 четвертой песни Великого канона Андрея Критского, который поется во время той же службы, как и предыдущий текст.

⁸ ТР, стр. 324; текста нет в S: молитва, следующая за Великим каноном Андрея Критского, поется во время той же службы, как и предыдущий текст.

⁹ Форма «послушенье» не находит параллели и, вероятно, ее следует исправить на «послушанье» (или, может быть, «послуженье»).

¹⁰ ТР, стр. 324, ср. S, стр. 900: вторая молитва, которая поется после Великого канона Андрея Критского во время той же службы, что и предыдущий текст.

¹¹ ТР, стр. 347; ср. S, стр. 116: кондак 13 акафиста Богородице, который поется на утрени в субботу пятой недели великого поста.

¹² ТР, стр. 348; ср. S, стр. 102: тропарь 5, следующий за первым ирмосом седьмой песни канона, который поется на утрени в воскресенье пятой недели великого поста.

10. Пошадн боже
 часлѣдѣя твоего,
 прегрѣшенѣя наша вся
 презри, нынѣ
 нас имѣя молящихъ тя,
 на земли
 рожьша [я] тя безсѣмене
 земную милость
 изволивъ
 обрати¹³тися Христосе
 в чело¹³вѣчество.

Пошадн боже
 наслѣднє твое,
 грѣхн наша вся
 презрѣвъ нынѣ,
 на снє имѣя молящую тя,
 на земли
 безсѣменно тебе рождшую.
 великн ради милостн
 восхотѣвшаго
 вообразн¹⁴тися Христє
 въ чело¹⁴вѣчество.

11. Пошадн мя спасє, рожь[ша]ся,
 и схрань рожьшюю тя
 нетлѣнну по рожьствѣ,
 и егда сядєши суднтн дѣла моя.
 яко безгрѣшенъ и милостнвъ,
 яко богъ и чело¹⁵вѣколюбєць.

12. Дѣво пречнстая,
 ненскусна браку,
 богообрадованая,
 вѣрнымъ направлєнє,
 спасн мя погыбшаго,
 к сыну сн вопьющн.¹⁶

13. Помилунн мя господа, помилунн
 егда хошєши суднтн,
 не осудн мє<не> въ огнь,
 нн облнчн мєнє яростью сн:
 молнт тя дѣва чнстая,
 рожьшая тя Христосє,
 и множьство ангєль,
 и мученнкъ зборь.

14. О Христосѣ Иисусѣ господѣ нашєм,
 ему же подобаетъ чєсть и слава,
 отцю и сыну и святому духу,
 всегда и нынѣ, прнсно <и въ> вѣк.

*Нєкоторє общнє
 заклочнтєльнє
 формулы.*

Сравнение текстов каждой колонки показывает, что составитель «Молитвы» — по крайней мере в частях, источники которых известны, был оригинален только в подборе выдержек. Выдержки приведены в «Молитве» в том же порядке, в котором тексты источников читаются в ходе

¹³ Форма слова «рожьшая» вряд ли правильна. Если ее исправить на «рожьша», она могла бы служить определением к «тя» двумя строками выше (в этом случае второе «тя» возвратное). Ясно, что источник был понят неправильно: «на снє» (или «на се») превратилось в «нас», а «молящую» превратилось в «молящих» (согласуясь с «нас»), из-за чего «рожьшую» оригинала оказалась вне какой-либо связи со всем текстом.

¹⁴ ТР, стр. 352; ср. S, стр. 104: тропарь 5, следующий за ирмосом 1 девятой песни того же канона, что и предыдущий текст.

¹⁵ Неправильная «рожьшася» должна была бы видоизменить «мя»; исправление (следуя Карскому) на «рожься» дает возможность видоизменить форму «Спасє», что делает смысл более ясным.

¹⁶ На основании текста одной «Молитвы» невозможно решить, относится ли причастие в «к сыну сн вопьющн» к Богородице или к говорящему («мя»). В том виде, в каком текст написан, первое объяснение кажется более правильным, но небольшое исправление «вопьюща» (следуя Карскому) или — еще меньше — «вопьющн» вместо «вопьющн» дает текст, требующий второго объяснения. Относительно грамматической стороны второго объяснения см.: André Vaillant, Manuel du vieux slave. 2 ed., Paris, 1964, t. I, pp. 172 (возвратное с причастием) и 179 (винительный, подобный именительному и винительный, подобный родительному в согласовании). Какое объяснение следует предпочесть, зависит частично от того, считать ли части 12 и 13 «Молитвы» связным целым — в этом случае следует принять второе объяснение, или двумя несвязными молитвами, тогда, очевидно, следует предпочесть первое объяснение.

литургического года, и очевидно, предполагалось приводить их точно. Большой частью расхождения между «Молитвой» и ее источниками незначительны, они касаются скорее средств выражения, нежели содержания, и многие из них несомненно исчезли бы, если бы я имел возможность привести литургические рукописи, современные «Молитвс». ¹⁷ Оставшиеся второстепенные расхождения, а также те немногие значительные различия, которые обнаруживаются в частях 1, 5, 7 и 10, можно легко объяснить текстуальными передачами (или из текста источника в «Молитву» или в пределах истории источника), по памяти на слух или неточным воспроизведением того, что было услышано. Ни одно расхождение нельзя объяснить как преднамеренное, обоснованное изменение текста.

По счастливой случайности я обратил внимание на текст, почти совершенно сходный с частью 13, источник которой был неизвестен. Это — текст четвертого тропаря девятой песни «Канона молебного», приписываемого Кириллу Туровскому. Он звучит так: ¹⁸

Помилуй мя, боже, помилуй:
егда хощещи ми судити,
не осуди мене въ огонь,
ни обличи мене яростью си:
молить тя дѣва чиста,
рожѣшиа тя Христе,
и множество ангель,
и мученикъ сборъ.

Совершенно ясно, что столь большое сходство текстов не может быть случайным. Или один текст восходит к другому, или оба восходят к общему источнику. Как бы то ни было, воспроизводить хотели точно.

¹⁷ Я имею в своем распоряжении тексты источников, которые относятся к послениконовскому времени. Несколько столетий интенсивной редакторской деятельности отделяют их от текстов, современных «Молитвс». Было бы весьма желательно, чтобы кто-нибудь, кто имеет доступ к таким рукописям, опубликовал бы лучшие тексты источников.

¹⁸ Известны две рукописи, которые содержат этот канон. Более древняя — Обиход церковный XIV в. из Новгорода, хранившийся прежде в библиотеке собора св. Софии в Новгороде, а теперь в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. Ср.: Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, стр. 49 (рукопись Соф. 1052); более подробное описание содержания этой рукописи см.: И. К. Куприянов. Обзор пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. — Известия имп. Академии наук по Отдел. русск. яз. и словесн., 1858, VI, стлб. 34—66, 276—320, особенно 299—301 (рукопись LVII). В этой рукописи «Канон» озаглавлен «Канонъ молебенъ Кюррила грѣшнаго». Полный текст «Канона», а также некоторые связанные с ним песнопения, были опубликованы архиепископом Макарием в третьем томе его «Истории русской церкви» (см. стр. 158, 168—171, 316—320 во втором издании, СПб., 1868). Тот же ученый ранее опубликовал часть «Канона», не включив интересующий нас сейчас тропарь, в своей статье: Св. Кирилл, епископ Туровский, как писатель. — ИпоРЯС, 1856, V, стлб. 225—263 (см. стлб. 248—249, 255—258, 263). Я привожу тропарь из «Канона» по изданию 1868 г., заглавные буквы, пунктуацию и орфографию даю согласно современным нормам, как и в других цитатах в этой статье. Другая рукопись, которая, как известно, содержит «Канон», это — «Каноник» 1490 г. (рукопись № 27/545 библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря). Ср.: А. Ф. Бычков. Библиологический словарь и черновые к нему материалы П. М. Строева. — СОРЯС, 1882, XXIX, 4, стр. 173—174. В этой рукописи «Канон» озаглавлен; «Канонъ Кирилла, епископа туровского, по вся дни, къ господу богу. О покаании, на обличение грѣховъ своихъ». Этот текст «Канона» не был опубликован, но несколько первых слов, приведенных Строевым, указывают, что, несмотря на другое заглавие, это то же самое произведение, что и опубликованное Макарием. Счастливая случайность, благодаря которой я обратил внимание на этот текст, заключалась в том, что я работал над двумя вопросами одновременно, над молитвами Киевской Руси и над канонами Кирилла Туровского. Обращаясь от исследования одного вопроса к другому, мне случилось пересчитать «Канон молебный» непосредственно после того, как я просмотрел известные источники «Молитвы», приписываемой Владимиру Мономаху.

Возможно утверждать с достаточной степенью достоверности, что данный тропарь в «Каноне молебном» не цитирует ни «Молитвы», ни какого-либо другого неизвестного текста. Это утверждение основано на двух фактах: во-первых, ни один другой тропарь, и даже — против всех ожиданий — ни один ирмос «Канона молебного» нельзя считать цитатой; во-вторых, «Канон молебный» — произведение Кирилла Туровского, который ни в одном другом произведении не цитирует столь точно такие длинные тексты.

Чтобы в полной мере оценить значение первого из этих двух фактов, необходимо знать некоторые особенности канонов вообще. Канон — произведение литургической гимнографии с определенной, строго установленной структурой.¹⁹ Каждый канон состоит из девяти песен (на практике вторая песня обычно находится лишь в великопостных канонах, другие каноны, как правило, содержат только восемь песен: 1, 3—9). Каждая песня состоит из стиха-образца, называемого ирмос, за которым следует ряд других стихов, называемых тропарями. Ирмос и следующие за ним тропари поются на один мотив, написанный сообразно ирмосу.²⁰ Составитель канона обычно не сочинял ни своей собственной музыки, ни своих ирмосов, но пользовался как ирмосами, так и музыкой более древнего канона и составлял подходящие к ним тропари. Поэтому существует очень мало греческих канонов с оригинальными ирмосами. Из различных канонов, составленных на церковнославянском языке, известны только два с оригинальными ирмосами: «Канон св. Ольге» и «Канон молебный».²¹

Итак, если автор «Канона молебного», вопреки почти всеобщей практике, составил к нему собственные ирмосы, то вряд ли можно ожидать, чтобы он заимствовал сам тропарь целиком из другого источника. До сих пор не удалось показать, чтобы какой-либо другой тропарь канона был целиком заимствован. Теперь это получает веское объяснение. Несомненно в «Каноне», как в ирмосах, так и в тропарях, есть многочисленные отголоски и небольшие несвязанные выдержки из других текстов. Этого

¹⁹ О структуре канонов см.: Egon Wellesz. A history of byzantine music and hymnography. 2 revised ed., Oxford, 1962, chapters VIII—IX.

²⁰ В современной практике поются только ирмосы, а тропари просто читаются. Но еще в XII в. тропари в России также пелись. Об этом можно судить на основании рукописей XII в., которые дают музыкальные значки и для тропарей и для ирмосов (А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. III, 1. М., 1855—1917, стр. 512).

²¹ «Канон св. Ольге» можно найти в изданных служебных минеях за 11 июля. Н. К. Никольский (Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — СОРЯС, 1907, LXXXII, 4) дает более древний текст (стр. 88—94, текст № XII). Другие каноны, составленные на церковнославянском языке, см.: П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. — Труды Славянской комиссии Академии наук СССР, I, 1930; Roman Jakobson. Methodius' Canon to Demetrius of Thessalonica and the Old Church. Slavonic Hirmoi — Brněnská Univerzita, Filosofská fakulta, Sbornik prací, F, Rada uměnovědná, 1965, IX, pp. 115—121; Josef Vajs. Sborník staroslovenských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile. Prague, 1929; Stojan Novaković. Primeri književnosti j jezika staroga i srpskoslovenskoga. 3rd ed., Belgrade, 1904; С. П. Розанов. Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. — Имп. Академия наук, Отделение русского языка и словесности. Памятники древнерусской литературы, I, 1912; Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. — Имп. Академия наук, Отделение русского языка и словесности, Памятники древнерусской литературы, II, 1916. Остальную библиографию см.: Николай Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (т. X—XII вв.). СПб., 1906; Ф. Г. Спасский. Русское литургическое творчество (по современным минеям). Париж, 1951. Церковнославянские ирмосы см. также: М. Velimirović. Struktura staroslovenskih muzičkih irmologa. — Hilendarski zbornik, I, Belgrade, 1966, pp. 139—161, где приводится более старая литература.

требует сам жанр.²² Например, третий тропарь восьмой песни напоминает как псалом 129, 1, так и молитву Спасителя:

Канон молебный

Яко единому богу въ троици
изъ глубины сердца въпью,
и вѣрою молю ти ся, глаголя:

Отче нашъ,
иже еси на небесѣхъ,
отпусти наша долги,
ни въведи насъ в напасть,
но отъ неприязни избави ны.

Библейские тексты

Изъ глубины възвѣвахъ
къ тебѣ г(осподи)...²³

О(тъ)че нашъ
Иже еси на небесехъ...
и отпусти намъ долги наш(е)...
и не въведи насъ въ напасть.
нъ избави ны отъ неприязни...²⁴

А тропарь, который находится в центре нашего внимания в этой статье, содержит отголосок псалма 6, 2—3:

Г(оспод) и
не яростию твоею обличи мене:
Ни гневомъ твоимъ покажи мене:
Помилуй мя г(осподи)...²⁵

Это совсем не то же самое, что тропарь, целиком состоящий из одной выдержки.

Обращаясь ко второму факту, упомянутому пятью абзацами выше, следует указать несколько причин, в силу которых «Канон молебный» может считаться произведением Кирилла Туровского. Он приписывается ему в обеих известных рукописях. В более древней автор назван «Кириллом грешным», а в более поздней — «Кириллом, епископом Туровским».²⁶ «Канон молебный» близок к «Канону св. Ольге» тем, что из всех известных оригинальных церковнославянских канонов только эти два канона имеют оригинальные ирмосы. «Канон св. Ольге» также приписывается Кириллу.²⁷

²² Ср.: E. Wellcsz. A history of byzantine music, chapter IX, везде, в частности, стр. 198, 214—216, 222—228, 229—230.

²³ Синайская псалтырь, пс. 129 (приводится по изд.: Синайская псалтырь, глаголический памятник XI века. Приготовил к печати С. Северьянов. Пгр., 1922, стр. 172).

²⁴ Зографский кодекс, 9, 5—17 (приводится по изд.: V. Jagić. Quattuor evangelium codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitans. Berlin, 1879, p. 5).

²⁵ Синайская псалтырь, пс. 6 (изд. Северьянова, стр. 5).

²⁶ Именования «Кирилл грешный» и «Кирилл грешный монах» обычны в древних рукописях его произведений, ср.: И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, XI, 1955, стр. 342—367; XII, 1956, стр. 340—361; XIII, 1957, стр. 409—426; XV, 1958, стр. 331—348; Е. В. Барсов. Харатейный список XIV века молитв Кирилла Туровского. — Труды седьмого археологического съезда (Ярославль, 1887), III, 1892, стр. 46—51.

²⁷ «Канон св. Ольге» можно найти во многих рукописях и печатных изданиях, включая и служебные минеи (за 11 июля), которые используются в настоящее время. Один рукописный текст был опубликован Н. Н. Никольским: Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — СОРЯС, XXXII, 4, 1907, стр. 88—94. Только последний текст называет автором «Кирилла монаха» (ср. сочинения, указанные в сноске 26); в других рукописях текст или анонимен или приписывается Пахомию Логофету, который, однако, несомненно не является автором, а только в лучшем случае редактором более древнего текста; ср.: А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей, т. III, 2, стр. 189; ср. также: Ф. Г. Спасский. Русское литургическое творчество (по современным минеям), стр. 86—88. Мимоходом заметим, что не изданным остается по крайней мере еще один канон, приписываемый Кириллу (см.: А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей, т. III, 2, стр. 277) и что в одном рукописном проложном житии его утверждается, что он составил один покаянный канон, возможно не «Канон молебный», поскольку в последнем нет акростиха, о котором говорит «Житие» (см.: Александр Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцовского музея, СПб., 1842, стр. 457).

Автор «Канона молебного» обладает той же манерой композиции, как и Кирилл: ни один не дает длинных, точных цитат, оба часто подражают другим текстам, приводя из них короткие отрывки.²⁸ Наконец, «Канон» выражает те же религиозные взгляды и суждения и написан в том же стиле, как и другие произведения Кирилла Туровского.

Эти два факта подкрепляют друг друга и взаимно поддерживают то заключение, что рассматриваемый тропарь в «Каноне молебном» не является заимствованием. Тем самым исключены две из трех возможностей: «Канон» не цитирует «Молитвы», и оба текста не цитируют неизвестного общего источника. Единственным возможным оказывается то, что «Молитва» цитирует «Канон». Это с первого взгляда отнюдь не удивительно, ибо «Канон» вполне подходит для использования во время великого поста, а «Молитва» содержит много выдержек из великопостных служб.²⁹ В самом деле, читатель может удивиться, зачем надо было столь тщательно подходить к заключению, которое и без того кажется очевидным. Но дело в том, что это заключение, по всей вероятности, не совместимо с авторством Владимира Мономаха, которому эта молитва приписывалась.

В Проложном житии Кирилла Туровского рассказывается, что он родился и воспитывался в Турове, имел с ранних лет религиозные склонности, скоро стал монахом, а затем затворником и, наконец, его поставили в епископы города Турова. Тот же источник сообщает, что, когда он был еще монахом, он стал известен «въ всеи странѣ той», как аскет и проповедник, что позже, — очевидно, после того как он стал епископом, — он выступал против ереси Феодорца и писал много посланий князю Андрею Боголюбскому, службы, молитвы, похвалы святым и другие произведения, которые были в те времена хорошо известны во всей Руси.³⁰

Из других источников нам известно, что Феодорец (Федор, епископ ростовский в 60-х годах XII в.) был казнен как еретик в 1169 г., что в 1146 г. епископом туровским был Аким, что преемником Акима на этом посту был Георгий и что в 1182 г. туровским епископом был св. Лаврентий.³¹ Из этих фактов вытекает, что епископство Кирилла следует отнести к отрезку времени между 1150 и 1180 гг., включая конец 60-х годов и, следовательно, очень маловероятно, чтобы он родился значительно ранее 1100 г.³² Поэтому совсем неправдоподобно, чтобы он составил «Канон

²⁸ О манере композиции Кирилла Туровского см.: André Vaillant, *Cyrrill de Turou et Gregoire de Nazianze*. — *Revue des études slaves*, 1950, XXVI, pp. 34—50; где приводится более ранняя литература.

²⁹ «Канон молебный» подходит для использования во время великого поста из-за покаянного характера канона (напоминающего великопостный «Великий канон» Андрея Критского) и из-за того, что он содержит вторую песню, обычно находящуюся лишь в великопостных канонах.

³⁰ Проложное житие Кирилла Туровского можно найти в рукописных и печатных синаксариях (прологах) под 28 апреля; особенно ценный текст был опубликован Никольским в его «Материалах» (стр. 62—64), а выдержки из другого интересного текста даны в каталоге Востокова: *Описание русских и славянских рукописей*, стр. 457.

³¹ См. Лаврентьевскую и близкие ей летописи под годами 6654, 6672, 6677 (ПСРЛ, т. I, стлб. 314, 352, 355—357), Ипатьевскую и близкие ей летописи под годами 6652, 6654, 6690 (СПб., 1908, стлб. 314, 330, 627) и проложное «Слово о туровском монахе Мартине», которое можно найти в рукописных и в изданных синаксариях под 27 июнем (один древний текст и варианты из другого были опубликованы архиепископом Макарием в третьем томе его «Истории русской церкви», см. стр. 30—31, 300—301 во втором издании, СПб., 1868). Ср.: М. Д. Приселков. *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков*. Записки Истор.-филол. факульт. имп. СПб. унив., 1913, CXVI, стр. 332—335.

³² Большинство исследований, касающихся жизни Кирилла Туровского, которые мне довелось просмотреть, даже не пытаются установить года его рождения, только

молебный» до смерти Владимира Мономаха (1125 г.), и вряд ли можно представить (если принять заявление проложного жития, что произведения Кирилла стали широко известны вне пределов Турова в более поздние годы его жизни), чтобы Владимир Мономах когда-либо читал или слышал «Канон молебный», даже если бы он был написан столь рано.

Поэтому можно сказать почти с полной уверенностью, что одна из цитат в «Молитве» заимствована из произведения, которое Владимир Мономах никогда не читал и не слышал, и, следовательно, традиционный взгляд на принадлежность «Молитвы» Владимиру Мономаху неверен. Это традиционное мнение основывается только на одном факте: анонимная «Молитва» находится в самой непосредственной связи со всеми произведениями, которые несомненно принадлежат Владимиру Мономаху; в единственной рукописи, в которой сохранились эти тексты, они следуют одно за другим, разрывая повествование. Очевидно, что это — результат ошибки, ошибки, которая повлияла сразу на все эти тексты. Наиболее простым объяснением этого факта (а также нескольких других фактов, таких как пробел в начале «Поучения») является то, что эта группа текстов была когда-то самостоятельной тетрадкой без переплета и что вся тетрадка была по ошибке переписана в летопись на то место, которое она занимает теперь.³³ И самым простым объяснением того, почему все эти тексты оказались вместе в одной тетрадке, является то, что все они были произведением одного человека, Владимира Мономаха. Но настоящая статья показывает, что, по всей вероятности, последнее объяснение неверно. Поэтому необходимо искать другое объяснение.

Такое объяснение найти нетрудно. Вполне вероятно, что тетрадка первоначально содержала только «Поучение», «Автобиографию» и «Письмо князю Олегу Святославичу» и что эти тексты не заполняли полностью пергаменных листов тетради. Позже, когда-то после того, как Кирилл Туровский написал свой «Канон молебный», кто-то использовал пустые пергаменные листы, чтобы сохранить другой текст (или, может быть, ряд других текстов) по собственному выбору: это и есть «Молитва».³⁴ Еще позже вся тетрадка была переписана в летопись.

Заметим, кстати, что это объяснение требует, чтобы произведения Владимира Мономаха (по крайней мере тот экземпляр, к которому восходит единственный, сохранившийся независимый текст) существовали в виде

иной раз приводится дата начала 30-х годов XII в. (например: Л. Э. Махновец, *Українські письменники, біо-бібліографічний словник*, т. I. Київ, 1960, 76 стр.). Я не знаю, чем обоснована такая датировка, если она вообще как-либо обоснована.
³³ Ср.: Д. С. Лихачев. *Текстология на материале русской литературы X—XVII вв.* М.—Л., 1962, стр. 190—196.

³⁴ То, что текст «Поучения», «Автобиографии» и «Письма» занимает как раз немного больше, чем $6\frac{1}{2}$ листов рукописи Лаврентия, а «Молитва» как раз немного больше, чем $\frac{1}{2}$ листа (судя по тексту, изданному Карским; к сожалению, факсимильное издание 1872 г. мне было недоступно), подкрепляют то предположение, что эта тетрадка первоначально содержала 8 листов, т. е. была обычной четвертушкой того же размера, как и четвертушка рукописи Лаврентия, что текст произведений Владимира Мономаха доходил только до конца лицевой стороны последнего листа, что обратная сторона этого листа была позднее заполнена «Молитвой» и что (до этого?) один лист (пустой лист в начале тетрадки, служивший передней обложкой? Лист текста между автобиографией и «Письмом») был удален. Можно привести много примеров использования пустых пергаменных листов в рукописях для различных текстов, например текст на л. 1 об. старого церковнославянского киевского «Сакраментария» или тексты на различных листах, первоначально оставшихся пустыми в чудовском Новом завете (см.: М. Корнеева-Петрулан. *К истории русского языка: особенности письма и языка писцов московских владык XIV века.* — *Slavia*, 1937—1938, XV, стр. 1—23).

отдальной тетрадки, а не как часть летописи в продолжение некоторого времени после того, как был составлен «Канон молебный» (и, вероятно, в течение некоторого времени после того, как он стал широко известен), иными словами, в течение какого-то времени после 1117—1118 гг. Это, как представляется, лишает всякой опоры гипотезу, будто произведения Владимира Мономаха были включены в редакцию 1118 г. Начальной летописи.³⁵ Тем, кто лучше меня знаком с этим вопросом, представляется решить, требует ли это положение пересмотра общепринятого взгляда на историю начального летописания.*

³⁵ Такую гипотезу можно найти у А. А. Шахматова (Повесть временных лет, I, Пгр., 1916, гл. 1, разделы 5, 7, 18, 19); иную, более осторожную гипотезу см. у того же автора в «Обзрении русских летописных сводов XIV—XVI веков» (М.—Л., 1938, гл. 1).

* Изложенные в этой статье наблюдения могут служить доводом в пользу мнения Н. Н. Воронина, что сочинения Владимира Мономаха были включены в летопись в 1177 г., хотя и не совпадают с его гипотезой о том, что последнее произведение — молитва Андрея Боголюбского. См.: Н. Н. Воронин. О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха. — Историко-археологический сборник, М., 1962, стр. 265—271. (Ред.).

А. Е. СУПРУН, А. А. БРУДНЫЙ

«Объсися синѣ мъгль»

Отрывок о Всеславе Полоцком: «Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пльночи, изъ Бѣла-града, объсися синѣ мъгль, утръ же возни стрикусы оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ» переведен первыми издателями «Слова о полку Игореве» так: «Потом побежал он лютым зверем в полуночи из Белогорода, закрывшись мглою синею; по утру же, вонзив стрикусы, отворил он ворота Новгородские, попрад славу Ярослава, и с Дудуток пустился как волк до Немиги».¹

Большая часть исследователей и переводчиков «Слова» понимает интересующее нас место в согласии с переводом первого издания, передавая глагол «объсися» как «завесившись» (А. С. Орлов, И. П. Еремин), «объятый» (Д. С. Лихачев, С. В. Ботвинник), «окутанный» (Н. К. Гудзий, И. А. Новиков) мглой, туманом.

Д. С. Лихачев в своем комментарии к «Слову» пишет: «Возможно, что это место означает либо „повиснув в ночной тьме“, либо „обнятый ночною тьмою“ (т. е. скрытый ночною тьмою)».² С. И. Маслов комментировал: «Переводят это место так: „завесившись синею мглою“, то есть исчез в синей ночной тьме. Есть также и другое интересное толкование. Летопись сообщает, что Всеслава „роди мати от вольхвованія“, что на голове у него была „язва“, и из-за этого, как пояснял летописец, Всеслав „немилостивъ есть на кровопролитѣ“. Автор „Слова“ говорит от этом князе как о человеке, имевшем вещую душу, то есть он имел силу колдуна, волшебника. Исходя из приведенных соображений, поясняют, что Всеслав удрал от киевлян, „повиснув на синей туче“».³ Перевод «объсися» словом «повис» встречаем у ряда авторов (М. А. Максимович, В. Н. Перетц, С. К. Шамбинаго, А. В. Соловьев, Н. А. Заболоцкий и др.).

На еще более активном характере поведения Всеслава настаивает А. К. Югов, подчеркивая легендарную быстроту передвижения князя-кудесника: «ухватил сине облако».⁴

¹ Цитируется по фототипическому воспроизведению в кн.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960. Фраза «объсися синѣ мъгль» в Екатерининской копии читается: «объси ся сине мъгль» (см.: там же, стр. 149).

² Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, серия «Литературные памятники», М.—Л., 1950, стр. 457. (Далее: Слово, 1950).

³ Слово о полку Игоревѣ в українських художніх перекладах і переспівах ХІХ—ХХ ст. Київ, 1953, стр. 56. (Далее: Слово, 1953).

⁴ Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии Алексея Югова, М., 1945, стр. 87 и 160. Для понимания рассматриваемого места «Слова» едва ли могут дать много неточные переводы его в поэтических переложениях некоторых авторов. Так,

В специальной заметке, посвященной анализу интересующего нас места в «Слове», А. В. Соловьев рассматривает также ряд других переводов «Слова», в частности, польский перевод Юлиана Тувима, словенский Райко Нахтигала, английский С. Кросса, французские Н. Кульмана и А. Грегуара, итальянский Р. Поджиоли. Все эти переводы колеблются в кругу значений, определенных первым изданием «Слова» и его русскими исследователями.⁵

Как видим, относительно понимания слова *объсися* полного единства мнений нет. Большинство исследователей понимают слово *объсися* как *об(в)ъсися* с выпавшим в результате известных фонетических процессов *-в-*,⁶ образованное от корня *вѣс-* (ср. *весить/вешать*). Действительно, в славянских языках имеется такое образование. Так, в современном болгарском языке *обесвам* означает «повесить».⁷ Это значение слова *объсися* известно еще в старославянских текстах (евангелия, псалтырь, Супрасльская рукопись, сборник Клоца).⁸ В «Материалах» И. И. Срезневского слово *объсита ся* приведено в значении «повиснуть, обнять», причем, если слово *объсита* «повесить» дано с примерами из нескольких источников, то примеры к *объсита ся* приведены всего по двум источникам; один из них — Златоустрий ок. 1200 г., из которого извлечено три примера: «объшюся твоеи выи», «объсися ей на распутии», «Труфена объсися Ѡеклъ»; другой источник — «Слово о полку Игореве», пример из которого выделен в «Материалах» особым абзацем и не толкуется.⁹ В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на то, что примеры, приведенные из Златоустрия, «дают один смысла слова: обнять человека».¹⁰ Эта семантическая трудность общепринятого толкования слова *объсита ся* сопряжена еще с одной грамматической трудностью, на которую также обращает внимание В. П. Адрианова-Перетц: «В „Слове“ очевиден другой оттенок значения — „повиснуть“, но сохраняется то же сочетание с дат. пад.».¹¹ Подкрепление указанному толкованию рассматриваемого места «Слова» находят в болгарской, сербскохорватской, чешской параллелях слова *объсита ся*; вместе с тем А. В. Соловьев отметил, что «в древнерусском и польском вместо этого говорят „повесить“, *ro-wiesić*».¹² В дополнение к коллекции славянских параллелей выражения *объсита ся* из «Слова», приведенной А. В. Соловьевым, можно указать еще словенское *obesiti*,¹³ македонское *obessi*,¹⁴ словацкое *obiesit'*,¹⁵ полаб-

к примеру, у А. П. Майкова Всеслав «синей мглой из Белграда поднялся» (Слово, 1950, стр. 136), а у Панаса Мирного он «сивим туманом повисае» (Слово, 1953, стр. 183).

⁵ А. В. Соловьев. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА. т. XX. М.—Л., 1964, стр. 373. (Далее: А. В. Соловьев).

⁶ См.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 88; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 124—125; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, стр. 119—120; надо сказать, что в этих и подобных работах пример из «Слова» не фигурирует.

⁷ См.: Речник на съвременния български книжовен език, т. 2. София, 1957, стр. 298.

⁸ См.: A. Dostal. Studie o vidovém systému v staroslovenštině. Praha, 1954, str. 435.

⁹ Срезневский. Материалы, т. 2, стлб. 587.

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 105.

¹¹ Там же.

¹² А. В. Соловьев, стр. 373.

¹³ J. Pretnar. Rusko-slovenski slovar. Ljubljana, 1964, str. 568.

¹⁴ Речник на македонскиот јазик, т. II. Скопје, 1965, стр. 5.

¹⁵ Slovník slovenského jazyka, II. Bratislava, 1960, str. 411.

ское (в орфографии Геннига) *wibbêset*,¹⁶ нижнелужицкое *wobjesyś*,¹⁷ верхнелужицкое *wobësyć*;¹⁸ в старопольском тоже отмечается слово *obiesić* (и *obwiesić*).¹⁹ Во всех этих случаях значение слова — «повесить» (или «казнить» через повешение); имеются и соответствующие образования на *-ся*. Представляется весьма существенным, что довольно распространенным значением рассматриваемого глагола является «повеситься = удавиться». Именно в этом значении приведено слово *объсिति ся* в «Дополнениях» к «Материалам» И. И. Срезневского; пример дан из царской жалованной грамоты 1578 г.: «А кто съ древа убьется. . ., или обьсится, или кусомъ подавится».²⁰ Распространенность такого значения, вполне вероятно — вторичного, свидетельствовала бы в пользу предположения М. А. Максимовича и его последователей о том, что слово *объсися* следует переводить как «повис».

И все-таки толкование *объсिति ся* как «обвеситься, повиснуть, укрываться» не вполне удовлетворяло некоторых исследователей и переводчиков «Слова». Попытку дать в корне другое понимание этого места «Слова» предпринял А. А. Потебня (*объсися сине млы* — «по образцу» «объестся чего»); эта попытка оказалась неудачной.²¹ Укажем также на перевод, сделанный известным украинским поэтом Степаном Руданским (который, между прочим, перевел на украинский язык «Илиаду»). Соответствующее место в выполненном в 1860 г. переводе Руданского (опубликованном лишь в 1896 г. по хранившейся у И. Я. Франко рукописи) звучит так:

Від них скочив лютим звіром
В північній годині
З Білгорода, обісися
Ще в тумані синім.²²

По существу, Руданский в анализируемом предложении просто не переводит глагола. Как же его понять? Слова *обіситися* в украинских словарях не зафиксировано. В словарях, правда, отмечается встретившееся пять раз у Шевченко, известное и у других писателей, например, Тобилевича, слово *обісити* «очень надоесть, осточертеть»;²³ этимология этого слова прозрачно связывает его с существительным *біс* «бес». Но оставим пока толкование перевода Руданского; использованное им слово не представляется нам ни поэтической вольностью, ни индивидуальным неологизмом, ни архаизмом, скорее всего — это слово, реально существующее в украинском языке, но не отраженное пока в словарях. Отметим, что Руданскому казалось, что слово *объсिति ся* не нуждается в переводе на украинский язык.

Словарь В. И. Даля дает слово *объситься* (точно соответствующее слову, употребленному С. Руданским в его переводе), не снабженное никакими стилистическими или локальными ограничениями. Слово это

¹⁶ R. Olesch. Juglers Lüneburgisch-Wendisches Wörterbuch. Köln—Graz, 1962. S. 186; Vocabularium Venedicum von C. H. von Jessen, Nachdruck von R. Olesch, Köln—Graz, 1959, S. 75: *Wibbêfat*.

¹⁷ V. Šwjela. Dolnoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1961, str. 463.

¹⁸ F. Jakubáš. Hornoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954, str. 404.

¹⁹ Słownik języka polskiego, t. 5. Warszawa, 1963, str. 453, 583.

²⁰ Срезневский. Материалы, т. III, вып. 4, Дополнения, стлб. 200.

²¹ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Харьков, 1878, стр. 124.

²² Слово, 1953, стр. 120.

²³ Словник мови Шевченка, т. II. Київ, 1964, стр. 7; Б. Д. Грищенко. Словарь украинского языка, т. III. Киев, 1959, стр. 11; Украинско-русский словарь, т. III. Киев, 1961, стр. 24.

имеет, по Далю, значение «стать бесноватым, предаться бесу». Дано оно в статье «объсвить или обѣсновать кого»; *объсвить* по Далю означает «наглатать на кого беса, испортить, исказить, предать бесовской силе».²⁴

Приведенная из словаря В. И. Даля глосса позволяет принципиально иначе, чем обычно, истолковать интересующее нас место в «Слове о полку Игореве». А именно так: «обесился (т. е. стал бесноватым, предался бесу) в синей мгле».

В связи с таким толкованием возникают по крайней мере два вопроса, на которые следует попытаться дать ответ: насколько вероятно такое толкование с лингвистической точки зрения и согласуется ли оно с контекстом «Слова» и образом Всеслава.

Лингвистически предлагаемая гипотеза вполне вероятна. С точки зрения фонетического и графического оформления, наша гипотеза вызывает не больше, а может быть и меньше затруднений, нежели всякое другое чтение этого места. «Обесился в синей мгле» предполагает понимание слов *синъ мъглъ* как местного падежа сочетания прилагательного с существительным. В Екатерининской копии имеется разночтение в окончании слова *синъ*: там записано *сине*. Правильная фраза местного падежа краткого прилагательного *синь* (женский род *синя*) — *сини*, а полного прилагательного (*синяя*) — *синей*. В первом издании *ѣ* может рассматриваться как окончание, присоединенное (отчасти, возможно, под влиянием следующего слова *мъглъ*) по аналогии с твердым вариантом склонения кратких прилагательных; подобные написания нередки.

Понимание формы *синъ мъглъ* как местного падежа снимает те трудности в перенесении управления дательным падежом названий живых объектов на неживой, которые вызывались пониманием *объсися* в том же значении, в котором это слово приводится Срезневским по Златоуструю.

С точки зрения семантической сочетаемости, предлагаемое чтение тоже снимает те затруднения, на которые указывалось в связи с тем, что глагол *об(в)ъсится* применялся обычно к живым объектам. В отношении формы глагола можно полностью присоединиться к А. В. Соловьеву, который в указанной специальной заметке о рассматриваемом выражении понимал ее как аорист; новое чтение несколько этому не противоречит.

В словообразовательном отношении глагол *объсится*, если его рассматривать как образованный на базе слова *бѣсъ*, ничуть не менее вероятен, чем, если бы его считали производным от корня *вѣс-*. В словаре И. И. Срезневского приводятся свыше ста глаголов, которые можно условно свести к модели: приставка *о-/об-* + корень (производящая основа) + суффиксы *-и-ти* + частица *-ся* (*о(об) . . . ится*). Специальный словообразовательный анализ каждого из этих слов может, конечно, показать, что они образованы по несколько отличающимся друг от друга моделям. Так, в одних случаях встречаются соответствующие образования без приставки, а следовательно, наши глаголы можно рассматривать как образованные от бесприставочных при помощи приставки *о-/об-*; в других случаях не исключается и префиксально-суффиксальный способ образования. Глаголу *объсится* имеется соответствие без приставки, отмечаемое как в старославянских, так и в древнерусских памятниках. Словообразовательные связи слова *объсится*, характеризующие его место в словообразовательной системе древнерусского языка, могут быть охарактеризованы примерно так:²⁵

²⁴ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, стр. 639.

²⁵ Для характеристики словообразовательных, а затем и семантических связей слова *объсится* использованы слова, приведенные у Срезневского в «Материалах»,

обѣситися	— бѣситися — бѣсь	— бѣсьнь / бѣсьный; бѣсьновати(ся); възбѣсьнѣти;
обожитися		— бѣшень; бѣшение; бѣшеньство;
облажитися		— възбѣсити(ся); възбѣшение; възбѣсѣти;
озвѣритися		— бѣсьскъ / бѣсьсныи;
огосподитися		— бѣсовъ; бѣсовье; бѣсовьскъ / бѣсовьскыи; бѣсовьныи; бѣсовьство / бѣсовьствие; бѣсовати(ся); бѣсование;
освятитися		
оболѣзнитися		— бѣсообразныи; бѣсомолитель, бѣсомольць; бѣсобояние; бѣсослужение; бѣсовархъ.
облѣзнитися		
...		

Как показывают приведенные словообразовательные параллели и соотношения, никаких словообразовательных осложнений предлагаемое чтение не привносит.

Какова семантика слова *обѣситися*, рассматриваемого как образование с корнем *бѣс-*? Определенный материал для получения ответа на этот вопрос дает рассмотрение значения ближайшего к интересующему нас глаголу слова *бѣситися*, от которого с приставкой *о-* и был образован глагол *обѣситися*. В старославянском языке слово *бѣситися* отмечено в Супрасльской рукописи и в Саввиной книге со значениями «бесноваться, неистовствовать», «быть одержимым злым духом», и, что весьма любопытно, «быть лунатиком». В других евангельских кодексах в соответствующих местах встречается глагол *бѣсноватися*. Приведем пример использования слова *бѣситися* в последнем значении, в соответствии с греческим *σεληνιαζεσται* по Саввиной книге: «Помилоуи с(ы)на моего, јако на новъ мѣ(с)ц(ь) бѣситъ с(я)» (Мф. 17, 15). В «Материалах» И. И. Срезневского приводится слово *бѣситися* в значении «быть одержимым злым духом, неистовствовать, быть сумасшедшим». Последнее значение приведено в дополнениях к «Материалам» с примером из Юрьевского евангелия, Мф. 12, 22 (в Саввиной книге так же) и из Ефремовской кормчей. Вот эти примеры: «Приведоша къ нему бѣсящъся слѣпъ и нѣмъ» (Юрьевск. ев.; греч.: *δαίμονιοφθελος*); «О имоуштихъ подроужие бѣсяшетеся и того ради хотяштихъ иноу поити» (Ефр. кормч.; в греч. так же, как и в предыдущем примере). Из других примеров, приведенных у Срезневского, стоит воспроизвести пример из Новгородской кормчей 1280 г.: «Аще (кто) истинно бѣситъ никакоже (с)подобитъс(я) с(вя)тыхъ даровъ». Другие примеры даны из Изборника 1073 г., Триоди постной XI в., Слова Даниила Заточника. Представляет с семантической точки зрения интерес и глагол *бѣсоватися* «сходить с ума», приведенный с несколькими примерами в основном тексте и в дополнениях к «Материалам» И. И. Срезневского; можно указать также на существенное для дальнейшего соответствие в одном из примеров слова *бѣсование* греческому *μανια*.

Таким образом, по всей видимости, глагол *обѣситися* обладал в древнерусском языке широким значением. Первично, конечно, он означал «предаться злomu духу, бесу». Затем на этой семантической основе развиваются дополнительные оттенки значений. Тогдашние представления о причинах необычного поведения привели к тому, что глаголы с корнем *бѣс-* стали использоваться для обозначения различных видов необычного поведения. *Бѣситися* (и, видимо, *обѣситися*) означало «неистовствовать», «вести себя ненормально под воздействием алкоголя».²⁶ Далее этот глагол

т. 1—3, а частично также слова из чехословацкого словаря старославянского языка (Slovník jazyka staroslověnského, 4. Praha, 1961).

²⁶ Ср. в Изборнике 1076 г., л. 237: «Питие мѣрьное сыть напѣляеть и всеселить Бѣзмѣрьное же бѣшеньство есть» (Изборник 1076 года. М., 1965, стр. 623). В «Материалах» Срезневского (т. I, стлб. 339) ср.: «возбѣснѣша јако піаніи» (Соф. вр.) и др.

мог обозначать и состояние при некоторых заболеваниях с неправильным поведением; при заболевании бешенством, как это видно и из современного значения слова, при лунатизме, как это видно из приведенного примера. *Бѣситися* применялось, наконец, вообще по отношению к сумашествию, к различным душевным болезням; показательно в этом смысле выражение *бѣсовья болѣзнь*, приведенное Срезневским по источнику XVI в.²⁷

Решать вопрос о том, с каким оттенком значения употреблен в «Слове» глагол *обѣситися*, целесообразно с привлечением сведений лингвистического характера. Слово *обѣситися* является сказуемым; субъектом действия является Всеслав. Какими данными располагаем мы о Всеславе?²⁸

Дошедшие до нас летописи содержат ряд упоминаний о Всеславе. Не все они достоверны, в некоторых видны позднейшие попытки осмыслить деятельность князя, приписать подчас полоцкому князю и несвойственные ему черты, которые виделись, быть может, его политическим противникам, связать летописный образ Всеслава с фольклорными мотивами.²⁹ Но «Слово» создавалось спустя более сотни лет после события, которого касается наш отрывок, почти через сотню лет после смерти самого Всеслава. И естественно, что в памятнике отразился не непосредственно реально-исторический полоцкий князь, но Всеслав, воспринимаемый автором «Слова» через эпическую и летописную традицию.

По данным летописи, вступивший на престол в Полоцке в 1044 г. князь Всеслав в 1060 г. в союзе со своими дядями — Ярославичами Святославом, Изяславом и Всеволодом выступил против торков. Под 1065 г. в летописи записано о том, что Всеслав поднял междоусобную войну; в 1067 г. ему удается занять Новгород; на Всеслава пошли трое Ярославичей; 3 марта на Немиге у Минска войско Всеслава было разбито, а сам он бежал. В июле Изяслав пообещал, что он не тронет Всеслава, если тот сам придет к Ярославичам. Но, когда Всеслав поверил и шел уже вслед за Изяславом к шатру, его схватили, нарушив крестоцелование, и, доставив из района Смоленска в Киев, посадили в темницу. Спустя год, после поражения Ярославичей в битве с половцами и бегства Изяслава в Киев, народ взбунтовался и Изяславу пришлось покинуть и Киев, убегая в Польшу. А Всеслав был освобожден восставшими и прославлен среди двора княжеского, т. е. провозглашен князем киевским. В освобождении Всеслава видели «силу креста», ибо, заточив Всеслава, Изяслав нарушил клятву, данную на кресте. Возможно, что к этому времени относится установление близких отношений Всеслава с основателем Печерского монастыря Антонием, выступавшим, видимо, против нарушения Изяславом крестоцелования, за что позже Антония преследовал Изяслав (Антонию пришлось укрыться у Святослава в Чернигове). Но в 1069 г. Изяслав в союзе с польским королем Болеславом пошел на Всеслава.

К этому времени и относятся события, упоминаемые в рассматриваемом отрывке «Слова». Вот что сообщается о них в летописи: «В лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомъ на Всеслава; Всеслав же поиде

²⁷ Срезневский. Материалы, т. I, столб. 222.

²⁸ Самый полный обзор этих данных имеется в незаконченной и устаревшей уже работе Д. С. Леонардова «Полоцкий князь Всеслав и его время» (Полоцко-витебская старина, вып. II, Витебск, 1912, стр. 121—216; вып. III, Витебск, 1916, стр. 85—180).

²⁹ См.: А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 180, 220, 522, 625 и др.

противу. И приде Белугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянь бѣжа из Бѣлагограда Полоцкску. Заутра же видѣвше людье князя бѣжавша, възвратишася Киеву, и створиша вѣче, и послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: „Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны Лядскую землю, а поидѣта в град отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: зажегше град свой, ступим въ Гречьску землю“». ³⁰ Братья успокоили киевлян, ответив, что Изяслав придет с небольшими силами. Изяслав, вернувшись, перебил и ослепил несколько десятков киевлян, в том числе и невиновных. Преследуя Всеслава, Изяслав изгнал его из Полоцка, заменив своим сыном Мстиславом (а после последовавшей вскоре его смерти — его братом Святополком). Всеслав в том же году «явился перед Новгородом с толпами финского племени води, или вожан, среди которых, следовательно, нашел он убежище и помощь». ³¹ Новгородцы разбили вожан, но самого Всеслава отпустили. Но и после этого разгрома он не отказался от борьбы. Собрав дружину, в 1071 г. он выгнал из Полоцка Святополка, хотя у Голотическа в том же году потерпел поражение от брата Святополка — Ярополка. В 1073 г. Изяслав стал вести с Всеславом какие-то переговоры, что было, видимо, одним из оснований изгнания Изяслава из Киева его братьями. Всеслав продолжал действовать, стремясь, видимо, расширить пределы Полоцкого княжества, достигшего, пожалуй, при нем вершины своего значения. В «Поучении» Владимира Мономаха вспоминается, что «Всеславъ Смоленскъ ожъже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню и не застахом... въ Смолинскѣ. Тѣм же путем по Всеславе пожечъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска...». ³² Эти фразы следуют после слов о смерти Святослава (1076 г.). Наконец, под 1101 г. в летописях находится запись о смерти Всеслава с перепутанной датой. ³³ Как видим, даже по скупым летописным данным жизнь Всеслава, прокняжившего в Полоцке «рекордный» срок — 57 лет, была богата событиями.

Бесспорно, Всеслав пользовался большой популярностью. Об этом свидетельствует то, что, несмотря на многие поражения и изгнания, ему удавалось снова и снова набирать дружину. Об этом говорит и то, что киевляне, освободив Всеслава, провозглашают его киевским князем. Всеславу удается завоевать приязнь не только русских, но и их соседей — финских племен. С ним, представителем боковой линии княжеского рода (Всеслав — сын Брячислава и внук Изяслава, единокровного брата Ярослава Мудрого, сына Владимира от дочери полоцкого князя Рогвольда — Рогнеды), приходилось считаться трем Ярославичам, неоднократно вступавшим с ним в союзы и войны.

Вероятно, популярностью Всеслава в известной мере объясняется то, что образ князя как бы сливается с героем устного народного творчества. Даже при осторожном подходе нельзя не отметить, что в богатыре-кудеснике Волхе Всеславиче отразились некоторые черты Всеслава (и наоборот, если говорить об образе Всеслава в летописи и, особенно, в «Слове»). Это, возможно, связано с некоторыми специфическими чертами биографии полоцкого князя, с особенностями его характера. По свидетельству лето-

³⁰ Повесть временных лет, т. I. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1950, стр. 115—116.

³¹ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, стр. 355.

³² Повесть временных лет, т. I, стр. 159.

³³ Там же, стр. 182; т. II. М.—Л., 1950, стр. 466.

писца, когда мать родила Всеслава, у него на голове оказалось «язвено»;³⁴ волхвы сказали матери: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего». «Еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ», сообщает летопись, фантастически объясняя возникновение «язвена» тем, что мать родила Всеслава «от вълхованья».³⁵ Но так же рожден и былинный Волх Всеславич.³⁶ Летописный Всеслав не только родился от волхования. Правда, летопись не сохранила фантастического рассказа о том, как Всеслав научился быть оборотнем, что делается в былине, где, между прочим, повторяется примечательная строкѣ:

Дружина спит, так Вольх не спит.

Но в летописи есть некоторые любопытные намеки, возникшие, возможно, под влиянием слухов о князе-кудеснике. Намеки эти мистичны. Так, несколько раз имя Всеслава связывается с крестом. При освобождении Всеслава из темницы в Киеве, куда он был заточен в результате нарушения крестоцелования, Всеслав, по словам летописи, приписывает свое освобождение кресту. Под 1069 г. в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, отмечается после известия о бегстве Всеслава к Полоцку, что «нашелся крест князя Владимира в Святой Софии на полатах, который захватил Всеслав».³⁷ После слов, восславляющих крест за освобождение Всеслава в Киеве, находятся очень примечательные слова, которые обычно уже читаются не как прямая речь Всеслава, а как слова летописца: «Аще бо бывають от бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомъ, прогоними бывають».³⁸ Возможно, эти слова и действия, связанные с крестом, отражали какие-то действительно имевшиеся мистические увлечения князя, но не исключено и то, что они, как и сближение с Всеславом Антония, свидетельствуют о стремлении церкви использовать фигуру популярного князя. Во всяком случае, эти сообщения, как и другие сообщения летописи, должны восприниматься критически.

Всеслав в «Слове» выступает вообще как князь-кудесник, который под стать былинному Волху Всеславичу. В то время как его воины спят, Всеслав скачет волком от Дудуток (видимо, под Новгородом) до Немиги (видимо, у Минска), дорыскивает за ночь от Киева до Тьмуторокани. Всеслав «Слова» до рассвета перерыскивает дорогу Хорсу, языческому богу солнца.³⁹

Теперь можно снова обратиться к ситуации, описываемой в рассматриваемом отрывке «Слова». Популярный князь, о котором идет слава как о кудеснике, вдруг ночью без ведома киевлян, недавно провозгласивших его своим князем и собравшихся под его водительством на битву с изгнанным ими же самими Изяславом, приведшим чужеземцев, убегает из

³⁴ Язва, яма? См. названную работу Д. С. Леонардова (вып. II, стр. 150 и сл.).

³⁵ Повесть временных лет, т. I, стр. 104. Волшебному рождению князя летописец приписывает и его «немилостивость на кровопролитие»; возможно, как полагал А. А. Шахматов (Разыскания, стр. 14), эта запись является припиской, сделанной после захвата Всеславом Новгорода.

³⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, стр. 39.

³⁷ Повесть временных лет, т. II, стр. 400.

³⁸ Там же, т. I, стр. 115.

³⁹ Былинному Волху и Всеславу «Слова» посвятил ряд специальных исследований Р. О. Якобсон (с соавторами): R. Jakobson, M. Szeftel. The Vseslav Epos.—Selected Writings, IV, The Hague—Paris, 1966, pp. 301—368; R. Jakobson, G. Ružičić. The Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav Epos.—Там же, pp. 369—379. Относительно былины см. еще: В. Я. Пропп. Русский героический эпос. [Л.], 1955, стр. 67—72 и др.

Белгорода в родной Полоцк. О Всеславе не сохранилось представления как о трусе, напротив, его популярность могла скорее питаться храбростью. Как же объяснить, что этот любимый и храбрый князь, быть может и связанный с нечистой силой (вера в языческих богов еще не искоренена, быть может, христианские бесы это и есть языческие боги?), князь, о рождении которого поговаривают, что оно произошло не без участия волхования, князь, известный тем, что дружина спит, а он не спит (уж не лунатик ли Всеслав?), этот князь ночью, в синей мгле, тайком от преданных ему киевлян бежит? Уж не обесился ли он? Не вселились ли в него бесы? Представляется, что такая квалификация поступка Всеслава в народной молве, в эпосе, под пером автора «Слова» по крайней мере вероятна.

В свете этих соображений может быть интерпретирована и сжатая характеристика Всеслава, данная следующими словами: «Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ нѣ часто бѣды страдаше». Не касаясь здесь возможного понимания определения в словосочетании «въ друзѣ тѣлѣ», допуская, что оно означает либо «в отважном», либо «в двойном», допуская также, что не исключена возможность прочтения слова бѣды как искаженного бѣднѣ, но не настаивая на ней, считаем целесообразным обратить внимание на некоторые оттенки в значении глагола *страда* Наряду со значением «работать, трудиться» в «Материалах» И. И. Срезневского приведены и примеры употребления глагола *страда* в значении «страдать, мучиться», добавим «болеть». Воспроизведем некоторые из этих примеров: «Внѣ мои... на новѣ мѣсяцѣ бѣсноу^нтъся и злѣ страждеть (Остромирово евангелие, Мф. 17, 15)»; «Страждѣщеи отъ лх^а нечистыхъ ц^ак^лк^ахъ ж^са (там же, Лк. 6, 18)»; «бѣднѣ стража (Четвероев. 1144 г., Мф. 8, 6; в Остр., Асс: лютѣ яко стражда)». ⁴⁰ Если последний из приведенных примеров может быть аргументом в пользу чтения бѣды как бѣднѣ, то первые два демонстрируют использование глагола *страда* для обозначения болезненного состояния человека, в которого «вселились бесы». Всеслав, человек с вещей душой, был болен, причем болезнь его, периодически обостряясь, не составляла тайны для окружающих. Таинственной кажется им симптоматика заболевания, именно она порождает изумление и суеверный страх; вместе с тем окружающие понимают, что Всеслав страдает.

Возможна ли подобная (разумеется, гипотетическая) ситуация? Привлекая к анализу симптоматологические данные, мы вправе ответить на этот вопрос утвердительно; более того, приводимые факты хорошо согласуются с предположением об эпилептоидном характере личности Всеслава. Весьма характерны для соответствующих синдромов слуховые галлюцинации типа колокольного звона (не так ли следует понимать следующее место: «Тому въ Полотыскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Киевѣ звонъ слыша?»), не исключены и галлюцинации зрительные (ср. неожиданное в контексте летописного повествования об освобождении Всеслава из темницы упоминание о бесовских видениях, возможно смущавших князя). Зачастую при эпилепсии не наблюдаются припадки: их замещают так называемые эквиваленты, протекающие в форме необычайно ярких галлюцинаций и состояний транса, снохождения (знаменательна приписываемая Всеславу способность «рыскать» ночами; так же, быть может, объяснялось и странное бегство князя. При этом — в полном соответствии с «логикой оборотни-

⁴⁰ Срезневский. Материалы, т. III, столб. 531—532.

чества», неотъемлемой, по А. Ф. Лосеву, чертой мифотворчества — вместе с трансформацией поведения трансформируется и облик, физическое воплощение загадочной личности: иной, «ночной» Всеслав эпоса — это волк).

Необходимо подчеркнуть, что система образов, в которой дан Всеслав в «Слове», не может быть сведена к интерпретации поведения конкретного исторического прообраза. Всеслав «Слова» — фигура, к которой могут быть подысканы те или иные параллели фольклорно-эпического плана. Нас занимают в данном случае лишь реально-исторические предпосылки, образующие соотношение Всеслава «Слова» и Всеслава-личности. Иными словами, мы пытаемся реконструировать факторы, обусловившие отнесение определенного класса художественных образов к определенному лицу. И среди этих факторов следует, как кажется, отвести место и психологическим особенностям личности Всеслава.

В эту гипотетическую картину удачно вписываются некоторые общие биографические черты и исторические детали, скупо, но с достаточной определенностью отмеченные в летописи. Маниакальное упорство и лихорадочная активность князя не умяются очередными неудачами, он постоянно находит новых сторонников, он опасный противник, это очевидно. Почему же новгородцы, разгромив вожан, возглавляемых Всеславом, отпускают его «бога ради»? Случайно ли в «Слове» припевка Бояна «Ни хытру, ни горазду... суда божіа не минути» следует непосредственно за упоминанием о часто страдающем князе с вещей душой? Обсуждая эти вопросы, нельзя не вспомнить, что «обесившийся» — не столько повелитель, сколько жертва таинственных сил, с которыми он связан; он возбуждает страх, но и достоин милосердия.

Итак, наряду с уже имеющимися чтениями обладает некоторой вероятностью и понимание слова *объсися* в выражении, вынесенном в заголовок этой статьи, как «обесился» с корнем *бъс-* и со значением «стал подвластным бесу», возможно, и «испытал лунатический приступ». Мы не можем настаивать на предложенном чтении как на единственно возможном. Но представляется, что предлагаемое чтение по крайней мере равновероятно с общепринятым.

Т. А. СИДОРОВА

Волотовская фреска «Премудрость созда себе дом» и ее отношение к новгородской ереси стригольников в XIV в.

Композиция волотовской фрески «Премудрость созда себе дом» посвящена одному очень редкому иконографическому сюжету, бытовавшему на Руси, в его ранних вариантах, в XIV—XVI столетиях. Мне известны следующие памятники с изображениями на эту тему: 1) деревянный резной образок из б. коллекции А. С. Уварова;¹ 2) деревянный образок сквозной резьбы, принадлежавший ранее пинскому князю Федору Ивановичу Ярославичу (1499—1522 гг.);² 3) костяной резной складень из б. Костромского Ипатьевского монастыря;³ 4) икона из Кириллова монастыря близ Новгорода;⁴ 5) икона в Покровском храме Рогожского кладбища в Москве;⁵ 6) изображение на южной двери, ведущей в алтарь Единоверческой церкви города Риги;⁶ 7) фреска в притворе Волотовской церкви в Новгороде.⁷

Наиболее полной по составу иконографии из числа этих композиций является новгородская икона из Кириллова монастыря (в настоящее время — в Третьяковской галерее), наиболее ранней в хронологическом отношении — фреска в Волотове. И, хотя непосредственным объектом моего исследования является волотовская фреска, я остановлюсь предварительно на иконе из Кириллова монастыря, в которой особенно детально разработан данный сюжет (рис. 1).

¹ А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, т. I, М., 1910, стр. 141—151, рис на стр. 151; Каталог собрания древностей А. С. Уварова, отд. VIII—XI, М., 1908, стр. 26—30, рис. 13 на стр. 28.

² А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, стр. 141—151; Ch. Cahier et A. Martin. Monument slave religieux du moyen âge. — Mélanges d'Archéologie, d'Histoire et de Littérature, I, Paris, 1847—1849, p. 127, pl. XXV.

³ Н. В. Покровский. Древности Костромского Ипатьевского монастыря. — Вестник археологии и истории, изд. Археолог. ин-том, вып. IV, СПб., 1885, стр. 1—34, табл. V, 2.

⁴ В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи (Государственная Третьяковская галерея), т. II, М., 1963, стр. 25, табл. 3—5; Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, т. II, М., 1860, стр. 122—123.

⁵ Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. I, Иконография... Иисуса Христа. СПб., 1905, стр. 88, № 34.

⁶ М. В. и А. И. Успенские. Очерки церковных древностей города Риги. — Труды X археологического съезда в Риге, 1896 г., т. III, М., 1900, стр. 191—192, № 138.

⁷ Архитектурные чертежи церкви Успения на Волотовом поле, исполненные академиком В. В. Суслымовым. Ленинград. Научно-исследовательский музей Академии художеств СССР (№ А-3602); см. также: Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, фонд Л. А. Мацулевича, № II, 333.

Икона составлена на слова IX главы Притчей Соломона: «Премудрость, созда себе дом и утверди столпов семь; закла своя жертвенная и раствори в чаше своей вино и уготова свою трапезу; посла своя рабы, созывающи с высоким проповеданием на чашу, глаголющи: еже есть безумен, да уклонится ко мне. И требующим ума рече: приидите, ядите мой хлеб и пейте вино, еже растворих вам» (Кн. притч., IX, 1—6).

В основе иконы лежат толкования отцов церкви, связывающие идею Премудрости с воплощением второго лица Троицы и евхаристией.⁸

Икона разделена горизонтально на две неравные части. В нижней, большей по размеру, слева изображена фигура Премудрости с восьмиконечным нимбом, в белом длинном хитоне античного покроя, сидящая на скамье, подпираемой, согласно словам притчи, семью столпами. Фигура Премудрости окружена пятью концентрическими кругами небесных сфер. В левой руке она держит чашу — символ евхаристии, в правой руке — жезл. Вся поза Премудрости, преисполненная сильного внутреннего движения, с грозным, почти гневным ликом, с плащом, развевающимся в вихревом порыве, являет как бы внезапное видение божества среди разверстых небес (рис. 2).

Из пяти кругов «славы» три внутренние не имеют изображений, четвертый, огненно-красный, заключает, соответственно видению Иезекиила (Иез. I, 1—28), изображение четырех символических животных, серафимов и крылатых колес; во внешнем, самом широком, темно-оливковом, облачном поясе помещены в отдельных кругах изображения восьми чинов ангельских: ангелы шести кругов даны в виде человеческих фигур с крыльями, в соответствующих их чину одеяниях, по три в каждом круге (по три чина в каждой небесной иерархии по Дионисию Ареопагиту),⁹ один чин в виде шестикрылой фигуры серафима и, наконец, чин тронов олицетворяется изображением престола.

В верхнем правом углу изображена Богоматерь, сидящая на скамье с двойной мутакой, с младенцем на лоне, окруженная четырьмя концентрическими кругами, из которых внешний заключает в себе изображения серафимов.

Между кругом с Премудростью и кругом с Богоматерью — этими основными моментами композиции — развертывается главное ее действие: в центре иконы мы видим группу из семи фигур, юных, безбородых, одетых в хитоны и гиматии, выступающих вправо и держащих чаши в протянутых руках. Это «рабы» Премудрости, созывающие «с высоким проповеданием на чашу», — символический образ апостольского служения. Навстречу этим фигурам стремительно бросаются семь других фигур, «требующих ума», в аналогичных одеяниях, также юных и безбородых, расположенных в правом нижнем углу иконы. Каждая из этих групп замыкается двумя фигурами — слева фигурой царя Соломона с развернутым свитком в руке, в короне, долматике и плаще, склоняющегося через борт кивория, в котором он помещен (надпись на свитке его воспроизводит первые слова Притчи), справа — монументальной фигурой Иоанна Дамаскина в преподобнических одеяниях, с платом на голове; на свитке, который он держит в левой руке, указывая на него перстом правой, можно разобрать слова: «Всеинная и животуподательная Мудрость божия» и т. д.

Внизу, под группой «рабов», — продолговатой формы престол с «уготованной на нем трапезой»; перед престолом на переднем плане иконы —

⁸ А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, стр. 147.

⁹ Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Изд. 6-е, М., 1898, стр. 21.

слуга или «раб», юный, как и остальные, с плащом, препоясанным под грудью, наполняет чаши из большого сосуда, погруженного в землю, по форме напоминающего античный дифос. В левом нижнем углу иконы, под кругом с Премудростью, двое слуг закалывают двух тельцов, что одновременно иллюстрирует слова притчи «закла своя жертвенная» и является ветхозаветным прообразом евангельской жертвы.

В верхней части иконы — изображение мощного здания храма, данного в разрезе, из шести палат, увенчанных одним куполом; на фоне палат представлены семь вселенских соборов. Над храмом семь кругов, три слева и четыре справа, с поясными фигурами ангелов, которые держат развернутые свитки в руках; надписи на свитках заимствованы из разных мест книги «Премудрости Соломона». По принятому в науке мнению, семь ангелов символизируют семь духов пророка Исаии (Ис., XI, 2).¹⁰

На остальных перечисленных мною памятниках, в основном, дана та же композиционная схема с некоторым разнообразием в деталях и с меньшей иконографической полнотой (рис. 3 и 4). Основные смысловые моменты данного сюжета — круг с фигурой Премудрости и круг с Богородицей, царь Соломон, Иоанн Дамаскин, группа с евхаристическим действием и группа с закланием тельца — присутствуют в тех или иных соотношениях на всех памятниках.

В ряду композиций на тему «Премудрость созда себе дом» раннего евхаристического перевода самой замечательной является волотовская фреска (рис. 5).¹¹ Она старше рассмотренных композиций столетия на полтора—два и датируется годом росписи Волотовского храма — 1363, т. е. серединой XIV в. Неосложненная позднейшими иконографическими деталями, она являет тот первоначальный тип, ту основную сюжетную структуру, к которым восходят последующие варианты. По-видимому, в ней мы имеем первоначальное появление данного сюжета на русской почве. В юго-славянских странах подобные композиции были довольно распространены в фресковой росписи XIII—XIV вв.

Расположение фигур на волотовской фреске иное, чем на рассмотренных памятниках, и диктуется тем пространством стены, которое ей уделено: помещаясь на правом скате притвора, фреска имела форму удлиненного прямоугольника, в котором изображение разворачивается слева направо по горизонтали от западной стены церкви к внешнему краю притвора.

В левой части, на первом плане, изображена фигура Премудрости (рис. 6) в виде царственной женщины, сидящей в монументальной позе, слегка откинувшись назад, с поворотом в три четверти слева направо; ноги покоятся на продолговатой низкой подставке. Голова приподнята. В правой, слегка согнутой в локте руке — жезл, верхушки которого не видно (надо сказать, что фреска сильно разрушена и некоторые части изображений стерты почти до очертаний), левая, согнутая в локте рука опирается на левое приподнятое колено и держит небольшой круглый сосуд в виде плоской чаши. Вокруг головы — восьмиугольный нимб, от которого остались одни очертания, однако вполне ясно различимые.

¹⁰ А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, стр. 148; J. Meyendorff. L'icongraphie de la Sagesse divine dans la tradition byzantine. — Cahiers archéologiques, Paris, 1959, X, p. 276. (Далее: J. Meyendorff. L'icongraphie).

¹¹ Волотовскую фреску мне довелось видеть в 1926 г. Я тогда же ее описала, и описание это привожу почти без изменений. Волотовская церковь уничтожена фашистскими захватчиками.

На Премудрости царский далматик и плащ, очертания которого образуют острые, сильные углы. Под плащом явно чувствуются формы широко и монументально поставленных ног. От лица и головы остались только очертания контура. Сидение, на котором покоится фигура Премудрости, не было обозначено, и только внизу из-под плаща видны две ножки его. Вся поза Премудрости величественна. Тип ее — тип царицы.

За спиной Премудрости, в диагональном направлении вглубь, изображен храм в виде открытого портика базиличной формы с семью колоннами; между колоннами — арочные пролеты; покрытие храма двускатное с фронтоном. За храмом, в левом верхнем углу — поясная фигура царя Соломона с широко над храмом выброшенным свитком, который он держит в вытянутой правой руке. Лик и нимб сильно стерты. Очертания приподнятой головы еле заметны.

В левом нижнем углу, позади фигуры Премудрости, под храмом, слегка закрывая его основание, изображен большой четырехугольный престол; между ножками его пологие арочные пролеты, у ног фигуры Премудрости — группа из трех слуг: двое из них влекут тельцов, поверженных на спину; ближайший к Премудрости слуга занес правую руку, чтобы пронзить шею тельца, но кисть руки вместе с клинком ножа утрачены. Третий «слуга» стоит между двумя другими, в неясной позе, склонившись вправо, в то время как приподнятая голова его резко обернута влево; тип юный, фигура вся, вместе с руками, завернута в плащ. Над группой слуг, на заднем плане, возвышается фигура старца, склоненная вправо; в правой руке старца развернутый свиток, широкой полосой спускающийся вниз, в направлении движения всей фигуры старца. Фон между фигурами Премудрости и старца занят горкой, вздымающейся широкими уступами с уклоном вправо, что лишний раз подчеркивает общую направленность движения; правее старца — компактная группа «рабов» Премудрости, в которой ясно различимы только три ближайшие к зрителю фигуры, с ритмическим усилением склоняющиеся также слева направо; передний из «рабов» в протянутой вперед руке держит чашу.

Следующая часть композиции состоит из группы «верующих» — «требующих ума», по словам притчи, противостоящих группе «рабов»; передний из них принимает чашу из рук «раба». Группа «верующих» замыкается фигурой старца, стоящего в фас и прямо перед собой держащего развернутый свиток с надписью; лик и голова старца сильно разрушены проходящей здесь вертикальной трещиной.

Последняя фигура всей композиции — Богоматерь. Она сидит на троне с круглой спинкой, почти в фас к зрителю, с легким уклоном влево; правой рукой она касается правого плеча младенца, левая рука ее не видна. Младенец изображен на лоне матери; руки его сложены у груди, но жеста их разобрать невозможно; лик его утрачен, даже очертаний почти не сохранилось.

Изумителен общий ритм композиции; вся она объединена одной кривой, широкими пологими взлетами и понижениями ведущей от фигуры Премудрости и храма с Соломоном к Богоматери на престоле. Начинаясь в левом верхнем углу с Соломона, с его стремительно выброшенным вправо свитком, эта кривая спускается вниз по диагонали храма к торжественно сидящей фигуре Премудрости, в которой дается первый подчеркнутый центр всего смыслового значения сцены. Затем, круто вздымаясь вверх, вдоль склоненной вправо горки, эта линия охватывает старца и двух «рабов», а также группу «требующих ума», для того чтобы найти свое завершение в фигуре Богоматери на троне — втором и, может быть, наиболее важном и окончательном символическом центре фрески. Не слу-

чайно Богоматерь изображена значительно крупнее всех остальных фигур сцены, не исключая и фигуры Премудрости.

В вологовской фреске прежде всего обращает на себя внимание необычный для этой композиции женственный образ Премудрости. Кого понимал художник под этой фигурой? Во всех остальных приведенных мною памятниках аналогичная фигура представляет собою юный тип, абстрактный по отношению к каким-либо определениям мужского или женского начала. Вместе с тем, фигура Премудрости на вологовской фреске не может быть поставлена в один ряд с аллегорическими олицетворениями, украшающими под этим названием некоторые византийские иллюстрированные рукописи. Это не олицетворение и не аллегория. Звездчатый нимб вокруг головы Премудрости вологовской фрески с неоспоримой ясностью свидетельствует об ипостасности этого образа.

Правомерно поставить вопрос: почему именно в Новгороде и именно в XIV в. появилась такая композиция, как «Премудрость созда себе дом»? Какие исторические акты обусловили ее появление и какие идейные течения легли в ее основу?

В исследовательских сочинениях о Новгороде прекрасно охарактеризован политический строй этого уникального в истории России города — «города-государства», очень четко выявлено экономическое и социальное положение классов новгородского общества с их классовой борьбой, так ярко описанной в новгородских летописях, наконец с почти документальной точностью рассказана история новгородской республики, ее строительства, но чрезвычайно мало уделено внимания идейной жизни новгородцев. «Культурная жизнь древнего Новгорода до сих пор мало изучена», — говорит М. В. Алпатов.¹² Во что верил, как мыслил новгородский человек, каково было его мировоззрение и внутренний облик — что мы знаем об этом?

Древнего новгородца обычно рисуют как человека делового, энергичного, в высшей степени независимого и свободолюбивого, подчас своевольного и непокорного, склонного к широкому размаху в практической деятельности (новгородские ушкуйники, былинные Садко, Васька Буслаев), но малоспособного углубляться в тонкости отвлеченных вопросов. В последнем сходится большинство исследователей. Говоря о «теплой задушевности новгородской религиозности», В. Н. Лазарев замечает, что «эта религиозность выдается своим трезвым, абсолютно не метафизическим духом».¹³ Характеризуя новгородскую среду, в которую попал Феофан Грек после византийского общества, В. Н. Лазарев снова повторяет, что «новгородцы ... должны были поразить его своей деловитостью, своим трезвым и ясным образом мышления, своим полным равнодушием к отвлеченным теологическим проблемам».¹⁴ Н. Г. Порфиридов также указывает на деловой склад характера и культуры новгородцев, «никогда не отличавшихся склонностью к богословско-философским абстракциям».¹⁵

И тем не менее именно в этом деловом, практическом, чрезвычайно преданном житейским интересам городе нашла глубокое жизненное применение одна из величайших философско-символических идей — идея Софии — Премудрости божией. Насколько тесно была связана жизнь древнего новгородца с этой идеей, показывают многочисленные молит-

¹² М. В. Алпатов. Фрески храма Успения на Вологовом поле. — Сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР», М.—Л., 1948, стр. 112.

¹³ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 10.

¹⁴ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 36.

¹⁵ Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М.—Л., 1947, стр. 171.

Рис. 1. Икона «Премудрость созда себе дом», конца XV—начала XVI в.,
из Кириллова монастыря близ Новгорода.
Государственная Третьяковская галерея

Рис. 2. Икона «Премудрость созда себе дом», конца XV—нач. XVI в.,
из Кириллова монастыря близ Новгорода. Деталь.
Государственная Третьяковская галерея

Рис. 3. Деревянный резной образок XV—XVI вв., из бывшей коллекции А. С. Уварова.
Государственный Исторический музей.

Рис. 4. Деревянный образок сквозной резьбы, конца XV—начала XVI в., принадлежавший кн. Пинскому.

Рис. 5. Фреска «Премудрость созда себе дом» в церкви Успения в селе Волотове близ Новгорода. 1363 г.

венные обращения к Софии в самых различных случаях жизни; этими обращениями пестрят новгородские летописи. В начале XIII в., когда князь Ярослав поднимал вопрос о перенесении новгородской торгвли в Торжок, он получил грозный отпор: «Да не будет Новый тѣрг Новгородом, ни Новгород Тѣржком, и кѣде святая Софія ту Новгород». ¹⁶ После описания взятия и разрушения новгородцами в 1300 г. шведской крепости на берегу Невы (Ландскроны — «Венец земли») ле-

Рис. 6. Фреска «Премудрость созда себе дом» в церкви Успения в селе Волоотове близ Новгорода. 1363 г. Деталь.

Рисунок с натуры худ. Т. Т. Амировой.

тописец прибавляет: «А покой, господи, душа в царствии небесном тех, иже у города главы своя положиша за святую Софею». ¹⁷ То, что Новгород не подвергся татарским погромам, новгородцы приписывали заступничеству св. Софии: «Всю землю Русскую положиша пусту (татары, — Т. С.), толко Новѣгород ублюде бог и святая Софья», ¹⁸ — читаем мы в Новгородской летописи после описания разгрома Твери в 1327 г. Кого же (или что) понимали новгородцы под именем «св. Софии»? Только ли храм, посвященный ей? Или, может быть, Богоматерь? Очевидно, не храм, поскольку понятию Софии приписывается, наряду с реальностью существования, могущественность, действенность. И не Богоматерь, что явствует из таких выражений летописи, где Богоматерь фигурирует наряду с Софией, как например: «... молитвами же святыя Богородица и святыя Софея пособием», ¹⁹ или: «Милостью божьею

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 55.

¹⁷ Там же, стр. 331; Д. С. Лихачев. Новгород Великий. М., 1959, стр. 48.

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 98.

¹⁹ Там же, стр. 360.

и святей Софии заступлением и молитвами пресвятыя владычица Богородица наша... взяша город»²⁰ (т. е. «малой ратью» взяли у шведов город Орешек). «Святая София» в глазах новгородцев являлась совсем особым божественным существом, палладиумом и патронессой города, наподобие того, чем была Афина Парфенос для древних Афин. Софии была посвящена главная святыня города — Софийский собор, ее изображали в виде огненного ангела на иконах, а когда новгородцы с 1420 г. стали чеканить свою монету, изображение Софии нашло на ней свое законное место.²¹ Однако сущность новгородского верования в это загадочное существо остается нераскрытой до сих пор. За исключением краткой, но содержательной статьи А. В. Арциховского мало что мы имеем на эту тему в русской научной литературе. «Искусствоведы не исследовали до сих пор должным образом иконографию новгородской Софии», — говорит А. В. Арциховский и наиболее подробное исследование о ней видит в богословской работе П. А. Флоренского.²² К сожалению, П. А. Флоренский в своем описании различных иконописных типов Софии Премудрости божией — новгородского, ярославского и киевского — не уделил должного внимания композиции «Премудрость созда себе дом» на известных ему образках князя пинского и ипатьевского костромского складня, упомянув о них лишь как об «особняком стоящих». Образок князя пинского он определил как «Пир Премудрости», а изображение на ипатьевском складне, вслед за Н. В. Покровским, неверно истолковал как «Поучение 12-тилетнего Христа в Иерусалимском храме»,²³ в то время как основные элементы изображения — фигура Премудрости, круг с Богородицею, закание тельцов, фигуры — старца, Соломона, группы «апостолов» и «верующих» и общее расположение не оставляют никакого сомнения, что здесь мы имеем ту же композицию «Премудрость созда себе дом», хотя и в несколько сокращенном виде (рис. 7).

В иностранной литературе замечается за последние десятилетия повышенный интерес к учению о Софии и к ее иконографии.²⁴

Не беря на себя сложнейшую задачу выяснения идеи Софии в ее философско-богословской эволюции и иконографии, остановлюсь на некоторых толкованиях, которые могли лечь в основу композиции «Премудрость созда себе дом».

В первые века нашей эры, в эпоху апологетики и патристики, Софию отождествляли со вторым лицом Троицы — Логосом. Это воззрение, начало которому положено апостолом Павлом (I Кор. I, 24), развивает дальнейшее греческое богословие во главе с Иустином Философом (II в.),²⁵ Оригеном (III в.),²⁶ Афанасием Александрийским²⁷ и другими отцами церкви.

²⁰ Там же, стр. 361.

²¹ А. В. Арциховский. Изображения на новгородских монетах. — Известия АН СССР, Серия истории и философии, т. V, № 1, 1948, стр. 106.

²² Там же, стр. 103—104.

²³ П. А. Флоренский. Столп и утверждение истины. М., 1914, стр. 371 и прим. 673.

²⁴ См.: А. М. А м м а n. Darstellung und Deutung der Sophia im Vorpetrischen Russland. — *Orientalia christiana periodica*, vol. IV, Roma, 1938, pp. 120—156; А. Г р а б а r. *Etudes critiques, fin de l'antiquité et moyen âge.* — *Cahiers archéologiques*, Paris, 1956, VIII, p. 249; J. М е у е n d o r f f. *L'iconographie*, p. 259.

²⁵ Сочинения святого Иустина, философа и мученика. Русский перевод, введения и примечания П. Преображенского. М., 1892, отдел III (разговор с Трифоном, стр. 232, 233 и далее).

²⁶ Творения Оригена, учителя александрийского, в русском переводе, вып. I. О началах. Казань, 1899, стр. 23, 25 и др.

²⁷ Творения Афанасия, архиепископа александрийского, ч. I. М., 1851, стр. 332, 351 и др.

Особый смысл получило учение о Софии — Премудрости божией в связи с толкованием слов 9-й главы «Притчей» Соломона «Премудрость созда себе дом» и т. д. (см. выше). Очень рано слова эти начинают пониматься в значении таинства воплощения и таинства евхаристии; таково, например, толкование Киприана, епископа карфагенского (нач. III в.): «Так же чрез Соломона дух святой предначертал образ жертвоприно-

Рис. 7. Костяной резной складень с изображением «Премудрость созда себе дом» XVI в. Из б. Костромского Ипатьевского монастыря.

шения господня, указав не только на закланную жертву, на хлеб и вино, но и на жертвенник, и на апостолов».²⁸ Ипполит (III в.), Климент Александрийский, Игнатий Антиохийский (IV в.), Афанасий Александрийский (IV в.) также толкуют текст Соломона в связи с воплощением, указывая, что под «домом» следует разуметь «плоть человеческую», принятую на себя «Словом».²⁹

Наиболее полно выразил эту мысль Анастасий Синаит в приписываемых ему «Вопросах и ответах» о священном писании, именно в вопросе 42: «„Что значит Премудрость построила себе дом?“ Христос — Мудрость

²⁸ А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, стр. 147.

²⁹ J. Meuserdorff. L'iconographie, p. 260.

и Сила бога-отца построила себе дом, то есть плоть; ибо Слово стало плотью и обитало среди нас (Иоан. 1); утвердило столпов семь, то есть семь даров духа, как говорит Исаяя: и покоятся на нем семь духов божиих. Заклало свою жертву, то есть пророков, которые погибли за истину от неверных... Смешало в чаше вино свое, ибо в лоне святейшей девы соединило свое божество, как чистейшее вино, с плотью... послало своих рабов, то есть апостолов, призывающих весь мир к познанию бога».³⁰ Этот текст VII в., переведенный с греческого на болгарский язык в X столетии и из «Изборника» Симеона Болгарского попавший на страницы «Изборника» Святослава 1073 г.,³¹ вероятно, не только лег в основу многих последующих толкований, но по подробности своей мог послужить руководством для иконографических изображений на эту тему.

В России в XII в. киевский митрополит Климент Смолятич в своем послании к пресвитеру Фоме вкладывает тот же смысл в слова притчи Соломона: «Премудрость — божество, а храм — человечество» — и уточняет: «Христос вселился в плоть, заимствованную от девы Марии, как в храм».³² То же толкование находится в «Изборнике» XIII в.;³³ но в отличие от других памятников оба эти источника под семью столпами, на которых Премудрость утвердила свой дом, подразумевают не семь дарований св. духа, а семь вселенских соборов. Икона Третьяковской галереи «Премудрость созда себе дом» объединила в своей композиции оба эти воззрения: семь отделений или семь столбов церкви, с изображением соборов, завершаемые одним куполом, символизируют единство вселенской церкви, а семь кругов с ангелами — дарами св. духа — помещенные над нею, говорят о том, что она является вместилищем и обладательницей всей полноты дарований семи духов Исаяи (рис. 1, верхняя часть иконы).

Учение о Премудрости, как воплотившемся 2-м лице Троицы отразилось в некоторых церковных песнопениях. Слова канона на великий четверг: «Всевиновная и подательная жизни, безмерная Мудрость божия, созда храм себе от чистыя, неискусомужные матери, в храм бо телесно оболкийся — славно прославися Христос бог наш»³⁴ — свидетельствуют, что творец канона Козьма Маюмский (VIII в.) именно так понимал текст притчи Соломона. Так понимал его и мастер иконы Третьяковской галереи, поместивший начальные слова канона «Всевиновная и животуподательная Мудрость божия...» на свитке, простирающемся прямо под кругом с Богоматерью, и выразивший тем самым основную идею своего создания. В старце, который держит свиток, знаменательно указывая перстом на его текст, естественно было бы видеть Козьму Маюмского, автора канона, однако же белый плат на его голове — атрибут Иоанна Дамаскина — доказывает, что на иконе изображен именно этот последний.

Константинопольский патриарх Филофей (XIV в.) посвятил специальное толкование словам Притчи Соломона «Премудрость созда себе

³⁰ А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, стр. 148 (перевод с латинского, на котором этот текст приведен у Уварова, — мой); Каталог собрания древностей, стр. 26; см. также: А. М. А m m a n. Darstellung und Deutung, pp. 128—129.

³¹ J. Meyendorff. L'iconographie, p. 260, прим. 1.

³² Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме, неизданный памятник литературы XII в. Сообщение Х. Лопарева — ПДП, ХС, 1892, стр. 14—15.

³³ Н. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892, стр. 138—139.

³⁴ Канон Козьмы Маюмского, тропарь 1, в кн.: Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках. Перевод проф. Е. Ловягина, СПб., 1875, стр. 221.

дом».³⁵ Оно возникло в то время, когда византийское общество было охвачено волнением из-за церковных споров по поводу учения Григория Паламы о «Фаворском свете» и «Божественных энергиях». В духе этих идей в соответствии, по его собственным словам, с учением Дионисия Ареопагита,³⁶ Филофей вкладывает в понятие «Премудрости» идею «Промысла», как «действия всей единосущной и нераздельной Троицы», но прилагает это к «Сыну в особенности», в связи с его воплощением и установлением таинства евхаристии.³⁷ Под «домом», как и другие толкователи, Филофей подразумевает человеческую телесность, воспринятую Словом, — «храм свой телесный из непорочных кровей и плоти всесвятой девы Богородицы созданный»,³⁸ или же, — как он говорит далее — «под домом можем разуметь Богородительницу, святую Деву и Матерь ипостасной Мудрости бога Слова».³⁹ Интересно, что «семь столпов» Филофей толкует то как семь дарований св. духа,⁴⁰ то эсхатологически, как время «настоящей жизни ... протекающей в седмицах дней ... от создания мира до окончания».⁴¹ Слова «заколола свои жертвы» Филофей, в отличие от других толкователей, видевших в жертвах пророков и мучеников, понимает как добровольную жертву Иисуса Христа, «ибо сам Он — и дом свой и жертва, жертвователъ и, как бог, принимающий жертву».⁴² Наконец, в «уготованной трапезе» и «растворенном вине» Филофей видит «ту таинственную трапезу и вечерю, на которой Христос вечером, перед ночью страданий, угощал учеников своих»,⁴³ т. е. прямо связывает это с таинством евхаристии: «И под чашею всего лучше разуметь здесь самые ребра Спасителя, в которых сверхъестественным образом смешались кровь и вода».⁴⁴

Таковы ранние толкования Софии — Премудрости, которые хронологически предшествовали созданию волотовской фрески или были современны ей. Близость идей, умонастроений и непосредственные общения (путешествия, паломничества, патриаршие грамоты и т. п.), которыми был объединен в XIII—XIV вв. византийско-славяно-русский мир,⁴⁵ могли дать идейную основу для волотовской росписи.

В России линию понимания Премудрости как второго лица Троицы — Логоса продолжили Зиновий Отенский (XVI в.), написавший «Сказание известно, что есть Софеи Премудрость божия»,⁴⁶ и Иоанникий Лихуд (нач. XVIII в.) в сочинении: «Слово торжественное» о Софии — Премудрости божией.⁴⁷ Целью этих сочинений было истолковать именно в этом смысле образ Софии, изображенной в виде огненного ангела

³⁵ Епископ Арсени Филофея, патриарха константинопольского три речи к епископу Игнатию с объяснением изречения притчи «Премудрость созда себе дом» и проч. (Греческий текст и русский перевод), Новгород, 1898.

³⁶ J. Meyendorff. *Licopographie*, p. 262.

³⁷ Еп. Арсений. Филофея, патриарха константинопольского, три речи, стр. 101, 103, 109 и др.

³⁸ Там же, стр. 110.

³⁹ Там же, стр. 118.

⁴⁰ Там же, стр. 114.

⁴¹ Там же, стр. 112.

⁴² Там же, стр. 122.

⁴³ Там же, стр. 123.

⁴⁴ Там же, стр. 124.

⁴⁵ Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV вв.) М.—Л., 1962, стр. 15, 30—39.

⁴⁶ А. И. Никольский. София Премудрость божия. — Вестник археологии и истории, изд. Археолог ин-том, вып. XVII, СПб., 1906, приложение III, стр. 92, 94 и др.

⁴⁷ М. Сменцовский. Братья Лихуды. СПб., 1899, приложение, стр. 16 и др.

на знаменитой новгородской иконе, понимание которой к их времени в значительной мере утратилось.

Другая линия толкований, видевших в Софии Богоматерь, Девство. Церковь и т. п., широко отразившаяся в древнерусских рукописных сборниках начиная с XV—XVI вв.,⁴⁸ восходит к иной традиции и непосредственного отношения к вологовской фреске не имеет. Она легла в основу более поздних композиций на тему «Премудрость созда себе дом» — киевской с Богоматерью и ярославской с Распятием.

Если в русской иконографии вологовскую фреску предположительно можно считать первым произведением на тему притчи Соломона, то в южнославянских странах, где этот сюжет повторялся в церковных росписях довольно часто, она имела своих предшественниц.

В послеиконоборческую эпоху в Византии, в связи с вопросом о допустимости иконных изображений Христа, Богоматери, святых, сильно обострился интерес к христологической догматике, в особенности к тезису о боговоплощении и евхаристическому действию. Появление в этой области учений, искажающих церковную традицию (Михаил Пселл. Иоанн Итал и их последователи), а также усиление к этому времени богомильства и других дуалистических сект⁴⁹ побудило официальную церковь прибегнуть к ряду мер для борьбы с ересями.⁵⁰ Иконографическая иллюстрация к тексту 9-й главы «Притчей» Соломона в ее ортодоксальном истолковании оказалась как нельзя более подходящим средством для пропаганды церковных идей. В Македонии (Марков монастырь близ Скопие) и во многих сербских церквях XIII—XIV вв. — в Охриде, Студенице, Сопочанах, Дечанах и других — сохранились фрески на Софийные темы, так или иначе связанные с библейским текстом. Мейендорф предполагает, что в основе их могли лежать какие-либо византийские прототипы, до нас не дошедшие.⁵¹

Наиболее раннее из известных нам изображений на сюжет «Премудрость созда себе дом» — фреска в церкви Климента в Охриде — относится к 1295 г.⁵² Она старше вологовской фрески более чем на полвека и сильно отличается от нее как по композиции, так и по смысловому своему значению. Изображение помещается по обе стороны окна верхнего этажа церкви и имеет арочное обрамление. Премудрость представлена здесь в виде крылатой женской фигуры, восседающей (слева от окна) на троне с оборотом в 3/4 вправо. Перед ней прямоугольный стол с раскрытой книгой и евхаристическими сосудами на нем.левой вытянутой рукой Премудрость указывает на текст книги. Вокруг головы Премудрости двойной нимб — круглый с еле заметным перекрестием и объемлющий его квадратный. На голове повязка. Вся фигура Премудрости заключена в большое круглое сияние — славу. По другую сторону стола (справа от окна) — три женские фигуры: первая, ближайшая к столу, держит в руках вазу с евхаристическими хлебцами; две следующие — беседуют, причем одна из них, указывая другой на миниатюрное изображение Богоматери на фронтоне храма, стоящего позади фигур, говорит с многозначительным видом о чем-то важном и таинственном — конечно, о тайне боговоплощения. Так выражена в охридской церкви идея

⁴⁸ См.: А. И. Никольский. София Премудрость божия, стр. 73 и далее; П. А. Флоренский. Столп и утверждение истины, стр. 385 и далее.

⁴⁹ См.: Ф. И. Успенский. Богословское и философское движение в Византии XI и XII вв. — ЖМНП, 1891, сентябрь, стр. 102—159; октябрь, стр. 233—324.

⁵⁰ См.: J. Meyendorff. L'icônographie, p. 261.

⁵¹ См.: там же, p. 273.

⁵² См.: там же, p. 271, fig. 7.

воочеловечения Премудрости и евхаристически-жертвенное значение этого действия. Храм имеет семь колонн.

Нельзя не признать, что сложная композиция волотовской фрески со сценой заклания тельцов, с подчеркнуто-значительным монументальным образом Богоматери в «славе», с погрудным изображением Соломона, двумя старцами, в которых нужно видеть Козьму Маюмского и Иоанна Дамаскина — песнопевцев Богоматери, с группой верующих, стремящихся к чаше, преподносимой слугами Премудрости, — несравненно более полно и более глубоко выражает смысл Соломоновой притчи, чем охридская ее предшественница. В Волотове настолько своеобразно и самостоятельно понят и разработан сюжет притчи, что говорить о каком-либо юго-славянском влиянии можно разве лишь в плоскости идейной, но вряд ли иконографической. Предположение Мейендорфа, что создателями волотовской фрески были византийские мастера, ни на чем не основано.⁵³

Обращает на себя внимание крылатое изображение Софии в Охриде, очевидно, понятой мастером как «Ангел Великого совета». Изображение «Ангела Великого совета», по свидетельству исследователей,⁵⁴ было очень распространено как на Афоне, так и в славянских странах. Видеть же в данной фигуре влияние богомилства, отождествлявшего Христа с архангелом Михаилом, по мнению Мейендорфа, нет достаточных оснований.⁵⁵

Необычной кажется также интерпретация «слуг» Премудрости в виде женских фигур, тогда как в греческом тексте Библии о них говорится в мужском роде. Мейендорф предполагает в данном случае воздействие латинской Вульгаты, которая в согласии с еврейским мазоретическим текстом действительно говорит не о слугах, а о «служанках».⁵⁶

Не останавливаясь на других юго-славянских фресковых изображениях на тему притчей Соломона, укажу только, что в Дечанах, где этой теме посвящен целый цикл, в сцене евхаристии апостолов причащает не Христос, как обычно, а «Премудрость» в виде крылатой женской фигуры, парящей в воздухе,⁵⁷ что с очевидностью показывает отождествление Премудрости со вторым лицом Троицы — Логосом или, иначе, «Ангелом Великого совета» по библейскому тексту.

Но если так можно объяснить крылатое изображение Премудрости на Балканах, то образ Премудрости волотовской фрески в виде бескрылой царственной женской фигуры не находит себе прямого объяснения ни в каких вышеприведенных толкованиях. Очевидно, здесь нужно видеть чисто индивидуальное истолкование мастера, непосредственно восходящее к библейскому тексту притчей Соломона. В более поздней русской иконографии — на иконе Третьяковской галереи (XV—XVI вв.) и на резных образах Уварова и князя Пинского — фигура Премудрости имеет вид Эммануила, что более соответствует идее Логоса, второго лица Троицы до воплощения.

Таков был круг идей о Софии — Премудрости божией, который мог быть доступен Новгороду в эпоху создания волотовской росписи.

Не остался Новгород чужд и иным проблемам чисто умозрительного характера: вопрос, поднятый в середине XIV в. тверским епископом Феодором о реальном существовании или только умопредставляемости рая

⁵³ См.: там же, р. 273—274.

⁵⁴ См.: Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. I. 1905, стр. 76.

⁵⁵ J. Me y e n d o r f f. *L'icônographie*, p. 268.

⁵⁶ См.: там же, стр. 273.

⁵⁷ См.: там же, стр. 272—273, fig. 9.

был подвергнут в Новгороде широкому обсуждению и вылился в знаменитое «Послание о рае» новгородского архиепископа Василия.⁵⁸ Не удивительно, что именно в Новгороде и именно в XIV в. зародилась и получила такое сильное развитие ересь стригольников.

Не останавливаясь на характеристике всего движения в целом, я вкратце коснусь только некоторых сторон мировоззрения стригольников, имеющих непосредственное отношение к идее, заложенной в вологовской фреске.

Ни время возникновения ереси стригольников, ни их религиозные воззрения не выяснены в достаточной мере, несмотря на то что вопросу о стригольниках посвящены не только отдельные статьи или страницы в общих исторических трудах, но и вышедшие за последнее время специальные исследования.⁵⁹ Внешняя история стригольнического движения освещена чрезвычайно скупо теми немногими данными, которые имеются в летописных источниках.⁶⁰

Зародившись в Новгороде, приблизительно в середине XIV в. или несколько ранее, ересь стригольников в конце XIV или начале XV в. перекинулась в Псков. После активной борьбы с ней, предпринятой новгородскими архиепископами в XIV в. и московским митрополитом Фотием в первой четверти XV в., она затихает на целые пятьдесят лет, чтобы снова возродиться в последней трети XV в., но уже под новым наименованием («жидовствующих») и с несколько иным религиозным содержанием.

Поскольку интересующий меня памятник — вологовская фреска «Премудрость созда себе дом» — относится к середине XIV в., я коснусь именно первого периода стригольнической ереси.

Социальная сущность этого явления, как одной из форм борьбы с средневековой феодальной системой, обстоятельно и вполне убедительно выяснена в трудах Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье,⁶¹ а также А. И. Клибанова.⁶² Указывалось неоднократно, что трудность выяснения воззрений стригольников заключается в том, что от самих еретиков этого раннего периода не сохранилось никаких сочинений, хотя, по-видимому, такие сочинения были.⁶³ При восстановлении теоретических взглядов стригольников приходится отпавляться от тех обвинений, которые вменялись им их идеологическими противниками, представителями ортодоксального духовенства.

На протяжении почти всего XIV века, когда в Новгороде возникла ересь стригольников, новгородскую кафедру занимали три архиепископа, по-разному проявившие себя в отношении ереси. Дважды, с 1325 по 1330 г. и с 1352 по 1359 г., новгородским архиепископом был Моисей. В «житии», написанном Пахомием Сербом,⁶⁴ Моисей рисуется как большой любитель книг, еще в юности «день и ночь» поучавшийся, а в сане архиепископа создавший организованную переписку книг, которыми он снабжал

⁵⁸ См.: Софийские летописи — ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 87—89.

⁵⁹ См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955. А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960.

⁶⁰ См. новгородскую летопись (ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 72).

⁶¹ См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения, стр. 34—71 и 109—146.

⁶² См.: А. И. Клибанов. Реформационные движения, стр. 112, 120, 122 и др.

⁶³ См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения, Приложения, стр. 238.

⁶⁴ Повесть о Моисее. — Памятники старинной русской литературы, вып. 4, СПб., 1860, пролог.

создаваемые им монастыри и церкви. В том же житии говорится, что во второе архиепископство Моисею пришлось немало сил потратить на борьбу с ересью — «подвизая подвигом добрым противу стригольников и благочестие утверди».⁶⁵

В «Росписи новгородским владыкам» сообщается еще, что Моисей «добре пасяще стадо свое . . . много писание оставив»,⁶⁶ т. е., по-видимому, и сам был автором многих посланий. К сожалению, эти писания, могущие, может быть, пролить свет на идеологическую обстановку, существовавшую в Новгороде в середине XIV в., до нас не дошли.

В течение промежутка времени между двумя архиепископствами Моисея новгородскую кафедру занимал Василий Калика. Он принадлежал к белому духовенству и в силу этого теснее был связан с демократическими кругами Новгорода.

Судя по посланию архиепископа Василия о «мысленном рае», он был человеком более склонным к созерцательно-опытному восприятию религиозных истин, чем к богословско-догматическому их обоснованию. В молодости он много путешествовал, был в Константинополе, в Иерусалиме, на Афоне. Если принять во внимание, что его хождение по святым местам падало как раз на то время, когда там происходили варлаамопаламитские споры, то нет ничего удивительного в том, что он воспринял и выразил в послании к Феодору теорию «фаворского света». Ни в летописи, ни в каких-либо иных источниках не упоминается о существовании еретических выступлений во время архиепископства Василия. Тем не менее предположение некоторых ученых, что ересь могла развиться именно в архиепископство этого «владыки», не лишено основания. Терпимое отношение Василия ко всякого рода индивидуальным поискам в области религии вполне согласовалось бы с его личными, довольно свободными, с точки зрения ортодоксальной догматики, воззрениями. Изображение «добра» и «зла» на созданных Василием церковных вратах можно было бы истолковать как некий отклик на богомильский дуализм.⁶⁷

После вторичного архиепископства Моисея новгородскую кафедру занял в 1359 г. ключник дома Софии, чернец Алексей. Архиепископ Алексей проявил себя ревностным борцом с ересью. Это в его архиепископство и, вероятно, не без его санкции новгородцы подвергли казни трех еретических вождей: дьякона Карпа (еще ранее отлученного от церкви), дьякона Никиту и неизвестного третьего человека, сбросив их с моста в Волхов в 1375 г.⁶⁸

Стригольники, по крайней мере в лице своих вождей, не являлись людьми необразованными, малосведущими в священном писании, наоборот, они были люди книжные, начитанные: «Изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяном»,⁶⁹ — говорит о них Стефан Пермский, и, кроме того, в своей личной жизни и общественном служении они отличались высокой нравственностью и бескорыстием: «Сии не грабят и имения не збирают», — приводит тот же автор людскую молву о стригольниках и с явным стремлением подорвать их авторитет, добавляет: «Аще бо бы не чисто житие их видели люди, то кто бы веро-

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Филарет Гумилевский, архиепископ черниговский. История русской церкви. Период второй. М., 1888, стр. 54, прим. 84.

⁶⁷ См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения, стр. 33.

⁶⁸ См. прим. 60.

⁶⁹ См.: там же, Приложение, стр. 239.

вал ереси их? Или бы не от книжного писания говорили, никто бы не послушал их».⁷⁰

Первым литературным выступлением против стригольников является послание константинопольского патриарха Нила — ответ на дошедшие до него вести о наличии ереси в Новгороде и Пскове. Привезенное в эти города суздальским архиепископом Дионисием в 1382 г., «Послание» посвящено в сущности только одному вопросу, но вопрос этот, с точки зрения ортодоксальной догматики, имеет первостепенное значение. Как известно, еретики объявили всю церковную иерархию неправовой, еретической, на том основании, что поставление в церковный сан совершается «по мзде», к чему сверх того присоединяется и общее недостойнство священников: невежество, пьянство, обжорство и т. п. В себе самих еретики видели поборников благочестия, единственно правочерных блюстителей священных канонов. Но не сами по себе эти обвинения повергают патриарха в «болезнь и печаль». Суть вопроса для него заключается в том, что от недоброкачества духовенства стригольники перебросили мост к самой идее непогрешимости церкви, в чем они усомнились и тем нарушили самый принцип правочерности, «соборной» церковности.⁷¹

Призыв Нила отказаться от «раздоров» и «разлучений» и совокупиться с прочим «церковным чином», очевидно, не оказал желаемого воздействия, если уже через четыре года, в 1386 г., архиепископу Алексею пришлось обратиться к новому авторитету, на этот раз к русскому прославленному проповеднику, ученому мужу, Стефану Пермскому. Последний находился в это время в Новгороде, где, может быть, имел возможность лично встречаться с еретиками. Накаленная атмосфера борьбы с ересью, существовавшая в этом городе, возможно, сообщила его посланию ту гневную страстность и нетерпимость, которые отличают его от примирительного тона послания константинопольского патриарха. Стефан Пермский уловил самую суть разногласий между еретиками и церковниками, противопоставив «разумность» познания первых априорной «вере» вторых. Он выразил это в образных символах, свойственных мышлению людей его времени; как Адам в раю, соблазненный дьяволом, предпочел плоды «древа познания» плодам «древа жизни», так и стригольники, прельщенные дьяволом, отвергли таинство причащения — «древо жизни», предпочтя ему «почитание книжное» — «древо познания».⁷² В отказе стригольников от центрального таинства церкви Стефан Пермский, подобно патриарху Нилу, видит неизбежный, с точки зрения христианского ортодокса, результат — духовную смерть: «Тати и разбойницы убивают человека оружием, а вы, стригольницы, убиваете человека разумною смертью».⁷³ Из аргументации Стефана с ясностью вытекает, что стригольники отвергали причащение не потому только, что оно подавалось недостойными священниками, но и потому, что вообще не верили в таинство евхаристии — «стригольник же противно Христу поведывает от древа животного, от причащения удаляться».⁷⁴

Таким образом, стригольники, по мнению Стефана Пермского, выступали против Христа («противно Христу») и отвергли установленное им таинство, не признавая за ним действительной силы. Логический вывод отсюда может быть только один: в представлении стригольников Христос

⁷⁰ См.: там же, Приложение, стр. 242.

⁷¹ См.: там же, стр. 232, 233.

⁷² См.: там же, стр. 236—238.

⁷³ Там же, Приложение, стр. 239.

⁷⁴ Там же, Приложение, стр. 237—238.

не обладал божественной силой, он не был богом. Правда, нигде в ранних обличительных посланиях не говорится о подобных крайних выводах еретиков, но предположение об отрицании ими догмата о воплощении второго лица Троицы, совершенно непостижимого с «позиций разума», является вполне допустимым.

Через тридцать лет после поучения епископа Стефана против стригольников выступил московский митрополит Фотий. Четыре его послания (1416 г., 1425 г. и два послания 1427 г.), адресованные во Псков, приоткрывают до некоторой степени завесу над положительными взглядами новгородско-псковских еретиков. Из приводимых Фотием постановлений вселенских и поместных соборов против сепаратизма древних сектантов⁷⁵ нетрудно вывести заключение, что стригольники не отрицали церковной службы в принципе, но, отвергая недостойное, по их мнению, служение православных иерархов, хотели создать свою церковь, свое собрание верующих-единомышленников, воздвигнуть свой алтарь и производить свое служение, более достойное и более согласное с их мировоззрением. Поскольку они не признавали таинства евхаристии, можно предполагать, что служение их за «особым» алтарем состояло в совместных молитвах и, может быть, общих трапезах по образцу первоначальных христианских общин.

Последнее послание Фотия (от 23 сентября 1427 г.) — ответ на обращение псковичей, звучит особенно знаменательно: «А как ми пишете о тех помрачений, что как тие стригольници, отпадающе от бога и на небо взирающе беху, тамо отца себе наричают: а понеже бо самых того истинных еуаггельских благовестей и преданей апостольских и отеческих не верующе, но како смеют, от земли к въздуху зряще, бога отца себе нарицающе, и како убо могут отца себе нарицати?»⁷⁶

Вникая в смысл слов обвинения Фотия, можно прийти к следующему: бог, которого призывали русские стригольники, «на небо взирающе», вовсе не был богом, признаваемым церковью — новозаветным богом-Отцом, первым лицом Троицы. Стригольники называли бога отцом, но совершенно в ином смысле — как отца самим себе — «на небо взирающе беху, тамо отца себе наричают», «от земли к въздуху зряще, бога отца себе нарицающе». Митрополит Фотий повторяет это знаменательное слово «себе», как бы желая подчеркнуть, что небесного бога стригольники не считали богом всех людей, всей твари, а только богом избранных самих себя — «себе же токмо правоверных мяще»,⁷⁷ как выразился патриарх Нил. Надо ли это понимать так, что еретики русские, подобно болгарским богомилам, делили все человеческое общество на две категории — праведных и спасаемых, «от земли взирающих на небо», к которым причисляли себя, и «сынов тьмы и погибели» — остальных членов церкви?

Нельзя не обратить внимания на почти дословное совпадение аргументации митрополита Фотия «еже бог наш на небеси и на земли»,⁷⁸ направленной против стригольников, которые «ни к божьим церквам, к небу земному не имуть быти прибегающе»,⁷⁹ с возражением болгарским богомилам Феодосия Тырновского, который на вопрос «откуда дерзаете глаголати два начала суть, одно убо благо, другое же зло?» — отвечал: «Тем же

⁷⁵ См.: там же, стр. 244—245.

⁷⁶ Там же, стр. 254.

⁷⁷ Там же, стр. 233.

⁷⁸ Там же, стр. 254.

⁷⁹ Там же, стр. 254.

небу и земли и всей твари хитрец и содетель есть бог».⁸⁰ Эти и иные сопоставления позволяют с большой долей вероятности предположить, что в основе религиозных и философских воззрений русских стригольников лежало то же дуалистическое миропредставление, что и у болгарских богомилов и многих других родственных им сект. Мнение это не ново. Еще в конце XIX в. Ф. И. Успенский указывал на подобные аналогии между русскими и болгарскими еретиками.⁸¹

Итак, вера в небесного бога, отца избранных, отрицание догмата о воплощении второго лица Троицы и связанного с этим таинства евхаристии — вот основные положения вероучения новгородско-псковских еретиков. Именно на эти тезисы церковь обратила внимание в первую очередь, выступив против них с обличительными посланиями и иными мероприятиями, включительно до смертной казни. Однако в руках церкви было еще одно могущественное средство, которое по силе воздействия на народные массы являлось гораздо более решительным, чем обличительные послания, доступные лишь для людей образованных. Этим средством было изобразительное искусство, к которому, как мы видим, прибегла в аналогичных обстоятельствах византийско-югославянская церковь. Церковь русская не замедлила последовать тому же примеру.

Анализируя иконографические предпосылки создания новгородской иконы XIV в. «Отечество» (находится в Третьяковской галерее), В. Н. Лазарев делает весьма убедительное предположение, что стригольники «не признавали традиционного учения церкви о триедином божестве», в Христе видели «простого человека», учителя и проповедника веры. «Тем самым догмат троичности божества ставился ими под сомнение, либо полностью отвергался».⁸² В этой связи «далеко не случайно, — по мнению В. Н. Лазарева, — иконографический тип «Отечества», дотеле неизвестный русскому искусству, впервые всплывает в том городе, где еретические движения достигли в ранний период наибольшего размаха».⁸³ Но если в защиту догмата троичности была выдвинута церковью композиция «Отечество», то вряд ли будет ошибкою считать, что волотовская фреска «Премудрость созда себе дом» возникла как апология другого важнейшего догмата христианского учения — догмата о воплощении второго лица Троицы — Логоса в телесный храм его — Богоматерь. Как и «Отечество», эта композиция, по-видимому, впервые на русской почве появилась в Новгороде, где в XIV в. кипела борьба с ересью и, конечно, имела те же исторические основания.

О росписи волотовской церкви в научной литературе установилось мнение как о возникшей под воздействием демократических и даже прямо еретических воззрений. Это мнение базируется на том факте, что во многих сценах волотовской церкви сказывается влияние апокрифов. Эти легенды являются, по мнению Н. Г. Порфиридова, ответом на «запросы пробуждающегося сознания», которое не удовлетворяется каноническим «священным писанием».⁸⁴ Еще решительнее высказывается Д. С. Лихачев: «Волотовский мастер, — говорит он, — стремился приблизить религиозные сюжеты к современности... внести в них то религиозное воль-

⁸⁰ Ф. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, стр. 374.

⁸¹ См.: там же, стр. 384.

⁸² В. Н. Лазарев. Об одной новгородской иконе и ереси антитринитариев. — Сб.: Культура древней Руси, М., 1966, стр. 110.

⁸³ Там же, стр. 111.

⁸⁴ Н. Г. Порфиридов. Живопись Волотова. — Новгородский исторический сборник, вып. 7, Новгород, 1940, стр. 58.

нодумство, которое привело в XIV в. и в Новгороде и в Пскове к появлению ересей».⁸⁵ В. Н. Лазарев указывает, что в композиции, иллюстрирующей «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищего», «настойчиво звучат нотки плебейской оппозиции против боярской знати»,⁸⁶ а в целом искусство волотовского мастера «перерастает, как и ересь стригольников, узкоцерковные рамки».⁸⁷

М. В. Алпатов, хотя и считает, что наличие этой фрески не позволяет прямолинейно делать вывод об антибоярских тенденциях волотовских мастеров и подозревать их в стригольнической ереси, все же, говоря о необычайной страстности и порывистости в исполнении волотовских фресок, признает, что «в этом смысле волотовские фрески стоят на грани еретического».⁸⁸

Однако уже тот факт, что создателями волотовской церкви и ее росписи были такие ярые борцы с ересью, как архиепископы Моисей и Алексей, заставляет с удивлением встречать подобные высказывания. Как могло случиться, чтобы идеологами православной церкви пропагандировались в церковной росписи идеи, не только противоположные, но прямо враждебные их собственным убеждениям?

Волотовская церковь была построена иждивением архиепископа Моисея в 1352 г. Это был год смерти его предшественника, архиепископа Василия и вторичного возведения Моисея на новгородскую кафедру. Судя по контексту летописи,⁸⁹ церковь была построена или хотя начата постройкой до официального вступления Моисея на кафедру и, следовательно, являлась первым делом, с которым он выступил, едва приняв бразды правления. Чем могла быть вызвана такая поспешность постройки? Как уже было предположено выше, ересь стригольников получила особое развитие в Новгороде в правление архиепископа Василия, благодаря терпимости последнего. Моисей, находясь на покое в Сковородском монастыре, вряд ли мог смотреть равнодушно на положение дел в Новгороде. И вот первым его делом по возвращении к власти является постройка волотовской церкви, которая, очевидно, по мысли ее создателя, должна была стать оплотом против еретического движения. Через одиннадцать лет после постройки церковь была расписана при преемнике Моисея, архиепископе Алексее. Дату росписи, указываемую летописью — 1363 год, подвергли сомнению некоторые ученые,⁹⁰ но, кажется, за последнее время большинство исследователей склоняется к ее принятию. Действительно, нет достаточных оснований в ней сомневаться. Записи новгородских летописей, большей частью почти современные событию, отличались, по свидетельству специалистов,⁹¹ необычайной точностью, в особенности в том, что касалось построек. Точно так же должно быть отвергнуто предположение, что дата 1363 г. могла относиться к малозначительной стилистически и притом единственной⁹² фреске в алтаре,

⁸⁵ Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого, стр. 124.

⁸⁶ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа, стр. 57.

⁸⁷ Там же, стр. 63.

⁸⁸ М. В. Алпатов. Фрески храма Успения на Волотовом поле, стр. 126.

⁸⁹ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 85; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 362—363.

⁹⁰ В. Н. Лазарев на основании стилистических данных относит волотовскую роспись к послефеофановскому времени (т. е. ко времени после росписи Феофаном Спасопреображенской церкви в Новгороде — 1378 г.). Не имея возможности убедиться в этом путем личных наблюдений, придерживаюсь летописных сведений, тем более что разница в 15—18 лет в данном случае существенного значения не имеет.

⁹¹ См.: Д. С. Лихачев. Новгород Великий, стр. 43.

⁹² М. В. Алпатов. Фрески храма Успения на Волотовом поле, стр. 111.

предшествующей всей остальной, изумительной в художественном отношении, росписи церкви. Позднейшая роспись на месте этой первоначальной алтарной фрески «Поклонение жертве» повторяла ту же самую сюжетную композицию. Не говорит ли это о том, что все содержание волоатовской росписи было задумано целиком еще при самом основании церкви, как единая идейная программа. Вдохновителем этого идейного целостного замысла мог быть архиепископ Моисей, основатель Волоатовской церкви и ярый борец с ересью стригольников. По неизвестным нам причинам, может быть по причине неудовлетворенности мастером, который, судя по выполненной им в алтаре фреске, большим художественным дарованием не обладал, завершить начатую роспись не удалось. Осуществить фресковую роспись Волоатовской церкви довелось преемнику Моисея, архиепископу Алексею. Нет ничего невероятного в том, что весь идейный комплекс волоатовской росписи целиком повторял первоначальный замысел. Алексей в архиепископство Моисея был ключником «дома Софии», работал в контакте с Моисеем, вероятно, разделял его взгляды и в свое архиепископство был прямым продолжателем идейной политики своего предшественника. Гениальный мастер волоатовской росписи явился блестящим исполнителем данного ему задания, а страстность и темпераментность, с которыми осуществлена роспись, показывают лишь, что художник был убежденным единомышленником патронов церкви.

Бурная взволнованность волоатовских фресок отмечалась не раз. В. Н. Лазарев пишет: «Самая характерная черта волоатовской росписи — это страстная взволнованность ее образов. В них есть что-то резкое, стремительное, они все пронизаны бурным, не знающим удержу движением».⁹³ Не менее сильно подчеркивается общая взволнованность волоатовской росписи в книге Б. В. Михайловского и Б. И. Пуришева. Авторы неоднократно говорят о «внешнем и внутреннем динамизме», «бурном порыве», «экстатическом характере» фресок.⁹⁴

Нет сомнения в том, что вся эта «страстная экстатичность», «бурная взволнованность» волоатовской росписи вызывалась полемической направленностью ее содержания, стремлением доказать, защитить, привести в жизнь определенную идею. Что волоатовская роспись была одержима единой, целостной идеей, признавалось исследователями. М. В. Алпатов видел в ней воплощение мысли о периодическом посещении божеством людей, достигших просветленности духа и способных с достоинством принять минуты внутренних озарений.⁹⁵ Некоторая отвлеченность подобного истолкования вызвала упрек В. Н. Лазарева⁹⁶ в неисторичности, субъективизме и несоответствии традиционной догме. Однако, исходя из идейного содержания волоатовской фрески «Премудрость созда себе дом», можно было бы истолковать замысел всей росписи более конкретно, физически и в рамках исторического момента. Основная идея этой фрески — идея новозаветной искупительной жертвы, связанной с воцеловечением второго лица Троицы — Логоса через телесный храм ее — деву Марию и спасительного действия евхаристического таинства, — является прямым ответом новгородским еретикам на их «книжные мудрствования» и развернутой апологией основного догмата христианского вероучения

⁹³ В. Н. Лазарев *Феофан Грек и его школа*, стр. 59

⁹⁴ Б. В. Михайловский и Б. И. Пуришев. *Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в.* М—Л, 1941, стр. 24—25

⁹⁵ См. М. В. Алпатов. *Фрески храма Успения на Волоатовом поле*, стр. 122—123

⁹⁶ См. В. Н. Лазарев *Феофан Грек и его школа*, стр. 58—59

То, что сказано в фреске притвора в сжатом, сконцентрированном виде, должно было раскрываться в подробностях во всей росписи храма и в этой связи, может быть, можно было бы объяснить некоторые вызывающие сомнения композиции, а также отступления от общепринятого канона, как, например, присутствие Иуды в чине евхаристии, или такие характерные особенности, как соединение фигуры Софии с евангелистами. А тот факт, что в волотовской росписи уже в начале третьей четверти XIV в. церкви пришлось выдвинуть в развернутом виде весь арсенал средств борьбы с ересью, является лишним подтверждением того, что ересь стригольников к этому времени достигла уже своего полного оформления.

Рассмотрение всей росписи волотовской церкви под углом зрения борьбы с ересью стригольников может стать задачей дальнейшего исследования. Другой задачей является выяснение иконографических истоков сложения композиции «Премудрость созда себе дом», ее преемственной связи с аналогичными сюжетами на Балканах, а также ее эволюции на протяжении двух столетий от Волотова до росписи Золотой палаты в XVI в.⁹⁷

⁹⁷ См.: И. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. I. М., 1884, табл. 1238—1255; см. также: С. Бертенев. Московский Кремль в старину и теперь, т. II. М., 1916, стр. 183—186

Ф. ВИГЗЕЛЛ

Цитаты из книг священного писания в сочинениях Епифания Премудрого*

Мы не имеем достаточно четкого представления о характере творческой манеры Епифания Премудрого. Строил ли он свои произведения, педантично продумывая их архитектонику, или же писал по наитию, непосредственно изливая свои чувства?

Д. С. Лихачев, исследовав стиль Епифания в свете культурных, религиозных и интеллектуальных течений его времени, пришел к выводу, что Епифаний «достигает исключительного мастерства в создании ритмической прозы».¹ Тем не менее метод творчества Епифания остается невыясненным. Выводы Д. С. Лихачева подтверждаются, если будет доказано, что Епифаний писал непринужденно и свободно. Тем самым будет сделано возможным и дальнейшее более детальное изучение стиля Епифания.

Для исследования этого вопроса мы рассмотрели характер использования Епифанием цитат из Библии. Наша методика заключается в сопоставлении цитат из Библии, использованных в «Житии Стефана Пермского»,² с различными редакциями библейских текстов, существовавшими вплоть до конца XIV в., когда было написано «Житие». Такая методика дает возможность решить вопрос о том, как писал Епифаний, так как Библия на Руси не была известна целиком до самого конца XV в., а была доступна только частями в различных произведениях, которые были двух основных типов: литургические, т. е. применявшиеся в церковных службах, и нелитургические, т. е. предназначенные для индивидуального чтения, с наставлениями и толкованиями. Считается, что Епифаний Премудрый знал литургические тексты наизусть, так как, будучи монахом, он постоянно слышал и произносил их, в то время как нелитургические тексты он привлекал только для подтверждения своих мыслей и не знал их наизусть. Если можно показать, что его цитаты идут из литургических текстов, т. е. из текстов, которые он помнил, то можно думать, что он цитировал по памяти, а если так, то писал свободно. Хотя цитаты из всех книг Библии, использованные Епифанием в «Житии Стефана Пермского», были нами сравнены с цитатами из соответствующих библейских текстов, наиболее подробно мы рассмотрели цитаты из Псалтыри. Так мы поступили, во-первых, потому, что цитаты из Псалтыри более многочисленны, чем цитаты из других книг (158 из 340), во-вторых, потому, что имеются

* Перевод с английского.

¹ Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., 1962, стр. 63.

² Мы пользуемся только «Житием Стефана Пермского», так как это единственное «Житие» Епифания, которое можно уверенно считать работой автора.

литургические и нелитургические псалтыри, традиционных типов, что делало сравнение простым и удобным В-третьих, потому, что в средневековой Руси псалмы читались в монастырях каждый день.³ Так, Епифаний говорит о трапезе у Стефана в Перми: «Сего ради не точию бо бѣаше чювьствена трапеза видимо предлагаема, но и духовнаа представляема, и поучение божественное присно и преже ядения и при ядении, и по ядении глаголашеся псалом» (л. 736 об.).⁴

Материал сравнений использовался для нескольких целей. Во-первых, чтобы показать, что цитаты берутся главным образом из литургических текстов (для этого исследовалось происхождение цитат из Ветхого завета в «Житии Стефана Пермского»); во-вторых, чтобы показать, что цитаты из Псалтыри ближе к текстам, употреблявшимся в богослужении, и что они часто совпадают с текстом «Служебной псалтыри». Близость цитат из Псалтыри к тексту «Служебной псалтыри» еще не обязательно свидетельствует, что он цитировал по памяти, поэтому, в-третьих, ошибки в цитатах анализировались, чтобы показать, что это скорее ошибки человека, цитирующего по памяти, нежели переписывающего с рукописи, находящейся перед ним. Очевидно, что многие из его ошибок могли быть объяснены именно так, хотя некоторые изменения в текстах несомненно носят преднамеренный характер. Это позволило по-новому понять представления Епифания о роли агиографа.

Необходимо также определить, что понимается под библейскими цитатами. В «Житии Стефана Пермского» можно различить цитаты двух типов: реминисценции из Библии, которые проходят через все «Житие» и которые могут идти прямо из Библии, из литургии, либо из переводной и оригинальной литературы. Эти реминисценции во многом обязаны манере говорить и писать такого образованного монаха, как Епифаний, и нет сомнений, что для них не требовалось обращения к источнику. Следовательно, они имеют второстепенное значение при определении творческого метода Епифания.

Ко второму типу принадлежат цитаты, которыми автор пользовался, полностью сознавая, что это цитаты. Они или введены с помощью слов, которые поясняют их происхождение, как например «рече пророк», «Спас рече», «по рекшему», или случайно вплетены в текст или чаще в речи святого без указания на источник, но которые легко распознаются как цитаты. Они более или менее совпадают с цитатами, отмеченными Дружининым в своем издании «Жития».⁵

Выбор библейских текстов для сопоставления с «Житием Стефана Пермского» также представляет проблему. Копии литургических текстов очень распространены, больше чем рукописи текстов, предназначенных для индивидуального использования и, следовательно, можно ожидать, что они содержат больше разночтений.⁶ Неизвестно, какие рукописи биб-

³ Рад М Грујић Палестински уицај на св Саву при реформисању монашког живота и богослужбених односа у Србији — Светосавски зборник, књ СХІV (47). См. об этом статью Малик Мулић Српско «pletenje sloves» do 14 stoljeća — Radovi Zavoda za slavensku filologiju, br 5, Zagreb, 1963, стр 123. О популярности Псалтыри в России см. Н К Гудзий История древнерусской литературы М, 1956, стр. 25, А С Орлов Древнерусская литература XI—XVI вв М, 1937, стр 37

⁴ Все ссылки даны по изданию В Дружинина «Житие Стефана, епископа пермского» (СПб, 1897), переизданного фотомеханическим способом с введением Д. Чижевского (Гравенхаге, 1959) В скобках в тексте указываются листы рукописи по этому изданию)

⁵ Некоторые из цитат определены неправильно, кроме того имеется несколько пропусков, вызывающих удивление.

⁶ Л П Жуковская в своей статье «Памятники письменности традиционного содержания, как лингвистический источник» (Исследования по лингвистическому источнику

лейских текстов знал и использовал Епифаний, поэтому было исследовано максимальное число вариантов. Для Псалтыри была взята «Служебная псалтырь» XIV в.,⁷ а там, где текст «Жития Стефана Пермского» отличался от нее, сравнения были сделаны с «Толковой псалтырью»⁸ и «Гадательной псалтырью»,⁹ а также с вариантными чтениями, приведенными в издании Псалтыри Амфилохия.¹⁰ Для Евангелий использовалось Евангелие апракос Мстислава начала XIII в. в издании Г. А. Воскресенского с вариантными чтениями из ранних и более поздних рукописей, приведенных в том же издании,¹¹ а его издание Апостола было использовано для тех священных книг, которые оно содержало.¹² Из четырех редакций, приводимых Воскресенским в качестве основного текста, была избрана редакция А, но так как это был «Толковый Апостол» (1220 г.), были также использованы вариантные рукописи редакции А.¹³

Для цитат из всех остальных книг был избран Апостол Карпинский XIII в. в издании Амфилохия.¹⁴ Наконец цитаты из Ветхого завета, за исключением цитат из псалмов, сравнивались с изданным Р. Ф. Брандтом текстом Паремейника.¹⁵

Отрывки из Ветхого завета для индивидуального чтения обнаруживаются в самых различных формах. Исторические и Толковые Палеи, например, были связаны с ветхозаветной историей (и ее интерпретацией) и, следовательно, основывались на Пятикнижии и исторических книгах,¹⁶ а другие отрывки исторического характера найдены в переводных византийских хрониках. Выдержки обнаруживаются также в сборниках дидактического религиозного характера, а некоторые библейские книги были известны целиком в отдельных рукописях. При исследовании происхождения цитат из Ветхого завета (за исключением цитат из псалмов) становится ясно, что Епифаний заимствовал свои цитаты из Паремейника и, следовательно, по всей вероятности, цитировал по памяти. Только 8 цитат из Ветхого завета в «Житии Стефана Пермского» могли восходить к Палею и при этом 4 из них обнаруживаются также в Паремейнике.

ведению, их значение и методика исследования. М., 1963, стр. 20—35) показала, что между экземплярами Евангелия часто встречаются различия, и исследовала деление текстов по редакциям.

⁷ ГПБ, ФпI, № 2.

⁸ ГПБ, ФпI, № 23, Толстовская псалтырь, XI—XIII вв.

⁹ ГПБ, Соф. 60. XIV в.

¹⁰ Древле-славянская Псалтырь XIII—XIV вв., т I—II. М., 1874—1877.

¹¹ Г. А. Воскресенский. Евангелие от Марка Сергиев Посад, 1894. К сожалению, Воскресенский не закончил издания всего Евангелия, но изданного достаточно для данной работы.

¹² Г. А. Воскресенский. Древнеславянский Апостол. Сергиев Посад, 1892—1908. Часть I содержит послание римлянам, часть II — первое послание коринфянам, часть III — второе послание коринфянам, галатам и ефесянам.

¹³ Сверка проводилась также по редакции Б. Основной рукописью редакции Б является «Толстовский Апостол» XIV в., но многие варианты рукописей относятся ко времени более позднему, чем «Житие Стефана Пермского», и во внимание не принимались. Редакция Г является Геннадиевой Библией 1499 г., а редакция В представляет собой перевод митрополитом Алексеем Нового завета, который имеет много необычных чтений и сильно отличается не только от А и Б, но также от цитат в «Житии».

¹⁴ См.: Древнеславянский Карпинский Апостол XIII в., т I, ч. 1, II, т. II, ч. 1, II, М., 1885—1886.

¹⁵ См. Р. Ф. Брандт Григоричев Паремейник в сличении с другими паремейниками — ЧОИДР, ч. 1 (№ 1, 1894, стр. 1—90), ч. 2 (№ 3, 1894, стр. 91—178), ч. 3 (№ 2, 1900, стр. 179—290), ч. 4 (№ 2, 1901, стр. 291—308).

¹⁶ Историческая палея пересказывает историю Ветхого завета до конца второй книги Самуила; более короткий вариант — только до первой книги Самуила (V, 3) Обе изданы А. Н. Поповым в ЧОИДР (№ 1, 1881).

Только 10 цитат из 43 могли бы восходить к книгам Ветхого завета, известным целиком (Пятикнижие, Книга судей, первые главы Книги царей, 12 малых пророков, Притчи Соломоновы, Мудрость Соломонова, Экклезиаст, Песня песней).¹⁷ Материал огромный. Однако цитат не более трех из любой книги. Это согласуется с положением, что «изучение цитат из этих книг в литературе Киевской Руси показывает, что она пользовалась главным образом Паримийником и хрониками».¹⁸

Наряду с этим 29 из 43 цитат Ветхого завета в «Житии» обнаруживаются в паремейниках. Это объясняется прежде всего тем, что Епифаний цитировал по памяти из церковных текстов, которые он знал, и потому, что тексты в паремейниках подобраны для иллюстрации значения праздников и близки к манере использования цитат Епифанием. Он редко цитирует повествовательные отрывки, а если он обращается к рассказам из Ветхого и Нового заветов, то обычно пересказывает их. Его знание этих рассказов восходит к Исторической палее или переводным византийским хроникам, но его цитаты выбираются прежде всего для иллюстрации эмоционально приподнятых частей текста¹⁹ и поэтому они ближе к Паремейнику. Даже в пределах Паремейника он проявляет склонность к отрывкам из пророческих или поэтических книг. Книга Бытия, например, из которой приводится много отрывков в Паремейнике, совсем не используется в «Житии Стефана Пермского», в то время как «Исайя» используется 17 раз из общего числа 43 цитат Ветхого завета (выключая цитаты из псалмов).²⁰

Те 14 цитат, которые не обнаружены в паремейниках, очевидно взяты из сборников и переводных хроник. Ввиду того что треть общего числа цитат из Ветхого завета не восходит к служебным текстам, можно ограничиться заключением, что Епифаний брал только большую часть из библейских текстов, которые он, по-видимому, знал наизусть. Необходимо поэтому сделать более детальный анализ. Для этого анализа были взяты цитаты из псалмов и сравнены с литургическими и нелитургическими псалтырями. Очень немногие цитаты оказались ближе к «Гадательной», или «Толковой псалтыри», чем к «Служебной».

Следующий пример был единственным, где текст «Жития Стефана Пермского» идентичен с текстом «Гадательной псалтыри» и ни с каким другим: «Исполнится вся земля славы его: будеть и будеть» (л. 723). В «Гадательной псалтыри»: «Исполнится вся земля славы его: будеть», в то время как основной текст «Служебной псалтыри» таков: «Исполнится славы его вся земля будеть будеть». «Толковая псалтырь» и варианты Амфилохия помещали «его» после «земля». Так как этот пример единственный, создается впечатление, что Епифаний просто приводит цитаты с ошибкой по памяти, а не переписывает. Больше примеров сходства с текстом «Толковой псалтыри» нет.

¹⁷ Псалмы встречались также в отдельных рукописях, но псалмы должны рассматриваться особо, так как они входили в состав служб.

¹⁸ История русской литературы, т. I, М.—Л., 1941, стр. 66. Нет причины считать, что положение было иным в ранний московский период, который значительно продолжил киевские традиции. Сохранившиеся рукописи библейских текстов за этот период показывают огромную распространенность литургических текстов по сравнению с нелитургическими.

¹⁹ Стилистическое использование Библии Епифанием должно явиться темой специальной статьи.

²⁰ Возможно, что некоторые из многочисленных цитат Епифания из псалмов могли появиться как результат знакомства с Паремейником. В том и другом случаях он, по-видимому, цитировал по памяти. См. ниже о цитатах из псалмов в «Житии».

Встречается еще один пример использования в «Житии Стефана Пермского» текста нелитургической Псалтыри. В «Житии» читаем: «Блажен язык, ему же есть господь бог его, и люди, я избра в достояние себе» (л. 723), в то время как FпI, № 2 дает: «Блажен язык, ему же есть господь бог его, люди, яже избра в наслѣдие собѣ». Однако оба текста «Гадательной» и «Толковой псалтыри» дают «достояние». Исследование вариантов у Амфилохия показало, что использование слова «наслѣдие» является особенностью только FпI, № 2 и, следовательно, поскольку все три варианта имеют одинаковое чтение, пример оказывается неубедительным.

Скудость примеров идентичности с текстами для индивидуального чтения дает основание предполагать, что Епифаний не пользовался ими, но это еще не доказывает, что он пользовался «Служебной псалтырью», так как во многих случаях все три Псалтыри имеют одинаковое чтение. Исследование показало, однако, что имеются примеры идентичности только со «Служебной псалтырью»: «Съюще с слезами в радости пожнут» (цитата из пс. СХХV, 5, встречающаяся на л. 667 об.). «Служебная псалтырь» (FпI, № 2) имеет одинаковое чтение за исключением формы глагола «сѣяти»: «Съющеи с слезами в радости пожнуть». в то время как «Гадательная» и «Толковая псалтырь» имеют: «Сѣявшем слезами в радости пожнуть».

Вообще, почти половина цитат из псалмов в «Житии Стефана Пермского» идентична с текстом «Служебной псалтыри»: как в чтениях, встречающихся в рукописи FпI, № 2, так и в вариантах издания Амфилохия древнерусской Псалтыри. Это доказывает, что Епифаний брал свои цитаты из варианта псалмов, которые он знал из монастырского обихода, но не доказывает, что он не обращался к «Служебной псалтыри», составляя «Житие». В этом убеждает исследование ошибок, сделанных Епифанием в цитатах. Свыше трети цитат из Псалтыри отличается от любого ее текста. Это несколько удивительно, так как считается, что дух средневековья был не критическим,²¹ он принимал только то, что было освящено традицией и расценивал всякое отклонение как греховное. Религия освещала почти все стороны жизни, поэтому всякая попытка отклонения рассматривалась как впадение в ересь. Библия являлась руководством во всех сферах жизни, и поэтому каждая строка в ней была очень значительна. Было большим грехом изменить ее текст. В XIV—XV вв. такие взгляды еще более усилились среди православных славян, поэтому естественно считать, что Епифаний прилагал много усилий к тому, чтобы его цитаты были точными. Таким образом, большое число ошибок в цитатах свидетельствует, что он цитировал по памяти, увлекаемый благоговением перед святым и не сознавая, что цитаты неточны.

Ошибки переписчиков несомненно неизбежны, и библийские тексты значительно различаются.²² Ошибки одного переписчика закреплялись и дополнялись ошибками другого, в результате чего с течением столетий появились значительные расхождения. Если бы Епифаний переписывал, то различия между цитатами из псалмов в «Житии Стефана Пермского» и оригиналом были бы не более, чем различия между двумя списками «Служебной псалтыри», и ошибки были бы типичными для переписчика. Ошибки переписчиков были разобраны Д. С. Лихачевым в его «Текстологии»,²³ и хотя он несомненно имел в виду переписку вообще, характер

²¹ I. Watt. The Rise of the Novel, chapter I. London, 1957.

²² См.: Л. П. Жуковская. Памятники письменности.

²³ См.: Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 56—81.

ошибок, которые Епифаний делал бы, если бы переписывал отрывки из Библии, входили бы в их число. И действительно, две из упомянутых Лихачевым категорий могут помочь в разрешении этой проблемы.²⁴ Некоторые типы ошибок, например смешение слов, сходных по виду, диттография и гаплогграфия, появились бы, если бы Епифаний переписывал, но в действительности таких ошибок нет. Большинство цитат из псалмов в «Житии» очень короткие, а пропуски, скорей всего, вызваны ошибками второго типа, т. е. забывчивостью. Они были нескольких типов и делались при вспоминании отрывка непосредственно перед перепиской его. Такие ошибки более часты, если переписчик вспоминал длинные предложения или отрывки, прежде чем писать. Ошибки обычно следующих типов:

- 1) Ошибки в формах глаголов, например, *сказав* — *сказал*.
- 2) Пропуски, перенос или добавление союзов (особенно союза *и*) или местоимений (особенно *я*).
- 3) Перенос слов.
- 4) Замена слова синонимом.
- 5) Модернизация текста с архаическими чертами. Д. С. Лихачев указывает, что такие ошибки в этих категориях могут быть преднамеренными, и в таком случае они образуют систему.
- 6) Незнакомые фразы заменяются более знакомыми или клише.

Ошибки, вызванные забывчивостью, как указано выше, могли одинаково возникнуть у Епифания при переписке и при цитировании по памяти, но при этом имелось бы некоторое различие, в зависимости от серьезности ошибки. Если бы текст был перед ним, то это происходило бы потому, что он нетвердо усвоил формулировки, а не потому, что он совсем не был знаком с текстом и, следовательно, у него не было бы затруднений для того, чтобы уточнить текст списанного отрывка, перед тем как записать его; тем более что средняя цитата из псалмов в «Житии Стефана Пермского» составляет только длину одного стиха псалма. Поэтому следует ожидать, что если бы Епифаний списывал свои цитаты, они были бы весьма близки к оригиналу и при этом чем короче, тем ближе. Вместе с тем, если бы он писал по памяти, то могло бы появляться больше ошибок, и можно ожидать, что они были бы более часты и более грубы. Поскольку в средние века с такими традиционными и священными текстами, как Библия, обращались с большим уважением, то лишь факт, что Епифаний писал по памяти, объясняет присутствие большого числа серьезных отклонений от первоисточника псалмов.

Действительно, число изменений из текста «Служебной псалтыри» значительно превосходит число и охват различий между отдельными списками Псалтыри, превосходя при этом и те различия, которые были между «Служебной», «Гадательной» и «Толковой псалтырью». Различия между тремя типами псалтырей были незначительны; типичным для переписчика было, например, добавление «и»: FpI, № 2: «посла слово свое и исцели я, избави от пагубы их» (пс. CVI, 20). «Толковая»: «Посъла

²⁴ Другие категории неуместны для данной работы по ряду причин. Ошибки, которые отражают произношение или орфографические особенности переписчика, не могут быть прослежены, так как автографа «Жития» Епифания нет, и невозможно отличить его особенности произношения и орфографии от подобных особенностей последующих переписчиков. Мы также не знаем, каковы особенности «Служебной псалтыри», которая была известна Епифанию, если бы он ее переписывал. Ошибки из-за того, что переписчик не знал текста, включая переосмысления, интерпретации, возникающие из-за непонимания оригинала, не относятся к знакомым текстам подобно текстам Библии. Переосмысление могло только возникнуть, если оно было распространено в древней Руси для конкретной фразы. В этом случае оно могло появиться вне зависимости от того, переписывал Епифаний или нет.

слово свое и исцѣли я, и избави я от пагубы их». «Гадательная»: «Посла слово свое и исцѣли я и избави я от пагубы их»

Или замена одного слова другим, как в примере, данном на странице 236, где слово «наслѣдие» заменено словом «достояние» в FпI, № 2

Слово могло быть добавлено или опущено. FпI, № 2: «Увѣдите, яко господь ть есть бог нашъ» (пс. ХСІХ, 3). «Гадательная псалтырь» «Увѣдите, яко господь ть есть господь бог нашъ».

Необходимо отметить, что псалтыри эти не переписаны одна с другой, а каждая имеет самостоятельную историю своего развития. Это означает, что различие между ними — результат описок многочисленных переписчиков в течение длительного времени, когда возможно ожидать появления серьезных и частных расхождений. Ошибки Епифания были значительно большие и их можно объяснить только тем, что он цитировал по памяти. Ошибки в результате забывчивости, подобно тем, которые были перечислены выше, появлялись часто: как «и» и местоимения первого лица в различных формах. Сами по себе они не показывают, что он цитировал по памяти, но частота их повторения ясно говорит о методе сочинительства Епифания.

Как уже говорилось выше, почти треть цитат из псалмов в «Житии Стефана Пермского» (52 из 157) отличалась не только от рукописи FпI, № 2, но также от любого из вариантных чтений, приводимых в древнерусской Псалтыри издания Амфилохия, и, таким образом, несомненно является ошибками, сделанными самим Епифанием. Другие 30 отличались от рукописи FпI, № 2, но были найдены по крайней мере в одном варианте у Амфилохия в текстах до конца XIV в.

Неизвестно, с какой рукописью Псалтыри лучше всего был знаком Епифаний, когда писал «Житие», и, следовательно, невозможно установить, отражают ли эти 30 «ошибок» просто особенности рукописи или принадлежат самому Епифанию.²⁵ Поскольку это в основном незначительные отклонения, то можно считать, что они могли быть и теми и другими. Однако процент неточных цитат выше, чем если бы Епифаний переписывал.

Далее, ошибки Епифания выходят за пределы тех, которые делают переписчиками при воспроизведении в памяти отрывка перед тем, как записать его. Имеется пять примеров того, как слово заменялось близким синонимом: «Яко же не попусти господь жезла грѣшных на жребий праведных» (л. 681 об., пос. СХХІV, 3), в то время как в рукописи FпI, № 2 стоит: «Яко не оставитъ господь жезла грѣшных на жребий праведных», а Амфилохий не дает примеров со словом «пусти». Однако в одном случае изменена целая фраза: «Простри ярость твою на языки незнающаа тебѣ» (л. 702 об., пс. ХХVІІІ, 6), в то время как во всех списках стоит: «Пролии гнѣвъ твои на языки незнающая тебѣ» (FпI, № 2) Имеется несколько примеров добавления или пропуска слов: «Яко ты господи един вышний во всей земли» (л. 723, пс. ХСVІ, 9), а в FпI, № 2 стоит: «Яко ты господи вышний по всей земли». Здесь Епифаний добавил слово «един», чтобы подчеркнуть значение своей цитаты и главы, в которой она найдена. В других случаях он опускает целую фразу: «Вси языци обшедше, обидоша мя яко пчелы сот, и разгорѣшася яко огнь в тернии» (л. 672 об., пс. СХVІІ, 10); FпI, № 2: «Вси языци обидоша мя именовъ господнемъ противляхся им. Обишедѣше, обидоша мя именовъ господнемъ противляхся им. Обидоша мя яко бчелы сот и раз-

²⁵ Было несколько примеров, где варианты, по-видимому, был особенностью FпI № 2, как указывалось выше, но это исключение.

горѣша ся яко огнь в тернѣи». Здесь, по-видимому, Епифаний вспомнил начало и живое сравнение, но забыл, что было между. Если бы он переписывал, то мало вероятно, что он опустил отрывок, написанный в ритмичном стиле, подобном его «п л е т е н и ю с л о в е с». Вместе с тем, пропуски являются одной из самых общих ошибок тех, кто цитирует или пишет по памяти, особенно, если воспроизведенный по памяти отрывок больше прозаический, нежели поэтический, и нет рифмованных строк одной длины, облегчающих запоминание, а повторная часть (как в приведенном выше примере), скорее всего, должна забываться в то время, как яркий образ в памяти сохраняется. В другом примере он помнит только вводную фразу, начало центральной части и конечную фразу, которая выступает как кульминация тому, что было ранее: «Сказа господь спасение свое пред языки и открь правду свою: видѣша вси конци земля спасение бога нашего» (л. 722 об., пс. ХСVII, 2—3), а в ГпI, № 2: «Сказа господь спасение свое пред языки: открь правду свою, помяну милость свою и якову истину свою дому израилову: видѣша вьси коньци земли спасение бога нашего». Причина пропуска та же, что и в предыдущем примере. Последняя мысль наиболее важная в контексте того, что пишет Епифаний. В отрывке из «Жития» говорится о народах, которые почитают бога и знают его деяния, и акцент в отрывке делается на «все народы». Отсюда важность фразы в оригинале, который отражает это чувство. Середина цитаты ускользнула из памяти Епифания, в то время как начало и конец отражены отчетливо. Мало вероятно, если бы он переписывал, чтобы он мог опустить такую большую часть короткой цитаты.

В длинных цитатах ошибок больше.²⁶ Исследование нескольких длинных цитат из псалмов в «Житии Стефана Пермского» показало, что нет ни одной совершенно точной. Однако Епифаний хорошо знал псалмы, поскольку он слышал их ежедневно, а ошибок значительно больше в цитатах из Нового завета, который он знал менее хорошо.²⁷ Даже довольно короткие цитаты значительно отличались от оригинала. Иногда в результате получалось частичное приближение, как в следующем отрывке из второго послания Коринфянам VI, 14—16: «Кая часть есть свѣту со тмою или кое причастие есть вѣрну с невѣрным, или кое общение церкви божи с идолы, или кое съгласие истинѣ с беззаконием» (л. 684 об.).

Сходство с оригиналом небольшое: «Кое бо причастие правды к беззаконию и кое общение свѣту к тьме, кое же свѣщание Хрестови к Велияру, или кая часть вѣрну с невѣрнымъ или кое съложение церкви божи с кумиры».²⁸

Такие примеры редки при цитировании псалмов. Имеется один пример из цитат, вводимый словами «Давид рече» и тем самым претендующий быть точной цитатой, а не просто отзвуком библейской фразеологии,²⁹ но где, однако, порядок первой и последней фраз изменен, а середина опущена: «Хлѣб сердце челоуѣку укрѣпит, а вино возвеселит» (л. 760, пс. СIII, 15). Так в «Житии Стефана Пермского», а в оригинале (рукопись ГпI, № 2) стоит: «Вино възвеселит сердце челоуѣку, умасти лице олъемъ и хлѣб сердце челоуѣку укрепит». Очевидно, что ошибка такого типа слишком серьезна, чтобы ее считать опiskeй переписчика.

²⁶ См.: Д. С. Лихачев. Текстология, стр. 68.

²⁷ Короткие отрывки предназначались для чтения в церкви ежедневно, а Новый завет не читался регулярно, как Псалтырь.

²⁸ См.: Г. А. Воскресенский. Древнеславянский Апостол, ч. III — Второе послание коринфянам, вариант А.

²⁹ Это справедливо и для предыдущего примера.

Вторым доказательством служит тот факт, что Епифаний использует одну и ту же цитату дважды и в каждом случае текст несколько отличается. Приведенная цитата из Второго послания коринфянам повторяется ниже в «Житии» в следующей форме: «Кое бо причастие свѣту ко тмѣ или кая община вѣрну с невѣрным» (л. 714, Послание коринфянам, VI, 14—15).

В другом примере из псалмов различие меньше. Цитата взята из псалма LXXXI, 5 и у Амфилохия читается так (этот отрывок был утерян в рукописи FpI, № 2): «Не увѣдѣша ни разумѣша во тмѣ ходить». В «Житии» два варианта: «Не вѣдѣша ни разумѣша во тмѣ ходяще» (л. 663) и «не увидѣша ни разумѣша во тмѣ ходяще» (л. 637 об.). Два различных глагола (вѣдѣша/увидѣша) могут быть результатом двухвековой переписки «Жития» («увидѣша», по-видимому, первоначально читался «увѣдѣша»). Однако форма «увидѣша» обнаруживается как вариант, например в «Толковой псалтыри», и, возможно, что Епифаний сам пользовался двумя разными глаголами. В том и в другом случае ясно, что память изменяла ему. Доказательством может служить само наличие у него двух вариантов цитаты.

Необходимо также отметить сходство между двумя вариантами. «Разумѣша» находится в вариантах у Амфилохия, а «во тмѣ ходяще» специфична для Епифания. Переписывающий не сделал бы одну и ту же ошибку дважды, а цитирующий по памяти, возможно, помнит неверно и каждый раз пишет одинаково ошибочно. Дважды одинаково ошибочно процитированное место является доказательством, что оно написано по памяти.

Имеется еще ряд фактов, которые также свидетельствуют, что Епифаний писал по памяти. Например, он вводит цитату словами «глаголет Исайя пророк», но, как отмечает Дружинин в своем издании «Жития», этого текста у Исайи нет.³⁰ Епифаний помнил неточно, откуда эта цитата, и не пытался проверить ее происхождение. Другой факт состоит в том, что имеется большое число цитат из первого стиха псалма. Вполне естественно помнить первые строчки поэмы или отрывка в прозе и забывать остальное. Сколько людей знают одну или две строчки известных поэм или монологов из пьес и, хотя они учили их в школе, помнят только первые строки! Конечно, можно возразить, что Епифаний находил и читал эти строки первыми, когда искал цитаты в псалтыри, но представляется вероятным, что если он собирался найти подходящие иллюстрации для своего текста, он не брал бы первое, что попало ему при раскрытии книги.

Вопреки средневековым представлениям о том, что Библия священна и не должна подвергаться изменению, было видно, что цитаты Епифания отличаются от оригинала и что эти различия более значительны и более часты, чем обычно в рукописях библейских текстов. Епифаний цитировал по памяти. Для исследованных выше различий трудно найти какие-либо определенные объяснения, однако все же в некоторых цитатах обнаруживаются сознательные изменения ради смысла или стиля. В то время как отдельные ошибки в цитатах, которые будут рассмотрены ниже, могли явиться нечаянными описками, в подавляющем большинстве случаев можно все же подозревать Епифания в преднамеренности вносимых изменений в текст. Преднамеренные изменения от самых простых и кратких до адаптаций отрывков длиной в несколько стихов разделяются на две

³⁰ Л. 699 об. Имеется другой пример: на л. 702 цитаты неправильно приписываются Моисею.

основные группы: одни изменения вносились в соответствии со смыслом контекста «Жития», другие — ради стиля.

Первый тип включает изменения грамматического лица, как например в том месте, где Стефан молит бога об освобождении от диких пермяков, которые окружили его и грозят убить. Текст первоисточника таков: «И бысть господь прибѣжище убогому: помощник в благоврѣмя в печалѣх» (ФпІ, № 2). Епифаний изменил этот текст, связав с личной эмоциональной мольбой Стефана: «Яко ты еси прибежище убогим, помощник во благовремя в печалѣх» (л. 673 об.).

Другие изменения, принадлежащие к этому типу, включают также изменения времени, как в следующем примере, где пермская церковь оплакивает утрату своего любимого епископа: «Понеже ждах иже бы кто со мною поскорбѣл, и не се бѣ, и утѣшающаго не обрѣтох» (л. 761, пс. XVIII, 21). Оригинал же содержит следующее: «Жьдах иже с мною поскърбить и не бѣ и утѣшающих и не обрѣтох».

В другом случае, когда Стефан окружен враждебными пермяками, грозящими обстрелять его стрелами, Епифаний опускает из цитаты (пс. XC, 5) фразу, которая не относится к стрелам врага: «Не убоитися от стрѣлы лѣтяща в день» (л. 678). В то время как в оригинале стоит: «Не убоишися от страха нощьнаго и от стрѣлы летящая в дъни».

Ко второму типу преднамеренных изменений библейских текстов относится стилистика. Временами Епифаний позволяет себе свободное обращение с библейскими текстами, чтобы приспособить их к «плетению словес». В следующем примере Епифаний изменяет вторую цитату для ее ритмичного звучания вместе с первой. Речь идет о мольбе Стефана к богу, чтобы бог вызволил его из плена от пермяков: «Господи, что ся умножися стужающен мнѣ: мнози вѣсташа на мя, мнози борющесе с мною» (л. 673, пс. III, 2). В оригинале же стоит (во всех вариантах): «Многажды брашася с мною».

В другом месте он изменяет глагол первой цитаты для вставки в отрывок, где он переписывает «уста», «отврѣсти» и «хвала» в различных формах, чтобы создать ритмический эффект, типичный для «плетения словес». Во всех вариантах оригинала стоит: «Расшири уста твоя и наполни я» (ФпІ, № 2; пс. XXX, 11), а в «Житии» изменено: «Другии пророк рече: отверзи уста своя, и исполню я. Тѣм же отверзу уста моя и наполнятся духом, и слово отригну и глаголю аз: господи устнѣ мои отверзеши, и уста мои възвѣстят хвалу твою: да исполнятся уста моя похвалы, яко да восхваляю славу твою и приложу на всяку похвалу твою» (л. 652).

В третьем примере изменений этого типа Епифаний не просто меняет слово ради стиля, а свободно перерабатывает весь отрывок, кладя в основу антитезу оригинала, но усиливая при этом отрицание. Стефан прокликает пермских идолов, говоря о них, как о мертвых бесполезных кусках дерева, в ритмических выражениях:

Кумири ваши, древо суще бездушно,
дѣла рук человѣческ,
уши имуть и не слышать,
очи имуть и не узрять,
ноздри имуть и не обоняють,
руцѣ имуть и не осязають,
нозѣ имуть и не поидуть, и не ходять, и не ступають
ни с мѣста, и не возгласят гортанми своими, и не
нюхают ноздрями своими, ни жертв приносимых
принимають, ни пьют ни ядут: подобны им да
будут творящии я, и вси надѣющесе на ня.

(Л 682)

Это развитие псалма СХХХIV, 16—17: «Дѣла рук человеческ, уста имуть и не проглаголють, очи имуть и не прозрять, уши имуть и не вънушать, нѣсть бо духа в устѣх их, подобни им да будутъ творящии я и вси надѣющіиися на нѣ» (ГпI, № 2). Это свидетельствует о том, что Епифаний не только цитирует по памяти и делает частые описки, но и не боится также изменять текст для своих целей. При изменении цитат в соответствии со смыслом отрывка, в который они включены, Епифаний делал это для того, чтобы его произведение хорошо усваивалось, а в случае стилистической адаптации он принимал решение изменить оригинал без достаточной серьезной причины: только ради приспособления цитаты к своей стилистической схеме. Ввиду исключительного почета, которым окружалась Библия в древней Руси, такое заключение несколько удивительно и проливает свет на представления Епифания о своей роли как автора. Это гармонирует с преувеличенным самоуничтожением, требованием веротерпимости от читателя и пониманием своей собственной недостойности в сравнении со Стефаном, которые пронизывают введение к «Житию» и плач в его конце. Нет сомнения, что Епифаний был вполне искренен. Эти отрывки, особенно в конце, написаны красивой ритмической прозой и оставляют впечатление, что автор сознавал свою недостойность описывать жизнь такого большого человека. Он понимает, каким должно быть «Житие»: воссозданием духовного ореола, окружающего человека, стоящего гораздо выше автора, который может лишь сознавать его величие. «Житие» должно вызывать у читателя то чувство благоговения, которое ощущает автор. Это мера понимания той огромной роли, какую играет писание священных книг, — мера понимания, позволявшая Епифанию адаптировать Библию, в то время как изменения ее в других случаях рассматривались в древней Руси как богохульство.³¹

В заключение можно сделать ряд выводов.

Во-первых, нет свидетельства о том, что Епифаний обращался к текстам, предназначенным для индивидуального чтения, при выборе цитат для «Жития Стефана Пермского». Анализ цитат из псалмов показывает, что Епифаний не обращался к «Служебной псалтыри» в процессе написания «Жития»; цитаты из Псалтыри в «Житии» отличаются значительно сильнее от оригинала, чем отдельные списки Псалтыри между собой. Если бы он переписывал, можно было бы ожидать, что ошибки были бы не более серьезными, чем различия между двумя списками Псалтыри. Но это не так, поэтому ясно, что он писал по памяти, и его память, как и у большинства людей, временами изменяла ему. Тот факт, что ошибок было больше из тех частей Библии, которые он, по-видимому, не мог знать хорошо, подтверждают это. Его метод сочинения был свободный и непосредственный. Он был образованным и интеллектуальным человеком (это ясно из его глубоких знаний Библии) и мог создать свой стиль на основе знаний литературы и благодаря своему таланту. Автор «Жития Стефана Пермского» изливал свои непосредственные чувства благоговения перед святым, что подтверждается анализом цитат из Библии. Нет сомнений, что Епифаний сочинял свои произведения, свободно обращаясь к Библии. Нет сомнения также, что его «плетение словес» говорит о любви к слову. Для него это наилучший способ передачи своих чувств и создания произведения, достойного святого, достойного

³¹ Было бы интересно исследовать — обращались ли авторы других житий и служб XV в. с Библией так же свободно, как Епифаний.

стать в один ряд среди великих житий прошлого. Он сознает, что может даже для вящей славы святого адаптировать цитаты из священного писания в соответствии со стилистическим замыслом «Жития», вопреки средневековому страху перед малейшим изменением Библии.

Витиеватый стиль «Жития Стефана Пермского» эмоционален и свободен и служит определенной цели; он далек от застылости тяжеловесного стиля XVI в., когда «плетение словес» стало единственно приемлемым устоявшимся стилем и чисто ученым упражнением.

Б. М. КЛОСС

О времени создания русского Хронографа

В научной литературе утвердилось мнение А. А. Шахматова, что первоначальная редакция русского Хронографа возникла в 1442 г. Между тем С. П. Розанов в свое время высказал интересные соображения о принадлежности статьи 1453 г. о взятии Царьграда турками и предисловия (сохранившихся в списках редакции 1512 г.) к авторскому тексту Хронографа.¹ Поскольку построения С. П. Розанова подверглись сомнению,² мы рассмотрим основные его аргументы и подкрепим их собственными наблюдениями.

Статья о взятии Царьграда органически связана с остальным текстом Хронографа. 1) Здесь читается прямая ссылка составителя на свою предшествующую работу: «Первее убо рскох ... пространнейше ... ныне же въкратце реку»,³ — далее излагается содержание статьи, помещенной выше в гл. 202, заимствованной из жития Стефана Лазаревича (имеется и в западнорусской редакции); А. Н. Попов, предполагавший югославянское происхождение Хронографа, считал эту ссылку принадлежащей собирателю русской редакции, (который, ввиду значительного личного вклада по редактированию Хронографа, имел право сказать о себе в первом лице),⁴ но, поскольку теперь установлено, что Хронограф составлялся в России, это возражение А. Н. Попова отпадает; 2) выражение «и самыа стихиа творит плакати» (437) заимствовано, как подметил С. П. Розанов, из Хроники Манассии (источника и других статей Хронографа): «И стихиа бо сами о беде плакаху»;⁵ 3) восклицание «о солнце и земле» (437) находит себе соответствие у того же Манассии;⁶ 4) фраза «и не точию улица и реки наполнишася крови христианския, но и морьския волны очервишася» (438) перекликается с текстом Еллинского летописца 2-го вида: «И наполнишася улицы и дворы крови»,⁷ «яко воде морьстей с кровию смеситися и волнам кровавым являтися»,⁸ а возможно, и хроники Манассии: «И бысть кръвья очрѣвлен доброводный Истр» (Син. № 38, л. 119); 5) дважды повторенное выражение «семя яко искру скры в пепеле» (439) взято,

¹ См.: С. П. Розанов. Время составления первоначальной редакции русского Хронографа. — ИОРЯС, т. XXX, л., 1926, стр. 311—322.

² См.: А. Д. Седелъников. Досифей Топорков и Хронограф. — Известия АН СССР, VII сер., Отд. гуманитар. наук, № 9, л., 1929, стр. 755—773.

³ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, СПб., 1911, стр. 437. (Далее страницы по этому изданию в тексте, в скобках).

⁴ См.: А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 63.

⁵ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 324; ср.: Син. № 38, л. 99.

⁶ См.: там же, стр. 345; ср.: Син. № 38, л. 108 об.

⁷ Там же, стр. 246; ср.: Чудов. № 51/353 (7), л. 199.

⁸ Там же, стр. 229; ср. Чудов. № 51/353 (7), л. 165 об.

как установил С. П. Розанов, у Манассии;⁹ б) из того же источника заимствованы и заключительные слова статьи: «Наша же Росиская земля ... растет и младеть и возвышается, ей же, Христе милостивый, дажь расти и младети и разширятся и до скончания века» (440).

Принадлежность рассмотренной статьи к первоначальной редакции Хронографа подтверждается ее тесной связью с «Повестью о нашествии Батыя», во введении которой ярко проявилось личное творчество составителя Хронографа. В этом убеждают следующие наблюдения: 1) начало статьи — «Хошу рещи, о друзи, повесть, иже и самех безсловесных скоты может подвинуть на плачь и глаголати горе и увы» (396) — сходно с началом статьи о взятии Царьграда: «Хошу глаголати повесть, еже не точию человекеы, но и нечювьственное камене и самыа стихиа творит плакати и глаголати и рыдати, горе и увы» (437); кстати, восклицание «горе и увы» встречается только в этих двух статьях Хронографа и еще в главе 206, основанной на житии Стефана Лазаревича.¹⁰ 2) В обеих статьях встречаются одинаковые выражения: «излиянную ... чашю пельныи божиа суда» (396) и «пельнь божиа суда ... излиати» (437) (ср. у Манассии: «пельною и горкою почерпе чашею»),¹¹ а также: «и хто можетъ представи словом» (396) и «не мощно словом представи» (438). 3) Фраза «или серпъ онъ, его же пророк виде пожиная и искореня вся нещадно, или мечъ, иже не точию обезчадьствовати могий, но с чады и родивших потиная немилостивно» (396) перекликается с аналогичным местом у Манассии: «Виде убо тогда и Персида от Византиа мечъ и жателный весь режущий серпъ простираем, грады губяще и села разоряюще».¹² 4) Эпитет «молниина стрела» заимствован автором или из Хроники Манассии,¹³ или из жития Стефана Лазаревича.¹⁴ Что касается проведенного С. П. Розановым анализа предисловия,¹⁵ то нам представляются бесспорными выводы автора о принадлежности предисловия к первоначальной редакции Хронографа: 1) читающиеся здесь догмат о троичном характере божества и учение о двух естествах во Христе повторяются в тексте Хронографа и заимствованы из прибавления к летописи Манассии и из жития Илариона Меглинского. 2) Изложение о вере в святые соборы, иконы и т. д. заимствовано из жития Саввы Сербского, при этом важно отметить, что в остальном тексте Хронографа соответствующий текст не отразился. 3) Заключительные слова статьи о взятии Царьграда: «... да и нам в полезная таковая вменит и наверхит недостаточное моего худаго разума старых ради и иностраньских пословиць. Един убо господь и Исус Христос не точию наша, но и всего мира недостаточное наверхая» — близко сходствуют с текстом предисловия: «... за разгласие речей в тех книгах, изыскуа праваа, и за разгласие многих пословиць ... или за неудобь разумныа старыа иностраннаа речи, не точию же сих недостаток, Христе милостивый, наверхи, но и к пользе и душа его приложи» (18); кстати, характерное обращение «Христе милостивый» роднит предисловие, кроме того, с «Повестью о нашествии Батыя» (396) и с одной сербской статьей (411). 4) Помещенная в предисловии выкладка лет, начинающаяся сло-

⁹ См.: С. П. Розанов. Время составления первоначальной редакции русского Хронографа, стр. 315.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 435; ср.: ГБЛ, ф. 113, № 655, л. 216 об.

¹¹ Там же, стр. 324; ср.: Син. № 38, л. 99 об.

¹² Там же, стр. 305; ср.: Син. № 38, л. 88.

¹³ Там же, стр. 319; ср.: Син. № 38, л. 97 об.

¹⁴ См.: ГБЛ, ф. 304, № 686, лл. 174, 214 об.

¹⁵ См.: С. П. Розанов. Время составления первоначальной редакции русского Хронографа, стр. 317—320.

вами: «Отнели же убо всепремудрый хитрец и содетель бог от сотвореннаго света в первый день сътвори зеницу всех сущих на земли, превеликое светило солнце» (18), — составлена, как выяснил С. П. Розанов, из выражений, заимствованных из первой главы Хронографа (22—23); отметим также связь выкладки со статьей о взятии Царьграда, где употреблено выражение — «великое солнце» (437), и укажем на возможные источники: житие Стефана Лазаревича («всеведый и премудрыи хитрецъ и всевозможныи съдетель») ¹⁶ и хронику Манассии («зеница дневнаа, великыи исполин солнце»). ¹⁷

Таким образом, возникновение Хронографа следует относить ко времени не ранее второй половины XV в. Этот вывод можно подтвердить путем анализа русских известий памятника.

Как выяснится из последующего, ближе всего к русским известиям Хронографа стоит свод 1495 г., поэтому дадим краткие сведения о нем. Сокращенный свод 1495 г. издан в 27-м томе ПСРЛ по двум спискам: Мазур. № 289 (конца XV—нач. XVI в.) и Архив. № 365 (конца XVI в.). Неполный список свода 1495 г. представлен также рукописью Син. № 938 (второй половины XVI в., обрывается на статье 1468 г.). ¹⁸ В списке Муз. № 5837, наоборот, свод 1495 г. продолжен (с перерывами и перебоями в хронологической последовательности) и доведен до 1526 г., после чего другими чернилами и другим почерком сделаны приписки, кончающиеся на известии 1533 г. о смерти Василия III. ¹⁹ Ряд известий, как вставленных в текст свода, так и следующих за ним, свидетельствует, что летопись Муз. № 5837 была написана в Иосифо-Волоколамском монастыре (см. статьи 6952, 6987, 6989, 6994, 7002, 7007, 7009, 7010, 7014, 7019, 7021, 7024, 7030, 7033, 7034 гг.).

Рассмотрим теперь состав русских известий Хронографа в различных его редакциях (беря за основу редакцию 1512 г.).

1. В гл. 167 помещена статья «О словеньскомъ языке и о русском» (тот же текст читается в редакциях 1599 и 1601 гг.). Сравнение с древними списками Повести временных лет, с новгородско-софийскими летописями и последующими московскими сводами показывает, что текст Хронографа сближается с сокращенными сводами 1493 г. и особенно 1495 г.: 1) после слов «како ся мьють» в Хронографе (346), как в сводах 1493 и 1495 гг., ²⁰ добавлено: «в бани»; 2) аналогично после слов «видех бани древяныи» добавлено: «и в них много камня»; 3) наоборот, после слов «сами ся мучать» опущено: «и то творять мовенье себе, а не мученье»; 4) вместо «увоз Боричев» читается: «возвоз Бориуев»; 5) вместо «Корсь» в Хронографе (347), как в своде 1495 г., ²¹ — «Корсемья»; 6) статья Хронографа оканчивается словами: «ходиша на Хозроя, царя перьскаго» — так же, как в сводах 1493 и 1495 гг., где после этого начинается собственно хронологическая часть, между тем как в Повести временных лет вводный раздел продолжается и далее. Принадлежность статьи к первоначальной редакции Хронографа следует из нали-

¹⁶ ГБЛ, ф. 304, № 686, л. 208 об.

¹⁷ Син. № 38, л. 39 об.

¹⁸ Пользуемся случаем поблагодарить Я. С. Лурье, указавшего нам на этот список.

¹⁹ Список 20-х годов XVI в.; водяной знак — буква «У» с крестом — близок к указанным Н. П. Лихачевым №№ 1494, 1495 (1520 г.). Об этом списке кратко упоминает А. Н. Насонов, но содержание летописи определено им неточно (А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы. — Проблемы источниковедения, т. IV. М., 1955, стр. 253—254).

²⁰ ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 174, 310.

²¹ Там же, стр. 311.

чия в ней сербского написания названия Корсуня — «Херсонь». Эта особенность характерна и для предшествующего текста Хронографа.²²

В той же главе имеется еще одна русская статья — «О пришествии Руси на Царьград» (заимствована из Еллинского летописца 2-го вида). Тот же текст лежит в основе Хронографа западнорусской редакции, но здесь он подвергся дополнению, что видно уже из начальных слов: «В лето 6374, в 14 лето царства Михаила». По уточнению, что ризу богородицы несли «с плачем», заключаем, что летопись произошла из Новгородско-Софийского свода.

В «Русском временике» статья совпадает с текстом редакции 1512 г., но имеется вставка о том, что русские пришли «в лето 6374 впервые, а князи их Осколд и Дир» (Чертк. № 115а, л. 176 об.). Вставка соответствует заголовку Воскресенской летописи: «Прьвое приходиша Русь на Греки Асколд и Дир из Киева»²³ (заимствованному в свою очередь из списка Царского Софийской 1-й летописи).

II. В гл. 168 приведен рассказ о призвании варягов — извлеченный из «Летописца вскоре» патриарха Никифора, того извода, который помещен в начале сокращенных сводов 1493 и 1495 гг.²⁴ Определение Олега как «племянника» Рюрика сближает данный извод Летописца с самими сводами 1493 и 1495 гг. По этой особенности устанавливаем, что аналогичный текст послужил источником для западнорусского Хронографа, но рассказ здесь разбит на две части и обработан по другой летописи.²⁵ Введены дополнительные известия: о походе Олега из Новгорода, о переселении венгров.

III. Первая русская статья гл. 171 — «О преложении книг от греческого языка на словенский» — представляет собой компиляцию: начало заимствовано из Летописца патриарха Никифора, остальная часть является переработкой летописного текста (более подробного, чем в сокращенных сводах конца XV в.). Принадлежность статьи к первоначальному составу Хронографа следует из использования в ней «Летописца вскоре» и наличия фразы: «Болгаре же и Словене и Сербы и Арбанасы и Басане и Русы — во всех тех един язык» (354), которая варьируется в статье о взятии Царьграда: «Сиа убо благочестиваа царствия Греческое и Болгарское и Серпское, Басанское и Арбанаское ... безбожнии Турци поплениша» (439) и в сербской статье гл. 202: «... царя Срацимира Болгарьского и Орбанашьския и Басаньския держателя» (418).

В редакциях 1599 и 1601 гг. статья дополнена проложным житием Кирилла; в западнорусском Хронографе также имеется отрывок из этого жития, но статья еще переделана по летописным источникам.

Другая статья — «О войне Олгове на Царьград» — основана на рассказе Еллинского летописца 2-го вида, что подтверждается и записью: «Сие пишеть о нем в Греческом летописце». Текст Еллинского летописца дополнен из летописи (например, о том, что Олег повесил щит на воротах Царьграда; приведен год смерти Олега, 6420 г., и др.). Имеющаяся деталь — что залив был перегорожен «веригами железными» — указывает, что летопись, использованная для дополнений, в данном случае была сходна с Тверским сборником и Ермолинской летописью («пропьяша чепь»). В западнорусском Хронографе изложен только поход Олега на Царьград, но рассказ дополнен по летописному источнику — своду

²² См.: ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 309 (ч. II, стр. 124), 312 (ч. II, стр. 127), 313 (ч. II, стр. 128), 314 (ч. II, стр. 128), 314 (ч. II, стр. 129).

²³ ПСРЛ, т. VII, стр. 269.

²⁴ См.: ПСРЛ, т. XXVII, стр. 170, 306.

²⁵ См.: ПСРЛ, т. XXII, ч. II, Пгр., 1914, стр. 150, 154.

1479 г. (что видно из чтения: «Несть сие Олег, князь русский, но бог посла на ны сие казнь, грех ради наших»).

IV. В гл. 173 читается краткая заметка о начале княжения Игоря — основана на тексте «Летописца вскоре», а хронологическое определение взято из летописи.

V. Русские статьи, помещенные в гл. 174, соответствуют своду 1495 г. (при этом вместо «Святослав» употребляется сербское написание «Цветьслав»)²⁶ В редакциях 1599 и 1601 гг. этот текст уже немного переработан. В западнорусской редакции осталось только одно известие (о походе Игоря на греков), но оно распространено по другому источнику.

VI. В гл. 175 помещены известия о крещении княгини Ольги и о первых походах Святослава. Редакции 1512 и 1601 гг. передают текст свода 1495 г. (с написанием «Цветослав»). В редакции 1599 г. известие о крещении Ольги распространено по другому источнику (см. Увар. № 1362 (23), л. 705). В редакции западнорусской ничего не сказано о крещении Ольги, но подробно изложен рассказ о походах Святослава.

VII. В статьях 6475—6476 гг. (гл. 175) имеем соединение известий свода 1495 г. с глоссой болгарского переводчика Манассии (см. Син. № 38, на нижнем поле л. 117). Отметим последовательное употребление написания «Цветослав». Тот же текст отразился в западнорусском Хронографе, но был там распространен.

VIII. Изучение последующих русских известий Хронографа редакции 1512 г. (до 1451 г. включительно) и сравнение их с сокращенными летописями конца XV в. показывает, что текст этих статей основан на своде 1495 г. Действительно, в известиях за X и XIV вв. свод 1493 г. значительно отличается от свода 1495 г., и здесь Хронограф сближается именно со сводом 1495 г.²⁷

Может возникнуть вопрос: не заимствованы ли известия Хронографа из протографа сводов 1493 и 1495 гг.?²⁸ К этому есть как будто некоторые основания. Так, после окончания статьи 6813 г. неожиданно повторено: «В лето 813» и приведены известия о приходе на Русь митрополита Петра и о голоде. Во всех списках свода 1495 г. и в других сокращенных сводах эти события датированы 6817 г. Возможно, что в источнике Хронографа события излагались так же, как в списке Пог. № 1409 свода 1493 г., где после статьи 6813 г. читается: «Того же лета 817»,²⁹ что и могло дать повод отнести известия 6817 г. к 6813 г.

Кроме того, ряд мест определенно сближает Хронограф с Муз. и Арх. списками свода 1495 г.: 1) под 6904 г. в Хронографе читается: «Вычегда ... впаде в Двину ме жу Оустьюга 40 верьст», в Муз. сп. — «межи», в то время как в других списках свода 1495 г. (и свода 1493 г.)

²⁶ Имя «Цветослав» читалось в протографе редакций 1512 г. и западнорусской, что заключается из присутствия его в статье (ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 363; ч. II, стр. 165), основанной на глоссе болгарского переводчика Манассии (ср.: Син. № 38, л. 119).

²⁷ Сокращенные своды 1493 и 1495 гг., без сомнения, восходят к общему протографу. Этот протограф при составлении свода 1493 г. был дополнен текстом Московского свода 1479 г. и, по-видимому, более точно — по списку Увар. № 1366: дело в том, что помета писца под 6907 г. на полях этого списка оказалась внесенной в текст свода 1493 г.

²⁸ Источник Хронографа отличался от того извода сокращенного свода, который отразился в летописи Авраамки и Устюжском своде: в указанных летописях под 6562 г. при перечислении сыновей Ярослава Мудрого смоленский князь Вячеслав поставлен на второе место вслед за Изяславом; Хронограф же следует своду 1495 г.

²⁹ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 237.

правильно — «ниже»;³⁰ 2) если в других списках свода 1495 г. (и 1493 г.) читается под 6925 г.: «Преставися князь великий Василей Васильевич Новагорода Нижнего» (в Син. № 938 правильно — «Иван Васильевич»), то в Муз. и Арх. списках так же, как в Хронографе: «Преставися князь великий Иван Васильевич Новагорода Нижнего, сын пръвый князя великаго Василица Дмитреевича»;³¹ 3) в Муз. и Арх. списках по сравнению с другими списками свода 1495 г., а также сводом 1493 г., Устюжским сводом и летописью Авраамки добавлены известия: 6660 г. — о церковном строительстве Юрия Долгорукого, 6662 г. — о женитьбе князя Изяслава Мстиславича, о рождении у Юрия сына Дмитрия-Всеволода, о приходе Андрея Боголюбского во Владимир и перенесении им иконы богородицы.³² Видимо, эти известия написаны были в протографе обоих списков на полях, так как в Арх. списке они помещены между 6661 г. и 6664 г., а в Муз. между 6654 г. и 6660 г. В соответствующем месте Хронографа этих известий нет, но оказывается, что в других статьях Хронографа они использованы: под 6897 г. вставлено сообщение о том, что г. Дмитров «сзда князь велики Юрьи Владимировичь на рече на Яхроме во имя сына своего Всеволода, ему же имя во святом крещении Дмитрие, в лето 6662» (416); в рассказе об иконе богородицы, которой приписано было спасение Руси от нашествия Тимура, добавлено: «Принесоша же ея с Пирогощею во едином корабли из Царяграда, князь же Андрей Боголюбский принесе ея с Киева в Володимерь и вкова на ней злата боле 30 гривен наших русских и камением и бисером украси» (421).³³ Сам характер использования этих известий подтверждает мысль, что и в летописном источнике Хронографа они были приписаны на полях или на отдельном листе.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что в распоряжении составителя Хронографа находился список сокращенного свода 1495 г., с одной стороны, близкий к оригиналу свода, с другой — уже подвергнутый обработке (возможно, автором Хронографа).

Обоснуем теперь утверждение, что русские статьи редакции 1512 г., извлеченные из свода 1495 г., входили в первоначальную редакцию Хронографа. Об этом свидетельствуют: 1) наличие в тексте написаний типа «Цветослав», «Цветопок», «Херсунь», «краль»; в связи с этим характерно добавление под 6898 г. о митрополите Киприане: «Сербин родом»; 2) вставка автором под 6910 г. замечания, что бывшее в этом году знамение указывает на войны Баязета и Темира, «якоже пространно явих в царстве греческаго царя Мануила о сих» (424), — помимо того что ссылка дается на статьи, входившие в первоначальную редакцию Хронографа, вспомним, что в принадлежащей той же первоначальной редакции статье о взятии Царьграда турками также имеется аналогичное выражение («первие убо рекох о них пространнейше»); 3) то, что

³⁰ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 423; т. XXVII, стр. 262, 337; ГБЛ, Муз. № 5837, л. 71 об.; ГИМ, Син. № 938, л. 77.

³¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 425; т. XXVII, стр. 267, 341; ГБЛ, Муз. № 5837, л. 80 об.; ГИМ, Син. № 938, л. 89 об.

³² ПСРЛ, т. XXVII, стр. 319; ГБЛ, Муз. № 5837, лл. 26—27.

³³ В западнорусском Хронографе этого добавления нет, хотя рассказ о Темир-Аксаке там читается. Объясняем это тем обстоятельством, что с известий второй половины X в. русские статьи составителем западнорусской редакции систематически опускались (тем более, если указанное добавление помещалось в протографе на полях). В то же время такие выражения, как «30 гривен наших русских» и «камением и бисером украси», — постоянно встречаются в тексте Хронографа и характеризуют манеру составителя (см.: ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 183, 188, 190, 199, 201, 238, 294, 337, 395 и др.).

отрывки рассматриваемых статей отразились в Хронографе западнорусской редакции; по исследованию С. П. Розанова, Буслаевский список этой редакции (который признается протографом остальных списков) писан одной рукой и очень тщательно, но в нем замечается целый ряд незаполненных мест, в основном совпадающих с пропусками русских летописных статей: на л. 254 об. упоминается об Иване Калите и о поставлении митрополита Петра (как и в редакции 1512 г., с ошибочной датой — 6813 г.), причем 3 строки остались незаполненными; на л. 259 об. излагается сообщение о вокняжении Симеона Ивановича, но составителю была известна и последующая статья, судя по упоминанию «царя Азбяка» (дальнейшие 13 строк не заполнены); на л. 260 об. отмечается известие о вокняжении Ивана Ивановича (причем последние 8 строк остались чистыми); под 6933 г. сообщается о вокняжении Василия Васильевича, но по указанию — «при митрополите Фотии» — можно догадаться, что составителю были известны последующие известия этого года (о поездке Фотия в Галич и др.).

В рассматриваемой части русские статьи редакций 1599 и 1601 гг. подверглись дополнению из других источников: более подробно изложены события княжения Владимира Святославича, имеются мелкие добавления в статьях 6579, 6683 гг., прибавлено известие о «знамени» под 6693 г., вставлена статья 6668 г., события первой трети XIII в. распространены по летописным источникам и дополнены рассказами из повести о Николае Зарайском и из жития Ефросинии Суздальской. Вторичность данного типа Хронографа особенно ярко проявляется в тех местах, где редакция 1512 г. следует тексту свода 1495 г., а редакции 1599 и 1601 гг. изменяют его вставками и добавлениями. На это указывают также дублировки некоторых известий: так, сообщение о «знамени» под 6710 г. оказалось изложенным два раза: один раз по Хронографу 1512 г., другой раз по более подробному источнику (см. Увар. № 1362(23), лл. 769 об. и 772; Чертк. № 115а, лл. 237 и 239 об.); дважды сообщено о «знамениях» под 6712 г. (соответственно: лл. 769 об. и 779; лл. 237 и 244 об.); в статье 6723 г. объединены два рассказа о сражении на Липице: краткое известие Хронографа редакции 1512 г. и подробная статья Московского свода 1479 г.

IX. Еще одним источником, которым пользовался составитель Хронографа, была великокняжеская родословная, откуда он систематически черпал сведения при генеалогических экскурсах и перечислении сыновей великих князей.

X. В распоряжении составителя находился также обширный летописный свод, послуживший источником дополнений в ряде статей Хронографа³⁴ и даже целых повестей (под 6745—6756, 6903, 6949 гг.). Комплекс рассказов о нашествии Батые и его убиении, о смерти Дмитрия Красного, житие Михаила Черниговского — ясно указывают, что данный летописный источник основывался на Московском своде 1479 г.³⁵ Показателем, что заимствование из него было произведено при составлении первоначальной редакции Хронографа: 1) обработка статей 6496, 6501, 6522 гг. совершена одним и тем же способом: начало берется из сокращенного свода, затем следуют дополнения из другого источника; в обеих частях встречаются сербские написания ряда слов, причем выделяем

³⁴ Помимо указанных ранее, см. статьи 6496, 6501, 6522, 6567, 6586, 6790, 6826, 6889, 6946 гг.

³⁵ Зависимость хронографической повести об убиении Батые от летописной показана в статье С. П. Розанова «Повесть об убиении Батые» (ИОРЯС, т. XXI, кн. I, Пгр., 1916, стр. 109—142).

статью 6501 г., в которой повторяется сербское слово «юнец» (молодой бык), а следует иметь в виду, что в предшествующей части Хронографа автор неоднократно употребляет это слово;³⁶ 2) «Повести о нашествии Батя» предшествует авторский текст «Введения», кроме того, в западнорусском Хронографе сохранился «след» этой «Повести»,³⁷ откуда вытекает, что она находилась в протографе обеих главных редакций; 3) в житии Михаила Черниговского есть фраза: «...но поклоняюся отцу и сыну и святому духу, единому богу во трех съставех» (400), — последние слова отсутствуют в источниках этой статьи, но зато однотипные выражения характерны для предшествующего текста Хронографа и его предисловия;³⁸ 4) текст русской статьи о нашествии Темир-Аксака органически слит с рассказом из жития Стефана Лазаревича (присутствует как в редакции 1512 г., так и западнорусской).

Специфика редакции Московского летописного свода (МЛС), бывшего в распоряжении составителя Хронографа, определяется из анализа рассказа о нашествии Батя на Русскую землю.³⁹ Из летописей, представляющих МЛС, наиболее близкой к Хронографу оказывается Симеоновская (Сим.). Именно индивидуальные особенности текста и дополнения из источника типа Троицкой летописи являются общими для Хронографа и Сим. летописи: 1) в рассказе о взятии Рязани после слов «и проньский князи» в МЛС, а также в Софийской 1-й летописи (С1Л) и Новгородской 4-й летописи (Н4Л) читается: «Не пустячи их к городу, выидоша противу им в Вороножь», но в Хронографе (396) и Сим. (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 55) эта фраза отсутствует; 2) несколько ниже в МЛС, С1Л и Н4Л читается: «И оттоле пустиша посол к великому князю ко Юрью в Володимерь, и начаша воевати землю Рязанскую, и плениша до Проньска; а из Володимеря пустиша их послы в Татары в Воронеж», в соответствующем же месте Хронографа (396) и Сим. (55) данный фрагмент отсутствует; 3) после известия, что князь Юрий «сам не поиде», в Хронографе (396) и Сим. (55) добавлено: «и силы не посла» — этих слов нет в МЛС, С1Л и Н4Л; 4) вместо фразы «и бысть сеча велика» (МЛС; С1Л) в Хронографе (397) и Сим. (55) читается: «и бысть сеча зла»; 5) по сравнению с МЛС, С1Л и Н4Л в Хронографе (397) имеется лишний фрагмент (от слов «и тако вси предаша душа своя господеву» до слов «да избавить нас от будущая муки»), являющийся сокращением текста Сим. (56—57), заимствованного в свою очередь из Троицкой; 6) различаются соответствующие фрагменты, с одной стороны, МЛС, С1Л и Н4Л (от слов «идоша к Ростову, инии же Ярославлю» до слов «туту же и сын Ярославль убиша») и, с другой стороны, Сим. (57) и Хронографа (397—398), составленного здесь под влиянием Троицкой (от слов «идоша к Юрьеву, к Ростову, к Костроме» до слов «на Переяславль и к Снятину»); 7) молитва князя Юрия в Хронографе (398) и Сим. (57) изложена гораздо пространнее, чем в МЛС, С1Л и Н4Л и основана на тексте Троицкой летописи; 8) читающаяся в Хронографе (397) и Сим. (58) молитва Василька также основана на тексте Троицкой, а в МЛС, С1 и Н4 она вовсе отсут-

П 98

³⁶ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 26, 33, 131, 135, 146, 151, 163, 222 (ч. II, стр. 41), 225 (ч. II, стр. 43), 227 (ч. II, стр. 45), 243 (ч. II, стр. 60), 265—266 (ч. II, стр. 86).

³⁷ См.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении хронографа. СПб., 1899, стр. 24—25.

³⁸ См. выражения типа «в трех составех ... один бог» (14, 15, 38) или «трисоставно бе божество» (14, 27, 36, 164).

³⁹ Привлекаем для изучения летописи: Воскресенскую, Уваровскую № 1366, Симеоновскую, Типографскую, Ермолинскую, Прилудскую, Уваровскую, Львовскую. Текст МЛС цитируем по Воскресенской.

ствуется; 9) в Хронографе (398) и Сим. (58) имеется основанное на Троицкой летописи указание, что тело Василька укрыл у себя «Андреян попович» (нет в МЛС, С1А, Н4Л); 10) в Хронографе (399) сохранился отрывок из Похвалы князю Юрию, более полный текст которой (основанный на Троицкой) читается в Сим. (59—60), — в МЛС, С1А и Н4Л она отсутствует вовсе.

Таким образом, налицо пользование со стороны составителя Хронографа материалами Симеоновской летописи. Оригинал этой летописи возник, по-видимому, в середине 90-х годов XV в.,⁴⁰ и это согласуется со сделанным выше заключением, что другим летописным источником Хронографа был сокращенный свод 1495 г. или особый список его протографа. Теперь следует обратить внимание, что свод 1495 г. и Симеоновская летопись в своих заключительных частях очень близки друг к другу. Отсюда мы высказываем предположение, что в одном месте (и примерно в одно время) были созданы Хронограф и Симеоновская летопись.

Отметим еще, что в статье Хронографа «О Темире, иже победи царя Баозита» (гл. 203) в соединении с текстом жития Стефана Лазаревича отразилось русское «Сказание о владимирской иконе и о нахождении Темир-Аксака». Сказание это читается в летописях, отражающих МЛС, но по сведениям о происхождении Тимура и о том, что последний стоял у реки «15 день на едином месте» (в МЛС — «две недели»), заключаем, что в Хронографе была использована такая редакция Сказания, которая читается в Тверском сборнике (под 6903 г.) и Вологодско-Пермской летописи (вставлена под 6999 г.). В указанных летописях отразились своды 90-х годов XV в., и поэтому сделанный выше вывод о времени возникновения Хронографа остается прежним вне зависимости от того, заимствовано ли Сказание из московского источника Симеоновской летописи или из другого источника.

То, что Хронограф составлялся не ранее 90-х годов XV в., находит подтверждение в самом его тексте. В статье «О отложении мяса иноком» (330) в редакциях 1512, 1599 и 1601 гг. читается: «Феодор Студит был по седьмом соборе за седьсот лет без двадесяте до скончания седмыя тысяща, а до сих времен...», и еще: «Никон был до скончания седмыя тысяща за четыреста лет и двадесять, а до сего времени...». Без сомнения, тот же текст был и в протографе западнорусской редакции, так как там читается: «Феодор Студит был по седмом соборе от Адама в лето 6280»,⁴¹ и еще: «А был Никон в лето 6580». Таким образом, возникновение протографа редакций 1512 г. и западнорусской (под которым мы понимаем первоначальную редакцию Хронографа) следует относить ко времени после 1492 г. При этом есть основания приписывать слова: «Никон был до скончания седмыя тысяща за четыреста лет и двадесять, а до сего времени мало болши», — автору Хронографа, и тогда можно предполагать, что памятник появился в скором времени после 1492 г.⁴²

⁴⁰ См.: А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965, стр. 15.

⁴¹ Здесь ошибка: вместо того, чтобы вычесть из 7000 «седьсот лет без двадесяте», составитель западнорусской редакции вычел «седьсот и двадесять» — по аналогии со вторым случаем.

⁴² А. А. Шахматов сделал вывод о составлении Хронографа в 1442 г. на основании того, что в западнорусской редакции число лет царствования императора Калюяна определено 17-ю. Но здесь это число появилось вследствие того, что в царствование Калюяна описаны русские события 6933—6949 гг. В редакции 1512 г. число 17 не обозначено, и текст здесь более первоначальный (А. А. Шахматов предполагал обратное), так как представляет дословную цитату из «Летописца вскоре» патриарха Никифора (бывшего, как известно, источником Хронографа).

Время составления первоначальной редакции Хронографа можно, однако, определить точно. Дата создания памятника скрыта в следующей выкладке, помещенной в конце «Изложения о вере»: «Отнели же убо всепремудрый хитрец и содетель бог от сотвореннаго света в первый день сътвори зеницу всех сущих на земли, превеликое светило солнце, и во обновление того двосотное и тридесять первое двадесят четвертаго лета начах таковыа гранеси и кончах втораго лета во второе обновление» (18). Но смысл этих слов оставался загадочным для исследователей. Дело в том, что если, следуя выкладке, помножить 28 (число лет в солнечном цикле) на 230 и затем сложить с 24, то получится 6464 г. Это — год начала труда по составлению памятника (окончание — в 6470 г.). Выходило, что возникновение Хронографа следовало относить к X веку, между тем как изучение его источников определенно указывало на время не ранее XV столетия. Выкладка не могла также содержаться в каком-нибудь греческом источнике, как думал А. Н. Попов, потому что все они более позднего происхождения; кроме того, как уже говорилось, данная криптограмма читается в авторском тексте Хронографа и, следовательно, составлялась не ранее второй половины XV в.

А. А. Шахматов в своих исследованиях по Хронографу исключил из рассмотрения выкладку «Изложения о вере». Лишь С. П. Розанов сделал попытку объяснить ее, исходя из предположения, что автор имел в виду обычай для краткого обозначения дат отбрасывать цифры тысяч. Приписав автору довольно искусственные вычисления с заменой систем летосчисления, С. П. Розанов пришел в итоге к следующей дате (окончания Хронографа) — 6970 г.⁴³ Построение С. П. Розанова подверглось обстоятельной критике в работе А. Д. Седельникова,⁴⁴ и нам нет необходимости повторять ее здесь. Сам А. Д. Седельников высказал мысль, что без конъектурального исправления вряд ли криптограмма «Изложения о вере» вообще может быть понята. Но исправление А. Д. Седельников произвел слишком упрощенно: вместо «двосотное и тридесять первое» он предложил читать «двосотное и пятьдесят первое», что дает при окончательном подсчете годы 1516—1522. Но следует учесть, что численные значения приведены в выкладке в словесном выражении (такая манера прослеживается и в остальной части Хронографа), и поэтому здесь нельзя говорить об ошибке переписчика.

Между тем текст выкладки допускает вполне однозначное толкование. Обратим внимание, что получившаяся в результате подсчета дата и та действительно реальная, на которую указывают источники Хронографа, различаются между собой на 500 лет с лишним. При справках о числе солнечных кругов в древней Руси пользовались так называемыми таблицами Миротворного круга. Но оказывается, что соседние колонки этих таблиц отличаются на один индикт, т. е. на 532 года. Отсюда и возникает предположение, что составитель Хронографа при определении количества солнечных кругов по ошибке заглянул в соседнюю колонку. Как видно из текста выкладки, количество солнечных кругов в цикле, предшествующем году, в котором началась работа над Хронографом, определено автором как 230. Существует единственная таблица, где среди значений числа солнечных кругов фигурирует 230: в этой таблице указан год 6972, ему соответствует 249 солнечных кругов, а рядом

⁴³ С. П. Розанов. Время составления первоначальной редакции русского Хронографа, стр. 321—322.

⁴⁴ А. Д. Седельников. Досифей Топорков и Хронограф, стр. 756—757.

с числом 249 в соседней колонке как раз и стоит число 230.⁴⁵ Таким образом, из приведенных рассуждений следует, что Хронограф был начат в $6972 + 24 = 6996$ г., а окончен в 7002 г.

Этот вывод подтверждается рассмотрением русских известий списка 1538 г. (положенного в основу издания), помещенных вслед за «Повестью о взятии Константинополя». Раздел открывается, как и в других подобных случаях, заголовком: «Великое княжение Руское». Летописные статьи, начинаясь с 6961 г., доходят до 7002 г. (последнее известие — о смерти волоцкого князя Бориса Васильевича), затем, после десятилетнего перерыва, следуют краткие заметки под 7012, 7014, 7015, 7018, 7019, 7031, 7022 гг.;⁴⁶ в конце киноварью приписаны известия 7042 и 7044 гг. о преставлении Василия III и Юрия Дмитровского. Можно думать, что первоначально летописные известия доходили лишь до 7002 г. Текст, как и ранее, совпадает со сводом 1495 г. и лишь в нескольких местах дополнен по Симеоновской летописи и другим источникам (под 6970, 6979, 6985 гг.). Как и в предшествующем тексте Хронографа, вместо слова «король» пишется «краль» (под 6988 г.), авторские отступления сопровождаются восклицаниями «увы мне!» (под 6979 г.), «горе и увы!» (под 7001 г.). Все это позволяет возводить летописные статьи 6961—7002 гг. к первоначальному составу Хронографа.

Наконец, напомним, что другой источник Хронографа — Симеоновская летопись — также оканчивается 7002 г. Таким образом, выкладка «Изложения о вере», первоначальный состав русских известий основного списка памятника и окончание Симеоновской летописи на 7002 г., — в совокупности указывают на 1494 г., как на год окончания работы по составлению Хронографа.

В таком случае влияние протографа свода 1495 г., использованного в Хронографе, на некоторые списки свода могло быть осуществимо лишь тогда, когда и Хронограф и свод 1495 г. составлялись в одном месте. По некоторым данным, Хронограф писался в Иосифо-Волоколамском монастыре. Так, в указанных выше летописных известиях, следующих за «Повестью о взятии Константинополя», отразилась имевшая хождение в стане обличителей легенда о возникновении новгородской ереси: «В лето 6979 был в Новгороде князь Михайло Оленьковичъ из Литвы, а с ним Жидове торгомъ и мнози от попов и диаков, живуще свинским житием, начаша к нимъ ходити и бражничать и учитися волъшевским кънигам и того ради научишяся от них христорборной ериси жидовьской, им же начальник поп Алексей, да Гаврило протопоп и инии многи. И от них разъсеяся повсюду таковое злочестие и многи душа — увы мне! — с собою погубиша и огневи предаша» (460). Волоколамскому монастырю принадлежал сборник (Вол. № 655), в котором вместе с Паралипоменом Зонары помещены и югославянские сочинения, внесенные в Хронограф: жития Стефана Лазаревича, Стефана Дечанского, Илариона Меглинского. Близкие литературные приемы и использование одних и тех же источников можно отметить у составителя Хронографа и в произведениях Иосифа Волоцкого. Например, следующее место из «Послания вельможе Иоанну о смерти князя»: «Не точию словесное естество восплака, но и безсловеснии прослезиша, и самыя нечювственныа стихиа возстенаша»⁴⁷ сближается с текстом Хронографа: «И самех безсловес-

⁴⁵ См., например, таблицы Миротворного круга в рукописи МДА, № 103. Интересующая нас таблица находится на л. 66 об.

⁴⁶ Еще под 7000 г. попало по ошибке известие 7021 г.

⁴⁷ Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 157.

ных может подвинуть на плачь» (396), «не тоию человеки, но и нечювьственное камение и самыа стихиа творит плакати» (437). В том же сочинении встречаются выражения — «сладкопесниви», «державный»,⁴⁸ — заимствованные у Манассии и читающиеся также в Хронографе (300, 365, 371). Те слова, которыми характеризуется митрополит Зосима (в «Послании епископу Нифонту») — «скверный злобесный волк», — можно сопоставить с Хронографом: «ненавистный ... волк ... злобесный сей» (318, 319), что является заимствованием из Хроники Манассии. Восклицание (читающееся в «Послании брату Вассиану Санину»): «О земле и солнце, како тръпиши!»⁴⁹ — близко к выражениям Хронографа: «О солнце и земле!» (437 и др.; ср. у Манассии), «О како стерпе земля таковая! Како солнце сиати не преста!» (438). В «Послании И. И. Третьякову» имеется прямое заимствование из жития Стефана Дечанского,⁵⁰ а исторические экскурсы в «Послании Б. В. Кутузову» сопровождаются примерами из жития Саввы Сербского.⁵¹

Изучение списков свода 1495 г. также приводит нас к Иосифову монастырю. В древнейшем, Мазуринском, списке на лл. 146—162 об. помещен перечень лиц, которым провозглашается анафема или вечная память. Этот перечень заканчивается многолетием князю Борису Васильевичу — патрону Волоколамского монастыря. Текст свода в Архивском списке сопровождается Словом (Иосифа Волоцкого) на новгородских еретиков. О происхождении из Волоколамского монастыря Музейного списка говорилось выше.

Хотя и не имеется прямых указаний о составлении Симеоновской летописи в Иосифо-Волоколамском монастыре, но во всяком случае дошедший до нас список летописи писан (в начале 40-х годов XVI в.) в этом монастыре. Почерк писца встретился нам в сборниках, принадлежавших монастырю, — Вол. № 622 (лл. 497—593 об.) и Вол. № 572 (лл. 167—186 об.). Им же переписаны лл. 175—421 в рукописи Вол. № 490, на последнем листе которой помещена запись о написании книги в 1543 г. «в дом Пречистой, во Иосифов монастырь».⁵² Первая часть сборника имеет общие филигранные со второй частью и переписана митрополитом Даниилом, который с 1539 г. находился в ссылке в Волоколамском монастыре. Даниилом же правлен текст и во второй части сборника.

Итак, подведем итоги: Хронограф русской редакции составлялся на протяжении 1488—1494 гг., место создания памятника — Иосифо-Волоколамский монастырь.

⁴⁸ Там же, стр. 158, 160.

⁴⁹ Там же, стр. 173.

⁵⁰ Там же, стр. 199—201.

⁵¹ Там же, стр. 219.

⁵² Писец этой части сборника, по свидетельству описи 1537 г., — монастырский слуга Дмитрий Лапшин.

Н. А. КАЗАКОВА

К изучению «Сказания о граде Египте»

В рукописных сборниках XVI—XVII вв. довольно часто встречается «Сказание о граде Египте». Это небольшое произведение содержит описание столицы средневекового Египта — Каира и природы Египта. Заканчивается оно словами, указывающими на источник сведений автора: «А сказывал се великаго князя казначей Михайло Гиреев. Был, скажет, в том граде Египте сорок дней».¹

А. А. Шахматов, специально занимавшийся «Сказанием» и датировавший его концом XV в., пришел к выводу, что рассказчиком, со слов которого было записано «Сказание», являлся Михаил Григорьев Мисюрь-Мунехин, известный впоследствии дьяк Василия III, в молодости побывавший на Востоке.²

Устная основа «Сказания», засвидетельствованная самим «Сказанием» и подтвержденная выводами А. А. Шахматова, не вызывает сомнений. Но вместе с тем нам представляется, что «Сказание» — это не непосредственная запись устного рассказа, а произведение, испытавшее влияние определенной литературной традиции. На эту мысль наводит сопоставление «Сказания» с «Хождениями», в частности с «Хождением гостя Василия» на Ближний Восток в 1466—1467 гг.

Произведем сопоставление описания столицы Египта Каира в «Сказании» и в «Хождении гостя Василия».

О Египте граде велицем

Египет великий град, 14 мезгитей в нем, а у мезгити по сту столпов каменных. А на столпы възлазять до 100 человек и до 50, и вшедше на столп, кличюг. Да в нем же 14 тысящь кермесараев, а комар в кермосараи много, до триста гостей становятся. Да в нем же 14 тысящь улиц, а в улице по 10 тысящь дворов. А бань 14 тысящь. А двор салтанов, рекше царев, с Москву нашу, с Кремль, а царя не видать никто. А алафу дают на цареве дворе мелким людям на всяк день: конюхом, поваром, хлебником, помесом, истобником, на 4 тысящи человек.³

Хождение гостя Василия

Египет град вельми велик. А в нем 14 тысящь улиц, да во всякой улице по двоа врата и по две стерльницы, да по два стража, которыя зажигают масло на свещнице; да в иных улицах домов 15 тысящь, а в иных улицах до 18 тысящь дворов, да на всякой улице по торгу по великому, а улица с улицей не знается, опроче великих людей.⁴

¹ А. А. Шахматов, Путешествие М. Г. Мисюря-Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. — ИОРЯС, 1899, т. IV, кн. I, стр. 216.

² Там же, стр. 200—216.

³ Там же, стр. 216.

⁴ Православный палестинский сборник, вып. 6, СПб., 1884, стр. 8.

Сопоставление показывает совпадение или во всяком случае близость некоторых деталей, имеющих в обоих текстах. И в «Сказании», и в «Хождении гостя Василия» названо одинаковое число улиц в Каире — 14 тысяч. Близки и цифры домов, находящихся на каждой улице: в «Сказании» от 10 тысяч до 14 (в различных списках),⁵ в «Хождении» от 15 до 18 тысяч. В обоих произведениях подчеркивается величина города и его торговый характер.

Но еще более важной, чем отмеченная близость ряда черт в описании Каира в «Сказании» и в «Хождении гостя Василия», представляется нам стилистическая близость между «Сказанием» и «Хождениями».

В. В. Данилов, исследовавший стиль древнерусских «Хождений», назвал его «сухим, протокольно-безразличным», не выказывающим «живого лица наблюдателя и его впечатлений».⁶ Соглашаясь с данным В. В. Даниловым определением стиля «Хождений», как «протокольного» (в том смысле, что древнерусские путешественники лаконично, без всяких «плетений словес», передавали виденное и не стремились, как правило, выражать при описании свои эмоции), мы не можем вместе с тем признать сухость его характерной чертой. Перечисление населенных пунктов и указание расстояний между ними носят в «Хождениях» действительно деловой, сухой характер. Но когда авторы «Хождений» переходили к описанию достопримечательностей и необычного для русского человека облика чужих городов, то в ряде случаев рассказ их приобретал выразительность. Достаточно вспомнить, например, знаменитое описание статуи Юстиниана, сделанное Стефаном Новгородцем: «Ту стоит столп чуден вельми толстотою и выотою и красотою, из далеча с моря видети его, и на верх его сидит Иустиниан великы на коне вельми чуден, аки жив, в доспесе сорадинском, грозно видети его, а в руке яблоко злато велико, а во яблоце крест, а правую руку от себя простер буйно на полдни на Сороциньскую землю к Иерусалиму».⁷ Здесь протокольность соединяется с выразительностью.

Правда, авторы «хождений» не всегда придавали своим описаниям ту эмоциональную окраску, которая присутствует у Стефана Новгородца («грозно видети его», «руку ... простер буйно»). Чаще они достигали выразительности путем включения в свои описания наиболее ярких и характерных деталей того, что они видели и что хотели передать читателям. Так же поступил, как нам кажется, и автор «Сказания». Путем протокольного фиксирования самых ярких деталей он сумел воссоздать своеобразный облик большого мусульманского города, с его минаретами и криками муэдзинов, с большими постоянными дворами для купцов.

Близок к манере «Хождений» автор «Сказания» и в описании природы. «А до Махметова гроба от Египта, — пишет автор, — 50 дней итти по пустым местом, песком брести на верблюдех, только небо да земля, а лесу нет».⁸ Так, в немногих словах он сумел передать с чисто русским восприятием («а лесу нет») характерный пейзаж пустыни, когда кругом только «небо да земля». Описание предельно лаконичное и протокольное, но вместе с тем выразительное, создающее у читателя настроение. Это описание природы Египта по своей манере удивительно напоминает описание природы другого уголка земного шара — Альпийских гор, читаю-

⁵ См.: А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря-Мунехина, стр. 216—222.

⁶ В. В. Данилов. О жанровых особенностях древнерусских «Хождений». — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 25.

⁷ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы. Л., 1934, стр. 50—51.

⁸ А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря-Мунехина, стр. 216.

щеется в «Хождении на Флорентийский собор»: «Горы же те . . . от Черного моря пошли даждь и до Белаго моря, яко зовутся пояс земный, камены. Толико же высоци суть, облаци вполь их ходят, и облаци от них ся взимают. Снзси же лежат на них от сотворения гор тех; лете же вар и зной велик в них, но снег же не тааше».⁹ Та же лаконичность, протокольность и та же, как нам кажется, выразительность.

Сближают «Сказание» и «хождения» и применяемые их авторами сравнения увиденного в чужих странах с тем, что им было привычно на родине. Игумен Даниил сравнивал Иордан с рекою Сновою,¹⁰ автор «Хождения на Флорентийский собор» сравнивал итальянский кедр с русскою сосною,¹¹ автор «Сказания о граде Египте» сравнивает дворец султана в Каире с московским Кремлем.¹²

Сопоставление «Сказания о граде Египте» с «хождениями» показывает, как нам кажется, наличие известной зависимости стиля и литературной манеры «Сказания» от стиля «хождений». Очевидно, автор «Сказания» обработал сделанную им запись рассказа Михаила Гиреева в духе традиционных для «хождений» описаний чужих стран. Возможно также, что он был знаком с текстом «Хождения гостя Василия», о чем говорит близость некоторых деталей в описании Каира, имеющихя как в «Сказании», так и в более раннем «Хождении гостя Василия».

⁹ Н. А. Казакова. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор». — ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 66.

¹⁰ См.: Православный палестинский сборник, вып. 3, стр. 45.

¹¹ См.: Н. А. Казакова. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор», стр. 68.

¹² См. выше, стр. 256.

Н. В. СИНИЦЫНА

Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека

(К постановке вопроса)

С середины XVI в., когда Максим Грек умер, и вплоть до нашего времени вряд ли можно назвать хотя бы одно десятилетие, которое не откликнулось бы на творчество или личность Максима Грека, хотя эти отклики различны по содержанию и глубине проникновения: создание нового списка сочинений Максима Грека, возникновение нового собрания его сочинений с включением новых, неизвестных ранее читателям текстов, составление новой редакции сказания о нем, жития, т. е. по существу биографии, использование трудов Максима Грека в идейной борьбе — в XVI—XVIII вв.; публикация текстов его сочинений, исследования, освещающие разные стороны его деятельности, этапы его судьбы — в XIX—XX вв.

Восприятие и освоение сочинений Максима Грека последующими поколениями характеризует одно из направлений, одну из струй преемственной связи между древнерусской литературой и культурой последующего времени. Здесь не было разрыва или перерыва, но, напротив, продолжалось накопление культурных ценностей; непреходящий интерес к творчеству и личности Максима Грека сохраняли читатели и XVI, и XVII, и XVIII вв. Многими нашими знаниями о Максиме Греке мы обязаны любовному и бережному отношению к его наследию именно людей XVIII в., сохранивших для нас то, что недоступно в более ранних списках.

Круг деятельности Максима Грека, его интересы были широки и разнообразны, и отклики на его творчество, личность встречаются в поздних исторических и литературных памятниках, разнообразных по происхождению и содержанию. Поэтому работа о Максиме Греке должна иметь своим объектом, помимо его биографии, системы воззрений, связи с эпохой, и ряд других аспектов: его влияние на Курбского, значение переводческой деятельности, вклад в развитие филологических знаний, литературную историю сказаний о нем и его жития, использование его сочинений в идейной борьбе последующего времени и т. д.¹ Однако необходимой предпосылкой такого рода исследований должен быть критический анализ всех известных источников, т. е. источниковедческая работа, рассматривающая

¹ Интересное исследование эволюции иконографии Максима Грека предприняла О. А. Белоброва: К вопросу об иконографии Максима Грека — ТОДРЛ, г. XV. М—Л, 1958, стр. 301—309

последовательные этапы эволюции огромного рукописного наследия Максима Грека в течение XVI—XVIII вв.

Такое исследование не может быть осуществлено в рамках небольшой отдельной статьи, поэтому данная работа, ни в коей мере не претендуя на полноту изложения, ставит своей задачей наметить лишь основные контуры эволюции корпуса сочинений Максима Грека, судьбы его рукописного наследия и истории постепенного освоения древнерусским читателем всего его богатства. Кроме того, будет коротко охарактеризована одна из сторон использования его сочинений в идеологической борьбе последующих веков — обращение к полемике Максима Грека с представителями «латинского Запада».

Очень важен вопрос о методике изучения рукописной традиции, эволюции произведений древнерусской литературы. Обычно эта рукописная традиция становится предметом рассмотрения лишь в археографическом обзоре, и более поздние списки признаются ценными в том случае, если содержат в себе те или иные элементы, не известные в ранних. При этом не учитывается, что здесь очень часто содержится материал, имеющий вполне самостоятельное значение для характеристики мировоззрения автора. При глубоком и всестороннем анализе взглядов любого писателя и публициста средневековья недостаточно исходить просто из всей суммы его сочинений в том виде, как они доступны современному обозрению, недостаточно даже в том случае, если рассматривать эти сочинения не как единый застывший комплекс, а учитывая эволюцию автора и связь его сочинений с последовательными этапами его жизненной судьбы. Необходимо знать не только то, что писал автор, но и — как его читали, что и когда читали из написанного им, какие именно его идеи оказывались созвучными тому или иному поколению; при этом характеристика личности, взглядов писателя может приобрести новые, подчас неожиданные черты.

Современный исследователь, обращаясь к литературе и культуре прошлого, при всем своем теоретическом понимании специфики интеллектуального облика ее деятелей, группирует и субординирует различные стороны их мировоззрения и мировосприятия в неизбежном соответствии с собственным типом мышления, собственными историко-философскими представлениями. Скорректировать современное восприятие в известной степени помогает изучение того, как усваивали и воспринимали того или иного автора современники и последующие поколения, стоящие к нему более близко, чем мы (однако из этого отнюдь не следует, что большая временная близость обязательно означает большую степень адекватности).

Более поздние рукописи имеют значение не только тогда, когда содержат тексты или сведения, неизвестные в более ранних списках, близких по времени автору; они представляют интерес и как памятники своего времени, надо только выяснить, какая духовная атмосфера, какие потребности социально-политической и идеологической борьбы вызвали их к жизни. Но эту связь нельзя характеризовать механически, прямолинейно; иногда она прослеживается очень отчетливо, иногда она более тонка и трудно уловима.

В работе С. А. Блокурова дан весьма ценный и для того времени полный перечень всех рукописей, содержащих сочинения и переводы Максима Грека, известия и сказания о нем, и краткая (а в некоторых случаях — более подробная) характеристика этих рукописей; расположены рукописи не в хронологической последовательности, а по хранилищам.

Этот перечень не потерял значения и в настоящее время, большинство рукописей было выявлено на его основе.²

Всего С. А. Белокуровым было учтено 243 рукописных сборника, из них 83 сборника, целиком состоящих из сочинений Максима Грека, около 100 списков переводов толковой псалтыри, толкового апостола и бесед Иоанна Златоуста на евангелия от Матфея и Иоанна; остальные сборники содержат отдельные сочинения и переводы Максима Грека, сказания и известия о нем.

В первую очередь были исследованы сборники, целиком состоящие из произведений Максима Грека; к 83 сборникам С. А. Белокурова (6 из них обнаружить не удалось) прибавилось около 20 сборников, не известных ему; в настоящее время, таким образом, известно около 100 сборников сочинений Максима Грека (не считая сборников смешанного состава, включающих его тексты, — число их огромно).

Классификация сборников по составу (количество и характер расположения сочинений) и по текстологическим признакам показывает, что существовало несколько собраний сочинений Максима Грека, осуществленных в течение XVI, XVII, XVIII вв. и представленных большим или меньшим числом списков.

Первый этап, точнее, исходный момент в истории рукописного наследия Максима Грека — прижизненный, оразивший составительскую работу самого Максима Грека;³ существует несколько рукописных сборников середины XVI в., содержащих его собственноручную авторскую правку. Основные предпосылки будущей эволюции корпуса его сочинений были созданы им самим.

На рубеже 30—40-х годов Максим Грек составил краткое, в 12 глав, собрание сочинений с целью доказать свою полную догматическую ортодоксальность, несправедливость выдвинутых против него обвинений в еретичестве и порче богослужебных книг. Если это собрание вызвано обстоятельствами его личной судьбы, то собрания, составленные на рубеже 40—50-х годов XVI в., связаны с политической и идеологической борьбой времени «начала царства», «правительства компромисса», избранной рады, на идейную близость Максима Грека деятелям которой исследователи указывали неоднократно.⁴ Это — собрание в 47 глав (Иоасафовское) и Хлудовское собрание в 73 главы, состоящее из двух частей: 1—25 и 26—73 глав; возможно, первая часть этого собрания отражает более раннее самостоятельно возникшее собрание сочинений в 25 глав. Сочинения, помещенные в этих собраниях, способствовали формированию и оформлению как официальной политической идеологии, так и этико-философской ортодоксии господствующей церкви, использующей в известной степени византийское идеологическое наследие.

² С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. Когда статья находилась в печати, вышла в свет работа А. И. Иванова «Литературное наследие Максима Грека. Характеристика. Атрибуция. Биография» (Л., 1969), где автор дает перечень всех произведений Максима Грека, указывает, в составе каких сборников XVI—XVIII вв. сохранилось каждое из них, кратко его характеризует, приводит ценные библиографические сведения. Обзор трудов ученого афонца сделан по тематическому принципу, а не в хронологической последовательности возникновения его сочинений или объединения их в комплексы — собрания сочинений, поэтому подробный анализ работы выходит за пределы нашей темы.

³ Подробная характеристика этого этапа в статье Н. В. Сеницыной «Кодикологический анализ первых рукописных сборников сочинений Максима Грека» (печатается в «Археографическом ежегоднике» за 1971 г.).

⁴ См.: В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I, Л., 1934, стр. 5—120; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 63 и др.

Собрания в 47 и 73 главы сохранились в значительном числе списков XVI—XVIII вв.⁵

Следующий этап в освоении литературного наследия Максима Грека, относящийся к концу XVI в., связан с учреждением патриаршества в России.⁶ Интерес к Максиму Греку вызван и тем, что в своих сочинениях он ставил вопросы, связанные с автокефальностью русской церкви (о поставлении митрополитов), и тем, что в судьбе Максима Грека принимали участие вселенские патриархи — константинопольский и александрийский, и тем, что своими сочинениями он способствовал распространению в России греческой, православной ортодоксии, идей отцов церкви, что приобретало немаловажное значение в связи с учреждением московской патриархии.

В 1587 г. составляется новое собрание сочинений Максима Грека. Хотя оно не включает новых текстов и основано на соединении двух прежних собраний — Иоасафовского и Хлудовского, тем не менее здесь представляет интерес выбор текстов (57 глав из 73 ранее известных), а также их расположение, группировка.⁷

С именем вологодского архиепископа Ионы Думина можно связать собрание рубежа 80—90-х годов XVI в. Оно основано на соединении двух — Иоасафовского в 47 глав и второй части Хлудовского (тех текстов этой части, которые отсутствуют среди первых 47 глав).⁸ Включены также новые тексты: 1) грамоты патриархов Дионисия и Иоакима 1544 и 1546 гг. о Максиме Греке (их включение в особенности заслуживает интереса в связи с учреждением патриаршества и приходом Иеремии II),

⁵ *Собрание в 47 глав. Основной вид (47 глав):* 1) ГБЛ, ф. 173, МДА фонд, № 42, до 1556 г.; 2) ГБА, ф. 173, III, № 138, до 1556 г.; 3) ГБА, МДА фонд, № 153, кон. XVI в.; 4) ЦГАДА, ф. 201, № 48, кон. XVI в.; 5) ГПБ, Погод. 1142, кон. XVI—нач. XVII в.; 6) ГИМ, Барс. 362, XVII в.; 7) ГБА, Муз. 3159, XVIII в.; перечень глав см.: Леонид Сведенне о славянских рукописях... находящихся в библиотеке Московской духовной академии, вып. II, М., 1887, стр. 224—232. *Собрание в 73 главы. Основной вид (73 главы):* 1) ГИМ, Хлуд. 73, 1563 г. (1-я часть); 2) ГБА, Больш. 285, до 1556 г. (2-я часть); 3) ГБА, Муз. 3010, XVII в.; 4) ГБА, Овчинн. 132, XVII в. Перечень глав см.: А. Попов. Описание рукописей... библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, стр. 150—158. В результате присоединения к главам основного вида новых сочинений возникли новые, более расширенные виды этого собрания. *Никифоровский вид (95 глав):* 1) ГБА, Никиф. 79, XVII в.; 2) ЦГАДА, ф. 181, № 585, XVII в.; 3) ГПБ, Погод. 1144, XVII в.; 4) ГИМ, Щук. 537, кон. XVII—нач. XVIII в.; 5) ГБА, Егор. 1198, XVIII в. Перечень глав см.: А. И. Якимирский. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. П. Щукина, вып. 1, М., 1896, стр. 117—126. *Бурисвский вид (69 глав с дополнениями, состоит из нескольких разновидностей):* 1) БАИ, 1.5.97, 80-е годы XVI в.; 2) ГБА, Муз. 8290, XVII в.; 3) ГПБ, ОАДП, 0.15, XVIII в.; 4) ГБА, Прянишн. 136, XVIII в.; 5) БАН, 11.9.15, кон. XVI в.; 6) Вильнюсская публичная библиотека, ОР, № 249, XVII в.; 7) ГБА, Рум. 265, XVII в.; 8, 9) ГПБ, Соф. 1200, 1201, XVIII в.; 10) ГБА, Костромск. 32, XVIII в.; 11) ГБА, Тихонр. 632, XVIII в. Перечень глав см.: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 374—380.

⁶ О роли патриарха Иова в реабилитации памяти Максима Грека см.: О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека, стр. 303.

⁷ ГБА, Унд. 487. Перечень глав см.: [В. М. Ундольский.] Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, стр. 349—356. Другие списки: ГИМ, Увар. 29, кон. XVI в.; БАИ, Арханг. Д. 42, кон. XVI—нач. XVII в. ГПБ, Ф. I. № 250, кон. XVI—нач. XVII в.; ГИМ, Увар. 41, XVII в.; ГБА, Фад. 28, посл. четв. XVIII в.

⁸ ГБА, Егор. 869 и ГИМ, Увар. 310. Перечень глав см.: П. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1844, стр. 200—211. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. I, М., 1893, стр. 212—221. Другие списки: ГИМ, Увар. 309, 90-е годы XVI в.; ГБА, Егор. 207, нач. XVII в.; ГИМ, Увар. 166, нач. XVII в.; ГБА, Унд. 490, 3-я четверть XVIII в.

2) антилатинские сочинения Максима Грека — его послания Ф. И. Карпову по поводу идеи соединения церквей и об астрологии.⁹

Соловецкое собрание, появившееся в конце XVI в., также основано на соединении разных частей Иоасафовского и Хлудовского.¹⁰

Собрания XVI в. включали менее 100 сочинений Максима Грека.¹¹

Новый этап в освоении литературно-публицистического наследия Максима Грека наступил в XVII в. В начале XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре было составлено собрание сочинений Максима Грека в 151 главу, куда было включено большое число новых текстов; значительная роль в этом предприятии принадлежит троицкому архимандриту Дионисию Зобниновскому.¹² Интерес к творчеству Максима Грека вызван, по-видимому, ростом национального самосознания, общим национальным подъемом в связи с событиями начала XVII в.

В XVII в. составляются еще два собрания — собрание в 112 глав¹³ и собрание в 139 глав, сохранившее (первые 12 глав этого собрания) первоначальное собрание сочинений Максима Грека в 12 глав, появившееся на рубеже 30—40-х годов и не дошедшее до нас в виде отдельного целостного сборника.¹⁴

Специального рассмотрения требуют старообрядческие собрания сочинений Максима Грека, составленные в последней четверти XVII в. (на основе Соловецкого собрания конца XVI в.) и дополненные в XVIII в. новыми сочинениями, неизвестными в более ранних собраниях.

* * *

Один из аспектов использования сочинений Максима Грека в идейной борьбе последующего времени — обращение к его полемике с представителями «латинского Запада». Особенной популярностью пользовались «слова на латинов» Максима Грека,¹⁵ представляющие собой его послания Ф. И. Карпову, написанные в связи с католической пропагандой Николая Булева (Немчина) и дипломатической борьбой вокруг вопроса о возможности вступления России в антитурецкую коалицию христианских государств и присоединения к Флорентийской унии.

С конца XVI в. они помещаются или используются в печатных изданиях, связанных с полемикой вокруг вопроса об унии в Литве, Белорус-

⁹ Сочинения Максима Грека, ч. 1. Казань, 1859, стр. 235—322, 399—434, 347—376.

¹⁰ Списки конца XVI в.: ГПБ, Сол. 497, 496, 494; ГПБ ОЛДП, 0.176; ГПБ, Погод. 1140, перв. пол. XVII в.; ГПБ, Соф. 1236, сер. XVIII в.

¹¹ Здесь не учитывается прижизненное собрание, сохранившееся в единственном списке ГБЛ, Рум. 264. Сборник содержит правку рукой Максима Грека.

¹² ГБЛ, Троицк. 200. Перечень глав см.: [Арсений]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 1. М., 1878, стр. 194—207. Другие списки: ЦГАДА, ф. 201, № 49, кон. XVII—нач. XVIII в.; ГИМ, Увар. 311—кон. XVIII в.

¹³ ГИМ, Синод. 491. Перечень глав см.: А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей московской Синодальной библ., отд. II, ч. 2, М., 1859, стр. 520—578. Другие списки: ГПБ, Погод. 1139, перв. пол. XVII в.; ГПБ, Погод. 1146, втор. пол. XVII в.; ГБЛ, Унд. 489, XVII в.; ГБЛ, Муз. 622, XVIII в.; ГБЛ, Муз. 9626, XVIII в.

¹⁴ Списки XVII в.: ГИМ, Муз., 3809; ГБЛ, Тр., 201; ЦГАДА, ф. 201, № 50; ГБЛ, Егор., 250; БАИ, 32.14.1 (собрание царевича Алексея Петровича № 4). Перечень глав см.: В. И. Срезневский, Ф. И. Покровский. Описание рукописного отделения библиотеки императорской Академии наук, т. II, Пгр., 1915, стр. 70—81. [Арсений]. Описание славянских рукописей, стр. 207—216.

¹⁵ Сочинения Максима Грека, ч. 1, стр. 235—322.

сии и на Украине, оказавшись созвучными идейной борьбе украинских и белорусских братств за национальную независимость, против попыток пап и католической церкви вовлечь их в сферу своего религиозного, культурного и политического влияния. А. И. Соболевский считал, что сочинения Максима Грека сделались известными в юго-западной Руси благодаря А. М. Курбскому.¹⁶ В первой половине XVII в. эти сочинения были переведены на белорусский и латинский языки.

В сочинении сотрудника князя Константина Острожского Василия Суражского «О единой истинной православной вере» (1588 г.) используются «слова на латинов» Максима Грека, автор прямо указывает на них как на свой источник; опустив начало послания с обращениями лично к Ф. И. Карпову, он излагает (цитируя или пересказывая) аргументацию Максима Грека.¹⁷

Эти же сочинения Максима Грека были напечатаны отдельно, по-видимому, в 1618 г., в типографии Киево-Печерской лавры.¹⁸

Около 1620 г. в «Книге о вере» киевского издания, направленной главным образом против протестантов (составителем и автором ее считают Захария Копыстенского),¹⁹ помещено второе слово на латинов Максима Грека, переведенное на белорусский язык.²⁰ В «Палинодии» того же автора, одном из памятников полемической литературы (1621—1622 гг.), упоминается имя Максима Грека как одного из защитников православия.²¹

В «Кирилловой книге», изданной в 1644 г.,²² «слова на латинов» Максима Грека также занимают значительное место.

Помещение «слов на латинов» Максима Грека в составе «Кирилловой книги» дало повод к переводу их на латинский язык Юрием Крижаничем.

Отношение Юрия Крижанича к Максиму Греку составляет важную страницу в истории освоения и усвоения идейного наследия Максима Грека читателями XVII в. В жизненной судьбе Юрия Крижанича и Максима Грека было некоторое внешнее сходство: они оба были широко образованными для своего времени людьми, оба были в России иностранцами, оба писали в России и о России, оба были здесь осуждены и много лет находились в заточении, причины которого в обоих случаях остаются исследователям не совсем ясными. Отношение Юрия Крижанича к Максиму Греку не было односторонним: противник Крижанича в его борьбе против «схизматиков», Максим Грек используется им в качестве союзника в выступлениях против старообрядцев.

Крижанич обращался к творчеству Максима Грека дважды — в Риме и в Тобольске. Известно, что в 1647 г. Юрий Крижанич был в Москве

¹⁶ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 280.

¹⁷ РИБ, т. VII («Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. 2). СПб., 1882, стлб. 601—715. О Василии Суражском см.: М. Грушевський. Історія України—Руси, т. VI. Київ—Львів, 1907, стр. 489, 493—494; М. Возняк. Історія української літератури, т. II, ч. I. Львів, 1921, стр. 127, 201. Я. Ісаєвич. Першодрукар Іван Федоров на Україні, Київ, 1964, стр. 19. Богословскую сторону трактата Василия Суражского высоко оценил Иван Вишенский, см.: Історія української літератури у восьми томах, т. I. Київ, 1967, стр. 236.

¹⁸ Преподобного Максима Грека слово на латинов... Б. м., б. г. (Київ? 1618?).
¹⁹ См.: Історія української літератури у восьми томах, т. I, стр. 272; В. З. Завитневич. Палинодія Захарія Копыстенського и ее місце в історії западноруської полеміки XVI і XVII вв. Варшава, 1883, стр. 276—285.

²⁰ Книга о вере. Б. м., б. г. (Київ, ок. 1620), стр. 230 и сл. (2-й отдел).
²¹ РИБ, т. IV (Памятники полемической литературы в Западной Руси, кн. 1). СПб., 1878, стлб. 912.

²² О ней см.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 326; И. П. Еремин. К истории русско-украинских литературных связей в XVII в.—ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 291.

в составе польского посольства Адама Киселя и, вероятно, приобрел здесь «Кириллову книгу». В июле 1648 г. он сообщил секретарю конгрегации пропаганды веры в Риме, на службе которой он находился, о своем намерении опровергнуть это сочинение «схизматиков» на том же языке, на каком оно напечатано, а в апреле 1650 г. уведомил, что закончил свою «Апологию» и хотел бы напечатать ее на греческом и русском языках.²³ Однако публикация не состоялась. Сама «Апология», по-видимому, не сохранилась, но сохранился осуществленный Юрием Крижаничем перевод на латинский язык текстов «Кирилловой книги» и среди них — сочинений Максима Грека. Рукопись находится в Риме.²⁴

Юрий Крижанич ссылался на Максима Грека в другом своем труде — «Обличение соловещкой челобитной», написанном в 1675 г. в тобольской ссылке и направленном против старообрядцев.²⁵ Здесь он проводил параллель между Максимом Греком и патриархом Никоном в деле исправления богослужебных книг. Если старообрядцы в своем утверждении, что Никон «веру искажил», пытались опереться на авторитет Максима Грека и его книг, написанных по дониконовским правилам, то Юрий Крижанич, возражая им, напоминал о том, что противники Максима Грека, осудившие его, выдвигали против него те же обвинения, которые против Никона выдвигают старообрядцы — произведенное Максимом Греком исправление богослужебных книг, в результате которого он «искажил» веру русских чудотворцев; поэтому старообрядцы, по мысли Ю. Крижанича, почитая Максима Грека, фактически следуют за теми, которые его ненавидели и называли еретиком. Юрий Крижанич, таким образом, обнаруживая мастерство опытного полемиста, опровергает своих противников ссылками на лицо, пользующееся у них авторитетом.

Обстоятельства осуждения Максима Грека были известны Крижаничу из «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, в которой были напечатаны «слова» Максима Грека об исправлении богослужебных книг; «Грамматику» как свой источник Ю. Крижанич называет сам; о существовании собрания сочинений Максима Грека ему было известно, но он, по его собственным словам, не видел его («а мню, и обильнее быти написано в его книге, ея же аз не видех»). Опровергая учение старообрядцев о «трикратной аллилуйе», Ю. Крижанич, следуя за «Жезлом правления» Симеона Полоцкого, ставит под сомнение принадлежность Максиму Греку текста, на который ссылались старообрядцы, и снова пишет о том, что не знаком с «книгой» Максима Грека («Аз бо книги Максимовы не видех, но от попа Лазаря прях сие писание»)²⁶.

²³ См.: С. Л. Белокуров. Юрий Крижанич в России (по новым документам) (вып. 1). М., 1901, стр. 67, 242—264; вып. 3, М., 1909, стр. 22—24.

²⁴ Впервые об этом кратко сообщил И. Кукулевич-Сакцинский (см.: *Arkiv za povjestnicu jugoslavensku*, knj. X, u Zagrebu, 1869, стр. 32). В. Ягич опубликовал подробное оглавление рукописи (см.: *Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnost*, knj. XVIII, u Zagrebu, 1872, стр. 195—199). Более подробно см.: М. Соколов. Новооткрытое сочинение Ю. Крижанича о соединении церквей. — Материалы и заметки по старинной славянской литературе, вып. II, СПб., 1891. Сочинения Максима Грека в составе Кирилловой книги и перевод их на латинский язык исследовал Б. Шульце (B. Schultze. *Maksim Grek als Theologe*. — *Orientalia Christiana Analecta*, vol. 167, Roma, 1963).

²⁵ См.: Ю. Крижанич. 1) Собрание сочинений, вып. 3, М., 1892; 2) Обличение на соловещкую челобитную. Казань, 1878. См. также: (С. К. Смирнов). Сербского попа Юрия Крижанича опровержение соловещкой челобитной. — Прибавления к изданию творений св. отцов в русском переводе: ч. XXI, М., 1860, стр. 503—593.

²⁶ Ю. Крижанич. 1) Собрание сочинений, вып. 3, стр. 146—149, 160—164; 2) Обличение на соловещкую челобитную, стр. 91—94, 108—112.

Юрий Крижанич, проведя параллель между Максимом Греком и патриархом Никоном (вопрос об ее правомерности оставляем пока открытым), сделал едва ли не первую попытку исторической оценки деятельности Максима Грека (по крайней мере одной из ее сторон), пытаясь поставить ее в связь с явлениями последующего времени, отстоящими от Максима Грека на целое столетие.²⁷

* * *

Имя Максима Грека было известно и в XVI, и в XVII, и в XVIII вв. Всестороннее исследование его места в литературе, в истории русской общественной мысли, его вклада в культуру последующего времени требует совокупных усилий литературоведов, лингвистов, историков.

²⁷ Отметим, что Шлецер сравнивал свои планы изучения древнерусского летописания с деятельностью Максима Грека по исправлению богослужебных книг. См. Б. А. Модзалевский К биографии Августа-Людвига Шлецера — ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 1, СПб., 1903, стр. 199.

А. С. ДЕМИН

Послесловие к первопечатному Апостолу Ивана Федорова 1564 г. как литературный памятник

За последние 10—15 лет явно усилился интерес к поэтике и стилистике древнерусской литературы. Одним из проявлений этого интереса является обращение исследователей к вопросу о значении для истории древнерусской литературы материалов нелитературной или «окололитературной» письменности. Литературоведческое «освоение» смежных и даже далских от литературы областей древнерусской письменности до сих пор шире всего было предпринято по отношению к публицистике (работы Я. С. Лурье) и деловой письменности (работы Л. А. Назаревского, В. В. Данилова, Н. Ф. Дробленковой, М. Д. Каган); менее широко охвачена эпистолярная и учебная письменность (работы А. С. Демина, В. И. Лукьяненко). Недостаточно обследованной областью остаются русские старопечатные книги в их отношении к литературе древней Руси.

Литературное значение русской печатной продукции XVI—XVII вв. еще предстоит выяснить. Не ясны и аспекты этой темы. Но о том, что намечаемая тема достаточно велика, можно судить на примере предисловий и послесловий к старопечатным книгам. Если иметь в виду русские печатные книги XVI—XVII вв., то предисловия и послесловия к ним, почти совершенно не изученные с литературной точки зрения, составляют около пятисот отдельных текстов и, собранные вместе, могут составить толстую книгу. Таков основательный массив этих произведений, тем более ценных, что на фоне печатной продукции средневековой Москвы, в ряду бесконечных апостолов, миней, часовников, псалтырей и прочих церковных книг предисловия и послесловия относятся к текстам более или менее светского содержания.

Однако с тех пор как 130 лет назад П. М. Строев издал — с сокращениями — большое количество русских старопечатных предисловий и послесловий,¹ к этому своеобразному жанру почти никто не обращался. Исключение составляет лишь статья общего характера И. Баса, в которой исследователь рядом примеров из текстов иллюстрировал мысль о публицистическом характере послесловий Франциска Скорины, Ивана Федорова, послесловий к некоторым южнославянским изданиям XVI в. и московским XVII в.²

В одной статье невозможно дать удовлетворительную литературную характеристику всем русским старопечатным послесловиям и предисло-

¹ П. Строев. 1) Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... Федора Андреевича Толстова. М., 1829; 2) Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского М., 1836.

² И. Бас. Предисловия и послесловия старопечатных книг. — Исторический журнал, 1941, № 4, стр. 54—57.

виям. Естественно начать изучение послесловий со знаменитого первого печатного послесловия на Руси, которое появилось в Апостоле Ивана Федорова в 1564 г. Упоминания об этом послесловии в научной и научно-популярной литературе, можно сказать, необозримы, как, впрочем, и о самом Иване Федорове. Однако нельзя не заметить, что послесловие в первопечатном Апостоле интересовало ученых преимущественно с точки зрения сообщаемых в нем исторических сведений о подготовке и выходе книги. В частности, оживленно обсуждался вопрос о датах организации книгопечатания в Москве, указываемых федоровским Апостолом.³

Я не буду останавливаться на полемике по этому поводу, так как меня интересует другой вопрос — он до сих пор, к сожалению, даже не ставился, — вопрос о месте в древнерусской литературе, которое занимает послесловие к Апостолу Ивана Федорова 1564 г. как произведение, имеющее относительно самостоятельную ценность.

За последние сто лет исследователи, чаще мимоходом, чем специально, касались вопроса об источниках и авторе послесловия к федоровскому Апостолу. В 1872 г. В. Е. Румянцев, археолог и одновременно инспектор Синодальной типографии, опубликовал сборник снимков с русских старопечатных изданий, сопроводив его предисловием, которое является одной из самых содержательных работ об Иване Федорове.⁴ При желании можно усмотреть даже некую иронию судьбы в том, что важные сведения о старопечатных послесловиях и предисловиях через триста лет были сообщены в предисловии же.

В. Е. Румянцев указал на заимствования в послесловии к первоначальному Апостолу из слов Максима Грека.⁵ Вскоре после В. Е. Румянцева П. В. Владимиров в одном из подстрочных примечаний к своему большому исследованию о деятельности славянского первопечатника белоруса Франциска Скорины упомянул о сходстве между послесловием федоровского Апостола 1564 г. и послесловием к Молитвослову 1520 г., изданному в Венеции черногорским эмигрантом Божидаром Вуковичем.⁶ Характерно, что упоминание о столь интересном сходстве было сделано в примечании. Этим основная литература об источниках послесловия к федоровскому Апостолу в сущности исчерпывается.

В дальнейшем делались лишь небольшие дополнения к наблюдениям В. Е. Румянцева и П. В. Владимирова. Так, уже упоминавшийся И. Бас кратко перечислил южнославянские и венецианские издания 1494—1552 гг., послесловия которых близки к московскому Апостолу 1564 г.⁷ Академик А. С. Орлов привел еще одно место из сочинений Максима Грека, сходное с фразой в федоровском послесловии.⁸

Гораздо важнее, на наш взгляд, то обстоятельство, что за последнее двадцатилетие была предпринята попытка найти не только прямые источники послесловия к Апостолу Ивана Федорова 1564 г., но и связать его

³ Некоторые из последних работ, затрагивающих эту тему: М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России. — В сб.: У истоков русского книгопечатания, М., 1959, стр. 13—20; Е. Н. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров, М., 1964, стр. 283—285.

⁴ См.: В. Е. Румянцев. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России, вып. I, М., 1872.

⁵ См.: там же, стр. 6, 10.

⁶ См.: П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. — ОЛДП, вып. 90, 1888, стр. 174, прим. 2.

⁷ И. Бас. Предисловия и послесловия, стр. 54, прим. 2.

⁸ А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве. — В сб.: Иван Федоров первопечатник, М.—Л., 1935, стр. 18.

со стилистически сходными древнерусскими произведениями. Впервые это сделал академик А. С. Орлов, специально не ставя такой задачи, но занимаясь поисками возможного автора послесловия к федоровскому Апостолу. «Едва ли Иван Федоров или Петр Мстиславец могли составить текст такого замечательного Послесловия, — писал А. С. Орлов. — Не принадлежит оно и Афанасию, который был митрополитом после Макария; в литературном отношении он был неизвестен. Строгая официальность тона как будто позволяет здесь видеть творчество митрополита Макария, осторожные послания которого не противоречат стилю Послесловия. Впрочем, подобный текст мог заготовить и Сильвестр».⁹ Вот главная аргументация академика А. С. Орлова и, что интереснее для нас, тот круг памятников, с которым он связывал это знаменитое послесловие. К сожалению, А. С. Орлов этим и ограничился.

Сравнительно недавно академик М. Н. Тихомиров указал еще на один памятник XVI в. — Стоглав, формулы которого имеют сходство с некоторыми выражениями послесловия 1564 г.¹⁰ Более подробно это сходство было прослежено Е. Н. Немировским, но лишь в связи с вопросом об Иване Грозном как инициаторе русского книгопечатания.¹¹

Таким образом, вопрос о литературном месте послесловия к федоровскому Апостолу 1564 г. не ставился, но ряд материалов на эту тему уже накоплен.

Прежде всего рассмотрим характер заимствования послесловия из Молитвослова Божидара Вуковича в послесловии первопечатного русского Апостола. Послесловие венецианского Молитвослова 1520 г. наиболее близко к федоровскому; послесловия же в остальных славянских изданиях, упомянутых И. Басом (цетиньском Осмогласнике 1494 г., венецианском Служебнике 1519 г. и белградском Четвероевангелии 1552 г.), если и сходствуют с федоровским, то лишь отдельными общими фразами.

Так как до сих пор полностью не приводились соответствующие тексты из рассматриваемых изданий Божидара Вуковича и Ивана Федорова, то нелишне привести их здесь.

Молитвослов. Венеция, 1520

Изволением отъца и съспешениемъ сына и съвршениемъ святаго духа...

... видехъ съставляющихъ божьствънаа писаниа на типарехъ Фруги же и Гръкы и иние езыки, желаниемъ въжде-লেখъ и наша сръбьскаа же и блъгарьскаа такожде на типарехъ съставити...

... ни поштадехъ отъ имени моихъ еже ми даль есть господь, доньдеже извести ми дело на съвршение...

... съвршише се сие светые книги...¹²

Апостол. М., 1564

Изволением отца, и спешением сына, и совершением святого духа...

... начат помышляти, какобы изложити печатныя книги, якоже в греках, и в Венеции, и во Фригии, и в протчих языцех, дабы впрод святыя книги изложилися праведне...

... и нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем... дондеже и на совершение дело их изыде...

... и переее начаша печатати сия святыя книги... совершени же быша...¹³

⁹ Там же. Следует упомянуть также статью Б. В. Сапунова «Первопечатник Иван Федоров как писатель» (ГОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 268—271). Исследователь считает Ивана Федорова автором послесловия 1564 г.; однако специально рассматривает не это послесловие, а действительно сочиненное первопечатником послесловие ко львовскому Апостолу 1574 г.

¹⁰ См.: М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания, стр. 21—22.

¹¹ См.: Е. Н. Немировский. Возникновение книгопечатания, стр. 25.

¹² Цит. по изданию послесловия в статье: С. Новаковић. Божидара Вуковића зборници за путнике издана позната и непозната. — Гласник српског ученог друштва, кн. XLV. Београд, 1877, стр. 133—135.

¹³ Апостол. М., 1564, лл. 260—261.

О южнославянском и итальянском влиянии на московский Апостол Ивана Федорова писали довольно много,¹⁴ и не это нас сейчас интересует. Примечательно то, что влияние венецианского послесловия на московский Апостол имеет фрагментарный характер. Заимствованы начальная и конечная формулы и еще два выражения о распространении печатных книг и о щедрости царя. Из этих заимствованных у более раннего издателя фраз нельзя составить связного рассказа, какой мы видим в издании Ивана Федорова. Связный рассказ федоровского послесловия о самом главном — о том, что делал царь, вводя книгопечатание в России, остается вне соответствий с послесловием Молитвослова Божицара Вуковича. Таким образом, первопечатное послесловие Ивана Федорова (называемое его так условно, потому что остается неясным, кто был его автором) ни по «букве», ни по «духу» нельзя свести к венецианскому послесловию почти полувековой давности сравнительно с Апостолом.

Теперь уместно вспомнить об отмеченных В. Е. Румянцевым и А. С. Орловым заимствованиях из сочинений Максима Грека.

Максим Грек

...в них же растлешася ово убо от преписующих их пенаученых сущих и неискусных в разуме и хитрости граматикийстей, ово же и от самех исцерна сотворщих книжный превод приснопамятных мужей...¹⁵

Всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше естъ исходяй от отца светом, богодохновенное писание учит ясне...¹⁶

Апостол 1564 г.

...прочии же вси растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме, ово же и неисправлением пишущих...

...лаголаше, яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ...¹⁷

Первое заимствование было замечено В. Е. Румянцевым, второе — А. С. Орловым. Но сам А. С. Орлов отметил, что перед нами «литургическая цитата, и поэтому мало показательна».¹⁸ И, действительно, это цитата не из Максима Грека, а из послания апостола Иакова, I, 17, напечатанного, кстати, в том же Апостоле Ивана Федорова: «...всяко даяние благо и всяк дар совершен, свыше естъ сходя от отца светом».¹⁹

В целом сопоставление послесловия к Апостолу 1564 г. с творчеством Максима Грека мало что дает, так как из всего громадного литературного наследия Максима Грека в изданиях Ивана Федорова использована, насколько известно, лишь одна фраза (первый раз в первопечатном Апостоле, второй раз в послесловии ко львовскому Апостолу 1574 г.: «...яко ж обычай естъ злонравных и ненаученых и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навывкше, ниже духовного разума исполнени бывше»)²⁰. К тому же нельзя быть полностью уверенным, что эта фраза принадлежала перу именно Максима Грека и была заимствована именно у него. Возможно, Максим Грек, в свою очередь, использовал «ходкую» фразу. Так или иначе, но отсюда следует, что главным «фоном» для федоровского послесловия было что-то иное, чем сочинения Максима Грека.

¹⁴ Ср., например: М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, стр. 311—313, 325—326.

¹⁵ Слово отвещательно о исправлении книг русских. — Сочинения Максима Грека, ч. 3, Казань, 1862, стр. 62.

¹⁶ Послание к царю Василию III. — Там же, ч. 2. Казань, 1860, стр. 296.

¹⁷ Апостол М., 1564, л. 260 б.

¹⁸ А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве, стр. 18.

¹⁹ Апостол. М., 1564, л. 56 б.

²⁰ Апостол. Львов, 1574, л. 260.

Направление поисков подсказывают замечания академиков А. С. Орлова и М. Н. Тихомирова, связывавших послесловие 1564 г., по сути дела, с официальной письменностью того времени.

Памятников русской официальной письменности середины XVI в., к сожалению, немного. Главными являются: 1) Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича 1553—1555 гг., 2) Никоновская летопись, 3) Степенная книга, 4) Стоглав, 5) Великие Четьи мисии митрополита Макария, 6) послания и речи Ивана Грозного, 7) послания митрополита Макария. Фактически же число памятников официальной литературы, сопоставимых с послесловием к первопечатному Апостолу, еще меньше. Степенная книга, с ее хронографическим стилем, не обнаруживает сходства с первопечатным послесловием, где, по словам академика А. С. Орлова, «все умеренно, все обладает наибольшим тактом — и цитация и само изложение — как будто бы сделано для гравировки на монументальном памятнике. Все содержательно, строго, просто, и ничего лишнего».²¹ Из посланий и речей Ивана Грозного и митрополита Макария имеют черты сходства с послесловием лишь те, которые входят в состав Летописца начала царства, включенного в свою очередь в Никоновскую летопись. Следовательно, основное внимание предстоит обратить на Летописец начала царства, некоторые статьи Никоновской летописи, Стоглав и Великие Четьи мисии.

Послесловие к московскому Апостолу Ивана Федорова 1564 г. является своего рода повестью о царе. По повелению Ивана Васильевича, как повествует послесловие, воздвигают многие церкви; царь украшает их, велит в церквях полагать купленные святыя книги, узнает о неисправности книг рукописных и помышляет, «как бы изложити печатныя книги»; возвещает свою мысль митрополиту Макарию и после его одобрения повелсвает изыскивать мастеров печатного дела и устраивает дом, «идеже печатному делу строитися». Таково основное развитие повествования в федоровском послесловии, не находящее никаких аналогий — о чем уже было сказано — в послесловиях изданий Божидара Вуковича.

Аналогичное развитие повествования зато находим в двух памятниках официальной литературы XVI в. — в Летописце начала царства и в Стоглаве; причем в Летописце сходство наблюдается не однажды, но в двух отрывках. Покажем это в таблице (подчеркиваем, что речь идет не о текстуальном, а о «повествовательном» сходстве).

Апостол 1564 г.	Летописец начала царства	Стоглав
<p>... повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича ... многия святыя церкви воздвизаемы бываху ... он же начат помышляти, како бы изложити печатныя книги ... И тако возвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всея Русии. Святытель же слышав зело</p>	<p>Повесть о поставлении града Свяжского, под 1551 г.</p> <p>Великий по благодетии царь государь князь великий Иван Васильевич всея Русии виде ... многим церквам святым запустение ... и почал мыслити, чтобы город поставити на Свяжском устье ... И мысль свою ми-</p>	<p>Статья о предсении мощей святых в Свяжск, под 1552 г.</p> <p>... крепкий душею государь и храбр в мысли речет: всяко бо даяние благо и вся дар свершен исходяй отца свегом ... И приходит царь в соборную церковь ... и возвещает митрополиту настоящая. Советует митропо-</p>
		<p>... царь Иван ... подвижася ... о многообразных церковных исправлений, и возвещает сие отцу своему преосвященному Макарию митрополиту всея Руси и собор божних слуг совокупити повеле вскоре ... сия слы-</p>

²¹ А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве, стр. 18.

возрадовался .. царю глаголаше, яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ. И тако ... начаша изыскивати мастерства печатных книг ... повеле устроить дом ... идеже печатному делу строятся ... даяше ... диякону ... на составление печатному делу...²²

трополиту сказал ... И митрополит царя государя благословляет, а говорит государю ... И начинает государь и делу касаецса, призывает к себе дияка своего...²³

лит государю ... Царю же благочестивому ... делу касаются ... и избирают царь и святитель мужа изрядна...²⁴

шавъше, всея Рускиа земля архiereи с радостию неизглаголанною объяти бывше...²⁵

Как видно из таблицы, речь идет о разных эпизодах из жизни Ивана Грозного: он вводит книгопечатание, возводит город Свияжск, содействует перенесению мощей святых, занимается церковными исправлениями. Но о всех этих эпизодах разные по жанру памятники рассказывают, тем не менее, сходно, отражая официальные нормы, литературный этикет в описании деяний царя.²⁶

Отражение этой официальной манеры повествования в Апостоле 1564 г. заметно не только по «сюжету» его послесловия, но и по отдельным формулам и выражениям в нем.

Для того чтобы найти параллель начальной формуле послесловия Апостола — «Изволением отца, и споспешением сына, и совершением святого духа, повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Василиевича...», — не нужно обращаться к изданиям Божидача Вуковича. Сходной формулой начинались русские официальные документы и выступления торжественного характера. Например, речь царя Ивана Грозного к митрополиту Макарию и к царской семье о взятии Полоцка, внесенная в Никоновскую летопись под 1563 г.: «А говорити ... велел государь царь и великий князь ...: Благоволением бога и отца, и споспешением сына и действием святого духа».²⁷ Так же начиналась, например, и соборная грамота о белом клобуке 2 февраля 1564 г., также включенная в Никоновскую летопись: «... благоволением отца и споспешением сына, и действием святого духа ... приахом скипетры российскаго царства мы, государь царь...».²⁸

²² Апостол. М., 1564, лл. 260—261.

²³ ПСРЛ, т. 29, М., 1965, стр. 59—60. См. также: ПСРЛ, т. XIII, вып. 1, СПб., 1904, стр. 163; ПСРЛ, т. XIII, вып. 2, СПб., 1906, стр. 463—464. Тексты отрывков из ранней редакции Летописца, приводимые здесь и далее, ничем принципиально не отличаются от соответствующих текстов Летописца поздней редакции и текстов его в составе Царственной книги.

²⁴ ПСРЛ, т. 29, стр. 74. См. также: ПСРЛ, т. XIII, вып. I, стр. 179; ПСРЛ, т. 13, вып. 2, стр. 478—479.

²⁵ Царския вопросы и соборныя ответы о многоразличных чинех. (Стоглав). Изд. Н. Субботина, М., 1890, стр. 17—18.

²⁶ О литературном этикете, в том числе XVI в., см.: Д. С. Лихачев. Литературный этикет древней Руси. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 5—16; О. В. Творогов. Задачи изучения устойчивых литературных формул древней Руси. — ТОДРА, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 29—40. Об официальном характере «Летописца начала царства» см.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 362—370; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958, стр. 29—41.

²⁷ ПСРЛ, т. 13, вып. 2, СПб., 1906, стр. 360; см. также: ПСРЛ, т. 29, стр. 315; АИ, т. I, СПб., 1841, № 168, стр. 321.

²⁸ ПСРЛ, т. 13, вып. 2, стр. 378; см. также: ПСРЛ, т. 29, стр. 330; АИ, т. I, стр. 331—332. То же и в Стоглаве: «Иже всedrъжителя бога и отца благоволением иже к нам ... сына его ... и споспешением и действием пресвятаго ... духа». — Стоглав, М., 1890, стр. 21.

Другое выражение федоровского послесловия — о щедрости царя по отношению к печатникам — «и нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем» — тоже имеет свою аналогию в Никоновской летописи, например, в статье «О позлащении верха у церкви в Сергиеве» под 1556 г.: «... позлащен бысть верх у церкви ... в обители преподобнаго чудотворца Сергия повелением благовернаго и христолюбиваго царя великого государя Ивана Васильевича всея Руси самодержца ... нещадною десницею украшение церковное любяше».²⁹ Аналогичное выражение о «нешадной» щедрости встречается и в ином официальном памятнике середины XVI в., — в Великих Четвхх минеях митрополита Макария, в предисловии к которым митрополит всея Руси сообщает: «... а писал есми и събирал и в едино место их совокупляя дванадесать лет многим имением и многими различными писари, не щадя сребра и всяких почестей, но паче же многи труды и подвиги подъях».³⁰

Любопытно, однако, что аналогии к послесловию Апостола 1564 г. отыскиваются преимущественно в Летописце начала царства, причем в статьях, посвященных созидательной работе царя: строительству города Свияжска, созданию других городов, возведению церквей, литью колоколов и пр.

Где, например, находим эпитет, аналогичный употребленному в послесловии к Апостолу — «в новопросвещенном месте во граде Казани»? В Летописце начала царства, в статье о приходе и пребывании царя в только что построенном городе Свияжске, «в новопросвещенном месте», «в богом дарованней ему отчине и в новопросвещенном месте».³¹ Так дважды повторяет это словосочетание статья Летописца.

Или где, например, можно найти аналогии одной из формул, использованной в конце московского первопечатного Апостола — «начаша печатати сия святыя книги ... в лето ... совершени же быша в лето»? Эта часто повторяющаяся формула летописных статей о созидательной деятельности Василия III и Ивана Грозного в особенности характерна для «Летописца начала царства». В тексте до Летописца Никоновская летопись обычно сообщает лишь дату завершения работы; в Летописце же указывается на целый процесс, с его началом и концом: «В лето ... начаша делати раку святым, и доделаша раку святаго ... в лето...», «почал град делати ... месеца ..., а доделаша его того же лета, месеца...», «а церковной мастер почал делати и съвършил...» и мн. др.³²

Интересно было бы сопоставить надписи русских мастеров на зданиях и изделиях XVI в. с федоровским послесловием к московскому Апостолу и тем самым выяснить его отношение к нормам торжественных графитов мастеров-ремесленников XVI в., очевидно, тоже восходящих к официальному стилю. Ведь Иван Федоров был очень высокого мнения о своем деле. Но, к сожалению, надписи XVI в. не собраны; такая работа проделана лишь с надписями по XV в. включительно.³³

С созидательной деятельностью царя как будто связана еще одна официальная формула в первопечатном послесловии: «И сие доиде и царю

²⁹ ПСРЛ, т. 13, вып. 1, стр. 273; см. также: ПСРЛ, т. 29, стр. 249.

³⁰ ВМЧ, Сентябрь. СПб., 1868, стр. II. Приношу благодарность Я. С. Лурье, любезно указавшему мне на это предисловие, а также на текст Летописца в Царственной книге.

³¹ ПСРЛ, т. 29, стр. 94; ПСРЛ, т. 13, вып. I, стр. 201.

³² ПСРЛ, т. 29, стр. 16, 18, 25, 26 и др.; ПСРЛ, т. 13, вып. I, стр. 91—92, 95, 109, 110, 111, 145, 161 и др.

³³ См.: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. (С доп. М. П. Сотниковой). М.—Л., 1952.

в слух, он же начат помышляти...». Так же «доходит в слух» царю весть о чудесном пении и звонах, знаменующих место постройки Свияжска, в «Летописце начала царства»: «Се же убо и вниде слухом и до самого царя благочестиваго государя нашего; государь же помышляющи».³⁴ Так же «доходит в слух» царю известие о неправильных церковных звонах в изложении Стоглава: «Некогда вниде в слухи боговенчаннаго и христолюбиваго царя... что по многим святым Божиим церквам звонят и поют не во время... Он же боголюбивый царь о том таковая слыша...».³⁵

Пусть отдельные из приведенных формул и выражений, может быть, исползуются иногда и в других памятниках XVI в., но в комплексе приведенные примеры убеждают, как мне кажется, в том, что послесловие к московскому Апостолу Ивана Федорова 1564 г. было написано в стиле официальных произведений 1550—1560-х годов. Недаром ту цитату из послания апостола Иакова, которая в послесловии вложена в уста митрополита Макария («свыше дар сходящ»), повторяют в сочинениях XVI в. лишь цари, митрополиты и церковные соборы, например, Иван Грозный — в «Летописце начала царства» и в «Стоглаве» («государь... речет: всяко бо даяние благо и всяк дар свершен исходяй отца светом»;³⁶ «светолучными своими зарями осия в сердца благочестиваго царя... всяко бо даяние благо и всяк дар съвершен, свыше есть сходяй»³⁷).

С памятниками официально-торжественного стиля федоровское послесловие роднит еще следующая стилистическая черта. Нетрудно заметить, что важное место в послесловии занимают довольно длинные перечни, перечисления, нанизывание однородных членов: «Изволением отца, и споспешением сына, и совершением святаго духа, повелением... царя... и благословением... митрополита... церкви воздвигаеми бываху во царствующем граде Москве, и по окрестным местом, и по всем градом царства его, паче же в новопросвященном месте во граде Казани и в пределех его. И сия вся... царь украшаше честными иконами, и святыми книгами, и сосуды, и ризами и прочими церковными вещами по преданию и по правилом святых апостол и богоносных отец и по изложению благочестивых царей... великаго Константина, и Устинияна, и Михаила, и Феодоры, и прочих благочестивых царей» и т. д. Чтобы указать все случаи перечисления, в сущности надо переписать все послесловие.

Склонность к подобного рода перечислениям не является индивидуальной особенностью первопечатного послесловия. Такое нанизывание однородных членов — характерная черта официальных посланий, торжественных по своему тону, особенно митрополичьих посланий к царю. Покажем это на примере послания митрополита Макария к царю, в котором он благословляет царя и русское воинство «на брань» с казанскими татарами в 1552 г. и которое опять-таки включено в «Летописец начала царства»: «С своими о Христе детми и сослужебники нашего смирения, — обращается Макарий к царю, — со архиепископы и епископы, со архимандриты и игумены, и со всеми священными соборы руския митрополия, соборне, вси тебя, государя благословляем... подвизатися... за всех православных христиан, неповинне в плен веденных, и разхищенных, и всяческими бедами от них томимых, и многообразными

³⁴ ПСРЛ, т. 29, стр. 66.

³⁵ Стоглав М., 1890, стр. 75—76.

³⁶ ПСРЛ, т. 29, стр. 74; ПСРЛ, т. 13, вып. I, стр. 179.

³⁷ Стоглав, стр. 17—18. Ср.: этой цитатой начинаются Деяния Виленского собора 1509 г. (АИ, т. I, № 289, стр. 524), послание киевского митрополита Иосифа 1518 г. (в кн. Собор, в богоспасаемом граде Вильни бывший. Львов, [около 1614], л. 1)

страстями оскверненных; и сих ради всех жалостей». Макарий желает царю покорить врага — «... молитвами святого и великаго Иоанна Предтечи, и святых верховных апостол Петра и Павла, и возлюбленного апостола Иоанна Богослова, и 12-ти и седмидесяти святых апостол молитвами... (далее перечисляется еще 19 святых) ... и всех благочестивых сродник ваших и прочих всех святых молитвами ...», — продолжает торжественно Макарий, — «... да пребудете в чистоте, и в смирении, и в мудрости, и в целомудрии, и покаянии, и в прочих добродетелех ... в любви, и в послушании, и в страхе, и в мире, и в соединении, и в союзе на враги ... и прославлены и спасены быша: якоже благочестивый царь Костянтин, и благочестивый царь Феодосий Великий, и Феодосий юный, и прочии гречестии цари православнии...».³⁸ Думается, нет нужды приводить новые примеры, так как торжественный характер перечисления в послании Макария и в федоровском послесловии вполне ясен.

Из всего сказанного ясно, пожалуй, и место послесловия Апостола 1564 г. в русской литературе того времени: оно написано в стиле официальных произведений середины XVI в., и этот характер послесловия находится в соответствии с общим торжественно-официальным внешним видом первой русской печатной книги. (Приходится, кстати, с сожалением отметить, что связь Апостола 1564 г. с произведениями русского искусства XVI в., прежде всего с произведениями торжественно-официального характера, прослежена еще далеко недостаточно и составляет особую тему, которой в данной статье коснуться нет возможности).

Но сравнительно с официальными историческими произведениями середины XVI в., в стиле которых оно написано, послесловие 1564 г. отличается краткостью или сокращенностью. Там, где в официальной литературе следуют очень длинные перечни, большие цитаты из Библии, большие речи царя и митрополита, перемежающие изложение их деяний, в первопечатном послесловии перечни умеренны, формулы кратки, библейская цитата единственна и сокращена, речь митрополита лаконична и состоит буквально из шести-семи слов. Отсюда впечатление какой-то особой стройности и «подтянутости» послесловия московского Апостола Ивана Федорова, которое возникает при чтении его в наше время.

В федоровском послесловии соблюдены все нормы и до мелочей сохранена принятая в официальных сочинениях композиция рассказов о деяниях царя, однако каждый элемент композиции сокращен и нередко выражен минимумом словесных средств. Послесловие 1564 г. фактически представляет собой «выжимку» обычного, официального рассказа о царе середины XVI в. и из-за этой черты, которую можно назвать краткостью или «сокращенностью», стоит особняком в древнерусской литературе, так как «сокращенностью» не отличаются другие произведения, написанные в указанном стиле.

Более того, «сокращенность» роковым образом усугубила одинокость федоровского послесловия, способствуя непопулярности этого произведения в древнерусской письменности и, если можно так выразиться, в печати древней Руси. Влияния федоровского послесловия мы не находим нигде, даже в сказаниях XVII в., посвященных истории книгопечатания на Руси и пересказывающих некоторые факты из федоровского же послесловия.³⁹ Из-за недостаточной риторичности, — что на наш современ-

³⁸ ЛИ, т. I, № 160, стр. 290—293; ПСРЛ, т. 29, стр. 86 и сл.

³⁹ См. послесловие к Трехфологиону за март—май (М., 1638, л. 408 и сл.). см также «Сказание известно о воображении книг печатного дела», изданное Т. Н. Про-

ный вкус является скорее достоинством, чем недостатком, — это произведение не привлекало к себе внимания древнерусских книжников.

Если в послесловиях к изданиям ближайших последователей Ивана Федоровича, печатников Андроника Тимофеева Невежи и Ивана Андроникова Невежи, изредка и можно найти мелкие реминисценции из послесловия к Апостолу 1564 г.,⁴⁰ то все заимствованные фразы сильно рас-

тасевой и М. В. Щепкиной, в кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 198—214. Фразу о неисправности книг, помещенную в послесловии 1564 г., через сто лет использовал патриарх Иоаким, касаясь той же темы исправления книг в одном из своих поучений. Ср. список ГПБ, Соф. собр., № 1503, лл. 31—33.

⁴⁰ Федоровское послесловие было использовано: в послесловиях к Псалтыри 1568 г. Никифора Тарасиева и Андроника Тимофеева Невежи; к Триоди цветной 1591 г. того же Андроника Невежи и, наконец, к Триоди цветной 1604 г., напечатанной сыном Андроника Иваном Невежским. Все заимствования относительно мелки, касаются отдельных фраз федоровского послесловия. Например, в Псалтыри 1568 г. это упоминание о «ненаученых книгописцах», а в Триоди 1604 г. о «делателях печатного дела».

Апостол 1564 г.

... в растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме овоже и неисправлением пишущих (л. 260 б).

Апостол 1564 г.

Благодарный же царь повеле устроити дом от своая царския казны идеже печатному делу строитися и нещадно дающе от своих царских сокровищ делателем... (л. 260 б).

В Триоди цветной 1591 г. заимствования из Апостола 1564 г., с переделками и перестановками, несколько больше. Но если в Апостоле обращение царя к митрополиту за советом и ответ митрополита являются центральным эпизодом, то заимствованное в пространным послесловии Триоди упоминание об обращении царя и ответе церковников тонет среди иных сообщаемых фактов и в риторике общих рассуждений. Приводим только непосредственно соответствующие места.

Апостол 1564 г.

... в растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме ово же и неисправлением пишущих ... и тако возвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всея Русии. Святитель же слышав зело возрадовался и богови благодарение воздав царю глаголаше... (л. 260 б).

В речи церковников царю Триодь 1591 г. заимствует также некоторые выражения Апостола 1564 г.: «пресвятаго духа благодать и вас свыше осени...» (л. 247. Ср. в Апостоле: «... и свыше дар сходящ» — л. 260 б.); «... паче же в новопросвещенных землях, которые вам бог дал: во граде Казани ... и во окрестных их градах и местех» (л. 247. Ср. в Апостоле: «... и по окрестным местом ... паче же в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределах его...» — л. 260). В общем же Псалтырь 1568 г. и обе Триоди цветные 1591 и 1604 гг. используют из послесловия первопечатного Апостола Ивана Федорова лишь незначительные отрывки и отдельные фразы, и этим исчерпываются все известные нам случаи влияния федоровского послесловия в древнерусской письменности и печати.

Псалтырь 1568 г.

... ко очищению и ко исправлению ненаученых и неискусных в разуме книгописец... (л. нн. 290 б).

Триодь цветная 1604 г.

... и свое царское безчисленное сокровище ... изобилно простираля ... делателей же преславнаго сего печатнаго деле преизобилна своими царскими уроки повсегда удовляя и дом превелик устроити повеле в нем же ... печатному делу совершатися... (л. 2 б послесловия).

Триодь цветная 1591 г.

... и то благое желание мысли своая возвещают отцу своему святейшему Иову патриарху московскому и всея Русии ... дабы ... святяя книги свидетельствованы и исправлены были и печатного дела писмены исполнены понеже во многих летех от преписующих неученых человек неправлены. Сия же они слышавше вси вкупе богу благодарение воздаша... цареви рече... (л. 246 б).

пространены. Лаконичность федоровского послесловия явно не удовлетворяла печатников.

Недаром — в противоположность судьбе первопечатного послесловия — тексты менее «знаменитых» послесловий и предисловий к изданиям Ивана Федорова после 1564 г., уже намного более многословные, нравились древнерусским авторам гораздо больше. Например, риторичное послесловие к Часовнику Ивана Федорова, вышедшему в Москве через год после Апостола, в 1565 г., целиком было использовано в ряде изданий последующих русских печатников. Или, например, конец предисловия к острожской Библии Ивана Федорова 1581 г. был перенесен затем в известное «Сказание» Авраамия Палицына.⁴¹ Использовалось и послесловие ко львовскому Апостолу Ивана Федорова 1574 г.⁴²

Итак, приходится заключить, что послесловие к Апостолу Ивана Федорова 1564 г. стоит в известной мере особняком в древнерусской литературе. Тяготая к стилю официальных произведений середины XVI в., оно отличается от них «сокращенностью» — чертой, не отмеченной больше ни для какого иного произведения данного круга. Относясь по жанру к книжным послесловиям и предисловиям, послесловие 1564 г. и тут занимает особое место.

⁴¹ Ср. соответствующие тексты: предисловие к Библии, написанное Герасимом Даниловичем, и концовку окончательной редакции «Сказания» Авраамия Палицына.

Предисловие к Библии

Сие предсловице прозрев, мой господине читателю благочестивый, приеми, якоже хочещи; токмо молю: мене, недостойнаго ненаучения ради не възненавиди, ни поноси, но паче, яко праведник, покажи милостию и обличи; готов есмь прияти паче нежели грешника едем главу мою мастяща. Вем убо, вистинну вем, яко сия вся превьсходящая вещь требоваше кратших глагол, множайшаго разума. Аз же съставих, елико могах умалением си смысла, ибо училища николи же видех. Но понеже людие молчат, камение вопити понудися. И аще своею волею дръзнул бых на сие, безответен убо был бых, но повеления благочестиваго князя отрещися отнудь не възмогах. Обаче же сиевая вещь искусных понуждает показати образ лучшаго, ненаказанных же влечет к учению, нерадивых же и самомнивых ничтоже ползует. (Библия. Острог, 1581, л. ин. 7).

«Сказание» Палицына

Вы же, о избрании о Христе по предведению божию сся пречесгыя и великие лавры отцы и братие священствующии ииофы и вси согласующиися к соединяущиися православию всякого чина христоменитые людие, сию книжицу прочитающе, примете, яко же хочете, но убо спасения вашего путь избобрегайте, ко господу же и богу и свягым его и избранным хвалу воздавайте. Мене же недостойнаго и ненаказанаго не възненавидите, ни понесите, но паче яко праведницы милостыни покажите и обличите, готов есмь прияти, нежели грешника едем главу мою мастяще. Вем убо вонстинну, яко сия предлежащая вещь требоваше кратких словес, множайша же разума. Аз же изложих, елико возмогах, умалением си смысла убо и училища николи же видех, понеже глаголемо есть: «Аще веления божия чловецы умолчат, камение волиги понудитца». Обаче сиевая искусных понуждает показати образ лучшаго, ненаказанных же влечет ко учению и от зол возражанию, нерадивых же и самомнимых ничто же ползует, яко же и аз, — увы! (Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955, стр. 249).

Взаимоотношения Авраамия Палицына с русскими печатниками и справщиками Печатного двора, в частности с Иваном Наседкой, — особая тема.

⁴² Ср. список этого послесловия в сборнике XVII в. Владимирского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника 5636/396, лл. 208—212 об. Приношу благодарность О. А. Белобровой, любезно сообщившей мне о существовании этого списка.

Развитие жанра русских старопечатных предисловий и послесловий к книгам пошло иным путем; послесловие, напоминающее своего рода краткую повесть о царе, больше в истории русского книгопечатания не повторялось. До середины XVII в. наметилось две линии развития послесловий и предисловий. У последователей Ивана Федорова, печатников Андроника и Ивана Невежи, послесловия имеют справочно-пояснительный характер, по мере усиления которого послесловия и предисловия превращаются в своеобразный общий комментарий к содержанию выпускаемой книги. Другая линия развития послесловий как жанра представлена изданиями печатников «Смутного времени», — Онисима Радишевского и Никиты Феофанова, у которых послесловия становятся проповедями, похвальными словами, как бы произносимыми по поводу бурного времени, когда появились их книги.

В середине XVII в., во время патриаршества Никона, руководившего, как известно, большой работой по исправлению церковных книг, форма предисловий и послесловий получает большее единообразие. Окончательно побеждает, если так можно выразиться, линия Андроника и Ивана Невежи, а не эмоциональная линия Радишевского, слишком тесно связанная с временем «Смуты». Предисловия и послесловия становятся более деловитыми и сухими. Но зато к некоторым изданиям прилагаются стихотворные предисловия, сочиненные по украинскому образцу, так как в украинских изданиях практика послесловий и предисловий была гораздо более разнообразной и они носили более литературный характер, чем в изданиях русских.

Однако с начала 80-х годов XVII в. полностью побеждает прикладная, деловая линия в развитии предисловий и послесловий. Послесловия уже почти не употребляются. Все заменяют предисловия, которые сжимаются в небольшие тексты, составленные по единообразной форме и умещающиеся на титульном листе книги.

В чем же причина одиночества послесловия 1564 г. в литературе и в «печати» древней Руси? Думается, в том стиле середины XVI в., которому следовало послесловие, но который довольно быстро устарел.

Не свидетельствует ли «сокращенность» послесловия о том, что уже в начале 60-х годов XVI в. несколько изменилось отношение к стилю официального повествования середины XVI в. и он стал представляться менее авторитетным, чем раньше? Чтобы ответить на этот вопрос, требуется специальное изучение эволюции стиля официальных исторических произведений XVI в.;⁴³ пока же это только предположение; в связи с ним

⁴³ Пока мы не располагаем подробной картины развития официального литературного стиля XVI в. Общие наблюдения см. в кн.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 107—114. Ср. также частные наблюдения над тем, как восхваляли царей в посланиях XVI в. в статье А. С. Демина «Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI—XVII вв.» (ТОДРА, т. XXI. М.—Л., 1965, стр. 188—189). Что же касается «сокращенности» послесловия к Апостолу 1564 г., то она объясняется и явно формальными соображениями Ивана Федорова. Дело в том, что первопечатник очень заботился о конструкции своей книги. Все тексты его Апостола четко разделяются на главные и на вспомогательные. Первые — апостольские деяния и апостольские послания — выделены богатыми украшениями: большими заставками, вязью, инициалами. Вторые — преимущественно так называемые «Сказания» к апостольским посланиям, играющие роль кратких предисловий к посланиям и поясняющие, когда и кем писано послание и каково его основное содержание, — украшены гораздо скромнее. Они выделены только малыми заставками. Других украшений «Сказания» не имеют: это тексты вспомогательные. Кстати, отсюда понятно, почему знаменитый фронтиспис, изображающий апостола Луку, помещен в Апостоле не в начале книги, что было бы привычнее для нас, а лишь через несколько листов: фронтиспис следует после всех вспомогательных текстов и служит украшением к главному тексту —

необходимо ответить на вопрос о возможных редакциях первопечатного послесловия: существовала ли первая, более пространная редакция послесловия, которую затем сократили, или же послесловие было написано в том виде, в каком вошло в Апостол 1564 г.? Этого в настоящее время мы не знаем: нет данных. Но бесспорно одно: самое раннее оригинальное печатное произведение на Руси было оригинальным и стилистически. Таков был первый вклад русского книгопечатания в литературу.

апостольским деяниям. Послесловие к Апостолу было для Ивана Федорова таким же вспомогательным текстом, как и «Сказания». Как и «Сказания», оно выделено только малой заставкой и сходно со «Сказаниями» по величине (полтора—два листа). Официальность издания требовала соответствующей соразмерности всех его частей. Недаром, по наблюдениям Е. Н. Немировского, Иван Федоров устранил из Апостола 1564 г. многие служебные материалы, входившие по традиции в рукописные тексты апостолов; избрал сокращенный вариант «сказания» к апостольским деяниям; опустил некоторые вспомогательные данные, если они не помещались на странице и пр. (Е. Н. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве, стр. 278—279, 281). Формальные соображения, когда дело касалось вспомогательных текстов, перед Иваном Федоровым явно стояли на первом плане. Интересно, что послесловие к менее официальному по оформлению львовскому Апостолу 1574 г., которое Иван Федоров написал, бесспорно, сам и которое также не является произведением официальным, занимает в книге более важное место. Оно не только раза в три больше московского послесловия, но — и это знаменательно — выделяется большой заставкой и инициалом и имеет особое заглавие: «Сия убо повесть изъясляет, откуда начася и како съвершися друкарня сия» (Апостол. Львов, 1574, л. 260). Теперь это целая повесть.

В. Н. СЕРГЕЕВ

Духовный стих «Плач Адама» на иконе

Среди интересных вопросов, которые встают при одновременном изучении изобразительного искусства и литературы древней Руси, не последнее место занимает проблема «изображенного слова» — эстетической роли надписей на иконах и фресках. Эта проблема впервые была поставлена Д. С. Лихачевым.¹ Целый ряд наблюдений, сделанных Д. С. Лихачевым относительно природы и функций текстов на живописных произведениях, естественно, не исчерпывает всего многообразия «изображенного слова» в древнерусском искусстве. Эта большая и серьезная тема требует как конкретных, так и общих исследований и в первую очередь сбора и публикации наиболее интересного текстового материала, встречающегося на иконах и разбросанного по многочисленным столичным и периферийным музейным собраниям.

Недавно в Музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева было раскрыто произведение, содержащее помимо прочих надписей, полный текст духовного стиха «Плач Адама». Это живописная дверь в жертвенник конца XVI—начала XVII в.² Она состоит из пяти рядов изображений. Верхний ряд — «Лоно Авраамово», рай. Среди райских деревьев — праотцы Авраам, Исаак, Иаков. Детские фигуры на их «лонах» и позади престола, одетые в белые одежды, олицетворяют души праведников. В этом же ряду, справа — Благоразумный разбойник с крестом. Второй ряд содержит сцены сотворения Адама и Евы, заповеди «ото всех древ вкушати, от едина же древа не вкусити»; здесь же змей прельщает Еву и «шепчет ей во ухо». Изображением ангела, насаждающего в раю виноград, начинается третий ряд. Заканчивается он сценами изгнания из рая первых людей и плача об утерянном блаженстве. Последняя композиция и сопровождается расположенной прямо над Адамом и Евой надписью — текстом «Плача Адама». Четвертый ряд посвящен ветхозаветным праведникам. Здесь композиции «Пророк Даниил во рву львином» и «Три отрока в печи огненной» предшествуют назидательно-аллегорической притче о праведной душе: праведная душа, олицетворяемая девической фигурой, покаянием угашает огонь, «опалаяющий терние греховное», связывает льва, укрощает змея, побеждает врага, темного зверя, упавшего в изнеможе-

¹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1968, стр. 28—32.

² Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева, № 352, 168×75, дерево, паволока, левкас, темпера. Вывезена в 1966 г. экспедицией Музея из церкви с. Семеновского Пушкинского района Московской области. Раскрыта в 1968 г. реставратором И. Е. Брягиной. Стилистические особенности произведения, характер моделировки, формы архитектуры и горки позволяют датировать его концом XVI в. Палеографический анализ надписей (сделан А. И. Роговым) говорит скорее о раннем XVII веке

нии — «враг падеся». Нижний ряд содержит две композиции: «Адские мучения грешников» и «Притча о смертном человеке».

Среди известных нам произведений конца XVI—начала XVII столетия живописная дверь в жертвенник из села Семеновского отличается совершенством и выразительностью цветовых решений. На белом и светло-желтом фоне интенсивно звучат чистые синий и киноварный цвета, смягченные светло-зелеными, сиреневатыми, охристыми тонами. Плотная «корпусная» моделировка ликов и обнаженных тел охрой, местами с подумянкой и последующей проработкой короткими белильными движениями — придает изображенному определенность и большую конкретность. Такое живописное решение, усиленное выразительностью силуэтов, прекрасно «читающихся» на светлом фоне — все рассчитано на активное воздействие, вовлекает в сопереживание с изображенным. Этой же цели служат чрезвычайно пространные надписи, сделанные прямо по фону над соответствующими композициями. Написанные великолепной скорописью, они входят в композиционный замысел и подробно разъясняют сложные, не часто встречающиеся в иконописи сюжеты.

Духовный стих «Плач Адама», текст которого помещен над изображением плачущих у врат рая Адама и Евы, был широко распространен в письменной и устной традиции вплоть до новейшего времени. Наиболее древний его список относится к 70-м годам XV столетия.³ В том же столетии мы встречаем его отголосок в апокрифическом «Исповедании Евы».⁴ Последняя из опубликованных записей «Плача» с живого голоса относится к 1936 г. Эта запись, текстовая и нотная, произведена И. Н. Заволоко в старообрядческом монастыре в Восточной Пруссии.⁵ Помимо упоминавшегося уже текста в рукописи XV в., известен вариант первой половины XVI в., опубликованный Н. Финдейзенем.⁶ Целый ряд рукописей XVII столетия, содержащих «Плач Адама», указан недавно А. В. Позднеевым.⁷ Многочисленные тексты «Плача Адамова» в сборнике П. Бессонова «Калики переходные» извлечены из рукописей более поздних, XVII—XVIII столетий, или записаны во время устного исполнения.⁸

Текст XV в	Текст первой половины XVI в.	Текст на иконе конца XVI—начала XVII в.
Плакася Адам перед раемо седя: «Раю мой, раю, прекрасный мой раю! Мене бо ради сотворен еси, а Евгы ради затворено бысте. Ужь яз не вижу райския пища, ужь яз не слышу гласа архангельского.	Плакася Адам перед раем седя: «Раю мой, раю, прекрасный раю! Мене ради, раю, сотворено еси, Еввы ради, раю, заключено еси. Уже азо не слышу архангелеска гласа, уже азо не вижу райския пища.	Плакася Адам пред раем сидя: «Раю мой, раю, прекрасный мой раю! Мене ради, раю, сотворен еси, а Евги ради, раю, затворен еси. Уже яз не слышу архангельска гласа, уже яз не вижу райския пиши.

³ П. Симоли. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. 3. Пгр., 1922, стр. 12—13.

⁴ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. 1. СПб., 1863, стр. 299—300.

⁵ И. Н. Заволоко. Духовные стихи старинные, вып. 2. Рига, 1937, сто. 4—5.

⁶ Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. 1, вып. 1. М.—Л., 1928, стр. 257—259.

⁷ А. В. Позднеев. Стихосложение древней русской поэзии. — Scando-Slavica, т. XI, 1965, стр. 13—14.

⁸ П. Бессонов. Калики переходные, ч. 2, вып. 6. М., 1864, №№ 632—668, стр. 236—314.

Увы мне грешному
и беззаконному!
Господи, господи,
не отверзи
мене погибошаго!».⁹

Аще бы ведала
душе моя
суету мира сего
и вошла бы на гору высокую,
и узрела бы гробо свой.
Гробе мой, гробе,
превечный мой доме!
Есте в тебе, гробе,
червь неусыпаемый,
теми есте, други
прелюбимые,
за моя грехи
премногия.
Увы мне грешну
и беззаконну!
Господи, не остави
мене погибшаго.
Милостиве, помилуй мя
падошаго!».¹⁰

Увы мне грешному,
помилуй мя падошаго!»

Сопоставление трех разновременных вариантов «Плача» показывает определенные изменения в тексте, произошедшие в течение XVI столетия. Стих на иконе в сравнении с текстом XV в. гораздо более отработан в звуковом и ритмическом отношении. Сравните:

XV в.

Мене бо ради
сотворен еси,
а Евгы ради
затворено бысте.

Конец XVI—
начало XVII в.

Мене ради, раю,
сотворен еси,
а Евги ради, раю,
затворен еси.

Изменения в этом направлении видны в списке первой половины XVI в. Уже к тому времени произошла перестановка в тексте при упоминании «райския пища» и «архангельского гласа».

XV в.

Ужь яз не вижу
райския пища,
ужь яз не слышу
гласа архангельского.

Первая половина
XVI в.

Уже азо не слышу
архангельска гласа,
уже азо не вижу
райския пища.

Иконописец также придерживается этого измененного, в сравнении с текстом XV в., порядка.

Редакция первой половины XVI в. пространнее двух других рассматриваемых. В последних отсутствует тема «гроба — превечного дома». Однако текст на иконе не является результатом произвольного сокращения иконописцем пространной редакции. В конце XVI—начале XVII в. была наиболее распространена краткая редакция.¹¹ Следовательно, на иконе запечатлен полный текст краткой редакции.

Чтобы осмыслить выбор художником текста духовного стиха для «изображенного слова» и его эстетическую роль, необходимо уяснить происхождение и характер бытования «Плача Адама» в древней Руси.

⁹ П. Симоны. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. 3, стр. 12—13

¹⁰ Н. Ф и н д е й з е н. Очерки по истории музыки в России, т. I, вып. 1, стр. 258—259. По рукописи ГИМ, Увар. 4. 694, л. 285—285 об.

¹¹ ГПБ, собр. Погодина, № 380, лл. 347, 349—349 об., там же, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 665/922, л. 691 об. (по новой нумерации).

«Плач» имеет книжный источник, который послужил непосредственной основой при его создании. Это тексты «Постной Триоди», последования утрени, сырной или сыропустной недели, т. е. «проценого воскресения», последнего перед Великим постом, когда вспоминается «Изгнание Адамова» и его покаянный плач.¹²

Наиболее близок «Плач Адама» к тексту икоса утрени сыропустной недели: «Седе Адам тогда и плакася, прямо сладости рая, руками бия лице и глаголаше: „Милостиве, помилуй мя падшаго...“. „Раю вседобродетельный, всесвятый, всебогатый, Адама ради насажденный, и ради Евы заключенный, умоли бога о падшем, милостиве, помилуй мя падшаго“».¹³

Несомненны здесь не только смысловая близость, но и совпадение отдельных выражений. Тема отпадения от «райския пищи» заимствована «Плачем» из Синаксаря на тот же день: «В сей день воспоминание творим от райския пищи испадения первозданного Адама».¹⁴

Мотив горестного для Адама расставания с ангелами имеется в том же последовании утрени сыропустной недели: «Душе всестрастная моя, от ангел разлучилася еси».¹⁵

Однако, несмотря на смысловые и фразеологические совпадения с текстами «Постной Триоди», «Плач» является самостоятельным произведением со своей ритмической организацией и своим особым предназначением. Для нас сейчас важно подчеркнуть его книжное происхождение.

Для чего же он предназначался и в какой форме бытовал в древней Руси? Зафиксированные в крюковых сборниках духовных стихов XVIII—XIX вв. и в устном исполнении тексты не оставляют никакого сомнения в том, что «Плач» был предназначен для пения. О том, что он пелся и в древности, свидетельствуют прежде всего его нотные крюковые записи, относящиеся к первой половине XVI в. и к началу XVII в.¹⁶

Кроме того, в тексте 70-х годов XV в., опубликованном П. Симони, формы типа «затворено», «отоверзи», «погибошаго» говорят также о певческом исполнении текста древним, так называемым «наонным», или, употребляя более поздний термин, «хомовым» пением.¹⁷

Как известно, древнейший текст «Плача» XV в. из рукописи Кирилло-Белозерского монастыря имеет подзаголовок «стих старина за пивом».¹⁸ Уже П. Симони понимал этот подзаголовок в том смысле, что стих пелся во время трапезы и питья. Существует другое прочтение и истолкование — «стих-старина запивом», т. е. «старина», былина — «запевом», напевом.¹⁹ Однако исследования Н. Финдейзена о певческом бытовании «Плача» в XVI столетии полностью подтверждают правоту первого прочтения. Н. Финдейзен привлек рукописный обиходник конца XVI в., «представ-

¹² Триодь Постная. Неделя сырная, утро, Синаксарь; см. также: Г. Дебольский. Дни богослужения православной католической церкви, т. 2. СПб., 1894, тр. 71—73.

¹³ Триодь Постная. Неделя сырная, утро, икос.

¹⁴ Там же, Синаксарь.

¹⁵ Там же, песнь 6, тропарь 2.

¹⁶ ГИМ, Увар. № 694, в 4-ку, л. 285—285 об.; ГПБ, собр. Погодина, № 380, лл. 347, 349—349 об.; ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 665/922, л. 691 об.

¹⁷ П. Симони. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. 3, стр. 12—13.

¹⁸ Там же, стр. 12.

¹⁹ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефрона в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 157.

ляющий собой сводный устав Троице-Сергиева и Кириллова монастырей и объясняющий бытование стиха в этих монастырях».²⁰

В нем описан чин прощения монахов в неделю сыропустную после вечерни в Троице-Сергиевом монастыре, когда архимандрит обносит братию «по два ковша меду, а барнов ковш, да паточного ковш», в то время как «крылошаня стоят поют стихи».²¹ Н. Финдейзен отмечает, что «стих-старина за пивом» в рукописи Кирилло-Белозерского монастыря помечен на листе 318 «вверху стихиры сыропустной недели».²² Отсюда делается естественный вывод: «Таким образом, обозначение „Плача Адама“ в Кирилло-Белозерском сборнике в качестве „стиха-старины за пивом“ понятно: этот стих (на 6-й глас) певчие исполняли в старину в монастырях во время раздачи братии пива или меда... Из бытовой монастырской практики этот „покаянный стих“ распространился в домашний обиход как духовенства, так и мирян».²³

Итак, мы можем сказать, что в XV—XVI вв. «Плач Адама» носил характер внеслужебный, но связанный с уставным бытом Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева монастырей и его пение было приурочено к сыропустной неделе.

Небезынтересно отметить, что обычай пения «Плача Адамова» в сыропустную неделю получил отражение в художественной литературе нового времени. В пьесе А. М. Ремизова «Бесовское действо», поставленной впервые в 1907 г., иноки, выходящие из трапезной, в «Прощеное воскресенье», поют пространный вариант этого «Плача», заимствованный автором пьесы у П. Бессонова.²⁴

Привлеченная Н. Финдейзенем рукопись, описывающая чин прощения в сыропустную неделю в Троице-Сергиевом монастыре и написанная приблизительно в одно время с нашей иконой, имеет для нас особенное значение. Среди известных нам дверей в жертвенник, близких по сюжетному составу к рассматриваемому произведению, нет ни одной, где в качестве комментария к сцене плача Адама и Евы был бы написан этот духовный стих.²⁵

Вряд ли случайным можно считать его появление на иконе, найденной в селе Семеновском, неподалеку от Троице-Сергиева монастыря, входившем в начале XVII в. в состав Радонежского стана.²⁶ Именно в непосредственной близости от монастыря, где имелся отмеченный в рукописи конца XVI в. обычай пения «Плача», его текст появляется в конце XVI—начале XVII в. на иконе. Очевидно, художник был каким-то образом связан с Троице-Сергиевым монастырем и хорошо знал его традиции.

Пытаясь раскрыть замысел художника, написавшего на иконе текст «Плача», мы должны помнить, что речь идет не только об «изображен-

²⁰ Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. 1, вып. 1, стр. 260 (По рукописи Московской Синодальной библиотеки № 400, лл. 190, 191 об.).

²¹ Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. 1, вып. 1, стр. 260

²² Там же, стр. 260.

²³ Там же.

²⁴ А. М. Ремизов. Рассказы. СПб., 1910, стр. 215, 221—222, 252. Возможно что знанием такой детали древнего монастырского устава А. М. Ремизов обязан знатоку русской старины И. А. Рязановскому.

²⁵ Близкие по сюжету изображения на дверях в жертвенник имеются в собраниях Государственной Третьяковской галереи (№ 2867/4) XVII в., Рогожского старообрядческого кладбища XVII в., Покровской церкви в Кижях XVII—XVIII вв., на двух иконах Переяславль-Залесского музея — XVII в. и начала XVIII в., на иконе в старообрядческой молельной в с. Тискады Резекненского района Латвийской ССР — XVIII в.

²⁶ В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы о церквях и селах XV—XVIII столетия, вып. 4. М., 1885, стр. 79.

ном», но и, условно назовем его, «звучащем слове», имеющем музыкальное выражение с определенной духовно-эмоциональной настроенностью. За иконным изображением плачущих Адама и Евы стоит не только словесный ряд, стих, но и мелодия, то пение, которое звучало в трапезной Троице-Сергиева монастыря поздним зимним вечером, перед великим постом, когда монастырская братия просила друг у друга прощения, готовясь к длительному посту и строгому воздержанию. Необходимость поста понималась как результат грехопадения. Широко известное и читавшееся на ту же неделю сыропустную поучение Иоанна Златоуста гласило: «Аще бы от древа удержалася Ева, не быхом сего пощения требовали мы».²⁷

Мысли средневекового человека обращались в те дни к Адаму и Еве, грехопадение которых, по его представлениям, легло, как печать, на жизнь всего человечества. Падший не только Адам, но и каждый человек. В церковных службах этих дней «лик», хор, олицетворяющий всех присутствовавших в церкви, пел: «Возведи от тли живот мой»;²⁸ «Милостиве, помилуй мя падшаго».²⁹

Духовный стих «Плач Адама», пение которого также приурочено к этому времени, — лирический покаянный плач средневекового человека. П. А. Бессонов отмечал, что «подобные песнопения от лица человека, уподобляющего себя Адаму».³⁰

Как же пелся «Плач Адама»? Прежде всего следует сказать, что пение его на мотив былины исключено, так как былинный напев не нуждался бы в раздельноречных «паонных» формах, уже отмеченных нами в рукописи Кирилло-Белозерского монастыря в тексте «старинны за пивом». Слово «старина» употреблено здесь, очевидно, в значении или истинности певшегося, или его традиционности.

Опубликованный перевод «Плача» с крюковой нотации на современную, сделанный знатоком знаменного пения Х. И. Марковым, не оставляет никаких иллюзий относительно будто бы «былинного», «старинны запевом» распева:³¹ «Плач» пелся на один из восьми гласов древнего церковного пения, а именно на восьмой.³²

«Стих „Плач Адама“ распет на 8-й глас, хотя ряд стержневых попевок восьмого гласа не применен, тогда как в служебных песнопениях они, как правило, не опускаются. На принадлежность напева именно этому гласу указывает ряд признаков, прежде всего — окончание „Плача“ на характерной для восьмого гласа „малой кулизде“. Использована также фита восьмого гласа (фита — развернутое мелодическое построение, распевасмое на одном или нескольких слогах с тем, чтобы выделить слово и расцветить и украсить напев. Каждому гласу соответствуют свои фиты). Так называемая „мрачная фита“ восьмого гласа в „Плаче“ не случайна. Распетые слоги „у-же“ в словах „Уже яз не слышу архангелска гласа, уже яз не вижу раския пици“ как нельзя более ассоциируются с плачем. „Адамов плач“ содержит ряд попевок восьмого гласа, в том числе такие, как „общая кулизма“, которая здесь почти неизменно повторяется 11 раз».³³

²⁷ Евангелие учительное. М., 1619, л. 32 об.

²⁸ Троиць Постная. Утренняя сырной недели, песнь 6, ирмос.

²⁹ Там же, кондак.

³⁰ П. Бессонов. Калики переходные, ч. 2, вып. 6, Два слова, стр. XVII.

³¹ Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. I, вып. I, стр. 258—259, примечание к стр. XXII; по рукописи XVI в.

³² В упоминавшихся уже нотных рукописях начала XVII в. из собрания ГПБ «Плач Адамов» значится среди «Покаянных на осмь гласов» под восьмым гласом.

³³ Приведенный анализ напева сделан по моей просьбе Т. Ф. Владышевской и Е. А. Бобковым, которым приношу искреннюю благодарность. Н. Финдейзен ошибочно

Мелодия новейшей записи «Плача», свидетельствующая об отходе от древнего напева, близка к народной лирической песне, а не к былинне.³⁴ «Плач» безусловно относится к лирическим духовным стихам, а не эпическим. Поэтому он никогда и не мог петься напевом «старин», былин. Пение же духовных стихов на один из церковных гласов было принято.³⁵

Очень интересен для нас старинный отзыв о производимом каждым из древних гласов впечатлении. Вот что сказано там о восьмом гласе: «Восьмой глас — весьма поразительный и печальный, а в некоторых местах как бы плачевный и выражающий глубокую скорбь души».³⁶

Напев восьмого гласа точно соответствует по смыслу тексту «Плача». Не случаен этот текст и на иконе. Он написан прямо на фоне, над головами плачущих после изгнания из рая Адама и Евы. Стоящий за этой надписью ассоциативно-музыкальный ряд призван усилить впечатление, производимое живописью. В силуэтах изгнанных из рая людей — горе и чувство вины. Беззащитные, полубогаженные, пригорюнившись, сидят на камне, повернувшись друг к другу, Адам и Ева, горестно подпирают одной рукой щеку, другая — с левой стороны, у сердца. Во взглядах — тревожное напряжение. Скорбь от потери райского блаженства соединена в них с раскаянием. В недавно организованной фонотеке Музея имени Андрея Рублева есть магнитофонная запись «Плача Адама», распетого по расшифровке Х. И. Маркова. Слушание древнего пения перед иконой чрезвычайно обогащает восприятие живописи.

Итак, нами рассмотрен уникальный и не отмеченный до сих пор случай «изображенного слова» на иконе. Во-первых, это единственный известный случай использования духовного стиха в качестве надписи к живописной композиции. «Изображенное слово» несет в себе не только словесный, но и музыкальный ассоциативный ряд, дополняя и углубляя восприятие живописи. Во-вторых, это единственный досиллабический стих на иконе: силлабические вирши на иконах XVII—XVIII вв. — явление довольно частое, но также не изученное и представляющее большой интерес. Все сказанное, думается, свидетельствует, что собрание и публикация «изображенного слова» на произведениях древнерусской живописи представляет интерес как для литературоведения, так и для истории искусства. в данном случае — и живописи, и музыки.

считал, что этот напев «Плача» относится к 6-му гласу (см.: Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. 1, вып. 1, стр. 260).

³⁴ И. Н. Заволоко. Духовные стихи, вып. 2, стр. 4—5, 12.

³⁵ Там же, стр. 6, 7.

³⁶ Отзыв арх. Мартирия (1830 г.), цит. по статье: И. Н. Заволоко. Свообразие знаменного распева. — Родная старина, Рига, 1933, № 13, стр. 15

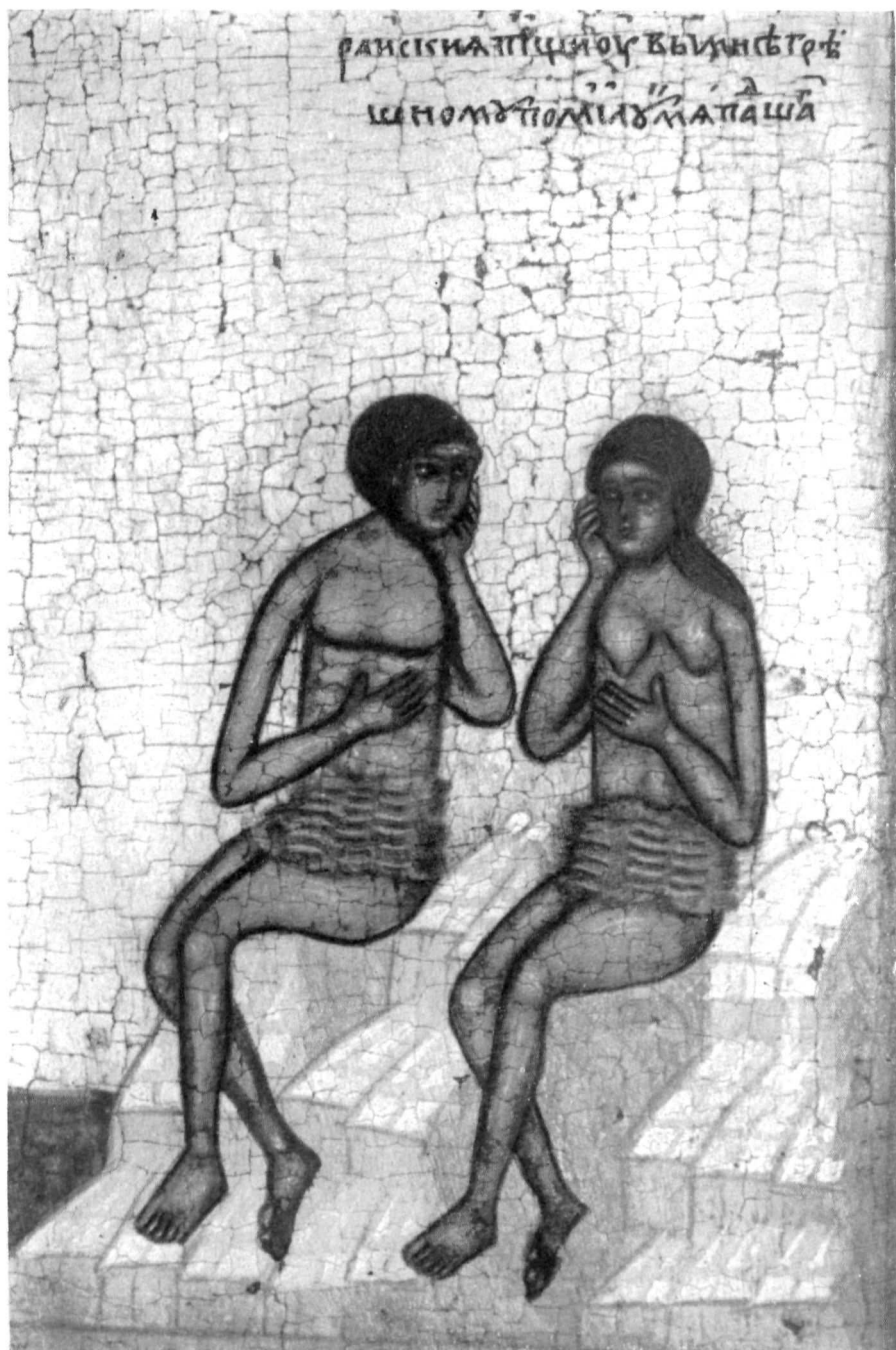

Рис. 1. Плач Адама. Фрагмент двери в жертвенник конца XVI—начала XVII в.
Собрание Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева.

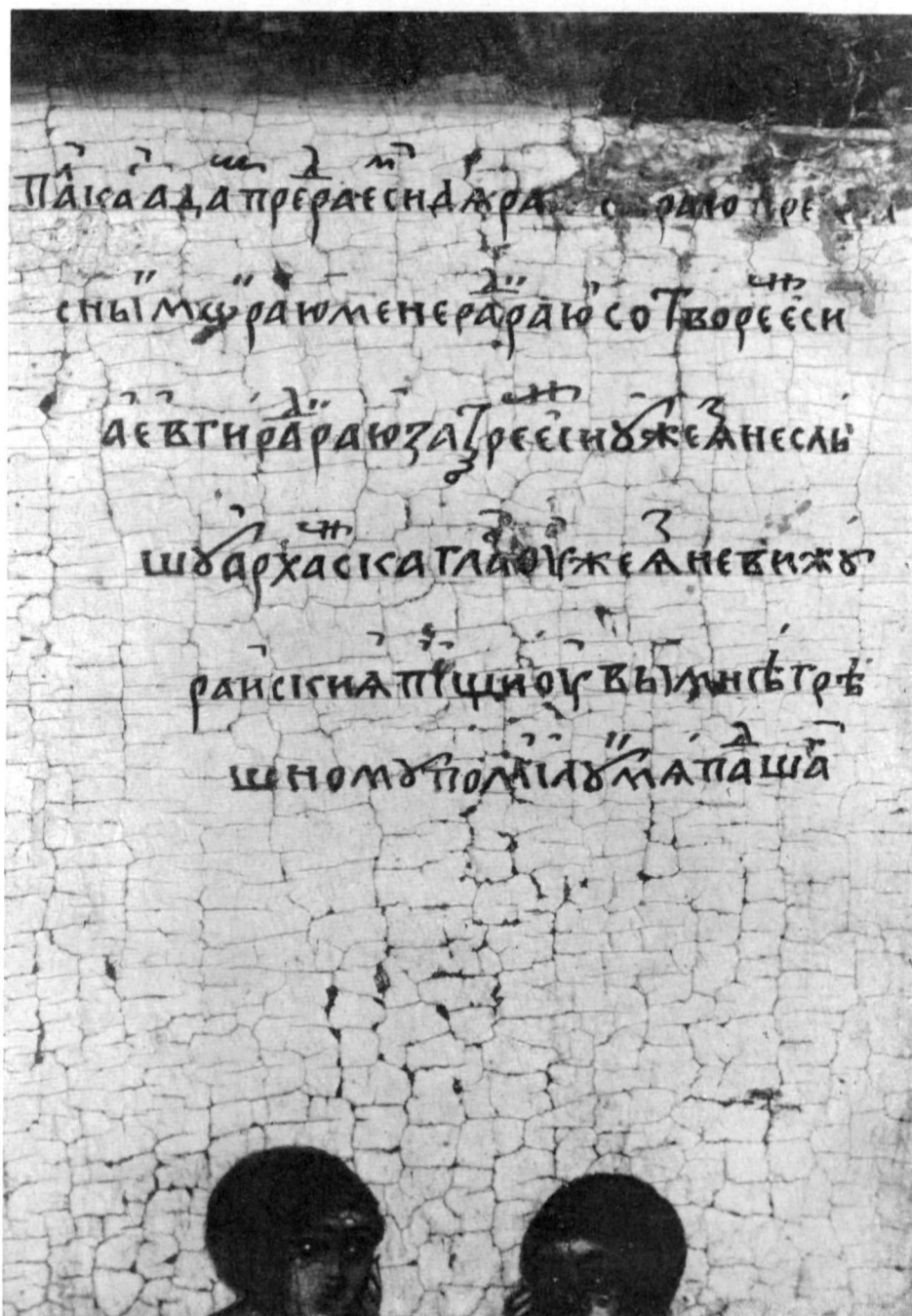

Рис. 2. Плач Адама. Фрагмент двери в жертвенник конца XVI—начала XVII в.
Собрание Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева.

Е. Н. КЛИТИНА

Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря

Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря известны в списках 1638/39 г. (6147)¹ и 1672/73 г. (7181),² хранящихся в рукописном собрании Загорского музея-заповедника³ (ЗМЗ). Книги содержат в себе записи о самых разнообразных вкладах в монастырь, дающие в целом широкое представление о социальных отношениях, экономике, быте и культуре русских земель в XV—XVII вв. Фактические данные вкладных книг широко привлекаются специалистами, работающими в области собственно истории, истории искусства и материальной культуры. Однако с текстологической и источниковедческой точки зрения вкладные книги в целом не исследовались.⁴

Вкладная книга 1639 г. переплетена в два тома, т. I на 719 лл.,⁵ т. II на 777 лл.,⁶ в лист (28,5×18,5 см), скоропись, на лл. 5 и 32 заставки, выполненные в старопечатном стиле, и заглавные строки (вязь), писанные киноварью. На лл. 6 об.—7 датирующая запись: «И сия вкладная книга для ради многих лет и за ветхость худых тетрапей переписана на предидущие лета на новые тетрати... в лето 7147 (1638/39)».

Вкладная книга 1673 г.,⁷ на 1250 лл., в лист (38×24 см), скоропись, на лл. 1, 46, 69 заставки, выполненные в старопечатном стиле, и заголовки (вязь), написанные золотом и киноварью, широко применяются инициалы, киноварные строки и буквы в названиях отдельных глав. В заглавии книги содержатся сведения, датирующие рукопись: «Книга вкладная .. списанная от древния книги обветшавшая в лето 7181 (1672/73) месяца».

В состав вкладных книг входят: 1) список настоятелей Троице-Сергиева монастыря от первого игумена Сергия до архимандрита Феодосия (1667—1674). Написан он в обеих книгах скорописным почерком, аналогичным почерку вкладной книги 1673 г., что указывает на включение

¹ Далее в тексте: вкладная книга 1639 г.

² Далее в тексте: вкладная книга 1673 г.

³ Копия Вкладной книги 1673 г., переписанная С. Б. Веселовским в 1928 г., хранится в Архиве АН СССР, ф. 620, оп. 1, ед. хр. 18.

⁴ Общую характеристику Вкладной книги 1673 г. как исторического источника с отдельными замечаниями источниковедческого характера см.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. Характеристика источников. М., 1969, стр. 31—32 и др. Отдельные наблюдения по вкладным книгам источниковедческого характера см.: Н. А. М а я с о в а. О датировке древней копии «Троицы» Андрея Рублева из иконостаса Троицкого собора. — Сообщения ЗМЗ, вып. 3, Загорск, 1960, стр. 170—174. О художественном и историческом значении Вкладной книги 1673 г. см.: Т. В. Н и к о л а е в а. Собрание древних рукописей. — В кн.: Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники. М., 1968, стр. 167—175

⁵ ЗМЗ, № 5560.

⁶ ЗМЗ, № 5559

⁷ ЗМЗ, № 288

списков настоятелей во вкладные книги монастыря в 1672—73 гг. Во вкладной книге 1639 г. список настоятелей позднее доведен до архимандрита Варлаама (1726—1737), во вкладной книге 1673 г. — до митрополита Платона (1766—1812), причем вся новая запись, т. е. с 1737 г., внесена в список в 1780-е годы. 2) Предисловие. 3) «Сказание главам» (оглавление). Во вкладной книге 1639 г. оно распадается на две части: на «сказание главам» к вкладам, включенным в книгу на время ее переписки, и на «сказание главам» к вкладам «новоприбылых» вкладчиков. Во вкладной книге 1673 г. «сказание главам» новоприбылых вкладчиков включено в общую нумерацию глав. 4) Запись вкладов. В ней необходимо отметить ряд несовпадений. Запись вкладов во вкладную книгу 1639 г. продолжалась и после переписки ее, до 30-х годов XVIII в., соответственно было продолжено и «сказание главам» новоприбылых вкладчиков. Запись же вкладов во вкладную книгу 1673 г. после составления ее не производилась. Только при митрополите Платоне к ней обратились вновь и произвели запись вкладов от 40-х годов XVIII в., отсутствующую в предшествующей книге.

Во вкладной книге 1673 г. помещено еще одно предисловие, составленное, по-видимому, в год переписки книги, оно предшествует всей книге в целом и помещено перед списком настоятелей.

Сопоставление двух списков вкладных книг приводит к выводу о том, что вкладная книга 1639 г. оставалась действующей и после ее переписки. Запись вкладов XVII в. в ней более полная.

Обращаясь к основному содержанию книги 1639 г. — к записи вкладов в Троице-Сергиев монастырь, нужно прежде всего отметить строгую систематизацию их по социальной принадлежности вкладчиков. В отдельные главы сгруппированы вклады великокняжеские и царские (в одной главе), митрополитов и патриархов (в одной главе), бояр и всяких служилых людей (в 651-й главе), дьяков (в одной главе), отдельных иерархических групп троицкого духовенства и духовенства других монастырей и городов (в семи главах), гостей торговых, государева двора разных чинов людей, подьячих, казаков, боярских людей, торговых людей разных городов (в семи главах), слуг, служебников, вотчинных и торговых крестьян, стрельцов и пушкарей Троице-Сергиева монастыря (в пяти главах).

В пределах каждой главы запись вкладов идет в хронологической последовательности с отдельными имеющими объяснение отступлениями. Вклады боярские сгруппированы в главы по родам, и хронологическая последовательность глав выдерживается по первому вкладу каждого рода. Вклады боярских родов записаны в главах с 3 по 597 и с 1 по 56 «новоприбылых вкладчиков». Указанная последовательность записи вкладов имеется в главах с 3 по 438, соответствующих 1499—1620 гг., в главах 593—595, соответствующих 1626—1629 гг., и в главах «новоприбылых вкладчиков». В главах же с 439 по 592 и в 596, 597 она меняется, главы эти выглядят вставкой, нарушающей хронологическую последовательность записи в 1620-е годы. Анализ записи вкладов этих глав дает возможность поставить вопрос о дополнениях вкладной книги монастыря, о времени и причинах дополнений.

Во всех этих главах (за исключением семи) записаны земельные вклады в монастырь. В статичной формуле записи земельного вклада обращает на себя внимание ссылка о внесении данной грамоты в вотчинную книгу, в определенный ее раздел, выделенный по географическому принципу, с определенным порядковым номером (главой). Например: «... а данная писана в вотчинной книге в Дмитрове, глава 4». Разбирае-

мые главы и расположены в последовательности, соответствующей географическим разделам вотчинной книги: Москва, главы 22, 38, 69, 72, 76, 82, 85 и т. д.; Радонеж, главы 6, 14, 37, 40 и далее Боровок, Рязань, Таруса, Руза, Переславль-Залесский, Дмитров, Тверь, Старица, Торжок, Бежецкий Верх, Великий Новгород, Кашин, Ростов, Кострома, Владимир, Муром, Белоозеро, Рознь.

Итак, речь идет о вотчинных книгах монастыря, в которые писались, т. е. копировались, данные грамоты. Можно утвердительно сказать, что вотчинные книги не могут быть не чем иным, кроме книг, вошедших в науку под названием копийных книг Троице-Сергиева монастыря.

Однако сопоставление ссылок на вотчинные книги с дошедшими до нас известными копийными книгами монастыря не дает совпадений. Но полное совпадение мы находим в сыскной книге Троице-Сергиева монастыря 1622/23 г.⁸ Книге предшествует следующее предисловие: «Лета 7131-го (1622/23) году живоначалыи Троицы Сергиева монастыря вотчины выписаны и [з] списков государевых жаловальных грамот и даных, и духовных, и купчих, и всяких крепостей, что писаны в дву книгах больших, которые чьей дачи и в которых городех и станех даны или у кого куплены и которого году, а в писцовых книгах 101 и 102 (1592—1594) году теми урочищи вотчины не объявились, а иные отписаны на государя, и что про те вотчины в сыску сказали попы и старосты и целовальники и крестьяне и которых сел, и тому книга» (л. 5—5 об.).

Сопоставление записи вкладов в разбираемых главах с сыскной книгой 1623 г. выявляет соответствие их и по содержанию, и в порядке записей по городам, и в нумерации данных грамот. Записям в сыскной книге соответствуют во вкладной и отдельные записи земельных вкладов боярских родов там, где они выпадают из хронологической последовательности записей данного рода. Итак:

1. Поскольку хронологическая последовательность в записи вкладов нарушается в 1620-е годы вставкой 156 глав, имеющих прямую связь с сыскной книгой 1623 г., а затем восстанавливается в полной мере к 1629 г., то отсюда следует, что не ранее 1623 г. и не позже 1629 г. во вкладную книгу Троице-Сергиева монастыря была записана большая группа вотчин, когда-то данных в монастырь, но не вошедших в писцовые книги 1592—1594 гг.

2. Вотчины эти были выявлены путем сопоставления списков грамот, написанных в «дву книгах больших», с писцовыми книгами 1592—1594 гг. и затем внесены во вкладную книгу монастыря.

3. В Копийной книге Троице-Сергиева монастыря 1641 г.⁹ помещено предисловие. Из него явствует, что с 4 июня 1614 г. по 30 марта 1615 г. при архимандрите Дионисии, келаре Авраамии Палицыне, казначее Иосифе Панине в Троице-Сергиевом монастыре была составлена копийная книга.¹⁰ Нет никаких данных о том, что между 1615 г. и 1622—1623 гг. составлялись еще одни копийные книги монастыря, поэтому вполне вероятно, что «две книги большие», упоминаемые в предисловии к сыскной книге 1623 г., являются копийными книгами монастыря 1614—1615 гг.¹¹ и что с ними и сопоставлялись писцовые книги.

⁸ ГБЛ, ф. 303, № 658; далее в тексте сыскная книга 1623 г.

⁹ ГБЛ, ф. 303, № 528

¹⁰ Текст предисловия см. в кн.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 39, прим. 1.

¹¹ Одной из «двух книг больших» могла быть копийная книга 1614—1615 гг., сохранившаяся в составе книги публично-правовых актов 1641 г. (ГБЛ, ф. 303, № 528), см.: Л. И. Ивина. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. — Записки

4. Записи всех земельных вкладов в монастырь, внесенных во вкладную монастыря в целом, имеют ссылки на определенные главы вотчинных книг, также не совпадающие с дошедшими до нас копиями книг. Можно предположить, что эти записи также соотнесены с копиями книг 1614—1615 гг. Следовательно, в 1620-е годы с вотчинными книгами монастыря были сверены не только записи земельных вкладов, вошедшие в дополнительные главы и в дополнения к старым главам, но и записи земельных вкладов вкладной в целом.

Необходимо проанализировать еще два типа дополнений к вкладной.

Во-первых, записи со ссылками на старую кормовую книгу (их во вкладной 10). В науке известна кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1592 г.¹² Записи во вкладной книге с ссылками на кормовую книгу по содержанию полностью с нею совпадают. Среди них ранние вклады в монастырь первой половины XV в., вклады середины XVI в. и вклады келаря монастыря Евстафия Головкина и старца Варсонофия Якимова 80—90-х годов XVI в. Следовательно, составитель вкладной, вписывавший вклады в нее со старой кормовой книги, должен был пользоваться кормовым синодиком не ранее начала 90-х годов XVI в., и время записи во вкладную должно было отстоять от этого периода настолько, чтобы кормовая книга по праву могла называться старой. Едва ли какая-либо работа по вкладным монастыря могла проводиться во время польско-литовской интервенции. Поэтому правомочно предположение, что вкладная книга пополнялась сведениями из старой кормовой книги в те же 20-е годы XVII в.

Во-вторых, записи с ссылками на «Отписные ризные книги [70]83» (1574/75 г.).¹³ В них записаны вклады в монастырь предметов церковного назначения, — тех, которые поступали на хранение ризничему; именно эти предметы и составили уникальную коллекцию произведений древнерусского искусства Троице-Сергиевой лавры.

Анализ записей во вкладную в целом вещевых вкладов выявляет следующие закономерности.

1. До 80-х годов XVI в. во вкладную книгу вклады предметов ризничных, за редчайшим исключением, не заносились (всего 14 вкладов). Многочисленные вещевые вклады этого периода относятся по монастырскому подразделению к рухляди (мужские и женские украшения, шубы и платье, ковры, конская сбруя, сани и т. п.) или к предметам бытового назначения (ковши, блюда, чарки и т. п.), поступавшим в монастырскую казну в ведение казначая и часто сразу переводившимся в денежное исчисление.

2. Записи вкладов предметов ризничного характера до 80-х годов XVI в. даны со ссылкой на отписные ризные книги 1575 г. Они включены в соответствующие главы вслед за датированным и определенным по имени вкладчика вкладом, при этом само построение фразы говорит о записи, данной в дополнение к предыдущей, например: «Государя ж царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси вкладу написано в отписных ризных книгах 83-го году» (далее идет запись вкладов), или «Мария ж дала вкладу (далее идет запись вкладов), писаны в отписных ризных книгах 83-го году».

Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 24, М., 1961, стр. 5—44. Другой — книга с грамотами на владения монастыря, поступившие от частных лиц

¹² Опубликована арх. Леонидом в приложении к «Историческому описанию свято-Троицкие-Сергиевы лавры» А. В. Горского, М., 1879, стр. 35—56.

¹³ Далее в тексте: Отписные ризные книги 1575 г.

Запись во вкладную из ризничных книг выборочная. Принцип отбора не определяется; можно лишь отметить, что вписаны вклады, имеющие материальную ценность (предметы, выполненные с применением золота, серебра, драгоценных камней).

3. Вклады ризничных предметов от 80-х годов XVI в. записаны во вкладную книгу в редакции, характерной для записей других категорий вкладов (земельных, денежных, рухляди), т. е. с указанием даты вклада, имени вкладчика, цели вклада и его описания. Значит, в 80-х годах XVI в. вклады ризничных вещей стали вноситься во вкладную книгу монастыря в том же порядке, что и другие виды вкладов.

Возвращаясь к вопросу о дополнениях во вкладную со ссылками на ризные отписные книги 1575 г., необходимо решить вопрос о времени их внесения. Его предположительно можно отнести к 10—20-м годам XVII в. В пользу такого предположения говорят два обстоятельства. Вклады 80-х годов XVI в.—10-х годов XVII в. записаны во вкладную очень неполно. Так, в нее не внесены поздние вклады Ивана Грозного, ни один из известных вкладов царя Федора Ивановича и др. Только в 20-х годах XVII в. запись вкладов ризничного характера становится полной. Запись вкладов князя Федора Ивановича Хворостинина дает неоспоримые доказательства включения дополнительной вкладной записи со ссылкой на ризничную опись 1575 г. после 1608 г. Под 1603 г. и 1604 г. записаны вклады Хворостинина ризы и бархата, под 1608 г. — 100 руб., а следом знакомая нам форма записи со ссылкой на ризничную опись: «Боярина же князя Федора Ивановича вкладу написано в ризных отписных книгах 83-го году».

К выводу о переработках вкладной книги в 20-х годах XVII в. приводит и анализ отдельных записей I главы. В ней записаны вклады великокняжеские, царские и вклады удельных князей Московского княжества. Запись их ведется в основном в хронологической последовательности, но в записи вкладов от конца XVI до 20-х годов XVII в. наблюдается стремление придать им логическую систематизацию.

Так, вклад царя Бориса Годунова 1603 г. по царице Ирине записан выше более ранних вкладов Годунова, но он связан с угасшим царским родом Рюриковичей. За ним следуют записи летописного характера: о приезде в Троице-Сергиев монастырь 6 января 1583 г. Ивана IV и его тайном молении, об установлении поминаний по царевиче Иване, о времени смерти Ивана IV, царевича Ивана и царя Федора Ивановича.¹⁴

Вклады царя Бориса Годунова предшествуют в порядке записей вкладам Бориса Годунова — боярина. Вклад по Ксении Годуновой 1622 г. завершает вклады Годуновых и предшествует записи более раннего вклада по царе Василии Шуйском.

Вклады Марфы Старицкой также сгруппированы вместе и кончаются вкладом по ней царя Михаила Федоровича 1623 г., вклады же Михаила Федоровича более раннего времени записаны ниже.

Значит, 1622—1623 гг. и здесь выступают как годы, в пределах которых проведена систематизация царских вкладов.

Следовательно, в 1620-е годы, в период настоятельства архимандрита Дионисия Троице-Сергиев монастырь проделал огромную работу по обогащению вкладной монастыря сведениями о росте земельных владений и богатств монастыря за счет добровольных вкладов. В работу был во-

¹⁴ Записи эти, по-видимому, не могли быть составлены ранее 1598 г., но и не позже 1603 г., года смерти Евстафия Головкина — последнего свидетеля тайного покаяния Ивана IV Грозного. Они могли быть внесены во вкладную из неизвестного летописца местного троицкого значения.

влечен большой круг документов монастырского архива: вотчинные книги, старая кормовая книга, описи ризницы.

Содержанию вкладной книги монастырские власти, по-видимому, придавали особое значение, вполне оправданное в свете событий этого времени, времени подготовки правительственных мероприятий по составлению новых писцовых книг и дальнейшему ограничению монастырского землевладения.¹⁵

В этом плане особенно значительно предисловие к вкладной, заканчивающееся полным текстом I части 75-й главы Стоглава 1551 г. Включение в предисловие 75-й главы Стоглава примечательно. Ведь в ней обуславливаются не только обязанности монастырей по отношению к вкладчикам, но и отстаиваются права церкви на землевладение. Не случайно 75-я глава Стоглава в этот же период была включена в копиянные книги монастыря 1614—1615 гг.

На основании вышеизложенного можно сделать такие выводы:

1. Переработка вкладной книги Троице-Сергиева монастыря в 1620-е годы тесно связана с правительственными мероприятиями по составлению новых писцовых книг и дальнейшему ограничению монастырского землевладения. В результате переработок вкладная могла рассматриваться не только как рабочая книга, содержащая материал для установления определенных церковных служб, но и как своеобразный юридический документ, сосредоточивший в себе сведения о монастырских богатствах, подтверждающий и отстаивающий права монастыря на эти богатства.

2. Характер переработок дает основание говорить о новой редакции вкладной книги Троице-Сергиева монастыря в 1620-е годы, дошедшей до нас в списках 1639 г. и 1673 г.

Определение во вкладной напластований XVII в. дает возможность выделить, правда очень условно, вкладную книгу монастыря XVI в. и сделать по ней несколько наблюдений.

Вкладные книги монастыря за XV в. были утрачены;¹⁶ ссылки вкладной, относящиеся к вкладам первой половины XVI в., на книги денежные, рухлядные, платяные говорят о том, что и запись вкладов в монастырь этого времени сохранилась не полностью и составители вкладной должны были обращаться к другим документам монастырского архива. Положения эти позволяют сделать вывод о прямой зависимости составления вкладной книги Троице-Сергиева монастыря в XVI в. от решений Стоглавого собора 1551 г., в 75-й главе которого обуславливаются обязанности монастырей по выявлению вкладов и установлению по ним разного рода поминаний.

Некоторые данные по уточнению года составления вкладной книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. дает анализ записей 1-й главы с вкладами великих князей, царей и удельных князей. Естественно предположение, что составители вкладной вначале записали вклады великокняжеские и царские, затем вклады удельных князей. И действительно, глава начата записью вклада Дмитрия Донского и в хронологической последовательности продолжена до записи вкладов Ивана IV, кончающихся 1571 г. — вкладом по жене Марфе Собакиной. Затем запись царских вкладов прерывается вкладами удельных князей Радонежских, Ста-

¹⁵ С. Б. Веселовский отмечает, что «Описания 20—30-х годов ... должны быть признаны таким крупным предприятием, которое по широте и сложности задач далеко превосходило перепись 154—155 гг. и более уже не повторялось в истории Московского государства» (С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, М., 1916, стр. 231).

¹⁶ См.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 31.

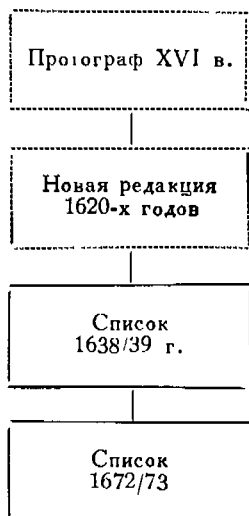

Схема истории текста вкладных книг Троице-Сергиева монастыря.

рицких, Андрея Васильевича Большого Угличского и возвращается опять к поздним вкладам Ивана IV и далее к другим царским вкладам. Отсюда возможно предположение о составлении вкладной книги монастыря в самом конце 60-х и начале 70-х годов XVI в.

Во вкладную монастыря XVI в. записывались вклады: земельные (села, деревни, пустоши); денежные; варницы, колодцы соляные, дворы и дворовые места в городах; платье, рухлядь, лошади. Вклады предметов ризничного обихода, как уже говорилось выше, до 80-х годов XVI в. во вкладную не записывались.

Возможно предположение о каких-то переработках вкладной в 90-х годах XVI в. Выше говорилось о включении во вкладную монастыря вотчин, не вошедших в писцовые книги 1592—1594 гг. Вполне вероятно, что эти вотчины были раньше записаны во вкладную и исключены из нее после составления писцовых книг 90-х годов XVI в.

* * *

Список вкладной книги 1673 г. создавался в иную эпоху, наложившую на него свой отпечаток, нашедший отражение в переработке старого предисловия и в новом предисловии к книге.

Предисловие вкладной 1639 г. подверглось здесь сокращению, из него был исключен текст 75-й главы Стоглава 1551 г. И действительно, вопрос о праве монастырей на приобретение и получение путем вкладов земель был решен не в пользу церкви, надобность в ссылках на решение Стоглавого собора отпала.

Взгляды монастыря на право владения церковью имущественным богатством и на необходимость добровольных пожертвований в монастырь были сформулированы в новом предисловии к вкладной, составленном, по-видимому, в год ее переписки, т. е. в 1673 г. Оно интересно по содержанию и может рассматриваться как оригинальное произведение, достойное самостоятельного анализа.

И. Ф. ГОЛУБЕВ

Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа

Николай Гаврилович Спафарий (Милеску), видный молдавский деятель XVII в., вынужденный по политическим причинам покинуть свою родину, приехал в Россию 28 мая 1671 г. сначала в Смоленск, а затем 3 июня этого же года — в Москву. До приезда в Россию он долго скитался по Европе, был в Польше, Италии и других странах. Спафарий был хорошо образованным человеком для своего времени. Знал греческий, латинский, славянский, итальянский, турецкий и арабский языки. Указом царя Алексея Михайловича Спафарий 14 декабря 1671 г. был назначен в Посольский приказ главным переводчиком с греческого и волошского языков. Вместе с тем он занимался и литературной деятельностью, как составитель и переводчик ряда исторических книг. В 1675 г. Спафарий возглавил посольство в Китай. О своей миссии он составил содержательный отчет и описание всего пути по Сибири, Монголии и Китаю. В России Спафарий прожил до конца своей жизни (ум. в 1708 г.).¹

В Москве ко времени приезда Спафария жили и работали уже заслужившие известность своими литературными трудами и деятельностью в духовной жизни России во второй половине XVII в. Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий и Паисий Лигарид, митрополит газский. Как ученые богословы они были привлечены церковным собором 1664—1666 гг. к участию в обличении взглядов «ревнителей древнего благочестия» и в осуждении патриарха Никона. В этой связи ими были написаны или переведены на русский язык богословские сочинения, получившие одобрение церковного собора. Симеон Полоцкий, кроме того, был уже признанным стихотворцем, автором большого числа виршей на разные случаи и темы.

Из этих деятелей Спафарий еще до приезда в Москву мог встречаться с Паисием Лигаридом в Молдавии и иметь сведения о его связях с Римом, о его участии в католических службах в костелах в Польше, куда Паисий был вынужден уехать из Молдавии, что было известно в церковных сферах Востока. Знали об этом и московские власти от иерусалимского патриарха Досифея, опасавшегося вредного влияния Паисия на дела русской церкви. Спафарий по приезде в Москву сообщил в «распросе» в Посольском приказе неблагоприятные сведения, наводящие тень на Паисия. Но в 1671 г. Паисий Лигарид еще пользовался влиянием в Москве и лишь позднее постепенно лишился доверия царя и церковных властей.

¹ См.: История Молдавии, т. 1. Кишинев, 1951, стр. 250—251.

Из опубликованных документов о Спафарии — *расспросных речей*, челобитных его, указов о нем царя и других материалов, относящихся ко времени как до его службы в Посольском приказе, так и позднее, можно узнать лишь о его встречах с возглавлявшим Посольский приказ А. С. Матвеевым, с которым у него даже установились дружеские отношения.²

О встречах и беседах Спафария с Симеоном Полоцким и Епифанием Славинецким ничего нет ни в документальных материалах, ни в литературных источниках.³ Надо все же предполагать, что приезд Спафария в Москву рано стал известен и Полоцкому, и Епифанию и что они встречались с ним и беседовали. Наше предположение подтверждает публикуемая здесь запись одной встречи и беседы Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием в Москве 12 ноября 1671 г. Запись этой беседы обнаружена нами в рукописном сборнике № 1752, хранящемся в Государственном архиве Калининской области (ГАКО).⁴

Список «Беседы» содержится в рукописи на лл. 233—237, писан скорописью начала XVIII в.⁵ В конце текст «Беседы» несколько пострадал, так как верх и левый верхний край л. 237 оторваны.

Поиски списков «Беседы» по другим рукописным собраниям, как центральным, так и областным, оказались безрезультатными. По-видимому, наш список пока является единственным, и поэтому опубликование его вполне оправдывается.

² См. статьи: П. Сырку. Николай Спафарий до его приезда в Россию. — Записки Вост. отд. Российск. археол. общ., т. III, вып. 3, СПб., 1889; И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. — Сборник Истор.-филол. общ. при Инст. кн. Безбородко в Нежине, т. 1, Киев, 1896, стр. 1—40; Ю. Арсеньев. Новые данные о службе Николая Спафария в России (1671—1708). — УОИДР, 1900, кн. 4, стр. 1—63; История Молдавии, т. 1, стр. 250—252; Д. Урсул. Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску-Спафария. Кишинев, 1955; И. М. Кудрявцев. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). — Книга. Исследования и материалы. Сборник XVIII. М., 1963, стр. 179—244. Приношу глубокую благодарность Н. П. Розову за помощь в подготовке данной статьи.

³ См., например, работы: И. Татарский. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования по истории просвещения и влиятельней церковной жизни во вторую половину XVII в. М., 1886; А. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII—XVIII столетий. СПб., 1889; И. Ротар. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. Киев, 1901; А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). — Ученые записки Московск. гос. заочн. пед. инст., т. 1, 1958; И. П. Еремин. Симеон Полоцкий — поэт и драматург. — В кн.: Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, Подготовка текста, статьи и комментарий И. П. Еремина. (Серия «Литературные памятники»), М.—Л., 1953, стр. 223—260.

⁴ Рукопись сборника в 4-ку, на 284 листах. На л. 240 запись владельца: «Сия книга Луки Митина». Сборник составлен из печатного «Синописа» Иннокентия Гизеля, издания 1674 г., и из тетрадей, писанных полууставом и скорописью разными почерками в конце XVII—первой трети XVIII в., и содержит, кроме указанной записи беседы, следующие статьи: «Александрию» сербской редакции, легендарное «Написание» на камне над гробом царя Константина, впрши Симеона Полоцкого на рождение Петра Первого, переводную «Повесть об астрологе Мустаэддине», «Хождение Трифона Коробейникова» и «Повесть о новгородском белом клобуке», а также «Объявление» о переговорах Емельяна Украинцева о заключении мира с Турцией 30 июля 1700 г. и вышски из газеты «Ведомости» 1701, 1703, 1711 и 1712 гг. Рукопись в целом представляет большую ценность как материал для изучения литературных интересов читателей из демократических слоев XVIII в. Сборник этот не был использован М. Н. Сперанским в его труде «Рукописные сборники XVIII в.» (М., 1963).

⁵ На бумаге с частью филигранны «герба Амстердама», близкий № 59 (1692 г.) у А. А. Гераклитова (Филигранны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963).

Начинается список «Беседы» в рукописи ГАКО № 1752 следующим заглавием, писанным киноварью: «В лето 7180 месяца ноемвриа во 12 день. Беседа преосвященнаго Паисиа Лигаридиа, митрополита газскаго, иеромонаха Епифаниа, иеромонаха Симеона Полоцкаго с Николаем Спатарием».

Встреча и беседа происходили во время трапезы в каком-то доме, куда пришел Спатарий.

Беседа велась на латинском языке. Во время беседы Полоцкий потребовал от Спатария, чтобы последний дал ему ответ на один вопрос «славянским языком, да и прочии знают». На это Спатарий ответил: «Не знаю аз славенски беседовати, глаголи со мною латински» (л. 236). Патриарх Досифей в одном письме в Москву указывал, что Спатарий знает славянский язык, добавляя, что «и русский может скоро выучить», но, очевидно, Спатарий и славянский язык знал недостаточно хорошо, а русского разговорного языка не знал вовсе. Сам Спатарий в письме к А. С. Матвееву из Сибири в 1675 г. сообщал, что пишет по-русски для того, «что хочу учиться языку и письму».⁶

Употребляется в беседе и греческий язык. На нем обменивались замечаниями Спатарий и Паисий Лигарид.

Добавление «да и прочии знают» в приведенном выше требовании Полоцкого указывает, как можно думать, что во время беседы присутствовали, кроме самих беседовавших, и другие лица, может быть, кто-либо из ученых старцев Чудова монастыря и учеников Полоцкого (например, Сильвестр Медведев). Кто-нибудь из них переводил разговор беседующих на славянский язык с помощью Полоцкого и Епифанья и вел запись. А возможно, это делал и сам Полоцкий, судя по одному замечанию в тексте «Беседы» о переводе им на «славянский» язык сделанного Паисием «латински» толкования церковного песнопения (антифона, л. 233 об.).

Основное содержание беседы — рассуждения участников по разным схоластическим богословским вопросам. Но начался разговор не с богословского вопроса, а с замечания Спатария, озябшего от ноябрьского холода и затем согревшегося: «Движение творит теплоту», и подтвердил он это тем, что при «движении» дерево и железо «не точию согреваются, но и огонь изводят». Полоцкий тут же возразил, что не самим «движением», но «сопритрением единого ко другому», что железо и дерево «имут огонь в себе», объяснив это учением о четырех стихиях. Далее Спатарий не мог дать ясный ответ и на вопрос — «како огонь в железе содержится». Заключил разговор об этом Епифаний, объяснив, что огонь в железе содержится «множеством или силою», почему при трении или ударе из железа и может «известися» огонь.

Заслуживает внимания не столько самая суть этого разговора, а то, что уже в начале встречи между участниками ее завязалась полемика. В дальнейшем, при обсуждении богословских вопросов, полемический характер беседы проявился еще отчетливее, беседа превратилась в некое состязание участников, «нечаянное состязание», как определил ее Паисий Лигарид.

Определенной темы, какого-либо плана беседа не имела. Вопросы, затрагивавшиеся в беседе, касались основных догматов христианской религии: троичности божества, двойственной природы Христа, об ангелах и др. И здесь интерес представляют не самые вопросы, а положение

⁶ И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спатария в России, стр 7.

и роль беседующих, впервые, может быть, встретившихся вместе. Сначала Паисий Лигарид, а затем Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий обращались с вопросами к Спафарию. Со своей стороны и Спафарий пытался задавать вопросы; на них отвечал Епифаний, который в беседе выполнял роль авторитетного разъяснителя; заключения его никем не оспаривались.

Положение Николая Спафария было довольно затруднительным. Его образованность была схоластической, но все-таки имела светский характер. Богословие он знал постольку, поскольку в средние века наука и образование были проникнуты богословским содержанием, но специально богословия он не изучал. На это во время беседы указал Паисий, а Спафарий подтвердил это: «Такое есть» (л. 233а). Между тем ему приходилось отвечать на вопросы «присных» богословов, какими были остальные три собеседника. На помощь Спафарию иногда приходил Паисий Лигарид, на что ему заметил Полоцкий: «Вскую, владыко, наставляеши, сам да ответствует» (л. 235).

Цель, какую преследовали Епифаний и Полоцкий в своих казуистических вопросах к Спафарию, была, думается, не в том, чтобы проверить чистоту православия в религиозных верованиях Спафария. Надо предполагать, что им были известны письма, в которых патриарх Досифей рекомендовал царю Спафария как человека с строго православным образом мыслей.⁷ Скорее всего Полоцкий и Епифаний пытались выявить способность Спафария именно к словесному «состязанию», к умению разбираться в логических построениях и с помощью логики опровергать выводы противника. Недаром, когда Спафарий не мог опровергнуть силлогизм Славинецкого в вопросе о триничности божества, Епифаний заявил ему: «Аще ли по образом философским и богословским не веси ответити, не имам тим с тобою глаголати» (л. 233а). То же в сущности произошло и с силлогизмом о «совершенстве» Христа, с которым Полоцкий также обратился к Спафарию (л. 236).

Один из вопросов, адресованных Спафарию, касался догмата католицизма об исхождении святого духа от бога отца и сына. Полоцкий спросил об этом Спафария из желания, как он указал, «како мы, благочестивии, имамы римляном ответовати на сие» (л. 235). Спафарий не мог ответить на этот вопрос, и ему был дан срок, «да добре помыслив, ответ сотворит». Далее, когда речь зашла о латинских терминах в богословии, Спафарий заявил: «Аз греческия слушах богословии, не латинския, того ради не вем терминов латинския богословии». На это Паисий Лигарид неожиданно заметил: «Что глаголеши, господине Николае? Едина есть богословия греком и латином».

Все это, по-видимому, является отражением той борьбы с «латинством», которая в то время волновала московских церковных деятелей, а позднее распространилась и захватила и светских людей. Что касается Паисия, то его реплика, может быть, вызвана была попыткой несколько оправдать себя в своих прежних связях с «латинами».

Беседа названных деятелей представляет непринужденный разговор, сопровождаемый живыми замечаниями, выражающими как мнения, так и эмоции его участников. К тому, что приводилось выше, укажем еще некоторые примеры. На замечание Паисия: «Нечаянное се состязание» Полоцкий ответил: «Яко нечаянное, того ради приятн[ей]шее»; на это отозвался Спафарий: «Оубо смерть нечаянная приятн[ей]шая?» (л. 233а об.). Или спор Полоцкого с Паисием по вопросу о различии

⁷ См: там же, стр. 4.

«разума духовного и письменного», закончившийся следующими репликами: «Газский: „Покажи ми сие в писаниях“. Симеон: „Рад показати“. Газский: „Дажь ми на сем руку“. Симеон рече: „Довлеет и слово“» (л. 234 об.). Далее упоминание Паисия о «великом Аполлоне» и замечание Спафария: «Не вся может человек знати» (235 об.). Замечание Полоцкого на вопрос Спафария об умерших «душах»: «На се не ответую, да не от вопроса единого на другой прескочим» (л. 234 об.). Наконец, просьба Спафария, доведенного до изнеможения вопросами Полоцкого: «Довольно ми есть глаголати, глава ми изнемогает» (л. 236 об.).

Своим содержанием, легендарно-религиозным характером обсуждаемых вопросов, их трактовкой «Беседа» в какой-то степени сближается с произведениями «отреченной» литературы. Церковным властям она должна была казаться даже опасной, могущей породить сомнения у верующих, не искушенных в вопросах религиозной догматики. Поэтому не только распространение, но и чтение «Беседы» верующими вряд ли могло быть одобрено духовными властями, подобно некоторым алокрифическим произведениям. Не потому ли до сих пор не обнаруживается даже в крупных рукописных собраниях ни списков «Беседы», ни ее публикаций в дореволюционных изданиях?

Остается добавить, что «Беседа» замечательна как письменный памятник, вносящий новый, не известный доселе, факт в биографии Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Паисия Лигарида и Николая Спафария — писателей, ученых и общественных деятелей второй половины XVII в. В этом ее и историческое, и историко-литературное значение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЕСЕДА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО, ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО, ПАИСИЯ ЛИГАРИДА С НИКОЛАЕМ СПАФАРИЕМ В МОСКВЕ В 1671 г.*

В лето 7180, месяца поемвриа во 12 день. Беседа преосвященнаго Паисия Лигарида, митрополита газскаго, иеромонаха Епифания, иеромонаха Симеона Полоцкаго с Николаем Спатарием. Сиде:

Пржде трапезы абие вегда прииде Николай в дом беседе и сед во одежде теплей согрися зело, того ради совлекая ю с себе рече: «Движение творит теплоту». Симеон: «Не во всех», — рече. Николай рече: «Се древо и железо движением не точию согревается, но и огонь изводят». Симеон рече: «Не самым движением, но сопритрением единого ко другому. Сия же суть от четырех стихий. Того ради имут огонь в себе». Николай рече: «Вскую железо хладно, аще имать огонь в себе?». Симеон рече отвеща: «Яко в нем стихия хладная преобладает». И приложи Симеон вопросити Николая: «Рцы ми, како огонь в железе содержится?». Отвеща Николай: «Самым делом». Рече Симеон: «Аще самым делом огонь в железе содержится, но нож сей, лежащий на убрусе, сожжет ю». На се неведе Николай, что ответовати. || Исправи же его Епифаний, глаголя: «Не делом огонь есть в железе, ни, но множеством или силою, яко может притрением или ударением из него известися огонь». И престаша

л. 233
об.

* При публикации текста титла раскрыты, выносные буквы включены в строку; буквы Ѧ, ѧ, Ѩ, ѩ, Ѫ, ѫ, Ѭ, ѭ, Ѯ (ижица) заменены соответственно буквами я, и, ф, е, о, и. Пунктуация современная.

о сем беседовати. Во время трапезы преосвященный митрополит даде Николаю на писме еллинским языком антифон гласа третьяго: Плода чревна и прочее, да истолкует латински и славенски. Николай рече, яко сей антифон трудный иматъ разум и мнози о нем трудишася, тщася ж и толковати, но не удоволи вопросившаго. По сем сам митрополит истолкова латински, преведе же на славенский Симеон и разум того антифона сказоваше, но много превшеся о сем, глаголати престаша. Потом отец Епифаний рече Николаю: «Чтем во святом Евангелии, яко три суть свидетелствующи на небеси: Отец, Слово и Дух святой. Отец есть бог, Слово есть бог, Дух святой есть бог. Убо три суть бози». Николай рече: «Три суть лица, а не три бози». Епифаний рече: «Бог отец роди бога сына, инаго от себе, убо инаго бога». Николай: «Роди ино лице, а не инаго бога». Епифаний: «Аще || роди не инаго бога, убо роди инаго бога».^а Николай: «Се есть софисма, но како доводится, яко роди инаго не бога». Епифаний zde от логики положи аксиома, но Николай не хоте^б отвещати, яко не можаше. Паки Епифаний по образу философскому расположи довод свой, но он и тако не може отвещати. Тогда рече Епифаний: «Аще ли по образом философским и богословским не веси отвещати, не имам тим с тобою глаголати». Ту преосвященный митрополит Паисий рече: «Что вы богословски Николая вопрошаете. Прежде вопросити его, егда слуша он богословни». Рече Николай: «Тако есть». Та же Николай начат вопрошати Епифания: «Что есть ангел и кое служение иматъ». Епифаний даде определение и показа род и разствие и рече быти его дело, еже служити богу. Николай: «Дионисий святой пишет, яко четыре вышнии чинове выну предстоят господеву. Апостол же Павел именует вся быста служащие силы, како себе не противни^в». Епифаний: «Вси суть чинове служащи. Едини служат несредственно, вышнии нижних просвещающе служат». И приложи Газский: «Нижнии служат || по чину, вышнии паче чина». К сим не приложи Николай вопрошати. Но Епифаний вопросы его: «Како ангели между собою глаголют, безплотни суще?» Николай рече: «Благодатию божиею». Епифаний: «Что се знаменует, еже глаголеши „благодатию божиею“?» На се Николай не знаеше, что отвещати. Зде Симеон рече: «Аще глаголют благодатию божиею, то всегда глаголют, ибо всегда благодать имут. И ничто же друг от друга иматъ тайно, ибо вси всегда во благодати суть». На то ничто же отвещал Николай. По сих словесех рече Газский: «Нечаянное се состязание». Симеон рече, яко печаянное, того ради приятн[ей]шее.^а Николай рече: «Оубо смерть нечаянная приятн[ей]шая? Глаголем о нечаянных радостных, а не печальных». И престаша о сем глаголати. Потом Симеон вопроси Николая: «Желаю, господине, ведети, како в нынешнем евангелии глаголемое есть истинно вемы, яко во аде несть любовь, но ненависть. Обаче Христос господь рече, яко богатый сый во аде, проси отца Авраама да пошлет Лазаря в дом отца его к пяти братьям увещения ради, во еже бы им не приити на то место мучное. Се во аде сый яви любовь ко братии в мире жившей». Николай даде ответ: «Се несть история, но притча». Симеон: «Аще и притча есть, но иматъ правды образ. К тому || мнози отцы святии историю быти поведуют. Убо даждь ми ответ, яко о истории». [Н]иколай никако же на то хотя ответовати, ибо рече притча се, а не история. Газский рече, яко полма притча, полма история. Симеон: «Зде число пяти братьи ничто до притчи надлежащее являет, яко история, а не притча». Газский рече: «Аще за пяточислие братьи глаголеши

л. 233 а

л. 233 а
об.

л. 234

^а Так в ркп. По-видимому, должно быть инаго не бога, как следует из ответа Николая. ^б Так в ркп. ^в В квадратных скобках восстановленные нами части слов.

не притчу, прости глаголеши, то и пять мужей самаряныне, от Христа реченных, не приточне разумеется». Симеон: «Ей, не приточне, но письменне». Газский рече: «Святини отцы толкуют инии о пятих книгах Моисеевых, инии о пяти чувствах убо притча». Симеон рече: «Отцы святини голкуют разумом духовным, а Христос господь рече прости письменным разумом». || Газский: «Покажи ми сие в писаниих». Симеон: «Рад показати». Газский: «Даждь ми на сем руку». Симеон рече: «Довлеет и слово». Тогда рече Епифаний: «Вскую далече отбиваетея от слова предложенаго. Се хошет Симеон слышати, аще во пристанищи сущим есть заслуга». Рече Симеон: «То ми есть слышати потребно». Возгласи Николай: «Повеждьте ми, еда уже души святых суть на небе и грешных во аде». Отвеща Симеон: «На се не ответую да не от вопроса единого на другой перескочим. Даждь ми ответ на мое вопрошение, и тогда вопрос твой разрешится». Николай рече: «Еще святых души не в небе, ни грешных во аде». Рече Симеон: «Поне о ангелех рцы ми, сущих уже в небе». || Николай рече: «Что ми о ангелех глаголати, хошу о душах». Симеон рече: «Где убо суть души, в пути ли или в пристанищи». Николай рече: «В пристанищи». Симеон рече: «Что есть пристанище?». На то не може Николай отвещати, даже настави его Газский глаголя, яко души суть в пристанищи несовершенном. Симеон рече: «Вскую, владыко, наставляеши, сам да ответствует». По сем престаша о настоящем беседовати. Бывшу молчанию на мале, паки вопросы Симеон Николая: «Желаю научитися, како мы благочестивии имамы римляном ответовати на сие: Того ради сын есть образ отец, яко от отца есть исходит. Оубо того ради и дух святой есть образ отец и сыновен, яко от отца и сына исходит есть». Николай рече: «Кто глаголет духа святаго быти образом отчим и сыновним?». Рече Симеон: «Тако глаголет Василий святой и || инии учителя восточнии». Ту рече Газский: «Истинно се, яко Василий Великий глаголет». Приложи Епифаний, яко и Дамаскин тажде утверждает. Тогда Николай рече: «Неудобный сей вопрос разрешению». Приложи Газский: «Аще разрешиши, будеши ми великий Аполлон». Рече Николай: «Не вся может человек знати». На то Николай: ¹ «Аще если богослов праводерный, то сие должно ти ведети». Паки Николай: «Несть леть единому вся ведети». Ту рече Епифаний: «О велия се трудность, лучше дадим ему, отче, срока да добре помыслив, ответ сотворит». Рече Симеон: «Буди срок, да добре ответует». || По немногим молчании паки Симеон рече: «Хошу, господине Николае, да речеши, како Христос есть совершен человек, понеже лица или ипостаси человеческия не имать». Николай, се услышав, рече: «Како лица не имать человеческа?». Симеон рече: «Едино бо токмо лице бога Слова во Христе господе». Тогда Николай обратися к Газскому, вопросы гречески, едино ли лице во Христе господе. И научи ево Газский, яко едино есть. Он же, Николай, точию рече, яко не мощно бе двома лицами быти. Рече Симеон: «Даждь ответ славенским языком, да и прочии знают». Он рече: «Яко не знаю аз славенски беседовати, глаголи со мною латински». Рече Симеон: «Даждь ми ответ о совершенстве, се тебе силлогисм: [Т]ого ради аз есмь совершенный человек, яко имать естество человеческое и лице, но Христос господь не имать лица человеческого, точию бо естество имать человеческое, убо несть совершен человек». Зде рече Епиф[аний]: «Господине Николае, персоне то же у латин, что суппозы того суббыстенция,² а гречески ипостасис». || Рече Николай: «Аз гре-

¹ Так в ркп. По-видимому, описка Может быть, надо Симеон.

² Так в ркп.

ческий слушах богословии, не латинския, того ради не вем терминов латинския богословии». Рече Газский: «Что глаголеши, господине Николае? Единая есть богословия греком и латином». Рече Николай: «Довольно ми есть глаголати, глава ми изнемогает». И престаши. Но сам абие вспомяну о ангелах: «И то, рече, ведети достоин, яко ангели видими бывають во плоти, како ядят?». Рече Епифаний: «Оустрают себе плоть от аера, а ядят не животне, точию являют ясти». И рече Николай: «Како и Рафаил глаголет: „Кто еси являхся аз вам ядый и пийй, но аз имам“ и прочее». Зде Симеон рече: «А Христос господь, како по воскресении яде с учениками своими, истинно ли или не истинно?». Рече Николай: «Истинно». Симеон паки рече: «Аще истинно яде, то не име телесе прославленнаго и нетленнаго, но тленное, ибо пищею и питием тленная плоть питается, а не нетленная. Аще не истинно, то не бяше уверение истиннаго воскресения». На то Николай ответовати не можаше. || ...^с л. 237 [и]мать дво... приимати, и к stomachу пресы гое еже варитися пици и во кров[ь] ... обращатися. Въ ядении убо Христо[вом] первое токмо бяше, ибо воистину ... приимаше и к stomachу пресылаше; [вто]-рое не бяше во Христе, ибо плоть прославленная не требует пици». Вопросы Симеон: «Како та пища от stomachа Христова обратися?». Ответ даде Епифаний: «Различно глаголют богословцы. Едини, яко Христос господь силою си божественною во ничто же обрати, и инии, яко во стихия обрати».

По сих беседе конец с прощением друг ко другу.

(ГАКО. *Собрание рукописных книг. Ркп. № 1752, нач. XVIII в., лл. 233—237*).

^с Верх и левый верхний край листа отрезаны с утерей двух или трех строчек. Точками отмечены утерянные слова и части слов.

О. А. БЕЛОБРОВА

Чудо 1701 г. с колоколами Троице-Сергиева монастыря

Тема чудес с колоколами — с мотивами таинственного звона или затонувшего колокола — характерна для средневековой литературы. На Руси чудесный звон колоколов находим то в народных сказаниях (об Иване Грозном, о Марии Нагой), то в летописях: например, в Четвертой Новгородской летописи сообщалось, будто бы перед московским завоеванием Новгорода в Хутынском монастыре «корсунские колокола сами о себе зазвониша».¹ В псковских летописях под 1547 г. читается, как в знак неодобрения бесчинствовавшего царя Ивана Грозного «в ты поры на Москве колокол благовестник напрасно отпаде».² Важную роль играет колокольный звон Новгорода Великого в житии Антония Римлянина: «... и услыша преподобный звон велик по граду и стояше во страхе мнозе».³ Пропажа двух небольших колоколов из церкви Сергия в Троице-Сергиевой лавре оказалась темой для целой 35-й главы в «Книге о новоявленных чудесах преподобного Сергия» Симона Азарьина: «О тате, иже колокола покраде и обличен бысть».⁴ Итак, чудо с колоколами — в известной мере традиционный мотив древнерусской литературы.

В ряду поздних чудес Сергия Радонежского, по-своему продолжавших традиции таких агнографов, как Елифаний Премудрый, Пахомий Серб, уже упоминавшийся Симон Азарьин, стоит чудо с колоколами Троице-Сергиева монастыря. Текст чуда сохранился в одном списке начала XVIII в.,⁵ в составе сборника-конволюта (ГПБ, Собрание Петербургской духовной академии, № 432, в 8-ю и 12-ю долю листа, лл. 252 об.—255 об.).

Хотя это чудо неоднократно — в 1880, 1892 и 1912 гг. — пересказывалось в различных изданиях (всякий раз сокращенно),⁶ а в 1894 г.

¹ Е. Барсов. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях. — Древняя и новая Россия, т. II (№ 9). СПб., 1879, стр. 409—411; Четвертая Новгородская летопись. — ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 241.

² Псковская третья летопись. — Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, стр. 232.

³ Цитируется по списку XVII в. из собрания ИРЛИ, р. IV, оп. 6 (собрание Каликина), № 35, л. 182.

⁴ Книга о чудесах пр. Сергия. Творение Симона Азарьина. Сообщил С. Ф. Платонов. — ПДПИ, вып. LXX. СПб., 1888, стр. 77—78.

⁵ Датировка бумаги списка затруднена, так как филигрань видна неполностью из-за малой величины тетрадных листов, в 12-ю долю листа. Прямых аналогий нами не найдено, но некоторое сходство обнаруживается в филигранях конца XVII в. у Каманина (№№ 674, 702 — стилизованный двуглавый орел). Ср.: И. Каманин. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566—1651). Київ, 1923.

⁶ С. Григоров. Непокорные колокола. — Исторический вестник. 1880, № 8, СПб., 1880, стр. 796—797; М. И. Пыляев. Старое житье. СПб., 1892, стр. 309—

было упомянуто составителем описания рукописей Петербургской духовной академии А. Родосским,⁷ все же этот любопытный во многих отношениях сюжет не был учтен ни историками, ни литературоведами.

В начале рассказа сообщается от лица Гавриила тверитина «и з сестрою Ириною», что 27 июня 1701 г., в петров пост, они были в Троице-Сергиевом монастыре и слышали про петровский указ о сборе колоколов («от всево звону четверть») на литье пушек. Далее рассказывается, как троицкие власти старались выполнить указ («указу противны быть не смели») и как этому сопротивлялись сами колокола: старинный колокол, намеченный к отсылке в Москву, исчез; другой, когда хотели его разбить, не поддался и гудел от удара трое суток; еще два колокола, «братевники именуемы», долго не снимались с крючьев, потом сами «пали, стены обламали». Через некоторое время в пруде за монастырем был отыскан потерявшийся колокол. Об этом отправили известие царю Петру, после чего он приходил в монастырь, «плакол, прощения просил у чудотворца Сергия о изволении своем». Отправленные на московский Пушечный двор колокола-«братевники», как оказалось, «в литье пушачного дела не пошли... потому что медь жестка».

После этого рассказа следует запись о том, что в тот же день, 27 июня, когда Гавриил тверитин услышал рассказ о колоколах, была украдена в Троице-Сергиевом монастыре, у гроба преподобного Серапиона, кружка с деньгами. Затем сообщается о московском пожаре, бывшем в Кремле несколько раньше, 19 июня 1701 г., а также о пожаре в Воронеже и Нижнем городе (очевидно, Нижнем Новгороде), однако с долей сомнения и с указанием источника информации: «А подлинно ль или нет, того неведомо, только же люди говорили на площади и плотники слышав сказали».

Историческая основа чуда с колоколами Троице-Сергиевой лавры не вызывает сомнения. Дело в том, что после нарвского поражения 19 ноября 1700 г. по указу Петра I с церковью и монастырем собирали колокольную медь (одну четверть от общего веса колоколов) для литья пушек вместо затонувшей под Нарвой артиллерии.

Поскольку текст петровского указа и его точная дата не сохранились,⁸ обыкновенно ссылаются на косвенные источники. Среди них записи в «Журнале, или Поденной записке... Петра Великого»,⁹ в дневнике Б. И. Куракина,¹⁰ сведения в «Записках» датского посланника Юста Юля.¹¹

Привлекаются при этом и чисто документальные данные о сборе колокольной меди в том или другом городе, монастыре. Примером неукоснительного выполнения петровского указа обычно служат данные по городу Угличу и по Владимирскому Успенскому девичью монастырю, неодно-

310; Н. Оловянишиков. История колоколов и колоколотейное искусство. Изд. 2-е, дополненное, М., 1912, стр. 205—206.

⁷ А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894, стр. 393—395.

⁸ Автор капитального труда по истории Петра I Н. Г. Устрялов (История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 1, Битва под Нарвою и начало побед. СПб., 1863, стр. 70, прим. 9) отмечал: «Когда именно состоялся указ, в архивах не найдено».

⁹ Журнал, или Поденная записка блаженный и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого, с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира, ч. 1. СПб., 1770, стр. 28.

¹⁰ Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная. — Архив князя Ф. А. Куракина, кн. 1, СПб., 1890, стр. 261.

¹¹ Записки Юста Юля, датского посланника при русском дворе (1709—1711). — Русский архив, 1892, № 3, стр. 284.

кратно воспроизводившиеся в печати.¹² Кроме того, иногда называют Печерский Вознесенский монастырь в Нижнем Новгороде.¹³ Нами могут быть добавлены сведения по Вологде,¹⁴ по Кирилло-Белозерскому монастырю и Белозерскому уезду,¹⁵ а также по Москве.¹⁶

Сличение документальных данных по Угличу, Владимиру, Вологде, Кирилло-Белозерскому монастырю показывает, что еще 26 декабря 1700 г. — меньше, чем через 40 дней после нарвского поражения — во Владимире взвешивались и отбирались колокола, причем в Москве на Пушечном дворе в феврале 1701 г. монастырским представителям вернули малый колокол весом в 3 пуда, чтобы не брать свыше четверти от общего веса. Наиболее позднюю дату — 14 июля 1701 г. — имеет расписка-квитанция, данная Кирилло-Белозерскому монастырю на московском Пушечном дворе о взятой «на литье пушек и мортир из колоколов» четвертой части меди в количестве 416 пудов 7,5 фунтов.

Таким образом, сообщение об указе Петра I в рассказе о чуде с колоколами Троице-Сергиева монастыря приобретает важное значение в ряду других, чисто документальных данных из истории Северной войны, хотя ни военные, ни церковные историки до сих пор к этому источнику не обращались. Здесь, кроме указа Петра I, назван ряд исторических реалий: приведена точная дата 27 июня 1701 г., действительно (как подтверждает проверка) приходившаяся на пятницу десятой недели после пасхи; упоминаемый архимандрит монастыря Ларион (Илларион) занимал этот пост с 1701 по 1704 г.;¹⁷ указано количество колоколов в монастыре — 26 (в Описи Троице-Сергиева монастыря 1641—1642 гг. с часовыми колоколами названо 32).¹⁸

¹² Ссылку на эти опубликованные данные находим в кн.: Н. Оловянишников. История колоколов и колоколотейное искусство, стр. 81, 201—204. Ср.: В. Серебряников. Об угличских колоколах, взятых Петром Великим для пушек. — Ярославск. губ. ведомости, 1856 г. № 21, часть неофициальная, стр. 196—197; О взятии колокол с города Углича. — Ярослав. епарх. ведомости, 1867, № 9, часть неофициальная, стр. 79—80; О взятии Петром I с г. Углича меди, четвертой части веса колокол в 1701 г. — Ярослав. епарх. ведомости, 1873, № 13, часть неофициальная, стр. 107—108; Н. П. Захаров. Кремлевские колокола. М., 1969, стр. 12—13. — Историческое описание первоклассного Княгинина Успенского женского монастыря в губернском городе Владимире. М., 1900, стр. 91—93.

¹³ П. Храмуцовский. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, ч. II. Нижний Новгород, 1859, стр. 104.

¹⁴ Н. И. Суворов. О высылке в Москву по указу Петра I от епархиальных церквей четвертой части колокольной меди. — Известия имп. Археол. общ., т. IV, СПб., 1863, стлб. 232—243. Ср. также расписку о приеме колокольной меди от всех вологодских церквей от 28 марта 1701 г.: ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 17 (Леонид. 1543.III. № 98). Эта расписка не опубликована, но названа в изданиях: П. Строев. Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И. Н. Царскому. М., 1848, стр. 812, № 750/98; Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. III. М., 1894, стр. 175, № 1543/98.

¹⁵ Варлаам, архим. Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре. М., 1859, стр. 68, 100, прим. 162; ГПБ (собр. Зинченко), № 1635, 1701 г. марта 13 (Отпись стольника Тимофея Кудрявцева, принявшего на Пушечном дворе «из колоколов четвертую часть» с Белозерских вотчин Воскресенского монастыря в Череповце).

¹⁶ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 2 (Приказ артиллерии), оп. 1, 1710 г. № 48, л. 308—308 об.

¹⁷ См.: Е. Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1892, стр. 139.

¹⁸ Арсений, иером. О Царь Колоколе свято-Троицкой Сергиевской лавры. — Записки Отдел. русск. и славянск. археол. имп. Русск. археол. общ., т. 3, СПб., 1882, стр. 154. Количество колоколов изменялось. Ср. известие конца XVIII в.: «Всех колоколов на колокольне 27, а с часовыми 34» (Павел Пономарев. Краткое историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры с приложением знатных происшествий, случившихся в оной. М., 1796, стр. 29).

Перед нами бесспорный образец жанра «чудес», справедливо считавшегося В. О. Ключевским наиболее ценной частью агиографии.¹⁹

Вместе с тем это как бы запись устного рассказа со ссылкой на Гавриила тверитина «и з сестрою Ириною»; его описание иногда ведется от первого лица: «А весу что в нем (колоколе, — О. Б.), того не знаю». Ясно, что Гавриилу и Ирине рассказали о чуде с колоколами люди, знавшие не только о присылке царского указа, но и о ходе его выполнения, имевшем место задолго до июня, судя по упоминанию перевозки льда с пруда в монастырские погреба, во время которой был найден затонувший колокол. Этот рассказ дополнен записью слухов разного значения: во-первых, о краже церковной кружки с деньгами из Серапионовской палатки и, во-вторых, о пожаре в Московском Кремле с точной датой 19 июня 1701 г.; при этом устная основа записанных известий, бытовавших среди «людей» и «плотников», говоривших «на площади», здесь очевидна. Эту особенность рассказа отметил еще А. Родосский, назвавший его «запиской».²⁰

Нельзя не видеть в этих трех разнородных известиях (о попытках снять колокола, о краже церковной кружки и о московском пожаре) и своеобразной печати летописного жанра. Здесь уместно вспомнить «хозяйственные записи» XVII в., отмечавшиеся А. Н. Насоновым,²¹ или же типично летописные известия, как например о пребывании Петра I в Троице-Сергиевом монастыре в 1682²² и в 1689 г.,²³ во время стрелецких восстаний.

Агиографический характер рассказа проявился в том, что воля чудотворца Сергия оказывается выше царского указа. Она не только избавляет монастырь от потери колоколов, но еще приводит самого царя Петра I за прощением к преподобному. Возможно, конечно, что так, в форме религиозной легенды, выражено особое положение Троице-Сергиева монастыря, с которым считался даже царь Петр I. Примером может служить попытка монастырских властей уклониться от сбора денег на корабельное строение в 1698 г.²⁴ Впрочем, А. В. Горский на основании документов архива монастыря, на которые он, к сожалению, не сослался, сообщал, что Троице-Сергиева лавра внесла в 1698 г. 7000 руб. на корабельное строение²⁵ (в то же время от Углича поступило 86 руб. 31 алтын).²⁶ Доказательством особого положения Троице-Сергиева монастыря в период петровских преобразований А. В. Горский справедливо считал тот факт, что «в 1701 г. не были отписаны у него вотчины, как у прочих».²⁷

¹⁹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 417, 420, 421, 438.

²⁰ А. Родосский. Описание 432 рукописей, стр. 394—395.

²¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — Проблемы источниковедения, IV, М., 1955, стр. 268.

²² Ср. сведения из Летописца 1619—1691 гг.: ПСРЛ, т. 31, М., 1968, стр. 204.

²³ Ср. известие уваровского сборника № 1871 (7), опубликованное дважды: 1) А. В. Горский. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам. 2-е изд., М., 1890, ч. II, Приложения архим. Леонида, стр. 89—90; 2) Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. IV, М., 1894, стр. 210—211.

²⁴ Ср.: Приговор властей и соборных старцев Троице-Сергиева монастыря о невозможности собрать деньги на корабельное строение, 4 апреля 1698 г. (ГБЛ, ф. 303, № 890, л. 1).

²⁵ См.: А. В. Горский. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам. М., 1879, стр. 141—142.

²⁶ См.: Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии, вып. I, М., 1906, стр. 77, прим. 1.

²⁷ А. В. Горский. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры, стр. 144.

Для понимания несколько необычной роли Петра I, которую он получил в чуде с колоколами, выпадающем из круга сказаний о нем как о царе-самозванце или о царе-антихристе,²⁸ необходимо прежде всего ясно представить себе, как в действительности выполнялся истровский указ в Троице-Сергиевом монастыре.

Еще в конце XIX в. А. Ф. Бычковым был опубликован следующий документ — доклад Приказа Артиллерии (тогда еще Пушкарского приказа) в Москве: «В нынешнем 1701 году по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца, велено быть у приему колоколов четвертой части столнику Тимофею Кудрявцову. И февраля в 6 день привезено ис Троицкого Сергиева монастыря большие колокола, пуд по сту и болши; и ис тех колокол один колокол по подписи явился, что он лит в лето 6935-е при благочестивейшем великом князе Василье Васильевиче и при архиепископе Фотии Кисвском и всеа Росии во обители преподобнаго отца Сергия при настоятельстве отца игумена ж Никона. И за таким подписанием и древними леты тот колокол в четвертую часть принимать ли или впредь для памяствия Троицкого Сергиева монастыря властям отдать и вместо того колокола взять у них, властей, в четвертую часть иными колоколами или котелною медью, и о том что великий государь укажет? 1701 г., марта в 10 день, великий государь указал, по имянному своему государеву указу, тот колокол отдать им без зачету, и за тот колокол иной меди колокольной или какой не имать, и всеть им тот колокол в монастыре беречь. И о том к ним послать государеву грамоту, а к Тимофею Кудрявцову память». Публикатор сообщил далее, что на обороте доклада записано: «1701-го, марта в 10 день таково писмо подал столник Тимофей Кудрявцов выписать в доклад тотчас».²⁹ К этому следует добавить запись под 11 марта 1701 г. из «Вседневной книги» 1701—1703 гг., начатой в Пушкарском приказе и продолженной в Приказе Артиллерии: «В Троицкой Сергиев монастырь послана великого государя грамота о колоколе, который великий государь пожаловал велел с Пушечного двора, — привозной их колокол, которой лит при Никоне игумене, — отдать в тот монастырь по-прежнему, из четвертой части выложить. И они б власти, видя к себе великого государя милость, о оковке колес и о точенье трубок показали свое радение со всяким усердием».³⁰

Таким образом, известие чуда об отсылке колоколов из Троице-Сергиева монастыря в Москву в 1701 г. подтверждается документально; по времени оно почти совпадает с передачей колоколов из Владимира и из Белозерских вотчин Воскресенского монастыря в Череповце при том же столнике Тимофее Кудрявцеве. Однако замеченные в Москве данные летописи (надписи) на одном из колоколов, поразившие древностью отливки

²⁸ Ср.: Е. Шмурло. Петр Великий в русской литературе (опыт историко-библиографического обзора). СПб., 1889; В. О. Ключевский. Курс русской истории. ч. 4. — В кн.: В. О. Ключевский, Сочинения в 8 томах, т. IV, М., 1958, стр. 228, 230—233.

²⁹ А. Ф. Бычков. Уважение Петра Великого к памятникам старины 1701 г. — Русская старина, ежемесячное историческое издание М. И. Семевского, т. 73. СПб., 1892, стр. 265—266. Местонахождение этого документа, не указанное публикатором, нам, к сожалению, неизвестно. Весьма вероятно, что этот доклад происходит из архивохранилищ Ленинграда, а не Москвы, так как археографическая деятельность А. Ф. Бычкова была сосредоточена в Петербурге.

³⁰ ГПБ, ф. 38 (Артиллерийский приказ) 5. ст. 7/7 1701—1703 гг., л. 16 (документы этого фонда находятся на временном хранении в ЦГИАЛ). Благодаря А. Н. Михалеву и В. П. Павлову за помощь в розысках названных документов.

и значительностью названных лиц, привели к удивительному исключению: к царскому распоряжению «тот колокол отдать им (монастырским властям, — О. Б.) без зачету. . . и велеть им тот колокол в монастыре беречь. И о том к ним послать государеву грамоту». Запись из «Вседневной книги» имеет существенное дополнение, указывающее, что подобная милость оказывалась монастырю далеко не бескорыстно, а в расчете на ускоренное выполнение данного монастырским колесникам и плотникам военного заказа по изготовлению как транспортных средств для перевозки артиллерийских орудий, так и вспомогательных деревянных частей для гранат, бомб и т. п.³¹ Очевидно, именно эти заказы упоминаются ретроспективно в одном из дел Канцелярии Синода, 1721—1724 гг., в котором неоднократно указывается, что «с прошедшего 700-го году. . . построено для военных походов в Троицком Сергиеве монастыре из монастырского покупного лесу и железа артиллерских всяких деревянных припасов, бомбовых и гранатных трубок, шпиглей и поддонов и картечь шухольных дерев и забойпиков и мартирных и пушечных окованных и некованных колес на 9 тысяч на 208 рублей на 19 алтын. И те припасы в Артиллерию на Пушечной двор приняты».³² В той же «Вседневной книге» под 22 февраля 1701 г. находим запись об отсылке грамоты в Троице-Сергиев монастырь об оковке 50 станов колес и о передаче «образцового колеса».³³

Стало быть, не только колокольной медью, но и изготовлением «артиллерийских припасов» Троице-Сергиев монастырь в действительности принимал участие в Северной войне.

Царское предписание вернуть в монастырь старинный колокол, уже привезенный на московский Пушечный двор, было явлением исключительным. Ничего подобного не произошло ни с какими другими колоколами, насколько позволяют судить известные нам материалы по Вологде, Угличу, Нижнему Новгороду, Владимиру и Кирилло-Белозерскому монастырю.

Как мы могли убедиться, к весне, в марте 1701 г., в Троице-Сергиевом монастыре узнали из царской грамоты, что один из колоколов, связанный с учеником Сергия игуменом Никоном, не пошел в пушечное дело и подлежит возвращению. Весьма вероятно, что это известие распространилось здесь ввиду его исключительности и приобрело в конце концов легендарную форму чуда; этому способствовала и вся дальнейшая судьба колокола, оказавшегося увезенным с Пушечного двора не в Троицкую лавру, а в Троицкий Богоявленский монастырь, т. е. на Троицкое подворье в Московском Кремле. Здесь этот старинный колокол «от пожара повредился. И по его же указу, великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, и при сыне его, благоверном царевиче и великом князе Алексее Петровиче, перелит сей колокол в пречестную обитель Сергию и Никону радонежским. . . в лето. . . 1708 марта месяца 1 день. А весу

³¹ До сих пор об участии троице-сергиевских ремесленников в заготовке палуб, телег, трубок, деревянной картечи и тому подобных военных заказов в период Северной войны было известно не ранее 1705 г. Ср.: Н. Е. Бранденбург. Материалы для истории артиллерийского управления в России. «Приказ артиллерии» (1701—1720 г.). СПб., 1876, стр. 156, 210; Д. П. Струков. Архив русской артиллерии, т. I (1700—1718 гг.). Под ред. Н. Е. Бранденбурга, СПб., 1889, стр. 227, 393—394; Каталог архивных документов по Северной войне 1700—1721 гг. Л., 1959, стр. 154, № 1248.

³² ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 1, № $\frac{449}{506}$, 12 августа 1721 г.—11 ноября 1724 г., л. 6 и сл.

Ср.: Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего Правительствующего синода, т. I (1542—1721). СПб., 1868, столб. 526.

³³ ГПБ, ф. 38 (Артиллерийский приказ), 5. $\frac{\text{ст. 7}}{7}$ 1701—1703 гг., л. 10.

в нем 161 пуд. Лил сей колокол Иван Маторин». ³⁴ Этот колокол 1708 г. получил прозвище Баран; к 1746 г. он был разбит и в конце концов пошел на литье лаврского Царь-колокола. ³⁵

Итак, чудесное и реальное в рассказе о чуде с колоколами неотделимы друг от друга. Кажущееся фантастическим известие об исчезновении старинного колокола, о том, что он избежал обычной судьбы и не был перелит на пушки, подобно другим, имеет, как мы могли убедиться, свои фактические основания. Даже утверждение рассказчика о негодности колоколов-«братевников», «потому что медь жестка», — вполне правдоподобно. Так, например, думный дьяк Приказа Артиллерии Андрей Винуус доносил Петру I, что «одна колокольная медь в пушки не годна». ³⁶ Кроме того, известно, что далеко не все доставленные в Москву колокола пошли на пушки. ³⁷ Значит, не только чудесным, но и самым реальным образом колокола могли уцелеть хотя бы в Москве. Самое название уцелевших троицких колоколов «братевники именуемы», возможно, связано с наименованием, правда, не двух, а четырех колоколов лавры — «четыре брата», о чем сообщается в лаврской книге надписей, составленной иером. Гедсоном в 1875 г. ³⁸

Возникновение чуда о колоколах, очевидно, ведет нас к современным событиям и, по-видимому, к обитателям Троице-Сергиева монастыря. Рассказчик хорошо знал обстановку в монастыре и вокруг него; может быть, он был знаком также и с делопроизводством. Однако круг его интересов неширок: зная об указе, он не связывает его с военными событиями или хотя бы со спешными военными заказами.

Для всего чуда в целом характерна некоторая «приземленность», своего рода бытописание. Так, например, поэтический образ затонувшего колокола значительно снижен его обретенным не просто в пруде за монастырем, а во время колки и перевозки льда для монастырских погребов. Упоминаются рядовые люди: звонарь, человек, ударивший молотом по колоколу, люди, говорившие на площади, плотники. Вернее всего полагать, что чудо происходит из местной демократической среды, достаточно чуткой, чтобы откликнуться на современные события, но располагавшей сравнительно ограниченной информацией.

Возможно, что для характеристики поведения царя Петра I, приходившего будто бы с покаянием в Троице-Сергиев монастырь, образцом по-

³⁴ ГБЛ, ф. 303 (Троице-Сергиева лавра), № 725. Протоколы Учрежденного собора 1750 г., в лист, лл. 645—646 об.

³⁵ Арсений, иером. О Царь колоколе свято-Троицкой Сергиевской лавры, стр. 71, прим. 9 (здесь выборочно цитируются протоколы Учрежденного собора лавры, № 725). Поскольку известия этих протоколов были малодоступными, колокол 1708 г. нередко путали с колоколом, отлитым в 1714 г. Никоновский же колокол 1427 г. нередко смешивали с другим, также ранним никоновским, 1420 г., который сохранялся на месте до конца 1920-х годов. Пример путаницы этих двух колоколов см. в комментарии А. Ф. Бычкова к опубликованному им докладу Артиллерийского приказа 1701 г. (см.: А. Ф. Бычков. Уважение Петра Великого к памятникам старины, стр. 266). Ср. также: А. С. Орлов. Библиография русских надписей. М.—Л., 1936, стр. 117, № ССХ. Здесь приведена надпись на колоколе 1420 г., а колокол 1427 г. вообще не упоминают.

³⁶ Цитируется по кн.: Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 1, стр. 71—72.

³⁷ Н. Оловянинников (История колоколов и колокололитейное искусство, стр. 314—315) сообщал, что в 1730-е годы из множества — до 600 штук — колоколов, лежащих на Пушечном дворе, отбирались «согласные голосами» уже не на пушечное дело, а для концертов колокольной музыки.

³⁸ Леонид, архим. Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881, стр. 82. «Четыре брата» — одновременного происхождения. В тексте чуда «братевники» «мастерства и дела меди в одно время литы».

служил троицкий Синодик, в котором записано, как царь Иван IV Грозный, придя в лавру после убийства сына, «учал... плакати и рыдати».³⁹

Следование той же троицкой традиции можно усмотреть и в желании автора чуда прославить Троице-Сергиев монастырь и его основателя-чудотворца, подчеркнуть особую роль лавры. Рассказчик, которого слышал Гавриил тверитин, убежденно повествует о чуде с колоколами, проявляя при этом знание монастырского быта и толк в степенном изложении как существа царского указа, так и всех событий.

О пребывании Петра I в Троице-Сергиевом монастыре создано было немало легенд, происхождения которых до сих пор не изучено. По одной из них Петр I охотился на уток, целясь с Красной башни, отчего она будто бы и стала называться Уточьей, или Утичьей; по другой Петру приписывалось изготовление костяного яблока под паникадиллом церкви Сергия при Трапезной; долгое время связывалась с Петром I художественная резьба деревянного заалтарного герба — двуглавого орла — для Успенского собора; в более поздние времена даже пытались связывать название Пафнутаева сада у стен монастыря с царем Петром I.⁴⁰ Все это показывает, что подобное мифотворчество о Петре I было широко распространено в Троице-Сергиевом монастыре, и к этой же традиции восходит сообщение о приходе царя Петра в лавру на поклон Сергию в чуде с колоколами.

Итак, чудо с колоколами может быть включено в круг памятников, связанных с Северной войной. Самые ранние свидетельства о связи лавры с событиями этой войны до сих пор приурочивались к 1703 г. (судя по резной надписи на серебряном окладе иконы «Явление Богоматери Сергию Радонежскому» письма Евстафия Головкина, 1588 г., о посылке этого «чудотворного образа» в военный поход в 1703 г.),⁴¹ а самые поздние — лепные медальоны на плафонах Чертогов, работы М. Зимина, — к 1744 г.⁴²

По всей вероятности, чудо было сочинено и записано задолго до блестящей победы русских войск под Полтавой, т. е. действительно в самом начале Северной войны, когда первые неудачи повлекли за собой спешные хлопоты по воссозданию любыми средствами отечественной артиллерии, когда не был ясен еще затяжной характер войны и перспективы ее развития. Сочинение чудес о колоколах, не пожелавших вылиться в пушки, мало вероятно после первых побед русских войск, — под Нарвой в 1704 г. или под Полтавой в 1709 г.

Таким образом, место и время создания чуда уточняются довольно определенно: Троице-Сергиев монастырь (авторская среда — кто-то из рядовых монахов или из ремесленников), 1701 год.

Итак, перед нами типичный образец традиционного жанра «чудес», восходящего к реальным, хотя и трансформированным в литературном изложении событиям. Он отвечает правилам канона: содержит три попытки снять колокола, покаяние повинного царя, прославление чудо-

³⁹ Синодик Троице-Сергиевой лавры 1575 г. в копии 1680 г. (Загорский музей, инв. № 322), л. 3.

⁴⁰ См.: А. В. Горский. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры. стр. 23, 25, 30, 33.

⁴¹ См.: Леонид, архим. Надписи Троицкой Сергиевой лавры, стр. 5. В «Военно-походном журнале» Б. П. Шереметева отправление этой иконы «для моления и в заступление» приурочено еще к 1701 г. Ср.: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, т. I. Под ред. А. Ф. Бычкова, СПб., 1871, табл. 59.

⁴² См.: И. И. Багаева. Скульптурный декор середины XVIII в. в интерьерах Чертогов. — Сообщения Загорск. гос. истор.-худож. музея-заповедника, вып. 3, Загорск. 1960, стр. 130—144, табл. 53—64.

творца — Сергия Радонежского, способного сделать покорным даже Петра I. Рассказ не лишен известной занимательности, определенных литературных достоинств,⁴³ присущих жанру «посмертных чудес», характерных для XVII в.⁴⁴

Однако это чудо, примечательное своими реалиями и имеющее бесспорную историко-культурную ценность (только благодаря ему удастся собрать воедино и сопоставить известия единичных, разрозненных и не вполне ясных указаний исторических источников), оказалось непопулярным. Его литературная история исчерпывается, по крайней мере в настоящее время, лишь одним списком. Возможно, правда, что этот список не первоначальный, а переписанный вскоре после создания рассказа о чуде.

Рассказ о чуде с колоколами свидетельствует о жизненной силе не столько культа Сергия Радонежского, сколько привычного, традиционного литературного жанра, в рамки которого во второй половине XVII—начале XVIII в. облакались самые разнообразные явления, от бытовых, повседневных случаев монастырской жизни до проведения в жизнь царского указа — не последнего в ряду петровских реформ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЧУДО 1701 Г. С КОЛОКОЛАМИ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ

- а. 252
36. 209-го, новой же благодати 1701-го иуниа 27-го Гавриил тверитин и з сестрою Ириною, бывшим нам в Троицком Сергие монастыре о 10-й пятнице и слышали, что иво, великого государя царя Петра Алексеевича, указ был везде з городов, монастырей, на Москве у всех приходских церквей || брать колокола, от всево звону четверть; тую долю меди весу на Пушечной двор на литье пушек, и в том Сергиеве^а монастыре так же. А в монастыре колокол 26 было. И ево, великого государя, указу противны быть не смели, архимандрит и братие колокола с колокольни сымать велели. А вечер некоторой указали снять и которой, и тот колокол был старинной. А весу что в нем, того не знаю, а гласом был глух, а не ярок, а за поздностию не симон. А монастырь ночью кругом запираетца всегда, также и той ночи || был заперът. Наутрея архимандриту звонарь весть удержал о том, что того колокола на колокольне нет и братия не ведают, как он и где делься. И повелел архимандрит везде искать, по кельем у братии и в погребях; и нигде не могли обрести, занеже ему, чудотворцу Сергию, отдать не изволил. И архимандрит Ларион повелел другий снять так же; и весу в нем не ведает; и тот сняли, повелел и разбить и медию свести к Москве. И ударил человек молотом, и от того удара не росшибся. И начал || глас от него быть трои сутки, день и ноц непрестанно. И архимандрит и того не велел вести к Москве. И повелел в третий сымать два колокола, а оне мастерства и дела меди в одно время
- а. 253
96.
- а. 254

⁴³ Об указанных особенностях жанра «чудес» см.: Л. А. Дмитриев. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV в. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1969, стр. 231—232.

⁴⁴ Ср.: Н. С. Демкова, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. Основные направления в беллетристике XVII в. — В кн.: Истоки русской беллетристики, стр. 519, 520, 524.

^а Первоначально было Сергиеве.

литы, братевники именуемы. И их не могли снять никониими делы, понеже архимандрит и братия боясь указа царева (а чудотворцавай воли не было), и те колокала оставили на колокольне. И, смотря они на них, сами колокола с крючья скочили вѣдрус и пали, стены обламали. А тот безвестной колокол обыскался за монастырем в пруде во время || такое: на л. 254 об. монастырь в погреб лед возили, тагда видить того колокола уши были; потом ево от воды того пруда взяли. И о том ведомость ему, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя России самодержцу, учинили именно. И великий государь в монастырь приходил, плакол, прощения просил у чудотворца Сергия о изволнении своем, а те привезены колокола два братеника к Москве, и в литье пушачного дела не пошли и не испорчены, потому что медь л. 255 жестка и в дело не гожа. И донныне стоят на Пушечном дворе целы, как и были. Да тое же десятыя пятницы у гроба преподобнаго Сиропиона, — а почивает тут же в Троицком монастыре, — крушку з деньгами унесли неведомо кто.⁶ ||

209-го, новой благодати 1701-го году иуня в 19 день в четверток л. 255 об. о 10-м часу дня в петров пост на Москве выгорел Кремль город, а за Москвою Воронеж и Нижней город, а подлинно ль или нет, того неведомо, только же люди говорили на площади и плотники слышав сказали.

(ГПБ, СПб. ДА № 432, лл. 252 об.—255 об.).

⁶ Текст кончается на середине листа.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

В. И. МАЛЫШЕВ

Сочинения протопопа Аввакума в собрании Пушкинского дома АН СССР

Настоящий обзор рукописей сочинений Аввакума, хранящихся в Пушкинском доме АН СССР, является дополнением к двум обзорам на данную тему, ранее опубликованным в «Трудах Отдела древнерусской литературы»,¹ и включает материалы, поступившие после 1967 г.

За истекшее время собрание древнерусских рукописей пополнилось семью рукописными книгами XVII—XIX вв. с произведениями Аввакума. Две были привезены с Печоры, одна найдена в Красноборском районе Архангельской области, две доставлены В. В. Лукьяновым из Ярославля и одна обнаружена в деревне Войново, на Двине. Седьмая рукопись, сборник XVII в., состоящий из автографов протопопа Аввакума и инок Епифания, подарена Институту И. Н. Заволоко, ученым из Риги, нашедшим его несколько лет назад в Москве.

Важнейшим приобретением, подлинным событием в жизни хранилища, является, конечно, получение этого сборника автографов Аввакума и Епифания, написанного в Пустозерске. Уникальная находка сразу же значительно подняла ценность хранящихся в Пушкинском доме рукописей с сочинениями Аввакума. Теперь Пушкинскому дому принадлежит и единственный известный рисунок Аввакума, находящийся в этом сборнике. На нем изображены главные враги старообрядчества и их изображения сопровождаются бранными надписями. Учитывая большой вклад, сделанный этой находкой И. Н. Заволоко в изучение Аввакума, и его благородный поступок (бескорыстный дар рукописи в хранилище), Институт принял решение именовать впредь эту рукопись Пустозерским сборником И. Н. Заволоко. Сборник изучен Н. С. Демковой.²

Вновь поступившие произведения Аввакума не только увеличили количество списков ранее имевшихся в Пушкинском доме его писаний, но и дополнили их другими его сочинениями, прежде здесь не встречавшимися. Так, прибавилась еще одна редакция Жития (В), сочинение «о божестве и о твари», четыре небольших отрывка из челобитной царю Федору Алексеевичу и небольшой фрагмент из какого-то неизвестного произведе-

¹ В. И. Малышев. 1) Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 581—590; 2) Сочинения протопопа Аввакума в собрании Пушкинского дома АН СССР. — ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 321—327.

² Н. С. Демкова: 1) Уникальный автограф Жития Аввакума. — Вопросы языкознания, 1969, № 1, стр. 127—130; 2) Житие протопопа Аввакума (творческая история текста). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1969, стр. 6. — Рисунок воспроизведен и описан в статье В. И. Малышева: Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома — Русская литература, 1969, № 2, стр. 123.

ния эсхатологического характера. Опубликовано недавно Н. С. Демковой по рукописи Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина неизвестное сочинение Аввакума об антихристе представлено теперь и в Пушкинском доме небольшим отрывком.³ В отдельном виде, как самостоятельное произведение, и притом в автографе, имеется и знаменитое высказывание Аввакума о русском языке, известное до этого только в составе редакции Жития (В), как вводная часть к нему. Пополнилось также число сочинений, приписываемых Аввакуму. Поступило известное и до этого в нескольких списках позднее старообрядческое произведение (не ранее XVIII в.) об отпадении греков от православия. Оно имеет заглавие «Беседа скитская» и в рукописи приписано авторству Аввакума.

Кроме перечисленных выше произведений, в собрании Пушкинского дома теперь имеются еще следующие сочинения Аввакума: Житие в редакциях А и Б, Книга бесед, Книга толкований и нравоучений, сказание о богородице, записка о второй пустозерской казни, первая и пятая челобитные царю Алексею Михайловичу, послание Андрею Плещееву, письмо царевне Ирине Михайловне Романовой, отрывки из послания сибирской «братии» и из неизвестных его писаний, а также три приписанных ему в рукописях небольших отрывка (из Пчелы, сочинения Лазаря и т. д.).

Все описанные в этом обзоре рукописи ИРЛИ были найдены (как и все почти другие списки сочинений Аввакума) в ссмах старообрядцев. Это лишний раз указывает на то, где, кроме государственных хранилищ, следует в первую очередь производить поиски. Специалисты по Аввакуму должны обратить самое серьезное внимание на этот немаловажный источник пополнения наших сведений об Аввакуме и постараться возможно скорее обследовать его до конца, учитывая его особые условия и недолговечность. Игнорирование его может привести к гибели на наших глазах многих ценных материалов по Аввакуму.

Пожелание нашим архивохранилищам — привести быстрее в известность все имеющиеся у них материалы, связанные с Аввакумом. Это значительно облегчит работу исследователям его жизни и творчества и окажет большую помощь при издании его полного собрания сочинений, необходимость в котором ощущается давно.

В настоящем обзоре, при передаче заглавий и начальных строк произведений Аввакума, автор придерживался правил, принятых в ТОДРА, а при описании и расположении материала следовал за предыдущими обзорами.

Житие

Заглавие: «Поучение преподобного отца нашего аввы Дорофея о любви». Начало: «Подшитесь соединитися друг другу, елико бо соединяется кто искреннему, толико соединяется богови». По классификации Я. Л. Барскова относится к редакции В Пустозерский сборник И. Г. Заволоко, XVII в. (70-е годы), в 8-ку, 192 л., полуустав и скоропись, весь написанный рукой Аввакума и Епифания. На л. 1 простенькая заставка (красные и черные чернила), сделанная рукой Аввакума, им же парисована здесь и простенькая заглавная буква «П». На л. 2 рисунок Аввакума, изображающий пять святых и пять самых главных врагов старообрядчества (Никона, Павла Крутицкого, Илариона Рязанского, Паисия Александрийского и Макария Антиохийского). На л. 164 простенькая заставка-рамка, на обороте этого листа изображение голгофского креста, обрамленное в такую же рамку. Оба рисунка принадлежат, по-видимому, Епифанию. Начальные буквы некоторых разделов сочинений киноарные. Переплет — доски, покрытые оленьей замшей, одна застежка из латуни; от другой осталась только ремешок. Имеется тонкий кожаный ремешок — закладка. Подробнее о сборнике и рисунке см. в указанных выше статьях Н. С. Демковой и В. И. Малышева.

Отдельные поступления, оп. 24, № 43, лл. 1—115 об. Автограф.

³ Н. С. Демкова. Неизвестные и незаданные тексты из сочинений протопопа Аввакума. — ТОДРА, т. XXI, Л., 1965, стр. 230—233.

Рассуждение о русском языке

Без заглавия. Начало: «По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною протопопа Аввакума». См.: РИБ, т. XXXIX, л., 1927, стлб. 151. Отличий почти нет. — Пустозерский сборник И. Н. Заволоко, XVII в. (70-е годы).

Одесские поступления, оп. 24 № 43, лл. 162 об.—163. Автограф

Книга бесед

Заглавие: «Послание протопопа Аввакума». Начало: «Беседа человека грешна, человека безобразна и безславна». Вступление к «Книге бесед» и первая беседа без конца. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 241—252. Особых отличий нет. Сборник, XVIII в. (конец), в 8-ку, 164 л., поморский и печорский полууставы, переплет — доски, покрытые кожей, с двумя медными застежками. Содержание: отрывок из письма инока Авраамия боярине Морозовой, выписки из Книги бесед протопопа Аввакума, Мефодия Патарского «О последнем времени», челобитная (пятая) Аввакума царю Алексею Михайловичу, Житие Корнилия Выговского (пахомьевская редакция) с добавлением рассказов о Пиконе (Дмитрия волжанина, старца Кирика и ученика патриарха Адриана и др.) и повесть дьякона Федора о протопопе Аввакуме, Епифании и Лазаре (переписана И. С. Мяндиным). Рукопись из деревни Гаревы, от И. Ф. Дуркина.

Усть-Цимемск. новое собр., № 193, лл. 11—22.

Сочинение «О божестве и о твари»

Без заглавия. Начало: «Иоан. зач. 32, Евангелие: Речь господь ко пришедшим к нему иудеям». См.: РИБ, т. XXXIX, л., 1927, стлб. 651—684. Имеются небольшие отличия. Пустозерский сборник И. Н. Заволоко, XVII в. (70-е годы).

Одесские поступления, оп. 24: № 43, лл. 130 об.—162 об. Автограф.

Сочинение об антихристе

Заглавие: «Свищенный Аввакум». Начало: «Антихрист родится от жи довства, от колена Данова». Конец: «Идеже походиша нози господа и бога и спаса нашего Иуса Христа». Отрывок из сочинения об антихристе. См.: Н. С. Демкова. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 230. Ср. также: Книга толкований и нравочений. РИБ, т. XXXIX, л., 1927, стлб. 460. «Алексея Андреевича Каретника всепокорнейшее прошение» (рассматриваются мнения об Илье и Енохе), XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 16 л., скоропись, без обложки. Рукопись из д. Изосимово, от М. И. Шестаковой.

Красноборск. собр., № 80, л. 12.

Челобитная (пятая) царю Алексею Михайловичу

1. Заглавие: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 году ис Пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, многожды писахом тебе прежде и молихом тя, да примиришися богу». Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 757—766. Сходный список. Сборник старообрядческий (сочинения дьякона Федора, инока Авраамия, Житие Корнилия и др.), XVIII в. (конец), в 8-ку, 164 л., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей, с 2-мя медными застежками.

Усть-Цимемск. новое собр., № 193, лл. 24 об.—45.

2. Заглавие: «Такожде страдалческих подвигов крестоносцев священнопротопоп Аввакум в письме своем, посланном лета 7178 к государю царю Алексею Михайловичу ис Пустозерска пишет сице». Начало: «Что есть ересь наша или кий раскол внесохом в церковь». Конец: «Пощади нас сын божий от такового нечестия и впреть». Отрывок из пятой челобитной царю Алексею Михайловичу. Ср.: РИБ, т. XXXIX, л., 1927, стлб. 757—758. Сборная рукопись XVIII в. (конец 80-х годов) — XIX в. (начало), в 4-ку, 23 л., полуустав двух почерков, переплет картонный. Содержит соборное постановление выговцев о священстве, церковном устройении и др. (лл. 1—11 об.) и послание дьякона Федора об антихристовой прелести (лл. 12—23 об.). Рукопись из деревни Войново, от П. Д. Меньшиковой.

Северодвинск. собр., № 15, лл. 5 об.—6.

Челобитная царю Федору Алексеичу

Заглавие: «Послание к царю Федору Алексеевичу, писатель той же Аввакум»
Начало: «Благословление тебе от всемогущия державы и от меня грешнаго Аввакума протопопа». 4 небольших отрывка из челобитной Аввакума царю Федору Алексеичу с кратким комментарием переписчика. Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 767—770 Сборник, XIX в. (3-я четверть), в 8-ку, 49 лл., полуустав, переплет картонный, с матерчатым корешком. **Содержание:** Вопросы и ответы, повести о Данииле Костромском, Логгии Муромском, о нововведениях Никоновых, выписки из разных книг в защиту старообрядчества. Получен от В. В. Лукьянова (Ярославль).

Отдельные поступления, оп. 24, № 50, лл. 40—41.

Послание сибирской «братии» (?)

Заглавие: «Священный протопоп Аввакум». **Начало:** «Верую Енох преставлен бысть». **Конец:** «И лежав мертвы 3 дни и пол, оживут паки и въздыдут на небеса (в поучении ко благоверным)». **Отрывок.** Ср. близкий текст из послания сибирской «братии». РИБ, т. XXXIX, л., 1927, стлб. 874—875. «Алексея Андреевича Каретника всепокорнейшее прошение», XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 16 лл., скоропись, без обложки.

Красноборск. собр., № 80, л. 5 об.

Послание боярину Андрею Плещееву

Заглавие: «Против же сего многокозненнаго и прелестнаго послания Аввакум протопоп восписует, лсти и хулы исполненныя уста заграждает и посрамляет и яко острием меча посекает вслукаваго языка. С писатель же сему авва Спиридон Потемкин. Слово 5-е». **Начало:** «Правду рекл еси, вспомняв дружество, еже по Христе, яко полезно есть». Ср.: РИБ, т. XXXIX, стлб. 879—886. Разночтения незначительные. Сочинения Спиридона Потемкина и его житие, XVIII в. (3-я четверть), в 4-ку, 218 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна медная застежка. Рукопись из Ярославля от В. В. Лукьянова.

Отдельные поступления, оп. 23, № 151, лл. 76 об.—83.

Отрывок из неизвестного произведения

Заглавие: «Священный Аввакум страдалец». **Начало:** «Полчетверта покажут, при самом последнем антихрист будет». **Конец:** «Яко же мы от предотеца его ныне». **Отрывок.** «Алексея Андреевича Каретника всепокорнейшее прошение», XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 16 лл., скоропись, без обложки.

Красноборск. собр., № 80, л. 8 об.

Сочинение, приписываемое Аввакуму

Без заглавия. **Начало:** «Вопрос. Когда цареградцы-греки отступили от истинныя веры... ответ на сие протопопа Аввакума прсмудраго». Два вопроса и ответы на них протопопа Аввакума (второй вопрос о поведении епископа «Увелиана» на восьмом вселенском соборе). Рукопись XIX в. (последняя треть), в 8-ку, 29 лл., полуустав, в бумажной обложке. Перед вопросами и ответами Аввакума «Беседа скитская», восхваляющая старообрядчество. Рукопись из д. Степановская (Пижма).

Усть-Цилемск. новое собр. № 211, лл. 22—26 об.

Помимо произведений Аввакума, в собрание за это время поступили три списка XVIII—XIX вв. повести дьякона Федора об Аввакуме, Лазаре и Епифании: Пинежск. собр., № 345, лл. 182—190; собр. П. С. Богословского, № 43, лл. 87 об.—94; Усть-Цилемск. новое собр., № 193, лл. 145—164. В «Вопросах и ответах» — старообрядческом сочинении, возможно 70-х годов XVII в. (Пинежск. собр., № 352, л. 27, рукопись XX в.), — Аввакум упоминается как «новопострадавший» и кровь свою «пролиявший за новины же нововнесенныя от Никона в Пустозерски».

В. П. ГРЕБЕНЮК, М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Отчет об археографической экспедиции на поморский берег Белого моря в июле 1969 г.

В июле 1969 г. Сектор древнерусской литературы Пушкинского дома и группа по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького командировали нас в Карельскую АССР и Архангельскую область с целью археографических разысканий.¹ Мы обследовали Беломорский и Кемский районы Карелии и часть Онежского района Архангельской области. Наше внимание привлекал в основном Поморский берег Белого моря. В этих местах не раз уже бывали археографические экспедиции Пушкинского дома и Библиотеки Академии наук.² Кроме того, Петрозаводский педагогический институт посылал в Поморье диалектологические и фольклорные экспедиции. Параллельно с нами по тому же маршруту работала этнографическая экспедиция Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Таким образом, районы, в которые мы отправились, представлялись нам уже в достаточной мере изученными, и на неожиданные результаты мы не рассчитывали. Свою экспедицию мы рассматривали как один из завершающих этапов обследования этого края. Так как сведения об истории Поморского берега даны в отчете Л. А. Дмитриева и А. И. Копанева, мы не останавливаемся на этом.

Приехав в г. Беломорск, мы сразу же разделились на две группы: одна из них должна была пройти путь от села Малошуйки до села Нюхча, другая — от Нюхчи до Беломорска. Первые дни работы нас разочаровали. Неподдалеку от деревень проходит железнодорожная ветка Мурманск—Вологда, многие жители связаны работой с Беломорско-Балтийским каналом, и проезжих людей в этих местах бывает очень много.

У нас были сведения о том, что в удаленном от дорог селе Унежме и в селе Малошуйке, в церкви Сретения нач. XVIII в. должны сохраняться книги. Но там мы ничего не нашли. Сретенская церковь превращена в зернохранилище, и все иконы и книги оттуда давно вывезены. В Унежме сохранилось до настоящего времени всего около 30 жилых домов, но рукописей и старопечатных книг у жителей нет. Следующим пунктом нашего маршрута было село Кушерка. Из Малошуйки туда ведет живописная дорога расстоянием в 18 км. Кушерка — небольшое помор-

¹ В экспедиции также принимали участие студенты ЛГУ Е. Друкарев, Т. Милевская, Л. Матвеева, Е. Пиотровская и аспиранты И. Баланина и Т. Рождественская.

² См.: Л. А. Дмитриев, А. И. Копанев. 1) Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 531—544; 2) Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 412—419.

ское село с тремя «концами», расположенное на островах, в 5 км от берега моря. В Кушерске мы провели 4 дня, и за это время были сделаны основные наши приобретения. Это — в большинстве случаев рукописи богослужебного содержания и сравнительно поздние.

Самой ценной находкой явилась служебная Минея (конца XV—начала XVI в.). Ее мы получили от Вячеслава Мельникова, школьника из Мурманска, приехавшего в Кушерку на каникулы. По его словам, он нашел рукопись в заколоченном доме своего умершего деда.

Кроме Минеи, Мельников передал нам 2 сборника (XVII—XVIII вв. и XX в.).

Несколько рукописей мы приобрели у Авдотьи Прокопьевны Поповой. Это Псалтырь с добавлением, 1804 г., Стихиры богородичны XVI в., Сборник XVIII в., писанный поморским полууставом, Сборная рукопись покаянных, уставных и канонических статей XVIII в. и др.

Все эти рукописи хранились у людей грамотных, но «славянских» книг уже давно не читающих. Из старообрядцев нам довелось встретиться только с Анастасией Яковлевной Ефремовой, принадлежащей к федосеевскому согласию. От нее мы получили рукописное Евангелие XIX в., написанное соловецким монахом Антонием. Анастасия Яковлевна рассказала нам, что в «старую веру» перешла сравнительно недавно, после смерти мужа, тоже федосеевца. Она — единственная представительница старообрядчества в д. Кушерка. Остальные жители Кушерки, а также Унежмы и Малошуйки старообрядцами считают вообще старых людей, умеющих читать «по-славянски».

Из Кушерки мы отправились в Нюхчу. Это очень большое село, расположенное в непосредственной близости от железной дороги. Нам было известно, что в Нюхче существует секта «скрытников». Об одном из членов этой секты, Павле Ивановне Шамалусовой, писали Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев в упомянутой выше статье 1959 г.

Павла Ивановна отнеслась к нам настороженно, однако все-таки отдала две рукописи: одну конца XVIII—нач. XIX в., другую — конца XIX в. Она сказала нам, что у нее, кроме этих, есть еще рукописи, доставшиеся ей от умершего наставника старообрядцев, но показать эти рукописи Павла Ивановна не захотела. Кроме того, много рукописей, по ее словам, увезено из Нюхчи в гор. Каргополь.

В Нюхче мы встретились с Градиславой Васильевной Полузеровой, передавшей нам «Стих печального инока», написанный ею самой. До сих пор Градислава Васильевна переписывает книги, и она подарила нам выполненную при нас заставку. Заставка эта представляет определенный интерес для изучения современной рукописной традиции на Поморском берегу.

Кроме основного маршрута, мы обследовали сам Беломорск и деревни под Беломорском — Сосновец, Шижня, Выг-Остров. Сосновец оказался совсем новым поселком, возникшим в 1946 г. До этого времени на месте Сосновца не было никаких поселений, и местных старожилов в Сосновце нет. В д. Шижня, наполовину ушедшей под воду, так как в непосредственной близости от нее пролег ров Беломорско-Балтийского канала, мы познакомились с местной жительницей Ангелиной Федоровной. У нее имеется несколько богослужебных книг новой печати и одна рукопись, которую она позволила нам только смотреть и читать, но не отдала. Это Триодь Цветная, середины XVIII в. У Ангелины Федоровны в 1965 г. побывали участники археографической экспедиции Библиотеки Академии наук, которым она передала имевшиеся у нее рукописи. Основное население в д. Шижня — карелы, и русских книг у них нет.

В Выг-Острове мы побывали у Павла Ивановича Матросова, владельца двух печатных книг — Минеи 1788 г. и Октоиха начала XVII в. Эти книги Павел Иванович не захотел нам отдать, сославшись на то, что иногда сам их читает. До начала 60-х годов в Выг-Острове, по словам местных жителей, функционировала старообрядческая молельня. Потом ее закрыли, а основных посетителей молельни сейчас уже нет в живых. Куда делись книги, которых, по словам Якова Романовича Белого, было много, — никто не знает.

Во многих деревнях и от разных людей мы слышали советы пойти в Беломорске к Таисии Ивановне Камбалиной. Таисия Ивановна живет вдвоем с сестрой в сравнительно новом доме. Но, как она нам сказала, все вещи из родительского дома были ею перевезены в новый. Таисия Ивановна лишь показала нам, но не отдала рукопись нач. XVIII в. — Служебник, содержащий в себе тропари, молитвы, кондаки. У Таисии Ивановны Камбалиной, вероятно, есть еще рукописи. Об этом нам рассказывали многие местные жители Беломорска, в том числе и Ольга Григорьевна Редкина, учившая когда-то Таисию Ивановну читать славянские тексты и передавшая нам несколько рукописных листков со «Сном богородицы» и «Чином погребения». От Ольги Григорьевны мы узнали, что Таисия Ивановна Камбалина до сих пор читает над умершими и пользуется очень большим уважением среди грамотных стариков Беломорска.

В Беломорске мы получили еще одну рукопись — богослужебный сборник XIX в., на 94 лл. Ее подарила нам местная жительница Екатерина Сахарова. Кроме этой рукописи, Сахарова показала печатный сборник тропарей и кондаков на великую субботу и послепасхальных. Бумага, на которой напечатан сборник, судя по водяным знакам, относится к концу XVII—нач. XVIII в. Книгу эту Сахарова не отдала.

Вторая наша группа обследовала деревни от Нюхчи до Беломорска. Основным центром работы в этом районе было старинное и большое село Сумский Посад (Сумпосад), раскинувшееся по берегам порожистой реки Сумы, впадающей в Белое море. На первый взгляд нам показалось, что вряд ли обследования этой деревни принесут удачи, так как здесь уже были археографы и место это довольно часто посещается. Но именно в Сумпосаде нам удалось получить 10 старопечатных и 4 рукописные книги (поздние, XIX—XX вв.). Все это хранилось у местной жительницы Татьяны Васильевны Евтюковой, у которой, кстати, имеется хорошее собрание икон. Т. В. Евтюкова рукописи и книги получила частью от матери, а частью от Варвары Лукиничны Дуровой, жившей неподалеку от Сумпосада, в Пертозерском скиту. Сейчас, когда старообрядчество на Поморском берегу прекращает свое существование, рукописные и старопечатные книги из опустевших и покинутых скитов стекаются в большие села.

Именно здесь, у богомольных старух, следует искать остатки старопечатных и рукописных книг. Обследование Сумпосада показало, что в настоящее время рукописей там, вероятно, уже нет. Кроме Сумпосада, были обследованы деревни, расположенные в районе Сумозера, — Ендугуба и Ворейжа. В этих местах, связанных с «Осударевой дорогой» и путем богомольцев в Соловки, рукописей не оказалось.

В деревне Сухое был приобретен «Канон по усопшим», XIX в.

Из деревень, находящихся непосредственно на берегу Белого моря, были обследованы две — Юково и Колежма. В Юкове, сравнительно старой деревне, — много переселенцев, старообрядчества не было, нет и книг Колежма же известна и диалектологам, и фольклористам, и археографам. Это старинное поморское село, в котором живут несколько потомков ста-

рообрядцев. Там, от Зинаиды Кирилловны Синецкой, мы получили два слова (толкования) заповедей господних XVII в. и несколько старопечатных книг.

В находящемся по железнодорожной линии Мурманск—Вологда селе Шуерецком рукописей найти не удалось, хотя в прошлом рукописи тут встречались. Все же мы считаем, что обследование этого района было необходимым, так как старопечатные книги, привезенные оттуда, имеют определенную ценность. Книг оказалось около 20. Все они переданы по договоренности в Научную библиотеку имени А. М. Горького ЛГУ. Наиболее ценные приобретения — Лимонарь 1628 г. и несколько редких московских изданий начала XVII в.

В заключение хочется сказать, что задачу, которую ставила перед собой экспедиция, — подвести итоги археографического обследования Поморского берега Белого моря, — можно считать выполненной.

Дальнейшие археографические поиски в этих местах малоперспективны.

**Список рукописных книг, собранных археографической экспедицией
в Беломорском и Кемском районах Карельской АССР
и Онежском районе Архангельской области**

1 (488).³ **Миния служебная (сентябрь)**, конец XV—начало XVI в., в 4-ку, 234 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей, с двумя медными застежками.

Из л. Кушерека.

2 (489). **Стихиры богородичны**, XVI в., в 4-ку, 146 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей.

От Поповой Авдотьи Прокопьевны (д. Кушерека).

3 (490). **Канон Зосиме и Саватию Соловецким**, XVII в. (середина), в лист, 7 лл., полуустав, без переплета.

От Синецкой Зинаиды Кирилловны (д. Колежма).

4 (491). **Два слова (толкования) заповедей господних**, XVII в. (середина), в лист, 10 лл., полуустав, без переплета.

От Синецкой Зинаиды Кирилловны (д. Колежма).

5 (492). **Сборная рукопись**, XVII в., в 8-ку, 219 лл., полуустав и скоропись двух почерков, переплет не сохранился. Владельческие записи кандалакшских крестьян Григория Петровича и Федора Грудцыных, XIX в. **Содержание**: Статьи из «Требника», чудеса Варлаама Керетского (4 чуда).

От Шаркунова Виктора Валентиновича (д. Кушерека).

6 (493). **Сборная рукопись**, XVII—XVIII вв., в 4-ку, 70 лл., полуустав и скоропись (несколько почерков), переплет бумажный с кожаным корешком. Владельческие записи: Алексея Побежаева, кандалакшского крестьянина, XVIII в.; Федора Ивановича Попова (д. Кушерека), XIX в. **Содержание**: 1) «Синодик» XVII в. (вселенский и русский), с заставками и инициалами (краски и золото). В конце «Синодика» «Притчи Варлаама о печали житейской» и другие синодичные дополнения. 2) «Апология» (печатная), Могилев, 1716 г. 3) Слова и поучения из «Пролога», «Старчества» и «Патерика». Рукопись XVIII в. (конец), скоропись.

От Мельникова Вячеслава Владимировича (д. Кушерека).

7 (494). **Псалтырь (отрывок)**, XVIII в. (середина), в 4-ку, 18 лл., полуустав, заставки и миниатюра, изображающая царя Давида (перо и чернила), переплет не сохранился.

От Олегиной Анны Михайловны (д. Кушерека)

8 (495). **Сборник богослужебный**, XVIII в. (последняя четверть), в 8-ку, 216 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей. Владельческие записи кандалакшан Григория, Дмитрия и Петра Грудцыных, XVIII—XIX вв. **Содержание**: молитвы, полунощница, апокрифическая молитва архангелу Михаилу и т. д.

От Ефремова Владимира Михайловича (д. Кушерека)

³ Цифра в скобках означает шифр Карельского собрания ИРЛИ АН СССР.

9 (496). **Четвероевангелие с дополнением**, XVIII в. (2-я четверть), в 8-ку, 315 лл., полуустав, переплет не сохранился.

Из д. Кушерека.

10 (497). **Сборник**, XVIII в. (конец), в 8-ку, 219 лл., поморский полуустав, переплет не сохранился. **Содержание**: Молитва богородице Дмитрия Кантакузина, «Житие Марка Фряческого», поучение «Ко всем христианом, еже не упиватися», «Слово Палладия мниха о втором пришествии», статьи из «Пролога», «Цветника священноинока Дорофея», «Паренисиса Ефрема Сирина» и других книг.

От Поповой Авдотьи Прокопьевны (д. Кушерека).

11 (498). **Служебник с дополнениями** (сборная рукопись) XVIII—XIX вв., в 4-ку, 430 лл., полуустав нескольких почерков, переплет — доски, покрытые кожей (застежки не сохранились), имеется 5 «жуков».

От Анфисы Ивановны (д. Кушерека).

12 (499). **Сборная рукопись покаянных, уставных и канонических статей**, XVIII в. (конец), XIX в. (первое десятилетие), в 8-ку, 261 л., полуустав и скоропись, переплет — доски, покрытые тисненой кожей. Владельческая запись Федора Егорова Хохлина. **Содержание**: «Епитемейник», чин исповеди, «Устав прежних поморских отцов», чин пострижения и т. д., некоторые статьи поморского (выговского) происхождения.

От Поповой Авдотьи Прокопьевны (д. Кушерека).

13 (500). **Сборная рукопись**, XVIII—XIX вв., в 8-ку, 72 л., полуустав нескольких почерков, переплет не сохранился. **Содержание**: «Почтение о матерной брани», слова Иоанна Златоуста, «Послание к брату смиренного старца» (страничное сочинение), «О лстовке», выписки из «Кормчей», «Евангелия» и других книг.

От Павлы Ивановны Шамлауевой (д. Нюхча).

14 (501). **Псалтырь с добавлением избранных псалмов**, 1804 г., в лист, 127 лл., полуустав, переплет картонный, обтянутый материей. Переписал крестьянин Кушерской волости Григорий Андреев сын Савин.

От Поповой Авдотьи Прокопьевны (д. Кушерека).

15 (502). **Сборник богослужебный** (служба в Великую субботу, канон на погребение Христа и др.), XIX в. (20-е годы), в 4-ку, 94 л., поморский полуустав, заставки и инициалы в красках, переплет — доски, покрытые тисненой кожей (поморской работы).

От Сахаровой Екатерины (г. Беломорск).

16 (503). **Святцы**, 1858 г., в 16-ю долю листа, 133 л., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, заставка не сохранилась. Имеется одна заставка в красках.

От Дуровой Варвары Лукиничны (д. Пертозеро).

17 (504). **Канон по усопшим**, XIX в. (3-я четверть), в 8-ку, 38 л., полуустав в бумажной обложке.

От Серафимы Васильевны (д. Сухое).

18 (505). **Псалтырь**, 1872 г., в 8-ку, 395 лл., полуустав, заставки и инициалы написаны пером и чернилами, переплет — доски, покрытые тисненой кожей.

От Поповой Авдотьи Прокопьевны (д. Кушерека).

19 (506). **Сборник духовных стихов**, XIX в. (последняя четверть), в 4-ку, 38 лл., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком. **Содержание**: стихотворный рассказ о Пахоме и Степаниде, стих об отшельнике и тысяче лет, о плаче Иосифа Прекрасного, об умилении душевном, об Иосафе царевиче, о пришествии Иисуса Христа, о рождестве Христовом, о смерти и др.

От Дуровой Варвары Лукиничны (д. Пертозеро).

20 (507). **Стих об Иосафе царевиче и стихи о младых летах и о покаянии**, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, 4 л., полуустав, без переплета.

Из д. Пертозеро.

21 (508). **Евангелие**, XIX в. (конец), в 4-ку, 277 лл., полуустав, переплет картонный, обтянутый материей. Есть одна миниатюра (л. 199) и приписка: «Сие святое

евангелие списано со евангелия иже сам написа старец Антоний, священноинок, выходец соловецкий» (л. 277 об.).

От Ефремовой Анастасии Яковлевны (д. Кушерека).

22 (509). Стих — наставление умирающей матери дочери и стих узника невольника, XIX в. (последняя треть), в 16-ю долю листа, 18 л., полуустав, в бумажной обложке.

Из с. Шуерецкого.

23 (510). Сон богородицы, 1874 г., в 8-ку, 16 л., подражание печатному шрифту, без обложки.

От Редькиной Ольги Григорьевны (г. Беломорск).

24 (511). Сборник духовных стихов, XIX в. (конец), в 8-ку, 45 л., полуустав, без переплета, простенькие заставки чернилами и красками. Содержание: стихи о умолении милости своего чада, о богоявлении, о страстях господних, о молодых летах, о потопе, об Андрее Денисове, стихи умилительные и др.

От Дуровой Варвары Лукиничны (д. Пертозеро).

25 (512). Полуношница, XIX в. (конец), в 8-ку, 17 л., полуустав, остатки картонного переплета.

От Шамалуевой Павлы Ивановны (с. Нюхча).

26 (513). Стих печального инока, XX в., в 8-ку, 2 л., полуустав. Написан Полузеровой Градиславой Васильевной, без обложки.

Получен от переписчицы (д. Нюхча).

27 (514). Помянник с добавлением (отпусты на праздники и молитвы богородицы), XX в., в 8-ку, 65 л., подражание печатному шрифту, от переплета сохранилась лишь нижняя корка — картон.

От Евтюковой Татьяны Васильевны (с. Сум-Посад). Она получила от Варвары Лукиничны Дуровой из Пертозера.

28 (515). Стих об Алексее, человеке божьем, XX в., в 8-ку, 6 л., полуустав, обложка не сохранилась.

От Ангелины Федоровны (д. Шижня).

29 (516). Чин погребения, XIX в., в 8-ку, 35 л., подражание печатному шрифту, без обложки.

От Редькиной Ольги Григорьевны (г. Беломорск).

30 (517). Сборник, XX в., в 8-ку, 12 л., подражание печатному шрифту, обложка не сохранилась. Содержание: «Лист» Иисуса Христа, «Сказание о 12 пятницах», молитвы Христу, богородице и т. д.

От Мельникова Вячеслава Владимировича (д. Кушерека).

31 (518). Молитва Одигитрии, XX в. (первая четверть), в 8-ку, 15 л., подражание печатному шрифту, переплет картонный с матерчатым корешком.

От Евтюковой Татьяны Васильевны (с. Сум-Посад).

Н. С. ДЕМКОВА, Л. И. САЗОНОВА

Отчет о пинежской экспедиции 1969 г.

В июле 1969 г. археографическая экспедиция филологического факультета Ленинградского университета снова работала на Пинеге и на Двине.¹ В экспедиции принимали участие студенты-филологи разных курсов — и новички в археографической работе, и «старые» археографы — Т. Махновец, Л. Рыжова, Л. Сазонова, Г. Толкачева, Л. Ярошенко (руководитель экспедиции Н. С. Демкова). Существенную помощь археографической группе оказали диалектологи, в содружестве с которыми была организована эта экспедиция, — преподаватели ЛГУ Г. Я. Симины и О. А. Черепанова. В задачу экспедиции входило закончить работу в районе от Карпагор до Суры, начатую в прошлом году, а также обследовать верховья р. Пинеги от Суры до д. Кучкас и приток Пинеги — Юрас, еще раз проверить район Ухтострова — Холмогор. В результате работы экспедиции Пинежское собрание Пушкинского дома пополнилось 56 рукописями XVI—XIX вв., документами из семейного архива крестьян Мерзлых и дел Кеврольской канцелярии XVIII—XX вв. (57 ед.), Двинское собрание — двумя рукописями XVI и XVIII в.

Кроме того, были найдены ценные издания старопечатных книг. Все они переданы в Отдел редких книг научной библиотеки Ленинградского университета: редчайший экземпляр «Псалтыри с воследованисм» из типографии Мамоничей (Вильна, 1592 г.), две «Псалтыри» московского Печатного двора 1623 г. и 1662 г. — издания, не известные до сих пор в библиографии, «Лимонарь» (Киев, 1628 г.), «Анфологон» 1700 г. и др.

Хотя общее число привезенных рукописей (59 номеров описания) уступает прошлогоднему (76 номеров), но по своему составу вновь найденные пинежские рукописи представляют несомненный научный интерес, так как они содержат разнообразные литературные и исторические материалы — новые списки «Хождений» игумена Даниила и Трифона Коробейникова, «Повестей о начале Москвы», редкой «Повести о Харитоне Белоулине», «Повести о Бове-королевиче», «Сказания о Мамаевом побоище», повестей из «Великого зеркала», большое количество духовных стихов, редкий список «Повести о взятии Смоленска Иваном Грозным».² Северная литературная традиция представлена житиями местночтимых святых — Парасковьи Пиринемской, Иона Ушельского, Иоасафа Каменского, тропарями Артемию Веркольскому, Варлааму Важскому, Зосиме

¹ Краткий отчет об экспедициях на Двину и Пинегу в 1967 г. и в 1968 г. см.: Н. С. Демкова. Рукописи с Двины и Пинеги. — ТОДРА, т. XXV. М.—Л., 1970, стр. 330—332.

² Текст подготовлен к изданию М. А. Салминой (ТОДРА, т. XXIV, М.—Л., 1969, стр. 195).

и Савватию Соловецким, старообрядческая литература — сочинением дьякона Федора об антихристе, скрытническим «маршрутником» до Томска, малоизвестной повестью середины XVIII в. о Филиппе и Терентии Выговских.³

Большой интерес для изучения древней (и новой) пинежской книжной традиции представляют владельческие записи на рукописях и книгах, которые могут составить тему особого исследования; некоторые из этих записей весьма колоритны. Так, сохранилась запись писца рукописного Апостола 1629 г. — черного попа Аверкия, постриженника Кирилло-Белозерского монастыря, в ней не только сообщаются точные данные о писце и времени переписки книги «с печатного Апостола», но эта запись донесла до нас голос человека XVII в., в ней содержится трогательная просьба простить «окаянство» писца, его ошибки: «Молю же вас, святии отцы, ваше преподобство, аз, многогрешный. Кто вас по сей книге проговорит сколко — ему бог поможет. И вы, господие мои, отцы святии, Христа ради не позазрите моему окаянству, иде же будет в книзе сей моим неразумением пропись или неисправлено, и вы бога ради, господие, с печатнаго же апостола исправливайте и разсуждайте своим благоразумием, а на меня, скверного и многогрешнаго божия раба, клятвы и осуждения и гнева не полагайте о том, понеже невежда есмь и неискусен и скуден разумом и возрастом и всякого студа исполнен» (Пинежск. собр. № 385, лл. 490 об.—491).

Все найденные рукописи были обнаружены в основном в старом для нас районе — в деревнях, находящихся в окрестностях Суры и Карпагор.

Вновь, но уже более основательно, были пройдены оба берега реки Суры с деревнями Филимоново, Прилук, Слуда, Горушка, Гора, Засурье, Пахурово, Холм, Оксовица, Марково, Пинбера, а также селения, расположенные на правом берегу Пинеги, напротив Суры — Городецк, Остров, Осаново. Эти места еще сравнительно недавно находились под сильным влиянием Сурского монастыря, миссионерская деятельность которого привела к тому, что старообрядцев здесь — единицы, «слой» «ископаемых книг» очень тонок, и находится он в основном на периферии — в деревнях Осаново, Засурье, Гора — в некотором удалении, хоть и небольшом от самого монастыря.

Наше вторичное путешествие по обоим берегам Пинеги, от Суры до Марьиной Горы, позволяет надеяться на новые находки в этом районе: самые ценные рукописи были найдены все-таки здесь — в Еркине, Верколе, Явзоре, Кушкопале, Шотовой Горе, Кевроле. Работе немало способствовал факт нашего вторичного прихода в те же места. Например, в д. Лавсла А. Д. Шубина, отказавшаяся в прошлом году даже показать книги, в этом году отдала 4 рукописи XVIII—XIX вв., аналогичный случай был в д. Шотова Гора с М. В. Земцовской, А. А. Щепоткиной. А. И. Мерзлая (Сура) нашла новую связку документов в дополнение к долбленной деревянной колоде, переданной ею нам в прошлом году.

Из района верхнего течения Пинеги (впервые были обследованы деревни Шиднема, Сульца, Нюхча, Кучкас) не было привезено ни одной рукописи. Те немногие книги «по-славянски», которыми располагает население, представляют собой поздние печатные книги церковного содержания. «Рукописную нищету» этого района следует связывать, как кажется, с полным отсутствием старообрядцев в этих местах и с решитель-

³ Исследование и публикация повести подготовлены Н. С. Демковой и Л. В. Ярошенко. Печатается в кн.: Рукописное наследие древней Руси (по материалам Пушкинского дома).

ным изменением жизненного уклада: деревни эти находятся в непосредственной близости к леспромхозам.

Не принесла удачи и поездка по Юрасу: в Усть-Юрасе книг уже не оказалось.

Работать на Пинеге с каждым годом становится все сложнее: Пинежский край хорошо «освоен» в археографическом отношении со времен А. Д. Григорьева, в последнее десятилетие здесь неоднократно работали экспедиции Пушкинского дома; самый верхний, доступный слой книг снят, остались трудные случаи. К тому же Пинсга летом — бойкое место, где пересекаются туристские тропы многих «любителей» русской старины, и традиционное радушие пинежан сменяется легкой иронией и настороженностью по отношению к приезжим: частная инициатива в освоении народных богатств русского Севера часто сопровождается нарушением законов гостеприимства и элементарных этических норм.

Однако искать старинные книги и рукописи на Пинеге нужно. Необходимо найти новые способы и методы археографической работы, чтобы получить книги, которые наверняка еще есть в Кевроле, Явзоре, Верколе и других деревнях. Теперь уже недостаточно кратковременных наездов и обхода домов, необходим более тесный, длительный контакт с населением, хранящим книги отцов и дедов, настойчивое и тактичное разъяснение научной ценности старинной книги.

Поездка на Двину была непродолжительной: в течение двух дней мы побывали по нескольким старым адресам. В поисках старинных рукописей здесь помогла связь с местными деятелями культуры, хранящими старину. Так, в школьном краеведческом музее в Холмогорах, организованном учителем Василием Александровичем Петуховым, оказалось несколько рукописей, две из которых — Триодь постную начала XVI в. и «Службу в страстную неделю» XVIII в. — В. А. Петухов передал в Пушкинский дом (в музее осталась печатная кормчая 1651 г. и несколько церковно-служебных рукописей XVIII—XIX вв.).

И. Рукописи, привезенные с Пинег

1 (384).⁴ *Минея общая*, XVI в., в 4-ку, 391 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна медная застежка и часть другой. Запись скорописью XVII в.: «Минея вопшая, писал колмогорец Гурей Логафедов (?)».

Сг Григорьевой Т. В. (д. Кушкопала).

2 (385). *Апостол 1629 г.*, в 4-ку, 491 лл., полуустав, от перепаста сохранилась лишь верхняя корка — доска, покрытая тисненой кожей, со следами медных застежек, нижняя корка картонная. В конце рукописи обширная и весьма ценная сведениями запись о переписке Апостола в 1629 г. в Кирилло-Белозерском монастыре черным попом Аверкием. По нижним полям рукописи владельческая запись пинежского государственного крестьянина Алексея Иванова, сына Вдовина, 1808 г.

Из д. Еркино.

3 (386). *Сборник богослужебный*, XVII в. (третья четверть), в 4-ку, 123 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей. Содержание: каноны (Христу, Богородице, благовещению, ангелу, Одигитрии) и чин причащения.

От Замятской А. А. (д. Кеврола).

4 (387). *Часослов с дополнениями*, сборная рукопись XVII—XVIII вв., в 8-ку, 312 лл., полуустав и скоропись нескольких почерков, переплет — доски, покрытые кожей, сохранилась одна ременная застежка. Дополнением служат: «Помянник общий», тропари Владимирской иконе Богоматери, Зосиме и Савватию Соловецким, Филиппу

⁴ Цифра в скобках означает шифр Пинежского собрания ИРЛИ АН СССР.

митрополиту, Герману Соловецкому, Артемию Веркольскому, выписки из «Пчелы» о злых женах и др.

От Семенова А. (д. Марьяна Гора).

5 (388). **Каноны святым и праздникам**, XVII в. (конец)—XVIII в. (начало), устав и скоропись, переплет — доски, покрытые кожей, с ремешной застежкой. Владычская запись Тараканова Ивана Андреевича, XX в.. Среди канонов — канон Варлааму Важскому (XVII в.).

От Поповой А. Л. (д. Немнюга).

6 (389). **Святцы**, 1716 г., в 16-ю долю листа, 146 л., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей, с двумя кожаными застежками.

Из д. Кеврола.

7 (390). **Каноны** (Николе, Георгию Победоносцу, Артемию Веркольскому и др.) XVIII в. (вторая четверть), в 16 долю листа, 78 л., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей. Владычская запись Николая Семенова (XIX в.).

Из д. Кеврола.

8 (391). **Житие и чудеса (со службой и сказанием о Каменном монастыре) Иосаафа Каменского**, XVIII в. (вторая четверть), в 4-ку, 76 л., полуустав, переплет не сохранился.

От Стахеевой Е. А. (д. Кеврола).

9 (392). **Сборник**, XVIII в. (середина), в 8-ку, 72 л., полуустав, переплет бумажный. **Содержание:** выписки из «Просветителя» Иосифа Волоцкого, из сочинений Максима Грека, Из «Степенной книги» об антихристе, «О взятии Царьграда» и т. д., повесть Варлаама «О трех друзьях», слова из «Пролога» о почитании родителей, наказания чад, о ленивых, о злых и добрых женах, поучения Иоанна Златоуста, Нила исповедника, повести из «Великого Зерцала», «Патерика» и т. п.

От Филиной (Фофановой) Т. А. (д. Гора — Сура), передан Г. Я. Смирной.

10 (393). **Сборник богослужебный** (часослов, месяцеслов, тропари и т. п.), XVIII в. (середина), в 8-ку, полуустав, переплет — доски, покрытые кожей.

11 (394). **Фрагмент из Азбуковника (с алфавитным толкованием греческих слов)**, XVIII в. (середина), в 4-ку, 2 л., полуустав.

От Филиной (Фофановой) Т. А. (д. Гора — Сура).

12 (395). **Повесть о Бове-королевиче (без начала и конца)**, XVIII в. (3-я четверть), в 8-ку, 51 л., скоропись, без переплета.

От Земцовской М. В. (д. Шотова Гора).

13 (396). **Вопросы исповедующемуся**, XVIII в., (3-я четверть), в 8-ку, 17 л., полуустав, в бумажной обложке.

От Родионовой А. К. (д. Касконець).

14 (397). **Устав о христианском житии**, XIX в. (10-е годы), в 8-ку, 73 л., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей с кожаным корешком.

15 (398). **Устав о христианском житии**, XIX в. (10-е годы), в 8-ку, 104 л., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей.

16 (399). **Канон пасхе Иоанна Дамаскина**, XIX в. (1-я четверть), в 8-ку, 12 л., скоропись, без обложки.

От Родионовой А. К. (д. Касконець).

17 (400). **Житие Кирика и Улиты (без начала)**, XIX в. (первая треть), в 8-ку, 10 л., беглый полуустав, без обложки.

От Земцовской М. В. (д. Шотова Гора).

18 (401). **Поучение отца к сыну (43 главы)**, XIX в. (20—30-е годы), в 4-ку, 36 л., скоропись, переплет не сохранился.

19 (402). **Стих о смерти, расходные записки и т. д.**, XIX в. (2-я четверть), в 8-ку, 9 л., скоропись, обложка не сохранилась.

От Родионовой А. К. (д. Касконець).

20 (403). **Сборник сочинений об антихристе** (дьякона Федора и др.), XIX в. (30-е годы), в 8-ку, 42 л., полуустав, переплет бумажный.

От Куяикова А. Г. (д. Засурье).

21 (404). **Месяцеслов**, с добавлением пасхалии зрячей и др., 1834 г., в 8-ку, 82 л., полуустав, переплет не сохранился.

22 (405). **Сводка («списки») сведений о происхождении и почитании мощей Парасковьи прирнемской (и о ее личности) и краткое житие Иова Ущельского, собранные и переписанные священником Августином Семеновым в 1835 г.**, в 4-ку, 10 л., скоропись, переплет бумажный.

От Пономарева А. Э. (д. Кеврола).

23 (406). **Канон общий за умерших**, XIX в. (2-я четверть), в 8-ку, 27 л., обложка не сохранилась.

От Родионовой А. К. (д. Касконемь).

24 (407). **Сборник**, XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, 111 л., скоропись, переплет — доски, покрытые кожей. **Содержание:** «Сказание о Мамаевом побоище» (редакция «Синописа»), поучение о душе, о кратковременности жития, стихи о пустыне (два варианта), об Иоасафе-царевиче, о смерти, о покаянии и др.

От Залынской А. А. (д. Кеврола).

25 (408). **Канон Николе, чин пения 12 псалмов и т. п.**, 1840 г., в 8-ку, 28 л., полуустав, переплет бумажный.

От Родионовой А. К. (д. Касконемь).

26 (409). **Служба, акафист, житие, память, величание Митрофану Воронежскому**, XIX в. (50-е годы), в 4-ку, 22 л., полуустав и скоропись, без переплета.

От Пономарева А. Э. (д. Кеврола).

27 (410). **Сборник апокрифический**, 1863 г., в 8-ку, 24 л., скоропись, переплет картонный, с кожаным корешком. **Запись, повторяющаяся несколько раз, о написании рукописи крестьянином Данилом Абрамовым Фроловым в 1863 г.**, указана также цена — 8 копеек серебром. **Содержание:** «Сон богородицы», «Иерусалимский свиток», «Сказание о 12 пятницах» и молитвы.

28 (411). **Сборник богослужебный**, 1864 г., в 4-ку, 395 л., беглый полуустав, от переплета сохранился лишь корешок и нижняя корка — доска, покрытая кожей. **Содержание:** Псалтырь, молитвы, устав и т. п.

29 (412). **Канон за единоумершего**, 1861 г. (писец Архип Шехин), в 8-ку, 10 л., скоропись, в бумажной обложке.

30 (413). **Канон пасхе**, XIX в. (середина), в 8-ку, 14 л., скоропись, без обложки.

От Родионовой А. К. (д. Касконемь).

31 (414). **Повесть о Фялппе и Терентии Выговских**, XIX в. (середина), в 8-ку, 10 л., подражание печатному шрифту, обложка бумажная. У В. Г. Дружинина (Писания русских старообрядцев. СПб., 1914) не зарегистрирована.

От Щепоткиной А. А. (д. Шотова Гора).

32 (415). **Служба в пятую неделю поста**, XIX в. (3-я четверть), в 4-ку, 38 л., полуустав, переплет не сохранился. Простенькая заставка — перо и чернила.

33 (416). **Каноны пророкам и Ивану воину**, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 27 л., полуустав, переплет не сохранился.

От П. Г. Рябовой (д. Остров).

34 (417). **Сборник**, XIX в. (3-я четверть), в 4-ку, 43 л., подражание печатному шрифту, переплет не сохранился. **Содержание:** Слова из Патерика, поучения из «Евангелия токового», выписки из «Макариева видения», сочинений Палладия мниха, слова Иоанна Златоуста и др.

35 (418). **Стих о последнем времени (преболзненных кафоликов)**, XIX в. (3-я четверть), в 8-ку, 10 л., скоропись, переплет картонный с матерчатым корешком (сохранилась лишь верхняя корка).

От Родионовой А. К. (д. Касконемь).

36 (419). **Азбука (начальное учение отрокам)**, XIX в. (третья четверть), в 8-ку, 16 л., полуустав, переплет картонный.

37 (420). Выписка из Устава и молитвы, XIX в. (третья четверть), в 8-ку, 11 л., скоропись и подражание печатному шрифту, на обложку использован документ 1850 г. Имеется владельческая запись: «Сия тетрадь принадлежит Асипата Разумова Щепоткина».

От Земцовской М. В. (д. Шотова Гора).

38 (421). Мартыново увецание, 1882 г., в 8-ку, 19 л., подражание печатному шрифту, в бумажной обложке. Писал «по уставу» Степан Евдокимович Вихорев.

39 (422). Сборник духовных стихов, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, 26 л., подражание печатному шрифту, переплет бумажный. Записи Ильи Вехорева и Семена Вехорева («писал по уставу»). Содержание: стихи о пустыне (2), о богородице, о житии человеческого (2), о последних днях, о житии маловременном и др.

40 (423). Разные записи пинежанина, ученика, Ивана Яковлевича Щепоткина, 1891—1892 гг., в 4-ку, 78 л., скоропись, без обложки.

41 (424). Записи пинежанина, неустановленного лица, о полевых работах и вскрытии реки Пиньги, 1891—1895 гг., в 8-ку, 4 л., скоропись, без переплета.

42 (425). Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 69 л., подражание печатному шрифту, обложка не сохранилась. Содержание: Обиход праздничный, выписки об употреблении чая, кофе, картофеля и табака, молитвы (крюковые).

От Шубиной А. Д. (д. Старая Лавела).

43 (426). Чин панихиды, XIX в. (конец), в 8-ку, 14 л., полуустав, переплет картонный.

44 (427). Страннический (скрытнический) маршрутник до Томска, XIX в. (конец), в 4-ку, 1 л., скоропись.

От Щепоткиной А. А. (д. Шотова Гора).

45 (428). Поучение против матерной брани, XIX в. (конец), в 8-ку, 4 л., подражание печатному шрифту, переплет картонный. Писец Куников Зиновий Сергеевич.

От Куникова А. Г. (д. Осаново-Засурье).

46 (429). Синодик старообрядческий, XIX в. (конец), в 8-ку, 6 л., полуустав, в бумажной обложке.

47 (430). Слово из Старчества инока Захария к ученику своему Евфимию об антихристе и последнем времени, XIX в. (конец), в 8-ку, 9 л., обложка не сохранилась.

От Шубиной А. Д. (д. Старая Лавела).

48 (431). Служба в неделю пасхи, XIX в. (конец), в 8-ку, 24 л., полуустав, подражание печатному шрифту, обложка не сохранилась.

От Шубиной А. Д. (д. Старая Лавела).

49 (433). Сон богородицы и Сказание о двенадцати пятницах, XX в. (начало), в 4-ку, 10 л., скоропись, без переплета.

Из д. Веркола.

50 (434). Канон за единоумершего, XX в., в 8-ку, 31 л., скоропись, в бумажной обложке.

51 (435). Стих-молитва сладчайшему Иисусу, XX в. (40—50-е годы), в лист, 1 л., современная скоропись.

52 (436). Семейный архив пинежских крестьян Мерзлых, XVIII—XX вв. 103 л., (57 документов). Содержание: крестьянские дельные, заемные письма, квитанции, копии царских указов, копии судебных актов, описи имущества, инструкции, прошения в земскую управу, черновики разных документов и др.

От Мерзлой А. И. (д. Сура).

53 (439). Сборник, XVII в. (первая четверть), в 4-ку, 399 л., полуустав, переплет — доски, покрытые кожей, с остатками застежек. Рукопись очень ветхая. Владельческая запись XIX в. о принадлежности рукописи крестьянам Алексею и Меркурию Мерзлым. Содержание: «Житие Марии Египетской», слова о смертном часе, о втором пришествии (Ефрема Сирина), «Поучение отца духовного к детям», слова Иоанна Златоуста, «Сказание о Федоре Тироне», слова св. Нифонта, «поучение некоего христороубца», «некоего старца к детям духовным», поучения из «Синоксаря», слова Василия Великого, Пахомия, поучения на праздники, житие и чудеса Николы и др.

От Куникова М. А. (д. Засурье).

54 (440). **Сборник исторических и легендарно-исторических повестей и сказаний**, XVII в. (последняя четверть), в 8-ку, 172 л., полуустав нескольких почерков, переплет не сохранился, записи: «Сия книга Стефана Федорова» (XVII в.); «Сея книга Ангона да Стеньки Федоровых, детей Поповых, кеврольского стана» (XVII в.). **Содержание:** «Хождение игумена Даниила» (дефектный список), стихи из группы «Стихов покаянных, слезных и умильных» (об Адаме, о грехе и т. д.); краткие летописные рассказы об Ольге, Владимире, Борисе и Глебе, «Слово о немилостивых князех, иже неправду судят», слова о наказании чад, краткий летописец со сказаниями о начале Москвы, о составлении «Судебника», об установлении местничества, «Повесть о Харитоне Белоулине», выписки из «Сказания Авраамия Палицына», из «Повести о двух посольствах Ищеина», «Хождение Трифона Коробейникова» и др.

От Куникова М. А. (д. Засурск).

II. Рукописи, привезенные с Двины

1 (49).⁵ **Триодь постная**, XVI в. (начало), в лист, 194 л., полуустав, в два столбца, переплет — доски, покрытые тисненой кожей.

От В. А. Петухова (с. Холмогоры).

2 (50). **Служба в страстную неделю**, XVIII в. (последняя треть), в 8-ку, 136 л., полуустав, переплет холщовый.

От В. А. Петухова (с. Холмогоры).

⁵ Цифра в скобках означает шифр Двинского собрания ИРЛИ АН СССР.

Л. Н. ПУШКАРЕВ

Обзор коллекций рукописных книг собрания ЦГАЛИ в ЦГАДА

(Слова, проповеди и поучения)

Коллекция рукописных книг XIV—XIX вв., находившаяся в свое время в ЦГАЛИ, а впоследствии переданная в ЦГАДА и хранящаяся в нем сейчас в виде отдельного собрания, частично уже была описана.¹ Ниже предлагается продолжение этого обзора. Он охватывает второй раздел описи № 1, из числа которой опубликованы лишь описания житийных рукописей (№№ 1—67) и литературных сборников (№№ 165—199). Поэтому в настоящем обзоре описываются рукописи с № 68 по № 105, содержащие слова, проповеди и поучения, т. е. ту группу памятников, которую сочли необходимым выделить составители описи.²

Описываемые ниже рукописи представляют собою, как правило, обычные древнерусские сборники самого различного состава. Их подробное описание особенно важно потому, что зачастую в них содержатся интересные материалы, выявить которые без полнстного обзора просто невозможно. Мы встречаем среди этих сборников (полностью или в выдержках) Великое Зерцало, сочинения Ивана Пересветова, Повесть о Варлааме и Иоасафе, Златоструй, Лимонис, Пролог, Звезду пресветлую и другие, а также памятники стихотворства XVIII в.

В описываемых сборниках особенно часто встречаются сочинения Максима Грека, «Слово» Паладия мниха о втором пришествии, «Беседа трех святителей», слова и поучения Иоанна Златоуста и других отцов церкви. Представляют интерес также рукописи, свидетельствующие о влиянии украинской книжности на русскую (№№ 30 и 31).

Встречаются в сборниках и памятники исторического характера — выписки из кратких летописцев и летописей, копии некоторых грамот и указов, относящиеся главным образом к XVIII в.

Большой интерес представляют владельческие записи на рукописях, нередко содержащие данные о времени и месте составления рукописи, социальной принадлежности владельца, об источнике списываемых материалов. Нередки случаи, когда по владельческим записям можно проследить судьбу бытования рукописи почти за два века.

Ряд рукописей имеет художественно выполненные заставки, концовки, буквицы и миниатюры.

¹ Л. Н. Пушкарев. 1) Рукописные сборники литературного характера Центрального государственного литературного архива СССР. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 459—465; 2) Рукописи житийного содержания Центрального государственного архива литературы и искусства. — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 543—555.

² См. об этом: ТОДРА, т. X, стр. 459.

Рукопись № 85 мною не описана, так как из-за ветхости она не выдается в читальный зал для просмотра; №№ 86 и 102 — печатные издания, поэтому в описании они не включены.

При описании шифр рукописи (ЦГАДА, коллекция рукописных книг собрания ЦГАЛИ, ф. 1338, оп. № 1, д. № 68, 69 и т. д.) дается сокращенно: № 68, № 69 и т. д.

Список рукописных книг

1 (68). **Сборник**, XVIII в. (вторая половина), в 4-ку, скоропись нескольких почерков, 153 л., переплет — картон, обтянутый кожей, корешок истлел. Записи: «Сия книга разных сочинений поучения, принадлежит до книг священника Василия Бурлева, подписал своеручно 1777 года сентября 1 дня». Позже эта же запись исправлена другим владельцем на «1799 г. марта 20» (л. 1); «1843 г. ноября 10 дня подана по смерти заштатного диакона Алексея Алексева Полякова сыном его псаломщиком Огневского села Екатеринбургского уезда Петром Поляковым священнику Георгию Будрину»; «Петр Жуков механициenne»; «est achetée a la tolcutchca (a la friperie) 5/VI 1917 prix 6 I. 1 p. 50 к.». С о д е р ж а н и е: «Слова святейшего Правительствующего синода асессора, потом бывшего советником Афанасия архимандрита Спасского Ярославского монастыря в Санкт-Петербурге в соборной церкви Исаакия Далматского 1725 ноября 30 дня» (л. 1); речи и поучения на латинском языке с параллельным переводом на русский: «Oratio de uito atq moru disciplina ad mediolancs ad hortatoria» (л. 105); «Oratio de potentia dittearum ad senata mediolanem» (л. 123); «Opiniones cum institutione christiano digna Erasmi Roterdami» (л. 143); начало предисловия к письму «всероссийской монархии» по поводу преследования православных (л. 150).

2 (69). **Сборник**, XVIII в., в 4-ку, полуустав, переходящий в скоропись, 62 л., переплет — картон, обтянутый тисненой кожей (XVIII в.). Записи: «Коскошинского приходу дьячек Андрей Каллиников руку приложил октября 25 дня 1825 подписал своеручно» (оборот передней крышки переплета) «Из книг свящ. П. Леонтиевско[го]» (л. 1, почерком начала XX в.); «Учитель Стефан Каллиников. Августа 9 дня 1817 года» (л. 11 об.); записи Каллиникова есть также и на других листах). С о д е р ж а н и е: «Слово ко князю Антиоху о многих и нужных взысканиях» Афанасия Александрийского (л. 1); записи бытового содержания XIX в. (л. 9); стихотворение «Коль славен наш господь в Сионе» (л. 9 об.); стихотворение «Суетен будешь ты, человек» (л. 10 об.); «Чтение, соединенное с исполнением»; стихотворение «Читай по вся дни ты прилежно» (л. 11 об.) (все три стихотворения вписаны в 1817 г. С. Каллиниковым); «Слово о вере Геннадия, константинопольского патриарха» (л. 12); «Тестамент царя Василия ко Льву Философу», копия с печатного издания 1638 г. (л. 25); слова Иоанна Златоуста: о всеу мятущихся (л. 53 об.) и о молитве (л. 61 об., без конца).

3 (70). **Вопросы св. Антиоха ко св. Епифанию и ответы св. Епифания**, XVI в. (конец)—XVII в. (начало), в 4-ку, скоропись, 14 л. (без конца), переплет бумажный (бумага 1799 г.), плохой сохранности.

4 (71). **Сборник**, XVIII в. (конец), в 8-ку, крупный полуустав нескольких почерков, 290 л., переплет — картон, уголки и корешок обтянуты кожей (XVIII в.). С о д е р ж а н и е: Оглавление 1-й части сборника (л. 1); молитва Димитрия Кантакузина к богородице (л. 2); слова Василия Великого: о пьянстве (л. 15 об.), о неотчаянии (л. 25), о многоимении (л. 27), о смерти (л. 33), о житии (л. 40 об.), о зависти (л. 89); слова Иоанна Златоуста: о покаянии (л. 17 об.), поучительное (л. 111), о грешниках (л. 114); «Слово Иоанна Милостивого о любви» (л. 19 об.); «Слово о неосуждении попа» (л. 21 об.); «Слово о пресвитере, видевшем бесов» (л. 23); «Слово св. Моисея о ротех» (л. 28); «Слово о некрещенем детищи» (л. 29 об.); слова св. Григория: из бесед (л. 30 об.), о гневе (л. 59), «Сказание о просфоре» (л. 31 об.); «Слово о пустыннике» из Патерика (л. 37); «Сказание о явлении в Казани богородицы» (л. 42 об.); «Слово о двух соседах» (л. 50); «Слово о послушании» (л. 51); слова инока Петра (л. 53 об., л. 132); «Слово св. Ефрема о бесстрашии» (л. 56 об.); «Сретение иконы Владимирской богоматери» (л. 61); «Слово от старчества» (л. 65); «Слово о некоем затворнике» (л. 67); «Об Александре Свирском, новом чудотворце» (л. 69); «Слово о милостивом Созоне» (л. 77 об.); «Поучение о мире и о любви» (л. 80); «Слово о некоем блуднике» (л. 83 об.); «Поучение от закона о несохранении языка» (л. 86); «Слово св. Нифонта о сребролюбии» (л. 87); «Поучение о почитании родителей» (л. 90); «Слово о черноризце и блуднице» (л. 91 об.); повесть о Ефросинии, жене Дмитрия Донского (л. 94); слова св. Нила о восьми помыслах (л. 98, л. 130); «Слово о покаянии» (л. 99 об.); «Слово св. Афанасия о смерти» (л. 101); «Слово об отце Данииле» (л. 102); «Слово о службе церковной» (л. 104 об.); «Слово

о богатыре и Лазаре» (л. 108); «Слово о пресвитере» из Патерика (л. 116); «Поучение ко всякому христианину» (л. 117 об.); «Слово о почитании мучеников» (л. 120); «Слово о св. мучениках» (л. 135); чудеса Николая Мирликийского: о трех воеводах (л. 138), о ковре (л. 155), об Агрикове сыне (л. 160), об утопшем (л. 164 об.), о трех иконах (л. 168 об.), о половчине (л. 174); «Сказание о трех дщерех» (л. 150); из «Жития св. Спиридона» (л. 183 об.); «Житие св. Нифонта» (л. 191); из «Жития Василия Великого» (л. 223); «Повесть о руке Иоанна Крестителя» (л. 230); жития: Иоанна Кущника (л. 238 об.), Антония Великого (л. 255 об.), Макария Египетского (л. 261), Макария Александрийского (л. 265 об.), Евфрасии девицы (л. 267 об.), Павлина (л. 269), преподобной Макарии (л. 277 об.); «Повесть о Таксиоте воине» (л. 285 об.).

5 (72). **Слова и сочинения Григория Беседовника**, XVI в. (конец), в 4-ку, крупный полуустав, 242 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками и жуковинами (XIX в.). На корешке надпись «Григория Беседовника» и ярлык «Р 1021 Мальцев №». Записи: «№ 512 Мал. 1921 г.» (на обороте передней крышки переплета); «Бумага 1588 г. см. л. 4» (л. 1а, почерк XX в.); скрепа: «Лета 7117-го месяца генваря в 3 день, сия книга домовая, церковная, соборного храму Благовещению пречистой владычицы нашей богородицы и приснодеве Марии и пределов ея у Соли у Вычегодские на посаде, положение Никиты Григорьева сына Строганова» (скоропись; содержание скрепы воспроизведено на л. 1). Содержание: «Деяния Григория патриарха» (л. 1); «Беседование Григория патриарха к Петру архидьякону о житии святых» (л. 5 об.); «Словеса по вопросу и ответу о жительстве св. Венедикта» (л. 50); «Повесть о Павлине, епископе Григория папы римского» (л. 101 об.).

6 (73). **Сборник**, XVII в.; в 4-ку, скоропись нескольких почерков, 34 л., переплет — картон, корешок обтянут кожей (XX в.). На корешке ярлык: «371. Шляпки № 120». Записи: «Большаковский сборник. В.» и штамп «Библиотека И. А. Шляпкина № 96» (л. 1а, почерк начала XX в.); «Б. Ш. Р. № 96. От Яруста» (л. 34 об., почерк XX в.). Содержание: «Из книги первой Никоновы св. Анастасия Синайского о избрании властей» (л. 1); «Из книги Никоновы второй о тактионе и жребии» (л. 3); «Слово об уродстве» (л. 4 об.); «Слово Исаака Ниневийского о чине» (л. 5); «Поучение некоего старца» (л. 10); «Поучение Василия Великого о разуме» (л. 11); «Написание правому пребыванию» (л. 12); «Слово Иоанна Златоуста о чтении» (л. 13); «Слово Ефрема Сирина о чтении» (л. 14); «Слово св. отец о почитании книжном» (л. 14); предисловие Иоанна Златоуста к беседам апостола Павла (л. 15 об.); «О чтении божественных книг» (л. 17 об.); нравоучение о любви (л. 20); толкование о жизненном пути (в вопросах и ответах) (л. 24).

7 (74). **Сборник проповедей Андрея Денисова**, 1742 г., в 8-ку, крупный полуустав, 165 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками (XVIII в.). Запись: «В лето от мироздания 7251 сентемваря в день, а от воплощения рождаения сына божия 1742 года» (л. 165, тот же почерк, что и в тексте). Содержание: Слова и поучения о молитве (л. 1, л. 14, л. 15, л. 24); глава 7 из «Великого Зерцала» (л. 23); из Максима Грека «О видении старцу духовному образу богородицы» (л. 25 об.); Иоанна Златоуста: о молитве (л. 30), о наказании (л. 30 об.), о чтении книг (л. 64), о гневе (л. 73), об исповедании (л. 92), поучение (л. 143), о покаянии (л. 150 об.); «Слово о безмолвии» (л. 33); из пролога «Слово о гневе» (л. 39); «Наказание Василия Великого» (л. 41); «Слово о неосуждении» (л. 42); «Поучение Федора Студийского» (л. 45); «Слово о Евлогии мнихе» (л. 49); слова из Патерика: о Филагрии мнихе (л. 58 об.), о гневе (л. 73), о неосуждении (л. 126 об.); «Слово о двух мнихах» (л. 60); слова из Лимониса: о помыслах (л. 62), «Чего ради не вниде богородица в храм Кириана попа» (л. 96); «Слово о милостыни» (л. 70 об.); «Слово, как подобает жить христианам» (л. 76); «Слово о некоем игумене» (л. 77); «Слово о пресвитере, впавшем в прелюбодесание» (л. 81); «Слово св. Евагрия о неосуждении» (л. 86 об.); «Слово Григория Чернорица» (л. 89 об.); из посланий апостола Петра о терпении (л. 93 об.); «Слово о смиренности» (л. 95); «Слово св. Таисии» (л. 99); слова св. Антиоха: о дерзости (л. 106), о шептании (л. 116 об.), о клевете (л. 129), о гневе (л. 134); «Слово о жене, исповедавшейся св. Неофиту» (л. 109); «Поучение св. Илариона о пользе души» (л. 121); «Слово св. Максима о любви» (л. 132); «Слово о исходе души» (л. 137 об.); «Слово об умерших из апостольских деяний» (л. 141); «Слово о неосуждении мнихов» (л. 146 об.); «Слово Иоанна Дамаскина об усопших» (л. 148). «О винах свойственных и различных» Андрея Денисова (л. 155).

8 (75). **Сборник**, XVIII в. (вторая половина), в 8-ку, скоропись нескольких почерков, 192 л., переплет — картон, обтянутый кожей, на корешке тиснение: «Беседа трех святителей». Записи: «Из книг Марьи Михайловны Остафьевой» (л. 1а, почерк XIX в.). Содержание: «Беседа трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста» (л. 1); устав о литургии (л. 5); чин крещения (л. 7); чин исповедания (л. 8); слова Афанасия Синайского: о гневе (л. 52а), об осуждении

(л. 54 об.); слова Иоанна Златоуста: о милостыни (л. 60 об.), «о рассмотрении» (л. 62 об.); «Слово к христианам о монашестве» (л. 65 об.); слова св. Нифонта: к верным (л. 68), о русалиях (л. 70); «Слово о богатых, притча из болгарских книг» (л. 73 об.); «Слово о св. Якове» (л. 77); «Слово св. отец еже не осужати никого» (л. 86 об.); «Слово св. Памвы к ученику» (л. 89); «Слово Василия Великого о хмельном питии» (л. 92 об.); «Слово Палладия мниха о втором пришествии» (л. 99—187).

9 (76). **Дионисий Ареопагит. «Книга творений» и послания**, XVII в. (третья четверть), в лист, полуустав, переходящий в скоропись, 519 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками (XVIII в., так же, как и листы при переплете и л. 518, — копия с текста XVII в.). На лл. 12—50 полустертая скрепа XVII в.: «... октября в 15 день по государеву указу и подписаной челобитной указал великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белье Руси самодержец, в дом ... монастырь сию книгу Дионисия Ареопагита по челобитной архимандрита Дионисия ... по митрополите ...». Из заключения к книге (л. 519) явствует, что она была переведена на Афоне в 1370 г.; имя переводчика зашифровано. В ЦГИАЛ книга поступила из ГЛМ³ (штамп ГЛМ 9829/1).

10 (77) **Слово Епифания Кипрского о погребении тела господня**, XVII в., в 4-ку, полуустав, 3 л. (текст без конца).

11 (78). **Сборник слов и поучений Иоанна Златоуста (Златоструй)**, XVII—XVIII вв., в лист, крупный полуустав нескольких почерков, 265 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками, на корешке ярлык: «Златоструй Иоанна Златоустого» и «Р. Мальцев № 46» (XIX—XX вв.). Записи: «№ 100. Маль. 1921 г.» (на обороте верхней крышки переплета), штамп: «Научная библиотека при Саратовском госуниверситете» (на листе у переплета).

12 (78а). **Сборник учительный (Маргарит)**, XVI в., в 4-ку, крупный полуустав, 445 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками (XIX в.). На корешке надпись: «Маргарит патерик азбучный» и ярлык: «Р1206. Мальцев №». Записи: «№ 166, Мал. 1921 г.» (карандашом на обороте верхней крышки переплета); на лл. 1—10: оглавление книги, составлено в XIX в. при переплете. Скрепсы XVII в.: на лл. 40—42 — «Послух». На лл. 56—66 — «Книга Афанасья Огредина Нащюканов». На л. 82—91: «Послух дяк Кузмодемьянской». На лл. 233—239: «Лз Опалей». На л. 252: «Послух Григорей». На л. 253—261: «Попослух Артемо Мосеев руку приложил». На лл. 274 об.—279: «Продад сию книгу Маргарит вознесенскому понамарю Тимофею Юрьеву сыну Петрушка Михайлов сын Попов, а подписал сам своєю рукою руку приложил». Запись на л. 445 об.: «... [кн]игу Кузмодемьянской дячок Ста... Гришка Демидов... Мосею Кирилову сыну Блинному руку приложил, Козмодемьянской поп Василий продад сию книгу дьячку Гриши Демидову и руку приложил».

13 (79). **«Маргарит» Иоанна Златоуста, отпечатанный в Остроге в 1595 г., и рукописное житие его, списанное с печатного московского текста 1649—1650 гг.** Писано на бумаге в 4-ку полууставом, со стилизацией под печатный шрифт, в середине XVII в. Все сплетено вместе в одну рукопись на 739 л. Переплет — доски, тисненая кожа, следы застежек, на нижней корке переплета — медные жуковины. Переплет и первые листы частично попорчены червями. Записи: на передней крышке переплета, лл. 1, 1 об., 2, 2 об. и 737 об., 738 — скорописью конца XIX в. одним почерком — различные цитаты из Библии, Евангелия и других церковных книг. На л. 545 об. скорописью XVIII в.: «Ψ в году августа в 21 день продад сию книгу Моргалит боярина Алексея Петровича Салтыкова сослуживец дому ево Васнлей Федоров сын Собольков зачисто и потписал своєю рукою монченину пасатцкому человеку Григорью Иванову сыну Гутуеву». Кроме того, на полях рукописи есть ряд мелких помет, указывающих на источники цитат.

14 (80). **Сборник поучительный**, XVI в. (конец). Писан полууставом одним почерком на бумаге в 8-ку на 520 л. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — все XIX в., на корешке надпись: «Соборник» и ярлык: «Р 1189 Мальцев №». Записи: на обороте передней крышки переплета карандашом скорописью XX в. «№ 350 Мал. 1921». На л. 1 скорописью XIX в.: «Сия книга богова и моя». Скрепа XVII в. на лл. 1—36: «Сия книга глаголемая сборник Казе... честного и славного ея благовещения, иже во святых отца Николы архиепископа Мирликийских чудотворца и святого славного великомученика Георгия при ... монастыри Ярокурского стану ...» Остальная часть скрепы стерта. Содержание: слова Иоанна Златоуста: на мытарях и фарисеях (л. 1), о терпении (л. 15 об.), в неделю мясопустную (л. 41), о страстях (л. 235), о гневе (л. 274), поучения (лл. 206, 329, 351, 374, 459); слова Ефрема Сирина: о покаянии (л. 27), об отцах (л. 129 об.); «Слово Ипполита

³ ГЛМ — Государственный Литературный музей в Москве.

папы римского о скончании мира» (л. 44); слова Василия, архиепископа капподокийского (л. 68 об.); «Слово Анастасия мниха о шестом псалме» (л. 100); «Слово Григория пресвитера об отцах» (л. 138 об.); слова Федора Студита; о посте (л. 161 об.), о пасхе (л. 232), о напастях (л. 287 об.), о Лазаре (л. 326 об.); поучения (л. 269 об., 431, 457 об., 469, 515 об.); «Слово о Федоре Тироне» (л. 171); «Сказание о чудесах богородицы» (л. 177 об.); слова Григория Двоеслова (л. 203 об.), Андрея Критского о Лазаре (л. 289 об.), Леонтия епископа аравийского и воскрешении мертвых (л. 304 об.), Евсевия Александрийского о Иоанне Предтече (л. 340 об.), Афанасия Александрийского (л. 360), Григория мниха (л. 377), Григория Антиохийского (л. 394), Епифания Кипрского (л. 402), Кирилла Туровского «В неделю новую» (л. 424), «яко подобает нам ходити достойно» (л. 450), «блаженного Кирилла о расслабленном» (л. 451), Кирилла Иерусалимского (л. 501), «В неделю всех святых» (л. 517).

15 (81). «Рай» (сборник слов и поучений Иоанна Златоуста, Василия Великого и др.), XVII в., в 4-ку, крупный полуустав нескольких почерков, 421 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками (XIX в.). На корешке надпись: «Книга Рай» и ярлык: «Р.870. Мальцев №». Записи: «100. — № 212. Мал. 1921 г.» (на обороте крышки переплета, карандаш). Оглавление на лл. 1—4 об.

16 (82). Сборник, XVII в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 390 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, со следами застежек (XVII—XVIII вв.). Содержание: «Сказание о Тайной вечере, выписано из киевского сборника Печерской обители» (л. 1); слова: пророка Исаяи о последних летах (л. 121); Григория Богослова о божественной литургии (л. 125 об.), об аллауни (л. 128 об.), о исповедании веры (л. 147 об.); «Тропник Иннокентия, папы римского» (перевод Федора Касьянова Гозвинского, 1608 г.) (л. 157); «Слово Палладия мниха о втором пришествии» (л. 312); «Слово Иоанна Златоуста о лжепророках и ложных учителях» (л. 333); толкование псалма 118 (л. 364); беседы на библейские тексты (л. 365); «Почтение в неделю всех святых» (л. 381).

17 (83). Сборник, XVII в., в лист, устав нескольких почерков, 500 л., переплет — доски, тисненная с позолотой кожа, с застежками (XIX в.). На корешке тиснение: «Изумруд» и ярлык: «Р. Мальцев № 232». Записи: «№ 120, Мал. 1921 г.» (крышка переплета). Мелкие пометы в тексте на полях рукописи. Бумажный знак — шут. В рукописи — 202 слова. Оглавление их на лл. 1—8. Этот сборник кончается на л. 352. Далее следует: «Житие Стефана Нового, епископа Сурожского» (л. 353); «Слово о погребении тела господня» Епифания Кипрского (л. 365); «Слово на Пасху» Григория Богослова (л. 381); «Слово на св. воскресенье» Иоанна Златоуста (л. 406 об.); «Почтение на воскресение Христа» (л. 411); поучения Иоанна Златоуста (л. 414); «Слово Кирилла епископа о снятии тела господня» (л. 428); «Сказание о расслабленном» Иоанна Златоуста (л. 437 об.); слова и сказания, связанные с пасхальными праздниками (лл. 444 об.—500).

18 (84). Сборник учительный, XVI в., в лист, устав нескольких почерков, 423 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками (XVIII в.). На корешке ярлыки: «Златоуст» и «Р. Мальцев № 51». Записи: «№ 96 Мал. 1921» (оборот передней крышки переплета, синий карандаш). «Сия книга принадлежит тому, кому следует» и штамп «Научная библиотека при Саратовском госуниверситете № 51» (л. 1а, скоропись XIX в.); «Лета 7033-го написана бысть книга сия во обители пречистыя богоматери честного ее рожества монастыря Ферапонтова на Беле озере многогрешною рукою. Мало послужение, прошу прощения» (л. 422, скоропись XVII в.); «Лета 7033 от написания книги сей 33 года» и «1861 год» (л. 422, скоропись XIX в.). Бумажный знак — рука с цветком и с лепестком. Оглавление сборника на лл. 1 об.—2.

19 (87). Послание инока Иосифа Манефе, Ираиде и Марии, XIX в., в лист, устав, 2 л., без переплета. Записи: «...отношения духовных властей к присоединившимся в прошлом столетии царю. М. М. Зимину Н. А. Золотарев, 1922 г.» (л. 1); «Священнонок Иосиф октября дня 1849 года и всему вашему серафимскому собору нижайше кланяюсь» (л. 2 об.).

20 (88). Сборник слов Исаака Сирина, XIV в. (конец)—XV в. (начало), в 4-ку, устав нескольких почерков, 343 г., переплет — доски, обтянутые тисненой с золотом кожей, застежки (XIX в.). На корешке ярлык: «Р 1231 Мальцев №». Записи: «200. — № 461 Мал. 1921 г.» (оборот верхней крышки переплета, карандаш), «Исаака Сирианна, постника и отшельника, еп. Ниневию, словеса постническа. Ок. 1370 г.» (л. 1а, скоропись нач. XX в.). «Из Правительствующего сенату» (л. 339 об., скоропись XIX в.). На лл. 340 об., 341 об. и на обороте нижней крышки переплета карандашные пометы скорописью конца XIX—нач. XX в. по содержанию сборника слов. На л. 342 скорописью XVIII в. пометы о некоторых словах Исаака Сирина из этого сборника. Оглавление сборника на лл. 14—17 об.

21 (89). **Сборник**, XV в. (конец)—XVI в. (начало) (водяной знак — бычья голова с цветком), в лист, полуустав нескольких почерков, 342 л., заставки с золотом, рисунки акварелью, переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки (XVIII в.). На корешке ярлыки: «Исаак Сирий» и «Р. Мальцев. № 62». Записи: «Собор. 38 (зачеркнуто), 79 (зачеркнуто) № 90. Мал. 1921. Исаака Сирина и проч. 9 января 1879 г.» (оборот верхней крышки переплета); штамп: «Научная библиотека при Саратовском госуниверситете № 62» (л. 1а); «Милостивому государю и благодетелю Федору Ивановичу благодарственную лице[зе]мно» (л. 1б, скоропись XIX в.; написано справа налево). **Содержание**: слова Исаака Сирина (Сирианина) (л. 1); св. Илариона «Наказание» (л. 161 об.) и «Поучение» (л. 169); миниатюра, изображающая вознесение души в рай (л. 170 об.); «Житие вкратце Иоанна Схоластика» (л. 171); послание Иоанна игумена на Синайскую гору (л. 173); ответное послание Иоанну игумену с Синайской горы из 30 слов (л. 174 об.); «Слово Иоанна Синайского к пастырю» (л. 258 об.); миниатюра, изображающая распятие (л. 267 об.); «Предисловие о житии блаженных отец» (л. 268); жития «блаженных отец» по алфавиту от Антония до Сысыя (л. 268 об.); нравоучительные выдержки из слов (л. 325); слова св. Касьяна: «О рассуждении» (л. 325 об.), «О восьми помыслах» (л. 326 об.); слова: «О сребролюбии» (л. 328), «О гневе» (л. 330), «О скорби» (л. 332), «Об унынии» (л. 332 об.), «О тщеславии» (л. 333 об.), «О гордости» (л. 333 об.); слова И. Лествичника (л. 334 об.); «Сказание о безмолвии» Григория Синаита (л. 338); «Слово о втором пришествии» Палладия мниха (л. 341 об.).

22 (90). **Сочинения Максима Грека**. XVII в. (первая половина), в лист, полуустав двух почерков, 447 л., переплет — доска, тисненая кожа, следы заставок (конец XVIII в.). Записи: «Книга преподобного Максима Грека Святогорца, куплена Кирилом Шомовым в селе Иваново в лето 7322» (л. 1а); «От сотв[орения] мир[а] 7439, от рож[дства] Христова 1932 только куплена, а писана може еще раньше» (л. 1а, карандаш); штамп: «ГЛМ $\frac{10549}{1}$ ». На л. 1 — хорошо исполненная заставка.

Содержание: «Повесть о сретении иконы Владимирской богородицы» (л. 1); «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека и како прегере до скончания своего» (л. 2б); «Символ исповедания веры» (л. 38); «Предисловие сказующе вкратце силу книги сея» (л. 40 об.). Далее полное описание содержания дается в конце самой рукописи.

23 (91). **Сборник**, XVII в., в 8-ку, полуустав, 109 л., переплет — кожаная сумка (XVIII в.). Записей нет. **Содержание**: оглавление сборника (л. 1); из слова Максима Грека «О священном писании» (л. 6); «Обет об избрании игуменов» (л. 8 об.); «Беседа о необходимости заботиться о церкви» (л. 22); «Нравоучение к еретикам, отдирающим себя от церкви» (л. 28); «О теле и крови Христовой» (л. 38); вопросы Анастасия Синайского (л. 44); «Беседа о повинении пастырям» (л. 50 об.), «Слово о поставлении епископов и попов» (л. 56); из «Жития Макария Александрийского» (л. 58); из «Номоканона» (л. 64 об.); послание Фотия митрополита (л. 65); выписки из «Кормчей» (л. 66 об.); «Сказание о Феофиле, патриархе александрийском» (л. 70); «Сказание о царе Магмете, како хотел сожеши книги греческие» (л. 75 об.); «Беседа о крещении» (л. 81 об.); из «Пролога» о перенесении мощей св. Николая (л. 84); отрывок из «Кормчей» о правилах св. собора (л. 85 об.); из «Жития Макария Александрийского» (л. 86); «Слово Николая Черногорца» (л. 85 об.); «Слово о воде богоявленской» (л. 89); выписки из сочинений отцов церкви, в том числе Дионисия Ареопагита, Пикона, Иоанна Златоуста, Максима Грека, Андрея Юродивого (л. 89 об.); «Слово об отце Оригене» (л. 96 об.); из «Жития преп. Евфимия» о сретике (л. 101 об.).

24 (92). **Сочинения Максима Грека**, XIX в. (начало), лист, устав, 600 л., переплет — доски, обтянутые тисненой с золотом кожей, следы застёжек (XIX в.). На корешке тиснение: «Максима Грека» и ярлык: «Р 76 Мальцев №». Бум. знак 1820 г. Запись: «500. — № 573. Мал. 1921 г.» (л. 1а, карандаш). Много тщательно выполненных заставок поморского письма. **Содержание**: обращение к читателю с указанием написания книги «в боголюбивом общежителстве богоявленския киновии и преподобного отцу Зосимы и Саватия соловецкого чудотворцу. В лето от сотворения мира 7329-е мая в 30 день» (л. 1); «Сказание о Максиме философе» (л. 4 об.); надпись на таблице у гроба Максима Грека в Троице-Сергиевой лавре (л. 7 об.); чудо препод. Максима Грека (л. 8 об.); тропарь Максиму Греку (л. 9); выпись из грамоты старца Ферапонтова монастыря Пасия к великому князю Василию Ивановичу «О сочегании второго брака» (л. 10); «Послание четырех патриарх» (л. 13 об.); «Послание иноков Святой Горы» (л. 14); речь Златоуста (л. 16 об.); о Максиме Греке (л. 17); «Сказание старца Климента» (л. 17 об.); предисловие к сочинениям Максима Грека (л. 18); оглавление книги (146 глав) (л. 19 об.); заставка к титульному листу (л. 25); сочинения Максима Грека (л. 26); оглавление книги сочинений Максима Грека, хранящейся в Троице-Сергиевой лавре (115 глав) (л. 573); предисловие к этой книге

(л. 577); диалог Геннадия Патриарха с турчином о вере (л. 578); из книги Максима Грека, «иже в Кирилловом монастыре, прение христиан с сарацыном» (л. 587).

25 (93). **Сочинения Максима Грека**, XVIII в. (начало), в лист, полуустан, 439 лл., переплет — картон, обтянутый тисненой кожей (XVIII в.). На корешке тиснение: «Труды Максима Грека». Записи: «Труды Максима Грека» (л. 1, скоропись, XIX в.). Скрепка XVIII в. по лл. 6—54: «Сия книга майора Петра Тыркова благословлена Киево-Печерской лавры монахом Ираклеоном в Сорокошачих 1745 году генваря 19 дня». Вторая скрепка его же по лл. 65—78: «Сия книга Петра Богданова сына Тыркова». Содержание: «Предисловие, сказующее вкратце силу книжки сей» (л. 1); «Сказание известно главам, яже суть в книзе сей» (л. 2 об.); сочинения Максима Грека (из 75 глав) (л. 6); «Слово на латинов» Максима Грека из 23 глав (л. 395).

26 (94). **Сборник**, XVIII в. (конец), в 4-ку, полуустан двух почерков, 99 лл., переплет — картон, обтянутый кожей (XIX в.). Сборник реставрирован. Записи: «Из книг Ивана Рукавишника № 534» (оборот верхней крышки переплета). «Сия скорописная книга города Лебедяни мещенина Василья Акимова сына Сорокина» (л. 75 об., скоропись XIX в.). Содержание: «Слово Палладия мниха о втором пришествии» (л. 1); толкование текстов из Евангелия (л. 35).

27 (95). **Лавсаик (Скитский патерик)**, XVI в. (вторая половина), в 4-ку, устан нескольких почерков, 610 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застешки (XIX в.). Сборник частично реставрирован при переплете. На корешке надпись: «Лавсаик» и ярлык: «Р. 869 Мальцев №». Записи «№ 211 Мал. 1921» (оборот передней крышки переплета, карандаш). Скрепка XVII в. по лл. 6—21: «Книга Лавсаик по-гречески, а по-русский Скитский патерик благословил Иван Иванов Сабаликов внучат своих Алексея и Федора Петровых детей Муксуновых». Листы 605—610 писаны позже крупным устаном. Интересна заставка на л. 6. Оглавление Лавсаика из 58 глав на лл. 1—2 об.; предисловие — лл. 3—5.

28 (96). **Сборник**, XVIII в., в 4-ку, скоропись нескольких почерков, 142 л., переплет — картон, кожа (XVIII в.). Содержание: «Слово Агапия о введении в рай» (л. 1); записи 1824 г. о потопе (л. 7 об.); «Слово Палладия мниха о втором пришествии» (л. 8); выписки из «Цветника» (л. 33); «О величестве славы Троицы и имени Богородицы», всего 108 глав (л. 38 об.). В конце незначительные записи XIX в.

29 (97). **Сборник слов и поучений Максима Грека**, 1699 г., в лист, скоропись, 8 лл., без переплета. На л. 1 предисловие писца, из которого следует, что сборник переписывался «трудами и рукой усердного школьного ученика Прокопия Сергеева в монастыре преславных чудес архистратига Михаила и во святых отца нашего Алексея митрополита киевского и всея России в лето от создания мира 7207, от рождения же Христова 1699-го месяца мая». Содержание: предисловие писца (л. 1); нравоучение 32 (л. 1 об.); обряды 45 (л. 1 об.); нравоучение 38, «яко подобает прилежно внимать писаниям» (л. 2); выписки из «Маргарита», Илариона, Дионисия, Дамаскина, Григория Сицианта, Златоуста (л. 2 об.); «Предлог к книге преподобного Максима Грека» (л. 7 об.); концовка писца: «Прочитающие, молитесь о мне, окаянном» (л. 8 об.).

30 (98). **Украинский диалог «Розмова до праце о душе грешной суда припадшой и о судии справедливого Христа спасителя»**, XVII в., в 4-ку, скоропись, 9 лл., без переплета. Вложено в бумагу нач. XX в. с надписью: «Розмова до праце. Украинский диалог XVII в. Кушлен в Харькове на базаре (благбай) в 1921 г.».

31 (99). **Сборник («Розмовы, или беседы двух мудрых персон»)**, XVIII в., в 4-ку, устан, 321 лл., переплет — картон, обтянутый тисненой кожей (XVIII в.). Записи: штамп «ГЛМ 9482/1» (л. 1 об.). Содержание: оглавление (л. 1); «о науке и простоте» (л. 2); «о неразсужденных произвождениях» (л. 13); «о диалекте или о способе глаголаня и писанья» (л. 28); «о способах, како с людьми дела творить» (л. 37); «о симпатии и антипатии, то есть о природном союзе и о природной противности» (л. 57); «о чести» (л. 81); «о родстве славы со фортунною, о рожности между славою и хвалою» (л. 114); «о подозрени» (л. 148 об.); «о отречении» (л. 166 об.); «о душе» (л. 192); «о совете» (л. 223); «о прожновании или дробных забавах людей великих» (л. 254); «о рассмотрении военном или разумной отваге» (л. 276); алфавитный указатель к беседам (л. 300).

32 (100). **Сборник**, XVIII в. (конец), в 4-ку, скоропись нескольких почерков, 442 л., переплет — картон, уголки и корешок обтянуты кожей, на корешке ярлык XVIII в.: «В[е]ра разуменья» и печатный ярлык с № «1175». Записи — штамп: «ГЛМ 9262/3612». Содержание: Поучения: на рождество Христово (л. 1), на обрезание господине (л. 8 об.), на обрезание Иисуса Христа (л. 15 об.), на богоявление

господне (л. 21), на сретение господне (л. 34 об.), на сретение господне (л. 40 об.), на цветоносие (л. 48), в неделю цветоносия (л. 56), на страсти Христовы (л. 62 об.), на страсти Христовы (л. 69 об.), на воскресение Христово (л. 79), на воскресение Христово (л. 89 об.), на вознесение господне (л. 103), на вознесение господне (л. 111 об.), на шествие св. духа (л. 123 об.), на шествие св. духа (л. 135), на преобразование господне (л. 145), на преобразование господне (л. 155 об.), на воздвижение креста (л. 159 об.), на воздвижение креста (л. 167 об.), на рождество богородицы (л. 174 об.), на введение богородицы (л. 183), на введение богородицы (л. 190), на благовещение богородицы (л. 197 об.), на покров богородицы (л. 207 об.), на покров богородицы (л. 218), в день Иоанна Крестителя (л. 235), в день Петра и Павла (л. 247 об.), в день Петра и Павла (л. 260 об.), в день Николая чудотворца (л. 269 об.), в день архистратига Михаила (л. 278 об.), в день пророка Ильи (л. 287 об.); «Слово на коронацию Екатерины Алексеевны» (л. 297); «Слово в день торжественного восшествия на всероссийский императорский престол благочестивейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, в Суздальском катедральном Рождественском соборе, проповеданное суздальской семинарии префектом Шартомского монастыря игуменом Арсением Изаграфовым 1773 года июня 28 дня» (л. 312); слова: в день рождества богородицы (л. 319); в неделю жен мироносиц (л. 327); толкования: псалма 117, стих 24 (л. 333), псалма 84, стих 9 (л. 341); «Слово на день рождения Павла Петровича» (л. 347); толкование Евангелия (л. 355); слова: в день покрова богородицы (л. 363), о богородице (без начала) (л. 369), в день Петра и Павла (л. 371), на день рождения Екатерины II (л. 379); «Речь к архиерею Дмитрию, пришедшему с Украины в Москву» (л. 382); «Слово на пресечение смертоносной язвы по получении указа, сказыванное суздальской семинарии префектом и философии учителем Андреем Изаграфовым в Суздальском кафедральном соборе декабря 16 дня 1772 года» (л. 387); «Слово в день знамения богородицы» (л. 391); толкования: псалма 23, стих 8 («говорено в Красном селе в присутствии преосвященнейшего Геннадия епископа 1768 г.») (л. 397), Евангелия от Луки (л. 403), текста из Захарии, гл. 9 (л. 409); слова: в неделю жен мироносиц (л. 417), на усекновение главы (л. 421 об.); поучение на освящение церкви (л. 427); слова: «во святой пяток» (л. 431), в неделю всех святых (л. 440).

33 (101). **Сборник**, XIX в. (начало), в 4-ку, скоропись, 15 лл., без переплета. Запись: «Переписано 1801-го года сентября 5-го дня от гвардии вахмистра сыном Петром Мамаевым» (л. 15 об.). Рукопись подверглась правке в XIX в. Содержание: «Слово о страшном суде» (без начала, с позднейшей правкой) (л. 1); «Речь, говоренная его императорским высочеством в первом его присудствии в Сенате при входе» (л. 14 об.).

34 (103). **Сборник**, XIX в. (середина), в 4-ку, полуустав, 129 лл., переплет — доски, обтянутые кожей, следы застежек (XIX в.). Записи: штамп — «ГМЛ $\frac{10549}{2}$ »

(л. 1а); «Иван Ксенофонов Тютин» (л. 16, карандаш, скоропись XX в.) «1931 год август 15 Иван Ксенофонт Тютин. Село Донилово» (об. нижней крышки переплета, карандаш). В книгу вложено оглавление, составленное в конце XIX—нач. XX в. на 3 лл. Содержание: оглавление (лл. I—III); из Ефрема Сирина слово 107 (л. 1); «Слово о некоем милостивом человеке» (л. 6); чудеса 9-е и 17-е из «Звезды Пресветлой» (л. 14 об.); «Слово о гордом мнихе» (л. 16 об.); из апостольских бесед (л. 17 об.); вопросы и ответы Афанасия Великого (л. 18); о крестном знаменнии (л. 18 об.); о молитве (л. 21 об.); 3-я глава из Дамаскина (л. 22); об ангелах (л. 26); о христианском житии (л. 27 об.); об иконописцах из «Кормчей» (л. 28 об.); «Житие Феодосия Печерского» (л. 31); выписки из «Кормчей» (л. 32 об.); «Поучение аввы Доротея о вольнодумстве» (л. 34 об.); выписки из «Великого Зерцала» (л. 36 об.); о пьянстве (л. 40 об.); поучения св. отец о скуфье (л. 41); поучения св. отец о брани (л. 43); «О Феодоре купце» (из «Пролога») (л. 44 об.); десять заповедей (л. 49); о добродетелях (л. 52 об.); изложение о вере Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского (л. 55); изложение о вере св. Максима (л. 57 об.); поучение о христианском житии (л. 63); из Максима Грека о крестном знаменнии (л. 72 об.); о тайне обхождения пасхи (л. 79); «Сказание о явлении ангела Макарию Египтянину» (л. 103).

35 (104). **Сборник** **лицевой**, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в лист, устав, 18 лл., переплет — картон, углы и корешок обтянуты тканью, на обложке ярлык с надписью: «53. Цветник лицевой греческого письма». Записи: штамп — «ГМЛ $\frac{10450}{3}$ »

(оборот верхней крышки переплета); «Цветник. Лицевая. Рукописный синодик. Цветник московский Т. П. М.» (л. 1, скоропись, конец XIX в., карандаш). Содержание: «Поучение о скорой смерти» (с миниатюрой) (л. 2 об.); «Притча Варлаама старца о трех друзьях» (с миниатюрой) (л. об.); притча из «Повести о Варлааме и Иосафе»

о древе жизни (с миниатюрой) (л. 5 об.); «Слово Иоанна Златоуста о непекущихся о людях епископах» (л. 7); «О Моисее Мурине» (из «Патерика», с миниатюрой) (л. 10); миниатюры с текстами поучительных изречений (л. 10 об.); из «Лествицы» о послушании с (миниатюрой) (л. 11 об.); миниатюра, изображающая св. духа (л. 14); «Слово Иоанна Златоуста о страхе божьем» (с миниатюрой) (л. 14 об.); «Слово о покаянии» (с миниатюрой) (л. 15 об.); «Слово Иоанна Златоуста как подобает стоять в церкви» (л. 17).

36 (105). Выписка из Пролога, XX в., в 4-ку, устав, 1 л. Запись: штамп — «ГЛМ $\frac{10075}{15}$ » (л. 1 об.). Содержание: «Месяца июня в 25 день слово о мирской чади».

Е. И. ДЕРГАЧЕВА-СКОП

Старинные рукописные книги в хранилищах Свердловска

Старинные рукописи в Свердловске выявлены нами в двух хранилищах: Государственном архиве Свердловской области и фондах Свердловского краеведческого музея.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО) является одним из крупнейших архивохранилищ Урала. В нем сосредоточено огромное количество рукописных документальных материалов по истории горнозаводской промышленности, истории отдельных заводов как казенных, так и частных. В его же фондах встречаются документы о состоянии и развитии культуры Урала с начала XVIII в. В архиве не имеется особого отдела памятников древнерусской письменности, рукописи и рукописные книги находятся здесь в фонде Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Часть этого собрания осталась в хранилище краеведческого музея, созданного УОЛЕ еще в 1887 г.

Уральское общество любителей естествознания было образовано 29 декабря 1870 г. в г. Екатеринбурге. Вокруг него объединились лучшие силы передовой интеллигенции Урала. Членами Общества были писатель П. П. Баснин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, историки-краеведы Н. К. Чупин, А. Н. Зырянов и др. Общество ставило своей задачей широкое изучение местного края в историческом, географическом, этнографическом и естественнонаучном отношении.¹ Трудями членов УОЛЕ организуется богатейшая библиотека при музее, в составе которой имелся рукописный отдел, куда и поступали документы по истории Урала, древнерусские рукописи и рукописные книги в списках XVII—XIX вв.

Библиотека комплектовалась в основном из книг, пожертвованных членами общества. Рукописный отдел не представляет цельного собрания. Сюда попадали рукописи, представляющие некоторую историческую или литературную ценность. Так, Д. Н. Мамин-Сибиряк передал в УОЛЕ большое собрание столбцов начала—конца XVII в. (в настоящее время хранится в ЦГАДА). Из его коллекции в Свердловске сохранились случайно 2 столбца 1621 и 1670 гг. Первый — челобитная «белого попа Иваница, дьячка Терешки, пономаря Никитки» к царю Михаилу Федоровичу с просьбой земли и покосов «на украшение храма на Тагиде-реке».² Второй столбец 1670 г. — крепостная «выпись из Арзамсской писцовой книги 1646 г.».

¹ Подробнее см. в кн.: Очерки истории Свердловска. Свердловское книжное издательство, 1958, стр. 134—138.

² Ответ царя от 1629 г. на эту челобитную известен, он цитируется в книге: Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902, стр. 219.

Подобным путем попали в собрание материалы и статьи в защиту патриарха Никона и собрание стихотворений середины XVIII в., или рукописный сборник «Либералист» с неизвестными стихотворениями поэтов XIX в.³

Кроме фонда УОЛЕ, в ГАСО рукописные и старопечатные книги имеются в трех фондах: ф. 156 — исторические рукописи разных авторов; ф. 81 — Екатеринбургского Екатерининского собора; ф. 75 — старообрядческой церкви Белокрыницкой иерархии, а также в справочной библиотеке архива.

По содержанию большая часть книг этих фондов относится к церковно-богослужебной литературе.

Среди орнаментированных книг особо интересных не встречается. Можно отметить только старообрядческие крюковые рукописи конца XVIII—начала XIX в. с многоцветными заставками в старорусском стиле.

Заслуживают особого внимания сборники рукописного собрания УОЛЕ. Наиболее интересным для историка древнерусской литературы является сборник конца XVI—начала XVII в., содержащий ряд списков произведений древнерусской литературы, в том числе интересные списки повестей: «О Новгородском белом клобуке», «О путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим», «Повесть о царице Динаре» и др. Этот сборник, а также сборник поучений и наставлений Иоана Златоуста, Григория Нового и Василия Великого являются наиболее древними среди известных нам в Свердловске рукописных книг.

Следует отметить своеобразное собрание рукописных книг, переданных из библиотеки Выйского Нижне-Тагильского училища (после его ликвидации) в ГАСО и оттуда попавших, вероятно, по недоразумению в справочную библиотеку архива.

Выйское высшее заводское училище преобразовано в 1806 г. из «цифрной» школы (1709—1805), переведенной в первой четверти XVIII в. из Невьянска в Нижний Тагил. Среди рукописных книг здесь в основном переводная дидактическая литература и повести начала XVIII в.: «Зелим и Дамазина», «Похождение мужички, достигнувшей знати и богатства через добродетель и осторожность», «Обучающий гофмейстер шляхтерных детей», «О французской репутации», «История о Алкамнесе, принце скифском» и др.

Ниже приводим описание 49 рукописей из свердловских книгохранилищ, обозначая в скобках их местонахождение.

1. Рукописи музея и фондов ГАСО

1. Сборник, XVI в. (конец), в 4-ку, 168 лл., скоропись разных почерков, переплет — доски, обтянутые кожей. Содержание: поучения и наставления Иоанна Златоуста, Григория Нового, Василия Великого. (Музей).

2. Сборник, XVII в. (начало), в 4-ку, 216 лл. с отдельной пагинацией, скоропись, переплет — доски, обтянутые кожей. Запись: «Сия книга Троицкого монастыря диакона Петра Тимофеева Усинникова» (л. 15). Содержание: «Повесть о Басарге» (лл. 1—15); «Космография» (краткая) и выписка из «большой Космографии... вкратце» (лл. 16—59); «Повесть о Иверской иконе богородицы» (лл. 59—62 об.); «Повесть о Динаре» (лл. 62 об.—68 об.); «Повесть полезна прение о вере» (лл. 74—78 об.); краткая редакция повести «О Новгородском белом клобуке» (лл. 68 об.—74), «Слово о кресте», «Слово о Софiei Премудрости божией», «Сказание о Давыде царе» (лл. 78 об.—83 об.); «О дому Давыдове», «О святом Иордане» (лл. 84 об.—99); «Пре-

³ Сборник описан в статье И. А. Дергачева «Живых зову» (Урал, 1962, № 4).

дисловие святцав писано неким премудрым зюграфом» (лл. 99 об.—118 об.); «Житие Евстафия» (лл. 118—136 об.); «Мучения святых семи отроков» (лл. 136 об.—147 об.); «Сказание о седми вселенских соборах» (лл. 148—159); «Повесть о новгородском белом клобуке и посольная грамота Дмитрия Грека» (лл. 159 об.—177 об.); «Житие Иоанна Новгородского», «Слово об открытии мощей Иоанна» (лл. 177 об.—183 об.); «Путешествие Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» (лл. 184—198); «Летописец вкратце» (лл. 191—201); разные притчи (лл. 201 об.—216). (Музей).

3. «Описание Соликамска с уездом, Михаила Кайсарова 1623 г.», XVII в. (конец), в лист, 80 лл., скоропись, переплет картонный, корешок кожаный, нет начала. Записи. «Сия книга соликамского посатского человека Сильвестра Емельянова» (на шмуцтитуле), «... книга соликамского посадского Савы Сильвестрова, сына Емельянова, дано по списку восемьдесят, каждую потписал своей рукой» (скрепа по лл. 2—47). (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 473).

4. Сборник, XVIII в. (1-я четверть), бумага 1709 г., в 4-ку, 220 лл., скоропись, переплет кожаный, приобретена УОЛЕ 20 декабря 1907 г. Содержание: «Житие Андрея Юродивого и ученика его Епифания», нет начала и конца (лл. 14—69); разные притчи, нет начала и конца (лл. 70—93); известие о моровом поветрии (лл. 94—102), (на 102 л. указано: «Писано письмо лета 7191 (1683) апреля в 3 день»); «Сказание о граде Астрахани» (1667—1671 гг., о взятии города Разиным), нет титульного листа и конца (лл. 104—219). (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 308).

5. Сборник материалов в защиту патриарха Никона, XVIII в. (1-я четверть), бумага 1712—1720 гг., в 4-ку, 370 лл., скоропись и полуустав, переплет — доски в коже. Содержание: «Житие Никона» Ивана Шушерина (лл. 1—111 об.); царские грамоты Никону, «видение» Никона патриарха, его переписка с Афанасием, сосланным в Симонов монастырь, извещение о низвержении Никона и грамоты по его делу, «видение дворянина Матвея Володимерова, сына Оборина», акrostихи архимандрита Никанора и Германа из Воскресенского монастыря (лл. 112—370). (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 278).

6. «История о Сибирстей земли...» Саввы Есипова, XVIII в. (середина), бумага 1734—1741 гг., в лист, 67 лл. скоропись, переплет картонный, корешок кожаный; «Описание о поставлении градов и острогов Сибири во взятии...» (лл. 21—67 об.), доведено до 1699 г. (Распространенная редакция, название то же, что в списке ЦГАДА, ф. 199, портфели Миллера, портфель 805).⁴

7. Записки А. А. Матвеева о стрельцком бунте, XVIII в. (середина), бумага 1739—1742 гг., в 4-ку, 125 лл., скоропись, переплет кожаный. (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 314).

8. Летописец келейный Дмитрия Ростовского, XVIII в. (середина), в лист, 169 лл., скоропись, переплет картонный. Запись: «Сия книга купца Верхотурского Петра Ентальцова, переписана в 1759 году» (л. 1). (ГАСО, ф. 156, оп. 1, д. 52).

9. Сборник, XVIII в. (середина), в лист, 110 лл., скоропись, переплет картонный. Запись: «Сия книга верхотурского купца Петра Ентальцева, подписал в 1759 году» (л. 2). Содержание: «Исчисление вновь присоединенных областей от реки послонитой Польской к России и Пруссии...» (лл. 1—9 об.); «Сказание о святых седми вселенских соборах» (л. 9—9 об.); «Краткое писание истории российской о народе славяноросском и московском», доведено до 1730 г. (лл. 10—22 об.); грамоты, касающиеся Дмитрия, митрополита ростовского (лл. 23—29); «Изъявление о зачатии и о рождении всепресвятейшего державнейшего Петра Великого государя императора и самодержца Всероссийского и о прочем»⁵ (лл. 29 об.—63 об.). (В составе этого ниу). (ГАСО, ф. 156, оп. 1, д. 53).

«Изъявления» находится «История о бунте стрельцов», но уже без предисловия, которое имеется в «Записках А. А. Матвеева». Оба списка имеют лишь незначительную раз-

10. Арифметика Магницкого, XVIII в. (середина), в 4-ку, 188 лл., скоропись, переплет картонный, корешок кожаный. Запись: «1751 году Екатеринбургского посатского Павла Осинцева сия книга, а писана месяца декабря 18 числа» (л. 188 об.). (Музей).

11. Сборник стихов, принадлежащий учителю поэзии Авраамии Серебрянникову, XVIII в. (вторая половина), в 4-ку, 185 лл., скоропись, переплет кожаный. Содержание: стихи Тредиаковского, переводы из Вольтера, басни, притчи, переложения псалмов. (Музей).

⁴ См.: Н. А. Дворецкая. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 473.

⁵ «Изъявление» лишь отдаленно напоминает первую часть «Исторического разыскания» записок Петра Крекшина (см. в кн.: Записки русских людей. СПб., 1841, стр. 1—67).

12. **Летописец Дмитрия Ростовского**, XVIII в., в лист, 225 л., скоропись, переплет — кожа, доски. (Музей).
13. **История о разорении Трои**, XVIII в., в 4-ку, 117 л., скоропись, переплет картонный, корешок кожаный. Запись: «Сия истинная и правая история Дитом Греком написана» (л. 1). В библиотеку УОЛЕ поступила 17 февраля 1887 г. (Музей).
14. **Исповедание веры наместника Савоярда**, XVIII в. (3-я четверть), бумага 1765 г., в 4-ку, 61 л., скоропись, переплет картонный. (ГАСО, ф. 156, оп. 1, д. 45).
15. **Житие Василия Нового и видение его ученика Григория**, XVIII в. (последняя четверть), бумага 1765—1768 гг., в 4-ку, 77 л., скоропись, полуустав, переплет картонный. На л. 77 рукой В. Будрина, уральского краеведа, указана дата передачи в музей УОЛЕ: 19.1.1923 г. (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 660).
16. **Житие Василия Нового**, XVIII в. (конец)—XIX в. (начало), в 4-ку, 184 л., скоропись, переплет — доски, обтянутые кожей. (Музей).
17. **Удаление от грехов и уклонение от зла**, XVIII в., в 4-ку, 57 л., скоропись, переплет картонный, корешок кожаный. (Музей).
18. **Двор цесаря турецкого сочинение Симона Старовольского**, XVIII в. (последняя четверть), бумага 1777—1787 гг., в 4-ку, 82 л., скоропись, переплет картонный, корешок кожаный. Запись: «Переложено от словенопольского языка в славеноросский Андреем Лобызаловым лста мироздания 7195 месяца ноемвриа» (л. 82 об.).⁶ (ГАСО, ф. 101, д. 315).
19. **Повесть о взятии Царьграда турками Нестора Искандера**, XVIII в. (конец), бумага 1789 г., в 8-ку, 86 л., скоропись, без переплета, нет начала и конца. (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 288).
20. **Сборник**, XVIII в. (конец), бумага 1788 г., в 4-ку, 129 л., скоропись, переплет — кожа на досках. Запись: на обложке «Прочитал 1794 года июня 17 числа». Поступил в УОЛЕ в 1907 г. С о д е р ж а н и е: «Похвала глупости» Эразма Роттердамского (лл. 1—101 об.); «Замалески» (сатирическая сказка) (лл. 102—125); Д. И. Фонвизин «Всеобщая придворная грамматика» (лл. 126—129 об.). (Музей).
21. «**Послание Иоанна Дамаскина к Козьме, епископу маюмскому**», XVIII в. (конец), в 4-ку, 40 л., скоропись, переплет картонный. (ГАСО, ф. 156, оп. 1, д. 44).
22. **Стихотворение о раскольниковей борде**, XVIII в. (конец)—XIX в. (начало), в 4-ку, 2 л., скоропись, без переплета. 2-й лист — копия XX в., на нем запись: «Копия, с сохранением орфографии». (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 291).
23. **Сборник копий документов XVII в., XVIII в. (конец) — XIX в. (начало)**, на бумаге 1799 г., в лист, 465 л., скоропись, переплет картонный. (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 300).
24. **Полный и всеобщий лечебник Фридриха Рителя**, переведен с латинского языка, 1796 г. с печатной книги 1791 г., в 4-ку, 192 л., скоропись, переплет картонный, корешок кожаный. (Музей).
25. **Сборник**, XVIII в. (конец)—XIX в. (начало), бумага 1780—1799 гг., в 4-ку, 156 л., до 21 л. вклеен печатный «Апокалипсис», с 22 листа — скоропись, переплет — картон. Запись: «Сия святая и богодуховенная книга Апокалипсис святого Иоана Богослова и беседословие старообрядца с новообрядцем». И далее другим почерком подписано: «Генваря 30 дня 1823 года» (л. 150). С о д е р ж а н и е: «Апокалипсис»; «Послание Василия архиепископа новгородского, епискому тверскому Феодору о рае» (лл. 22—27); «Разглагольствование старообрядца с новообрядцем» (лл. 27—150); «Прошения от старообрядческого Успенского монастыря», (лл. 150 об.—156 об.). (ГАСО, ф. 75, оп. 1, д. 2).
26. **И. Голиков. Деяния Петра Великого (анекдоты о Петре Первом)**, XIX в. (начало) бумага 1816 г., в 4-ку, 239 л., скоропись, без переплета, рукопись вложена в красную папку, отделанную черным орнаментом, на ней написано: «Деяния Петра Великого». В рукописи нет начала и конца. Приобретена УОЛЕ 6 мая 1903 г. (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 305).
27. **Молитвенник, писанный на бересте**, XIX в. в 8-ку, 5 л., подделка под устав. (Музей).
28. **Азбука и заклинания сатаны**, XIX в. (начало), в 8-ку, 6 л., подделка под устав, без переплета. (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 287).
29. **Сборник духовных стихов**, XIX в. (начало), в 8-ку, 95 л., полуустав, переплет кожаный. Встречаются светские стихи: «Куда летишь кукушечка», «В клетку с крепкими стенами запертой я посажен». (Музей).
30. **Газета из ада**, XIX в. (начало), в 8-ку, 8 л., полуустав, без переплета. Приобретена УОЛЕ 4 мая 1890 г. (ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 285).

⁶ Этот перевод не зарегистрирован А. И. Соболевским (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 90—92).

31. «Житие преподобного Григория», XIX в. (начало), в 4-ку, 7 лл., скоропись, без переплета. «Записи: «Месяца марта 12 повесть о блаженном и преподобном отце нашем Григории и о житии его» (л. 1 об.); «Списано марта 15 дня 1802 года» (л. 6 об.). Далее тем же почерком перечислены названия следующих произведений: «История о князе Петре и королеве Магелене», «О рождении Пинкона», «Сказание о некоем купце», «История о царе Давиде», «Повесть о сильном богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике», «Повесть о Индейском царстве». (ГАСО, ф. 156, оп. 1, д. 49).
32. Ода для российского народа, XIX в., в лист, 2 л., полуустав. К рукописи приложено письмо, адресованное в УОЛЕ, с предложением прислать выписки из «Требника» Петра Могилы, сделанные В. М. Ундольским. На рукописи помета, что «Ода» «старинная раскольниковская рукопись... собственность Татьяны Рутовой». Рукопись поступила в УОЛЕ 5 сентября 1889 г. (ГАСО, ф. 156, оп. 1, д. 48).
33. Стоглав, XIX в., бумага 1837—1865 гг., в 8-ку, 466 лл., полуустав, переплет кожаный, на досках. (ГАСО, ф. 75, оп. 1, д. 3).
34. Разглагольствование старообрядца с новообрядцем, XIX в. (вторая половина), бумага со штемпелем 1865—1887 гг., в 4-ку, 274 л., полуустав, переплет кожаный, на досках. Запись: «Разглагольствование старообрядца с новообрядцем написано в 1782—1783 гг. Автор сего сочинения Сергий Юршев» (л. 1). (ГАСО, ф. 75, оп. 1, д. 1).⁷

II. Рукописи библиотеки Выйского училища, хранящиеся в справочной библиотеке ГАСО

35. «Зелим и Дамазина», XVIII в., в лист, нет нумерации листов, скоропись, переплет картонный, корешок кожаный. Запись: «Списана с французского переводу июля 9-го дня 1750 году» (л. 1).
36. «Гистория соединенной компании и о любовных рассказах римских кавалеров...», XVIII в. (середина), в лист, 136 лл., скоропись, переплет картонный, корешок кожаный.
37. «Арабские сказки» («Тысяча и одна ночь», 1 и 4 книги), XVIII в. (середина), в 4-ку, 542 л., скоропись, переплет кожаный.
38. «Жизнь одного человека», перевод с французского, XVIII в. (первая половина), в лист, листы не пронумерованы, скоропись, переплет картонный, корешок кожаный.
39. «Тысяча и одна ночь, гистория арапская» (тт. 10—11, с раздельной пагинацией), XVIII в., в 4-ку, 201 л., скоропись разных почерков, переплет кожаный.
40. «О действии дружества», XVIII в., перевод 8-й (10-го дня) новеллы Боккаччо, в лист, скоропись разных почерков, переплет картонный, корешок кожаный.
41. «Похождения достигнувшей знати и богатства мужички через добродетель и осторожность», бумага 50-х годов XVIII в., в лист, 319 лл., скоропись разных почерков, переплет картонный, корешок кожаный. Это авантюрный роман XVIII в., в 12 частях, предполагаемый перевод французской повести «Jeannette seconde, ou la Nouvelle paysanne parvenue, par Gaillard de la Bataille Paris, 1744»).⁸ Один из ранних списков.
42. «Обучающий гофмейстер шляхтерных детей светской истории, географии, генеалогии знатнейших домов в Европе и всему в штатских делах пужному рачителю», XVIII в., бумага 1756—1759 гг., в лист, 279 лл., скоропись, переплет кожаный. Запись: «Сию книгу к пользе благородных в России отроков с немецкого на российский язык перевел Академии наук ассессор Сергей Волчков 1757 году» (л. 1).
43. «Показание изъясненное поступок дворов и венского и саксонского... с приложением оригинальных писем...». Переведено с французского, 1759 г., в лист, 49 лл., скоропись, переплет картонный, корешок кожаный.
44. «История о Карле XII, короле шведском», 1753 г., в лист, 75 лл., скоропись, переплет картонный. Записи: «Гистория о короле шведском Карлоусе XII, сочиненная через господина Вольтера. Переписана декабря 29 дня 1753 лета» (л. 1); «Гордах всегда богу смирется и в надменных замыслах полномоцно украшает. 1785-го генваря 6-го числа с любопытством прочтен» (л. 74). На лл. 75—75 об. — оглавление.
45. О короле шведском Карле XII и краткая история Швеции, XVIII в., бумага 60-х годов XVIII в., в лист, 142 л., скоропись, нет титульного листа, переплет кар-

⁷ Кроме того, по описи УОЛЕ значится «История о десяти сидениях в Москве», XVIII в., но ни в Музее, ни в ГАСО этой рукописи не оказалось.

⁸ См.: А. С. Архангельский. Русская литература XVIII в. Казань, 1911, стр. 113.

тонный, корешок кожаный. Запись: «Часть вторая о короле шведском Карлоусе XII, сочиненная господином Вольтером...» (л. 81).

46. «История о Алкаменесе, принце скифском, и о принцессе Данаицкой Меналиппе», XVIII в., в лист, 96 лл., скоропись, переплет картонный, корешок кожаный.

47. «Лукавый в любви соперник», XVIII в., бумага 1746 г., в лист, без пагинации, скоропись, без переплета.

48. «О французской репутации», XVIII в., в лист, 25 лл., скоропись, переплет картонный, корешок кожаный.

49. «История о Епамеонде и Целериане», XVIII в., в лист, 150 лл., переплет картонный, корешок кожаный. Запись: «История о Епамеонде и Целериане, которая содержит в себе шестнадцать книг и разделена на два тома. Переведена с французского языка на российский 1741 году в Санкт-Петербурге» (л. 1).

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета

Научная библиотека Томского университета основана в 1879 г.¹ Начало ей положило богатейшее собрание книг графа А. Г. Строганова, насчитывавшее более 22 тысяч томов.² Среди других книжных коллекций наибольший историко-литературный интерес представляют библиотеки В. А. Жуковского, А. В. Никитенко, юриста и любителя редкой книги М. В. Сурина. Именно из них составилось основное ядро современного фонда Отдела редких книг и рукописей. В послереволюционные годы собрание пополнилось рукописями из местной духовной семинарии, закрытых старообрядческих скитов и монастырских библиотек. В 1954 г. библиотека получила ряд рукописей из музея университета, ранее принадлежавших Тобольскому древлехранилищу.

До сих пор в печати появлялись сведения лишь об отдельных рукописях библиотеки.³ Настоящая заметка ставит своей целью дать общее представление о всех славяно-русских рукописях собрания.

В библиотеке насчитывается 130 рукописей XVI—XIX вв. Из них к XVI в. относится 5, к XVII в. — 43, к XVII—XVIII вв. — 5, к XVIII в. — 36, к XIX в. — 40 рукописей. Значительная часть из них содержит материалы по истории Сибири. Кроме того, большое количество рукописей включает произведения исторические и литературные. Ниже приводится список рукописей.

1 (В.845).⁴ Измарагд, XVI в. (1-я половина), в 8-ку, 395 лл.

2 (В.879). Оглашение Кирилла Иерусалимского, XVI в. (1-я половина), в 4-ку, 375 лл. Записи о продаже книги пятницким диаконом Иваном Даниловичем; предтечевским попом Иваном Вдовым Никитиным игумену Богоявленского монастыря в Костроме Исае Лукошкову (1601 г.); игуменом Исаией гостю Бахтияру Евсиеву Будакину; стрельцом приказа Ф. И. Головленкова Антоном Павловым старцу Антонию, «Андреевского монастыря крылашенину». Из Тобольского древлехранилища.

3 (В.852). Евангелие тетр, XVI в. (середина), в лист, 477 лл. Из Тобольского древлехранилища.

¹ Краткие сведения о истории библиотеки см.: Советская историческая энциклопедия, т. 2. М., 1962, стр. 422—423; А. И. М и л ю т и н. Библиотека Томского университета. 1888—1913. Краткий исторический очерк. Томск, 1914.

² См.: А. И. М и л ю т и н. Библиотека гр. Строганова в Томском университете. — Русский библиофил, СПб., 1914, кн. 2.

³ См.: В. Д. То м и л о в а. О рукописях научной библиотеки Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. — Историк-марксист, М., 1941, № 6, стр. 155—157; М. Ф и л и м о н о в. 1) Сибирские рукописи в фондах научной библиотеки Томского университета. — Красное знамя, Томск, 1954, № 182, 14 сентября; 2) Новые документы по истории Томска. Там же, 1954, № 202, 12 октября; см.: Вопросы истории, М., 1955, № 1, стр. 184.

⁴ В скобках после порядкового номера указан шифр, под которым рукопись хранится в библиотеке.

4 (В.754). **Житие и творения Василия Великого** (орнаментированное), XVI в., в лист, 720 лл. Вкладная запись новгородского митрополита Киприана (Старорусенкова) от 1635 г. Из Тобольского древлехранилища.

5 (В.758). **Алфавит**, XVI в., в лист, 103 л. Записи сибирского архиепископа Герасима (XVII в.), Н. Абрамова (1840 г.). Из Тобольского древлехранилища.

6 (В.757). **Просветитель Иосифа Волоцкого**, XVII в. (начало), в 4-ку, 361 л. Владельческие записи сибирского архиепископа Киприана Старорушанина (Старорусенкова), XVII в. Из Тобольского древлехранилища.

7 (В.848). **То же**, XVII в. (начало), в 4-ку, 391 л. Вкладная запись архимандрита Новгородского Хутынского монастыря Пафнотия (1642 г.); владельческие записи архимандрита Вязицкого монастыря Евфимия (1652 г.), архиепископа Корнилия. Из Тобольского древлехранилища.

8 (В.764). **Таможенные книги Томского города**, 1624—1625, 1627 гг., в 4-ку, 135 лл.⁵

9. (В.765). **Книги окладных и других мелких расходов по Томскому городу**, 1630—1631 гг., в 4-ку, 120 лл.

10. (В.761). **Приходная книга томским денежным окладным и неокладным всяким доходам**, 1631—1632 гг., в 4-ку, 151 л.

11 (В.760). **Сборник**, XVII в. (2-я четверть), в 4-ку, 494 л. Вкладная запись дьячка Яким Савина, 1648 г. Из Тобольского древлехранилища.

12 (В.881). **Житие Антония Сийского**, XVII в. (2-я половина), в 4-ку, 191 лл. Владельческие записи иеромонаха Тобольского Знаменского монастыря Маркиана Злыгостева. Из Тобольского древлехранилища.

13 (В.753). **Сборник**, XVII в. (2-я половина), в 4-ку, 481 лл. Запись о приобретении книги в Москве в 1838 г. С о д е р ж а н и е: русские статьи из Хронографа III редакции, «Космография», «Хождение Трифона Коробейникова», «Хождение Василия Гагары».

14 (В.847). **Зерцало богословия**, Кирилла Транквилиона, 1676, в 4-ку, 107 лл. С почаевского изд. 1618 г. принадлежала Троицкому Козинскому монастырю.

15 (В.763). **Книга государева хлебного жалованья томским служилым людям**, 1670—1679 гг., в 4-ку, 175 лл.

16 (Шифра нет). **35 столбцов**, содержащих таможенные и судные дела по городам Томску, Кузнецку, Таре, Тобольску, Нарыму, 1604—1700 гг.⁶

17 (В.759). **Христианская топография Козьмы Индикоплова** (лицевая), XVII в., в лист, 336 лл. Записи о принадлежности книги иеромонаху Маркиану; Тобольскому архиерейскому дому (1738 г.). Из Тобольского древлехранилища.

18 (В.856). **Сборник**, XVII в., в 8-ку, 376 лл. С о д е р ж а н и е: «Сын церковный» и «Азбуковник» (без конца). Из Тобольского древлехранилища.

19 (В.854). **Звезда Пресветлая**, XVII в. (конец)—XVIII в. (начало), в 4-ку, 185 лл. Из Тобольского древлехранилища.

20 (В.885). **То же**, XVII в. (конец)—XVIII в. (начало), в 4-ку, 244 лл. Нет начала и конца. Из Томской семинарии.

21 (В.886). **Святцы** (лицевые), XVII в. (конец)—XVIII в. (начало), в 12-ю долю листа, 233 лл. Из Тобольского древлехранилища.

22 (В.838). **Сборник**, XVII в. (конец)—XVIII в. (начало), в 4-ку, 212 лл. Запись: «Ис келии архиерейской». С о д е р ж а н и е: «История о словенском народе и о зачале Великого Новаграда», «Собрание, как в прошлых годах великие государи цари и великие князи российскийские... писались в грамотах ко окрестным великим государем», «История царьградских царей», «Родословие турецких салтанов».

23. (В.819). **Сборник**, XVII в. (конец)—XIX в., в 4-ку, 203 л. Запись крестьянина Якова Ермилова из д. Новоложников Каинской округи Томской губернии (1864 г.). С о д е р ж а н и е: «Повесть о взятии Царьграда», жития Климента, папы римского, и Андрея Уродивого, слова Иоанна Златоуста, «Слово Евагрия о умилении души», повести из патериков, притчи из «Повести о Варлааме и Иоасафе».

24 (В.751). **Григорий Новицкий. Краткое описание о народе остяцком**. Автограф, 1715, в 4-ку, 100 лл. Помета о чтении рукописи Н. Абрамовым (1838 г.). Из Тобольского древлехранилища.⁷

⁵ Отрывки напечатаны: Сибирский архив, Минусинск, 1915, № 4—5, стр. 251—252; Томск в XVII веке, СПб., б. г., стр. 149—156.

⁶ Часть столбцов опубликована: И. П. Кузнецов - Красноярский. Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири, вып. 2, Томск, 1897 (№№ 9, 13, 14, 21, 27, 29).

⁷ Дважды издавалась: Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884; Григорий Новицкий. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941.

- 25 (Р.26). **Житие Савватия и Зосимы Соловецких**, XVIII в. (1-я четверть), в лист, 122 лл. Из Тобольского древлехранилища.
- 26 (В.850). **Египетский патерик**, XVIII в. (1-я четверть), в лист, 108 лл. Из Тобольского древлехранилища.
- 27 (В.869). **Л. Магницкий. Арифметика**, XVIII в. (1-я четверть), в 4-ку, 142 л. С изд. 1703 г. Без начала и конца. Владельческая запись сына солдата Енисейского полка Федора Усыянцева.
- 28 (В.878). **Сильвестр Диканский. Путник до святого града Иеросалима**, 1728, в 4-ку, 110 лл. Посвящение митрополиту тобольскому Антонию (Стаховскому). Из Тобольского древлехранилища.
- 29 (№ 76414). **История**, 1738, в 4-ку, 172 лл. Запись тобольского дворянина М. М. Лосева.
- 30 (В.853). **Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической Брынской вере**. 1740-е годы, в лист, 296 лл. Из Тобольского древлехранилища.
- 31 (В.768). **Уложение 1649 г.**, XVIII в. (1-я половина), в лист, 234 лл.
- 32 (№ 75718). **То же**, XVIII в. (1-я половина), в лист, 177 лл.
- 33 (В.849). **Скитский (сводный) патерик**, XVIII в. (1-я половина), в лист, 280 лл. Из Тобольского древлехранилища.
- 34 (В.822). **«Против человека, всечестного божия строения, завистное суждение и злое поведение проклятого демона...»**, 1752, в 4-ку, 140 лл. Запись писца монаха Германа.
- 35 (В.325). **Сборник**, XVIII в. (середина), в 4-ку, 68 лл. Содержание: «Сказание о стрелецких мятежах», «Духовная» и «Каталог книг» Стефана Яворского, «Духовная» Дмитрия Ростовского (с изд. 1717 г.).
- 36 (В.693). **«Пришествие» Карла XII, шведского короля, в царство мертвых**, XVIII в. (середина), в 4-ку, 109 лл. Из библиотеки В. А. Жуковского.
- 37 (В.762). **Арифметика**, 1750-е годы, в 4-ку, 112 лл. Владельческие записи учеников Андрея Ульянова (1757 г.), Федора Ульянова, Ивана Тогинова, Ивана Яковлева (1767 г.).
- 38 (Р.5). **В. К. Тредиаковский. Аргения**. Краткое содержание глав с мифологическими изъяснениями, 1760-е годы, в 4-ку, 185 лл. С изд. 1751 г.
- 39 (В.292). **Разрядные книги государевых походов**, 5 книг, 1760—1770-е годы, в лист. Т. 1 — 172 лл., т. 2 — 154 лл., т. 3 — 188 лл., т. 4 — 164 лл., т. 5 — 157 лл.
- 40 (В.752). **Книга записная Тобольского кафедрального собора**, 1770-е годы, в 4-ку. Содержит также «Синописис» и «Историю о Казанском царстве». Из Тобольского древлехранилища.⁸
- 41 (В.769). **Сборник**, 1770-е годы, в лист, 273 лл. Содержание: «Житие Петра Великого», Катяфора, и «О смерти Петра Великого краткая повесть» Ф. Прокоповича, с изд. 1726 г.
- 42 (В.801). **Российская история**, т. I, 1770-е годы, в 4-ку, 128 лл.
- 43 (Р.31). **Документы Бердской судной избы**, 1760—1784 гг., в лист, 190 лл.
- 44 (В.550). **Манштейн. История, политические и военные записки о России**, 1784, в 4-ку, 556 лл.
45. (Р. 16). **Сказание о Абаляцкой иконе богородицы**, 1786, в 8-ку, 42 л.
- 46 (В.521). **«Лютеранский пашквиль на книгу Камень веры»**, 1780-е годы, в лист, 188 лл.
- 47 (Р.8). **О царевиче Алексее Петровиче**, 1790-е годы, в 8-ку, 6 лл. Без начала и конца.
- 48 (В.800). **Материалы Тутальской земской избы**, 1793—1796 гг., в 4-ку, 10 лл.
- 49 (В.887). **То же**, 1793—1796 гг., в лист, 112 лл.
- 50 (В.820). **Сборник**, XVIII в. (последняя четверть), в 4-ку, 250 лл. Владельческие записи Ивана Баженова (1803 г.), драгуна Луцкого полка Матвея Яблонского. Содержание: «Хождение Трифона Коробейникова», «Сказание о Мамаевом побоище», «Синописис» (с изд. 1755 г.), «Сказание о Вавилонском царстве» (отрывок), «Хождение богородицы по мукам», мелкие выписки.
- 51 (В.435). **А. Х. Луберас. Проекты об учреждении в России разных коллегий**. XVIII в. (последняя четверть), в лист, 157 лл. Из библиотеки А. В. Никитенко.
- 52 (В.777). **Сборник**, XVIII в. (конец), в 4-ку, 307 лл. Записи писцов 1785 и 1788 гг. Содержание: «Страсти Христовы», «Житие Василия Нового», «Список от епископий страдалческих Аввакума протопopa», повести из патериков и «Великого Зеркала», выписки о кресте и об антихристе, «Космография», «История о некоей купеческой дочери», «Повесть об Апполонии Тирском», «Разговор и совет пшци».
- 53 (В.840). **Сборник (лицевой)**, XVIII в. (конец), в 8-ку, 111 лл. Содержание: вопросы и ответы о ветхозаветных событиях, рассуждения о двуперстном кресте,

⁸ См.: А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. I. 2-е изд., исправл. и доп., М.—Л., 1960, стр. 236.

«Притча о премудром царе, како утверди брата своего и велмож бояться страха божия». Из Тобольского древлехранилища.

54 (В.827). Реестр всем гражданским законам, XVIII в. (конец), в лист, 130 лл. Из библиотеки А. В. Никитенко.

55 (В.324). «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири» с отрывком Есиповской летописи, XVIII в., в 4-ку, 66 лл. Из библиотеки В. А. Жуковского.

56 (В.836). Летописец Дмитрия Ростовского, XVIII в., в 4-ку, 316 лл. Из Тобольского древлехранилища.

57 (Р.14). Сборник, XVIII в., в 4-ку, 199 лл. Содержание: жития Варлаама Хутынского и Стефана Пермского.

58 (В.323). Разрядная книга похода Ивана Грозного под Казань, XVIII в., в 4-ку, 69 лл. Из библиотеки В. А. Жуковского.

59 (Р.15). Сборник, XVIII в., в 16-ю долю листа, 227 лл. Содержание: выписки из богословских сочинений, «Великого зерцала», «Патерика», из книги Иосифа Волоцкого.

60 (Р.12). Житие Симеона Верхотурского, XIX в. (начало), в 4-ку, 50 лл. Запись каинского дьячка Д. Я. Лашкова о даре рукописи верхотурским купцом И. Я. Поповым (1802 г.).

61 (В.771). Письма Екатерины II и Вольтера, т. II, XIX в. (начало), в 4-ку, 118 лл. С изд. 1802 г.

62 (В.809). Фенелон. Странствование Телемака, сына Улисса, ч. I. 1800-е годы, в 8-ку, 220 лл. С изд. 1786 г. Помета о приобретении книги в Барнауле, 1900 г.

63 (Р.22). Стефан Яворский. Камень веры, 1800-е гг., в лист, 186 лл. С московского изд. 1729 г. Из Томской гимназии.

64 (В.531). Опыт Российского исторического словаря (Аблесимов — Афанасий Кондонди), 1806, в лист, 49 лл. Из библиотеки А. В. Никитенко.

65 (В.520). Свод законов по частям. Часть вотчинная и поместная, XIX в. (начало), в лист, 214 лл. Из библиотеки Голицыных.

66 (В.664). Практическая философия, XIX в. (первая четверть), в лист, 106 лл. Из библиотеки А. В. Никитенко.

67 (В.808). «Мои досуги» (альбом произведений русских поэтов конца XVIII—первой четверти XIX в.), XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 278 лл. Из библиотеки Голицыных.

68 (В.797). «Путешествование из города Иркутска до города Енисейска по реке Ангаре», 1827, в 4-ку, 12 лл.

69 (№ 187190). Семивский. Новейшее описание Иркутска и Иркутского Вознесенского монастыря со сказанием о св. Иннокентии Иркутском, XIX в. (1-я половина), 77 лл.

70 (В.665). П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. 2-я. Черновой автограф, 1830—1840-е годы, в лист, 383 л. Пометы о передаче рукописи Н. Абрамовым в библиотеку Березовского уездного училища (1849 г.); в Университетскую библиотеку по распоряжению В. Флоринского (1887 г.).

71 (Р.23). «Повествование об образе спасителе, приносимом každолетно из с. Спасского в г. Томск», XIX в. (1-я половина), в 8-ку, 8 лл. Запись В. Ф. Некрасова, крестьянина д. Нижней Шубиной Спасской волости Томской губернии (1838 г.).

72 (Р.10). Проповедь о чудесах Абацацкой иконы Богородицы и Прибавление о крестном ходе из Абакала в Тобольск, XIX в. (1-я половина), в 4-ку, 16 лл.

73 (В.806). Логика чистая и прикладная г. Шада, 1834, в лист, 183 лл. Из библиотеки А. В. Никитенко.

74 (В.690). «Чувство россиянина при возвращении государя наследника из вояжа по России», XIX в. (1-я половина), в 4-ку, 12 лл. Из библиотеки В. А. Жуковского.

75 (В.688). «Священная дань россиянина, или Патриотическое приношение», 1838, в 4-ку, 20 лл. Из библиотеки В. А. Жуковского.

76 (В.802). М. Мендельзон. Об ощущениях. XIX в. (1-я половина), в 4-ку, 55 лл. С берлинского изд. 1777 г.

77 (В.804). Сведение о Томском Богородицком Алексиевском монастыре, 1848, в лист, 11 лл.

78 (В.823). Житие Даниила Ачинского, 1858, в 4-ку, 44 л.

79 (В.774). Т. Н. Грановский. Священный Союз и австрийская политика, 1859, в 4-ку, 24 лл. Запись: «Переписано А. Ребиндер».

80 (В.821). Сборник, 1850-е годы, в 4-ку, 136 лл. Содержание: выписки и слова об антихристе и о конце света, индекс ложных и запрещенных книг.

81 (В. 792). А. Якимовский. Краткое начертание истории Каинского уездного училища с 1821 по 1845 г., XIX в. (середина), в 4-ку, 10 лл.

- 82 (В.799). Программа для описания городов: Каинск, Чаусский острог (черновая рукопись), XIX в. (середина), в 4-ку, 8 лл.
- 83 (Р.11). Житие Иннокентия Иркутского, XIX в. (середина), в 4-ку, 110 лл.
- 84 (В.784). Выписки из столбцов Кузнецкого архива XIX в. (середина), в лист, 27 лл. Выписки были сделаны для П. А. Словцова.
- 85 (№ 55100). А. С. Грибоедов. Горе от ума, XIX в. (середина), в лист, 94 лл. С изд. 1833 г.
- 86 (В.783). «Памятная историческая записка, или Летопись о городе Кузнецке с начала его основания...», 1867—1879, в лист, 71 л.
- 87 (В.805). Заметки о инородцах IV участка Тобольского округа, 1875, в лист, 60 лл. Запись: «Университету от Зимина».
- 88 (Р.24). Письма архиепископа тобольского Варлаама к настоятельнице Иоанно-Введенского женского монастыря, 1872—1875, в 4-ку, 17 лл.
- 89 (В.660). Н. М. Карамзин. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях, XIX в. (2-я половина), в лист, 60 лл.
- 90 (В.767). Октай певчий (орнаментированный), XIX в. (2-я половина), в лист, 70 лл. Старообрядческая подделка под XVI в.
- 91 (В.766). Псалтырь (лицевая), XIX в. (2-я половина), в лист, 602 л. Старообрядческая подделка под XVI в.
- 92 (В.803). Документы Томского губернского суда (копии), XIX в., в лист, 9 лл.
- 93 (Р.6). Сборник, XIX в., в 4-ку, 140 лл. Содержание: «Повесть о царице и львице», ответы поморцам, выписки об антихристе.
- 94 (Р.2). Сборник, XIX в., в 8-ку, 114 лл. Содержание: выписки об антихристе, конце света, истинной вере, «Житие Кирика и Улиты», слова из патериков.
- 95 (Р.1). Сборник, XIX в., в 8-ку, 87 лл. Содержание: жития Кирика и Улиты, Алексея человека божия, «Повесть о царице и львице».
- 96 (Р.9). Сборник, XIX в., в 8-ку, 8 лл. Содержание: «Сон богородицы», «поучение о 12 пятницах Льва, папы римского».
- 97 (Р.21). Сборник слов об антихристе, XIX в., в 8-ку, 45 лл. Из Томской семинарии.
- 98 (Р.7). Краткая история единоверческой церкви, XIX в. (конец), в 8-ку, 34 л.
- 99 (Р.13). Сборник, XIX в. (конец), в 4-ку, 86 лл. Содержание: выписки о различных ересь, «Житие Виталия монаха».

А. И. МАЗУНИН

Рукописные и старопечатные книги Государственной библиотеки имени Алишера Навои в Ташкенте

Книжные собрания на территории республик Средней Азии не привлекали внимания исследователей древнерусской литературы и в археографическом отношении совершенно не исследованы. Однако на территории бывшего Туркестанского края со второй половины XIX в. проживало значительное количество русских людей, которые, переселяясь на новые места из разных концов России, везли с собой книги, среди которых были и рукописные, и старопечатные. В разное время из Сибири и Поволжья, с Урала переселялись в Среднюю Азию старообрядцы — хранители книжной старины. Несколько городов и районов Средней Азии сейчас учитываются как возможные пункты археографических находок.¹ Для выявления старопечатных книг и рукописей в республиках Средней Азии необходимо, по нашему мнению, в первую очередь обследовать фонды государственных библиотек, научных учреждений, высших учебных заведений в городах, где издавна оседало русское население. Как показывает практика, иногда и работники библиотек, незнакомые со старославянским счислением, азбукой, основами палеографии, не могут определить ценность книги или отличить печатную книгу от рукописной.

Старопечатные книги, иногда и рукописи, могут находиться у населения, встретиться у коллекционеров книжной старины в гг. Уральске, Самарканде, Ташкенте, Фрунзе, Алма-Ате и др.²

¹ См.: В. И. Малышев. Задачи собирания древнерусских рукописей, — ТОДРА, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 326.

² Обследование летом 1969 г. библиотек г. Душанбе показало, что среди богатых собраний восточных рукописей русских материалов здесь нет. Это объясняется тем, что русские книжные фонды душанбинских библиотек формировались в 30-е годы XX в. В Отделе редкой книги Таджикской республиканской библиотеки им. Фирдоуси (г. Душанбе) имеются издания XVIII в. («Древняя история» Роллена в переводе В. К. Тредиаковского, 1749—1752 гг.; «Царственная книга», СПб., 1769; «Сибирская история» И. Е. Фишера, СПб., 1774; «История российская» В. Н. Татищева, М., 1768—1774; «Правда Русская», М., 1799, и др.). Все эти издания приобретены через букинистические магазины Москвы и Ленинграда в 30—50-е годы. Ряд перечисленных книг имеет штампы библиотек М. П. Погодина, И. Е. Забелина, библиотеки Московской духовной академии, Троице-Сергиевой лавры, учебных заведений Москвы и Петербурга. Из изданий XIX в. отметим «Недоконченные беседы (Между делом)» М. Е. Салтыкова-Щедрина (изд. Н. И. Карбасникова, СПб., 1885) с дарственной надписью автора Константину Константиновичу Арсеньеву. В фонде академика С. Ф. Ольденбурга в Библиотеке АН Таджикской ССР имеются «Рудименторум космографикорум» И. Г. Коронезиуса (Антверпен, 1552) с вписанными от руки польско-латинскими виршами на чистом листе (часть текста и приписки на полях обрезаны при переплете книги в 1738 г.); «Наталис комитис мифологие» (Венеция, 1581). Печатное Евангелие XVIII в. в библиотеке Таджикского университета просмотреть *de visu* не удалось.

Кратковременное знакомство с фондами Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР им. А. Навои в г. Ташкенте в конце 1968 г. позволило выявить там около 50 печатных изданий XVII—XX вв. и 6 рукописей литературно-исторического содержания. Приводим краткое описание рукописей и некоторых изданий.

Рукописи

1. «Описание о взятии Сибирской земли» Саввы Есипова. XVIII в. (середина), в 4-ку, 43 л., скоропись, переплет — картон в коже. Имеется оглавление (33 главы). Запись: «Писано 7145 году, сентября в 1 день» (л. 43 об.).
2. Сборник, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 330 л., подражание полууставу (два почерка), переплет — картон в тисненой коже. Имеется оглавление, титульный лист отсутствует, последние пять листов пострадали от сырости. В тексте и на полях многочисленные рисунки старообрядческих крестов, перстосложения. С о д е р ж а н и е: «Поморские ответы» (Прения о вере выговских старообрядцев с иеромонахом Неофитом в 1723 г.), копии царских указов 1722 г. о посылке Неофита.
3. Сборник, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 4-ку, 358 л., подражание полууставу, переплет — доски в коже, с двумя застежками. С о д е р ж а н и е: кондаки, тропари, службы, чин крещения и погребения, «Скитское покаяние», «Синодик старообрядческий» и др.
4. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 73 л., подражание полууставу, переплет — картон, обтянутый материей. С о д е р ж а н и е: тропари, каноны, чин крещения, исповедания и др.
5. Певчая солевая азбука, 1921 г., в 8-ку, 167 л., подражание полууставу, переплет — картон с тисненными буквами. В тексте рисунки пером, акварелью. На л. 167 об. запись с датой рукописи (28 апреля 1921 г.). Почерк, заставки, инициалы, концовки — имитация оформления поморских рукописей XVIII—начала XIX в.
6. Сборник старообрядческий, XIX в. (первая половина), в 8-ку, 148 л., подражание полууставу (несколько почерков), переплет — доски в тисненой коже, с одной медной застежкой. Рисунки старообрядческих крестов, святительских жезлов и жезла Никона, перстосложения (л. 46 об. — 48), С о д е р ж а н и е: поучения о любви (л. 1—18 об., 49), выписки из «Апокалипсиса» об антихристе (л. 19—25 об.), из азбучного «Патерика» (л. 26—31), из «Пролога» (л. 31—32 об.), из «Цветника» (л. 139—144 об.), слова Иоанна Златоуста о покаянии, о усопших и о памяти их (л. 34—41 об., 116 об. — 120 об., 131—132 об.), «Сказание, ким святым каковыя болезни исцеления от бога даны» (л. 42—46 об.), слова Ефрема Сирина о покаянии, о будущем суде, о уповании, о вере и о любви (л. 53—115 об.), «Слово Паллады мниха о втором пришествии» (л. 121—129 об.), Чудо Николы «о некоем срацине» (л. 133—138 об.), «О еже начало подвига поминати» (л. 145—148).

Старопечатные книги

1. Беседы Иоанна Златоуста. Киево-Печерская лавра, 1624. Владельческая скрепа скорописью XVII в.: «Сия книга из Бесед на деяния святых апостол Приказ(а) Большаго дворца каменных (дел — заклеено) подмастерья Алексея Лукина и сына иво Алексея Алексеева. Дано 2 рубли 28 алтын 2 денги. Подписывал я, Алексей Алексеев, своею рукою».
2. Требник, XVII в., в 8-ку, начало и конец утрачены. Владельческая скрепа скорописью XVII в.: «Потребник успенск(о)во попа Кирила, а подписал сам своею рукою».³

³ На одном из листов (Требник без пагинации), ближе к концу: «Спотрудися в сей типографии, сиречь в печатном тиснении новья сея штанбы словесного изображения и во всяком составлении многогрешный и непотребный раб Василий Федоров сын Бурцов и с прочими работавшими любезными труды о господе». До Никона Требник издавался, как мне известно, два раза: 1-е изд., М., 1647; 2-е изд., М., 1651 г. В обоих ли изданиях принимал участие В. Ф. Бурцов? А. А. Сидоров (История оформления русской книги, М., 1946, стр. 96—104) среди бурцовских изданий Требник не упоминает. В Отделе редкой книги БАН имеется Требник (шифр 1174) с сохранившимися выходными данными (М., 1647 г.), в котором на л. 312 указание об участии в издании В. Ф. Бурцова полностью совпадает с аналогичным текстом ташкентского Требника, который на этом основании датируем 1647 г.

3. **Жития святых.** Киево-Печерская лавра, 1762.
4. **Цветник.** Гродно, 1787.
5. **Часослов.** Вильно, 1788.
6. **Цветник.** Супрасль, 1789.
7. **Синодик старообрядческий.** Почасв, без м. и г. (XIX—XX вв.?).
8. **Минси служебные** (июнь, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь) — издания старообрядческих типографий без выходных данных (начало XX в.).
9. **Апостол, Часослов, Триодь цветная, Апокалипсис, Псалтыри, Октаи, Прологи, Службы к праздникам и другие богослужебные книги** (всего 38), изданные в старообрядческих типографиях Москвы, Уральска и других городов в конце XIX—начале XX в.

Кроме перечисленных выше книг, в Отделе редких изданий Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР им. А. Навои (г. Ташкент) имеется «Библия» Ивана Федорова (1581 г.),⁴ «Псалтырь с воследованием» (М., 1652), «Синописис» Инокентия Гизеля (Киево-Печерская лавра, 1674), «Арифметика» Магницкого, «Учение и хитрость ратного стросния» (1647—1649), «Уложение» царя Алексея Михайловича (М., 1649), «История о отцех и страдальцах соловецких» (Супрасль, 1788) и др. Эти издания подробно описаны в «Хронологическом обзоре русских книг XVI—XVIII вв., принадлежащих Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР им. А. Навои, (1581—1800 гг.)», составленном Е. К. Бетгером (машинопись, Ташкент, 1952 г.). Сведения о некоторых из них публиковались в центральной и республиканской прессе в военное и послевоенное время. Старые издания (кроме Библии) и рукопись Досифея Немчинова «Открытие богомерзкой ... скопческой ереси» (1834 г.) просмотреть de visu не удалось, так как после землетрясения часть книг все еще находилась в связках. Единичные находки старопечатных и рукописных материалов возможны и в библиотеках других городов Средней Азии — осмотр этих библиотек будет продолжен в ближайшее время. Нельзя рассчитывать на крупные находки в книгохранилищах среднеазиатских городов, но от поисков, выявления частных коллекций и собраний, сбора материалов среди русского населения республик Средней Азии отказываться не стоит.

⁴ Согласно имеющимся в библиотеке сведениям, Библия И. Федорова приобретена в 1943 г. от К. Ашуркова (Ошуркова?), в роду которого она якобы находилась около 200 лет, будучи завезенной из Москвы на Урал во времена стрелецких бунтов при Петре I. Приписки от руки на полях книги на польском и украинском языках (часть записей обрезана при переплете) почерками XVI и XVII вв. свидетельствуют о пребывании книги на Украине и в Польше. В трех местах на листах Библии имеется овальная печать: «Иван Иларионович Скорняков, в Екатеринбург(урге), Основ(инская) ул(ица)». Екатеринбургский мещанин И. И. Скорняков, владелец слесарно-кровельного заведения, в конце XIX в. проживал по Основинской улице, д. 39 (см.: Г. Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем. Изд. Екатеринбургского городского головы И. И. Симонова. Екатеринбург, 1889 г. — Сведения по Екатеринбургу любезно сообщены И. А. Дергачевым). Очевидно, одним из последних владельцев Библии И. Федорова, находящейся теперь в Ташкенте, и был И. И. Скорняков. Он же, вероятно, переписал от руки по другому экземпляру Библии и тщательно подклеил ряд недостающих листов текста.

М. Б. ВИДНЭС

Неизвестный отрывок псалтыри из Вестероса в Швеции

В переплетах старинных книг время от времени попадаются в Скандинавии, особенно в Швеции, отрывки пергаменов со славянским текстом. Одно такое открытие имело место в Вестеросе в 1966 г., когда отрывки пергаменной русско-славянской псалтыри были найдены в епархиальной провинциальной библиотеке.

Открытие было сделано случайно. В переплете одной более поздней книги был найден отрывок первого печатного катехизиса финского епископа Михаила Агриколы, первого переводчика религиозных книг на финский язык в XVI в. Отправившись посмотреть этот отрывок, главный директор университетской библиотеки Хельсинки доктор Йорма Валлинкоски обнаружил, что, кроме того, восемь томов книги Шейдта Сакра Кантионес (Гамбург, 1620) были переплетены в пергаменные листки, покрытые славянскими буквами. Хотя пергамен и был покрашен зеленой краской, славянское письмо было ясно видно, поэтому было решено смыть краску и в руках финского реставратора Кнута Энгблума оказалось 16 листов славянской псалтыри с хорошо сохранившимися бело-красно-синими инициалами тератологически-жгутового орнамента.

Директор вестеросской библиотеки доктор Оке Оберг любезно предоставил славянские отрывки для изучения в университетской библиотеке Хельсинки. В результате оказалось возможным сравнить фотокопии, снятые с них, с рукописными текстами псалтыри, находящимися в ГПБ в Ленинграде. При этом обнаружилось, что почерк вестеросских отрывков весьма напоминает почерк псалтыри Софийской Новгородской библиотеки № 60, принадлежавшей в свое время Нередицкой церкви. Инициалы обеих рукописей, нередицкой и вестеросской, которых в вестеросской всего 12, размером в 3—4×2—3 см, представляют тот же новгородский тип орнамента, который можно найти, например, в труде В. Стасова «Славянский и восточный орнамент», а также в книге Д. Дирингера.¹

Почерк вестеросской псалтыри (устав с буквами высотой в 3 мм, с наклоном вправо), употребление киновари в мелких инициалах (величина их 6 мм) и в заголовках и, наконец, количество строк (23 строки на странице) приблизительно сходны с нередицкой рукописью, имеющей 20 строк на листе. Площадь, покрытая письмом, в вестеросской рукописи занимает 17×11 см, а в нередицкой — 19×12 см. Несмотря на мелкие расхождения в почерке, можно было установить, что обе руко-

¹ См.: В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, табл. LXVII; D. Diringer. The Hand-Produced Book. New York; 1952, p. 291 (инициал представляет грифа, запутавшегося в жгутах).

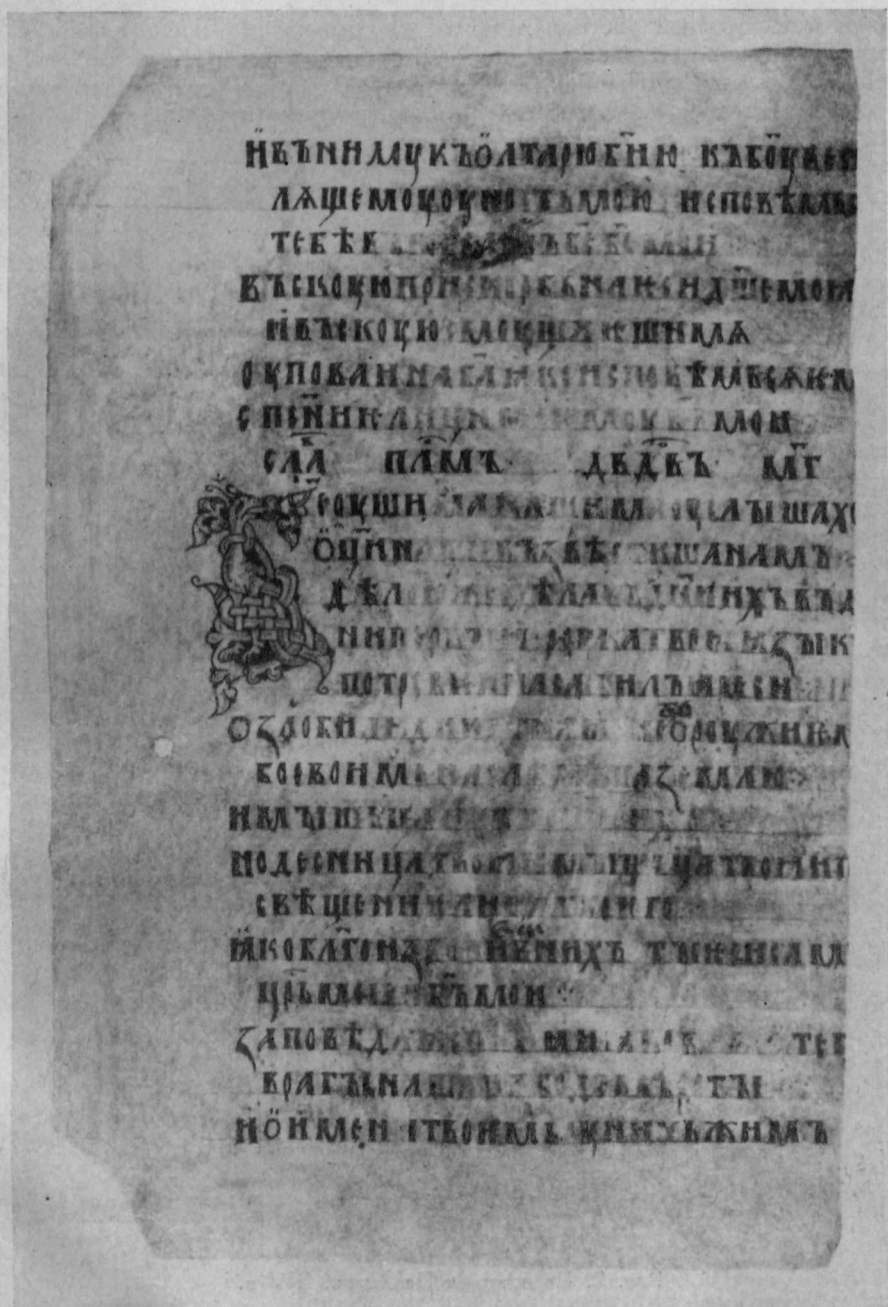

Рис. 1. Вестеросская Псалтырь. XIV в., л. 1 об.

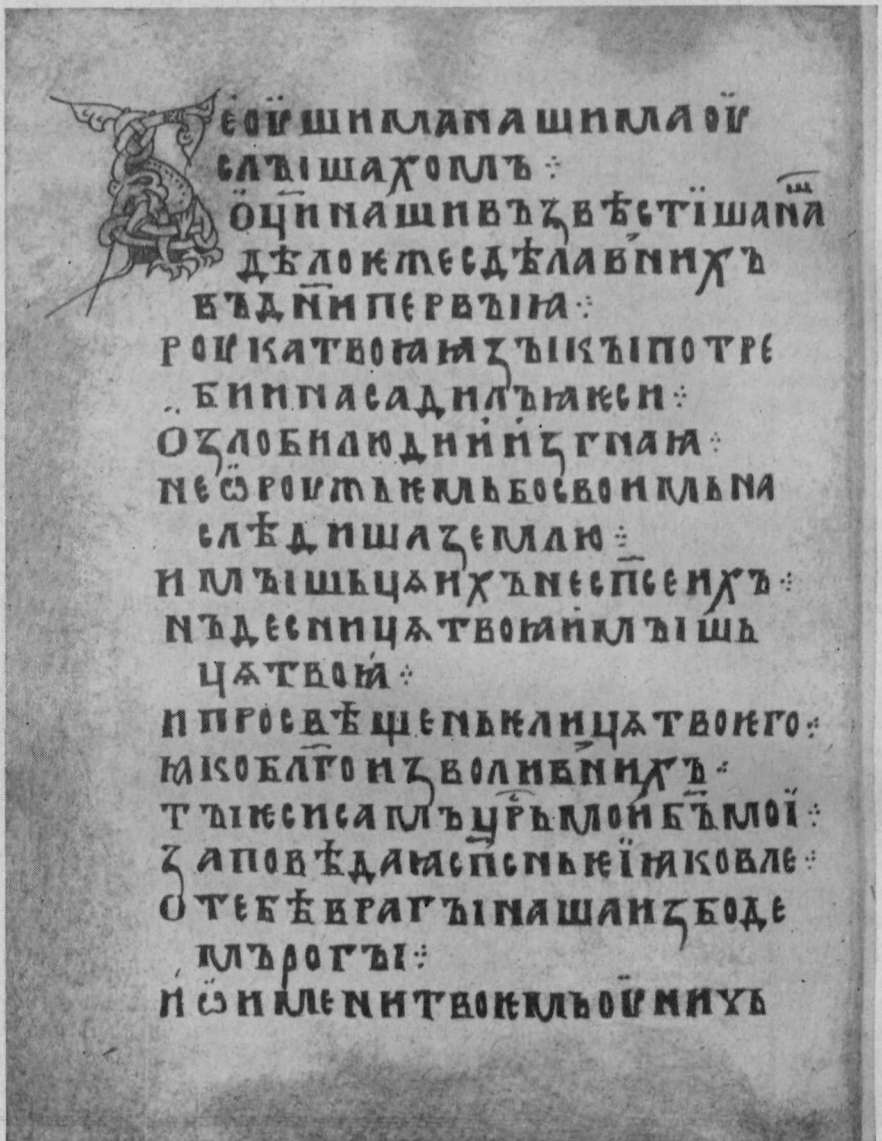

Рис. 2. Нередицкая Псалтырь. XIV в.
ГПб., собр. Соф., л. 62 об.

писи, по-видимому, происходят из одной и той же новгородской школы писцов XIV в., — школы, из которой вышло значительное количество (по крайней мере 11) подобных же псалтырей величиной от 19×13 см до 23×13 см, упоминаемых среди тех многочисленных рукописей, которые в 1679 г. для исправления книг были привезены в Московскую синодальную библиотеку из Новгорода и Пскова.² Большинство рукописных псалтырей этого происхождения было впоследствии обстоятельно описано В. Погореловым.³ Эти псалтыри — двух типов: келейные и следованные. Вестеросская принадлежала к типу следованных, нередицкая, напротив, к типу келейных, почему в ней отсутствуют тропари и молитвы (в вестеросской рукописи они находятся между отдельными кафизмами).

Палеографические особенности обеих псалтырей в общем одинаковы: например, буква «ж» имеет укороченную верхнюю часть (прибл. $\frac{1}{3}$ всей буквы), «и» («иже») и «н» («наш») имеют косые поперечные черточки, начинающиеся на расстоянии 1 мм от основы буквы и кончающиеся на высоте 1 мм от верха буквы. «М» («мыслете») имеет дугу или круглую или более или менее заостренную, опущенную на $\frac{1}{2}$ мм под строкой. «Ч» («червь») имеет форму чаши, хотя левая половина чаши иногда вдвое больше правой половины. «Э» («земля») и «У» («ук») имеют хвосты, опускающиеся на 4 мм под строку. Повсюду употреблены юе и ѣ, хотя в нередицкой рукописи, правда очень редко, появляется уже и «Е» («е широкое»). В вестеросской рукописи, кроме того, обыкновенно «о» («он») с двумя «очками», тогда как в нередицкой псалтыри употребляется «от» во многих случаях (не только при написании предлога «от»). Согласно Я. Трусевичу, время написания определяется как конец XIII или начало XIV в.⁴

Вестеросская рукопись содержит множество русизмов (диалектические черты в ней почти отсутствуют).

Состав вестеросских отрывков следующий:

Листы	Псалмы и молитвы
1	41, 9—12; 42, 1—3.
1 об.	42, 4—5; 43, 1—6.
2	44, 18; 45, 1—11.
2 об.	45, 12; две молитвы: „Помышляюще душе моя“ и „Раздрушил еси смертную гордыню“.
3	Молитва Богородице „Помощнице моему спасению“.
3 об.	Молитва Богородице „Помощнице моему спасению“.
4	46, 7—10; 47, 1—7.
4 об.	47, 9—15; 48; 1—4.
5	49, 3—13.
5 об.	49, 14—23.
6	60, 3—9; 61, 1—4.
6 об.	61, 6—13; 62, заголовок псалма.
7	62, 2—11.
7 об.	62, 12; 63, 2—9.
8	63, 9—11; три молитвы: „Мытотмъцю покаянию не ревновахъ“, „Возрите и видѣти звѣзды“, „Радуйся не заблудный поутѣ“. ⁵

² См.: А. Покровский. Древне-псковское и новгородское письменное наследие. — Труды 15-го археологического съезда в Новгороде 1911 года, т. II, М., 1916, стр. 226—227, 249.

³ В. Погорелов. Библиотека Московской синодальной типографии, ч. I, вып. 3. М., 1901, отдел «Псалтыри».

⁴ Я. Трусевич. Сборник 1905 г. Свод с 260 азбук и образцов кириллицы. СПб., 1905, лл. VIII—X.

⁵ Приведенные молитвы не упоминаются в кн.: Архим. Амфилохий. Древле-славянская псалтырь, тт. 1—3. СПб., 1880—1884.

8 об.	Молитва Богородице.
9	65, 4—13.
9 об.	65, 13—20; 66, 1—4
10	66, 5—8; 67, 1—16.
10 об.	67, 7—17.
11	67, 17—27.
11 об.	67, 27—36.
12	68, 1—9.
12 об.	68, 9—17.
13	70, 19—24.
13 об.	71, 2—10.
14	71, 11—19.
14 об.	72, 1—10.
15	77, 8—19.
15 об.	77, 19—29.
16	77, 30—38.
16 об.	77, 40—51.

Среди русизмов прежде всего обращают на себя внимание ж вместо жд, например: псал. 47, стих 7—«яко ражающи» или псал. 65, стих 10 «ражьже», псал. 65, стих 5—«жажю» и псал. 67, стих 8—«исхожаше». После к постоянно употребляется ы, например: 67, 28—«владыкы» 71, 17 и 77, 32—«накы». Отмечается графическое сохранение написания ъ, например: 68, 3—«морьскыя», 68, 3—«оугльбохъ», 66, 4—«исповедаться». Очень часто ъ выпадает в слабой позиции, например: 49, 20—«сблазнъ», 49, 21—«створи», 43, 2—«сдела», 61, 6—«сборъ», 47, 6—7—«смятошася». Сохраняется ъ в префиксе въ, например: 49, 6—«възвъстить». Иногда вместо ъ в слабой позиции появляется о, например: 49, 7—«возглаголю» или 42, 5 и 41, 6—«оупован». Вместо тотъ отмечается тѣ и вместо си се, а также формы тебе, мене (например: 60, 3, 62, 2, 63, 2 и 49, 12) вместо преобладающих в передидцкой псалтыри тебе, мнѣ. Что касается синтаксических особенностей, то встречается именительный вместо родительного, например: «на сынъ матери твоя», а также некоторое количество дательных вместо родительных, например: 77, 2—«посредѣ стану ихъ» или 77, 30—«брашноу соушоу».

Вестеросские отрывки Псалтыри представляют интерес для истории текста этого памятника на славянском юге и на Руси. Отдельные лексические черты сближают Вестеросскую рукопись то с первой, то с третьей редакциями перевода Псалтыри, как их определил В. Погорелов.⁶ Отступления от обеих этих редакций, иногда совпадающие с текстом передидцкой Псалтыри, позволяют поставить вопрос: не восходят ли оба этих списка к утраченному тексту, в котором сохранились следы более древнего перевода Псалтыри с греческого языка, чем тот, который отражен в известных славянских и русских списках и в латинской Вульгате.

⁶ См.: В. Погорелов, ч I, вып. 3, стр. IX—LXIV.

К. ДАВИДССОН

О двух шведских списках родословной книги

В университетской библиотеке Упсальского университета и в библиотеке епархии Вестерос хранится в рукописных собраниях по одному списку русской Родословной книги.

Упсальская рукопись (шифр Slav. 31) определена как «Livre généalogique Russe» в рукописном каталоге славянских рукописей, составленном в 1888 г. Клазом Аннерстедтом (Claes Annerstedt) на основании записей проф. Максима Ковалевского. Несколько более подробное описание рукописи дано в рукописном каталоге славянских рукописей, составленном в 1918 г. Н. Н. Глубоковским. Написанный по-русски каталог Глубоковского был в том же году переведен на французский язык и довольно подробно аннотирован Александром Рубцом.¹

Упсальский список — типичная полная Родословная книга.² Рукопись снабжена двумя надписями, весьма важными для понимания ее происхождения и истории. Одна находится на внутренней стороне передней крышки, другая на л. 5. К первой из них я вернусь позже. На л. 5 написано по-шведски следующее: «Denna bok som är en genealogie eller släktregister uthaf alla Rysska Familier; både Zariska Förstliga och adeliga Familier, hafwer jag underskrefwen förärt til Upsala biblioteque. P. Schönström» («Эту книгу, представляющую собой генеалогию или родословный список всех русских фамилий, царских, княжеских и дворянских, я нижеподписавшийся, принес в дар Упсальской библиотеке. П. Шенстрем»). Ниже на той же странице той же рукой приписано: «Denna bok hafwer tilförende varit i Ryssland förbuden. Zar Fedor Alexewitz lätt förbränna en hoop exemplarer af denna bok» («Эта книга была прежде в России запрещена. Царь Федор Алексеевич повелел сжечь целую кучу экземпляров этой книги»).

Петер Шенстрем принадлежал к числу шведских офицеров, попавших в русский плен при капитуляции у Переволочной в 1709 г.³ В августе 1711 г. он был поселен в Соликамске и остался там до заключения мира в 1721 г. 22 мая 1722 г. он вернулся в Стокгольм. Согласно записи

¹ Рукописи каталогов Глубоковского и Рубца не были каталогизированы и лежали забытыми с 20-х годов. Весной 1967 г. они были обнаружены тогдашним заведующим рукописным отделом библиотеки доктором Оке Давидссоном (Åke Davidsson).

² Полное описание Slav. 31 будет дано в подготовляемом мною аннотированном каталоге собрания славянских рукописей Упсальской университетской библиотеки.

³ Дальнейшие сведения о П. Шенстреме см. у Карин Давидссон (K. Davidsson. Ein unbeachtetes karolinisches Reisetagebuch aus Sibirien. — *Studia Slavica Gunnaro Gunnarsson sexagenarie dedicata*, Upps., 1960, стр. 11—28). В примечаниях к этой работе даются более подробные биографические указания.

в архиве Упсальской университетской библиотеки⁴ рукопись была передана ей в дар 5 ноября 1722 г. Происхождение рукописи изложено в письме, вклеенном в нее на лист с номером 1—2. Это письмо есть копия письма от Шенстрема, датированного: «Бернгаммар (Bernshammar), 21 ноября 1745 г.». Имя адресата не указано, но письмо, очевидно, было написано одному из служащих университетской библиотеки в Упсале, возможно О. Цельсиусу младшему, в ответ на запрос последнего о рукописи. Письмо, дающее очень подробные сведения о том, как Шенстрем получил рукопись, приводится ниже полностью в русском переводе:

Мой высокоуважаемый и дражайший брат,

За письмо моего дражайшего брата шлю мою почтительную благодарность. Что касается русского манускрипта, принесенного мной в дар Упсальской библиотеке, то получить таковой в России удастся очень редко кому. Прежде члены русских фамилий, когда они отправлялись на войну, получали должность не сообразно своему опыту, продолжительности службы или заслугам, но в зависимости от ранга и древности рода. Царь Алексей Михайлович пытался прекратить этот обычай, но поскольку он был сам благочестив и не хотел действовать строго, то никаких особенных перемен он не смог произвести. Однако его старший сын Федор взялся за дело строже и совершенно прекратил старый порядок назначений. После него решают уже заслуги и продолжительность службы, но не древность рода. Как одно из средств прекратить прежний способ назначений он и запретил эту книгу и повелел сжечь все экземпляры, какие только можно было найти. Большие последствия имело также то, что в книгу попали многие фамилии, происходящие от древнего великокняжеского рода Владимира, равно как и фамилии Ягеллоновичей и куча потомков татарских суверенов, в то время как позднейшая царская фамилия происходит просто от одной дворянской фамилии. Помимо того что эта книга очень редка, я не знаю никакой более надежной в отношении старой русской истории, чем эта и еще одна, которая называется Феодосий (Theodosius). История Феодосия была 12 лет назад разобрана и переведена на немецкий язык неким Меллером,⁵ и напечатана в Петербурге. Но настоящая рукопись, насколько я знаю, никогда не была ни переведена, ни напечатана. Она бросает свет на очень многие вопросы древней русской, татарской и молдавской, а также и валашской географии и истории. Когда я был на русском горном заводе Витус (Vitus) то от тамошнего начальника горного округа получил рукопись на время в Соликамск. В Соликамске я передал ее одному высокогородному русскому для снятия копии — с тем условием, чтобы одновременно с копией, поднесенной мною Упсальской библиотеке, была бы сделана одна и для меня. Бумага не позволяет писать

⁴ Bibl. arkiv A 8, стр. 45. Рукопись приведена и в списке русских книг и манускриптов на 5 июля 1755 г., составленном переводчиком Михаэлом Гренингом (Michael Groening). См. также у О. Цельсиуса младшего: O. Celsius d. y. Bibliothecae Upsaliensis historia, Ups., 1745, стр. 57—58.

⁵ Шенстрем имеет здесь в виду, очевидно, работу профессора петербургской Академии наук Герарда Фридриха Миллера: Gerhard Friedrich Müller. Nachricht von einem alten MSt. der russischen Geschichte des Abtes Theodosii von Kiow. — Sammlung russischer Geschichte, I. St. Petersburg 1732—1735, стр. 1—8, 93—113, 117—195, 349—406, 455—494.

больше. Все мои кланяются. Я прошу принять уверения в моем
нижайшем почтении и остаюсь

моего дражайшего высокочтимого брата
покорный слуга

П. Шенстрем

Бернгаммар

21 ноября 1745 г.

Упсальский манускрипт является, таким образом, копией той Родословной книги, которую Шенстрем получил в Соликамске, и эта копия была, очевидно, сделана между 1712 и 1721 гг.

Надпись на внутренней стороне верхней крышки содержит следующее: «Afskrifven, på Hennes Maj:ts Ryska Kejsarinnans defallning, af Hög Legations Rådet Jarrpakoff 1783 i Oct.» («Копия, сделанная по повелению ее величества, русской императрицы, советником посольства Яппаковым в окт. 1783 г.»). Дело в том, что императрица Екатерина II в 1783 г. встретила в Фридриксхаме с шведским королем Густавом III и позже в том же году получила от него в дар книжное собрание. В письме король сообщил ей и о русской рукописи. Екатерина тотчас же ответила на письмо Густава III и прежде всего поблагодарила за прекрасный книжный дар (оригинал по-французски):⁶

Я искренне благодарю Вас, мой дорогой брат, за шведские книги, которые Вы соизволили мне прислать, меня привел в восхищение реестр, составленный самолично вашим величеством и содержащий краткое резюме каждой из этих книг. Я сомневаюсь, чтобы все Ваши ученые знали больше Вас по истории Швеции, и с этой минуты я вижу в вашем величестве не короля, который, как все повелители, знает все, ничему не учившись, но знатока истории и одного из наиболее достойных академиков моей Академии. После того как будет сделан перевод частей, которые мне будут нужны, я передам все эти прекрасные книги в великолепных переплетах вместе с ценнейшим реестром, написанным рукой вашего величества, в Библиотеку Санктпетербургской академии, где они будут одним из ценнейших ее собраний.

После этого Екатерина обращается к рукописи, названной Густавом III:

Я кроме того, очень признательна вашему величеству за обещание разрешить лицу, которое я пошлю в Упсалу, снять копию с находящегося там русского манускрипта. Я не премину воспользоваться этим разрешением и уже распорядилась немедленно послать лицо, которое будет выбрано для этой цели. Сведения, сообщенное мне Вами, мой дорогой брат, об этой хронике, экземпляры которой были сожжены, наводит меня на мысль, что она принадлежит к числу тех, которые сохранились в домах и давали пищу для клевет и семейных раздоров и для того, чтобы всему этому положить

⁶ Упсальская университетская библиотека, F488 (Gustavianska samlingen. Bref från utländske regenter o. furstel. personer, 1), № 131.

конец, их по общему согласию решили в один прекрасный день сжечь, а те уцелевшие экземпляры считать недействительными. От этого пожара были спасены тысячи копий, но они тем не менее представляют большую ценность. Их древность видна из того, что в них встречаются буквы алфавита, вышедшие из употребления после 14 века...

Как Густав III охарактеризовал русскую рукопись в письме к Екатерине, мы не знаем, так как письмом этим мы не располагаем. Но поскольку Екатерина в своем ответе говорит о «сведении ... об этой хронике, экземпляры которой были сожжены», можно с уверенностью сказать, что Густав III имел в виду рукопись под шифром «Slav. 31» и даже имел перед собой список с пометками Шенстрема. Тем не менее русский исследователь Я. К. Грот указывал, что в письме к Екатерине Густав III говорил о манускрипте «Описание Московского государства» Котошихина (Упсальская университетская библиотека, Slav. 29); Грот утверждает, что Екатерина спутала манускрипт Котошихина с Родословной книгой.⁷ Он в то же время сообщает, что ему неизвестно, было ли выполнено распоряжение Екатерины о снятии копии с рукописи. Очевидно, на данные Грота опирается А. Енсен (A. Jensen), когда он пишет относительно снятия копии с рукописи Котошихина: «Какой-либо результат этого распоряжения, однако, неизвестен».⁸ Приблизительно то же самое говорит С. Даль:⁹ «Согласно непроверенному сообщению Якова Карловича Грота, друга и знатока Швеции, посетившего нашу страну через десять лет после обоих названных путешественников,¹⁰ Екатерина II узнала от Густава III о рукописи и предполагала распорядиться о снятии с нее копии». Однако надпись на внутренней стороне крышки свидетельствует о том, что копия была снята с рукописи Slav. 31. Последующие поиски показали, что копия, сделанная с Slav. 31, находится в рукописном собрании Екатерины II, в настоящее время в Эрмитажном собрании ГПБ. Когда собрание рукописей сохранялось в Эрмитажной библиотеке, к нему был составлен каталог,¹¹ в котором копия упсальской рукописи получила № 523. Новый и более подробный каталог этого собрания подготовлен в настоящее время научным сотрудником ГПБ Д. Н. Альшицем.¹² Рукопись, стоящая там под № 118, описывается следующим образом: «Родословие русских княжеских родов. XVIII в. до 1745 г. Рукопись подарена в Упсальскую библиотеку Петром Шенстромом. Рукопись различных почерков. Переплет мягкий, бумажный. 140 лл. 32.7×20.5. На лл. 1—2 — перевод „объявлясия“, т. е. предисловия дарителя книги. В конце предисловия — подпись: „Бернгаммар, 21 ноябра 1745 году. Петр Шенстрем“».

⁷ Ср.: Я. К. Грот, Екатерина II и Густав III. — СОРЯС, т. XVIII, 1877, вып. 1, стр. 48—49.

⁸ A. Jensen. Rysk kulturhistoria, I. Stockholm, 1908, s. 181.

⁹ S. Dahl. Om märkliga ryska dokument i Kungl. biblioteket. (Biblis 1959—1960), s. 119.

¹⁰ Путешественники были: Фаддей Венедиктович Булгарин и Сергей Васильевич Соловьев.

¹¹ Каталог русских рукописей Эрмитажного собрания. Л., 1960.

¹² При моем посещении Гос. Публичной библиотеки весной 1967 г. Д. Н. Альшиц предоставил в мое распоряжение рукопись своего каталога. Пользуюсь случаем, чтобы выразить ему самую теплую благодарность за эту большую любезность. (В настоящее время каталог издан: Д. Н. Альшиц. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. М., 1968).

Из этого описания видно, что переведено было и письмо, вклеенное в Slav. 31. Опушено только вступление — перевод начинается со второго предложения и нет личного приветствия в конце, чем и объясняется обозначение письма как «предисловия».

* * *

Другая рукопись Родословной книги в Швеции хранится, как сказано, в провинциальной епархиальной библиотеке в г. Вестерос, где она входит в собрание славянских рукописей под шифром Codex Ad 10. Состав Ad 10 был описан С. Далем.¹³ Из описания видно, что рукописи, относящиеся к Родословной книге, имеют номера 19 и 20. Даль суммарно обозначает их как «Genealogische Übersichten über russische Fürstengeschlechter». Как устанавливает Даль, № 20 принадлежит к типу рукописей, известных под именем Родословной книги. За недостатком материала Даль воздерживается от более углубленного исследования обеих рукописей.¹⁴ После Даля Ad 10 описал Л. В. Черепнин.¹⁵

По содержанию рукопись из Вестероса (стр. 1785—1814) совпадает с листами 6—49 упсальской рукописи, — это изложение истории мира от Ноя, русские князья, великие князья и цари от Рюрика до Федора Ивановича, умершего в 1598 г. Упсальская рукопись доведена до царя Михаила Федоровича включительно, вступившего на престол в 1613 г. Содержание текста на стр. 1815—1822₁₁ совпадает с Slav. 31 л. 150 об. — л. 158 об., стр. 1822₁₂—1826₃ совпадает с л. 57₁—л. 60 об.₁. Последний отрывок текста, включая страницу 1831, весьма близко совпадает с рукописью Родословной книги в Московской синодальной библиотеке,¹⁶ хотя в последней некоторые данные приводятся в другом порядке. Упсальская Slav. 31 при продолжении этой главы следует в общем рукописи Архива Министерства иностранных дел в Москве.¹⁷ Большинство списков Родословной книги снабжено оглавлениями, вернее реестрами княжеских родов, в них записанных. В Slav. 31 реестра нет. Список 80 княжеских родов, составляющих первую часть номера 19 (Codex Ad 10), есть не что иное, как копия такого реестра. Остальная часть номера 19, по-видимому, представляет собой список семейств, входящих в 80 родов. Это видно хотя бы из того, что имена этого последнего списка стоят в трех столбцах в таком же порядке, как и в первом списке. Весь Codex Ad 10 является собранием копий русских рукописей, снятых Иоганном Габриэлем Спарвенфельдом — самим или по его распоряжению. № 20 не написан самим Спарвенфельдом, копия была, очевидно, сделана по его заказу и в силу этого рабски следует оригиналу. Но № 19 целиком написан Спарвенфельдом самим. Как видно, он удовольствовался тем, что переписал реестр, а из него составил другой список фамильных имен. К № 20 имеется 8 приложений, из которых 7 представляют собой генеалогические таблицы. Восьмое приложение — схематическое изобра-

¹³ S. Dahl. Codex Ad 10 der Västeråser Gymnasial-Bibliothek, Uppsala, 1949 (Akad. avh.), s. 49—53.

¹⁴ Далю не была известна рукопись в Упсальской университетской библиотеке.

¹⁵ Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 472—476.

¹⁶ Рукопись № 860 в Синодальной библиотеке опубликована в ВОИДР, кн. 10, М., 1851. В настоящее время она хранится в Гос. историческом музее в Москве.

¹⁷ ВОИДР, т. 10, стр. 131 сл.

жение «Устава о браке» в виде кругов. По-видимому, все эти приложения были составлены самим Спарвенфельдтом. Такие приложения встречаются в некоторых рукописях Родословной книги, и они вполне могли послужить образцом для Спарвенфельдта. Что касается содержания текста, то наличие реестров и приложений, так же как и схемы с кругами к закону о браке, делают рукопись из Вестероса очень похожей на рукопись № 1506 из Уваровского собрания, находящуюся в ГИМе. Рукопись этого типа скорее всего и послужила основанием для выписей № 19 и № 20 в вестеросовской рукописи. Судя по рукописям, доступным для изучения в более крупных библиотеках и архивах, этот тип Родословной книги был довольно редок.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Н. ПУШКАРЕВ

В. Д. Кузьмина как исследовательница связей древнерусской литературы с культурой нового времени

Проблема связей древнерусской литературы с культурой нового времени является одной из ведущих и в то же время наименее исследованных в советском литературоведении. Решение этой проблемы дает возможность уяснить, с одной стороны, корни, истоки многих культурных явлений XVIII—XX вв. (особенно таких, как лубок, народное искусство вообще, фольклор, многие темы и образы художественной литературы и проч.), а с другой — подчеркнуть живучесть разнообразных явлений древнерусской литературы в настоящем, их продолжающееся идейное и художественное воздействие на современность.

Изучение преемственной связи древнерусской литературы с фольклором, лубком и литературой нового времени приводит нас к мысли о неразрывности единого литературного процесса, о невозможности оторвать древнерусскую литературу от литературы позднейших эпох. Древнерусские источники творчества русских писателей XVIII—XX вв. широки и разнообразны, и лишь совместное глубокое изучение древнерусской литературы и литературы нового времени может дать плодотворные результаты.

Изучение преемственных связей древнерусской литературы с различными явлениями культуры нового времени имеет более чем вековую историю. Филологи, историки, искусствоведы и фольклористы XIX—XX вв. многое сделали для того, чтобы раскрыть значение древнерусского наследства для развития поэзии, прозы, драматургии и искусства нового времени, для выяснения исторических корней произведений народного творчества и народного искусства.

И все же проблема эта далека еще от своего разрешения. У нас есть лишь отдельные исследования, посвященные единичным сюжетам и произведениям, раскрывающие их позднейшую литературную историю. Перед советской филологией продолжает стоять задача создания обобщающей работы о древнерусских повестях в обработках XVIII—XX вв., с одной стороны, и о древнерусских истоках творчества русских писателей XVIII—XX вв. — с другой.

В. Д. Кузьмина была одной из тех исследовательниц, которая занималась этой проблемой на протяжении всей своей жизни. Начиная с первых своих довоенных статей, посвященных повести о Бове-королевиче («Сказка о Бове в обработке Радищева»)¹ и кончая предсмертными трудами, связанными с отражением древнерусских сюжетов в произведениях народного прикладного искусства («Бой Бовы с Полканом

¹ См.: Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М., 1940.

на муравленных изразцах»),² тема преемственных связей древнерусской литературы с русской литературой, устным народным творчеством, прикладным искусством и театром нового времени привлекала к себе ее пристальное внимание.

Отличительной чертой творческого метода В. Д. Кузьминой при разработке этой проблемы является в первую очередь широта привлекаемого для сравнения материала. В. Д. Кузьмина никогда не ограничивала себя рамками древнерусских рукописных текстов, а всегда стремилась выйти на широкую арену историко-культурных сравнений. Так, изучение рыцарского романа на Руси, бывшее одной из центральных тем ее научного творчества,³ постоянно связывалось ею с изучением преемственности между некоторыми сюжетами переводной литературы и русским народным творчеством, с глубоким анализом лубочной литературы XVIII—нач. XX в., как связующего звена между старинной переводной литературой и устным эпосом нового времени. По-новому ставила исследовательница и такую проблему, как непосредственная преемственная связь между переводной литературой XVII в. и русской литературой XVIII в. (русские авантюрные повести XVIII в. и традиции переводного романа XVII в., инсценировки переводных рыцарских романов в рукописной русской драматургии XVIII в. и др.).

Не ограничиваясь областью художественного слова, В. Д. Кузьмина стремилась поставить анализируемое произведение в широкий ряд историко-культурных сопоставлений и показать отражение того или иного литературного сюжета в изобразительном искусстве (лубочные листы и лубочные картинки на сюжеты древнерусских повестей) и в народно-прикладном творчестве.

Второй отличительной чертой творчества В. Д. Кузьминой в разработке этой проблемы является стремление исследовательницы не ограничиваться узкоконкретными результатами в изучении литературной истории того или иного сюжета, а поставить эту литературную историю в связь с общими историко-культурными проблемами, вскрыть закономерность и обусловленность появления той или иной литературной обработки. Показательна в этом плане ее статья «Изучение преемственных связей древнерусской литературы с русской литературой и устным народным творчеством нового времени»,⁴ где автор стремится увязать анализ древнерусских литературных памятников конца XVII—нач. XVIII в. с вопросом о первых литературных направлениях в славянских литературах на стыке средневековья и нового времени. Анализируя литературную историю древнерусских переводных повестей, В. Д. Кузьмина стремится увязать ее с судьбой рыцарского романа в средневековой Европе, показать своеобразие литературной истории русских вариантов общеевропейских сюжетов.

Анализируя появление в русской рукописной драматургии XVIII в. обработок рыцарских романов («Акт или Действие о князе Петре Златых Ключах и о прекрасной королевне Магилене Неаполитанской»), В. Д. Кузьмина стремится показать, как в первой половине XVIII в. в дворянском (а возможно, и придворном!) театре совершался переход от школьной драмы средневекового типа к драмам из жизни людей. Исследовательница справедливо отмечает, что с появлением пьес Сума-

² См.: ТОДРЛ, т. XXIII, М.—Л., 1968.

³ См. монографии: В. Д. Кузьмина. 1) Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962; 2) Рыцарский роман на Руси (Бова, Петр Златых Ключей). М., 1964 и ряд статей о рыцарском романе на Руси.

⁴ См.: ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964.

рокова и Ломоносова школьная драма становится достоянием церковно-школьной сцены, инсценировки рыцарских романов начинают привлекать лишь простонародного зрителя. На русской профессиональной сцене начинается пора безраздельного господства классицизма.⁵

Заслугой В. Д. Кузьминой является также и то, что она, изучая связи древнерусской литературы с литературой нового времени, стремилась поставить эту проблему в ряд еще более общих историко-культурных проблем. Вот один пример. Прделанный В. Д. Кузьминой анализ русских школьных драм по загребским спискам позволяет поставить вопрос о роли и значении украинской культуры для формирования русской школьной драматургии. Преобладающее количество пьес подобного рода было в это время создано учителями-украинцами. Интермедии, помещенные в этих пьесах, также создавались под их руководством. Школьные теории драмы, по которым эти пьесы писались, также принадлежали перу украинцев. Все это наглядно свидетельствует о глубоком влиянии теории и практики украинской драматургии на русский театр. Именно через Украину на Руси XVII—XVIII вв. было освоено наследие польско-иезуитского театра, театра гуманистов и средневековых мистерий. На русской почве традиции украинской школьной драмы получили свое дальнейшее продолжение и развитие. Заслуга В. Д. Кузьминой и состоит, в частности, в том, что она четко поставила и убедительно на ряде ярких примеров разрешила эту проблему.

Вопросы русско-украинских связей принадлежат к числу тех, которые довольно подробно разработаны в советской историографии. Однако, как правило, исследователей больше интересовала другая сторона проблемы — каково было влияние русской культуры на украинскую. В настоящее время мы имеем достаточное количество свидетельств, подтверждающих благоприятный факт этого влияния. Однако ведь любое влияние — акт двусторонний, воздействие обязательно испытывают обе стороны, и исследование В. Д. Кузьминой прекрасно иллюстрирует, какое большое и плодотворное влияние со стороны братского украинского народа испытала русская школьная драматургия первой половины XVIII в.

Третье, что обращает на себя внимание, когда мы рассматриваем работы В. Д. Кузьминой, посвященные связям древнерусской литературы с культурой нового времени, — это стремление к исчерпывающей полноте сопоставляемых фактов. Исследовательница никогда не сбивается на выборочную иллюстративность при сопоставлении фактов культуры, а использует весь имеющийся в ее распоряжении арсенал текстов, фактов, данных. Так сопоставляя древнерусскую повесть с лубком, В. Д. Кузьмина использует все известные ей списки и все выявленные ею лубочные обработки.⁶ Это придает фундаментальность полученным ею выводам, сообщает им весомость и убедительность. Сравнительный метод под пером В. Д. Кузьминой становится действенным средством научного анализа именно в силу того, что исследовательница пользуется им не выборочно, не иллюстративно, а во всей полноте и совокупности известного ей материала.

И, наконец, последнее, что следует сказать о работе В. Д. Кузьминой в этой области — это ее большая организационная деятельность

⁵ См.: Н. М. Бадалич и В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII века (по Загребским спискам). М., 1968, стр. 94—118.

⁶ См.: В. Д. Кузьмина. Русская сказка о Бове-королевиче в лубочных изданиях XVIII—нач. XX века. — Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 148—192.

по сплочению сил филологов — медиевистов Москвы в разработке проблемы связей древнерусской литературы с культурой нового времени. Возглавлявшаяся ею группа по изучению древнерусской литературы при Институте мировой литературы им. М. Горького АН СССР стала тем центром, вокруг которого группировались филологи и историки, фольклористы и искусствоведы, лингвисты и археологи, так или иначе занимавшиеся изучением древнерусской литературы в ее многообразных связях. Выпущенные группой в свет два сборника научно-исследовательских статей, как и подготовленный к печати третий сборник, содержат большое количество самых разнообразных исследований, показывающих связи древнерусской литературы с литературой и драматургией XVIII—XIX вв., лубком, устным народным творчеством, изобразительным искусством и т. д.⁷ Лишь благодаря энергии и активности членов группы по изучению древнерусской литературы небольшой коллектив сумел за короткий срок подготовить и издать эти важные по своей проблематике сборники, и немаловажную роль в этом сыграли деловитость и энтузиазм В. Д. Кузьминой, сумевшей на деле доказать жизнеспособность скромной по численности группы, берущей не числом, а умением.

В лице В. Д. Кузьминой советская филологическая наука потеряла видного историка культуры, много и плодотворно занимавшегося различными проблемами древнерусской литературы. Прекрасное знание языков (В. Д. Кузьмина владела французским, немецким, английским, итальянским, чешским, польским, сербскохорватским, греческим, латинским, украинским и белорусским языками) позволило ей вести свою научно-исследовательскую работу в широком историко-сравнительном плане, с привлечением западноевропейского материала. Глубокая эрудиция в исторических связях древнерусской литературы с культурой нового времени давала ей возможность сказать новое слово в этой сложной и трудоемкой области историко-культурных исследований. Она была неизменным участником международных съездов славистов, начиная с 1958 г., совещаний специалистов по литературе XI—XVIII вв. в Москве, Ленинграде и Софии. Ее доклады и выступления на научных дискуссиях отличались высокой принципиальностью, широтой обобщений, глубиной литературоведческого анализа. Труды В. Д. Кузьминой публиковались в научных журналах Франции, Чехословакии, Польши. Она бывала в научных командировках — в Югославии, Болгарии, Чехословакии.

Как исследователю В. Д. Кузьминой были свойственны глубокие теоретические обобщения, основанные на скрупулезном текстологическом анализе, неустанный творческий поиск, стремление раскрыть все своеобразие и неповторимость древнерусских произведений, показать их связь с современными явлениями в области культуры. Ею были найдены и впервые введены в научный оборот многие произведения ранней русской драматургии. Воспитанная советской эпохой, Вера Дмитриевна в своей научной работе бережно сохранила связь с лучшими традициями русской классической науки. Она начала свою работу в области древнерусской литературы под руководством академика М. Н. Сперанского и на всю жизнь сохранила светлую память о своем учителе и благодарность ему. Она подготовила к печати и посмертно опубликовала труды М. Н. Сперанского «Из истории русско-славянских связей» (1960),

⁷ См. рецензию В. П. Адриановой-Перетц на сборник статей «Древнерусская литература и ее связи с новым временем» (М., 1967). — ИЮЛЯ, т. XXVII, вып. I, Л., 1968, стр. 63—69.

«Описание рукописей кремлевского Успенского собора» (1963), «Рукописные сборники XVIII в.» (1963), «Перевод „Слова о полку Игореве“ в бумагах Малиновского» (1967).

В. Д. Кузьмина проявила себя и как опытный и знающий археограф. Ее издания «Девгениева деяния», школьных драм XVIII в., материалов по истории русской журналистики, мемуарной литературы, эпистолярного наследия стоят на высоком научном уровне, отвечают самым строгим требованиям и представляют собою несомненный вклад в практику и теорию археографии.

В своих рецензиях В. Д. Кузьмина давала всегда точную и беспристрастную оценку анализируемым трудам. Особо следует отметить ее рецензии на зарубежные издания — французские, американские, польские, чешские работы, — информирующие советского читателя о наиболее интересных и важных с научной и политической точки зрения зарубежных изданиях.

Вера Дмитриевна была строга и требовательна — и к себе, и к другим. Она страстно отстаивала свои взгляды в научных спорах; больше всего ее возмущало холодное безразличие к науке. Отдавая всю свою жизнь любимому делу, она не могла спокойно и безразлично пройти мимо безответственного и небрежного хранения рукописей, книг, культурно-исторических памятников. Ею были буквально спасены и переданы на государственное хранение многие рукописные собрания, материалы по истории театра и другие исторические источники. В. Д. Кузьмину хорошо знали и ценили работники центральных и местных архивов и музеев.

Настоящая статья не ставит своей целью показать значение всех работ В. Д. Кузьминой в историографическом плане; это — особая задача, выполнить которую можно лишь анализируя развитие филологической науки в целом за последние 30 лет. Цель настоящей статьи — вскрыть основные черты исследовательского метода В. Д. Кузьминой в изучении одной из важнейших на современном этапе проблем изучения древнерусской литературы — проблемы ее связи с культурой нового времени.

О. А. ДЕРЖАВИНА, Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

**Хронологический список трудов
Веры Дмитриевны Кузьминой**

1938

«Слово о полку Игореве». — Детская литература, М., 1938, № 10, стр. 2—6.

1939

Изучение русских повестей XVII века в VIII классе. — Литература в школе, М., 1939, № 5, стр. 43—54.

О преподавании древней русской литературы в VIII классе. — Литература в школе, М., 1939, № 2, стр. 52—68.

1940

Сказка о Бове в обработке А. Н. Радищева. — В кн.: Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. Сб. статей. М.—Л., 1940, стр. 257—291.

1941

Повести петровского времени. — В кн.: История русской литературы, т. III. Литература XVIII в., ч. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 117—136.

Повесть о Бове королевиче в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. — В сб.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 83—134.

Русская литература. — В кн.: Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, т. 36, ч. VII. 7-е изд., М., изд. «Сов. энциклопедия», 1941, стлб. 148—186.

Совместно с М. Н. Сперанским (написание раздела об эволюции древнерусской повести XI—XVII вв.)

1946

Древнерусская литература среди литератур Востока и Запада. (Резюме доклада в статье «В Институте мировой литературы им. Горького»). — ИЮЛЯ, М., 1946, т. V, вып. 4, стр. 371—372.

1947

Русская книга и лубок во второй половине XVIII в. — В кн.: История русской литературы, т. IV. Литература XVIII в., ч. 2, М.—Л., Изд. АН СССР, 1947, стр. 39—50.

«Слово о полку Игореве» как памятник мировой литературы. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сб. статей, под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., Гослитмузей, 1947, стр. 7—42.

[Рец.]: История русской литературы, тт. I и II, ч. I. М.—Л., АН СССР, 1941—1945. — Советская книга, М., 1947, № 2, стр. 105—108.

1948

Возникновение периодической печати в России и развитие журналистики в XVIII в. Стенограмма лекций, прочитанных в ВПШ при ЦК ВКП(б). М., 1948, 42 стр.

1949

Повість о Бову королевича. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (доба феодалізму). Упорядкував О. І. Білецький. Київ, 1949, стр. 511—521.

Публикация по новому списку XVIII в.

1950

[Рец.]: «Слово о полку Игореве». М.—Л., АН СССР, 1950. 484 стр. (Серия «Литературные памятники»). — ИЮЛЯ, М.—Л., 1950, т. IX, вып. 6, стр. 499—501.

1952

Введение. — В кн.: Радищев в русской критике. Пособие для учителей. Введение и ред. В. Д. Кузьминой. Подбор текстов, рисунков и комментарии М. И. Костровой. М., Учпедгиз, 1952, стр. 3—22.

Сборник материалов к изучению истории русской журналистики, вып. I (XVIII в. и первая половина XIX в.). Составили: В. Д. Кузьмина, М. Ф. Иоффе, Е. Н. Дунаева, Л. И. Полосина, при участии К. А. Ковалевского и В. П. Соболева. М., 1952, 367 стр.

Материал о возникновении и развитии периодической печати в России в XVIII в. (Тексты и комментарии).

1953

Новый список «Девгениева деяния». — В кн.: ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., Изд. АН СССР, 1953, стр. 339—360.

Театр. (Искусство Москвы в 1725—1800 гг.). — В кн.: История Москвы, т. II. М., Изд. АН СССР, 1953, стр. 589—608.

[Рец.]: Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». 2-е изд., М.—Л., Детгиз, 1952. — Литература в школе. М., 1953, № 4, стр. 85—86.

1954

Александр Николаевич Радищев. Альбом. М., Изогиз, 1954. 84 стр. и илл.

На стр. 7—19 вступительная статья.

Вступительная часть и подготовка к печати статьи М. Н. Сперанского «Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков». — В кн.: ТОДРЛ, т. X. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, стр. 136—165 (136—138).

Из истории русского демократического театра XVIII века. — В кн.: ТОДРЛ, т. X. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, стр. 408—426.

Местные театры. — В кн.: Очерки истории русского советского драматического театра, т. I, 1917—1934. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 140—164, 444—466, 731—749.

[Рец.]: История Москвы, т. I. Период феодализма XII—XV вв. М., АН СССР, 1952, 779 стр., илл. и карты. — ИЮЛЯ. М.—Л., 1954, т. XIII, вып. 5, стр. 457—479.

[Рец.]: История русской литературы в многотомниках Института истории АН СССР. (Очерки истории СССР. (XI—XV века). М., изд. АН СССР, 1953). — ИЮЛЯ, М.—Л., 1954, т. XIII, вып. 5, стр. 475—477.

[Рец.]: Юность Ломоносова. — Звезда, М.—Л., 1954, стр. 2, стр. 184—185.

Рецензия на книгу А. Морозова «Юность Ломоносова» (Архангельск, 1953).

1955

«Игра прожная». (Неизвестная комедия демократического театра XVIII века). — В кн.: ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, стр. 397—421.

Из истории городского демократического театра XVIII века. (Сценический текст неизвестного ранее «Действия в персонах о короле гишпанском»). — В кн.: Ежегодник Института истории искусств. 1955. Театр. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 377—405.

Народная драма в XVIII веке. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. II, ч. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, стр. 386—395.

Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII в. — ИЮЛЯ, М., 1955, т. XIV, вып. 4, стр. 374—383.

Н. М. Мендельсон. «М. Н. Ермолова. (Воспоминания)». — В кн.: Мария Николаевна Ермолова. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников.

Составитель сборника, автор вступительной статьи и комментариев С. Н. Дурылин. М., Изд. «Искусство», 1955, стр. 386—394.

Подготовка статьи Н. М. Мендельсона к изданию В. Д. Кузьминой.

О воспоминаниях Н. М. Мендельсона. Н. М. Мендельсон. Из воспоминаний. (Малый театр в 1890—1900 годы). — В кн.: Сообщения Института истории искусств, т. 6. Театр. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 131—142.

Вступительная заметка и публикация текстов воспоминаний.

Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 17. М., 1955, стр. 145—158.

С. Н. Дурылин. (Краткий очерк научной деятельности). — В кн.: Сообщения Института истории искусств, т. 6. Театр. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 105—109.

Список работ С. Н. Дурылина. (История. Педагогика. Литературоведение. История театра. История изобразительных искусств). — Там же, стр. 110—118.

1956

Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века. (Исследование и тексты). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1956, 29 стр.

Литература и журналистика. — В кн.: Очерки истории СССР. (Россия во второй половине XVIII в.). М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 499—534 (стр. 502—507, 525—534 написаны В. Д. Кузьминой).

Совместно с А. В. Крестовой.

Русское искусство. — Там же, стр. 534—538.

Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского. (Родился 19 апреля 1863 г., умер 12 апреля 1938 г.). — В кн.: ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 594—612.

1957

Критико-библиографический обзор статей и заметок по истории древнерусской литературы в журнале «Revue des études slaves» (1932—1955). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1957, стр. 629—634.

[Рец.]: Два издания «Артаксерксова действия». — Вопросы литературы, М., 1957, № 9, стр. 219—223.

[Рец.]: Книга по истории древней русской литературы. (Ю. Сазонова. История русской литературы. Древний период, тт. I—II. Нью-Йорк, 1955). — Вопросы литературы, М., 1957, № 2, стр. 220—223.

1958

Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записках» (1950—1957 гг., тт. 1—7). — История СССР, М., 1958, № 1, стр. 202—213.

В соавторстве с А. Л. Хорошкевич.

Источник повести о царевне Персике. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 449—452.

Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния». — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 73—77.

Русский демократический театр XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1958, 207 стр. Французский рыцарский роман на Руси, Украине и Белоруссии. («Бова» и «Петр Златые Ключи»). — В кн.: Славянская филология. Сб. статей, т. II. М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 355—396.

1959

Научная командировка в Чехословакию (20 мая—8 июня 1958 г.). — ИЮЛЯ, М., 1959, т. XVIII, вып. 2, стр. 186—190.

Сведения об арабах и арабской культуре в Палестине в начале XII в. по «Хоже-нию» игумена Даниила. (Из истории русско-арабских связей). — Вестник мировой культуры, М., 1959, № 6, стр. 82—87.

[Рец.]: В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., АН СССР, 1956. — Slavia. Praha, 1959, Ročník XXVIII Sešit 1, стр. 81—85.

[Рец.]: И. Н. Кобленц. Андрей Иванович Богданов, 1692—1766. Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М., АН СССР, 1958. — История СССР, М., 1959, № 5, стр. 173—174.

1960

Местные театры. — В кн.: Очерки истории русского советского драматического театра, т. II, 1935—1945. М., Изд. АН СССР, стр. 716—740.

Совместно с О. Н. Олдор.

М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Предисловие, подготовка к печати, редакция и примечания В. Д. Кузьминой. М., Учпедгиз, 1960, 236 стр.

Три музея Праги. — В кн.: По музеям зарубежных стран. Сб. статей. М., 1960, стр. 50—64.

Чествование Арсения Николаевича Насонова. — В кн.: Археографический ежегодник за 1959 г. М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 357—359.

1961

Двенадцать лет из жизни Я. Б. Княжина (по неизданным письмам Г. Гоголю 1779—1790 гг.). Вводная статья Л. В. Крестовой. Примечания В. Д. Кузьминой. Подготовка текста, перевод и археографическое введение К. А. Майковой. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 24. М., 1961, стр. 259—351.

Комментарий к 96 письмам.

Изучение связей древнерусской литературы с литературами других народов. — В кн.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. Материалы дискуссии 11—15 января 1960 года. М., Изд. АН СССР, 1961, стр. 398—401.

Русская сказка о Бове-королевиче в лубочных изданиях XVIII—нач. XX века. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Отв. ред. В. Д. Кузьмина, М., Изд. АН СССР, 1961, стр. 148—192.

«Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения. Под ред. В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., Гослитиздат, 1961, стр. 364.

Подготовка текстов переводов XIX—начала XX в. и примечания к ним В. Д. Кузьминой.

1962

Девгениево деяние. («Деяние прежних времен храбрых человек»). М., Изд. АН СССР, 1962, 256 стр.

Проблемы изучения переводной литературы древней Руси. — В кн.: ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 13—20.

Русский перевод польского текста «Истории о Магелоне» (Повесть о Петре Златые Ключи) в XVII веке. — В кн.: Всесоюзная конференция по славянской филологии 17—22 декабря 1962 г. в ЛГУ. Программа и тезисы докладов. Л., 1962, стр. 24—25.

Polska wersja «Historii o Magelonie», jej przekład ukraiński i rossyjski z XVII wieku. — Slavia orientalis. Warszawa, 1962, Rocznik XI, № 3, стр. 323—350.

[Рец.]: С. И. Василенок. Фольклор и литература Белоруссии периода феодализма (XIV—XVIII вв.). Изд. МГУ, 1961, 278 стр. (На белорус. яз.). — Вестник МГУ. Филология, журналистика. М., 1962, № 4, стр. 57—67.

1963

Г. И. Истомин и М. Н. Сперанский. Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370). Вводная заметка, примечания и подготовка к печати В. Д. Кузьминой. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 88—119.

Материалы к биографии М. Н. Сперанского. — В кн.: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 256—257.

Михаил Несторович Сперанский (19 апреля/1 мая 1863 г.—12 апреля 1938 г.). — В кн.: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 205—225.

М. Н. Сперанский как славист. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. (София, сентябрь, 1963). М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 125—152. Резюме на русск. яз. — В кн.: Славянска филология, т. VIII. Литературознание. Материали от V Международен конгрес на славистите. София, изд. Българска АН, 1966, стр. 77—79.

М. Н. Сперанский. Сербские школьные вирши (из истории русско-украинско-сербских связей в начале XVIII в.). Подготовка к печати, редактирование и вводная заметка В. Д. Кузьминой. — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., Изд. АН СССР, 1963, стр. 404—413.

М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. Предисловие, подготовка к печати, редакция и примечания В. Д. Кузьминой. М., Изд. АН СССР, 1963, 268 стр.

Советские сказки о Бове-королевиче. — ИЮЛЯ. М., 1963, т. XXII, вып. 3, стр. 217—227.

Театр. — В кн.: История европейского искусствознания от античности до конца XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 369—373.

Русский театр XVII в.

Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского. — В кн.: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 226—255.

[Ред.]: И. Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. Отв. ред. В. Д. Кузьмина. М., Изд. АН СССР, 1963, 416 стр.

1964

Изучение преемственных связей древнерусской литературы с литературой и устным народным творчеством нового времени. — В кн.: ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., изд. «Наука», 1964, стр. 274—287.

Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., изд. «Наука», 1964, 355 стр.

[Ред.] С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII вв. М., изд. «Наука», 1964, 312 стр. — ИЮЛЯ. М., 1964, т. XXIII, вып. 5, стр. 438—440.

1966

[Выступления по докладам И. Матля, П. Н. Динекова, г-жи Хеммердинг, К. Гюнтера]. — В кн.: Славянская филология, т. VIII. Литературознание. Материалы от V Международного конгресса на славистике. София, Изд. Българска АН, 1966, с. 17—18, 69, 82, 84.

Мог ли архимандрит Иоиль написать «Слово о полку Игореве». — ИЮЛЯ. М., 1966, т. XXV, вып. 3, стр. 197—207.

От редактора. — В кн.: И. Бадалич. Русские писатели в Югославии. Из истории русско-югославских литературных связей. Перевод с хорватского. Ред. В. Д. Кузьмина. М., изд. «Прогресс», 1966, стр. 5—19.

1967

Древнерусская литература в некоторых трудах по истории всемирной литературы. — В кн.: Современные буржуазные концепции истории всемирной литературы. М., изд. «Наука», 1967, стр. 81—91.

Иоиль Быковский — проповедник, издатель «Истинны» и первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве». — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., изд. «Наука», 1967, стр. 25—48.

Совместно с Л. В. Крестовой.

М. Н. Сперанский. Перевод «Слова о полку Игореве» в бумагах А. Ф. Малиновского. (Подготовка к печати и вводная статья В. Д. Кузьминой). — Там же, стр. 17—24.

Старые мысли, устаревшие методы. (Ответ А. Зимину). — Вопросы литературы, М., 1967, № 3, стр. 161—167.

Ред.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». Ред. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.—Л., изд. «Наука», 1966, 620 стр. — ИЮЛЯ. М., 1967, т. XXVI, вып. 2, стр. 172—174.

1968

Барокко и классицизм в русской литературе первой трети XVIII века — Československá rusistika, Praha, 1968, Ročník XIII, číslo 1, s. 15—18.

Бой Бовы с Подканом на муравленых изразцах. (Из истории белорусско-русских связей в первой половине XVII в.). — В кн.: ТОДРА, т. XXIII. Л., изд. «Наука», 1968, стр. 253—260.

* Варвара Павловна Адрианова-Перетц. К 80-летию со дня рождения. — ИЮЛЯ. М., 1968, т. XXVIII, вып. 2, стр. 174—176.

Вопросы сравнительно-исторического изучения сюжета в восточнославянской и южнославянской литературной и устной традиции. (Невинногонимая безрукая падчерица). — В кн.: Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. М., изд. «Наука», 1968, стр. 166—186.

[Выступление по докладу О. А. Державиной]. — В кн.: Славянская филология, т. IX. Литературно-лингвистични проблеми. Народно творчество. Историко-филологически проблеми. Материали от V Международен конгрес на славистите. София, изд. Българска АН, 1968, с. 53—54.

Он все умел делать хорошо и от души. — В кн.: Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., изд. МГУ, 1968, стр. 41—43.

Памятники русской школьной драмы XVIII в. (по Загребским спискам). М., изд. «Наука», 1968. 304 стр.

Совместно с И. М. Бадаличем.

[Рец.]: Ант. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха. Исторический роман. М., изд. «Советский писатель», 1966. — Новый мир, М., 1968, № 2, стр. 287 (коротко о книгах).

1969

Из истории хорватско-русских литературных связей в XVI—XVII столетиях (русские редакции повести о Бове и хорватский текст «Королевичей Франции»). — ТОДРА, т. XXIV. М.—Л., изд. «Наука», 1969, стр. 180—182.

1970

Задачи изучения связей древнерусской литературы с русской литературой нового времени. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., изд. «Наука», 1970, стр. 95—100.

Старопольские и русские интермедии. К вопросу об их сравнительно-историческом изучении. — В кн.: Польско-русские литературные связи. М., изд. «Наука», 1970, стр. 29—55.

Литература о научной деятельности В. Д. Кузьминой

* Державина О. А., Робинсон А. Н. Заседание группы древнерусской литературы. — ИЮЛЯ. М., 1965, № 1, стр. 102—103.

О докладе В. Д. Кузьминой «Вопросы барокко и русской литературы XVII—XVIII вв.».

Адрианова-Перетц В. П. В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., изд. «Наука», 1964. 355 стр. — Вопросы литературы, М., 1964, № 10, стр. 230—232.

Рецензия.

Памяти Веры Дмитриевны Кузьминой. — В кн.: И. М. Бадалич и В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII века (по загребским спискам). М., изд. «Наука», 1968, стр. 302—303.

Адрианова-Перетц В. Памяти Веры Дмитриевны Кузьминой. (1908—1968). — ИЮЛЯ. М., 1969, т. XXVIII, вып. 4, стр. 388—390.

Адрианова-Перетц В. П. Вера Дмитриевна Кузьмина. (7.III.1908—6.XII.1968). (Некролог). — В кн.: ТОДРА, т. XXV, М.—Л., изд. «Наука», 1970, стр. 355—356.

Робинсон А. Н. Памяти В. Д. Кузьминой. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., изд. «Наука», 1971, стр. 11—18.

Пушкарев Л. Н. В. Д. Кузьмина как исследовательница судеб переводного романа и повестей древней Руси. — Там же, стр. 397—401.

ХРОНИКА

Н. В. Шарлемань

(НЕКРОЛОГ)

29 апреля 1970 г. на 84-м году жизни скончался Николай Васильевич Шарлемань, профессор, доктор биологических наук, один из создателей Зоологического музея Академии наук СССР, ученый, много сделавший по организации охраны природы на Украине. Однако специалистам по древнерусской литературе Н. В. Шарлемань хорошо известен как автор работ по «Слову о полку Игореве», большинство которых увидело свет на страницах «Трудов Отдела древнерусской литературы».

Н. В. Шарлемань родился 24 января (5 февраля) 1887 в городе Кременчуге. Предки Н. В. Шарлеманя эмигрировали в Россию из Франции при Екатерине II. Из этой семьи происходит несколько поколений известных русских художников-баталистов Шарлеманей. С 1896 по 1905 г. Н. В. Шарлемань учился в Киевском реальном училище, но не мог закончить его, так как за участие в революционных событиях 1905 г. был исключен из училища и не допущен к выпускным экзаменам. С 1906 по 1910 г. Н. В. Шарлемань прослушал курс агрономического отделения Киевского политехнического института в качестве вольнослушателя. Пройдя в 1912—1914 гг. курс и практический стаж практиканта Департамента земледелия, Н. В. Шарлемань получил звание младшего специалиста Департамента земледелия по прикладной зоологии. Вся дальнейшая научная и практическая деятельность Н. В. Шарлеманя протекала в различных научно-исследовательских и педагогических биологических учреждениях Киева.

В течение своей шестидесятилетней научной и практической деятельности Н. В. Шарлемань опубликовал более 300 печатных работ. В списке трудов ученого мы встречаем статьи по систематике, экологии, биологии животного мира Украины, статьи по вопросам защиты природы, по охотоведению. Часто Н. В. Шарлемань выступал с популярными статьями и брошюрами по природоведению, по охране природы, по вопросам краеведения. И в этом обширном научном наследии ученого весьма скромное место по количеству единиц занимают статьи по «Слову о полку Игореве». Но в настоящее время ни одно комментированное издание «Слова», ни одно исследование, в котором обращается внимание на реалии памятника, не может обойтись без ссылок на труды Н. В. Шарлеманя, посвященные «Слову». Для медиевистов Н. В. Шарлемань известный и признанный специалист по «Слову о полку Игореве».

Интерес Н. В. Шарлеманя, биолога, профессора зоологии, к «Слову о полку Игореве» не случаен. Этот интерес — не досуг ученого-эрудита, отвлекающегося от своей основной темы, а столь же серьезный и глубокий научный труд. С самого начала научной деятельности Н. В. Шарлеманя заметное место в его трудах занимают вопросы зоогеографии, истории природы, краеведение. И сочетание обширных и глубоких зна-

ний специалиста биолога с отличным знанием и пониманием истории Киевской Руси, с осведомленностью краеведа киевлянина в массе незаметных, но существенно важных мелочей позволило исследователю по-новому взглянуть на многие отрывки «Слова о полку Игореве» и найти убедительные объяснения для целого ряда недостаточно ясных мест «Слова», дать новое истолкование образам произведения, ранее не привлекавших к себе внимания. Как отметил сам Н. В. Шарлемань в одной из своих первых работ по «Слову», он рассматривает «естественно-исторические элементы» памятника «для объяснения некоторых его поэтических образов и темных мест».

Н. В. Шарлемань.

Н. В. Шарлемань крупный специалист в своей области науки, он биолог-профессионал и поэтому его суждения, его обоснования тех или иных толкований природоведческих описаний «Слова» подкреплены убедительной научной аргументацией, и читатель трудов Н. В. Шарлеманя не может ему не верить.

Описания природы в «Слове», характеристики, даваемые автором «Слова» птицам, зверям, употребляемая им терминология, как убедительно показывает в своих исследованиях Н. В. Шарлемань, свидетельствуют о тонком восприятии автором «Слова» природы, о глубоком понимании и знании им окружающей его действительности. Каждое из определений «Слова», даваемое повадкам сокола, характеристики соколиного полета находят подтверждение в современной охотничьей терминологии, соответствуют орнитологическим представлениям об этой птице. Такого рода наблюдения, подтверждаемые убедительными данными, делают высказывание о том, что автор «Слова» сам был охотником, знатком соколиной охоты, не голословным утверждением, а убедительным фактом.

Картина бегства Игоря из плена наполнена яркими поэтическими образами. Но без преувеличения можно сказать, что только после работ Шарлеманя эти образы приобрели особо глубокий смысл, стали более содержательными. За краткой фразой «Слова» «дятлове тектомъ путь к рѣцѣ кажутъ» после истолкования ее Н. В. Шарлеманем встала яркая картина природы. В степи деревья растут только в балках — долинах речек. Издали реки не видно, не видно и деревьев, растущих по берегам в ложбине, но стук, издаваемый дятлами, слышен очень далеко и по этому стучу Игорь находил путь к воде, к зарослям, в которых можно укрыться. Много споров и различных толкований вызывала фраза «Слова» «Тогда враны не граахуть, галицы помлъкоша, сороки не трокоташа, полозию ползоша только». Н. В. Шарлемань привел многочисленные данные, свидетельствующие о том, что в XII в. в южнорусских степях водилось огромное количество полозов и именно этих змей имел в виду автор «Слова» в приведенной фразе. На возражения (в частности, автора этого некролога) против такого толкования, которые основывались на том, что упоминание змей в ряду птиц якобы нарушает поэтическую целостность образа, Н. В. Шарлемань привел убедительнейшую параллель из М. Ю. Лермонтова:

Хотя бы крикнул коростель
Иль стрекозы живая трель
Послышалась! Или ручья
Ребячий лепет!.. — Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя...
.....
Скользила бережно...

«Замечательно, — писал Н. В. Шарлемань, — что два гениальных русских поэта — XII и XIX столетий — нашли аналогичные образы для изображения тишины в природе, тишины, благоприятной для героев».

Мы не знаем, сколько времени пробыл Игорь в плену и когда он бежал из половецкого плена: источники не сообщают этого. Считалось, что событие это совершилось осенью того же года, когда произошло сражение, т. е. осенью 1185 г. Основываясь на фенологических данных той части произведения, которая рассказывает о бегстве Игоря из плена, Н. В. Шарлемань приходит к выводу, что это случилось весной или в самом начале лета, т. е. через год после пленения Игоря. О весне, начале лета, говорят разнообразные приметы самого текста «Слова»: «идут сморци мъглами» — смерчи бывают только в это время; «труся ... студеную росу» — обильная холодная роса по утрам также примета поздней весны — начала лета; «одѣвавшу его теплыми мъглами» — теплые вечерние туманы не бывают осенью, и т. д. В условиях степи бегство должно было происходить именно весной, в начале лета: в это время наиболее благоприятны погодные условия, легче прокормиться. Так знание и опыт природоведа помогают раскрыть реальный подтекст «Слова», дают в руки исследователя убедительные факты, помогающие уточнить исторические данные. С новой стороны вместе с тем предстает и само «Слово о полку Игореве». Как отмечает Н. В. Шарлемань, «„Слово“ не только гениальное литературное произведение, но и своеобразный источник по краеведению. Кроме точной номенклатуры и терминологии, в нем легко обнаружить точные биогеографические и фенологические элементы, полностью отвечающие действительности, т. е. условиям места и времени года».

Помимо реальных объяснений картин природы, помимо наблюдений над природоведческой терминологией памятника, кроме естественнона-

учных сведений об упоминаемых в произведении птицах и зверях, значительный интерес представляют собранные Н. В. Шарлеманем данные о символическом значении того или иного поэтического образа «Слова».

Подробно рассмотрев вопрос об употреблении тиса как дерева, из которого изготовлялись самые различные изделия, чем подтверждается реальность слов Ярослава «одѣвахъте мя чрѣною паполомою на кровати тисовѣ», Н. В. Шарлемань сообщает данные, свидетельствующие о том, что образ этот мог иметь и символическое значение: тисовая кровать — смертное ложе. Н. А. Мещерский привел ряд интересных соображений, говорящих, что выражение «бебряный рукав» можно понимать, как рукав из шелка. Но не менее интересны и убедительны доводы Н. В. Шарлеманя в пользу традиционного толкования этого выражения «Слова» как рукав с бобровой опушкой. Помимо данных, свидетельствующих о реальности такого толкования, исследователь сообщил факты, которые говорят о символическом значении этого образа в «Слове». Занимаясь изучением бобров в 20-х годах на р. Тетерев близ Киева, Н. В. Шарлемань слышал от охотников, что смоченная в воде шкурка бобра хорошо останавливает кровь. Н. В. Шарлемань ссылается на сведения такого же рода, сообщаемые в исследовании о бобрах В. Н. Скалона (Речные бобры Северной Азии. М., 1951) и напоминает, что у многих народов существовала вера в целебное и магическое свойство шкуры бобра. Тем самым фраза из плача Ярославны «омочю бебрянь рукавъ въ Каляѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны» наполняется особым смыслом и содержанием.

Работы Н. В. Шарлеманя по «Слову» посвящены преимущественно комментированию, раскрытию сущности изображений природы в памятнике; но есть несколько статей и иного характера. Эти статьи отражают краеведческие интересы ученого. Оригинальны и убедительны предположения Н. В. Шарлеманя о «Плеснске» и «Кисановой дебри». Он приводит ряд соображений, благодаря которым эти места, упоминаемые в сне Святослава, связываются с конкретными топографическими пунктами Киева. Столь же интересна гипотеза Н. В. Шарлеманя о том, что Путивль, о котором говорится во фразах «Слова» «трубы трубить въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ» и «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ», это — Путивск: пригород Новгорода-Северского.

Работы Н. В. Шарлеманя по «Слову», помимо того, что они дают новые интересные объяснения целому ряду образов, выражений, терминов «Слова», ценны и в том отношении, что они развенчивают, убедительно опровергают существующие в литературе по «Слову» многочисленные домыслы. Рассматривая, например, фразу «бебрянь рукавъ», Н. В. Шарлемань, в частности, замечает: «А. Югов, сохранив определение „бебрян“ в переводе, в „Обосновании перевода“, однако, пишет: „Как бы омочив рукав «тигровый» (ибо «бобр — бобр» — не бобр, а царственный тигр — и Вл. Даль даже зло издевается над этим смещением)“. Но переводчику следовало бы учесть, — продолжает Н. В. Шарлемань, — что толстой, как у быка, покрытой жесткой шерстью тигровой шкурой никто не вздумал бы обшивать рукава женской одежды, да еще в стране, славившейся обилием бобров. Что же касается „бобра — бобра“, то этими словами называют курды и туркмены тигра, русские охотники — тигра и леопарда, но не в Киевской Руси в XII в., а в Восточной Сибири в XIX в.». Подобного рода критические уточнения по поводу дилетантских толкований текста «Слова» встречаются во многих статьях Н. В. Шарлеманя.

Из исследований Н. В. Шарлеманя со всей очевидностью вытекает, что автор «Слова», описывая те или иные явления природы, характеризуя какие-то обычаи и повадки птиц и животных, употребляя охотничью терминологию, делал это как человек, видевший все своими глазами, как человек, исключительно близкий к природе. Ряд особенностей, тонкостей в этих характеристиках свидетельствуют о том, что в них отразились зоогеографические представления именно Киевской Руси. И в этом отношении труды Н. В. Шарлеманя являются убедительным аргументом в подтверждение древности, подлинности «Слова о полку Игореве».

Нельзя, наконец, не сказать и еще об одной стороне статей Н. В. Шарлеманя. Кроме того, что его исследования уточняют наше понимание «Слова о полку Игореве», раскрывают новые стороны произведения, углубляют наше представление о памятнике, они дают возможность читателю почувствовать за метафорами, сравнениями «Слова» реальные, живые картины природы. «Слово» начинает представлять перед читателями не только как памятник старины, но как произведение, тесно связанное с жизнью, с действительностью. И в этом отношении статьи Н. В. Шарлеманя представляют большой интерес не только для специалистов, но и для самого широкого круга читателей.

Киевские друзья и ученики Н. В. Шарлеманя предполагают издать отдельной книгой сборник его трудов по «Слову», дополнив ранее печатавшиеся работы двумя еще не публиковавшимися статьями «„Див“ в „Слове о полку Игореве“» и «Попытка раскрытия анонима автора „Слова о полку Игореве“». Можно только приветствовать такое издание и надеяться, что оно скоро выйдет в свет. Книга статей Н. В. Шарлеманя по «Слову о полку Игореве» будет нужной и полезной и исследователям «Слова», и переводчикам, и всем, кто интересуется прошлым нашей родины.

Список статей Н. В. Шарлеманя по «Слову о полку Игореве»

«Слово о полку Игореве» з погляду природознавця. — Вісті Акад. наук УРСР, Київ, 1940, № 2, стр. 52—55.

Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 111—124.

«Дебрь Кисаню» — «дебрь Киянь». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 209—211.

Природа в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 212—217.

Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 53—67.

Из комментариев к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 225—228.

Заметки к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 7—12.

Заметка к тексту «Растькшется мыслию по древу» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 41—42.

По Днепру со «Словом о полку Игореве». — «Советская Украина», № 1, Киев, 1958, стр. 137—142.

Соловьи в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 80—81

Сергей Парамонов о «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 611—616.

Где был Путивль, упоминаемый в «Слове о полку Игореве»? — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 327—328.

Кілька реальних коментарів до «Слова о полку Игоревім». — Радянське літературознавство, Київ, 1965, № 12, стр. 69—72.

Далекій прародич кобзи. — Газ. «Літературна Україна», 1967, № 64 (2440), 11 липня, стр. 3.

Л. А. Дмитриев.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I. Издания и учреждения

- ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Брике — С. М. Briquet. Les filligranes. Paris, 1907.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минеи четии, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
 ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 Клепиков, Филигр. — С. А. Клепиков. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959.
 и штемп. — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 КСИИМК — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
 ЛГУ — Летопись занятий Археографической комиссии.
 ЛЗАК — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Бум. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных мельн. —
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 МДА — Московская духовная академия.
 Н1Л, Н2Л, Н3Л — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 Н4Л, Н5Л
 ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ПВЛ — Повесть временных лет.
 ПДП — Памятники древней письменности.
 ПДПИ — Памятник древней письменности и искусства.
 П1Л, П2Л, П3Л — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 ПСРА — Полное собрание русских летописей.

РИБ	— Русская историческая библиотека.
РЛ	— Русская литература.
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров.
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
С1А, С2А	— Софийские первая и вторая летописи.
Срезневский, Материалы	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
ТОДРА	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.
Тромонин	— К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЧОИДР	— Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЧОЛДП	— Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

II. Собрания

Арханг.	— БАН, Архангельское собрание.
Архив.	— ЦГАДА, собрание Главного архива Министерства иностранных дел.
Барс.	— ГИМ, собрание Барсова Е. В.
Больш.	— ГБЛ, собрание Большакова Т. Р.
Вол.	— ГИМ, собрание Волоколамского монастыря.
Егор.	— ГБЛ, собрание Егорова Е. Е.
Костромск.	— ГБЛ, Костромское собрание.
Мазур.	— ЦГАДА, собрание Мазурина Ф. Ф.
МДА.	— ГБЛ, собрание Московской духовной академии.
Муз.	— ГБЛ, ГИМ Музейные собрания.
Никиф.	— ГБЛ, собрание Никифорова П. Н.
Овчинн.	— ГБЛ, собрание Овчинникова А. Н.
Погод.	— ГПБ, собрание Погодина Н. П.
Прянишн.	— ГБЛ, собрание Прянишникова Г. М.
Рум.	— ГБЛ, собрание Румянцева Н. П.
Син.	— ГИМ, Синодальное собрание.
Соф.	— ГПБ, Софийское собрание.
Тихонр.	— ГБЛ, собрание Тихонровова Н. С.
Троицк.	— ГБЛ, собрание Троице-Сергиевой лавры.
Увар.	— ГИМ, собрание Уварова А. С.
Унд.	— ГБЛ, собрание Ундольского В. М.
Фад.	— ГБЛ, собрание Фадеева И. М.
Хлуд.	— ГИМ, собрание Хлудова А. И.
Чертк.	— ГИМ, собрание Черткова В. Д.
Чудов.	— ГИМ, собрание Чудовского монастыря.
Щук.	— ГИМ, собрание Щукина П. П.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Д. С. Лихачев</i> (Ленинград). Предисловие: Русская культура нового времени и древняя Русь	3
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ	
<i>В. П. Адрианова-Перетц</i> (Ленинград). Библейские афоризмы и русские пословицы	8
<i>М. Рааб</i> (Росток). Образ древнерусского человека в поэзии пушкинского времени	13
<i>А. М. Панченко, И. П. Смирнов</i> (Ленинград). Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в.	33
<i>Л. А. Дмитриев</i> (Ленинград). Исторический эпизод XVI столетия в устном предании нового времени (беломорский рассказ о сватовстве Ивана Грозного)	50
<i>М. Д. Казан-Тарковская</i> (Ленинград). «Титулярник» как переходная форма от исторического сочинения XVII в. к историографии XVIII в.	54
<i>О. В. Творогов</i> (Ленинград). Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г.	64
<i>Ю. К. Бегунов</i> (Ленинград). Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском	72
<i>Р. Б. Тарковский</i> (Ленинград). Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова	85
<i>Г. Н. Моисеева</i> (Ленинград). Отрывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г. Ф. Миллером	93
<i>Г. Н. Моисеева</i> (Ленинград). Пергаменный Синодик Государственного исторического музея в издании Н. И. Новикова	100
— <i>М. Г. Альтшуллер</i> (Ленинград). «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова»	109
— <i>Ф. Я. Прийма</i> (Ленинград). «Слово о полку Игореве» в творчестве С. Н. Глинки	123
<i>Ю. Д. Левин</i> (Ленинград). Поэма В. К. Кюхельбекера на сюжет «Повести о Тверском Отроче монастыре» («Юрий и Ксения»)	128
<i>В. Е. Вегловская</i> (Ленинград). Символика чисел в «Братьях Карамазовых»	139
<i>Е. К. Пиотровская</i> (Ленинград). Пометы Н. А. Некрасова на книге «Игорь, князь Северский»	151
<i>Р. П. Дмитриева</i> (Ленинград). «Повесть о Петре и Февронии» в пересказе А. М. Ремизова	155
СООБЩЕНИЯ	
<i>Э. Г. Зыков</i> (Петрозаводск). Судьба «Азбучной молитвы» в древнерусской письменности	177
<i>Р. Матгесен</i> (Провиденс). Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха	192
<i>А. Е. Супрун</i> (Минск), <i>А. А. Брудный</i> (Фрунзе). «Объсися снѣ мѣгль»	202
<i>Т. А. Сидорова</i> (Москва). Волотовская фреска «Премудрость созда себе дом» и ее отношение к новгородской ереси стригольников в XIV в.	212
<i>Ф. Визzell</i> (Лондон). Цитаты из книг священного писания в сочинениях Епифания Премудрого	232
<i>Б. М. Клосс</i> (Москва). О времени создания русского Хронографа	244
<i>Н. А. Казакова</i> (Ленинград). К изучению «Сказания о граде Египте»	256
<i>Н. В. Сеницына</i> (Москва). Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека (К постановке вопроса)	259
<i>А. С. Демин</i> (Москва). Послесловие к первопечатному Апостолу Ивана Федорова 1564 г. как литературный памятник	267

	Стр.
<i>В. Н. Сергеев</i> (Москва). Духовный стих «Плач Адама» на иконе	280
<i>Е. Н. Клитина</i> (Загорск). Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря	287
<i>И. Ф. Голубев</i> (Калинин). Встреча Симеона Полоцкого, Елифания Славинского и Паисия Лигариды с Николаем Спафарием и их беседа	294
<i>О. А. Белоброва</i> (Ленинград). Чудо 1701 г. с колоколами Троице-Сергиева монастыря	302

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

<i>В. И. Мальшев</i> . Сочинения протопопа Аввакума в собрании Пушкинского дома АН СССР	312
<i>В. П. Гребенюк</i> (Москва), <i>М. В. Рождественская</i> (Ленинград). Отчет об археографической экспедиции на поморский берег Белого моря в июле 1969 г.	316
<i>Н. С. Демкова</i> , <i>Л. И. Сазонова</i> (Ленинград). Отчет о пинежской экспедиции 1969 г.	322
<i>Л. Н. Пушкарев</i> (Москва). Обзор коллекций рукописных книг собрания ЦГАЛИ в ЦГАДА (Слова, проповеди и поучения)	329
<i>Е. И. Дергачева-Скоп</i> (Новосибирск). Старинные рукописные книги в хранилищах Свердловска	338
<i>Е. К. Ромодановская</i> (Новосибирск). Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета	344
<i>А. И. Мазунин</i> (Ленинабад). Рукописные и старопечатные книги Государственной библиотеки имени Алишера Навои в Ташкенте	349
<i>М. Б. Виднэс</i> (Хельсинки). Неизвестный отрывок псалтыри из Вестероса в Швеции	352
<i>К. Давидссон</i> (Упсала). О двух шведских списках родословной книги	357

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Л. Н. Пушкарев</i> (Москва). <i>В. Д. Кузьмина</i> как исследовательница связей древнерусской литературы с культурой нового времени	363
<i>О. А. Державина</i> (Москва), <i>Н. Ф. Дробленкова</i> (Ленинград). Хронологический список трудов Веры Дмитриевны Кузьминой	368

ХРОНИКА

<i>Н. В. Шарлемань</i> (Некролог)	374
Список сокращений	379